

Л/М 32

А К А Д Е М И Я Н А У К С С С Р
ИНСТИТУТ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ (ПУШКИНСКИЙ ДОМ)

ТРУДЫ ОТДЕЛА
ДРЕВНЕРУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

XXXIII

ДРЕВНЕРУССКИЕ
ЛИТЕРАТУРНЫЕ
ПАМЯТНИКИ

ЛЕНИНГРАД
«Н А У К А»
ЛЕНИНГРАДСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
1979

Редколлегия:

Н. Ф. Дробленкова, Д. С. Лихачев (ответственный редактор),
Г. М. Прохоров

ИССЛЕДОВАНИЯ

О. В. ТВОРОГОВ

Античные мифы в древнерусской литературе XI—XVI вв.

Мотив неприятия и осуждения «еллинской прелести», «баснословия», «поганских богов» проходит через всю историю древнерусской литературы. Тем не менее наряду с этими обличениями и осуждающими декларациями мы время от времени встречаемся с упоминаниями в древнерусских памятниках греческих или римских языческих богов и героев или с изложением античных мифов. Подавляющее большинство этих памятников — переводные или составленные на основе переводных источников, но они входили в читательский репертуар древнерусских книжников, и мы вправе поэтому поставить вопрос о знакомстве древнерусской литературы с античной мифологией.

Однако с самого начала необходимо отметить, что не может быть даже отдаленного сравнения разностороннего и активного влияния, которое античная языческая культура (и в частности мифология) имела на византийскую литературу, с теми отрывочными сведениями, которыми располагала литература Древней Руси.

Античная мифология, несмотря на различное отношение к ней разных деятелей христианской культуры и идеологии, почти на всем протяжении истории византийской культуры оставалась ее «неизбежным» компонентом: античные храмы и статуи продолжали существовать на площадях и улицах византийских городов или в некогда заповедных рощах святых, хотя и уничтожались то там, то здесь христианами-фанатиками; античные мифы не просто излагались в памятниках классической и эллинистической литературы, написанных на родном языке большинства граждан империи (именовавших себя, однако, вопреки этнической природе «ромеями»), — они в значительной мере составляли ее содержание, а боги и герои не только упоминались в аллегорических образах или стилистических фигурах, но являлись нередко основными персонажами поэтических, прозаических или драматических произведений. На этих произведениях — в той или иной степени отбираемых и допускаемых, особенно со времени решительного идеологического наступления христианства, — учились читать мальчики и совершенствовали свои познания в философии, истории или филологии юноши и мужи; в Афинской Академии, просуществовавшей до 529 г., преподавали бок о бок языческие и христианские профессора, а у одного и того же наставника учились и император Юлиан, попытавшийся возродить умиравшее язычество, и Григорий Назианзин. Примеры подобного тесного переплетения христианской и языческой культур в Византии можно без труда продолжить.¹

¹ См.: Л. А. Фрейберг. Античное литературное наследие в византийскую эпоху. — В кн.: Античность и Византия. М., 1975.

Иначе обстояло дело на Руси. Во-первых, древнерусская литература не знала в переводе ни одного памятника древнегреческой литературы (я не касаюсь фрагментов из сочинений философов античности), она до-вольствовалась лишь переводами произведений византийских авторов, в той или иной степени отражавших сюжеты античной мифологии, либо переводами памятников средневековья на сюжеты античных мифов (впрочем, это касается только сюжета троянского эпоса). Во-вторых, особенно важно подчеркнуть, что, рассуждая о знакомстве Древней Руси с античной мифологией, ни в коей мере нельзя подходить к вопросу упрощенно, ставя знак равенства между теми памятниками, которые были лишь известны на Руси, и теми, которые активно участвовали в литературном процессе. Так, Хроника Иоанна Малалы действительно содержала пересказ многих античных мифов и действительно была известна какой-то части древнерусских книжников, но распространение получил не полный текст Хроники, а весьма скудные выдержки из него в составе русских хронографических компиляций.

Задача настоящей статьи — суммировать и уточнить факты знакомства древнерусской литературы с античной мифологией, причем не на уровне широких обобщений, а на уровне исследования реальной истории реальных памятников.

Предлагаемые далее сведения, думается, окажутся не бесполезными уже потому, что исследователи, обращавшиеся к теме античного наследия в древнерусской литературе, интересовались по преимуществу отражением в ней философских, этических и эстетических воззрений античных авторов и меньше внимания уделяли более узкому вопросу о знакомстве Древней Руси с античной мифологией.² Что же касается попытки систематического обзора античного влияния в древнерусской культуре, принадлежащей С. И. Радцигу, то этот исследователь — крупный специалист по древнегреческой литературе — собственно русский материал заимствовал, как правило, из вторых рук, не всегда критично воспринял и передал с досадными неточностями.³

* * *

Круг источников, из которых древнерусский книжник мог почерпнуть сведения об античной мифологии, был весьма ограничен: это византийские хроники, романы об Александре Македонском (Хронографическая и Сербская Александрии), произведения о Троянской войне («Притча о кралах» и роман Гвидо де Колумна «История разрушения Трои»), слова Григория Богослова, а также сочинения Максима Грека, который хотя и отрекся, по его словам, от «гнилых басней и учений» своих «прародителей еллинех»,⁴ но сохранил в памяти сюжеты многих мифов и смог поведать их любознательным русским книжникам.

Древнейшими источниками сведений об античной мифологии явились переводы двух византийских Хроник — Хроники Георгия Амартола и Иоанна Малалы.

² См.: В. Н. Перетц. Сведения об античном мире в Древней Руси XI—XIV вв. — Гермес (Пг.), 1917, № 13—20; 1918, № 8—12; А. И. Клибанов. К проблеме античного наследия в памятниках древнерусской письменности. — ТОДРЛ, т. XIII. М.—Л., 1957. Я не упоминаю здесь работ, посвященных «Пчеле», в составе которой имеются изречения античных философов и писателей, а также работ искусствоведов о мифологических сюжетах в древнерусской архитектуре и прикладном искусстве.

³ С. И. Радциг. Античное влияние в древнерусской культуре. — В кн.: Вопросы классической филологии, III—IV. М., 1971.

⁴ См.: V. F. Ržiga. Незданные сочинения Максима Грека. — Byzantinoslavica, 1934/35, VI, S. 101.¹

Судя по тому что обе Хроники отразились в древнерусской хронографической компиляции («Хронографе по великому изложению»), использованной уже при составлении Начального свода — в 90-х гг. XI в., этим временем и можно датировать начало знакомства древнерусских книжников с античным язычеством.

В Хронике Георгия Амартола, составленной в IX в., продолженной в X в. и переведенной на Руси не позднее середины XI в.,⁵ античная мифология отразилась весьма скупо: единственный мифологический сюжет, упоминаемый в Хронике, — история рода Велона (Бела) и Агенора. Все персонажи здесь выступают как неопределенные «некие» (имеется в виду «некие люди»), а само повествование нужно хронисту лишь для того, чтобы сообщить об эпонимах Египта, Сирии, Киликии, города Тира и т. д.⁶

Наиболее полное перечисление античных богов (названы Зевс, Посейдон, Аполлон, Гефест, Гермес, Гера, Деметра, Дионис, Афина, Артемида и Афродита) мы встретим в том месте Хроники, где патетически осуждается языческая религия и ее культы.⁷ Амартол обвиняет язычников не только в том, что они «честь и славу божию» возложили «на небо, и на солнце, и на луну, и на звезды», что почитали как богов людей и даже животных, но и в том, что и сами божества, и связанные с ними культы аморальны и непристойны. Если раньше на Крите был почитаем Зевс, в Аркадии Гермес, а в Индии Дионис, то позднее в Египте по приказу императора Адриана язычники стали поклоняться обожествленному юноше Антиноону, с которым цесарь «блуд творяще и похоти». С языческими богами, продолжает Амартол, связаны всевозможные пороки: с Зевсом и Афродитой — прелюбодеяние, с Аресом — убийство, с Дионисом — пьянство. Это все не боги, но «грешные человецы», почитавшиеся древними за изобретение каких-либо предметов или ремесел: от Зевса пошли всякие «козны» (в греческом тексте τέχνη, т. е. «ремесло»). Посейдон положил начало мореплаванию, Гефест изобрел кузнечное ремесло, Асклепию принадлежит искусство врачевания, Аполлону — «песни мусикийские», Афина изобрела ткачество, Артемида научила охотиться, Гера — шить одежду, Деметра — возделывать землю. Но если всех их стали чтить как богов, продолжает Амартол, следует тут же упомянуть и других изобретателей ремесел и зачинателей наук — Гомера, Зенона, Коракса, Аристейя, Триптолема, Ликурга, Солона и Паламеда. Как видим, здесь в одном ряду выступают и исторические лица — мыслители и государственные деятели — и мифические персонажи.⁸

В других местах Хроники упоминания античных божеств еще более лаконичны и так же встречаются в контексте, осуждающем античные

⁵ О древнерусском переводе Хроники Амартола см.: В. М. Истрин. Хроника Георгия Амартола в древнем славяно-русском переводе. Текст, исследование и словарь, т. I—III. Пг.—Л., 1920—1930; Истоки русской беллетристики. Л., 1970, с. 108—117; О. В. Творогов. Древнерусские хронографы. Л., 1975, с. 9—13, 98—110.

⁶ В. М. Истрин. Хроника Георгия Амартола. . . , т. I, с. 36—37. Как известно, Хроника Георгия Амартола компилятивная; здесь мы говорим о позиции самого Георгия, не ставя вопрос об источниках, которые он в том или ином случае использовал или процитировал. Миф этот приводится в составе фрагмента из Еллинского летописца в приложении к статье. Еллинский летописец и Хроника Амартола в данном случае восходят к одному и тому же источнику — Хронике Иоанна Малалы.

⁷ Там же, с. 61—63.

⁸ Зенон Элейский — древнегреческий философ (V в. до н. э.); Коракс Сиракузский — мифический родоначальник риторики; Аристей — божество, покровитель земледельцев и пастухов, почитался как зачинатель виноградарства, оливководства и пчеловодства; Триптолем — мифический сын элевсинского царя, считавшийся изобретателем плуга; Ликург — легендарный спартанский законодатель; Паламеду приписывали изобретение букв и цифр.

культы. В целом Хроника Амартола не только очень мало сообщила древнерусскому читателю об античной мифологии, но скорее была способна — если усилия ортодоксального хрониста достигали своей цели — внушить ему неприязнь к верованиям и обычаям древних.

Однако древнерусский книжник одновременно с Хроникой Амартола (или несколькими годами позднее) познакомился с другой византийской Хроникой, которая, напротив, охотно и подробно рассуждала об античных мифах и легендах. Это была Хроника Иоанна Малалы, огреченного сирийца, составившего свой труд в середине VI в. н. э. Изложению мифов посвящены четыре из восемнадцати книг Хроники (первая, вторая, четвертая и пятая).⁹ Славянский перевод первых книг Хроники Малалы¹⁰ с самыми незначительными сокращениями вошел в состав хронографа, созданного в середине XIII в. (В. М. Истрин назвал его «Иудейским хронографом»), поэтому знакомство с Хроникой Малалы удобнее всего начать именно с этого хронографа.¹¹ Сам хронограф XIII в. до нас не дошел, но мы знаем о его составе по двум восходящим к нему хронографам XV—XVI вв. — Архивскому и Виленскому,¹² в которых сохранилась значительная часть текста славянского перевода Хроники Малалы.¹³

Первая книга Хроники Малалы повествует о том, как сын Адама Сиф «сотвори имена звездам» и назвал их Крон, Дья, Арея, Афродит и Ермин, в дальнейшем же в честь этих «преходных звезд» (т. е. планет) получили свои имена древние цари Крон, Арес, Ермий. Малала, как видим, следует традиции евгемеристов, представлявших античных богов как обожествленных невежественными и суеверными древними героями и властителей. Далее Малала со ссылкой на Библию сообщает, что от браков ангелов с земными женщинами родились гиганты (ср.: Бытие, VI, 1—4), которые были истреблены богом (!), — своеобразная интерпретация античного мифа о гигантомахии. Тут же приводятся рассуждения, как следует понимать именование гигантов «змиеподобными» — в прямом или переносном смысле, — попытка найти символическое или даже рациональное объяснение античным мифологическим представлениям. Далее Малала рассказывает о Кроне (Кроносе) — «человеке гигантского рода», его сыне Пике, «во имя переходной звезды» названном Зевсом, первом царе Ассирии. Крон отправляется в западные страны и там от жены Астунмии (в славянском переводе — Астрономей) рождает дочь, названную в честь звезды Афродитой. Затем повествуется о сыне Зевса Ермии (Гермесе) и о Иракле (Геракле), причем атрибуты героя — львиная

⁹ О трактовке античных мифов у Малалы см.: Л. А. Фрейберг. Античное литературное наследие. . . , с. 24—25.

¹⁰ См. о нем: З. В. Удалцова. Хроника Иоанна Малалы в Киевской Руси.— Археографический ежегодник за 1965 г. М., 1966, с. 47—58; Э. М. Шусторович. 1) Древнеславянский перевод Хроники Иоанна Малалы. (История изучения).— Византийский временник, т. 30. М., 1969, с. 136—152; 2) Об одном отрывке из древнеславянского перевода Хроники Иоанна Малалы.— Научные доклады высшей школы. Филологические науки, 1970, № 6, с. 105—110; А. А. Дерюгин. Вергилий в древнем славянском переводе Хроники Иоанна Малалы.— В кн.: Античность и Византия, с. 351—362.

¹¹ Описание его см.: В. М. Истрин. Александрия русских хронографов. М., 1893, с. 317—352.

¹² Архивским хронографом именуется рукопись ЦГАДА, собр. ГАМИД (ф. 181), № 279/685; Виленским — рукопись БАН ЛитССР, № 109/147.

¹³ В. М. Истрин издал текст славянского перевода Хроники Малалы, извлеченный им из Архивского (реже — Виленского) хронографов (кн. I, II, IV—X), Еллинского летописца (кн. XIII—XVIII) и Софийского хронографа (рукопись ГПБ, Софийское собр., № 1454), из последней рукописи изданы фрагменты из III, XI и XII книг Хроники.

шкура на плечах, палица и яблоки (добытые у Гесперид) ¹⁴ использованы у Малалы как символы добродетелей: львиная шкура — твердый ум, палица — мудрость, которой он подавляет «злые похоти», а три яблока — три добродетели: не быть гневным, ни златолюбцем, не прелюбодействовать. Заканчивается первая книга рассказом о царствовании Ираклия и Ермия в Египте и о преемнике Ермия — Феосте (Гефесте).¹⁵

Во второй книге Хроники Малалы ¹⁶ излагаются легенды о царствовании в Египте Гелиоса, сына Гефеста (в славянском переводе — Дажьд-бога, сына Сварога), и о Гермесе Тривеликом. Обе эти легенды, насколько мне известно, не соотносятся с классической мифологией. Затем излагаются мифы об Ио, возлюбленной Зевса, превращенной в телку, о ее потомках, и в частности о правнуках ее Ангеноре и Беле (Велосе), миф о Зевсе и Данае, миф о сыне Данаи Персее и о Горгоне, затем повествуется о сыне Агенора Кадме и его дочери Семеле, матери Диониса, и наконец миф об Эдипе. Эта подборка мифов, видимо, не случайна — все упоминаемые здесь герои относятся в конечном счете к роду Инаха (отца Ио).¹⁷

Третья книга Хроники Малалы, посвященная библейской истории, в состав Хронографа XIII в. не вошла.

Четвертая книга ¹⁸ содержит изложение мифов о первом афинском царе (I) Кекропсе, об Орфее, о походе аргонавтов, о Зевсе и Леде, о Белле-рофонте, о Миносе, Минотавре и Тезее (этот миф приводится в приложении к статье) и наконец миф о Федре и Ипполите.

Именно из этой книги в русские хронографы вошел фрагмент: «Въ лѣта же нареченыхъ строитель бѣ въ еллинѣхъ Промифеусъ и Епимифеусъ и Атласъ и панаписъ и Аргосъ,¹⁹ егоже и стоока нарицаху за ясноглядание его и быстроту, и Давъкалионъ, сынъ Елеона Пикова. Се же Аргосъ умысли хитрость въ западныхъ странахъ, Атласъ же сказа астроному, сего ради глаголетъ, якоже въ небо биеть, понеже небесное имать вь сердци своемъ. Промифеусъ же граматическую изобрѣте философию и древнихъ лѣтъ увѣдати случившася. Епимифеусъ же мусическую хитрость изобрѣте. Давъкалионъ же потопы мѣстныя списа, якоже Еусевие Памфилийскыя списа».²⁰ Фрагмент производит впечатление перечня мудрецов древности, тогда как в действительности здесь упоминаются титан Прометей, его брат Эпиметей, Атлант, согласно мифу державший на плечах небесный свод, Аргос Всевидящий, у которого глаза располагались по всему телу, и Девкалион — сын Прометея, легендарный царь Фтии,

¹⁴ «В эпоху поздней античности фигура Геракла с яблоками Гесперид в одной руке и палицей в другой становится излюбленным сюжетом в изобразительном искусстве» (В. Г. Борухович. Примечания. — В кн.: Аполлодор. Мифологическая библиотека. Л., 1972 (Литературные памятники), с. 154).

¹⁵ В. Истрин. Первая книга Хроники Иоанна Малалы. — Записки имп. Академии наук по историко-филологическому отделению, 1897, т. I, № 3, с. 1—29.

¹⁶ См.: В. М. Истрин. Хроника Иоанна Малалы в славянском переводе. — Летопись Историко-филологического общества при имп. Новороссийском университете, т. X. Византийско-славянский отдел, т. VII. Одесса, 1902 (отдельный оттиск — Одесса, 1903).

¹⁷ Приведение всех звеньев этой генеалогии заняло бы слишком много места; укажу лишь, что внучкой Бела была Гипермнестра (одна из Данаид), ее внуком — Акрисий, отец Данаи. Эдип же — праправнук Кадма, сына Агенора, правнука Ио.

¹⁸ См.: В. М. Истрин. Хроника Иоанна Малалы в славянском переводе. — Летопись Историко-филологического общества. . . , т. XIII. Византийско-славянский отдел, т. VIII. Одесса, 1905 (отдельный оттиск — Одесса, 1905).

¹⁹ Слово *πανόπτης* — «всевидящий», вероятно, было принято переводчиком за имя собственное. Об Аргосе см., например: Аполлодор. Мифологическая библиотека, II, 1, 2.

²⁰ В. М. Истрин. Хроника Иоанна Малалы в славянском переводе, книга четвертая, гл. III.

построивший ковчег, в котором вместе с женой своей Пиррой (дочерью Пандоры) пережил страшный потоп, ниспосланный Зевсом на Элладу, и возродил затем полуистребленный во время потопа человеческий род: он и Пирра бросали через свои головы камни, которые по велению Зевса обращались в людей (камни, брошенные Девкалионом, — в мужчин, Пиррой — в женщин).

Приведенный здесь перечень мифов, изложенных в трех книгах Хроники Малалы и соответственно в Хронографе XIII в. (а также в восходящих к нему Архивском и Виленском хронографах), не должен создавать впечатления, что все эти античные легенды, даже в кратком пересказе Малалы, стали хорошо известными древнерусским книжникам. В действительности же относительно широкое распространение получили лишь некоторые из рассмотренных мифологических сюжетов, а именно те, которые вошли во Вводную часть Еллинских летописцев, о чем будет сказано ниже.

Необходимо учесть еще и следующее: евгемерическая позиция Малалы несомненно затемняла «божественную природу» героев мифов, Зевс и Кронос становились земными царями, титан Прометей превращался в изобретателя грамматики, а «стоокость» Аргуса толковалась вполне «реалистически», как прозвище героя, данное ему за «ясновидение» и быстроту.

О манере хрониста «реалистически» подать миф можно судить хотя бы по пересказу легенды о Миносе, Тезее и Ариадне (см. текст этого мифа в приложении): сверхъестественная природа Минотавра не упоминается, не говорится о лабиринте, ни о чудесной нити Ариадны, ни о дерзком полете Дедала и Икара (хотя оба эти герои упомянуты) — вся история Тезея предстает перед читателем как вполне заурядный эпизод военных столкновений фессалийцев и критян.

Словом, Хроника Малалы, излагавшая мифы, в большинстве случаев скрывала их языческую природу, а Хроника Амартола, лишь упоминавшая имена языческих богов и героев, в то же время «разоблачала» их связь с языческими культами, хотя и яростно протестовала против обожевления царей, героев и мудрецов.²¹

Однако именно через Хронику Малалы древнерусские книжники в наибольшей мере познакомились с сюжетами и персонажами античных мифов. И наша цель теперь проанализировать судьбу текста первых книг Хроники (содержащих изложение античных мифов) в древнерусской письменности.²²

* * *

Помимо Хронографа XIII в. (и восходящих к нему Архивского и Виленского хронографов), первые книги Хроники Малалы отразились в четырех памятниках древнерусской письменности: в третьей редакции Повести временных лет, во Вводной части Еллинских летописцев, в Прибавлении к палее и в Софийском хронографе. Дальнейшее распространение интересующих нас сюжетов шло уже через посредство Вводной части Еллинских летописцев.

Прежде всего обратимся к летописи. В третьей редакции Повести временных лет, в статье 1114 г., читается отрывок из Хроники Малалы. Примечателен текст, предшествующий этому фрагменту. Летописец сообщает, что жители Ладоги рассказывали ему о падающих из тучи «глазках стеклянных и малых и великих»; на севере же, говорят ладожане,

²¹ См. также: Э. М. Шусторович. Хроника Иоанна Малалы и античная традиция в древнерусской литературе. — ТОДРЛ, т. XXIII. Л., 1968.

²² Внимательный читатель заметит, что я не упоминаю 5-й книги Хроники Малалы, излагающей легенды о Троянской войне. Это не случайно: данную книгу мы рассмотрим ниже, в кругу других произведений по мотивам троянского эпоса.

из туч ниспадают новорожденные белки и оленята. Кто же не верит сказанному, продолжает летописец, — «да почтеть фронографа», и цитирует: «В царство Прово дождьго бывшу и тучи велиции, пшеница с водою многу смѣшена спаде, юже събравше, насыпаша сусѣкы велия. Тако же при Аврильянѣ крохти сребренны спадоша, а въ Африкѣ трие камене спадоша превелици». Затем приводится рассказ Хроники Малалы о египетских царях Местреме (Местраиме), Ермии (Гермесе), Феосте (Гефесте) и сыне его «именем Солнце, егоже наричють Даждьбогъ».²³

Еще В. М. Истрин установил, что предание о знамениях при римских императорах Пробе и Аврилиане восходит к Хронике Амартола, а рассказ о египетских царях — к Хронике Малалы. Исследователь обратил внимание, что оба эти источника летописец объединяет единым названием «хронограф», а также на то, что текст выписок из Хроники Малалы дословно совпадает с тем текстом славянского перевода ее, который мы находим в составе хронографа XIII в., а не с тем сокращенным пересказом, который входит в состав Еллинского летописца. Наконец, В. М. Истрин отметил, что ему неизвестен источник фразы «а въ Африкѣ трие камене спадоша превелици» и источник дополнения о нравах египетских женщин.²⁴ Сейчас есть возможность продолжить разыскания В. М. Истрина. Начнем с фразы Хроники Амартола. Ее можно соотносить не непосредственно с Хроникой, а с хронографической компиляцией, составленной на Руси еще в XI в., в которую, как можно полагать, вошли фрагменты из Хроники Амартола и из Хроники Малалы — с «Хронографом по великому изложению».²⁵ Обратившись к хронографической части Полной хронографической палеи, которая, как я предполагаю, представляет собой воспроизведение текста «Хронографа по великому изложению», мы обнаружим там источник интересующей нас фразы: «Съ убо Провъ вредоумень створися, уби Флориана. При томъ дождю бывшу, пшѣница смѣшена с водою спаде, еже собравше сусѣкы створиша великы. Тако же при Аврильянѣ крохти сребрнии спадоша».²⁶ Далее в рассказе о царствовании византийского императора Маркиана найдем и источник второй фразы: «При семь камене 3 спадоша съ небесѣ въ Фракисѣ превеликии».²⁷ Если обе эти фразы в летописи представляют свободный пересказ «Хронографа по великому изложению», то можно допустить, что в нем, в начальной его части, которая не может быть пока достаточно надежно реконструирована, читались и фрагменты из Хроники Малалы, использованные в той же летописной статье 1114 г. Этим объясняется, почему летописец говорит не о двух, а об одном источнике — «фронографе».

Статья 1114 г. наглядно демонстрирует подход летописца к теме античной мифологии.

Поводом для введения хронографического текста в летопись послужило сообщение о «глазках» и маленьких оленятах, падающих с неба. Летописец приводит сведения об античных «знамениях» при римских и византийских императорах. Если учесть, что даже в сравнительно кратком тексте «Хронографа по великому изложению» эти сообщения отстоят друг от друга весьма далеко, нужно предполагать отличное зна-

²³ См.: Повесть временных лет, ч. 1. М.—Л., 1950 (Литературные памятники), с. 197—198. Тот же текст см. в: Ипатьевская летопись.— ПСРЛ, т. 2. М., 1962, стб. 277—279.

²⁴ В. М. Истрин. Хронограф Ипатского списка летописи под 1114 годом.— ЖМНП, 1897, ноябрь, с. 83—91.

²⁵ См.: О. В. Творогов. Древнерусские хронографы, гл. II.

²⁶ Полная хронографическая палея. Рукопись ГПБ, собр. Погодина, № 1435, л. 421 об. Ср.: В. М. Истрин. Хроника Георгия Амартола. . . , т. I, с. 325.

²⁷ Полная хронографическая палея, л. 430 об. Ср.: В. М. Истрин. Хроника Георгия Амартола. . . , т. I, с. 402.

ние этого текста летописцем. Обращение к мифу о Феосте (Гефесте) вызвано тем, что при этом легендарном царе Египта также с неба упали клещи. Если этот миф действительно читался в том же «Хронографе по великому изложению», то где-то в начальной его части, на много листов ранее, чем статьи об Аврелиане и Маврикии, — снова пример того, что текст источника, вероятно, был хорошо известен летописцу.

Он понимает, что речь идет о событиях более раннего времени, поэтому начинает свой рассказ словами: «И бысть по потопись и по раздѣленьи языкъ» — и далее по Малале — «поча царьствовати первое Местромъ, от рода Хамова, по немь Еремия, по немь Феоста, иже и Соварога (так!) нарекоша егуптяне». Эта фраза — пересказ более пространныго текста из XXIII гл. первой книги Хроники Малалы: «Егда убо Ерминъ въ Егупеть прииде, тогда царствова Местремъ от рода Хамова. По немъ же, умершу тому, поставиша египтяне Ермия царя... По немъ же царствова Егуптом Феостъ...»; отождествление Феоста со Сварогом содержится уже в переводе второй книги Хроники (гл. I): «По умрътвию же Феостовъ, егоже и Сварога наричить, и царствова египтяномъ сынъ его Солнце именовъ, егоже наричють Дажьбогъ».

Здесь необходимо заметить, что, видимо, славянский переводчик по собственной инициативе связал имена античных божеств, которые у Малалы выступают как легендарные цари, с персонажами славянского языческого пантеона, вернув Гефесту и Гелиосу статус небожителей.

Дальнейший летописный текст: «Царствующему сему Феостъ въ Егуптъ... казнити повелеваше» — представляет свободный пересказ текста гл. XXIII первой книги Хроники Малалы, при этом рассказ о установленном Гефестом законе единобрачия читается у Малалы раньше, чем рассказ об упавших с неба клещах. Следовательно, обратившись к данному тексту первоначально в поисках нового примера знамений, летописец решил поведать читателям и о брачных обычаях египтян.

В. М. Истрин не смог установить источник следующего далее фрагмента: «Преже бо сего жены блудяху, к немуже хотяше, и бяху, акы скоть, блудяще. Аще родяшеть дѣтищъ, которыи ѿи любъ бываше, дашеть: „Се твое дѣтя“; он же, створяше празнество, приимаше. Феостъ же съ законъ расыпа, и встави единому мюжю едину жену имѣти, и женѣ за одинъ мужъ посагати; аще ли кто переступитъ, да звергуть ѿи в пещь огню». Выяснилось, что это пересказ той же Хроники Малалы, однако не первой и второй ее книг, к которым восходит остальная часть рассматриваемого летописного рассказа, а гл. IV четвертой книги. Там повествуется о легендарном царе Аттики Кекропсе, который также «повелѣ законъ положити женамъ... да дѣвица за единъ мужъ посягаетъ», ибо прежде женщины «антически и афинейски и ближнихъ мѣсть звѣриномъ смѣсомъ смѣшахуся»; при этом «никтоже убо вѣдяше, чии есть сынъ или дщи, но якоже будяше матери годѣ, такоже речаше „сего есть сынъ или дщи“, и дадаше роженое отроча емуже хотяше мужу от бывшихъ с нею... И радовашеся приемляи отроча. Кекрокъ же от Египта пришель отверже законъ той». Сюжетная близость летописного фрагмента и данного рассказа Хроники Малалы несомненна, хотя в одном случае речь идет о египетском царе Гефесте, а в другом — о царе афинском, хотя и пришедшем из Египта. Но вот любопытное наблюдение. Максим Грек перевел фрагмент из Лексикона Свида, озаглавленный им «Промифей», в котором находим в сокращении весьма сходный текст, но с добавлением, что Кекропс ввел свой брачный закон «по законоположению Ифестову, царя египетскаго».²⁸ Исследователи Лексикона Свида соотно-

²⁸ Рукопись ГПБ, Q.I.219, л. 552 об.

сят этот текст с Хроникой Малалы или Хроникой Иоанна Антиохийского²⁹ (вопрос о возможности отождествления этих авторов остается спорным). Для нас же важно пока отметить следующее: в распоряжении составителя хронографа, которым пользовался летописец, был либо текст Хроники Малалы, чем-то отличающийся от того, который мы знаем по греческому Оксфордскому списку и по славянскому переводу в Архивском и Виленском хронографах, либо какой-то иной источник, содержащий также изложение античных мифов.

Вернемся к анализу летописного фрагмента из статьи 1114 г.

Дальнейший текст («Сего ради прозваша и Сварогом. . . И бысть чисто житѣ по всей земли Егупетъской, и хвалити начаша») возвращает нас ко второй книге Хроники Малалы, и создается впечатление, что летописец (а скорее всего его предшественник — составитель «хронографа») соединил два источника: либо объединил фрагменты из 1—2-й и 4-й книг Хроники Малалы, либо дополнил рассказ первых книг Малалы по другому источнику, сюжетно близкому к рассказу четвертой книги Хроники. После слов «. . . и хвалити начаша» в летописи читается: «Но мы не продолжимъ слова, но рцѣмъ съ Давидомъ: „Вся елико въсхотѣ, и створи господь на небеси и на земли, в мори, въ всехъ безнахъ, възводяи облакы от послѣднихъ земли“. Се бо и бысть послѣдняя земля, о ней же сказахомъ первое». Последняя земля — это, видимо, те северные страны, рассказ о которых и побудил летописца пуститься в пространный экскурс о знамениях в древности и о нравах египтян. Что же именно не стал «продолжать» летописец? Может быть, эти слова имели не только общий, но и конкретный смысл, ибо рассказ о царе Солнце имеет в Хронике Малалы (книга вторая, гл. I) такое окончание: «. . . и бысть чисто житие по всей земли Египетстѣи, и блажити ѿ начаша, якоже рече Омиръ творецъ о нѣмъ, акы Дажьбогъ, рече, обличи Афродиту блудящу съ Ариемъ. И Афродиту нарече похоть блудную от Солнца царя обличену, въ истинну же, якоже Палефать премудрыи хронографъ списа» — переложение известного мифа об Афродите и боге войны Аресе. Летописец не привел этого окончания, быть может, из христианского пуризма, который был ему присущ в большей степени, чем переводчику Малалы, смело отождествлявшему царей Малалы со славянскими божествами.

Рассмотрим теперь другой памятник, сохранивший фрагменты из первых книг Хроники Малалы, — Вводную часть Еллинских летописцев. Я не стану касаться здесь вопросов о ее происхождении и о том, каким образом она попала в первую и вторую редакции Еллинского летописца, сохранившиеся в списках XV—XVI вв.³⁰ Для нас сейчас важно другое: Вводная часть, по всей вероятности, отражает текст либо начальной части «Хронографа по великому изложению», либо какой-то иной хронографической компиляции, известной уже в Киевской Руси.

Во Вводной части сюжеты Хроники Малалы переданы в значительном сокращении. Здесь отразились мифы о борьбе бога (!) с гигантами, о Кроне, о Зевсе, Ангеноре и Велесе (т. е. Агеноре и Беле), о Ермии и Семеле, о Геракле, о Персее. Мифы эти не пересказываются подробнее, поскольку все фрагменты из Вводной части, имеющие отношение к античной мифологии, публикуются в приложении к статье.

Исследователи давно обратили внимание на то, что во Вводной части Еллинских летописцев (а также в Архивском—Виленском хронографах)

²⁹ Suidae lexicon, pars IV. Ed. A. Adler. Lipsiae, 1935, p. 214. Благодарю за консультацию Д. М. Булавина.

³⁰ Подробнее о редакциях Еллинского летописца и Вводной части их см.: О. В. Т в о р о г о в. Древнерусские хронографы, гл. I, V.

содержатся фрагменты, не находящие соответствия в греческом тексте Хроники Малалы, который мы знаем по Оксфордскому списку и по списку № 682 Парижской национальной библиотеки.³¹

Так, во Вводной части Еллинских летописцев читается рассказ о Кроне: «Глаголють же, яко влѣхвовавшу Крону, кто приметъ его царство, и дано бысть ему проречение, яко сынъ его приметъ, да темъ разгнѣався Кронъ, пожираеше вся дѣти, яже раждаше ему жена его Ариа. Егда же время ей бѣ родити нарицаемаго Пика Зевеса, еже есть Ди, събра кюриты, нѣкыа бѣсы гласяща и поюща и въ оружие звоняща, да облазнятся Кронъ, не слышавъ плача отрочяте и умедлить. Отročя же дано бысть (въ Критъ — добавлено в другом списке) въскрѣмити, а в него мѣсто камень повивше положиша, да усмотривъ от облакъ Кронъ, съшед, пожре камень, мян отročя, да ту абие излева и прѣжня пожртыя».³² В Виленском хронографе (и соответственно в Архивском) имеется тот же сюжет, но в более кратком пересказе: «Бают бо баснословци елиньстии, яко отвѣтъ приемъ отецъ Дыевъ, яко остатися ему званиа царьскаго от единого от дѣтйи его, елико ражаше ему мужескъ полъ жена его Ира, а онъ их пожираше. Родивши же Дыя и милующи красоты его ради, украдши въ Критъ ѿ отслала».³³

Другой фрагмент Вводной части, не имеющий параллели в греческом тексте Хроники Малалы, сообщает о расправе Зевса над отцом своим Кроном: «Инии же глаголють, яко Пикъ, отца своего имъ, истеса его отрѣзавъ, вверже в море, самого же в тимѣнии погрузи и нуждею отымъ царство его»;³⁴ в Виленском хронографе: «Вѣщаша древнии, яко Кронъ въста на отца своего глаголемаго Дамиа, и, отрѣзавъ уды его таинныя, ввверже их в море. Приплувше же таинных удовъ отрезание к берегу, Афродита видѣвши и взят их, да овогда творяше мужьская, а другды страдаша женьскаа. Тако убо та студя и породнѣ чтется богыни пакы блудных ради смѣшении скверных тайнъ».³⁵

Третий фрагмент — миф о Семеле. Во Вводной части он читается в следующем виде: «Се же и Семель, дщерь Кадъма царя, златомъ уснуби, и любяше паче инѣхъ. Къ ней же иноцѣ ея глаголаху: „Проси у Зевѣса, да приидеть истъ съ громомъ многымъ и мльни[е]ю“. Си же Семель не вѣдуци льсти их, а бяше имущи въ чревѣ, въпросивши у Зевеса, и прииде къ ней и зажже ю. Отročища же изъ ютробы ея истръгъ недоношено, имущъ седмь мѣсяцъ. И въ своемъ стѣгнии сего доносивъ, Денисиемъ сего именована. Съи же Дионисии началникъ же бѣ pianству».³⁶

Обратим внимание на то, что в первых двух случаях тексты во Вводной части и в Архивском—Виленском хронографах существенно различаются. При этом, если обычно Вводная часть передает рассказ Малалы в сокращении, тогда как Архивский—Виленский хронографы полностью следуют за греческим текстом, то в первом из рассмотренных примеров,

³¹ Об этом писали М. А. Оболенский, И. И. Срезневский, но наиболее основательно данным вопросом занялись С. П. Шестаков (С. П. Ш е с т а к о в. О значении славянского перевода Хроники Иоанна Малалы для восстановления и исправления ее греческого текста. — Византийский временник, т. 1, вып. 3—4. СПб., 1894, с. 503—552) и В. М. Истрин (Александрия русских хронографов, с. 328 и 360). Фрагмент из Архивского и Виленского хронографов, который не имеет соответствия в греческом тексте Хроники Малалы, публикуется в приложении к настоящей статье.

³² Рукопись ГПБ, собр. Погодина, № 1437, л. 7 об.—8. Сюжет восходит к Гесиоду (Теогония, 453—497); см. также: А п о л л о д о р. Мифологическая библиотека, I, 1, 6—7.

³³ Виленский хронограф, л. 26 об.

³⁴ ГПБ, собр. Погодина, № 1437, л. 8—8 об.

³⁵ Виленский хронограф, л. 26 об.

³⁶ ГПБ, собр. Погодина, № 1437, л. 8 об.

напротив, рассказ Вводной части значительно подробнее. Во втором случае тексты Вводной части и хронографов существенно различаются и по деталям сюжета, и лексически; кроме того, существенно, что если в рассказе Вводной части Зевс (Пик) оскотляет Крона, то в Архивском—Виленском хронографах, согласно античной мифологической версии, Крон расправляется с Ураном (Дамием) и с актом оскотления связано рождение Афродиты.³⁷ Наконец, в третьем случае мы имеем во Вводной части изложение традиционного мифа (согласно ему, ревнивая Гера советует Семеле просить Зевса, чтобы он явился к возлюбленной с атрибутами божества),³⁸ в то время как в Хронике Малалы (и соответственно в Архивском—Виленском хронографах) рассказывается иная версия: отцом Диониса назван не Зевс, а Полумид, а причиной преждевременных родов Семелы явилась напугавшая ее «слота» («ненастье»; видимо, имеется в виду гроза), а версия о Зевсе, «сохранившем» младенца «в своем лоне (!)», приводится как легендарное объяснение «древних» (книга вторая, гл. XIII).

Все сказанное заставляет меня отказаться от прежде высказанного предположения, что во Вводной части мы имеем дело с особенностями того варианта Хроники Малалы, который был в распоряжении древнерусских книжников:³⁹ этот текст, по-видимому, и передан в Еллиньских летописцах и Архивском—Виленском хронографах. Но наряду с Хроникой Малалы в распоряжении древнерусских книжников, видимо, был и какой-то иной источник: его, возможно, использовали параллельно с текстом Хроники Малалы. Был ли это комментарий Нонна к словам Григория Богослова, как думает С. П. Шестаков,⁴⁰ или какой-либо иной текст, может быть, покажут дальнейшие исследования.⁴¹

Для нас сейчас важно отметить другое: в киевскую эпоху древнерусские книжники располагали текстами, излагавшими античные мифы, и творчески использовали их в своих хронографических компиляциях. Можно предположить, что в рассмотренном выше рассказе о нравах египтян в Повести временных лет мы встречаемся с тем же явлением: хронограф — источник летописца уже содержал изложение по первой и второй книгам Хроники Малалы, дополненное по иному источнику, а это дополнение сюжетно перекликается с соответствующим местом из четвертой книги Хроники Малалы.

Другой памятник, также предположительно восходящий к какой-то древней хронографической компиляции типа «Хронографа по великому изложению», назван мной Прибавлением к палею, так как он читается непосредственно за текстом Полной хронографической палеи.⁴² Все известные мне списки относятся к концу XV—началу XVI в., к периоду, когда проявляется особенно живой интерес ко всемирной истории, интенсивно составляются и распространяются древнерусские хронографи-

³⁷ См.: Г е с и о д. Теогония, 154—206.

³⁸ Согласно Гигину (Басни, 167), Гера является к Семеле в образе ее няни Берои; в славянском тексте — «иночь ея глаголаху»; следовало бы употребить единственное число: «иночь» — «первая жена второбрачного мужа», в данном случае Гера.

³⁹ См.: О. В. Т в о р о г о в. Древнерусские хронографы, с. 133.

⁴⁰ С. П. Ш е с т а к о в. О значении славянского перевода. . . , с. 524—530.

⁴¹ Что же касается лексической близости отмеченных отрывков с лексикой славянского перевода Хроники Малалы, которую убедительно продемонстрировала Э. М. Шусторович в статье «Об одном отрывке из древнеславянского перевода Хроники Иоанна Малалы» и которую подтверждают также и мои наблюдения (см.: О. В. Т в о р о г о в. Древнерусские хронографы, с. 132), то близость эта может объясняться тем, что перевод Малалы и других источников сведений об античной мифологии был сделан либо одним лицом, либо одновременно.

⁴² Прибавление сопровождается все известные мне списки Полной хронографической палеи — рукописи: ГИМ, собр. Синодальное, № 240, 241; ГПБ, собр. Погодина, № 1435.

ческие компиляции.⁴³ Примечательно, что Прибавление к палее, содержащее изложение античных мифов, следует за текстом такого церковно-учительного памятника, каким являлась палея (хотя Хронографическая палея делает этот жанр более историческим, сократив толкования и продолжив события библейской истории повествованием о истории стран Востока, Греции, Рима, Византии и даже Руси).⁴⁴ Существенно и то, что античные мифы в составе самого Прибавления находятся в окружении статей на темы священной истории и истории церкви. Мифологическую часть Прибавления составляют статьи о Кроне, Ермии (Гермесе), Фисте (Гефесте), Агеноре и Велесе (Беле); в целом эти статьи несколько короче, чем мифологические статьи Вводной части Еллинических летописцев. Но примечательно и другое: хотя между Вводной частью Еллинических летописцев и Прибавлением наблюдается в ряде случаев текстуальная и композиционная близость, мы можем лишь считать, что оба памятника, независимо друг от друга, восходили к общему источнику.⁴⁵ Отмечу, например, наличие в Прибавлении чтения, противопоставленного пропуску не только во Вводной части Еллинических летописцев, но и в Архивском—Виленском хронографах.

Так, рассказ об Агеноре и Беле в рассматриваемых памятниках начинается такими словами:

Дъщи же Дыева, иже от дщери Наховы, царя Прѣсѣченъска, посяже за Посидона, и Ангенора и Велоса (Вводная часть).

Дщи же Ионинова и Дыева посяже за Посидона и роди от нея Ангенора и Велоса (Архивский хронограф).

Ливии же, дщи Пика Диа, причтася нѣкоему имя (так!) Посидонъ, роди Велона Ангира (Прибавление к палее по списку ГПБ, собр. Погодина, № 1435, л. 449 об.).

Имя Ливии (дочери Ио от Зевса) присутствует только в «Прибавлении», это имя читается и в греческом тексте Хроники Малалы, но в целом фраза там оказывается ближе всего к чтению Архивского хронографа: Ἡ δὲ Λιβίη, ἡ θυγάτηρ τῆς Ἰὼ καὶ τοῦ Πίκου τοῦ καὶ Διός, ἐγαμήθη τινὶ ὀνόματι Ποσειδῶνι: ἐξ ᾧν ἐπέχθησαν ὁ Ἀγγήνωρ καὶ Βήλος...⁴⁶

Следовательно, существовали и иные, не дошедшие до нас компиляции, в которых излагались сюжеты античных мифов, при этом источниками их могли быть не только первые книги Хроники Малалы, но и какие-то иные переводные памятники.

Четвертым памятником, использовавшим текст Хроники Малалы, является Софийский хронограф, открытый и исследованный В. М. Истриным.⁴⁷ Хронограф этот читается в составе сборника ГПБ (Софийское собр., № 1454, л. 334—376) и содержит краткое изложение всемирной истории от сотворения мира до византийского императора Константина VII. Хронографическая часть сборника датируется XVI в. При всей своей краткости Софийский хронограф тем не менее передает содержание 1-й, 2-й и 4-й книг Хроники Малалы, в частности содержащихся в них пересказов мифов, свидетельствуя, что интерес к ним продолжал существовать и во время составления этой хронографической компиляции.

Какова же дальнейшая судьба «мифологических книг» Хроники Малалы на русской почве? Вводная часть Еллинических летописцев чита-

⁴³ См.: О. В. Творогов. Древнерусские хронографы, с. 31—32.

⁴⁴ Описание хронографической части Полной и Краткой хронографических палей см. там же (с. 237—262).

⁴⁵ Там же, с. 127—129.

⁴⁶ См.: Ioannis Malalae Chronographia. Rec. L. Dindorf. Bonnae, 1831, l. II, 30, 4—5. Замечу, что в Софийском хронографе (речь о нем пойдет ниже) читается: «Дщи же Дыева Ливия посяже за Посидона и роди от неа Агенора и Велеона» (л. 345).

⁴⁷ В. М. Истрин. Краткий хронограф с Хроникой Иоанна Малалы.— В кн.: Исследования в области древнерусской литературы. СПб., 1906, с. 52—70.

ется как во всех четырех списках Первой редакции Еллинского летописца,⁴⁸ так и в списках Чудовского вида Второй редакции.⁴⁹ Мы не раз встретим в сборниках и хронографических компиляциях XV—XVII вв. фрагменты из этой Вводной части, неоспоримо свидетельствующие о том, что мифологические сюжеты (как бы они ни воспринимались) интересовали древнерусских книжников.⁵⁰ Обращению к античным мифам литературы XVII в. я намереваюсь посвятить особую работу, сейчас же ограничусь справкой, что при составлении новой редакции хронографа в начале XVII в. (Основной редакции 1617 г.) в нее были полностью включены все «мифологические» статьи из Вводной части Еллинских летописцев; полностью вошла Вводная часть и в компилятивный хронограф XVII в. из Румянцевского собрания (ГБЛ, собр. Румянцева, № 456, л. 1—11). Так как все хронографы XVII в. в конечном счете восходили к Основной редакции 1617 г., то фрагменты из Вводной части Еллинских летописцев, естественно, читались и во всех этих редакциях.

Другие византийские хроники (Хроника Синкелла и Паралипомен Зонары) не содержат интересующего нас мифологического материала; что же касается Хроники Константина Манассии, то там лишь подробно изложена история Троянской войны (о чем пойдет речь ниже).

Составленный в начале XVI в. Русский хронограф также очень скупо коснулся мифологической тематики. Возможно, что дело объясняется не столько идеологической, сколько текстологической причиной: источником Хронографа явился список Академического вида второй редакции Еллинского летописца,⁵¹ а в списках этого вида Вводная часть отсутствует. В Хронографе мы встречаем всего два обращения к теме античной мифологии. Во-первых, это повествование о Троянской войне, о котором речь пойдет ниже. Во-вторых, в статье «О родословии по потопись» содержится рассуждение о порочном обожествлении животных и «скверных человек», которых называли «по имени больших звезд и по стихиям»: «Ифеста убо огонь нарекоша, Димитру же землю, а водныя съставы окиана нарекоша Посидона, иже бысть кормчий кораблемь, Афродиту же — желание блудное, Ареа же ярость. . .», и т. д.⁵²

Несколько слов следует сказать о романах об Александре Македонском. На Руси был известен роман, восходящий к эллинистическому роману начала II—III вв. н.э. (так называемой Александрии Псевдокаллисфена); этот роман вошел в состав русских хронографических компиляций (Хронографа XIII в., Троицкого хронографа,⁵³ обеих редакций Еллинского летописца, а в переработанном виде — во все редакции Русского хронографа). Другой памятник, так называемая Сербская Александрия, отражает уже средневековую переработку Псевдокаллисфеновой Александрии. Русский перевод этого южнославянского (как полагает

⁴⁸ Списки: ГИМ, Синодальное собр., № 280; ГИМ, собр. Уварова, № 10/1334; ГПБ, собр. Погодина, № 1437; БАН, 45.10.6. Список неполный, однако Вводная часть в мифологические статьи в нем читается. Список БАН — конца XV в., остальные списки — XVI в.

⁴⁹ Списки: ГИМ, Чудовское собр., № 51/353; ГПБ, F.IV.91; ГПБ, собр. ОЛДП, F.33. Все списки дефектны; лучше всего текст Вводной части сохранился в списке ОЛДП.

⁵⁰ Выписки из Вводной части встретились мне в сборнике XV в. ГПБ, Кирилло-Белозерское собр., № 11/1088, писанном рукой Ефросина, в сборнике ГПБ, Соловецкое собр., № 922/1032.

⁵¹ О. В. Т в о р о г о в. Древнерусские хронографы, с. 161—162.

⁵² Русский хронограф. Хронограф редакции 1512 года. — ПСРЛ, т. XXII, ч. 1. СПб., 1911, с. 31.

⁵³ См.: В. М. И с т р и н. Александрия русских хронографов; О. В. Т в о р о г о в. Древнерусские хронографы, с. 85—89.

большинство исследователей) романа появился на Руси в XV в.⁵⁴ Однако обе «Александрии» мало чем интересны для нашей темы: мифологический элемент в них почти отсутствует, ибо романы отражают уже культы эллинистического Египта (например, культ Ливийского Аммона, отождествлявшегося с Зевсом), а в Сербской Александрии Александр посещает Иерусалим и выслушивает наставление еврейского пророка Иеремии. В той же Сербской Александрии упоминаются герои Троянской войны (Аякс, Ахилл, Менелай, Елена, Поликсена), но, судя по тому что во многих списках памятника, в том числе списках XVII в. (когда сказания о Троянской войне были уже достаточно известны), имена героев до неузнаваемости искажены, переписчики Александрии не всегда понимали, о ком именно идет речь.⁵⁵

* * *

Обратимся теперь к памятникам, созданным по мотивам знаменитого Троянского эпоса. Источником средневековых повествований о Троянской войне (чрезвычайно распространенных во всех европейских странах) были не поэмы Гомера и даже не киклические поэмы, а романы мнимых участников Троянской войны — Дарета Фригийца и Диктиса Критянина.⁵⁶ Знакомство русского читателя с легендами Троянского цикла по существу началось лишь в XV в. Правда, как уже говорилось, пятая книга Хроники Иоанна Малалы также содержала подробный рассказ о Троянской войне, однако эта книга, известная нам в славянском переводе по Архивскому и Виленскому хронографам, видимо, не получила широкого распространения в древнерусской литературе.⁵⁷

Рассказ о Троянской войне читается также в Хронике Константина Манассии, использованной, как сказано выше, при составлении Русского хронографа.⁵⁸ В Хронике события Троянской войны излагались в статьях «Зде поведует како вечернии елини и всточнии междусобнуа рат сътвори-

⁵⁴ Александрия. Роман об Александре Македонском по русской рукописи XV века. Изд. подгот. М. Н. Ботвинник, Я. С. Лурье, О. В. Творогов. М.—Л., 1965. (Литературные памятники).

⁵⁵ Так, например, имя Агамемнона превращалось в Гаминуша, или Календуша, Елены — в «царя Календуша», Менелая — в Мелауша и Меламеуша и т. д. Благодарю Е. И. Ваневу за сообщенные сведения.

⁵⁶ Латинский перевод с греческого романа «История о разрушении Трои Дареса Фригийца», написанного, как полагают, во II—III вв., появился в конце V в. Еще ранее, в IV в., Луций Септимий перевел с греческого на латинский «Дневник Троянской войны» Диктиса. Находка греческого фрагмента, датируемого временем около 200 г. н. э., опровергает существовавшее мнение, что Септимий сам был автором «Дневника». Оба произведения изданы: Dares Phrygius. De excidio Troiae. Ed. F. Meister. Leipzig, 1873; Dictys Cretensis Ephemeridos belli troiani libri a Lucio Septimio ex graeco in latinum sermonem translata. Ed. Werner Eisenhut. Leipzig, 1958. См.: М. Г р а б а р ь - П а с с е к. Античные сюжеты и формы в западноевропейской литературе. М., 1966, с. 83, 84, 91—99; И. Н. Г о л е н и щ е в - К у т у з о в. Средневековая латинская литература Италии. М., 1972, с. 45—47.

⁵⁷ Иоанн Малала в своей Хронике следует версии Диктиса. Славянский текст пятой книги (по Архивскому хронографу) изд.: В. М. И с т р и н. Хроника Иоанна Малалы в славянском переводе, книга. Одесса, 1909. Русский перевод (с греческого) большей части этой книги с начала и до конца гл. XIV см. в кн.: Памятники византийской литературы IV—IX веков. М., 1968, с. 182—195.

⁵⁸ Эта византийская стихотворная хроника написана в XII в., в XIV в. переведена на болгарский язык и, видимо, в XV в. стала известна на Руси. Сохранилось семь списков Хроники (два из них содержат только начало памятника). По старшему из списков (ГИМ, Синодальное собр., № 38, XIV в.) Хроника издана И. Богданом: Cronica lui Constantin Manasses. Text și glosar de Ioan Bogdan. București, 1922; см. также фототипическое воспроизведение этого издания: Die slavische Manasses-Chronik. Nach der Ausgabe von Ioan Bogdan. Mit einer Einleitung von Johann Schropfer. Slavische Propylaen. Bd 12. München, 1966. Рассказ о Троянской войне см. в издании Богдана, с. 36—46.

шу велику нѣкогда» и «О прѣяти Троя града».⁵⁹ Кроме того, в некоторых списках Хроники Манассии, и в частности в том, который находился в распоряжении составителя Русского хронографа, читается вставка — особая повесть о Троянской войне, так называемая «Притча о кралех».⁶⁰ Это средневековый рыцарский роман, созданный, как полагают, в Далмации на основе латинского оригинала, о чем свидетельствуют римские имена богов и латинизированные формы имен собственных.⁶¹

В литературе нередко смешивают «Притчу» и рассказ о Троянской войне в составе Русского Хронографа — «Повесть о создании и поплнении Тройском», высказывают предположение о связи «Притчи» с повествованием Хроники Маллалы и т.д. Поэтому я привожу далее краткий пересказ всех трех произведений: пятой книги Хроники Малалы, основного рассказа Хроники Манассии и «Притчи о кралех». Для удобства читателей имена героев и географические названия во всех трех пересказах унифицированы и приводятся в традиционной форме.

Начнем с изложения содержания пятой книги Хроники Малалы.

У Приама и Гекубы рождается сын Парис. Оракул предвещает, что Парис, достигнув тридцатилетнего возраста, погубит Фригийское царство. Приам отправляет сына (дав ему новое имя — Александр) на воспитание к крестьянину из дальнего селения. Парис становится взрослым, отличается красотой и умом. Он сочиняет похвальную речь и гимн в честь Афродиты. Через 32 года Приам возвращает сына в Трою и вскоре посылает его в Грецию принести благодарственные дары Аполлону Дафнейскому. Парис прибывает в Спарту и останавливается у спартанского царя Менелая. Во время отъезда Менелая на Крит Парис похищает его жену Елену и приплывает с ней сначала в Египет, а затем в Трою. Елена убеждает Приама и Гекубу, что она принадлежит к их роду; они с радостью ее принимают. Менелай и Агамемнон требуют возвращения Елены и, получив отказ, собирают войска для похода на Трою. Вместе с ними отправляется Ахиллес. В пути греков настигает буря, и Агамемнон приносит в жертву Артемиде свою дочь Ифигению. Греки высаживаются под стенами Трои, грабят окрестные земли. Ахиллес захватывает в плен Астиному (Хрисейду) и Брисейду; за сокрытие Брисейды его отстраняют от участия в войне. Аякс захватывает Херсонес (Фракийский) и принуждает царя Полиместра выдать ему сына Приама Полидора. После неудавшейся попытки обменять Полидора на Елену мальчика убивают.⁶² Описывается внешность греческих и троянских героев, приводится перечень греческих военачальников («каталог кораблей»). Кратко упоминается о победе греков, разрушении ими Трои, гибели Приама и Гекубы. Аякс Теламоник и Одиссей спорят, кому должен принадлежать палладий.⁶³ Одиссей рассказывает о своих личных заслугах: он подстроил убийство Париса и изобрел деревянного коня.⁶⁴ Оскорбленный Аякс кончает жизнь самоубийством; войско Аякса и Пирра выступает против Одиссея, и тот поспешно отплывает из Трои. По пути

⁵⁹ Cronica lui Constantin Manasses, с. 36—46.

⁶⁰ Текст «Притчи» издавался несколько раз, в том числе в упомянутом издании И. Богдана (с. 46—67).

⁶¹ См.: А. Н. Веселовский. Из истории романа и повести. Вып. 2. Славяно-романский отдел.— СОРЯС, 1888, т. XLIV, № 3; Р. Маринкович. Јужнословенски роман о Трои.— В кн.: Београдски универзитет. Анали филолошког факултета, кн. 1, 1961. Београд, 1962.

⁶² Окончание эпизода с Полидором и описание внешности греческих героев (Агамемнона, Менелая, Ахиллеса и др.) в греческом тексте по Оксфордскому списку отсутствуют.

⁶³ Статуэтка Афины Паллады, оберегавшая город и выкрапанная греками.

⁶⁴ Здесь, однако, остается неясным, зачем нужно было изготавливать коня.

Одиссей попадает к листригонам, к Киклопу и Полифему,⁶⁵ к волшебнице Кирке и нимфе Калипсо. Затем повествование обращается к Пирру. Герой расспрашивает Тевкра об отце. Тевкр рассказывает, как Ахиллес убил Гектора, как Приам вымолил тело убитого сына, как на помощь троянцам пришли амазонки во главе с Пентезилеей и как Ахиллес ее убил, как прибыл царь Мемнон, как вспыхнула любовь Ахиллеса к Поликсене, дочери Приама, и как герой был убит в роще Аполлона. Затем рассказывается история Клитемнестры, жены Агамемнона, которая вместе с любовником Эгистом убивает мужа; Орест, сын Агамемнона, убивает мать и Эгиста, а затем вместе с Пиладом бежит в Авлиду, где встречается со своей сестрой Ифигенией — жрицей в храме Артемиды. После скитаний Орест, Пилад и Ифигения возвращаются в Элладу.

Сравним теперь сюжет основного рассказа Хроники Манассии.

Предвещание о гибели Трои от Париса Гекуба видит еще до рождения сына, Приам решает погубить младенца, но, сжалившись, отдает на воспитание в село. Когда Парис подрос, то, убив кого-то из своих «сродников», вынужден бежать в Спарту к Менелаю. Похитив Елену, Парис попадает в Египет; царь Протеус порицает его, но не предаёт казни только потому, что не хочет нарушать обет гостеприимства; Протеус оставляет у себя Елену и все сокровища, захваченные Парисом в Спарте, а самого изгоняет. Греки во главе с Менелаем, Агамемноном и Ахиллесом отправляются походом на Трою, грабят окрестные земли. Далее перечисляются союзники троянцев и кратко описываются битвы. Одиссей завидует славе Паламеда, ему удается оклеветать его перед греками, и Паламеда убивают. Ахиллес, скорбя о Паламеде, отказывается участвовать в боях. Лишь гибель Патрокла вновь возвращает Ахиллеса в ряды сражающихся; он убивает Гектора. На помощь троянцам приходят амазонки и Мемнон. Во время совместных жертвоприношений Ахиллес видит дочь Приама Поликсену и влюбляется в нее. Сыновья Приама Деифоб и Парис убивают Ахиллеса в храме Аполлона. Греки посылают за сыном героя — Пирром. Они изготовляют также деревянного коня, внутри которого прячутся воины, и благодаря этому овладевают Троей. Менелай отправляется в Египет, где у царя Протея (Протеуса) находит Елену, возвращается с ней в Спарту; там он узнает о гибели Агамемнона и убийстве Клитемнестры Орестом.

Мы видим, что в целом канва обоих рассказов совпадает, однако рассказ Хроники Манассии значительно короче: единственный добавочный сюжетный мотив — рассказ о гибели Паламеда, послужившей причиной того, что Ахиллес отказался участвовать в боях; подробней повествуется о деревянном коне, с помощью которого была взята Троя.

В «Притче о кралях» рассказ начинается изложением родословной Приама, затем повествуется о вешем сне Гекубы, о рождении Париса, которого напуганные недобрым знамением родители повелевают бросить вдали от города. Младенца подбирает и воспитывает «овчарь стар». Став юношей, Парис «ходит и играет с добрыми витязями»; его приглашают на свадьбу короля Пелея. На ту же свадьбу являются три «вилы пророчицы», а четвертая, не познанная Пелеем, по имени Дискордия (римская богиня раздора) решает отомстить за свою обиду: она подбрасывает в сад золотое яблоко с надписью: «Кюа естъ наилѣпа от васъ триехъ сестръницъ, тои буди сиа златаа аблъка». Пророчицы заспорили и были призваны в Трою предстать перед богом Фебом и пророком (!) Юпитером, которые *отсылают их назад к Пелею и предлагают просить Париса разрешить*

⁶⁵ У Малалы киклоп Полифем «раздваивается»: Полифем называется братом Киклопа.

спор о красоте. «Пророчицы» являются к юноше. Юнона (здесь впервые называются их имена) обещает Парису богатство, Паллада — наделить храбростью, а Венера сулит «добрую любовь» и «добрую госпожу Елену, царицу греческую»; Венера же открывает Парису тайну его рождения. Парис отправляется в Троию. По пути он встречается со своей первой женой Эноной и обещает ей хранить верность. Приам и Гекуба радостно встречают сына.

Приам ищет мастеров для постройки крепостных стен Трои. Вызываются два «дьявола земные» — Феб, под звуки гуслей которого сами создаются стены, и Нептун, который достает со дна моря вар и камни. При расчете за работу Приам обманывает Феба и Нептуна, они грозят: «Мы есвѣ створила Троию град, мы хошевѣ и умыслити како го и расыпати» — и отправляются к обиженным Парисом «пророчицам». Дочь Приама Кассандру пытается склонить к любви «пророк» Юпитер, она не уступает его домогательствам, и Юпитер налагает на нее заклятие: ее предсказаниям не будут больше верить. И когда Кассандра пророчествует о гибели Трои по вине Париса и Елены, ее никто не слушает. Парис отпрашивается у отца на службу (!) к Менелаю. Там он влюбляется в Елену⁶⁶ и после долгих уговоров убеждает царицу бежать с ним в Троию. Когда Менелай отправляется на войну, Парис скрывается больным и в отсутствие мужа похищает Елену. Беглецы прибывают в Троию, но, за исключением родителей Париса, никто не хочет встречать их, так как все знают (несмотря на то что не верили Кассандре), сколько крови прольется из-за Елены.

Менелай собирает греческих царей в поход на Троию. Одиссей отказывается принять участие в походе, притворившись безумным, но его разоблачает Паламед. Ахиллес же уклоняется от похода на Троию, передевшись в женское платье.⁶⁷

По пути греков застает буря, вызванная оскорбленной «пророчицей», так как воины Агамемнона убили ее лань.⁶⁸ Одиссей по поручению греков отправляется к жене Агамемнона и хитростью увозит ее дочь Цветану (Ифигению), которую и должны принести в жертву. Греки благополучно прибывают под Троию. Менелай и Одиссей безуспешно пытаются убедить Приама вернуть Елену. Упрекает Париса и осуждает Елену также и Энона. Жрец Калкас предвещает, что Троию не взять без участия Ахиллеса. Одиссей хитростью обнаруживает Ахиллеса и привозит его под Троию. Начинаются битвы. Ахиллес ссорится с Агамемноном из-за Брисеиды и отказывается принимать участие в боях. Гектор и Аякс встречаются и дружески беседуют на поле брани.⁶⁹ После упреков Гектора принимает участие в сражениях и Парис, но его ранит Менелай, и Елена уговаривает супруга более не участвовать в боях.⁷⁰ Гектор убивает Патрокла, вышедшего в бой в доспехах Ахиллеса. Мать Ахиллеса Фетида обращается к Вулкану, и тот со своими тремястами «малыми дьяволами» изготавливает ее сыну новые доспехи. Жена Гектора видит сон, предвещающий гибель

⁶⁶ Напомню такую «куртуазную» сцену: во время совместной трапезы с Менелаем и Еленой Парис пишет «червленым вином на белом убрусе»: «Елено царице, люби мя, да ты любя», пользуясь тем, что Менелай был неграмотен («...не познаваше ни слова»).

⁶⁷ Согласно мифу, по желанию Фетиды Ахиллес воспитывался вместе с дочерьми царя Ликомеда и носил девичью одежду. Одиссей смог его узнать благодаря хитрости: он привез дары царевнам, в том числе боевого коня, нагруженного воинскими доспехами, — этому-то подарку и отдал предпочтение Ахиллес.

⁶⁸ Согласно мифологической традиции, была убита лань Артемиды, здесь же называется «пророчица именем Фелеша».

⁶⁹ Аякс был сыном Теламона от Гесионы, приходившейся Гектору теткой.

⁷⁰ Елена говорит Парису, что Менелай — храбрый воин, а он, Парис, «подобрѣ игрецѣ играти и веселити ся съ госпождами».

мужа, она и сестры уговаривают героя не сражаться с Ахиллесом; однако Гектор все же выходит на поле битвы и гибнет. Приам отправляется в стан греков и выпрашивает у Ахиллеса тело сына. Во время переговоров Ахиллеса и Приама в храме брат Гектора Гелен убивает Ахиллеса ядовитой стрелой. Одиссей просит греков отдать ему оружие Ахиллеса, это оспаривает Аякс. Когда греки склоняются на сторону Одиссея, раздосадованный Аякс кончает самоубийством.

Гекуба отправляет младшего сына своего Полидора к царю Полиместру. Одиссей советует грекам соорудить коня из меди и стекла, в чрево которого спрячутся 300 воинов. Благодаря этой хитрости Троя взята. Париса и Елену приводят к Менелая, и он приказывает отрубить им головы. Дочь Приама Поликсену убивают на могиле Ахиллеса. Гекубу уводит с собой Одиссей, по пути они оказываются в царстве Полиместра, который, узнав о падении Трои, умертвил Полидора. Гекуба находит на берегу труп сына и вместе с другими троянками убивает Полиместра, а его соплеменники забивают женщин насмерть камнями. Менелай со всеми греками возвращается в Элладу.

Я пересказал содержание всех трех версий сказаний о Троянской войне с тем, чтобы обратить внимание на следующие три обстоятельства.

Во-первых, следует отметить иногда возникающие предположения о зависимости одной из рассмотренных версий от другой: каждая из них имеет самостоятельные мотивы, и речь может идти только об общем их источнике (в конечном счете — версии Диктиса).

Во-вторых, крайне важно, что описание собственно «исторических» событий, самой Троянской войны занимает во всех этих произведениях весьма скромное место: на первый план выступают иные — морально-психологические, романтические и приключенческие — коллизии. Это и известный фольклорный мотив о родителях, пытающихся избавиться от ребенка, с которым связано недоброе предзнаменование (судьба Париса), и мотив оклеветанного героя (история Паламеда), и победа мудрости или хитрости (разоблачение мнимого безумия Одиссея, «узнавание» Одиссеем Ахиллеса, хитрость с Троянским конем), и как бы «мелодраматические» коллизии (попытка Андромахи удержать Гектора от боя с Ахиллесом, гибель Гекубы), и «куртуазные» — как например «роман» Париса и Елены в изложении «Притчи о кралех», и обильные приключениями странствия (путешествие Одиссея). Таким образом, древнерусский книжник мог узнать о легендах троянского цикла в значительно большем временном и событийном объеме, чем об этом повествовалось у Гомера.

В-третьих, обратим внимание, как соотносены легенды троянского цикла с мифологией, не в том общем смысле, что все без исключения герои эпоса в какой-то мере являются мифическими героями, а в том, как этот мир «героев» соотносится с миром «богов».

У Малалы боги упоминаются лишь в связи с культовыми церемониями: Парис отправляется с дарами в храм Аполлона, греки должны принести жертву богине Артемиде, палладий охраняет Трою и т.д. Прямого участия в событиях боги не принимают, о божественном происхождении героев, например Елены, также не упоминается. В основном рассказе Хроники Манассии о богах вообще не идет речи. В «Притче о кралех» присутствие олимпийских богов наиболее ощутимо, но все они — Нептун, Юпитер, Феб, Вулкан, Юнона, Венера и т.д. — низведены в ранг «дьяволов» или «пророков» и «пророчиц», что, впрочем, не мешает им обладать чудесной силой: под музыку Феба сами воздвигаются стены Трои, богиня Фалеша «обладает» морскими волнами и ветрами, а «госпожа» Венера спасает раненого в бою Париса, «сотворив велику мглу».

Так или иначе, но именно легенды троянского цикла в наибольшей степени ввели русских книжников в чудесный мир античных мифов, познакомили их с весьма широким кругом сюжетов, которыми «обросли» со временем гомеровские поэмы. Это знакомство стало еще более основательным, когда был переведен обширный латинский роман «История разрушения Трои» мессинца Гвидо де Колумна, которого отождествляют с придворным поэтом Фридриха II Гогенштауфена — императора Священной Римской империи и Сицилийского короля.⁷¹ Гвидо написал свой роман в конце XIII в., сюжет романа в значительной степени восходит к сюжету поэмы о Троянской войне французского поэта XII в. Бенуа де Сент-Мора.⁷² И Сент-Мор, и Гвидо де Колумна основываются в большей степени на версии Дарета, а не Диктиса, как Малала или автор «Притчи о кралех».

Если вкратце перечислить основные отличия фабулы романа Гвидо от фабул рассмотренных выше произведений, то можно указать на следующее.

У Гвидо рассказывается о походе аргонавтов за золотым руном, о том, как помогла Язону влюбившаяся в него дочь царя Оетеса (Ээта) Медея, о разрушении Трои (в которой в то время царствовал отец Приама Лаомедонт) Геркулесом, Теламоном и их сподвижниками. Затем описывается Троя, восстановленная Приамом, повествуется о посольстве троянского вельможи Антенора к греческим царям с просьбой вернуть захваченную в плен Теламоном сестру Приама Гесиону. Рассказывается о совете Приама с сыновьями перед тем, как отправить в Грецию Париса (при этом «суд Париса» оказывается не более чем вешим сном троянского царевича). В романе даются подробные характеристики греческим и троянским героям и героиням, присутствует и традиционный «каталог кораблей». В отличие от Хроники Малалы или «Притчи о кралех» у Гвидо очень много места уделено собственно батальным сценам — описаниям массовых сражений и поединков греческих и троянских витязей. Среди сыновей Приама наряду с Гектором выделяется Троил, не уступающий брату в рыцарской доблести, но несчастный в любви: его возлюбленная Брисеида, едва попав в лагерь греков, изменяет ему с царем Диомедом. Очень подробно описываются у Гвидо интриги троянских изменников — Энея и Антенора. Рассказывается не только о путешествии Одиссея, но и о дальнейшей судьбе героя, вплоть до его смерти, а также о судьбах других участников Троянской войны.

Как же распорядились русские книжники с произведениями о Троянской войне? Версия Малалы стала известна, видимо, еще в XI в.,⁷³ рассказ Хроники Манассии и «Притча о кралех» — в XV в., перевод романа Гвидо — на рубеже XV—XVI вв. Но ни рассказ Малалы или Манассии, ни «Притча» не были широко распространены в русской письменности; их заменила «Повесть о создании и поплении Тройском. . .», составленная, видимо, создателем Русского хронографа из фрагментов основного текста Хроники Манассии и «Притчи». «Повесть» получила большую популярность: она не только читалась в составе Хронографа 1512 г. и восходящих к нему Хронографа западнорусской редакции и Простран-

⁷¹ См.: И. М. Голенищев-Кутузов. Средневековая латинская литература Италии, с. 233. Латинский текст романа критически издан: Guido de Columnis. Historia destructionis Troiae. Ed. N. E. Griffin. Cambridge, Mass., 1966.

⁷² См.: А. Д. Михайлов. Французский рыцарский роман и вопросы типологии жанра в средневековой литературе. М., 1976, с. 43—46.

⁷³ В комментарии к русскому переводу пятой книги Малалы сказано, что в Древней Руси славянский перевод Хроники появился в X в. (см.: Памятники византийской литературы IV—IX веков, с. 183). Это след гипотезы А. А. Шахматова о «древнеболгарской энциклопедии X века», еще в начале века опровергнутой В. М. Истриным.

ного хронографа, но и выписывалась как самостоятельная статья в отдельные сборники. Нет необходимости пересказывать содержание «Повести», включившей в себя все основные сюжетные мотивы своих источников, — она недавно переиздана и исследована.⁷⁴ Напомню лишь один загадочный факт, имеющий непосредственное отношение к теме нашей статьи: в рассказе о том, как Гекуба отговаривала Гектора от боя с Ахиллесом, есть эпизод, отсутствующий в источниках «Повести», но имеющий параллель, как заметил М. Н. Ботвинник, в XXII песне «Илиады».⁷⁵ Не значит ли это, что автор «Повести» мог быть знаком с поэмой Гомера или каким-либо ее пересказом?

Что же касается романа Гвидо де Колумна, то он сразу же приобрел большую популярность: сохранилось четыре списка его полного перевода (три из них — XVI в.) и несколько сокращенных переработок; в XVII в. широкое распространение получила Краткая редакция Троянской истории;⁷⁶ в начале XVIII в. переделка романа Гвидо была издана.⁷⁷ Об авторитетности романа Гвидо в XVI в. позволяет судить тот факт, что полный текст перевода вошел в состав такого памятника официальной историографии, как Лицевой свод; тем более примечательно, что рядом был переписан и полный текст «Повести о создании и поплении Троиском. . .». Это несомненные свидетельства большого интереса русских книжников к повествованиям о Троянской войне. С переводом романа Гвидо был знаком Иван Грозный: в первом послании Курбскому он сравнивает своего адресата с Антенором и Энеем;⁷⁸ об измене этих троянских вельмож говорилось подробно только в романе Гвидо де Колумна.

Такова в общих чертах история троянских сказаний в древнерусской литературе.

Завершая анализ источников XI—XVI вв., следовало бы коснуться еще одного, а именно слова Григория Богослова «На святые светы явлений господних», содержащего реминисценции античных мифов и прокомментированного, по просьбе русских книжников, Максимом Греком. Но и само слово, и комментарий Максима Грека недавно всесторонне исследованы Д. М. Буланиным.⁷⁹

Итак, многие античные мифы в той или иной степени были известны древнерусским книжникам. Самих же «еллинских» богов воспринимали, вероятно, так, как трактовали, их, например, повести о Троянской войне: как обожествленных людей древности, которым поклонялись язычники; но эти боги едва ли вызывали ту откровенную неприязнь, к которой призывали своих читателей Георгий Амартол или Григорий Богослов. Средневековье любило диковинное, загадочное, экзотическое. Античные мифы удовлетворяли эти запросы древнерусских книжников.

⁷⁴ См.: Троянские сказания. Средневековые рыцарские романы о Троянской войне по русским рукописям XVI—XVII веков. Л., 1972. (Литературные памятники).

⁷⁵ Там же, с. 204.

⁷⁶ См.: там же, с. 166—184. Там же (с. 14—69) издан текст Краткой редакции.

⁷⁷ См.: О. В. Т в о р о г о в. Древнерусский перевод «Троянской истории» Гвидо де Колумна и издание 1709 г.—ТОДРЛ, т. XXVI. Л., 1971.

⁷⁸ Послания Ивана Грозного. М.—Л., 1951 (Литературные памятники), с. 43.

⁷⁹ Д. М. Б у л а н и н. Комментарии Максима Грека к словам Григория Богослова.—ТОДРЛ, т. XXXII. Л., 1977, с. 275—289.

ПРИЛОЖЕНИЕ

I

ИЗ ВВОДНОЙ ЧАСТИ ЕЛЛИНСКИХ ЛЕТОПИСЦЕВ

Фрагменты публикуются по списку Еллинского летописца первой редакции, рукописи ГПБ, собр. Погодина, № 1437, XVI в. Текст воспроизводится с упрощением орфографии. Исправления сделаны по списку той же редакции — рукописи ГИМ, Синопальное собр., № 280, обозначенному в примечаниях литерой С.

От гронографѣ о гигантѣхъ о змиенозѣхъ. Бѣ же от Адама, донелѣже внидоша сынови божи кѣ дочеремъ чело-вѣчьскимъ, лѣтъ 2000 и 100 и 2 лѣта. В та убо лѣта краду огнену¹ пусти богъ съ небеси на гиганты, живуцаа в Келтикистѣи земли, и пожже я; въ Иорданскую рѣку, шедши, угасе крада; сего же огня мнятъ еллини сына солнечна суца, егоже свѣтящесея, рѣша, упадша от колесница на землю. Сию же повѣсть списа Вудии въ сотворении своемъ²; правое же рече о сих Херонискии Плутархъ, яко рече краду огнену съшедшу на Кельтикииискую землю. Оставшии же от них гиганте, видѣвше толико от них огнемъ пожжены, и не покаяшася. И рече богъ, разгнѣвався на ня: «Не имамъ дати живота челоувѣкомъ симъ, елма плоть суть, плотьская мыслять», якоже Моисеискихъ³ пишеть книгах. Мудрый Писандръ, творецъ еллинескъ, по лѣтѣхъ бывъ Моисеовѣхъ⁴, о тѣхъ же гигантѣхъ въ творении своемъ сказа: «Человѣкы от земля рождены, имуща ноги змиеви, дрѣзнувшя на нѣкыя божескыя силы, рекъ, сия различными козными потреблены от бога». Мудрыи же Тимофеи ту же повѣсть тлъкуеть сиче, яко «сего дѣля творецъ нарече я челоувѣкы на змеиныхъ ногахъ, елма же звѣринъ умъ имуть, || ничтоже блага небеснаго на умѣ имуще⁵, нъ имуще носѣ^{л. 3 об.} ходяще на земная злая дѣля неправедная; того дѣля божество звѣзднымъ простираниемъ и мѣсячнымъ и слънечнымъ, овѣмъ от тресновения огнемъ повелѣ погинути, а другимъ каменемъ стати, инѣмъ же скорѣишими смертными стрѣлами устреленомъ быти, яко лучицю, а другимъ множества вод потоцленомъ быти. Тако вси гиганте нарицаемии змиинозѣ злѣ потреблени скончаша свои животъ». Сервеи же мудрыи повѣдаеть сия: «На широцѣ полѣ живша⁶, имѣвша рать съ нѣкыи, жившими на высокихъ горахъ, и възлѣзоша на горняя, акы змиевѣ, на рукахъ и чревѣсы ползающе, и избииени быша от живущихъ на горах». . .

О Кронѣ⁷. Роди же ся от пръвого сына Ноева челоувѣкъ гигантска рода, именовъ Кронъ, нареченъ бывъ от Дамия, отца своего⁸, въ имя преходныя звѣзды, бе же силенъ зѣло. Тъ прежде показа царствовати, рекше владѣти челоувѣкы, и царствова прѣвие въ Сирии много лѣтъ, и повину всю землю въ Пръсидѣ от Асирия начен, бе же страшень всѣмъ, яко лють ратникъ. Глаголють же, яко влѣхвовавшу Крону, кто приметъ его царство, и дано бысть ему проречение⁹, яко сынъ его приметъ, да темъ разгнѣвався Кронъ, пожираяше вся дѣти, яже раждааше ему жена его Ариа⁴. Егда же время ей бѣ родити нарицаемаго Пика Зевеса, еже есть Дии, събра кюриты, нѣкыя бѣсы гласяща и поюща и въ оружие звоняща⁵, да облазнится Кронъ, не слышавъ плача отrotchя¹⁰ и умедлить. Отrotchя же дано бысть³ въ Критѣ¹¹ въскрѣмити, а в него мѣсто камень повивше положиша, да усмотривъ от облакъ Кронъ, съшед, пожре камень, мня отrotchя, да ту абие избле|| ва¹² и прѣжняя пожрѣтыа.

Имѣ же иного сына и Кронъ, именовъ Нина, и дочерь, именовъ Иру⁶. Кронъ же остави сына своего Пика Зевеса, тѣи есть Дии, остави въ Асурии и жену свою Семирамъ, той есть Арѣя⁷, и поимъ мужа храбры, многу силу народа, и иде на западныя страны, яже бяху без царя, не дрѣжимы ныкы-

мже, и прѣя западныя страны бошию и пребы многа лѣта, дрѣжа и царства западнымъ всѣмъ. И поять Кронъ тамо жену именемъ Филуру и роди от нея сынъ именемъ Афронъ⁸ и дасть ему Ливьску землю, поя же от Лакарискаго острова жену именемъ Аострономъ и роди дщерь именемъ Афродита⁹, во имя переходныя звѣзды, мудра бывши, яже посяже за мудраго Адонида афинѣана, сына Кинирова¹⁰, и жиста оба вкупѣ мудрующа и до смерти. Имѣ же Кронъ от тоя же Фулуры сына, нарицаемаго Хирона философа и того.

О Пике Дии, како отца своего Крона в тимѣнии утопивъ, самъ царствова. Царствова же Пикъ въ Асурии лѣтъ 30, тако^а оставя матеръ свою Арию и сестру свою и жену, постави сына своего Велона царемъ въ Асирии¹¹ и отиде ко своему отцу Крону на западъ. Кронъ же, видѣвъ сына своего Пиду, пришедшу к нему на запад, преда ему царство западнее, бѣше бо старъ и ослабѣлъ. Инии же глаголють, яко Пикъ отца своего имѣ, истеса его отрѣзавъ, вверже в море, самого же || в тимѣнии погрузи и нуждею от(ъ)имѣ царство его¹². Царствова же Пикъ Зѣузъ инѣхъ лѣтъ 60 и 2. Живе же Пикъ Дии лѣтъ 100 и 20, и имѣ сыны и дщери многы, любодѣи бѣ, таибникъ и влѣжбы творя и пресажаа жены. Се же и Семель, дщерь Кадѣма царя, златомъ уснуби, и любяше паче инѣхъ. К ней же иноцѣ ея глаголаху: «Проси у Зевѣса, да приидеть истъ съ громомъ многымъ и мльнию^{а.13}». Си же Семель не вѣдущи лсти их, а бяше имущи въ чревѣ, въпросивши у Зевеса, и прииде къ неи и зажже ю. Отрочища же изъ ютробы ея истрѣгъ недоношено^а, имущъ седмь мѣсяць. И въ своемъ стѣгнии сего доносивъ, Денисиемъ сего именована. Съи же Дионисии началникъ же бѣ пианьству.

Фивѣи бо глаголють, яко Дии къ Алькоминѣ, женѣ Фитриокъ, при мѣсився, роди от нея сынъ, именемъ Ираклъ¹⁴, егоже Иракла нарицають Тримрачна. Тѣи показа прѣвое в вечернихъ чястехъ мудрость. Сего бо живущи от племени его прозваша звѣзду на небеси по имени — се суть бози были бозбожныхъ еллинъ, яже от нихъ еллинъстии баснословци бають, а не суть бози, нь чловѣци влѣхвове — звѣровиднаго Иракла, егоже глаголють въ лѣви язвени ходяща, и палицу имуща, и три яблока дрѣжаща, яже три яблока ему оттомьщу в кущуну глаголють палицею убивша змя, рекшу, одолѣвшу тремъ чястемъ злымъ похотемъ || ума мудростию, акы палицею; ходяща в котызѣ, яко въ лѣви язвенѣ, въ твердѣ умѣ. И тако от(ъ)емша три яблока, еже суть трие доблии нравы: еже не быти гнѣвливу, ни златолюбьцю, ни блуднику, палицею бо трѣпѣливия душа и язвеномъ буюю мысль уму побѣди, земную^а скверную похоть, нудяся мудроствовати и до смерти, якоже Диодоръ мудрыи списа.

О Прѣсѣи о гла вѣ Горгонѣ. Потом же Пикъ Зевесъ прижи по Ермии Ираклъ сына Персѣя от жены красны, именемъ Даная, дщери Акрасиевы¹⁵. Роди от нея сынъ именемъ Персѣя, егоже пишутъ крилата, зане измлада бѣяше отрочя быстро¹⁶. Сего ради Пикъ Зевесъ, отецъ его, научи его творити прокудѣ стыткаго крофоса¹⁷, всему, еже самъ вѣдьяше^а таибнымъ злымъ прелестемъ, глаголавъ ему яко «Побѣдиши с нимъ вся рати, иже бо възрять на лице Горгониино, будутъ яко мертви, тобою рассечени». И умре Дии, глаголють же Афиу, родившуся от главы Дыевы расѣченъ¹⁸.

Прѣсѣи же по смерти отца своего помысли на Асурийское царство, ревнуа Нина, стры своего. И приснися ему, и иде на страну Ливьску, на пути срѣте и обуена въ страшны власы глядящи. И ставъ, въпроси глаголя: «Како ти имя?». Она же рече: «Мидуса». И емъ ю за власы и серпнымъ мечемъ отаи усекнувъ^а главу ея^а. Главу же нарече Горго, быстрыя ради помощи и съдѣанія || на супостаты. Примучи же страны, никомуже противящуся. И мимошедшу времени прииде на нь царъ от

Ефиопиа Кифеос¹⁹. Пръси главу Горгонину ему показа. Кифѣи же очима не видяше и идяше на нь. Пръси же мяше главу Горгонину уже не мощну дѣствовати, обрати главу к себѣ и, позрѣвъ, бысть слѣбъ и убиенъ бысть. . .

О Ереми и о святѣ Троуцѣ²⁰. По умртвии же Дыеви, || царствова въ Италии сынъ его Еремии лѣтъ 30 и 5; бе же мужъ хитръ и уму ученъ, иже избрете руду золоту пръвие и ковати злато. Разуме, яко завидяте ему братя его, иже сут(ь) от многихъ женъ, яже имѣ Пикъ, отецъ его, а Еремии бѣ ему от пръвья жены²⁰. Еремии же, разумѣвъ на нь яряшуся братю, отиде, вземъ злата много, и иде въ Египетъ к колѣну Хамову, и прияша и съ честью, и живяше ту в велицей чести, ризу нося злату, влѣхвоваше, повѣдаше имъ хотящая быти; бе же и хитръ бесѣдамъ, мужъ дивенъ и мудръ и Тревеликъ нарицаемъ египтяны, иже сказа три велики силы суца²¹. . .

О Ангенорѣ и Велесе²². Дъщи же Дыева, иже от дщери Наховы, царя Прѣсѣченска, посяже за Посидона, и роди²⁴ Ангенора и Велоса²², та же приаста Суриу. Велонъ же поя жену Сиду, Ангеню же, шедъ в Вифинию²³, поя жену именемъ Туръ, и сътвори градъ и нарече Туръ. И роди от Туры Кадома, Финика, Сура²⁴ и Килика²⁴ и дщерь Европию²⁴. Царствова же Ангеню по странамъ тѣмъ лѣтъ²⁵ 60 и 3. Ангенору же суцу в Милитѣ, пришедъ же внезапно Тауръ, царь грѣческый новою ратию бився, прия град и плѣни дщери²⁶ Ангенора царя вечеръ, емуже вечеру память творять, рекуще: «Золь вечеръ». Тауръ поя жену Европъ, добру суцу, и роди от нея сына Мина²⁵. Умирая, Ангеноръ раздѣли землю, юже привоева, на три части: и взя Финикъ Тура и область его, землю Финичьску, а Суръ шедъ в чясть свою, юже нарече Суриа, а Киликъ свою землю нарече Киликия²⁶. . .

О Фестѣ. По Еремии же царствова въ Египтѣ Фестъ днии 6000 и 600 и 80, яко быти лѣтъ 4 и пол лѣта и днии 40 и 8²⁶. Не вѣдяху бо чести лѣтъ, ни мѣсяць, но послѣди уразумѣша, егда начаша дань даяти царемъ римскимъ. Сего же Фесту конь охромил на брани, бѣ же влѣхвъ храбръ. Тѣи Фестъ законъ устави женамъ за единъ мужъ посягати и ходити говѣюще, а прелюбодѣицу казнити. Сему таинную молитву творящу, спадша клѣща с небесъ ковати желѣзо и оружие²⁷, яко тѣи кузньюю мудрость показа, прежде бо каменнемъ бяхуся.

¹⁹ Ошибочно написан слог ки. ²⁰ Слог се написан. ²¹ Слог му написан. ²² Испр. согласно греческому тексту; в ркп. положивша. ²³ Испр. по С.; в ркп. Кромѣ. ²⁴ Слог че написан. ²⁵ В ркп. плачате, слог те зачеркнут, на поле отrotchate. ²⁶ Доб. по С. ²⁷ Буква а дописана позднее. ²⁸ Слово написано над строккой. ²⁹ Буква в написана. ³⁰ Испр.; в ркп. недношено. ³¹ Буква ю дописана позднее. ³² Буква дописана позднее. ³³ Испр. по С.; в ркп. Пискъ. ³⁴ Испр. по С.; в ркп. видяше. ³⁵ Дописано позднее на поле. ³⁶ Испр. по С.; в ркп. Троцѣ. ³⁷ В ркп. заголовок стоит не на месте, разрезая текст предшествующей статьи. ³⁸ Доб. на основании Архивского хронографа и Прибавления к палею. ³⁹ Испр. по С.; в ркп. Киликияска. ⁴⁰ Испр.; в ркп. Овропию. ⁴¹ Доб. по С. ⁴² Испр. по С.; в ркп. дщери. ⁴³ Испр.; С Киликия; в ркп. Килия. ⁴⁴ Испр.; в ркп. оружию.

¹ Т. е. «огненный шар». ² Имеется в виду миф о Фаэтоне, сыне Гелиоса, вошедший во II книгу «Метаморфоз» Овидия. ³ Дамий может быть отождествлен с Ураном. ⁴ Рея, жена Крона. ⁵ Куреты — спутники Реи. ⁶ Геру. ⁷ Семирамиду некоторые греческие авторы считали женой ассирийского царя Нина; здесь она отождествлена с Реей. ⁸ От Филуры Крон имел сына — кентавра Хирона; имя Афрон (‘‘Афрос) неясно. ⁹ По некоторым мифам Афродита считалась дочерью Зевса от Дионы. ¹⁰ Адонис, сын царя Кинира, возлюбленный Афродиты. ¹¹ Бел (Велон), верховный бог ассирио-вавилонян (в греческой историографии). ¹² Согласно Гесиоду, так расправился со своим отцом Ураном Крон (а не Зевс); «тимение» — пучина. ¹³ Согласно Гигину, этот совет Семеле дала Гера, явившись к ней в образе кормилицы. ¹⁴ Геракл — сын Зевса и Алкмены, жены Амфитриона, фиванского царя. ¹⁵ Даная — дочь аргосского царя Акрисия. ¹⁶ Персей полу-

чил от дочерей Форка крылатые сандалии. ¹⁷ Научил гадать на волшебной чаше (?) ¹⁸ По просьбе Зевса Прометей (по другой версии — Гефест) ударил его топором по голове, и оттуда вышла Афина в полном вооружении. ¹⁹ Эфиопский царь Кефей, отец Андромеды; в мифах о Персее не говорится о войне его с Кефеем и о гибели от взгляда на Горгону. ²⁰ Гермес был сыном Зевса и Майи, дочери Атланта. ²¹ Языческий бог Гермес отождествляется здесь с мифическим теософом Гермесом Тризмегистом. ²² Речь идет о Ливии, дочери Эпафа, родившей от Посейдона близнецов Агенора и Бела. ²³ Следует: в Финикию. ²⁴ Согласно мифам, у Агенора от Телефассы были три сына: Кадм, Фойник и Килик, и дочь Европа. ²⁵ Минос считался сыном Европы от Зевса; муж Европы носил имя Астерий. ²⁶ О правлении в Египте Гефеста в греческих мифах не говорилось.

II

ИЗ ВИЛЕНСКОГО ХРОНОГРАФА

Публикуется два фрагмента по рукописи БАН Литовской ССР, № 109/147. Первый из них не имеет соответствия в известном нам греческом тексте Хроники Малалы и скорее всего восходит к иному источнику (см. выше, с. 12); второй — рассказ о Тезее и Миносе — соответствует тексту IV книги Хроники Малалы, с. 85, 18—88, 10 (по изданию Диндорфа).

A

Платонъ бо высокыи философъ въ еллинѣхъ, и Ксенофонтъ, и Есхинось, и Аристотель сыи, иже прѣлестъ въдушевлениа^а въведоша въ человекы, сирѣчь въ ино тѣло прѣменитися дѣвицам. Дщерь бо Лукнееву, именовану Калистию, глаголетъ ю въдушившюся въ медведицу ¹, а Ипоменивову дщерь Малагрову въ лва ², а Ио, дщерь Инахову, в телицу ³, а Талантию, ^{25 об.} дщерь Есхинову, въ курь|| морскыи ⁴, а Филомину, дщерь Есхинову, въ соловеи и сестру ея Проклу в ластовицу ⁵, а Иовию, дщерь Аталантову, въ камыкъ преобразившюся ⁶. Таковая кощунствоваша солнцю же, и лунѣ, и звѣздамъ, и огню же, и водѣ, и всѣи твари поднебеснѣи, и жрѣтву приношаху всеу лъстящеса, якоже Фара истуканнаа капища творяше, а Авелеви убо убития ради прѣвыи кумирь создал и убожил его, вторыи же кумирь Сифовъ створил и убожилъ его.

Сифъ бо, сынъ Адамовъ, изобрѣт звѣздаа течениа и грамоту еврейскую, историею списаль. Сынѣ же его изобрѣтоша, яже от Сифа исписаная на дщѣ мѣденѣ^б мужи бывше мудрии, проразумѣвше хотящую быти пагубу [ч]еловѣком^в и прѣменение, сътвориша столпа два: единъ каменень и единъ плитянь, написаша на нею, яже от Сифа дѣда ихъ сказаная вся небесная, помысливше сие: аще земныи род погибнетъ человекъ водою, то каменныи стлѣпъ пребудеть, и яже на нем написаннаа суть, аще ли огнемъ, то плитяныи прѣбудеть, тотъ паче огнь прѣтърпить и яже на нем написанаа суть память будетъ человекѣмъ уцѣлевшимъ на земли. Стлѣпъ же каменныи осталъ въ Сиридской горѣ по потопѣ, дажде и доселѣ стоитъ, якоже Иосифъ сказаетъ; сего ради богомъ прозванъ бысть Сифъ. Сего ради глаголють: сынове божии пояша дщери человекъскыи — сынове бо Сифови пояша дщери Каиновы и родиша имъ сыны и быша гиганты на земли отъ вѣка человекъци нарочити.

С л о в о 17.

^{26 об.} Въ та же лѣта краду огненную пустилъ богъ с небеси на гиганты, живущая на земли въ Келтиистѣи стра||нѣ^и и пождьже я. Пришедши же крада въ Иорданскую рѣку и вгасе ⁷. Сии же по потопѣ Хусъ муринъ роди Неврода гиганта, иже сътворилъ Вавилонъ, егоже глаголють прѣси бога бывшии и суща въ звѣздахъ небесныхъ, егоже наричють кружилиа ⁸. Тотъ прѣжде наставлялъ ловити звѣрь и даяше всѣмъ зверину ясти, старѣишии прѣсомъ царь ихъ.

Вѣщаша древнии, яко Кронъ вѣста на отца своего, глаголемаго Дамиа ⁹, и, отрѣзавъ уды его таинныя, вѣврѣже ихъ^д в море. Приплувше же

тайных удовъ отрезание к берегу, Афродита^с видѣвши и взят их, да овогда творяше мужская, а другды страдаша женская. Тако убо та студнѣ и породнѣ чтется богыни паки блудных ради смѣшении скверных тайнъ¹⁰. Ты же Кронъ нареченъ бысть от Дамиа, отца своего, въ имя прѣходящая звѣзды. Бѣ же страшенъ всѣм, яко лють ратникъ, сѣкий вся.¹¹

Бают бо баснословци елиньстии, яко отвѣтъ приемъ отецъ Диевъ, яко остатися ему званиа царьскаго от единаго от дѣтии его, елико ражаше ему мужескъ полъ жена его Ира, а онъ их пожираше. Родивши же Дыя и милующи красоты его ради, украдши, въ Критъ ѿотслала. Си же бляди глаголи их, боги я нарицаху¹¹.

Оставивъ же Пикъ сына своего въ Асурии именем Велона и отидѣ къ своему отцю Крону на западъ. Велонъ же, царствовавъ 2 лѣтъ, умереть. Его же прѣси бога дрѣжать. Пикъ же поя сестру свою Иру. Елинетии же философи злѣ негодующе Иру мать всѣх боговъ нарицаху. Дрѣжал, царствуя^ж западными всѣми землями⁹, имѣ сыны и дщери многы от многих добрых женъ, любодѣявъ с ними, бѣ бо таибник, вльшебы нѣкиа творя, пресакая^н, жены же сии бога имѣяху его^н ведомы им лестию, || якоже кажюща им виды нѣкыя и проказы. Фауна бо сынъ его златым богом нарицаху, и обрѣтша им руду златую, дающа имъ злато много. Ираклия же сына его въбожившася, инѣх же вяще седмьдесят, боги ѿ нарицаху. Тако же сиа бяху о нем же глаголють, ни Дионусии стегнорожанию несношенни породил¹², иногда же глаголаху глава Диева, от того родитися Афинѣ¹³. Сего же глаголють мужъ и жена бѣ, овогда стража женская, овогда творя мужская, яже пианьству лики творяше. И сего ради въбожиша ѿ и вином упояше их. И инѣх богъ безчисльных, ижжже елинская прѣлестъ въбожиша человеком.

О Пелепонидѣ и Кропиде ке Улькемеоньсе, Елпиде же Ираклиде, прииде изреку изьображение слову сему¹⁴. Пелопсъ, сынъ бѣ Антоиловъ и Таловъ, фругийскаго царя¹⁵, а Антаталь брань приемъ съ Иломъ, създавшимъ солнечныи град¹⁶, бояся побѣженна, възврати сына своего въ Пелепиду пояти пешца съ имѣнием, рекъ: «Аще убо побѣжю, възвратися въ Фругию, аще ли побѣдят мя — прѣбуди въ Европии». Поемъ же Полопсъ въ Иладу, въ незаконную страну, тако зовему, в неиже царь Именеосъ имѣ дщерь Ипподамию, егоже с конникъ побѣдивъ Пелопсъ и вземъ страну, в Япия мѣсто имѣнова Пелепонисъ¹⁷. Сеи убо о Поленидех¹⁸.

Кекропсъ же царь бѣ афинѣом, иже и велми украси Атическую страну, зваша же ся двогласен, аки двѣ странѣ прѣмог — Еладу и Еюпетъ¹⁹. Глаголетъ бо, яко афинѣи бѣша от Егупта, Егупетъ же от Саевса града²⁰. Властитель же афинѣом тот Кекропсъ бысть, имыи егупетскыи глас, навече же елинскы. Оттуда убо || сводими кекропидѣ именуется. Еасъ же и тот сынъ быти Диосу глаголется въ правду славенъ²¹. Нѣкогда бо бездождию бывшю въ Еладѣ, приидоша к нему старѣишины града молити своего отца, дабы дождь былъ. Еаксъ^а же ставъ и тако помолися отцю своему, от бѣсовскаго дѣиства бывъ дождь. Онѣмъ же мнѣвшим, яко от отца ему бывшю, богом и нарицаху, вода многа напои Еладу. Оттуда убо честь Еаксу явися. Тотъ же ражает два сына: Пилея и Теламона. Пилеи ражает Ахилея, а Теламонъ Еанта, иже зовутся Аньгде, честь от дѣда своего приемлюще.

Ираклии же и тотъ сынъ быти Диосу глаголется въ правду славенъ²². Зевесъ бо бысть съ Алькминою сътворився человеком и съвокупився, и роди Ираклия, иже многы побѣды сътворил Ираклии. Мнози же быша от Ираклѣя, прѣвое славныи Илосъ цесарь²³, от негоже лакедемонствѣ

цареве все по ряду елинескъ не явимым прибѣгают, басни хваляще своя дѣды ²⁴.

^a Буквы вле написаны. ^b Слово дописано другим почерком. ^c В ркп. буква ч отсутствует. ^d В ркп. слог стра при переносе на следующую строку повторен. ^e Слово надписано. ^f Буквы ди и а надписаны. ^{g-h} В ркп. западным всѣм и надписано землями. ⁱ Испр.; в ркп. пресажаяя. ^k Слово надписано. ^l Буквы съ надписаны.

¹ Каллисто, дочь Ликаона, возлюбленная Зевса, была превращена в медведицу. ² Текст неясен; во львов были обращены Аталанта и Меланис (в другой версии мифа — Гиппомен). ³ Ио, дочь Инаха, возлюбленная Зевса, была обращена в телку. ⁴ Текст неясен. ⁵ Прокна и Филомела были обращены в ласточку и соловья. ⁶ Возможно, говорится о Ниобее, дочери Тантала, обратившейся в камень. ⁷ Миф о борьбе с гигантами см. также выше, во фрагментах из Вводной части Еллинских летописцев, с. 23. ⁸ Созвездие Орион. ⁹ Урана. ¹⁰ См. тот же миф во Вводной части, с. 24. ¹¹ См. тот же миф во Вводной части, с. 23. ¹² Миф о Семеле и Дионисе см. во Вводной части, с. 24. ¹³ О рождении Афины см. в прим. 18 к Вводной части, с. 26. ¹⁴ С. П. Шестаков (О значении славянского перевода. . . , с. 528) предположил, что источником дальнейшего текста является комментарий Нонна к Григорию Богослову. В греческом тексте заголовок сообщает, что далее пойдет речь о Пелопсе и Пелопонидах, Кекропсе и Кекропидах, Алкмене и Алкмеонидях, Геракле и Гераклидах. Как предположил С. П. Шестаков в помете на поле своей статьи, слово «ке» это непереведенное греческое «κελ». ¹⁵ Пелопс, сын фригийского царя Тантала. ¹⁶ Речь идет, вероятно, о войне Тантала с Илом, основателем Илиона, дедом Приама. ¹⁷ Пелопс одолел в состязании на колесницах Эномая и получил право жениться на его дочери Гипподамии. ¹⁸ Т. е. о Пелопонидах. ¹⁹ Кекропс — мифический первый царь Аттики, считался сыном Геи; миф о его власти также и над Египтом появился позднее. ²⁰ Саис — древняя столица Нижнего Египта. ²¹ Эак — сын Зевса и Эгины, отец Пелея и Теламона, почитался также как божество, дарующее дождь. ²² Речь идет о Геракле. ²³ Гилл — сын Геракла и Деяниры, потомки его овладели Пелопоннесом. ²⁴ Далее продолжается рассказ о Геракле, но текст очень неясен для понимания.

Б

Миф о Миносе и Тезее

Въ прѣдиреченныхъ же лѣтѣхъ царствова в Критѣ Миносоъ, сынъ Европинъ, иже и море одрѣжаше, сѣкса съ афинѣи и закон положи, о немже рече Платон премудры, о памятехъ законныхъ поминая. В ня же лѣта бѣаста Дедалъ и Икаръ, словуца Пасифоя ради жены ради Миноя царя и с Тауромъ и нотаремъ ея, с нимже блудивши и роди сынъ, егоже прозваша Минотаура, преполовльшема любодѣянне блужения Дедалу и Икару ¹. Миносоъ же царь Пасифая затворивъ въ куквулии со двѣма рабичнома, повелѣ кормити ю и остави ю ту, к тому не видѣ ея. И она, опечалившись, якоже изриновена от царьска сана, въ язву въпадши, умре. Дедалъ же и Икаръ убиена быста. Икаръ бо ис темници избѣгъ и пловый потопленъ бысть, а Дедалъ усѣкновенъ бысть. Пасифая же ради списа Еуропидъ повѣсть.

В та же лѣта Ираклисъ тризникъ, великиа тризны сътворивши, шед в Ливиску страну, сидеся съ Антиемъ, творящому и тому земныа тризны ². И одолѣвъ ему Ираклисъ и уби ѱ. Иже Ираклисъ по одолѣнии разболѣвся, сам ся въ огонь въврѣже и умре. О нем же Дидимъ премудрыи списал. Въ Илии же тогда царствоваша по Дарданѣ Лаомедонъ, сынъ его ³. . .

Въ вышереченныхъ же лѣтѣхъ умре Андрaгeос, сынъ Пасифаинъ и Миновъ, царя критска. Тако же и тѣи сам Миносъ умре и повелѣ, умирая, царствовати въ Критѣ Минотауру. И царствова Пасифаинъ сынъ и Тауровъ и нотаря ея. И укоръ помысливше бояре критстии, еже царствовати въ нихъ Минотауръ, яко таимичищу, сиречь выблядку, съвѣт сътвориша

на нь и въспустиша къ Фесею, акы къ храбру, къ сыну Егеиову, царя фусальска, и приити || с вой на нь, поручившеся прѣдати Минотаура^а и всю страну их, и дати ему и сестру его Ареадию женѣ, дочь Пасифииню. И прииде на нь Фесеусъ въ Критъ внезапно, вси оставльше бояре и воины створишася бѣжаше въ градъ Горгунъ. И разумѣвъ Минотауръ прѣдание побѣже и тѣи въ Лавуриинскую страну, вшед на гору и вбѣже въ пещеру крытая. И гнавъ ѿ Фесеусъ, увѣдѣ от нѣкоего, идѣже бѣ скрылся, его же извѣдѣ, абие усекну ѿ, и въшедѣ въ градъ Горгунъ обличи побѣду. И прославленъ бысть от бояръ и от всея страны тоя. И просия у них, да идеть къ Егеату, отцю своему, да и к тому исповѣсть побѣду. Прѣже, даже не доплу ко отцю своему, шед нѣкто корабльничъ лживъ, повѣда Егеату царю, отцю Фесеову, рекыи: «Избѣжа из града Минотаура». Помысли, яко прѣльстили сут(ь) сына его критяне, списаша бо от них мудрии: «Критяне присно лживии», имуть бо правъ лживъ. И ввѣржесе самъ в море. И пришед же Фесеусъ, сынъ его, обрѣте умръша отца своего и привѣщанъ бывъ своими бояры, небреже царства Критска въ отца своего мѣсто во Фесалии. И приведе жену Илию, прироком Фелефию⁴, Арединии же, влезши в тревникъ Дионуса, прѣбъсть же ту жрицею дѣвою до смърти своеа.

^а *Испр.; в ркп.* Минотару.

¹ Миф о Тезее в изложении Малалы существенно отличается от традиционной версии: Минотавр из чудовища превращается в критского царя, наследника Миноса на престоле; отец Минотавра, также, вероятно, был понят как обыкновенный человек; Эней прибывает на Крит не в числе афинян, обреченных на съедение Минотавру, а по приглашению критских бояр; Ариадна не помогает Тезею, но брошенная им, становится не женой Диониса, а жрицей в храме этого бога, и т. д. ² Упоминается миф о борьбе Геракла с Антеем. ³ Дардан — дед, а Лаомедонт — отец троянского царя Приама. ⁴ Женами Тесея были Антиопа и Федра; кто имеется здесь в виду — неясно.

III

ИЗ «ТРОЯНСКОЙ ИСТОРИИ» ГВИДО ДЕ КЮЛУМНА

Фрагмент из древнейшей редакции перевода «Троянской истории» Гвидо де Колумна — рассказ Одиссея царю Идоменею о своих странствиях — публикуется по рукописи ГИМ, Музейское собр., № 358, середина XVI в. (первому тому Лицевого свода), л. 973 об.— 979 об. Орфография оригинала упрощена, вместо «ѣ» пишется буква «е».

Истинно есть, господи царю, да по взятии Трои, коего *взятія*^а аз часть неложно велиа бех, с корабли своими, многими богатствы обремененными от богатств троянских, во множестве золота и серебра и во опъщении многих моих раб пучине вдахся, и по многи дни пловуци ми спешно, в некое пристанище, иже Мирна¹ опще именуется, первое здрав пристах, идеже со своими за прохлаждение снидох. И ту без боязни чрез некие дни пребых, зане ту ништо ми пакость нанесе.

Посем от предреченного пристанища отъидох, и время ми ласкавше, поспешно в пристанище, иже именуется Калостофагес², здрав приидох, идеже паки с своими чрез некие пребых. И егда лестнии ветри на поспешное время научаху, от того пристанища отступих, паки по ряду здраво плых. Тогда внезапно буря ветреная возможе, и аер от ведрости скоро бысть темен, безвестным плаванием ныне семо, ныне овамо в лагубе^б зелныя бури озлобе. Последи буря она меня понуди в Сисилою³ обратитися зело неволею, идеже озлобления многия потерпех и труды болша. Бо в Сисилии два брата царя, иже един звашеся Стригон, а другии звашеся Сикаон. Се два царя нападоша на мя и на моих, видящи корабли

моя богатств толиких полных, пограбиша их сильно и все, еже обретоша в них, отнесоша во множестве своих оружных. И того горши, яже наидоша два сына их, воины зело храбри и зело бранни, ихже един звашеся Алифам, а други — Полифем ⁴. Сии нападоша на воины моя и сто убиша от них, меня изымаша и Алфенора, обещака моего, и заключиша нас в некоем городке в темнице. Сеи Полифем име некую сестру, деву красну, юже виде Алфенор в похотения ея разжесе и увязе любовью ея, бысть зело безумен. По шесть же месяц поимана в Сисилии держа мя Полифем, но последи помилова мя и со мною Алфенора освободи. И последи он Полифем много яди учини и чести, но Алфенор в своей зелной любви толико трудися, да яко сестру Полифемову любляше, во время нощи у таибника отча изят и тое с собою приведе, еже егда прииде в слух его, сущим оскорбися зело. Сего ради той же Полифем паки на мя и моих тое же нощи вооружися в велице множестве воин. И бывшу устремлению на моих, и его сущи приобретоша Полифемову сестру, и последи Полифем на мя нападе, и егда от него настоящих себе защитити, едино око ему изях ⁶. И со обещаки своими оставшими в корабли своя внидох и тое же нощи в них от Сисилии отидох. Потом прямым плаванием текох во Елиду остров, ветр мя принесе, аки не хотяща ⁵.

В сем же острове бяху две отроковицы сестры, зело красны, того острова госпожи, яже в черной хитрости и заклинания зело научены имяхуся. Елико же во остров сеи плавающих случаи принесет, и те две сестры не толико их красотою, елико волшебными их обавани толь прилежне пленяху, да никакая надежда бяше вшедшим от острова мощно отити, вся иная попечения оставя. Сих же едина, яже наипаче всеи хитрости бе учена, Сирсеи именем нарицашесе, а другая своим именем Калифа ⁶. В власть же сих двоих счастье мя приведе. Их же едина, сиречь Сирсес, мою паки любовию уписа, своя смеша пит(ь)я и обавани своих козней, толь безумне мя прилаща, да яко год цел не бе мне воля от нея отити. В той же год Сирсес бысть непрадна и зачат от меня сына Телагона. И после родися от нея, возрасте и бысть мужь зело бранноносец. Аз же во умышлении своего отшествия попекохся, но Сирсес разгневался, своими волшебными хитростями веруя мя задержати. Но аз, иже в той хитрости зело такоже бе наказан, спротивными действы вся ея ухищрения разруших и отнюдь уничижих. И зане сиче хитрость поругается хитростью, спротивными слагани от хитростей Сирсины в толико превозмогоша сильнее хитрости моя, да яко со всеми путники моими, тогда со мною сущими, Сирсес зело озлоблен отидох.

Но что ми ползова оно отшествие! Да не вдавшу ми ся на море, ветр принесе в землю царицы Калифы, яже мя своими хитростями тако увязи и моих, до болшим временем, неже восхотех меня задержа у себя. Но то закоснение не бе мне зело докучно за красоту оной царицы, в ней же чудно цветяше, и за хотение благоволивое, неже у нее обретох, яже угодити мне и моим зело прилежя. Последи прилежанием разума своего бысть, да от тое здрав отидох. Но в велице труда моего казни за нее хитрости мои едва отгнати возмогоша.

И понуди мя ветр проити чрез некое место, бед многих исполнено. Доидох бо того на море, в немже сиренес суть, яже суть велия дивеса морская в пучине гулят ⁷. Суть от пупа вниз всяк образ рыбей имея, се же чудны гласы чудным шумом воздают в пенни в толь сладце воспевании песней, да небеснаго вознепщуеши превзыти в гласех музичных, да яко беднии плавающие, егда до них доидут, толикою сластию их пенни пленяются, да яко парусы кораблей их спускаются, весла отлагают, от плавания отнюдь воздержашесе. Тако бо пение упоеет, да яко бедные, слышаще, всех иных попечений тягости совлекутся, и толико их сладость

удручит, да аки себе самых отнюд забыв и нести не хотят. Егда в их мысли некий сон наидет, имже отнюд уснут, ихже тогда сиренес спящих ощутит, корабли правления кормил оставленных, скоро опрометывают и топят, да яко плавающие в них спяще злым опровержением погружаются. В се бо сиренес впадох, да и спутники мои со мною сущими не обвиются подобным сна заблужением, своими хитростями мои и их слух тако заткох, да их пеня аз и спутники мои не слышаще. Их отнюдь победихом и боле тысящи от них убихом, да яко здрав в них преидох, от бед их избавлени.

Потом пловуци, несчастный случай меж сирти принеси и прапрудных мест и зане на 15 стадии поглощение их протязашеся.⁸ Ту от того морьскаго поглощения боле половины кораблей многих пожрошася. Темже обещники мои пловуцие в них от поглощения онаго морьскаго опровержением изгибоша. Аз же со другою половиною кораблей моих от того поглощения морьскаго изсторгъся, в Финикии пловуции доидох, идеже обретох дивная языка мучителя, иже напад на меня и моих болшую часть мечем погуби, мало остави от них, и вся благая со мною сущая в кораблех взяша у меня. Человецы языка оного и меня изымаша и оставших со мною, в жестокие темницы заключиша. Потом свободиша мя и моих сущих заключенных, ничего ми отдаст от моих вещей. Сего ради в болшой нищете ведохся, обидох польдены, и последи в сию землю пристах, быв нищ и убог, якоже видиши. Се заповедах ти вси случаи свои: и отшед от Трои и в нищету како приидох.

⁴ Испр.; в ркп. вязя. ⁶ Испр.; в ркп. багубе. ⁸ Испр.; в ркп. язах.

¹ Согласно Гомеру, Одиссей прибыл в Исмер — приморский город во Фракии.
² По «Одиссее» — на землю лотофагов. ³ Сицилию. ⁴ Рассказ Гвидо о пребывании Одиссея у киклопов существенно отличен от рассказа Гомера. Царь Стригон и сын его Алифам это, возможно, переосмысленное имя Антифанта, царя листригонов (у Гомера).
⁵ Согласно Гомеру, Одиссей попадает на остров Эолию, в царство Эола, бога ветров. ⁶ Волшебница Цирцея обитала, по Гомеру, на острове Ээя, а к нимфе Калипсо, на остров Огигию, Одиссей попадает значительно позднее.
⁷ Пересказ мифа о сиренах. ⁸ Пересказ мифа о Спилле и Харибде.

Г. М. ПРОХОРОВ

Сочинения Давида Дисипата в древнерусской литературе

Исихастские споры, волновавшие теоретиков на Балканах в 30—60-х гг. XIV в., стимулировали новое мощное византийское влияние на культуру славянских стран. За сто лет переводов начиная с этого времени русская литература оказалась обогащенной, по оценке А. И. Соболевского, почти вдвое.¹ Но из непосредственно порожденной спорами обширной и разнообразной литературной продукции сравнительно очень немногое было переведено с греческого языка на славянский. Возможно, еще в 50-х гг. (и уж во всяком случае не позже 80-х) XIV в. в русских церквях раздались анафемы Варлааму, Акиндину и всем прочим, кто считает свет преобразования Христова явлением естественного порядка или, напротив, самой сущностью божией, и «вечная память» тем, кто, как Григорий Палама, учит, что этот свет — проявление божественной энергии, вечной и бесконечной.² Однако же сами учения, отвергаемые таким образом и утверждаемое, изложены в Чине православия, как того требует жанр, лишь коротко, в их существовании (пункты Чина, о которых идет речь, предназначены для второго воскресенья Великого поста). Подробнее о смысле столкнувшихся в Византии концепций и о том, как разворачивалась между ними борьба, русский читатель мог узнать из сочинений «кир Давида мниха и философа» — и, кажется, только из них. Об этих сочинениях, об их авторе, об их бытии в древнерусской литературе и пойдет здесь речь.

В русских рукописях³ сочинения кир Давида помещаются всегда вместе, всегда среди подборки антилатинских произведений, всегда в одном переводе и в определенном порядке: 1) «О еже не впасти в ересь Варлаама и Акиндина, кир Давида мниха и философа изложение», 2) «Тогожде сказание, како Варлаам изобрете и состави свою ересь» и 3) «Сведетельства от святых, яко божество глаголется обьсиявый свет на Фаворе ученики на божественное господне преобразование».

«Кир Давид мних и философ» — лицо науке известное.⁴ Это отпрыск аристократической фамилии Дисипатов, родственной Палеологам, ученик

¹ А. И. Соболевский. Переводная литература Московской Руси XIV—XV вв. СПб., 1903, с. 14.

² См.: Г. М. Прохоров. Исихазм и общественная мысль в Восточной Европе в XIV в.— ТОДРЛ, т. XXIII. Л., 1968, с. 104—105.

³ Известно пять русских списков XV—XVII вв. (см. ниже, с. 43—46) и два болгарских XV в. (см.: К. Иванова-Константинова. Някои моменти на българо-византийските литературни връзки през XIV в. (исихазъм и неговото проникване в България).— В кн.: Старобългарска литература. Изследвания и материали. Кн. 1. София, 1971, с. 219).

⁴ См.: Н.-V. Вегер. David Disypatos als Theologe und Vorkämpfer die Sache des Hesychasmus (ca. 1337—ca. 1350).— Jahrbuch der österreichischen Byzantinistik, 24. Bd. Wien, 1975, S. 107—128.

Григория Синаита, горячий сторонник Григория Паламы, противник Варлаама Калабрийского и Григория Акиндина. Сохранились, но только в греческом оригинале, и другие его сочинения: «Слово о кощунствах Варлаама и Акиндина, посланное Кавасиле господину Николаю»,⁵ ямбическая поэма с обличением ереси тех же Варлаама и Акиндина,⁶ и канон св. Георгию.⁷

До начала споров Давид Дисипат был в дружеских отношениях и с афонским монахом Григорием Паламой, и с переселившимся в 1330 г. из южной Италии в Византию калабрийским греком монахом Варлаамом, и с Григорием Акиндином, близким к патриарху светским лицом, учеником как Паламы, так и Варлаама, и пользовался уважением этих своих друзей. В одном из своих писем Варлаам пишет, что он многому хорошему научился у Калофета, Дисипата и праведника Луки.⁸ Судя по всему, эти аскеты знакомили его со своей созерцательской практикой. Но против их практики Варлаам сразу же резко восстал, стараясь при этом, однако же, сохранить хорошие отношения с самими авторитетными иноками.⁹

Антилатинские сочинения, написанные Варлаамом в Византии, вызвали (в 1336—1337 гг.) критику со стороны Григория Паламы. Варлаам применял относительные «диалектические» суждения, заимствуемые у почитаемых им античных философов. Палама же полагал, что богословским рассуждениям не пристало опираться на условные постулаты, — они должны иметь в основе реальный (церковный и личный) опыт богообщения и должны вследствие этого носить не релятивистский «диалектический», но абсолютный «аподиктический» характер. Отводя от себя последовавшее в ответ на это обвинение в еретическом посягательстве на общение с несообщимым, Палама развил теорию о различении в божестве трансцендентной несообщимой сущности и свойственной этой сущности «нетварной», т. е. бесконечной, но сообщимой миру и людям энергии или деятельности. Так спор о допустимых в богословии методах постепенно перерастал в столкновение гуманистического по своему характеру богословского агностицизма с мистическим христодоктристическим реализмом.¹⁰ Когда уже началась полемика с Паламой, но еще до открытого конфликта с исихастами, Варлаам писал Дисипату, что, на его взгляд, нет ничего лучше или почтеннее «точного постижения сущего, что в своем пределе есть возможно большее знание бога, и благовидного, с рассудительностью, отношения к людям с доступным подражанием Подлинному Добру», «прочее же, хотя и является подвигом и похвальным испытанием души, как-то: воздержание и бодрствование, твердость и самообладание в опасностях, пост и бдение, а также сон на земле и вообще всякое изнурение и упражнение тела, — если не ведет либо к одному, либо к другому, то напрасно, по-моему, людьми практикуется и вовсе никакой не приносит пользы душе

⁵ Δ. Γ. Τσάμης. Δαβίδ Δισυπάτου Λόγος κατὰ Βαρλαάμ καὶ Ἀκινδύνου πρὸς Νικόλαον Καρυσίαν. Θεσσαλονίκη, 1973.

⁶ См.: R. Brown ing. David Dishypatos' Poem on Akindynos.— Byzantion, 1955—1956—1957, т. XXV—XXVI—XXVII, fasc. 2, p. 713—745.

⁷ См.: Н.-Г. В е с к. Kirche und theologische Literatur im Byzantinischen Reich. München, 1959, S. 797.

⁸ G. S c h i r ò. Barlaam Calabro epistole greche i primordi episodici e dottrinari delle lotte esicaste. Palermo, 1954, N V, p. 323.

⁹ См.: Grégoire Palamas Défense des saits hésychastes. Introd., notes par J. Meyendorff. Ed. 2, rev. et corr. Louvain, 1973, p. XV—XVI.

¹⁰ См.: J. M e y e n d o r f f. Les débuts de la controverse hésychaste.— Byzantion, 1953, т. XXIII, p. 87—120. Наряду с другими статьями, затрагивающими связанные с исихазмом проблемы, эта статья включена в кн.: J. M e y e n d o r f f. Byzantine Hesychasm: historical, theological and social problems. Collected Studies. Variorum Reprints. London, 1974.

ни в настоящем, ни в будущем. . . ».¹¹ При этом Варлаам жаловался Дисипату на недоброе к себе отношение не называемого им по имени человека, имея в виду, очевидно, Паламу.¹² В этих письмах уже начинается сквозить иронически-высокомерное отношение их автора к получателю — Давиду.¹³

Скоро (1338 г.) Варлаам открыто стал подвергать резкой критике созерцательскую практику и теорию монахов-исихастов, «пуподушников» и «двубожников», как он их называл; в конце концов он обвинил их перед патриархом в мессалианской ереси. Защищавшего «священнобезмолствующих» Григория Паламу патриарх Иоанн Калека вызвал в начале лета 1341 г. из Фессалоник в столицу для ответа перед собором на обвинения калабрийца.¹⁴ С дороги, из Адрианополя, Палама написал Дисипату, прося его тоже явиться на собор. Письмо это было им послано в пустынную Парорию, расположенную где-то в горах южной Болгарии, между Адрианополем и Созополем. Давид Дисипат подвизался там с неким Дионисием, уроженцем Константинополя, тоже близким другом Григория Паламы.¹⁵ В Парории, как известно, находился монастырь Григория Синаита,¹⁶ потому есть все основания считать Давида и Дионисия его учениками.

Письмо Паламы не застало в Парории Дисипата: чуть раньше он получил из Константинополя от Григория Акиндина послание с просьбой лично посодействовать примирению Паламы с Варлаамом, чего Акиндин старался достичь,¹⁷ и уже находился на пути в столицу с некоторыми из своих сподвижников. Они прибыли туда через три дня после Григория Паламы и его друзей-спутников.

Собор состоялся 10 июня 1341 г. в храме св. Софии при большом стечении народа. Учение Паламы полностью восторжествовало. Варлаам публично просил прощения у Григория, получил его, пробовал затем, после внезапной смерти императора Андроника III (15 июня), начать свою борьбу сначала, но безуспешно, счел свое дело проигранным и, изменив внешность, бежал в июле из Византии обратно в Италию, вернулся там из православия в католичество, учил греческому языку Петрарку и со временем был возведен папой в сан епископа греческой униатской церкви Гераса. Любопытен перечень причин, по которым Варлаам стал считать истинной римско-католическую, а не православную церковь: 1) дисциплина и порядок в римской церкви, 2) образованность ее духовенства, 3) наличие видимого всемирного главы и 4) политическая сила западных народов.¹⁸

Дело Варлаама продолжил в Византии Григорий Акиндин, которому показались рискованными некоторые из выражений Паламы. Но в августе того же года на соборе Палама одержал публичную победу и над ним. Акиндин вынужден был письменно выразить свое полное согласие со святыми отцами.¹⁹

¹¹ G. Schirò. Barlaam Calabro epistole. . . , N VI, p. 325.

¹² Ibid., N VI и VIII, p. 325—327, 329—330.

¹³ См.: Н.-В. Вегер. David Disypatos. . . , S. 108.

¹⁴ Подробнее об этих и дальнейших событиях см.: J. Me y e n d o r f f. Introduction à l'étude de Grégoire Palamas. Paris, 1959, p. 65—128; то же в англ. пер.: A Study of Gregory Palamas. London, 1964, p. 42—85.

¹⁵ См.: А. Г. Тσαμη. Δαβίδ Δισυπάτου Λόγος. . . , σ. 17.

¹⁶ См.: В. С. Киселков. Средневековна Парория и Синаитовият манастир. — Юбилеен сборник за проф. В. Златарски. София, 1925, с. 103—118.

¹⁷ См.: V. Laurent. L'assaut avorté de la Horde d'Or contre l'Empire byzantin (printemps—été 1341). — Revue des études byzantines, 1960, t. XVIII, p. 157—160.

¹⁸ J. Me y e n d o r f f. Un mauvais théologien de l'unité au XIVe siècle: Barlaam le Calabrais. — In: 1054—1954: L'Eglise et les églises, II. Chévetogne, 1954, p. 62.

¹⁹ Текст этой расписки Акиндина см.: Порфирий Успенский. История Афона, ч. III, отд. 2. СПб., 1892, с. 250, примеч.: см. также: J. Me y e n d o r f f.

Казалось бы, исихасты отбили все атаки. Однако ситуация в Византии вдруг резко изменилась, и для их противников открылись новые перспективы. Два человека претендовали на регентство при девятилетнем наследнике умершего императора: фактически управлявший делами государства великий domestik Иоанн Кантакузин и патриарх Иоанн Калека. В октябре 1341 г. с целью устранить Кантакузина от власти великий дука Алексей Апокавк, патриарх и вдовствующая императрица Анна Савойская произвели в Константинополе государственный переворот. Началась гражданская война. Григорий Палама, теперь широко известный, вместе с другими видными монахами выступил решительным сторонником гражданского мира, прекращения борьбы с Кантакузином. Какое-то время Паламе удавалось избежать ареста, меняя места своего пребывания. Но в марте 1342 г. его доставили из Гераклеи в столицу и в сентябре того же года по подозрению в связи с Кантакузином арестовали. Поддерживаемый патриархом, против теоретических положений Паламы вновь выступил Григорий Акиндин. Как «многобожник» в ноябре 1344 г. Палама был отлучен от церкви.

Именно в это неблагоприятное для Паламы время гражданской войны Давид Дисипат начал писать в защиту его учения, против Акиндина. Где именно он тогда находился, неизвестно. Р. Браунинг думает, что он мог быть на Афоне или же в лагере Кантакузина во Фракии;²⁰ Д. Цамис предполагает, что еще в 1341 г. Давид вернулся в Парорию.²¹ В мае 1342 г. Дисипат написал «Слово о кощунствах Варлаама и Акиндина, посланное Кавасиле господину Николаю».²² Николай Кавасила, в дальнейшем видный общественный деятель и знаменитый писатель-мистик,²³ тогда еще не определил, очевидно, своего отношения к идеям противников, ибо примерно в это же время ему писал и Акиндин, тоже стараясь заручиться его поддержкой.²⁴ Затем Акиндин, чтобы завоевать сердца молодежи, сочинил поэму в 509 ямбических стихов против Паламы,²⁵ а Дисипат, услышав об этом, создал свою поэму в 618 стихов против Акиндина (не раньше осени 1342 г.).

Гражданская война тянулась пять с половиной лет (октябрь 1341—февраль 1347 г.). Но перелом в ней в пользу Иоанна Кантакузина наметился задолго до ее конца, вскоре после смерти наиболее энергичного «антикантакузиниста» Апокавка, погибшего от рук заключенных при обзрении одной из ставших в то время многочисленными в Константинополе тюрем (11 июня 1344 г.). Равным образом и учение Акиндина, несмотря на все старания патриарха, популярным не становилось. Императрица Анна начала осознавать гибельность проводимой при ее участии политики. И тогда, очевидно чтобы спасти свое положение, она решила пожертвовать вторым членом «триумвирата», патриархом Иоанном Калекой. Тот был уязвим именно благодаря поддержке, какую оказывал соборно осуж-

Le Tome synodal de 1347.— Зборник Радова. Византолошки институт, т. VIII. Београд, 1963, с. 226.

²⁰ R. Brown ing. David Dishypatos' Poem. . . , p. 742.

²¹ См.: Δ. Γ. Τσάμης. Δαβίδ Δισυπάτου Λόγος. . . , σ. 19.

²² Подробный разбор этого главного сочинения Дисипата см. в работе: Н.-V. Вегер. David Dishypatos. . . , S. 110—124.

²³ См.: M. Lot - B o r o d i n e. Un maître de la spiritualité byzantine au XIVe siècle Nicolas Cabasilas. Paris, 1958; 'Α. 'Α. 'Αγγελοπούλου. Νικόλαος Καβάσιλας Χρισματιστής. 'Η ζωή καὶ τὸ ἔργον αὐτοῦ. Θεσσαλονίκη, 1970; D. Stiernon. Bulletin sur le palamisme. — Revue des études byzantines, 1972, t. 30, p. 271.

²⁴ См.: I. Ševčenco. Nicolas Cabasilas' Correspondence and the Treatment of late byzantine literary Texts.— Byzantinische Zeitschrift, 1954, t. 47, p. 53, n. 4.

²⁵ См.: Порфирий Успенский. История Афона, ч. III, отд. 2, Оправдания, № 48, с. 806—821.

денному в августе 1341 г. Акиндину. В частности, чтобы поднять богословский престиж Акиндина, патриарх рукоположил его в дьяконы, а потом и в священники. Не очень интересуясь богословской проблематикой и памятуя, что на соборе, который осудил Варлаама, председательствовал ее муж, императрица и прежде не сочувствовала этой стороне деятельности патриарха. Теперь же она выразила желание быть проинформированной обеими спорящими сторонами. С этой целью в начале 1346 г. она обратилась к заключенному Григорию Паламе, к Акиндину, к Давиду Дисипату и к историку Никифору Григоре с просьбой объяснить ей, в чем суть разногласий. Палама ответил ей кратким письмом;²⁶ Акиндин написал свое полемическое исповедание веры;²⁷ Григора заявил, что не разделяет взглядов исихастов, и, понимая, что в этот момент требуется императрице, ничего не написал (спустя небольшое время он выступит против Григория Паламы); а Давид Дисипат представил ей в ответ занимающее нас сочинение, или сочинения. В одном из греческих списков конца XIV—начала XV в. «Сказание» Дисипата сопровождается краткой исторической справкой, в которой говорится: «Это сочинение написано мудрейшим монахом Давидом по следующему поводу. Сего божественного Давида просила благочестивейшая деспина Палеологина, говоря: „Прошу тебя, почтенный отец, напиши мне ясно, чтобы я узнала, что представляет собой ересь Акиндина, что возразил ему высокопочтеннейший господин Григорий Палама и что [ответил ему] Акиндин“. Уступив, таким образом, просьбе деспины, божественный Давид написал для нее это полезнейшее сочинение, ясное и доступное по слогу и глубокое по уму и смыслу».²⁸

Бросается в глаза сходство заголовка этого написанного для императрицы Сказания Дисипата — ... ὅπως τὴν ἀρχὴν συνέστη ἢ κατὰ τὸν Βαρλαάμ καὶ Ἀκίνδονον πονηρὰ αἵρεσις (...о том, как возникла гнусная ересь Варлаама и Акиндина) и заглавия Слова Акиндина ... ὅπως ἢ τοῦ Παλαμᾶ καὶ Βαρλαάμ φιλονεικία τὴν ἀρχὴν συνέστη (...о том, как возник спор Паламы и Варлаама), написанного весной 1343 г. для представления патриарху.²⁹ Вспомним, что Дисипат свою ямбическую поэму сочинял в ответ на поэму Акиндина и, как и тот, обращался с посланием к Николаю Кавасиле. Думаю, едва ли не каждый раз, беря в руки перо, Дисипат «брал на прицел» какое-то определенное произведение своего противника.

Кроме самого Григория Паламы и Дисипата, против Акиндина писал еще целый ряд лиц,³⁰ в том числе Филофей Коккин, будущий патриарх; как раз в январе 1346 г. святогорцы прислали в Константинополь два написанных им трактата о фаворском свете.³¹

Движимый, очевидно, чувством самосохранения, патриарх Иоанн вскоре отрекся от Акиндина, но это его уже не спасло. В январе 1347 г., перед самым вступлением Иоанна Кантакузина в Константинополь, императрица Анна созвала собор, который и низложил патриарха. В феврале, при Кантакузине, собор подтвердил низложение Калеки и отлучил от церкви Акиндина.

²⁶ См.: Γρηγορίου τοῦ Παλαμᾶ Συγγράματα. Τ. Β'. Θεσσαλονίκη, 1966. σ. 545—547.

²⁷ См.: M. S a n d a l. La Confesión antipalámica de Gregorio Acindino.— Orientalia Christiana Periodica, t. 25. Roma, 1959, p. 215—264; D. S t i e r n o n. Bulletin sur le palamisme, p. 247—249.

²⁸ Греческий оригинал этого текста см.: M. S a n d a l. Origen ideológico del palamismo en un documento de David Disipato.— Orientalia Christiana Periodica, t. 15. Roma, 1949, p. 89, n. 2.

²⁹ См.: Ф. У с п е н с к и й. Синодик в неделю православия. Одесса, 1893, с. 86—92.

³⁰ J. M e y e n d o r f f. Introduction à l'étude. . . , p. 121, 356—363.

³¹ Ibid., p. 414.

На этом соборе Акиндин поносил монахов, называя их мессалианами, извратившими правые догматы, и обжорами и пьяницами, которые с перепоя хвастаются, что знают божьи тайны и предсказывают будущее.³² Он бежал из столицы и в начале 1348 г. послал своим ученикам в Константинополь своего рода завещание с призывом продолжать сопротивление паламизму.³³ Несколько недель спустя он умер.

Отдельные последователи Варлаама и Акиндина не исчезнут в Византии до самых последних дней ее существования. Но после победы Кантакузина монахи-исихасты из числа решительных сторонников учения Паламы прочно заняли ключевые посты в византийской церкви. Уже с этих позиций они продолжали свою борьбу с «медведями и львами нечестия»; в числе первых, помогая новоизбранному патриарху Исидору (1347—1350 гг.), бросался на недавних господ положения «благородный Давид», с его, как пишет (в Житии Исидора) Филофей Коккин, удивительной «остротой и силой ума, с готовностью щедро изливающего, как из источника, превосходную мудрость то (своих) рассуждений, то божественных Писаний и наших мудрецов-богословов». В то же время Давид без устали ходатайствовал перед императором Иоанном Кантакузином за тех, кто в этом нуждался. Филофей сообщает также о похвальном слове Давида патриарху Исидору.³⁴

О самом Давиде Дисипате сведений больше нет, если не считать одного письма Григория Паламы, посланного им в июле 1354 г. из турецкого плена, возможно, Давиду Дисипату:³⁵ в единственном списке этого послания (Ursal. gr. 28a, f. 99) адресат в заглавии не указан, лишь рядом с первой строкой текста на поле киноварью написано: τῷ δισσίπ(ά)τῳ, — «Диссипату». В первой фразе, однако же, здесь говорится о некоем известном Давиде как о покойном, причем имя «Давид» (в начале третьей строки) тоже стоит в дательном падеже, так что и с ним может быть связан маргиналий «Диссипату». Принимая это во внимание, Дж. Мейендорф считает возможным допустить, что послание адресовано неизвестному нам лицу.³⁶ Греческий же ученый Д. Цамис утверждает, что маргиналий по своему положению может относиться только к заголовку, и потому возвращается к мнению, что Григорий Палама писал именно Давиду Дисипату. О каком же тогда «блаженном Давиде» в послании идет речь? Д. Цамис предполагает, что о неизвестном нам духовном отце Дисипата.³⁷ Однако же Х.-Ф. Байер справедливо, на мой взгляд, сомневается в возможности того, чтобы Палама с такой теплой благодарностью вспоминал о каком-то другом Давиде, кроме Дисипата.³⁸

Испанский ученый М. Кандал исследовал греческую рукописную традицию Сказания Дисипата и установил, что существует два типа его текста.³⁹ Без имени автора («Некоего имярек. . .») по рукописи Метеоро-Варлаамского монастыря в Фессалии (которую впоследствии не удалось обнаружить) текст второго, более позднего вида вместе с сопровождающей его подборкой выписок-свидетельств еще прежде этого был издан

³² Ioannis Cantacuzeni eximperatoris historiarum libri IV, vol. III. Bonnae, 1832, p. 173—174; Порфирий Успенский. История Афона, ч. III, отд. 2, с. 254, 726.

³³ См.: Т. Мейендорф. Introduction à l'étude. . . , p. 132, 408.

³⁴ См.: Жития двух вселенских патриархов XIV в., св. Афанасия I и Исидора I. Изд. А. Пападопуло-Керамевс. СПб., 1905, с. 122, 129, 130, 131; см. также: Н.-В. Вейер. David Disypatos. . . , S. 126—127.

³⁵ М. Треу. Ἐπιστολή Γρηγορίου τοῦ Παλαμᾶ πρὸς Δαυὶδ μοναχὸν τὸν Δισσίπτον. — Δελτίον τῆς ἱστορικῆς καὶ ἐθνολογικῆς ἐταιρείας τῆς Ἑλλάδος. . . , τ. 3, 1889. с. 227—234.

³⁶ J. Meuschen. Introduction à l'étude. . . , p. 378.

³⁷ Δ. Γ. Τσαμίη. Δαβὶδ Δισσίπατου Λόγος. . . , с. 22—23.

³⁸ Н.-В. Вейер. David Disypatos. . . , S. 127—128.

³⁹ М. Сандал. Origen ideológico. . . , p. 90—94.

и переведен на русский язык Порфирием Успенским.⁴⁰ М. Кандал по мюнхенскому греческому кодексу *Monacense 508*, XIV в., издал Сказание в первоначальном виде, сопроводив его разночтениями по изданию П. Успенского, переводом на испанский язык и подробным историческим комментарием. Но после этого Р. Браунинг обнаружил в бодлеанской рукописи *Oxon. Misc. gr. 120* четыре интерполяции в текст Сказания, три из которых, очевидно, позднейшие, но одна не похожа на позднюю, поскольку в деталях описывает отношения Акиндина и исихастов в период между июнем 1341-го и пасхой 1342 г. Р. Браунинг опубликовал эти отрывки и заметил, что все Сказание должно быть заново издано в третий раз.⁴¹

В Москве хранится одна из пяти названных М. Кандалом греческих рукописей с первым типом Сказания — ГИМ, Синод. греч., № 290/236.⁴² Ее датировали то XV—XVI,⁴³ то XV—XVII вв.⁴⁴ На деле, как показывают ее филигранные, она принадлежит 60—80-м гг. XIV в.⁴⁵ Написана она разными почерками,⁴⁶ среди которых оказалось два мне знакомых: Иоасафа из столичного монастыря τῶν Ὀδηγῶν⁴⁷ и Мануила Цикандилиса.⁴⁸ Эти почерки чередуются,⁴⁹ а на л. 95 об. и встречаются: Мануил сменяет Иоасафа среди фразы (рис. 1). Ничего удивительного в этом нет, так как известно, что оба эти писца обслуживали экс-императора Иоанна Кантакузина и его ближайших друзей. Но по почеркам мы можем уверенно судить о кружке, из которого вышла эта книга.

Сказание Давида Дисипата, или, как оно здесь называется, «Краткая история честнейшего и мудрейшего монаха господина Давида о том, как возникла гнусная ересь Варлаама и Акиндина», открывает сборник. Так же точно, кстати сказать, оно открывает и *Monacense 508*, имеющую и ряд других общих с московской рукописью особенностей (следом

⁴⁰ Порфирий Успенский. История Афона, ч. III, отд. 2, с. 821—828, 266—270.

⁴¹ R. Brownig. *David Dishypatos' Poem...*, p. 743—745.

⁴² По каталогу Маттеи это № 277; см.: Ch. Fr. Matthaei. *Accurata codicum graecorum manuscriptorum Bibliothecarum Mosquensium Sanctissimae Synodi notitia et recensio*. Lipsiae, 1805, p. 117.

⁴³ См.: Савва, архим. Указатель для обозрения Московской Патриаршей (ныне Синодальной) ризницы и библиотеки. Изд. 3-е. М., 1858, с. 68, № 290.

⁴⁴ См.: Владимир, архим. Систематическое описание рукописей Московской Синодальной (Патриаршей) библиотеки, ч. I. Рукописи греческие. М., 1894, с. 307, № 236.

⁴⁵ Филигранные: 1) «Три груши» типа, по альбому В. А. Мошина (далее — М.), № 4319 — 1362 г. (л. 2—74, 244—260, 267—274); 2) «круги» типа М., № 1955 — 1367 г. (л. 79—97); 3) «козел» типа М., № 1692 — 1364 г. (л. 104—166, 171); 4) «колокол» М., № 3003 — 1375/85 гг. (после л. 167); 5) «змея» типа М., № 6992 — 1380 г. (до л. 228); 6) «звезда» М., № 3756 — 1382—1383 гг. (л. 229—240); 7) «башня» М., № 7127; по альбому Брике, № 15857 — 1372 г. (л. 275—280); 8) «секира» М., № 4682 — 1369 г. (л. 282—289); 9) «круг» М., № 1860 — ок. 1370 г. (л. 290—295); 10) «три горы» Брике, № 1374 — 1382 г. (л. 296—302); 11) «башня» типа М., № 7165 — 1380—1400 гг. (л. 310—334).

⁴⁶ Смена рук происходит на л. 75, 78, 95 об., 215, 223 об., 275, 281, 290, 296, 304.

⁴⁷ См.: L. Politis. 1) *Jean-Joasaph Cantacuzène fut-il copiste?* — *Revue des études byzantines*, 1956, XIV, p. 197; 2) *Eine Schreiberschule im Kloster τῶν Ὀδηγῶν*. — *Byzantinische Zeitschrift*, 1958, 51. Band; G. M. Прохоров. *A codicological analysis of the illuminated Akathistos to the Virgin (Moscow, State historical museum, Synodal gr. 429)*. — *Dumbarton Oaks Papers*, 1972, t. 26, pl. 2—7.

⁴⁸ См.: S. Lambros. *Ααλεξανδρινοὶ βιβλιογράφοι καὶ κριτοὶ κωδίκων κατὰ τοὺς μέσους αἰῶνας καὶ ἐπὶ Τουρκοκρατίας*. — *Νέος Ἑλληνομνημῶν*, 1907, IV, σ. 167—176; H. Omont. *Fac-similés des manuscrits grecs datés de la Bibliothèque Nationale du IX-e au XIV-e siècle*. Paris, 1891, N 87—88, 93; Г. М. Прохоров. Публицистика Иоанна Кантакузича 1367—1371 гг. — *Византийский временник*, т. XXIX. М., 1968, с. 321, рис. 2.

⁴⁹ Л. 78—95 об. — Иоасаф; л. 95 об.—214 — Мануил Цикандилис; л. 215—223, 282—289 — Иоасаф.

за М. Кандалом я склонен думать, что эти два кодекса связаны узами родства,⁵⁰ но какая именно между ними зависимость — это надлежит еще выяснить). И там и тут Сказание помещено одно, без всегда сопровождающих его в русских рукописях текстов того же Дисипата. Далее в Синод. греч., № 290 следует соборный том 1351 г., один из наиболее зна-

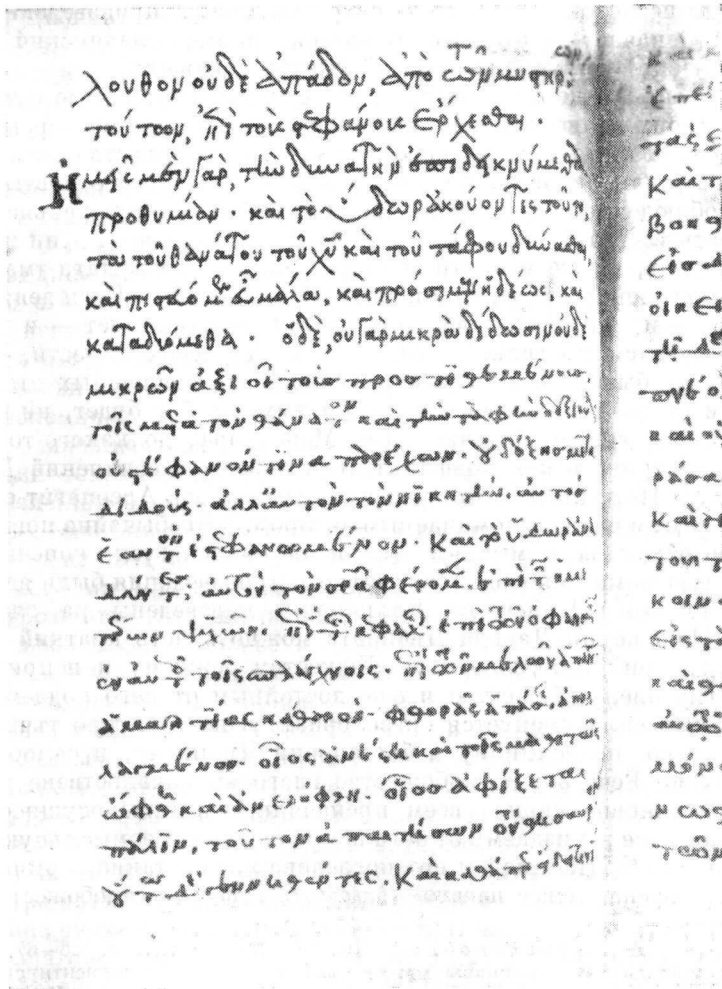

Рис. 1. Сочинение Николая Кавасилы «О жизни во Христе». Пи-сец Мануил Цикандилис сменяет Иоасафа на 8-й строке сверху.

ГИМ, Синод. греч., № 290, XIV в., л. 95 об.

чительных в истории утверждения в православии учения о божественной энергии. Сборник в целом носит заостренно-исихастский характер; здесь содержатся произведения таких авторов, как патриарх Филофей, Григорий Палама, Николай Кавасила. Оказывается, что здесь (л. 78—214) перед нами прижизненный, выполненный Иоасафом и Мануилом Цикандилисом список знаменитого сочинения Николая Кавасилы «О жизни

⁵⁰ M. Candal. *Origen ideológico...*, p. 91—92.

во Христе», поскольку автор был жив еще в 90-х гг. XIV в.⁵¹ Ясно, что Сказание Давида Дисипата играет в московском и мюнхенском сборниках роль вступительной исторической справки; потому-то оно и помещено здесь на первом месте.

Что касается Изложения «О еже не впасти в ересь Варлаама и Акиндина», которое в русских рукописях всегда предшествует Сказанию, то ни одним из исследователей оно не отмечено в числе произведений Давида Дисипата. Означает ли это, что сохранился только славянский его перевод, а греческий оригинал утрачен? Время покажет.

Изложение «О еже не впасти. . .» Давид начинает прямо с заявления о своей и своих единомышленников вере в нетленность фаворского света и о различении ими непричастного божественного существа, или естества, от «действия», или энергии, которая сообщается людям с чистым — очищенным соблюдением заповедей — сердцем. Далее автор разъясняет, что деятельность всегда соответствует характеру существа: «. . .ни же греяти можеть студень, ни же убелити черность, ни же просвещати тма», но кто что имеет по своей природе, то и подает «приемлющим». Если деятельность преходяща — и существо преходяще, если действий нет — и существа нет: «. . .случится по всякой нужди (т. е. по необходимости, — Г. П.) ни же самому быти глаголати богу, понеже, по священных отцех, естественному и существеному действу отъемлему, ни бог будет, ни человек».

Исихастские споры, замечает Дж. Мейендорф, до какого-то момента можно рассматривать как конфликт двух экзегетов сочинений Дионисия Ареопагита.⁵² Но и на всем протяжении этих споров Ареопагит оставался едва ли не самым часто упоминаемым автором.⁵³ Необычайно повышенным вниманием общества к мыслям Дионисия объясняется, конечно, и то, что в 1371 г. огромные и очень сложные его произведения были впервые — сербским иноком Исайей на Балканах — переведены на славянский язык.⁵⁴ В Изложении Давида Дисипата можно видеть краткий паламитский комментарий к Ареопагиту: «Божеству божиему и непричастному существу глаголему, божество и еже достойным от него подаемый боготворный дар и сила именуется богословцем; и не божество тьчию, нъ — и самобожество, по великому в богословии Дионисиу, и самообожение, и богоначалие. Рече бо: „Самобожество глаголем начальствене убо и божествене и виновне единое всем преначальное и присносущное начало и вину, причастне же издаему от бога непричастнаго промыслъную силу — самообожение“».⁵⁵ Паламой и его последователями такие термины Ареопагита, как «преначальное начало» (*ὑπεράρχικος ἀρχή*), «самобожество» (*αὐτο-*

⁵¹ См.: 'Α. 'Α. 'Αγγελοπούλου. Νικόλαος Καβάσιλας..., σ. 66—67. Мне кажется, этой московской рукописью может быть несколько откорректировано представление, согласно которому богословские произведения Николая Кавасилы «появились, вероятно, в период его старости, когда, удалившись с публичной арены, он мог посвятить себя письменному выражению своих духовных прозрений» (В. В о r i n s k o y. Nicolas Cabasilas et la spiritualité hésychaste.— La pensée Orthodoxe. Revue de l'Institut de théologie orthodoxe, N 1 (12). Paris, 1966, p. 9). Как видим, сочинение «О жизни во Христе» существовало, когда автор, может быть, и удалился уже от мира в Манганский монастырь около Константинополя, но не был еще старым и когда общественные страсти еще вовсю бушевали.

⁵² См.: J. M e y e n d o r f f. Notes sur l'influence dionysienne en Orient.— Studia Patristica, II. Berlin, 1957, p. 547—552.

⁵³ См.: D. S t i e r n o n. Bulletin sur le palamisme, p. 293—297, 311—314.

⁵⁴ См.: Г. М. П р о х о р о в. Корпус сочинений с именем Дионисия Ареопагита в древнерусской литературе. (Проблемы и задачи изучения).— ТОДРЛ, т. XXXI. Л., 1977, с. 351—361.

⁵⁵ Ср.: «...αὐτοθεότητά φαμεν ἀρχικῶς μὲν οὖν, θεϊκῶς καὶ αἰτιατικῶς, τὴν μίαν πάντων ὑπεράρχιον καὶ ὑπερούσιον ἀρχὴν καὶ αἰτίαν· μεθεκτῶς δὲ τὰς ἐκδομένας ἐκ Θεοῦ τοῦ ἀμεθεκτοῦ προνοητικὰς δυνάμεις, τὴν αὐτοζώωσιν, αὐτοθέωσιν...». — De divinis nominibus, cap. XI, § VI. — PG, t. III, col. 953D—956A.

θεότης) и «самообожение» (αὐτοθέωσις), прилагались к понятию божественной деятельности, энергии.

Любопытно, что в Изложении говорится лишь о Варлааме и о древних еретиках Арии и Македонии, дерзнувших назвать созданным «божество и самобожество, и самообожение, и богоначальство», но совсем не упоминается Акиндин, хотя знакомство автора с его теорией, согласно которой причастна миру сама божественная сущность, совершенно очевидно. Почему-то Дисипат предпочитает не называть автора этой теории. Не означает ли это, что он писал свое Изложение, когда Акиндин, недавно соборно осужденный за свои взгляды, мог только устно вести свою полемику против паламизма — патриарх разрешил ему это зимой 1341/42 г., — но еще не смел сочинять трактаты (это ему будет позволено осенью 1342 г.)? Видимо, открыто полемизировать с человеком, который сам не может писать, считалось неэтичным. Точно так же Давид ни разу не называет Акиндина в написанном весной 1342 г. для Николая Кавасилы пространном «Слове о кощунствах Варлаама и Акиндина», лишь обыгрывает его имя: «Акиндин» значит «безопасный», а Дисипат говорит о «двойных опасностях его (Варлаама, — Г. П.) наследнике».⁵⁶ И Палама, в то же примерно время полемизируя с Акиндином («Разговор православного с варлаамитом»), его не называет.⁵⁷

Показательно и то, что Дисипат дважды — в начале и в конце сочинения — вспоминает «соборный свиток», составленный «по ответу божественного и блаженного царя и общаго иже о семь събравшагося с'бора», осуждающий тех, кто мыслит как Варлаам, и утверждающий «благочестивая веления» («веления» значит «догматы»), — он имеет в виду решения собора, состоявшегося под председательством императора Андроника III в июне 1341 г., — и при этом оба раза Давид как бы побуждает неназываемого им противника к открытому выражению своих мыслей: если кто-либо считает, что мы прельщаемся, пишет он, «и то(й) нам свою мысль, якова же любо есть, да скажет. Иже бо о бозе словесем, лъсти всякая и лукавства, испытнейших же и смешеных ухищрений кроме всих, лепо есть чистотствовати». И в конце — еще раз: «. . . аще кто убо прельститися нам мнит и злословити, благочъствовати же надеетя ть(й) и съгласне святым крепитися. . . и ть(й) просте же и несъстроене, якова же когда есть, да скажет». Следующие, последние в Изложении, слова показывают, что Дисипат бросает этот вызов в далеко не благоприятной для него самого, точнее — для тех взглядов, которые он разделяет, обстановке, но что тем не менее он уверен в победе защитников истинного благочестия: «Страшити бо (ся) не подобает истиннаа глаголющу о благочестии, понеже едино от всех непобедимо суще — истины естество. Аще и на время от лжа неблагоискусъствовати мнимо будеть, в'скоре паку, вяще неже прежде, светлейше и явленнейше к себе възъвращаетя и яже по естеству дръжава».

Итак, по нашим расчетам, Давид писал свое Изложение в 1342 г., в тот период, когда Акиндин занимал как бы переходное положение от осужденного еретика к правительственному идеологу. Можно предположить, что гораздо более краткое и с некоторым оттенком вызова написанное Изложение предшествует в тот же период на ту же тему сочиненному «Слову о кощунствах». Насколько я могу судить, сравнивая перевод одного произведения с оригиналом другого, прямых текстуальных совпадений между ними нет, есть лишь смысловые. В «Слове» Дисипа

⁵⁶ См.: Δ.-Γ. Τ σ ά μ η. Δαβίδ Δισυπάτου Λόγος..., σ. 92—93.

⁵⁷ См.: J. Meyendorff. Introduction à l'étude..., p. 101, 354; Γρηγορίου τοῦ Παλαμά Συγγράματα, т. В'. Θεσσαλονίκη, 1966, σ. 55—58, 164—218.

пат подробней развивает те же мысли, но, кроме того, показывает и свою политическую позицию — позицию сторонника гражданского мира, т. е. мира с Кантакузином, тоже совпадающую с точкой зрения Паламы: «Если из зол гражданская война злейшее, то согласия благо, конечно, из благ превосходнейшее». ⁵⁸

В Сказании по сравнению с Изложением, которое, возможно, послужило для него основой, верх берет историческая повествовательная стихия (оно и называется по-гречески *Ἱστορία διὰ βραχέων*). Здесь рассказывается, как Варлаам, полагавший, что ничто иное не может быть божественным светом, кроме разума и «суетного любомудрия еллинских учений», услышав от «добрых старцев» (*καλοῦρέων*) о «Божественном прощении», особенно же о «бывшим сиянии на горе Фаворстей на божественном оном господнемъ преображении», «написа словеса на божественый свет, хотя показати его веществен, и тленен, и создан, и чювьствен, глаголя, яко не бе он свет присно, нъ тогда бысть, — яко да видят ученицы, невежди суще, и почюдяться, — и паки разыдеса, и истле, и иде в небытие». «Добрии старцы», познакомившись с этими сочинениями, убедили Паламу попытаться переубедить Варлаама. Это не удалось. Варлаам «еще множае подвижашася к таковому хулению и досаждению святых. Принужден, прочее, быв, въсписа и Палама. . .». Далее излагаются ход письменной полемики и движение мысли противников. Это сделано четко, ясно. В изложении мыслей Паламы используется любимый им пример солнца и лучей, а также источника и «яже от него истачаемой воды: аще убо сладок — сладка, аще ли горек — горка; огня, неспособного производить «действие студено»; воды: «ни же согревает бо вода, ни же простужает огонь, но кождо подобное имать и ключаемое существу действо». В заключение Дисипат пишет, что взгляды Акиндина не отличаются от воззрений Варлаама, хотя тот утверждает обратное, боясь подпасть под осуждение Варлаама. Вследствие же этого страха, «за еже хотети таитися», «и в другое горшее злочестие. . . впаде Акиндин» — уступив святым мужам в том, что благодать несозданны, он, однако же, заявил, что она одновременно есть существо божие: «. . . глаголет ту быти существо божие, и причастно то творит всем тварем, словесным же и безсловесным, одушевленным же и бездушным, — еже, — заключает Дисипат, — всякого нечестия есть превыше».

Славянский перевод Сказания Дисипата (он, повторяю, один во всех русских списках) был сделан с греческого текста, близкого к раннему, по М. Кандалу, типу; некоторые чтения, однако же, роднят его и со вторым типом. ⁵⁹ Кстати сказать, отсутствие в переводе всех тех интерполяций, которые обнаружил и опубликовал Р. Браунинг, ⁶⁰ свидетельствует, по-видимому, об их более позднем происхождении и во всяком случае об их иномодности по отношению к рукописной традиции Сказания в целом (тем самым в какой-то мере восстанавливается авторитет публикации М. Кандаля).

Когда был сделан перевод? Древнейшие сохранившиеся списки относятся ко второй половине XV в. Но антилатинские сборники, содержащие

⁵⁸ Δ.-Γ. Τσάμης. Δαβίδ Διασπάτου Λόγος. . . , σ. 38.

⁵⁹ Так, «добрии старцы» перевода соответствуют *καλοῦεροι* текста первого типа (во втором — *μοναχοῖ*); нет перевода слов *μικροῦ στερροτέρα τῆς ὀψεως*, которых нет и в тексте первого типа; слова «яко еретика» соответствуют словам текста первого типа *ὡς αἰρετικόν* (во втором — *ὡς ἀναίτιος* — «как невиновный»). При этом переведены слова *ἀγίων ὅσα γράφουσιν. . . ἐκ τῶν λόγων*, присутствующие только во втором типе текста; слова «да не убьен будетъ» соответствуют словам второго типа *μη φονεῖσθῆ* (в первом — *μη φωραθῆ* — «да не разоблачен будет»).

⁶⁰ См. выше, с. 38 и примеч. 41.

произведения Дисипата, по своему составу (очень схожему во всех случаях) близки к сборникам, описанным А. Поповым в его «Историко-литературном обзоре древнерусских полемических сочинений против латинян»;⁶¹ сборники этого типа появились у славян в XIV в.⁶² Произведения Давида Дисипата были переведены, вероятно, тогда же — пока они были актуальны еще у самих греков.

Почему именно эти произведения были избраны неведомым нам славянским переводчиком из моря исихастской богословско-полемической литературы? По-видимому, по причине их небольшого объема и, действительно, большей их ясности и доступности по сравнению с множеством других современных и родственных им произведений на ту же тему. Я думаю, если бы рационалистические по своей тенденции идеи антипаламитов серьезно угрожали «заражением» какого-нибудь из славянских народов, константинопольские патриархи-исихасты озаботились бы, конечно, «трансплантацией» в эти страны достаточного, гораздо большего количества противоварлаамовских и противоакиндиновских сочинений.

Древнейший русский список произведений Давида Дисипата содержится в сборнике ГПБ, Q. XVII. 88, 1495 г., на л. 72 об. — 81 об. Вся эта книга написана «рукою многогрешного Аввакума», который оставил на последнем (230-м) листе свою приписку: «В лето 7004 списаны быша сия книги, месяца октября 25 (октябрь 1495 г., — Г. П.), на память святых мученик Нотарии, при благовернем князи Иване Васильевичи, при освященном митрополите Симеоне Московском и всея Руси, рукою многогрешнаго Аввакума. Вы же, отци и братья, чтуще книги сия, поминайте нас в святых своих молитвах. Но молю ти ся, владыко господи Иисусе боже наш, не помяни безаконий наших, молитвами пречистыи ти матере и святых отец, съставивших книги сия, и всех святых. Ныне и присно и в веки веком аминь. Свершающе всякое дело благо — о Христе Иисусе госпде нашем аминь». В начале этой рукописи (л. 1—48) помещено «Житье и хоженье Даниила Русьския земли игумена», а далее до конца идет антилатинский полемический сборник.⁶³

⁶¹ См.: А. П о п о в. Историко-литературный обзор древнерусских полемических сочинений против латинян (XI—XV вв.). М., 1875, с. 174—238.

⁶² Там же, с. 154.

⁶³ Л. 48 — Повесть полезна о латинох, когда отлучишася от грек; л. 55 об. — Честнейшаго хартофилака и протоггела (!) Никиты Никейския церкви о бесквасной службе и о латинах и о службе их; л. 65 об. — Изложение вкратце святого Никона о роде Фряжстем и тех падених, по-тенку (!) имаши изобрести; 81 об. — Исповедание, писано папы римскаго, како и что веруют и держат непреложно ть(й) самый папа, и Фруменурий, и прочии вси; л. 82 об. — Отвещание святого и вселенскаго патриарха кир Ермана и священнаго сбора его; л. 91 об. — Ермана патриарха к жестковыйным латином молебное и любезное поучение; л. 94 об. — Анастасия блаженнаго патриарха града Великыя Антиохиа и Кирила Александритского изложение вкратце о вере; л. 96 об. — Споведание вкратце, како и коего ради дела отлучишася латини и извержени быша от первенства своего и от книг поменных, иде же пишутся православнии патриарси; л. 99 об. — Святаго Максима изложение о вере вкратце; л. 101 об. — Никиты мниха и презвитера обители Студийския, по реклом же Стифата, к латином о опресноцех; л. 115 — Сказание вкратце ересем латиньским; л. 122 об. — Зачало с богом книге сей, в ней же о святей Троици и о вере и прочих многих; л. 130 — Вопросы и ответи о вере хрестиянстей; л. 148 — Епифания мниха и презвитера о знаменних права и възраста пресвятыя владычица наша Богородица; л. 149 — Андрея Критского о чести и о поклонении святых икон; л. 150 — О еже колико дел створи бог в шести днех; л. 157 об. — Иоанна Златоуста о воплощеннем смотреии; л. 159 об. — Слово святого Григория Богослова; л. 163 — Слово еуан(гел)ьское, толк; л. 173 об. — Сказание о 12 апостолу и о латине(х) и опресноцех; л. 209 — Поучение от седми собор на латину; л. 214 об. — От Петра, Антиохийскаго патриарха, ко архиепископу Римскому о опресноцех; л. 221 — К архиепископу Римскому от Иоанна митрополита Русаго о опресноцех; л. 226 — Никиты мниха и презвитера, по реклом Стифата, к латином о опресноцех (то же, что на л. 101 об.).

В этой рукописи возле киноварного заглавия Дисипатова Изложения «О еже не впасти в ересь. . .» (л. 72 об.) на поле поставлены один над другим два киноварных крестика — по крестику против каждой строки заголовка (см. рис. 2; у других заголовков подобных значков нет). Эти крестики заставляют вспомнить автограф митрополита Киприана — Лествицу 1387 г. (ГБЛ, МДА фонд., № 152), где подобные столбики киноварных крестиков у заглавий — по крестику против каждой строки — встре-

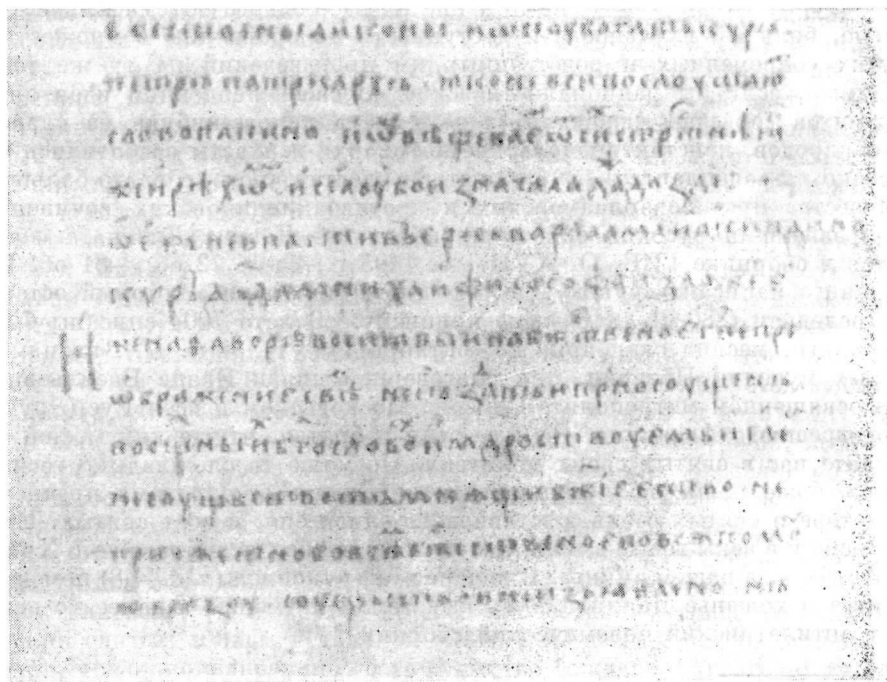

Рис. 2. Начало Изложения Давида Дисипата «О еже не впасти в ересь Варлаама и Акиндина».

ГПБ, Q. XVII. 88, 1495 г., л. 72 об.

чаются в изобилии. Вообще же манера так пометать заглавия не имела широкого распространения ни в Византии, ни на Руси. Так что можем предположить, что сочинения Дисипата если не перевел, то когда-то переписал сам митрополит Киприан. Хотя «многогрешный Аввакум» не вовсе свободен от ошибок, его список оказывается в целом наиболее правильным в передаче сложного переводного текста и тем самым наиболее соответствующим (в сопоставимой части) греческому оригиналу. Этот список я кладу в основу прилагаемого издания.

Через полтора года, в 1497 г., в Новгороде был создан сборник ГПБ, собр. Погодина, № 1941, тоже содержащий произведения Дисипата (л. 22 об.—31 об.).⁶⁴ На л. 13 этой книги сделана киноварная запись, извещающая нас о времени, месте, инициаторе ее написания и о самом писце: «В лето 7005, месяца мая в день (май 1497 г., день не указан, — Г. П.) нач(а)х писати грешный старец Пахомие, по реклу Сухой, Ноу-

⁶⁴ Этот список обнаружила и указывает в своей статье К. Иванова-Константинова (Някои моменти. . ., с. 219, примеч. 33).

гороцкаго мо(на)стыря С(у)х(о)ва Николы, что на валу, с бл(агослове)нья игумена Иова, в славу и честь и покло(не)ние пр(есвя)тей Троице. Аминь». По содержанию эта книга очень близка к антилатинской части той рукописи, с которой мы только что познакомились. Но протографом для нее та не послужила, поскольку здесь, в «Сказании» Дисипата, мы находим слова («ни же глаголем две солнцы, но едино»), которые вышущены в той (и в остальных списках), но которы находят себе соответствие в греческом

Рис. 3. Начало Изложения Давида Дисипата «О еже не впасти в ересь Варлаама и Акиндина». Перед заголовком — «греческая» запись.

■ ГПБ, собр. Погодина, № 1941, 1497 г., л. 22 об.—23.

оригинале. Любопытна в этой новгородской рукописи неумелая перерисовка какой-то греческой записи, находящаяся между «Изложением въкратце святаго Никона о роде вряжьстем и тех падениих» и Изложением Дисипата «О еже не впасти в ересь Варлаама и Акиндина» (т. е. перед началом сочинений Давида Дисипата, л. 22 об.; см. рис. 3). Реставрировать оригинал этой записи полностью я затрудняюсь, думаю лишь, что в конце ее были слова «сбсб ѹе» — «спаси мя». Очевидно, протограф этого сборника был написан человеком, знавшим греческий язык.

Очень близким временем, рубежом XV и XVI вв., датируется список ГИМ, Волоколамское собр., сборник, № 513, л. 373—383.⁶⁵ Особенностью

⁶⁵ Иосиф (см.: И о с и ф, иером. Опись рукописей, перенесенных из библиотеки Иосифова монастыря в библиотеку Московской духовной академии. М., 1882, № 150

сея вещи сподобленных. Иже³⁹ ли, ни же величества высоких сих-и благо-
лешных стыдяся имен, безстудне сия и злочьствие тварем сочтавает,
такового Ариу сочтаваем и Македониу, яко в туждая и неподобнаа бо-
жества создан'но и несоздан'но, превыше лежащее^с и подлежащее въи-
стину злочьстиве единого разсеающа и разделяюща бога.

«Изыдет жезл ис корени Иессеева^{жс} 40 и цвет от него взидеть», — о Спасе
прорече божественый Исая, — «и почиет на нем Дух божий»^б, таже⁴¹
прочих по ряду 7 духов начитает — дарования⁴² Святаго духа⁴³ и действия
яве⁴⁴; яко же богослов великий Григорие сказуеть: и действия глаголя л. 75 об.
духовнаа, духы любезно Исаяи звати⁴⁵. О сих божественый Максим
сказую, естестве быти та глаголетъ въчеловечьшомуся Слову божию
и Духу⁴⁶. Приимати же ему та по человечеству⁴⁷, мне деловающа спасение,
ради моих мне своя ему по естеству вдающу⁴⁸. Всяко же яже естестве
зримаа в бозе Слове твари отуждена суть всячески. Иже убо свойственаа
сия 49 богу Слову и по естеству сущаа⁵⁰ действия или създана быти глаго-
лет⁵¹, или несъзданаа убо, существо же та полагает Святаго духа, тако-
ваго тща убо лучшаа, исполнь же воистин'ну, судим⁵², лукаваго духа
действ. Аще бо создан'на духовная дарования сия, създан по нужи будетъ
и иже та имеай по естеству бог Слово. И жив есть прочее, а не умрет
Арие! Аще ли несъздан'на убо существо⁵³ Святаго духа, а не действия
суть, — како не разделен и многочастен по существу будет и^н многосложен
Дух святыи и причастен всяко, даем, по тех, и разделяем? Еже⁵⁴ много
есть злочьстия. Аще ли сия не такова, прочее, несоздан'на Святаго духа ||
действия, духовнаа дарования, суть не естество ему, яко же ни тварь,
нъ от⁵⁵ одного убо суща се, иже подаема и боги причастием и духы при-
частники сдевающа. «Аз бо рех, — рече, — бози есте».¹ И прилепляйся
господеву един в нем 56 ради приобщения⁵⁷ бывает и есть дух.

Апостолом по из мертвыхъ въскресении господь явлься и беседы подав,
таже дуну в них, «Приимете, — рече, — Дух святыи»,^б не с'став тем
и естество Духа святаго подав — не вдуетъ бо ся, ни же дает'ся бо-
жественое естество, — нъ духовное тем нездан'но действие даровав⁵⁸
и благодать. Дух бо святыи создан, — злочьстивый духоборець дръзну
рещи Македоние. Како убо будетъ създан'на сила и благодать, и едино-
именне⁵⁹ Святому духу, утешителю богу, по Златому языком богослову,
«Дух святыи» наречена бывша?

Сведетелствова же ся древле и самими фарисеи, яко единому богу
по естеству таковая сила же и действие — вязати же похотению и остав-
ляти грехы. «К'то⁶⁰, — реща, — можетъ оставляти грехы? Тъчию⁶¹ един
бог»^с. Иже убо или създан глаголють⁶² вдуновен'ный то(й) Дух святыи,
|| или несъздан убо, существо же самое быти глаголетъ и^н с'став пресвя-
таго Духа, таковаго, яко несъзданную божию силу⁶³ и действие и благо- л. 76 об.

^с Испр. по остальным спискам; в ркп. лежущее ^{жс} Испр.; в ркп. Иисеева.

^б Испр.; в ркп. г(лаго)лем. ^н Доб.; в списках нет.

⁴ Испр. по БВД; в ркп. сила. ^к Испр.; в ркп. дважды.

³⁹ Ни же Д. ⁴⁰ Иисеева А; Иисеева Б; Иисеева ВГ; Иисеева Д.
⁴¹ также Б. ⁴² Доб. яве Д. ⁴³⁻⁴⁴ яве и действия Б. ⁴⁴ Нет Д.
⁴⁵ възвати В. ⁴⁶ Богу БВД. ⁴⁷ человеческому Д. ⁴⁸ въздающу БД; вдающе
<sup>Г. ⁴⁹⁻⁵⁰ Нет Г. ⁵¹ глаголем АВД; г(лаго)ль Г. ⁵² судом ВД. ⁵³ Доб.
же ВГ. ⁵⁴ Доб. не БВ. ⁵⁵ Нет В. ⁵⁶⁻⁵⁷ приобщения В. ⁵⁸ даров ВГ.
⁵⁹ единоимене АВ; едино бо имене В; единоименне ГД. ⁶⁰ Доб. бо БВД.
⁶¹ разве БД. ⁶² глаголетъ Д. ⁶³ сила А; силу же БД; сила же Г.</sup>

^б Ср.: Исая, XI, 1—2.

⁷ Пс. 81, 6.

^с Иоанн, XX, 22.

^с Лука, V, 21.

дать отмечающа⁶⁴ и в тварь сию низ'вляюща, и яко приятно и причастно в'водяща Святаго духа существа, от благоч(ь)ствующих тужда вменихом церкве, — по разуму еже изложенаа сиа благоч(ьс)тываа веления утверждающему с'борному свит'ку.

К сим аще кто убо прельститися нам мнит и злословити, благочествовати же надеетсяя ть(й) и съгласне святым крепиться належати⁶⁵ свою такожде славу дръзостне, и ть(й) просте же и нес(ть)строене, якова же когда⁶⁶ есть, да⁶⁷ скажет. Страшити бо ся^м не подобаесть истин'ная глаголющу⁶⁸ о благоч(е)стии, понеже едино от всех⁶⁹ непобедимо суще — истинь⁷⁰ ес(ть)ство. Аще и на время от л'жа неблагоискусньствовати⁷¹ мнимо будеть, в'скоре⁷² вяще, пакы⁷³ неже прежде, светлейше⁷⁴ и явлен'нейше⁷⁵ к себе възвращается и яже по е(сть)ству дръжава^н.⁷⁶

Тогожде сказание, како Варлаам изобрете и състави свою ересь

л. 77 || Варлаам он еллинским прилежа¹ велением, ничто же ино непщеваше^а свет быти божественный, разве разум и суетн(о)е любомудрие еллинских учений. Тем ни же вероваше свет быти божественный и сиание присносущно, едином приемлемо и зримо иже заповедьми Божиими² очищенными сердць³. Слышав же от добрых старець о божественем просвещении и о богоявлениях и инех мнозех, и паче же о бывшим сиянии на горе Фаворстей на божественем оном господнем⁴ преображении, и слышав, яко глаголаху божествен и присносущен свет он, им же «просветися лице его^б яко солнце», яко же рече священное⁵ Еуаггелие, — «ризы же его быша белы яко свет»,^а — шед к в'спротивлению добрых старец, написа словеса на божественный свет, хотя показати его вещество^б, и тленен, и создан^б, и чювствен, глаголя, яко не бе он свет присно, нъ тогда бысть, — яко да видять ученици, невежде суще, и почюдятся, — и пакы разыдеса, и истле, и иде в небытие.

л. 77 об. Сия словеса видевшя, добрии старци убедиша Паламу, яко да || беседуеть ему и светует, и оставить — еже таковаа не⁷ глаголати ни писати, яко да не хулит убо на таковый божественный свет: без'чъстит же⁸ святыа, поющаа его. Пишаше бо в словесех оных Варлаам, яко всяк, иже славит о свете оном, ино что⁸ паче еже⁹ пишеть, ть(й)¹⁰ еретик есть, и злоч(ьс)тив, и безбожен.

Виде его Палама и беседова, и моли, и обличи, и възрази¹¹ усты, и невъзможе увещати его никако же. Нъ и еще множае подвижашеся к таковому хулению и досажению святых.

Принужен, прочее, быв, ^двъсписа и^б Палама; събрав от святых, елика пишуть о божественем свете преобразования, и ¹²показа его¹³ от словес святых божествен, непреступин, и безлетен, несъздан, и присносущен,

^м Испр. по остальным спискам; * ркп. нет. ^н Испр. по БД; в ркп. дръжав.

⁶⁴ отмечающу В; отмечающи Г. ⁶⁵ и желати В. ⁶⁶⁻⁶⁷ егда В. ⁶⁸ глаголюще Г. ⁶⁹ сих В. ⁷⁰ Доб. и ВД. ⁷¹ и благоискусньствовати Д. ⁷²⁻⁷³ пакы, вяще Б; пакы вяжетъ В; пакы и вяще Д. ⁷⁴⁻⁷⁵ Нет Б. ⁷⁶ дръжав АВ; держава БД; дръжавы Г.

^а Испр. по остальным спискам: в ркп. пщеваше. ^б Испр. по остальным спискам; в ркп. нет. ^в Испр. по остальным спискам; в ркп. нет; в оригинале есть (χαῖ κτιστόν). ^г Испр. по остальным спискам; в ркп. жя (через юс малый). ^{д-е} Испр. по остальным спискам; в ркп. въсписан.

¹ предлежа Д. ²⁻³ очищеннымъ сердцемъ Б. ⁴ глаголемом Б. ⁵ святое Д. ⁶ вещество Д. ⁷ Нет Д. ⁸⁻⁹ Нет Д. ¹⁰ Нет Д. ¹¹ Доб. и Д. ¹²⁻¹³ показуеть В.

^а Матфей, XVII, 2.

сияние и благодать¹⁴, и светлость божия, и божество от святых нарицаем; яко же глаголетъ и великий Григорие Богослов, яко: «Свет — показавшееся божество на горе учеником».

Сиа видев, Варлаам въсписа¹⁵, яко: аще бе таков свет он, сущ'ство божие, прочее, бе. И творите, прочее, сущ'ство божие причастно и видимо. Се же есть хулно и злоч(ес)тивно и веление масилианское. л. 78

В'списа к сим Палама, яко: божествен убо есть и несъядан свет он, и божество от святых именуется; несть же сущ'ство божие, но — действие, и благодать, и слава, и светлость¹⁶, от божественаго сущ'ства в святяна посылается. Святии бо вси — человеци и аггели — славу убо без'летнуо зрять божию и благодать присносущну приемлют и дар. Сущ'ство же¹⁷ божие никто же когда — ни человек, ни аггел — не виде, ни же видети можетъ.

Сиа слышав, Варлаам въсписа, яко: убо¹⁷, понеже глаголете, яко¹⁸ сущ'ство божие¹⁹ непричастно и невидимо²⁰, действо же его и благодать причастна и подаема к святымъ, прочее, два бога глаголете: превыше сущаго и подлежащаго. Превыш'шааго убо — сущ'ство, еже есть невидимо и непричастно, подлежащаго же — действо и благодать, яже приемлють святии²¹ от бога²². И тако умысли прозвание «двоебожия»²³ и наполни сим многих слухи.

Написа² убо противу сим Палама, яко: непри|чяс'тно убо есть²⁴ сущ'ство божие и невидимо всей твари, и самем тем аггелом, приятно же — действо и благодать сама боготворнаа, яже²⁵ приемлють аггели и человеци; приемлема же сими, — неразлучнаа есть паки божественаго сущ'ства и неразделна. Сего ради не суть два бога или две божестве. л. 78 об.

Яко же бо есть о чювьственем солнци: круг его убо неприкосновен есть всячьскы о себе и невместим очима; аще бо бы к'то приближихся ему, хотяше отъятися зрительна его сила — от бесчисленнаго²⁶ света — и всячьскы игорети; луча же его к нам приходять, и осиявають²⁷, и съгревають вся²⁷, яже в мире. Глаголем же мы «солнце» и круг он, и луча его; и не суть ради сего две²⁸ солнци, нъ едино; ни же глаголем две солнци, но едино²⁸, аще и тмами луча имат. Тако и о бозе, иже есть мысленное солнце. Аще и глаголем неприятно сущ'ство его и невидимо, приятно же действо его и благодать, яже приемлють вси святии, нъ един есть бог, иже²⁹ сущ'ство имей и действо. И яко же аще кто речеть, яко многа суть солнца ради многих лучъ солнечных, веде не добре хошет || рещи; тако и аще кто речеть, яко³⁰ мнози суть бози ради действ и благодатей божиих, хошет и ты(й) такоже быти неприятен. л. 79

Яко же глаголем, яко же учит святаа божия церкви, яко имат Отець Сына, имат и Духа святаго, ³¹и глаголем бога Отца, бога и Сына, бога и Духа святаго³², и не глаголем, яко трие суть бози, нъ един Бог — три та. Сие подобне аще и глаголем, яко иматъ сущ'ство божие ес(те)ствен(а) действия и благодати, и нарицается божество и сущ'ство³³, нарицаеть же ся и³⁴ боготворное действо и благодать его, нъ едино есть божество — сущ'ство с действием, неразлучно⁴ суще от него и неразделно. Ни бо раз-

^ж Испр. по В; в ркп. и БГД нет. ^в Испр.; в ркп. напиписа. ^и Испр. по остальным спискам; в ркп. основають; в оригинале *καταλάμπουσι* (освещают, сияют).
^к Испр. по В; в ркп. и остальных списках нет; в оригинале есть (ὁ δὲ λέγομεν δύο ἡλίους, ἀλλ' ἓνα). ^а Испр. по остальным спискам; в ркп. неразлучну.

¹⁴ благодать Д. ¹⁵ он В. ¹⁶ благодать В. ¹⁷ Нет БД. ¹⁸ Доб. убо БД.
¹⁹ Доб. есть Б. ²⁰ видимо Б. ²¹⁻²² отци Б. ²³ божие двое В; многобожия Д. ²⁴ Доб. сим В. ²⁵ юже Б. ²⁶ Доб. его БД. ²⁷ Нет Б.
²⁸ Нет В. ²⁹ Доб. и Д. ³⁰ Доб. многа солнца ради многих(х) луча церковны(х), веде н(е) добре хошет рещи, тако аще кто речеть, яко В. ³¹⁻³² Нет Б.
³³ Доб. и В. ³⁴ Нет Д.

лучается действие от сущ'ства, яко же ни Сын от Отца или Дух святыи, или — и³⁵ от чювьственных рещи указаний — яко же ни³⁶ луча от солнца или теплота от огня. И имь же образом глаголем^н, ³⁷, яко сущ'ство солнечное — рекше круг его³⁸ — прев'сходит и³⁹ превыше есть, яко непричястен⁴⁰, лучей и сиания^н, сице глаголем, яко же учат святии, яко и божественное сущ'ство, яко непричястно⁴¹ и невидимо, превыше есть от⁴²

4. 79 об. из него посылаемых сианий, || и действ, и дарований, их же подаеть и даруеть святыим⁴³ святая Троица — Отец, Сын и Дух святыи. Божественаа⁴⁴ бо действия вся и дарове опции суть трием поклон'ным с'ставом. И им же образом глаголеть господь в Еуаггелии, яко: «Отец мой болий мене есть»,^б — глаголеть се по-человечьскому, глаголеть же паче по вин'ному⁴⁵, яко же учат святии: виновен бо есть отець сыну⁴⁶, а не сын отцу⁴⁷, тако и о божественем сущ'стве и ⁴⁸ божественных дарех реща бо-слово: превыше есть божественное сущ'ство иже от него подаемых действ и даров, яко вина сим⁴⁹ и^о источник. Оно⁵⁰ бо есть вина, и сия — из оного, занеже оно подаваеть и даеть сия, а не сия оно⁵⁰. Сиа убо^н — ⁵¹яко же⁵² изглаголах.

Варлаам же и Акиндин мудр'ствуют, рекше, яко: създан есть⁵³ иже на Фаворе восиавый на божественном преображении свет; яко вся божественаа действия, и сиания, и дарования духовнаа вся създанна⁵⁴; т'чию же сущ'ство божие глаголють⁵⁵ несъздан'но⁵⁶. Еже и се есть невоз'можно. Яко же бо аще кто речеть сице, яко: луча || солнечныа темны суть, — по нужди яко^р и испущающи(й и)х⁵⁷ солнечный круг⁵⁸ творить темен; яков бо есть круг, таковы и луча: аще светел — светлы, аще ли темен — темны. Сице и о божественем сущ'стве непщуй и божественных действох⁵⁹: якова аще речеть кто быти действия, таково^м творить и сущ'ство. ⁶⁰Аще⁶¹ несъздан'на действия⁶², несъзданно и^н сущ'ство, аще ли създан'на, и⁶³ сущ'ство создан'но. Неразлучна бо суть действия от сущ'ства. И яко же о солнци аще⁶⁴ речеть кто, яко: луча глаголю^б темны, сущ'ство же и круг солнца светел, — неправе убо речеть, противу бо кругу суть и луча; тако и о бозе глаголай^т: действия^н създана, сущ'ство же несъздан'но, — не весть что глаголеть. Якова бо суть действия, таково есть и та истачающее сущ'ство: аще убо несъздан'на — несъздан'но, ⁶⁵аще ли создан'на — създанно⁶⁶. Яко же и о источнице: яков же есть он, такова есть и яже от него истачаема вода, аще убо сладок — сладка, аще ли горек — горка. Тако||жде и о огни: аще кто речеть, яко огонь

4. 80 об.

* Испр.: в ркп. глаголю и; в оригинале λέγομεν (говорим). * Пропущено во всех списках по сравнению с оригиналом... τῆς περπομένης εἰς τοὺς ἡμετέρας ὀφθαλμοὺς ἐκεῖνος γὰρ ἐστὶν ἡ πηγὴ καὶ ἡ ἀρχὴ καὶ ἡ ρίζα καὶ ὁ χορηγὸς τῆς ἐλλάμφσεως (... посылаемого в наши глаза, ибо он есть источник, и начало, и корень, и податель сияния).
 ° Испр. по БД; в ркп. нет. ° Испр. по остальным спискам; в ркп. бо.
 ° Так во всех списках; в оригинале ὁ τοιοῦτος (тот, таковой). ° Испр.; в списках испущающих; в оригинале τὸν πέμποντα ἀπ'αὐτοῦ (испускающий из). ° Испр. по остальным спискам; в ркп. тако. ° Испр. по БД; в ркп. нет; в оригинале καὶ (и). ° Испр.; во всех списках глаголя; в оригинале λέγω (говорю). ° Во всех списках пропущено по сравнению с оригиналом ὅτι (что, «яко»). ° Пропущено во всех списках λέγω (говорю).

³⁵ Нет БВГД. ³⁶ и В. ³⁷ глаголю и АБВГ; глаголай Д. ³⁸ есть Д.
³⁹ Нет Д. ⁴⁰ Доб. есть Д. ⁴¹ причястно В. ⁴² Нет Б. ⁴³ его святии иже В.
⁴⁴ Божественаго Б. ⁴⁵ виновному и В; виновному В. ⁴⁶⁻⁴⁷ Нет Д. ⁴⁸ Доб.
 о Б. ⁴⁹ Нет Б. ⁵⁰ Оного Б. ⁵¹⁻⁵² Нет Б. ⁵² Нет Д. ⁵³ бысть В.
⁵⁴ создания В. ⁵⁵ гл(агол)еть ГД. ⁵⁶ несоздане созданно Г. ⁵⁷ испущающих АБВГ; испущающа их Д. ⁵⁷⁻⁵⁸ солнечных лучь Б. ⁵⁹ существах Д. ⁶⁰⁻⁶² Нет В.
⁶¹ Доб. ли Д. ⁶³ а Б. ⁶⁴ Нет Б. ⁶⁵⁻⁶⁶ Нет Д.

^б Иоанн, гл. XIV, ст. 28.

убо есть топл, а еже от него испущаемое естестве действо студено, — лжеть явлен'не. Теплое бо сущство не может произнести действо студено, ни же пакы ⁶⁷студено действо⁶⁸ — тепло сущство⁶⁹. Не съгревает бо вода, ни же простужаетъ огонь, нъ коеждо⁷⁰, ⁷⁰ подобное имат и ключаемое⁷¹ сущству ⁷²действо. Тако и о бозе подобно есть и ключаемое⁷³ сущству⁷⁴ действо⁷⁵. Несъздану сущу сущству, несозданно есть и действо. Глаголяй же действо създан'но ⁷⁶по нужди творить и сущство создан'но⁷⁷, еже, яко рех, Варлаам мудрствует и Акидин.

Да не убо примет кто отнуд, ⁷⁸от кого⁷⁹, яко имат некое пременение в догматах от Варлаама⁸⁰ Акидин. Но понеже препрен быв Варлаам, изнесся⁸¹ злое слышание. Сего ради отметається Акидин словом ⁸⁰еже к оному⁸¹ единославия⁸², бояся, да не убьен будеть от людей, яко оноговаа⁸³ отмщая. Сего ради множицею и проклинаньем⁸⁴ обла||гаетъ его⁸⁵ л. 81 яко еретика, таже сам тѣжде сый. По сему, такову⁸⁴ иматъ свесть. От таковыя вины, рек'ше, за еже ⁸⁵хотети таитися, и в другое⁸⁶ горшее злочствие от Варлаама впадѣ Акидин: мудрствована⁸⁷ убо и тѣ(й), подобне оному, боготворнаа⁸⁷ благодать създанна⁸⁸; обличаем' же от святых⁸⁹, купно⁹⁰ и бояся да не тажде⁹¹ постраждет, якоже и Варлаам, глаголетъ убо несъздан'ну благодать, глаголетъ же⁹² ту⁹³ быть сущство божие, и причытно то творить всем тварем, словесным же и безсловесным, одушевленным же и бездушным. Еже всякого нечѣстия есть превыше.

Сиа, яко въкратце рещи, Варламова и Акидинова злоч(ь)ствива веления.

Сведетельства от святых, яко божество глаголется обьсиявый¹ свет на Фаворе ученикы на божественое господне преображение

Б о г о с л о в Г р и г о р и е: Свет — проявлешееся божество на горе учеником, в мале тврѣдѣе зрака².

Т о г о ж е: Приидет пакы Христос с телесем, яко же мое слово, таков же, яков же явися учеником на горе, на ней же показася, препобеждающе плоть божеству.

Д а м а с к и н о в о²: Преиде³ сень, закону отступль||шу, прииде же яве Христос-истина, Моисий⁴ възпив⁵ на Фаворе⁶, видев твое божество.

Т о г о ж е: Нестерпимое твоего светолития и неприступное божества⁷ видев'ше, апостолом лучьшии на горе преображения, безначалне Христе, божественным изменишася изъступлением.

⁴ Испр.; в ркп. коегождо. ¹⁶ Испр. по остальных спискам; в ркп. Варлаамъ. ¹⁴ Испр.; во всех списках изнесе; в оригинале ἠνεῖχλατο (разнеслась). ⁸ Испр. по БД; в ркп. и ВГ проклинаем. ¹² Испр. по БД; в ркп. и ВГ нет; в оригинале ἐκέλευον (его). ⁹ Испр.; во всех списках мудрствовати; в оригинале φρονεῖ (думает, полагает).

⁶⁷⁻⁶⁹ действо тепло студено сущство В. ⁶⁸ сущство Б. ⁶⁹ действо БД. ⁷⁰ коегождо АВГ; кождо Б; кийждо Д. ⁷¹ ключимое В. ⁷²⁻⁷⁴ Нет В. ⁷³ ключаему Г. ⁷⁵ Доб. несозданну существу действо Д. ⁷⁶⁻⁷⁷ Нет В. ⁷⁸⁻⁷⁹ того Б. ⁸⁰⁻⁸¹ Нет Д. ⁸² единословия БГД. ⁸³ одного воля В. ⁸⁴ таков и Г. ⁸⁵⁻⁸⁶ хотетися в другое же Б. ⁸⁷ боготворную БД. ⁸⁸ създанну БД. ⁸⁹ Доб. мужей Д. ⁹⁰ Нет В. ⁹¹ также В. ⁹² Нет Д. ⁹³ то Б.

¹ Испр. по остальных спискам; в ркп. зракъ.

¹ возсиявый Д. ² Дамаскин Иоанн Б. ³ Доб. убо БД. ⁴ Мусий Г. ⁵ възопи Б; с исправлено на з В; возопи Д. ⁶ горе В. ⁷ божество Г.

Того же⁸: Божества своего, Спасе, малу зарю обнажив, съвшед'шим на гору, премирныя ти славы створил еси рачителя.

Того же: Из плоти твоеа луча божества исхожах(у)⁹.

Того же: На гору възходящу Иисусу, съв'сходит и видения сподобляется¹⁰, яко паче слова и дивна самое Слова божество обнаж'шея видев.

¹¹Метафрастово, от слова¹², еже о Богослове, Великаго Василиа: Доброта Воистину Силнаго — мысленое и видимое его божество. Видеша же ему доброту Петр и сынове Громови на горе, прев'сходящу солнечную светлость, и проявления славнаго его пришествия очима видети сподобихася.

⁸ Доб. Дамаскина Д. ⁹ испущахуса; са приписано над строкой Б. ¹⁰ исполняется В. ¹¹⁻¹² Метафраста В.

Н. А. КАЗАКОВА

«Исхождение» Авраамия Суздальского

(Списки и редакции)

Участникам русского посольства на Феррарско-Флорентийский собор 1438—1439 гг. принадлежат четыре литературных произведения, в которых нашли отражение как деятельность собора, так и вызванное им путешествие русской церковной делегации. Первое произведение — «Повесть о восьмом соборе» инок Симеона Суздальского, освещающее работу собора, представляет собою полемическое сочинение, проникнутое резко антикатолическими настроениями; второе, которое мы называем «Хождением во Флоренцию», является путевыми заметками (составленными в жанре древнерусских хождений) неизвестного суздальца, описавшего путешествие во Флоренцию и обратно на Русь; к «Хождению во Флоренцию» примыкает по своему содержанию и небольшой «Заметка о Риме», написанная, по-видимому, также автором «Хождения», но не вошедшая в его состав;¹ и, наконец, последнее произведение, известное в рукописной традиции и научной литературе под названием «Исхождения Авраамия Суздальского», содержит рассказ о мистериях, которые автор наблюдал в церквях Флоренции.

«Исхождение Авраамия Суздальского» ввел в научный оборот Н. И. Новиков, издавший его текст в «Древней российской вивлиофике». С тех пор к «Исхождению», являющемуся интересным памятником ранних русско-итальянских культурных связей, неоднократно обращались исследователи. Они установили, что «Исхождение» сохранилось в виде двух отрывков, включающих рассказы о мистериях «Благовещение» и «Вознесение», определили личность автора (по мнению большинства ученых, им был суздальский епископ Авраамий), отметили яркость и детальность его сочинения, передававшего не только сюжеты и внешние аксессуары мистерий, но и их техническую сторону, выявили итальянские пьесы XV в., которые ближе всего подходят к сценическим представлениям, описанным русским путешественником, нашли ряд новых списков произведения.²

¹ Н. А. Казакова. 1) Хождение во Флоренцию 1437—1440 г. (Списки и редакции). — ТОДРЛ, т. XXX. Л., 1976; 2) Заметка о Риме русского путешественника середины XV в. — ТОДРЛ, т. XXXII. Л., 1977.

² Н. С. Тихоново. Новый отрывок из путевых записок суздальского епископа Авраамия (1439). — Вестник Общества древнерусского искусства, 1876, № 11—12, отд. III, с. 37—40 (то же: Н. С. Тихоново. Соч., т. I. М., 1898, с. 275—281); А. Wesselofsky. Italienische Mysterien in einem russischen Reisebericht des XV. Jahrhunderts. — Russische Revue. Monatsschrift für die Kunde Russlands, 1877, Bd X, S. 425—444; П. О. Морозов. История русского театра до половины XVIII столетия т. I. СПб., 1889, с. 24—28; Н. И. Прокофьев. Русские

Существует пять изданий «Исхождения». Н. И. Новиков опубликовал по неизвестному списку текст описания мистерии «Благовещение».³ А. Востоков по копии рукописи XVI в. Коттонианской библиотеки в Лондоне издал два находящиеся в этой рукописи отрывка из описания мистерии «Вознесение».⁴ Н. С. Тихонравов также напечатал текст описания мистерии «Вознесения» по неназванному списку середины XVII в.⁵ А. Попов вновь издал описание мистерии «Благовещение» по принадлежащей ему рукописи XVI в. с подведением вариантов по списку Синодального собрания, № 272 (XVII в.) и Новиковскому изданию.⁶ Н. И. Прокофьев опубликовал текст описания мистерии «Благовещение» по списку ЦГАДА, ф. 181, № 591 (XVII в.) с подведением вариантов по спискам Новиковского и Поповского изданий, а также спискам ЦГАДА, ф. 181, № 13/14 (из библиотеки Волынского), БАН, Тек. поступл., № 496, БАН, собр. Целеси, № 50, собр. Погодина, № 1952, собр. Погодина, № 1571. Н. И. Прокофьевым осуществлено также новое издание текста мистерии «Вознесения» по списку БАН, Тек. поступл., № 496 (XVIII в.) с подведением вариантов по спискам Востоковского и Тихонравовского изданий, а также собр. Погодина, № 1571, собр. Погодина, № 1572, ГПБ, Q. XVII, 321.⁷

Однако, несмотря на наличие нескольких изданий «Исхождения Авраамия Суздальского», обзор списков произведения до сих пор отсутствует, так как издатели ограничивались лишь тем, что называли даты (века) используемых списков.

При изданиях текста памятника использованы в общей сложности (в качестве основных списков и при подведении вариантов) 13 списков. Три из этих списков известны только по соответствующим изданиям (Новиковскому, Тихонравовскому, Поповскому), подлинник изданного А. Востоковым списка находится в Лондоне, использованный А. Поповым для разнотчений список собр. Синодального, № 272 обнаружить в настоящее время в составе Синодального собрания не удалось, остальные 8 списков находятся в рукописных хранилищах Москвы и Ленинграда. Таким образом, из 13 списков «Исхождения Авраамия Суздальского», привлеченных издателями, в настоящее время существуют реально (в печатном или рукописном виде) 12: Новиковский, Востоковский (или Лондонский), Тихонравовский, Поповский, Погодинский, № 1571, Погодинский, № 1572, Погодинский, № 1952, ГПБ, Q. XVII 321, БАН, Тек. поступл., № 496, БАН, собр. Целеси, № 50, ЦГАДА, ф. 181, № 591, ЦГАДА, ф. 181, № 13/14.

хождение XII—XV вв. — Ученые записки МГПИ им. Ленина, № 363. Литература Древней Руси и XVIII в. М., 1970, с. 205—208, 254—256.

³ Древняя российская вивлиофика, ч. XVII. Изд. 2-е. М., 1791, с. 178—185.

⁴ А. Востоков. Описание русских и славянских рукописей Румянцевского музея. СПб., 1842, с. 338—339. А. Востоков отнес оба отрывка к путевым заметкам Авраамия Суздальского. Н. С. Тихонравов определил, что первый из изданных А. Востоковым отрывков посвящен описанию мистерии «Вознесение», по поводу же второго высказал предположение, что он является частью описания мистерии «Рождества Иоанна Предтечи» или какой-либо другой духовной драмы (Н. С. Тихонравов. Новый отрывок. . ., с. 37). Н. И. Прокофьев установил, что второй изданный А. Востоковым отрывок также представляет собою часть описания мистерии «Вознесения», так как он целиком входит в состав вновь найденного Н. И. Прокофьевым списка описания этой мистерии (Н. И. Прокофьев. Русские хождения XII—XV вв., с. 205).

⁵ Н. С. Тихонравов. Новый отрывок. . ., с. 41—42.

⁶ А. Попов. Историко-литературный обзор древнерусских полемических сочинений против латинян (XI—XV вв.). М., 1875, с. 399—406.

⁷ Н. И. Прокофьев. Русские хождения XII—XV вв., с. 252—264; П. О. Морозовым были названы неизвестные в то время списки «Исхождения» из собр. Погодина, № 1557, 1571, 1572, 1952 (П. О. Морозов. История русского театра до половины XVIII столетия, т. I, с. 28, примеч. 1). Три последних списка были использованы Н. И. Прокофьевым в его издании. Список собр. Погодина, № 1557 у П. О. Морозова назван ошибочно: текст «Исхождения» в названной рукописи отсутствует.

Нам удалось обнаружить дополнительно еще 6 списков «Исхождения»: ГПБ, Ф. XVII. 38, ГПБ, Q. I. 788, Троицкий, № 801, Забелинский, № 419, Забелинский, № 451, Уваровский, № 1547 — и увеличить, таким образом, количество учтенных списков до 18.

Списки «Исхождения Авраамия Суздальского» могут быть разбиты на три группы: списки первой группы содержат описание обеих мистерий — «Благовещения» и «Вознесения», второй — «Благовещения», третьей — «Вознесения».

Исследователи уже давно высказали мысль о том, что первоначальный вид «Исхождения Авраамия Суздальского» включал описание обеих мистерий. Еще Н. С. Тихонравов отметил, что с заключительной фразой рассказа о представлении мистерии «Благовещение»: «Се же чудное то видение и хитрое делание видехом во граде, зовомом Флорензе: елико можахом своим малоумием вместити, написахом противу тому видению, якоже видехом; иного же немощно и списати, зане пречюдно есть и отнюдь неказанно» — находится в прямой связи начало отрывка о мистерии «Вознесение»: «Се же ино чуднейше видение видехом в том же преименитом граде Флорентии». Н. С. Тихонравов сделал также вывод о том, что «язык той и другой статьи, и особенно термины, употребляемые в них для обозначения различных подробностей сценической обстановки, убеждают окончательно в принадлежности обеих статей перу одного лица». В этой связи особенно интересно наблюдение Н. С. Тихонравова о наличии в обоих отрывках редкого слова «самокачно», встречающегося еще лишь в одном памятнике — «Хождение игумена Даниила», правда, в другой форме — «мокачно».⁸

Наблюдения и аргументацию Н. С. Тихонравова продолжил Н. И. Прокофьев. Он указал, что в двух списках «Исхождения Авраамия Суздальского» (БАН, Тек. поступл., № 496 и собр. Погодина, № 1571) оба очерка следуют один за другим и что в некоторых новых списках второго очерка («Вознесение») имеются ссылки на первый («Благовещение»), например: «И есть среди церкви тая, якоже в прежеписанной церкви. А тая бы церковь Благовещенская и монастырь вне града, а сия же церковь Вознесения во граде».⁹

По нашему мнению, для доказательства предположения о том, что описания обеих мистерий первоначально входили в состав одного произведения, особенное значение имеет текст Погодинского списка, № 1571. В нем оба описания не просто следуют одно за другим, как это отметил Н. И. Прокофьев, а они слиты в одно произведение: за последними словами фразы, обычно заключающей текст описания мистерии «Благовещение» («Се же все чудное то и хитрое делание видехом во граде, зовомом Флоренза; и елико можахом своим малоумием вместити, и написахом противу же тому деланию, яко видехом; немощно и списати, зане чудно есть и отнюдь неказанно»), на той же строке с маленькой буквы, лишь немного отступя, начинается текст описания мистерии «Вознесения» («еже иное другое чуднейшее видение видехом в том же преименитом и великом граде Флорензе»)¹⁰ При чтении Погодинского списка, № 1571 становится несомненным, что последняя фраза отрывка «Благовещение» и первая фраза отрывка «Вознесение» первоначально составляли единый текст, посредством которого осуществлялся переход от рассказа о мистерии «Благовещение» к рассказу о мистерии «Вознесение». Именно поэтому позже, когда

⁸ Н. С. Тихонравов. Новый отрывок. . . , с. 37—38 и примеч. 2 в правом столбце с. 37.

⁹ Н. И. Прокофьев. Русские хождения XII—XV вв., с. 206—207.

¹⁰ ГПБ, собр. Погодина, № 1571, л. 88 об. Отметим, что текст описания мистерии «Благовещение» начинается в сборнике по-иному: с новой строки и большой киноварной буквы.

этот текст разорвался, описание мистерии «Вознесение» стало начинаться с фразы (точнее, с обрывка фразы), предполагающей существование предшествующего текста.¹¹ Изложенные наблюдения позволяют, как нам кажется, сделать заключение о том, что Погодинский список, № 1571 (список ранний, середины XVI в.) восходит к первоначальной редакции «Исхождения Авраамия Суздальского», включавшей рассказы об обеих мистериях.

Поскольку в состав «Исхождения Авраамия Суздальского» входили описания двух мистерий, в процессе своей литературной истории текст произведения легко распался на две части (отрывок, передающий представление «Благовещение», и отрывок, передающий представление «Вознесение»), каждая из которых стала жить своей самостоятельной жизнью. Когда произошло распадение, трудно сказать, но в середине XVI в. оно уже существовало: к этому времени относятся древнейшие списки описания мистерии «Благовещение» (Забелинский, № 419) и мистерии «Вознесение» (Погодинский, № 1572). По-видимому, отрывок «Благовещение» интересовал древнерусских книжников и читателей больше, чем отрывок «Вознесение»: первый встречается в 12 списках, второй в — четырех. В книжной среде оба отрывка воспринимались как самостоятельные литературные произведения и в сборниках они всегда существуют отдельно, за исключением лишь одного случая — списка БАН, Тек. поступл., № 496, начало XVIII в.¹² Здесь оба отрывка следуют один за другим, но каждый из них имеет свое заглавие и после заключительной фразы текста традиционное «аминь», которое писцы ставили в конце переписываемых ими произведений. Все это свидетельствует о том, что как составителем, так и переписчиками сборника БАН, Тек. поступл., № 496 отрывки «Благовещение» и «Вознесение» воспринимались тоже как отдельные произведения; просто при переписке они были помещены рядом. Поэтому находящийся в сборнике БАН, Тек. поступл., № 496 список описания мистерии «Благовещение» мы будем считать 13-м списком этого отрывка, а находящийся в том же сборнике список описания мистерии «Вознесение» — пятым списком соответствующего отрывка.

Если отвлечься от расчленения первоначального текста «Исхождения Авраамия Суздальского» на две части и от дефектности некоторых списков, то окажется, что в процессе литературной истории произведение претерпело сравнительно мало изменений: его идейное содержание и стиль не менялись. В списках каждой группы различия связаны главным образом с изменениями фразеологического и лексического порядка, а также с небольшими пропусками и дополнениями.

Первая группа списков, восходящая, как мы указывали, к первоначальной редакции «Исхождения Авраамия Суздальского», включавшей описания обеих мистерий, представлена единственным сохранившимся списком: ГПБ, собр. Погодина, № 1571, сборник в 4°, 127 л., составлен из нескольких рукописей, писанных полууставом и скорописью XVI и XVII столетий, смешанного содержания.¹³ Двенадцатая рукопись, включающая списки «Исхождения Авраамия Суздальского» и «Хождения во Флоренцию», написанная одним почерком, скорописью XVI в., датируется сере-

¹¹ Не случайно так начинается не только большинство списков отрывка «Вознесения» (три из пяти), но и самые ранние списки (два списка XVI в.).

¹² О Погодинском списке, № 1571 мы сейчас не говорим, так как этот список, как мы указывали, восходит к первоначальному виду «Исхождения», в котором описания обеих мистерий существовали в виде единого произведения.

¹³ А. Ф. Б. ы ч к о в. Описание церковнославянских и русских рукописных сборников Публичной библиотеки, ч. I. СПб., 1882, с. 63—69 (далее: Бычков).

диной века (водяной знак — кораблик, у Брике такого типа № 11973 — 1552 г.¹⁴). В пользу первичности текста Погодинского списка, № 1571 говорит не только слияние в нем рассказов об обоих мистериях (что мы отметили выше), но и начальная фраза рассказа о мистерии «Благовещение», называющая точно место, где автор наблюдал представление — церковь монастыря св. Марка во Флоренции (монастырь доминиканцев). В остальных списках с описанием мистерии «Благовещение» это указание отсутствует (за исключением списка Троицкого собрания, № 801, о котором мы скажем далее), и они начинаются со слов о мудром итальянце, устройтеле представления мистерии (в Погодинском списке, № 1571 фраза о «хитром фрязине» является второй); о месте представления сообщается дальше, причем точно оно не называется: говорится лишь, что представление было в некоем монастыре в церкви во имя Богородицы. Погодинский список, № 1571, к сожалению, дефектный: он включает текст рассказа о представлении «Благовещение» и лишь самое начало — о представлении «Вознесение» (точнее, описание самого представления нет, а имеется лишь описание церковного интерьера и воздвигнутых в церкви сцены и декораций).

«Исхождения Авраамия Суздальского» на л. 81 об.—89 об.

Без заголовка.

Начало: «Видехом во граде, зовемом Флоренза, в монастыри в церкви святаго апостола и еуангелиста Марка: некий человек хитр, родом фрязин, и устрои многим людям на удивление. . . ».

Конец: «Над самою же тою горою высокою ко осми саженеи верх наряжен мест дьсками 4 саженеи, всямокачен, и с всех стран заперен досками».

Вторая группа списков «Исхождения Авраамия Суздальского» содержит рассказ о представлении мистерии «Благовещение». Поскольку этот рассказ выступает как самостоятельное литературное произведение, списки с его текстом мы предлагаем рассматривать как особую редакцию «Исхождения», называя ее редакцией «Благовещение». Названная редакция представлена 13 списками.¹⁵

1. ГИМ, собр. Забелина, № 419, сборник в 4°, 153 л., полуустав XVI в.; сборник преимущественно религиозно-нравственного содержания, но включает отдельные географические и исторические статьи (например, «о человецех незнаемых», об измене Ивану Васильевичу казанских и татарских князей).¹⁶ Водяной знак листов с текстом «Исхождения Авраамия Суздальского» — папская тиара, близок к № 2844 у Лихачева (1550-е гг.). Следовательно, список датируется серединой XVI в.

«Исхождение Авраамия Суздальского» на л. 60—64.

Заголовок: «Исхождение владыки Авраамия Суздальского на осмии собор с митрополитом Исидором в лето 6945».

Начало: «В Фрязжской земле в граде Флорензе некий человек хитр, родом фрязин, устрои делом многим людям на удивление. . . ».

Конец: «Се же чюдно то видение и хитрое делание видехом в граде, зовемом Флорензе: елико можахом своим малоумием вместити, написахом противу тому деланию, якоже видехом; иного же немощно писати, зане пречюдно есть отнюдь и несказанно».¹⁷

¹⁴ Водяные знаки мы указываем только для списков XVI в.

¹⁵ При обзоре списков каждой группы мы располагаем их в хронологическом порядке.

¹⁶ М. Н. Сперанский. Описание собрания И. Е. Забелина. — ГИМ, машинопись, с. 416—429.

¹⁷ При описании последующих списков редакции «Благовещения», оканчивающихся аналогичным заключением, мы будем приводить лишь последние слова текста заключения.

2. Поповский, из рукописи XVI в. собрания А. Попова. Состав рукописи и ее местонахождение в настоящее время неизвестны. Текст издан А. Поповым.¹⁸

Заголовок: «Исхождение Авраамия Суздальского на осмый собор с митрополитом Исидором в лето 6945».

Начало: «В Фряжской земле в граде Флорензе некий человек хитр, родом фрязин, устрои дело хитро и чюдно. . .».

Конец: «. . . иного же немощно и списати, зане пречюдно есть отнюдь и неказанно. Аминь».

3. ГПБ, собр. Погодина, № 1952, сборник в 4^о, 152 л., составлен из восьми разных рукописей, первая писана полууставом XV в., остальные почерками XVI в. Сборник смешанного содержания.¹⁹ Вторая рукопись сборника, писанная скорописью и полууставом XVII в., включает текст «Исхождения Авраамия Суздальского» и отрывок из «Хождения Игнатия Смольнянина». Список «Исхождения» дефектный: отсутствует значительная часть начала рассказа о мистерии «Благовещение»; текст начинается с описания отрока, исполнявшего роль девы Марии.

«Исхождение Авраамия Суздальского» на л. 20—24.

Без заголовка.

Начало: «. . . учинено место велми чюдно и драгими возглавьи накладено. И на том великом и чюдном месте отрок благозрячен седяше, оболчен в драгую и пречюдную девичьскую ризу и венец».

Конец: «. . . немощно ми списати, зане чюдно есть и отнюдь, яко и выше писахом, неказанно есть».

4. ГБЛ, Троицкое собр., № 801, сборник в 8^о, 180 л., полуустав XVII в. В сборнике преобладают статьи религиозно-богослужебного содержания.²⁰ Текст «Исхождения» переписан вслед за «Хождением во Флоренцию». Список «Исхождения Авраамия Суздальского» этого сборника связан либо со списком Погодинского сборника, № 1571, либо с его протографом: оба списка начинаются с фразы, сообщающей о месте (церковь монастыря св. Марка во Флоренции), где автор наблюдал мистирию «Благовещение».

«Исхождение Авраамия Суздальского» на л. 169 об.—180.

Заголовок: «Сказание о граде Флорензе».

Начало: «Видехом во граде, зовомом Флоренза, в монастыри в церкви святого апостола и евангелиста Марка: некий человек хитр, родом фрязин, и устрои многим людям на удивление. . .».

Конец: «немощно и списати, зане чюдно есть и отнюдь неказанно».

5. ЦГАДА, ф. 181, № 591, сборник в 4^о, 911 л., скоропись, XVII в. Включает Стоглав и статьи различного содержания, в том числе патристические, о Святогорских монастырях, о «человецах неизвестных».

«Исхождение Авраамия Суздальского» на л. 671—683 об.

Заголовок: «Исхождение Авраамия Суздальского на осмый собор с митрополитом Исидором в лето 6945».

Начало: «Во Фряжской земле во граде Флорензе некий человек хитр, родом фрязин, устроил дело многим людям удивление. . .».

Конец: «. . . иного же немощно и списати, зане пречюдно есть, отнюдь и неказанно. Аминь».

6. БАН, собр. Целепи, № 50, сборник в 4^о, 208 л., полуустав, разные почерки, XVII в. Сборник литературного содержания, содержит Повести

¹⁸ См. выше, с. 56, примеч. 6.

¹⁹ Бычков, с. 328—334.

²⁰ Описание славянских рукописей библиотеки Свято-Троицкой Сергиевой лавры, ч. III. М., 1879, с. 242.

о белом клобуке, о царице Динаре, о восьмом соборе Симеона Суздальского и др.²¹

«Исхождение Авраамия Суздальского» на л. 50—55 об.

Заголовок: «Хождение Авраамия Суздальского на осмый собор с тем же митрополитом Исидором в лето 6975».

Начало: «В Фряжской земле, во граде Фролензе, некий человек хитр, родом фрязин, устрои дело многим людям на удивление. . .».

Конец: «. . . иного же немощно и списати, зане пречюдно есть, отнюдь несказанно. Аминь».

7. ГИМ, Забелинское собр., № 451, сборник в лист, 858 л., полуустав и скоропись разных рук, конец XVII в. Смешанного содержания, включает Хронограф 2-й редакции, сочинения святых отцов. Сказание о приходе Максима Грека на Русь, статью о покорении казанских людей царю Федору Иоанновичу, Повесть о восьмом соборе Симеона Суздальского и др.²²

«Исхождение Авраамия Суздальского» на л. 625—634.

Заголовок: «Хождение Авраамия Суздальского на осмый собор с тем же митрополитом Исидором в лето 6945».

Начало: «Во Фряжской земле во граде Флорензе бе некий человек хитр, родом фрязин, устрои дело многим людям на удивление. . .».

Конец: «. . . бысть бо пречюдно дело и несказанно».

8. ГПБ, Ф. XVII. 38, сборник в лист, 329 л., полуустав с элементами скорописи XVII в., смешанного содержания — службы святым, ханские ярлыки митрополитам, чины поставления духовных лиц, послания константинопольского и других патриархов по поводу Никона²³ (последняя группа памятников позволяет датировать сборник второй половиной XVII в.) и другие статьи. Список «Исхождения» со следами позднейшей переработки: 1) в заголовке к первому слову «исхождение» добавлено «видение», 2) слово «всямокачно» заменено словами «вся явно», 3) слова «в хижии моем» (в ответе Марии архангелу) заменены словами «во храме моем», 4) «немощно» (в конце текста) заменено «невозможно» и т.д.

«Исхождение Авраамия Суздальского» на л. 230 об.—234 об.

Заголовок: «Видение исхождение Авраама Суздальского на осмый собор с митрополитом Исидором в лето 6945».

Начало: «Во Фряжской земли во граде Флорензе некий человек хитр, родом фрязин, устрои дело многим людям на удивление. . .».

Конец: «. . . иного же и невозможно и списати, зане же пречюдно есть дело сие и отнюдь несказанно. Аминь».

9. ГПБ. Q. I. 788, сборник в 4°, 195 л., писан скорописью XVII в. разных рук, религиозного содержания, включает главным образом статьи о великомучениках и обретении их мощей. Тетрадь с текстом «Исхождения» прилетена к сборнику, как нам кажется, позже (она написана другим почерком, и листы ее не так потемнели, как остальные листы сборника). Список «Исхождения» имеет следы позднейшей переработки: 1) в заголовке вместо обычного «Исхождение (или «хождение») Авраамия Суздальского. . .» читается явно распространенный вариант: «Видение чудное Авраамия, епископа Суздальского, егда ходил во Фряги», 2) слово «всямокачно» заменено словами «все каменно».

«Исхождение Авраамия Суздальского» на л. 1—7.

²¹ Описание Рукописного отдела Библиотеки АН СССР, т. IV, вып. 1. М.—Л., 1951, с. 127—129.

²² М. Н. Сперанский. Описание собрания И. Е. Забелина, с. 625—634.

²³ Отчет Публичной библиотеки за 1874 год. СПб., 1875, с. 118—123.

Заголовок: «Видение чудное Авраамия, епископа суждальского, егда ходил во Фряги на осмый собор с митрополитом Исидором в лето 6945».

Начало: «Во Фряжской земли во граде Флорензе некий человек хитр, родом фрязин, устрои дело многим людям на удивление. . .».

Конец: «. . .иного же немощно и списати, зане пречюдно есть отнюдь и неказано. Аминь».

10. БАН, Тек. поступл., № 496, сборник в 4°, 463 л., состоит из 19 рукописей, писанных полууставом и скорописью конца XVII—начала XVIII в. Сборник смешанного содержания, составлялся, по-видимому в течение всей жизни, устюжанином А. М. Пономаревым.²⁴ В конце списка «Исхождения Авраамия Суздальского» находится дата, указывающая на время его написания: «Конец 717-го ноября 11-го дня писано» (л. 188), т.е. список относится к 1717 г. Рассматриваемый список «Исхождения» связан со списком ГПБ. Q. I. 788 или же с его протографом: заголовки обоих списков, отличающиеся от обычного типа, полностью совпадают, и вместо слова «всямокачно» читается «все каменно».

«Исхождение Авраамия Суздальского» (отрывок «Благовещение») на л. 179 (181)—182 об. (184 об.).

Заголовок: «Видение чудно Авраамия, епископа суздальского, егда ходил во Вряги на осмый собор с митрополитом Исидором, в лето 6945 году».

Начало: «Во Фряжской земли во граде Флорензе некий человек хитр, родом фрязин, устроил дела многим людям на удивление. . .».

Конец: «. . .иного же немощно и списати, зане пречюдно есть отнюдь и неказанно. Аминь».

11. ЦГАДА, ф. 181, № 13/14, летописец в лист, 188 л., писан скорописью XVIII в. На листе, находящемся перед титульным, написано позднейшим почерком: «Летописец Великия России, продолжающийся по 1652 год (из библиотеки Волынского 1736 года списан)». На титульном листе заглавие: «Летописец Великия России списан 1736». Список «Исхождения» подвергся переработке: 1) текст его заголовка не встречается больше ни в одном списке, 2) в конце произведения отсутствует обычное заключение, выражающее отношение автора к своему труду.

«Исхождение Авраамия Суздальского» на л. 63 об.—66.

Заголовок: «Сказание о церкви Благовещения пречистой Богородицы, создана в Римской области».

Начало: «Лета 6945. Видехом во Фряжской земли во граде Флорензе в монастыре церковь немала во имя пречистыя Богородицы. . .».

Конец: «Егда же аггел к месту своему приидет, и огнь престанет, и законы все попрежнему затворятся. А делал такие мудрости мастер фрязин».

12. ГИМ, Уваровское собр., № 1547, сборник в лист, 455 л., скоропись начала XIX в. Смешанного содержания: ханские ярлыки русским митрополитам, патристические статьи, Сказание о белом клубке, выписки из книги «Остен» и т.д.²⁵ Список связан со списком ГПБ, F. XVII. 38: имеет такой же заголовок и аналогичные замены устаревших слов (например, вместо «всямокачно» — «все явно», вместо «немощно» — «невозможно»).

«Исхождение Авраамия Суздальского» на л. 19—22.

Заголовок: «Видение изхождение Авраамия Суждальского на осмый собор с митрополитом Исидором в лето 6945».

²⁴ Описание Рукописного отдела Библиотеки АН СССР, с. 214—220.

²⁵ Леонид, архим. Систематическое описание славяно-русских рукописей собрания А. С. Уварова, ч. III. М., 1894, с. 181—184.

Начало: «Во Фряжской земле во граде Флорензе некий человек хитр и родом фрязин устроил дело людем многим на удивление. . .».

Конец: «. . .иного же и невозможно и списати, зане пречюдно есть дело сие и отнюдь несказанно».

13. Новиковский, неизвестного времени, состав рукописи, включавшей список, и ее местонахождение также неизвестны. Вероятно, при издании списка Н. И. Новиковым²⁶ были внесены в него в отдельных местах изменения: например, слово «всямокачно» заменено словами «в самом конце».

Без заголовка.

Начало: «В Фряжской земле во граде Флорензе некий человек хитр, родом фрязин, устрои делом многим людем удивление. . .».

Конец: «. . .иного же не мощно и списати, зане пречюдно есть отнюдь и несказанно. Аминь».

Третья группа списков «Исхождения Авраамия Суздальского» включает тексты описания мистерии «Вознесение». Поскольку это описание переписывалось в сборниках как отдельное произведение, постольку списки с его текстом должны рассматриваться как новая редакция «Исхождения», которую, в соответствии с ее содержанием, можно назвать редакцией «Вознесение». Эта редакция представлена пятью списками.

1. Собр. Погодина, № 1572, сборник в 4^о, 131 л., составлен из нескольких рукописей, писанных скорописью XVI, XVII и XVIII столетий, смешанного содержания.²⁷ Последняя рукопись (л. 110—131) написана одним почерком, скорописью XVI в.; водяной знак — рука в рукавчике, над пальцами розетка из четырех лепестков, у Брикке такого типа № 11430 — 1547 г. Эта рукопись включает статьи о Флоренции («Исхождение»), о «человецах незнаемых», о происхождении князей русских, о князьях литовских, о войне Олега с греками. Текст «Исхождения» дефектный: рассказ о мистерии «Вознесение» обрывается на середине фразы, содержащей описание «церковного помоста» (сцены) и веревок, при помощи которых осуществлялось передвижение действующих лиц по вертикали. «Исхождение Авраамия Суздальского» на л. 110—112.

Заголовок: «Повесть некоторая, сказание о преименитом граде Флорентии».

Начало: «Се же ино чюдо и видение видехом в том преименитом граде Флорентии».

Конец: «И то есть все устроенное закрыто прежреченною завесою, еще же из места того чрез средю церковного помоста наряжены. . .».

2. Востоковский (Лондонский), из рукописи XVI в. Коттонианской библиотеки в Лондоне. Рукопись содержит список Вологодско-Пермской летописи и несколько мелких статей, в том числе два маленьких отрывка из описания мистерии «Вознесение», изданы А. Востоковым.²⁸ Второй отрывок обрывается на том же месте, что и текст Погодинского списка, № 1572.

«Исхождение Авраамия Суздальского» на л. 151 об. и 208.

1-й отрывок. Без заголовка.

Начало: «Се же ино чюднейшие видение видехом в том преименитом граде Флорентии».

Конец: «. . .учинена камора каменна в стену олтаря того, якобы трею сажен, всямокачен, из церкви задернута завесою червленою, на. . .».

2-й отрывок. Без заголовка.

²⁶ См. выше, с. 56, примеч. 3.

²⁷ Бычков, с. 59—63.

²⁸ См. выше, с. 56, примеч. 4.

Начало: «. . . видение видеком. . . с и окрест престола того яко же дети. . . малых множество хитрым устроением держажуся. . .».²⁹

Конец: «И то есть все устроение закрыто прежреченною оною завесою, еще же из места того чрез среду церковного помоста наряжены. . .».

3. Тихонравовский, из рукописи XVII в. Состав рукописи и ее местонахождение в настоящее время неизвестны. Список издан Н. С. Тихонравовым.³⁰

Заголовок: «О Флорентии граде».

Начало: «Се же ино чуднейше видение видеком в том преименитом граде Флорентии».

Конец: «Зрящим же им, и се скоро отторгнутся запоны устроенного того места, рекше вышняя небесная отверзутся, и бысть свет».

4. ГПБ, Q. XVII. 321, сборник в 4°, 626 л., писан мелкой четкой скорописью, середина XVII в. Сборник наряду с «Шестодневом», «Пчелой», «Златым бисером», «Апокалипсисом» содержит ряд исторических и географических статей, в том числе «Летописец вскоре патриарха Никифора, Козьму Индикоплова, Космографию (включающую и описание Америки), Хождение из Сибири в Китайское царство, Путь от Москвы до Цареграда и Иерусалима и т.д.

«Исхождение Авраамия Суздальского» на л.324 об.—328.

Заголовок: «О Флорентии граде».

Начало: «В том граде есть церковь Вознесения господа бога и Спаса нашего Исуса Христа».

Конец: «Зрящим же им, и се скоро отторгнутся запоны устроенного того места, рекше вышняя небесная отверзутся, и бысть свет».

5. БАН, Тек. поступл., № 496, список «Исхождения» начала XVIII в.³¹ Текст списка имеет приметы поздней переработки: заголовок подвергся распространению, а в конце описания мистерии «Вознесение» добавлено заключение, передающее отношение автора к своему труду. Очевидно, писец, переписавший рассказ о мистерии «Вознесение» после рассказа о мистерии «Благовещение» (в сборнике оба рассказа следуют друг за другом), счел нужным под влиянием текста последнего добавить аналогичную концовку.

«Исхождение Авраамия Суздальского» (редакция «Вознесения») на л. 182 об. (184 об.)—187 (189).

Заголовок: «Сказание о граде Флорензе, иже во Фряжской земле, и о Вознесенской церкви и како в ней действо устроено дивным строением».

Начало: «В сем же преименитом граде Флорензе, во церкви Вознесения господа бога и Спаса нашего Исуса Христа. . .».

Конец: «Елико можях, толико и написах, но не могу бо такового хитраго видеф, в забытии положити, но помяновения ради и написах, зане же бо чудно есть видение се и несказанно, и радостные сие преисполненно противу тому всему, како видех, никако же мощно есть истинно испити или сказати; елико возмогох, толико и написах. Аминь. Конец».

Наблюдения над литературным «конвоем» «Исхождения» и составом сборников, включающих его текст, позволяют сделать заключение о том, в какой связи памятник привлекал внимание древнерусских книжников и читателей.

²⁹ Многоточия в середине текста находятся в издании А. Востокова (Описание. . .). Очевидно, они означают испорченный текст.

³⁰ См. выше, с. 56, примеч. 5.

³¹ Описание сборника см. выше, на с. 62.

В двух сборниках — Погодинском, № 1571 (середина XVI в.) и Троицком, № 801 (XVII в.) — «Исхождение Авраамия Суздальского» переписано вслед за «Хождением во Флоренцию 1437—1440 гг.», что свидетельствует о стремлении составителей сборников предоставить читателям оба памятника, повествующие о путешествии русской церковной делегации на Флорентийский собор. В сборниках БАН, собр. Целепи, № 50 и Забелинском, № 451 (XVII в.) «Исхождение» помещено после «Повести о восьмом соборе Симеона Суздальского», освещающей деятельность Флорентийского собора и участие в нем русского посольства во главе с митрополитом Исидором; заголовок обоих списков «Исхождения» — «Хождение Авраамия Суздальского на осмый собор с тем же митрополитом Исидором в лето 7945» — показывает, что составители сборников рассматривали оба памятника как тематически единый литературный цикл (отметим, что в тексте «Исхождения» упоминания Флорентийского, восьмого собора, так же как и митрополита Исидора, нет, и совершенно очевидно, что оба упоминания попали в заголовок произведения из соседней «Повести о восьмом соборе»). В сборниках собрания Забелина, № 419 (XVI в.), ЦГАДА, ф. 181, № 591, ГПБ, Ф. XVII. 38 и ГПБ, Q. I. 788 (XVII в.), БАН, Тек. поступл., № 496 (начало XVIII в.), собрания Уварова, № 1547 (начало XIX в.) никаких произведений, связанных с Флорентийским собором, кроме «Исхождения Авраамия Суздальского», нет. А между тем в заголовке его списков, находящихся в названных сборниках, сообщается, что Авраамий совершил «хождение» (или «исхождение») на восьмой собор в 6945 г. вместе с митрополитом Исидором. Наличие этого заголовка в рассматриваемых списках объясняется, несомненно, тем, что протограф (или протографы) названных списков находился (или находились) в сборнике (или сборниках), в котором (или которых) текст «Исхождения» следовал непосредственно за «Повестью о восьмом соборе» Симеона Суздальского и был обязан этому соседству своим заголовком. Сделанные наблюдения дают, как нам кажется, все основания для вывода о том, что «Исхождение» интересовало первоначально древнерусских книжников как памятник, связанный с Флорентийским собором, рассказывающий об одном из эпизодов путешествия русской церковной делегации на собор. Но наряду с интересом такого рода «Исхождение Авраамия Суздальского» привлекало к себе внимание и по другим причинам.

Рукопись из Погодинского сборника, № 1952 с текстом «Исхождения» содержит также отрывок из «Хождения Игнатия Смольнянина в Царьград» (они помещены рядом), в рукописи из Погодинского сборника, № 1572, включающей список «Исхождения», находится также статья «о человецех незнаемых» (самоедах),³² в сборнике ЦГАДА, ф. 191, № 591 — статьи о Святогорских монастырях, «о человецех незнаемых». Хотя эти статьи сообщали о жизни и порядках разных уголков известной древнерусским книжникам ойкумены, но все они объединялись одной темой — описание «чужих земель». Эта тема особенно ярко и многогранно представлена в сборнике ГПБ, Q. XVII. 321, содержащем в числе прочих статей «Космографию» Козьмы Индикоплова, более позднюю «Космографию» с описанием Старого и Нового света, «Хождение из Сибири в Китайское царство», «Путь от Москвы до Цареграда и Иерусалима» и, наконец, «Исхождение Авраамия Суздальского». Таким образом, в названные сборники «Исхождение» включалось как памятник, повествующий о «чужих землях» и отвечающий стремлению древнерусского человека к познанию других стран.

³² Оба Погодинских сборника составлены из разных рукописей. Мы говорим только о тех входящих в их состав рукописях, которые содержат текст «Исхождения».

В заключение¹ отметим, что с середины XV и до середины XVII в., вплоть до 1635 г., когда русский посол в Польше кн. Львов-Ярославский записал в статейном списке о виденном им у польского короля спектакле о Юдифи, спасшей Иерусалим от ассирийского царя Олаферна,³³ «Исхождение Авраамия Суздальского» оставалось единственным в древнерусской литературе памятником, рассказывающим о театральных представлениях; автором это было сделано так живо и увлекательно, что памятник и после появления в России во второй половине XVII в. собственного театра продолжал жить — переписываться и рассказывать читателям о чудесном зрелище, которое «хитрый фрязин» (может быть, имеется в виду знаменитый инженер-зодчий Филиппо Брунеллеско, создавший технические приспособления для постановки мистерии «Благовещение»³⁴) устроил «многим людям на удивление» в далекой «Фряжской земле», в «преимени- том и великом граде Флорензе».

³³ П. О. Морозов. История русского театра до половины XVIII столетия, т. I, с. 28.

³⁴ Я. Буркхардт. Культура Италии в эпоху Возрождения. СПб., 1876, с. 334.

Д. М. БУЛАНИН

Источники античных реминисценций в сочинениях Максима Грека

Исследователи уже давно обратили внимание на то, что такого количества античных реминисценций, как в сочинениях Максима Грека, нет ни у одного древнерусского автора до XVII в. Однако до сих пор не существует специальной работы, посвященной роли античной культуры в творчестве этого писателя.¹ В лучшем случае дается простой перечень античных авторов, которые упоминаются в сочинениях Максима,² без попытки уяснить причины обращения писателя к тому или иному писателю или герою древнего мира. Между тем без изучения античных реминисценций в литературном наследии Максима Грека нельзя ответить на вопрос, который уже давно волнует исследователей: вопрос об отношении писателя к культуре Ренессанса.³

Для изучения роли античной древности в творчестве такого широко образованного писателя, каким был Максим, чрезвычайно важно установить источники, из которых он черпал свои сведения об античной культуре. Это даст возможность точно уяснить круг чтения писателя, укажет на его связь с западноевропейской и византийской культурными традициями и в конечном итоге приведет к более четкому представлению о его мировоззрении. Кроме того, установление источников, которыми пользовался Максим Грек, поможет решить целый ряд вопросов, связанных с атрибуцией, хронологией, стилистическими особенностями сочинений ученого монаха. На необходимость выявления источников (не только античных) сочинений Максима указывал В. Н. Перетц в отзыве на монографию В. С. Иконникова, отзыве, ценность которого в методическом отношении недостаточно учтена исследователями: «Далеко не безразличен вопрос об источниках писателя, особенно — влиятельного и настолько выдающегося на общем фоне литературы данной эпохи, как Максим Грек. Интересны не только идеи, но и пути их миграции и те видоизменения, которые получаются при передаче традиционного достояния — передатчиком его в новую среду».⁴ Задача эта осложняется тем, что указать непосредственный источник той или иной реминисценции в большинстве случаев невозможно.

¹ Постановку вопроса в общей форме см.: Д. М. Бу л а н и н. Античное наследие у Максима Грека. — В кн.: Материалы XI научной студенческой конференции. Филология. Тезисы. Новосибирск, 1973, с. 30—31.

² Самый полный обзор см.: А. И. И в а н о в. Максим Грек и итальянское Возрождение. — Византийский временник, т. 34. М., 1973, с. 115—117.

³ Н. К. Г у д з и й. Максим Грек и его отношение к эпохе итальянского Возрождения. — Университетские известия. Киев, 1911, № 7, с. 1—19.

⁴ В. П е р е т ц. Максим Грек и его время. Историческое исследование В. С. Иконникова. — Библиографическая летопись, 1917, III, с. 47.

До сих пор нам чрезвычайно мало известно о том, какими книгами пользовался в России Максим Грек, и тем более — какие книги он читал до приезда в Москву. Пытаясь решить этот вопрос, С. А. Белокуров пришел к весьма неутешительному выводу: «Если мы подведем итоги всем переводам Максима Грека, примем во внимание его различные слова и указания, находящиеся в них, то все-таки окажется, что для всех этих работ требовалось не так уже много греческих оригиналов, как обыкновенно предполагается».⁵

Из всех книг, которыми, согласно С. А. Белокурову, мог пользоваться Максим Грек в России, единственным светским произведением был Лексикон Свиды.⁶ При всей полноте этой энциклопедии она, естественно, не могла поставлять писателю весь необходимый материал, поэтому неудивительно, что многие ссылки Максим должен был делать по памяти, а это также затрудняет выявление непосредственного источника античных реминисценций. Из всего изложенного очевидно, насколько важно установить даже не непосредственные, а хотя бы возможные источники ссылок писателя на античные авторитеты или указать на первоисточники этих ссылок.

Отдельные попытки в этом направлении уже предпринимались. Так, в частности, В. С. Иконников предложил свою версию происхождения того произведения Максима Грека, которое условно называют Повестью о римском юноше.⁷ Он считает, что в данном рассказе Максим Грек относит к Карфагену легенду, которую рассказывает Тит Ливий по поводу поступка сына царя Тарквиния — Секста Тарквиния — с городом Габиями (Римская история, I, 53, 54). В. С. Иконников приводит и другую аналогию к рассказу Максима Грека (из Геродота),⁸ однако это лишь сюжетная параллель, но она не решает вопроса об источнике Максима, у которого повествуется о других событиях (Пунических войнах). Что же касается предположения А. И. Иванова о заимствовании из «Римских деяний», то оно основывается лишь на названии произведения в одной из рукописей (ГБЛ, ф. 310, собр. Ундольского, № 338) — «О римских повестях, повесть первая» — и никакими фактическими данными не подтверждается.⁹

А. И. Соболевский высказал предположение о происхождении другого отрывка Максима Грека, который в некоторых рукописях называется «Сказание Менадра философа» и нередко присоединяется к «Главам поучительным начальствующим правоверно».¹⁰ А. И. Соболевский считал, что это перефразированный отрывок из Стобея,¹¹ однако на указанной им странице издания Майнеке ничего близкого к отрывку Максима Грека

⁵ С. Белокуров. О библиотеке московских государей в XVI столетии. М., 1898, с. 301.

⁶ Исследователи предполагают, что Максим пользовался первым изданием Лексикона Свиды, выпущенным Дмитрием Халкондиллом в Милане в 1499 г. (С. Белокуров. О библиотеке московских государей в XVI столетии, с. 303; А. И. Иванов. Литературное наследие Максима Грека. Л., 1969, с. 69, примеч. 126). Окончательно этот вопрос может быть решен после тщательного изучения переводов Максима Грека из Лексикона Свиды.

⁷ Сочинения преподобного Максима Грека, ч. I—III. Казань, 1859—1862, ч. III, с. 48—49 (далее — Сочинения).

⁸ В. С. Иконников. Максим Грек и его время. Киев, 1915, с. 349.

⁹ А. И. Иванов. Литературное наследие Максима Грека, с. 82, примеч. 180. Впрочем, А. И. Иванов сам указывает, что в древнерусском переводе «Римских деяний» данная повесть отсутствует. В свою очередь мы не обнаружили ее и в известном издании Грессе, в котором опубликованы западноевропейские редакции «Римских деяний» (Das älteste Märchen- und Legendenbuch des christlichen Mittelalters, oder die Gesta Romanorum, Bd 1—2. Von J. G. Th. Gräße. 3. Ausg. Leipzig, 1850).

¹⁰ Сочинения, ч. II, с. 184.

¹¹ А. И. Соболевский. Переводная литература Московской Руси XIV—XVII веков. Библиографические материалы. — СОРЯС, т. LXXIV, 1903, № 1, с. 278.

обнаружить не удалось, на что уже обратил внимание А. И. Иванов.¹² Известны и некоторые другие соображения по поводу источников античных реминисценций Максима Грека.¹³ В последнее время американский исследователь Д. Хейни в своей монографии, посвященной Максиму Греку, указал на источники большей части ссылок писателя на Платона.¹⁴ В свою очередь, нам удалось обнаружить первоисточники или возможные источники ряда античных реминисценций Максима, что представляется небезполезным для будущих исследователей творчества этого писателя.

В первую очередь нужно остановиться на цитатах Максима Грека из поэм Гомера. Как истинный грек, Максим нередко ссылается на поэмы Гомера, которые он несомненно знал со школьной скамьи, поэтому перевод цитат из Гомера, по всей вероятности, он делал по памяти. Цитату из Гомера встречаем в «Слове душеполезне зело внимающим ему. Беседует ум к души своей, в нем же и на лихоимство»: «Да не убо без ума предпостыши, о душе, влеющая паче пребывающих выну небесных благ, да не постражеша реченное премудре Меонидом,¹⁵ глаголющем: „муж несмыслен, по внегда в бедах паднет, тогда чюл есть, егда ужь не может пособити себе“». ¹⁶ Это цитата из «Илиады» (IX, 249 и сл. Ср.: XVII, 32—XX, 198).¹⁷ В другом произведении Максима, которое известно под заглавием «О пришельцах философех», автор пишет, намекая на свою судьбу: «Омир глаголет премудрый, законополагая страннолюбю: „лепо есть, рече, любити гостя у нас живуца, а хотяща отъити пустити“». ¹⁸ Это цитата из «Одиссеи»

¹² А. И. Иванов. Литературное наследие Максима Грека, с. 82.

¹³ Так, например, А. А. Покровский предположил, что отрывок об Александре Македонском заимствован Максимом из Лексикона Свида. См.: Древности. Труды Славянской комиссии имп. Московского археологического общества, т. V. М., 1911, Протоколы № 97—117, с. 43. Ниже мы указываем на другой источник этого отрывка. В. С. Иконников (В. С. И к о н н и к о в. Максим Грек и его время, с. 349) полагал, что Максим Грек рассказывает о седмивратных и стовратных Фивах, основываясь на Геродоте (Толкование отчасти недоуменных неких речений в слове Григория Богослова. — Сочинения, ч. III, с. 45). В действительности в рассказе Максима Грека есть лишь одна деталь, которая с большой натяжкой может быть возведена к Геродоту. Максим пишет: египетские Фивы были столь многолюдны, что из каждых ворот (всего 100) выходило по 500 воинов на битву. У Геродота же этот момент совершенно не акцентируется. Рассказывая о царе Камбисе, Геродот пишет всего лишь следующее (Г е р о д о т. История в девяти книгах. Л., 1972, с. 146): «Когда Камбис прибыл в Фивы, то разделил свое войско: 50,000 воинов должны были покорить и продать в рабство аммониев и сжечь прорицалище Зевса. Сам же царь с остальным войском двинулся на эфиопов» (III, 25). И далее: «Так кончился поход на эфиопов. Часть же войска, посланная против аммониев, выступила из Фив с проводниками» (III, 26). Как видим, хотя совпадение в числе у Максима Грека и у Геродота (100 × 500 = 50 000) имеет место, для предположения В. С. Иконникова оснований явно недостаточно. Скорее можно говорить о реминисценции из Гомера, у которого читаем о Фивах: «Град, в котором сто врат, а из оных из каждых по двести ратных мужей в колесницах, на быстрых конях выезжают» (Илиада, IX, 383—384, пер. Н. И. Гнедича). Отметим также, что целый ряд отрывков из рассматриваемого произведения Максима Грека, как предполагает А. И. Соболевский, восходит к Лексикону Свида (Переводная литература Московской Руси XIV—XVII веков, с. 277, примеч. 1).

¹⁴ J. V. Haney. From Italy to Muscovy. The life and works of Maxim the Greek. München, 1973, p. 139 sqq.

¹⁵ В Казанском издании — «Меонидом Омвром». Мы исправляем на основании рукописи, правленной рукой Максима Грека (ГБЛ, ф. 173. III, собр. МДА, № 138, л. 134), где глосса, объясняющая поэтическое прозвище Гомера «Меонид» (на поле: «Омвром»), записана самим Максимом. См.: Н. В. С и н и ц ы н а. Ранние рукописные сборники сочинений Максима Грека. — Археографический ежегодник за 1971 год. М., 1972, с. 133, примеч. 14.

¹⁶ Сочинения, ч. II, с. 9—10. Здесь и далее у Максима Грека цитаты из античных источников мы выделяем внутренними кавычками.

¹⁷ Пользуясь случаем, выражаем искреннюю благодарность за помощь при отыскании античных источников А. И. Зайцеву, без ценных указаний которого данная работа не могла бы появиться.

¹⁸ Сочинения, ч. III, с. 288.

(XV, 74). Дважды говорит Максим о подземных реках,¹⁹ о которых рассказывается в «Одиссее» в связи с описанием встречи Улисса с прорицателем Терезием (Одиссея, X, 313 и сл.).²⁰ Наконец, в большинстве рукописей к тому месту «Слова обличительна на еллинскую прелесть», где Максим упоминает Каллиопу,²¹ имеется глосса «сиречь Омирская книга»,²² которую с большой долей вероятности можно приписать самому Максиму Греку.

Здесь же следует сказать об изречении, которое приводит Максим Грек (тогда Михаил Триволис) в письме к Иоанну Григоропуло от марта 1500 г.: «ταῦτα μὲν, φασί, θεῶν ἐν γούνασι κεῖται».²³ И. Денисов в своем комментарии к этому письму дает ссылку на источник этого изречения: Илиада, XVII, 514.²⁴ Отметим по этому поводу два обстоятельства. Во-первых, данное изречение встречается и в других местах поэм Гомера.²⁵ Во-вторых, нужно иметь в виду, что это выражение употреблялось proverbially и потеряло связь с именем Гомера, не случайно Максим Грек пишет не «говорит» (φησί), а «говорят» (φασί).²⁶

Весьма вероятно, что ссылки на Гесиода и на Ксенофонта Максим Грек делает также по памяти, ведь изучение этих авторов входило в Византии в школьную программу. К авторитету Гесиода он обращается в «Беседе души и уму, по вопросу и ответу, о еже откуда страсти ражаются в нас, в немже и о божественном промысле и на звездочетцов»: «Ихъже (астрологов, — Д. Б.) безбожное и безумие не в настоящем разсудих большими словесы обличати; довольне бо обличает их некий велеумный мудрец их, ему же имя Исиод, паче же самыа отроковицы памятные, яже всякия вкпе премудрости подательни и виновни суть, якоже паки они глаголют. Вопрошени бо быше Исиодом, коея ради вины овы убо человеком славни и пресловуты суть, овы же паки безчестны и неимениты, и отвещаша Исиоду: „ниже колесом счастья, ниже схожении планитовыми, но Зевса великаго ради, рекше неизглаголанними божиими судьбами бывати им, или сице или инако”».²⁷ В этом отрывке несомненно имеется в виду начало поэмы Гесиода «Работы и дни», где находим традиционное обращение поэта к музам:

Вас, пшерийские Музы, дающие песнями славу,
Я призываю, — воспойте родителя вашего Зевса!
Слава ль кого посетит, неизвестность ли, честь иль
бесчестье —

Все происходит по воле великого Зевса-владыки.
Силу бессильному дать и в ничтожество сильного свергнуть,
Счастье отнять у счастливого, безвестного вдруг возвеличить,
Выпрямить сгорбленный стан или спину надменному сгорбить —
Очень легко громовержцу Крониду, живущему в вышних.

(Работы и дни, I, 1—8).²⁸

¹⁹ Там же, ч. II, с. 14; ч. III, с. 231.

²⁰ Д. Хейни считает, что, рассказывая о встрече Одиссея с Терезием (Сочинения, ч. II, с. 14), Максим Грек следует примеру Платона («Федон»). См.: J. V. N a n e u. From Italy to Muscovy, p. 151—152.

²¹ Сочинения, ч. I, с. 70.

²² Эта глосса имеется в рукописи, написанной при жизни Максима и им самим правленной (ГБЛ, ф. 173, собр. МДА, № 42, л. 37).

²³ E. D e n i s o f f. Maxime le Grec et l'Occident. Contribution à l'histoire de la pensée religieuse et philosophique de Michel Trivolis. Paris—Louvain, 1943, p. 402.

²⁴ Ibid., p. 403, note 2.

²⁵ См.: Corpus paroemiographorum Graecorum. Ed. E. L. A. Leutsch, F. G. Schneidewin, t. I, II. Gottingae, 1839, 1851, t. I, p. 72—73 (далее: Corpus).

²⁶ Примеры употребления этого изречения см.: Corpus, t. I, p. 72—73; ср. с. 332.

²⁷ Сочинения, ч. II, с. 83—84.

²⁸ Эллинистские поэты в переводах В. В. Вересаева. М., 1963, с. 141.

Любопытно отметить, что в XVIII в. один из читателей сочинений Максима Грека правильно понял данный отрывок (об «отроковицах», «яже всякия вкупе премудрости подательни и виновни суть»), увидев в нем указание на муз. В собрании сочинений Максима Грека (ГБЛ, ф. 98, собр. Егорова, № 1198 (XVIII в.), л. 229) слово «отроковицы» пояснено: «Сиречь мусы, что по кнезе „Пчелы“ есть, пишет о них». Таким образом, традиционное обращение к музам Максим Грек представил в виде диалога поэта с музами и тем самым сделал Гесиода своим союзником в борьбе против астрологии.²⁹

Как мы указали, Максим Грек ссылается и на Ксенофонта. Несомненной реминисценцией из «Киропедии» является следующее место в «Слове к начальствующим на земли»: «Не за иную которую вину возвысил есть преблагий бог царство Кира, царя перскаго, хотя и нечестив и идолопоклонник был, точию за превелию правду и кротость и милосердие его к подручником своим, их же ради и отца нарицаху его себе подручницы; и толь прият его и почюдися его добродетели, яко и помазанника своего нареци благоизволил, якоже слышим в книгах повестных».³⁰ В «Киропедии» действительно рассказывается, что Кир «любил своих подданных и так относился к ним, как к своим детям; подданные в свою очередь смотрели на него как на отца» (Киропедия, кн. VIII, 8, 1).³¹ Конечно, в «Киропедии» не говорится, что бог назвал Кира своим помазанником; Максим здесь, очевидно, имеет в виду Ветхий завет: «Так говорит Кир, царь персидский: Все царства земли дал мне господь, бог небесный» (2-я кн. Паралипоменон, 36, 23—1-я кн. Ездры, 1, 2).³² Таким образом, в данном случае Максим Грек, очевидно, контаминировал два источника.

Чрезвычайно любопытны ссылки Максима Грека и на других античных авторов, с которыми он мог познакомиться как в Византии, так и в Италии. Таково, в частности, упоминание ученика Сократа³³ философа Кебеса, на которого Максим Грек ссылается в «Послании к некоему иноку, бывшему во игуменех, о немецкой прелести, глаголемей фортуне, и о колесе ея»: «Сии же умыслиша, от земля и чрева своего вещающе, баснословное имя счастья или фортуны, еяже и слепу именует некий мудрец еллинский именем Кевис, и на камне седящу оболом, и слепу убо наричет ея по своих прелестех, аки бесчинно и безсловесно и неравне подающе человеком имения же и саны властелныя, на оболом же камени седящу ея являет, за еже дарованием ея не бывати твердым, но удобь препадающим и ко иным переходящим».³⁴ Уже В. С. Иконников писал, что Максим Грек в данном месте имеет в виду диалог «Картина» (Πίναξ), который приписывался Кебесу.³⁵

Однако В. С. Иконников не обратил внимания, что писатель в данном случае имеет в виду конкретное место диалога «Картина»:

«— А что это за женщина? Она слепа и стоит на круглом камне.

²⁹ Это, конечно, не противоречит тому, что в «Работах и днях» иногда присоединялся календарь благоприятных и неблагоприятных для того или иного предпринятия дней, что не могло привлечь Максима, яростного противника астрологии.

³⁰ Сочинения, ч. II, с. 354.

³¹ Сочинения Ксенофонта в пяти частях, ч. III. Изд. 3-е. СПб., 1897, с. 384. В другом месте «Киропедии» рассказывается, что Кир получил прозвание отца не только от подчиненных, но и от покоренных народов (кн. VIII, 2, 9). К последнему пассажию приводят параллельные места из других античных авторов (Геродот, Цицерон, Диодор). См.: В. И. Барвинок. Никифор Влеммид и его сочинения. Киев, 1911, с. 254, примеч. 6. Восторженная характеристика Кира есть и в Лексиконе Свида: *Suida lexicon, pars 1—5. Ed. A. Adler. Lipsiae, 1928—1938, pars 3, p. 220—221.*

³² За указание на это место мы глубоко признательны А. И. Зайцеву.

³³ Он является участником диалога Платона «Федон».

³⁴ Сочинения, ч. I, с. 448—449; ср. с. 437.

³⁵ В. С. Иконников. Максим Грек и его время, с. 283.

- Случай. Она не только слепа, но безумна и глуха.
 — Что она делает?
 — Мечется то туда, то сюда, — дает одним блага, отнятые у других, от них тотчас берет свой дар обратно и отдает на короткое время первому встречному. Одно прекрасно характеризует ее.
 — Что?
 — Она стоит на круглом камне.
 — Что это значит?
 — Значит, ее дары непостоянны, обманчивы: вверившемуся ей приходится испытывать много тяжелого горя» (К е б е с. Картина, гл. VII).³⁶
 То, что Максим Грек хорошо знал этот диалог, неудивительно: в эпоху Возрождения он был чрезвычайно популярен и многократно издавался начиная с XV в.³⁷

Нам удалось установить источник цитаты Максима Грека из другого античного автора — Леонида Александрийского. На Леонида Максим Грек ссылается дважды: в «Слове на Николая Немчина, прелестника и звездочетца» и в произведении, которое условно называют «Слово против звездочетцев», причем в этих произведениях дается различный перевод четверостишия Леонида. Поэтому любопытно будет привести параллельно оба перевода Максима Грека и греческий оригинал стихотворения, которое писатель заимствовал из «Греческой антологии» (IX, 80).

«Слово на Николая Немчина, прелестника и звездочетца»:

Волхвы, елицы сматряете звездное шествие,
 Изчезнете, суетныя премудрости сущи лжи учителе;
 Вас смельство родило, безумие воспитало,
 Иже ни свое безчастие можете предъуведети.³⁸

«Слово против звездочетцев»:

Влѣхвы, елицы възыскасте звездный путь,
 Исчезнете, суетныя мудрости, лъжесловци,
 Вас безумие повило, а смельство лютое родило,
 Ни свое ведущих безславию.³⁹

«Греческая антология»:

Μάντιες ἀστερόεσσα ὄσοι ζητεῖτε κέλευθον,
 ἔρραιτ' εἰκαίης ψευδολόγοι σοφίης.
 ὑμέας ἄφροσύνη μαίωσατο, τόλμα δ' ἔτιπτεν,
 τλήμονας, οὐδ' ἰδίην εἰδόμενος ἀλκείην.⁴⁰

«Греческая антология» многократно издавалась, причем уже в конце XV в.⁴¹ Обращение к ней Максима Грека вновь убеждает нас в его широкой

³⁶ К е б е с. Картина. СПб., 1888, с. 9—10.

³⁷ Перечень ранних изданий «Картины» см.: British Museum general catalogue of printed books, vol. 35. London, 1965, col. 909 sqq. (далее — General catalogue). Следует отметить, что этот диалог получил широкое распространение и в России начиная с XVIII в. (часто издавался и в России и на Западе под именем Эпиктета). См.: Сводный каталог русской книги гражданской печати XVIII века, т. II. М., 1964, с. 31; т. III. М., 1966, с. 439.

³⁸ Сочинения, ч. I, с. 456.

³⁹ ГБЛ, ф. 256, собр. Румянцева, № 264, л. 15. Опубликовано в книге А. И. Иванова (Литературное наследие Максима Грека, с. 123), однако с некоторыми ошибками. Впервые указал на этот вариант перевода четверостишия В. Ф. Ржига. См.: В. Ф. Р ж и г а. Неизданные сочинения Максима Грека. — Byzantinoslavica, 1935—1936, t. VI, с. 89.

⁴⁰ Anthologia graeca, t. II. Ed. H. Beckby. München, 1958, S. 54.

⁴¹ General catalogue, vol. 91, 1961, col. 264. В 1503 г. «Греческую антологию» издал Альд Мануций, с которым сотрудничал Максим Грек.

образованности. Важно отметить, что Максим Грек знал и другие стихи из «Греческой антологии», принадлежащие Леониду Александрийскому, так как он излагает факты биографии поэта в соответствии с известной эпиграммой Леонида: ⁴² «А яко лъживи и безумники сицевии, Леонида некий еллинский философ свидетель достоверен есть, иже и сам дотоле равне им такове и лъживе премудрости внимааше, потом познав лъживое ея и зазрев сам себе и всем проходящим ея, отступи от нея и сущей правей и истинней философии въдаст себе». ⁴³ Общий источник четверостишия в «Слове на Николая Немчина, прелестника и звездочетца» и в «Слове против звездочетцев» позволяет предположить, что оба произведения появились в близкое время (до собора 1525 г.).

Любопытно также узнать о знакомстве Максима с сочинениями Плутарха. Из «Параллельных жизнеописаний» Максим Грек заимствовал специальный рассказ, посвященный Александру Македонскому. Максим рассказывает, что Александр Македонский, собираясь в поход на Персию, раздавал своим придворным «все царство свое Македонское, рекше грады, волосте и села». Когда же его спросили, что он оставит себе, Александр ответил: «Себе есмь оставил надежды, рекше, что въперед добуду вашими труды и подвиги, то себе оставил». ⁴⁴ Чрезвычайно близкий анекдот имеется в жизнеописании Александра Македонского у Плутарха. Приведем его для сравнения.

«Несмотря на то что при выступлении Александр располагал столь немногим и был так стеснен в средствах, царь прежде, чем взойти на корабль, разузнал об имущественном положении своих друзей и одного наделил поместьем, другого — деревней, третьего — доходами с какого-нибудь поселения или гавани. Когда, наконец, почти все царское достояние было распределено и роздано, Пердикка спросил его: „Что же, царь, оставяешь ты себе?“ „Надежды!“ — ответил Александр. „В таком случае, — сказал Пердикка, — и мы, выступающие вместе с тобой, хотим иметь в них долю“. Пердикка отказался от пожалованного ему имущества, и некоторые из друзей Александра последовали его примеру. Тем же, кто просил и принимал его благодеяния, Александр дарил охотно, и таким образом он роздал почти все, чем владел в Македонии» (П л у т а р х. Александр, гл. XV. Ср. о щедрости Александра гл. XXXIX). ⁴⁵ Мы считаем весьма вероятным, что Максим Грек познакомился с этим анекдотом именно у Плутарха (хотя передает он его, очевидно, по памяти): ведь Плутарх был

⁴² «Урания и Каллиопа». — Греческая антология, IX, 344:

Раньше, покуда мой ум услаждался наукой одною,
Мне и не снилось, что знать римляне будут меня;
Нынче ж я всеми любим. Что Уранию так Каллиопа
Силой своей превзошла, вижу я только теперь.

(Греческая эпиграмма. М., 1960, с. 218).

⁴³ ГБЛ, ф. 256, собр. Румянцева, № 264, л. 14 об.—15. Впрочем, следует отметить, что четверостишие Леонида, переведенное Максимом Греком, иногда приписывается другому поэту, носившему то же имя, — Леониду Тарентскому. См., например: Griechische Dichter in neuen metrischen Uebersetzungen. Griechische Anthologie, Bd 4. Stuttgart, 1858, S. 480. Не этими ли сомнениями в авторстве Леонида Александрийского объясняется отсутствие в сочинениях Максима конкретных указаний на то, какой Леонид имеется в виду?

⁴⁴ Рассказ этот под заглавием «Об Александре Македонском» опубликован В. Ф. Ржигой в работе «Опыты по истории русской публицистики XVI века. Максим Грек как публицист» (ТОДРЛ, т. I. Л., 1934, с. 119—120).

⁴⁵ П л у т а р х. Сравнительные жизнеописания, т. II. М., 1963, с. 405. Этот рассказ имеется у Иоанна Зонары (IV, 9). В составе «Паралипомена» Зонары с этим рассказом мог познакомиться и древнерусский читатель. См.: Паралипоменон Зонарин. Изд. О. Бодянский. — ЧОИДР, 1847, год третий, № 1, с. 34.

столь же популярен в Византии, насколько на Западе известен был Светоний.⁴⁶

В сочинениях Максима Грека имеется другое место, где он сам указывает на Плутарха как на свой источник. Сочинение это — «Слово обличительно, вкупе и развращательно, лживаго писания Афродитиана, персянина зломудреннаго», в котором Максим Грек пишет: «И сим же и слово обносится у нарочитых премудрости мужей еллинских, от них же един есть и Плутарх премудрый при Августе Кесари быв, яко прежде четьредесятих лет воплощения бога Слова умолкоша конечным молчанием яже по всей вселенней и кумирница бесовская и безгласием осудишася, многообразне дотоле волхвованми прельщающа род человеческий».⁴⁷ Хотя Плутарх и не жил при Августе,⁴⁸ но все же очевидно, что Максим Грек в данном случае имеет в виду известный диалог Плутарха «Об упадке оракулов», который входит в «Moralia». Однако Плутарх не говорит о том, что оракулы замолчали за 40 лет до н. э. Известно, напротив, что они продолжали существовать еще несколько столетий, хотя и пришли в упадок.⁴⁹ С другой стороны, у раннехристианских писателей имеются указания на то, что Пифия замолчала после рождения Христа,⁵⁰ но и здесь никаких сведений о событиях, происходивших за 40 лет до рождения Христа, не имеется. Мы предлагаем следующее объяснение этой дате.

У Лукана, автора чрезвычайно популярного в эпоху Возрождения, имеются следующие строки в «Фарсалии»:

... Величайшего дара Всевышних
Век наш лишен потому, что умолк дельфийский оракул
После того, как цари грядущего стали бояться
И говорить запретили богам. Пророчицы Кирры,
Голос утративши свой, не горюют, закрытием храма
Пользуясь...

(Лукан. Фарсалия, V, 111—116).⁵¹

Речь идет о событиях, связанных с гражданской войной Помпея и Цезаря, т. е. как раз о времени, на которое указывает Максим Грек (окончательное поражение Помпея в битве при Фарсалии — 48 г. до н. э.). При слишком прямолинейном истолковании данное место можно было бы понять так, что оракул навсегда замолчал.⁵² Действительно, уже у ранних комментаторов поэмы Лукана имеются указания на то, что оракул замолчал,⁵³ причем даются ссылки на целый ряд авторов (Евсевий Кесарийский, Цицерон),⁵⁴ в том числе на известный уже нам диалог Плутарха

⁴⁶ Е. А. Косминский. Историография средних веков. V в.—середина XIX в. М., 1963, с. 78. Отметим, что Плутарх становится чрезвычайно популярным автором в эпоху Возрождения. Первое издание «Moralia» — в 1509 г., первое издание «Жизнеописаний» — в 1517 г. См.: General catalogue, vol. 191, 1963, col. 649, 678.

⁴⁷ Сочинения, ч. III, с. 135.

⁴⁸ Годы жизни Плутарха: около 46—около 127 гг.

⁴⁹ См. особенно у Плутарха «Об упадке оракулов», гл. 5 и др.

⁵⁰ Н. W. Parke, D. E. Wormell. The Delphic Oracle, vol. I. Oxford, 1956, p. 289.

⁵¹ Марк Анней Лукан. Фарсалия, или Поэма о гражданской войне. М.—Л., 1951, с. 100.

⁵² См. комментарии к данному отрывку из Лукана в кн.: W. Göttele. Das Delphische Orakel in seinem politischen, religiösen und sittlichen Einfluß auf die alte Welt. Leipzig, 1839, S. 301.

⁵³ В конце XV—первой половине XVI в. Лукан многократно издается и комментируется. См.: General catalogue, vol. 145, 1962, col. 707 sqq., Максим Грек мог пользоваться комментариями «Omnibonus Leonicensus» (Brixiae, 1486, и др.) и «J. Sulpitius Verulanus» (Venetiis, 1493, и др.).

⁵⁴ Мы считаем весьма вероятным, что Максим Грек знал произведение Цицерона «О предвидении» (De divinationis), где действительно сказано об упадке Дельфийского

«Об упадке оракулов».⁵⁵ Очевидно, Максим Грек помнил вышеуказанное место у Лукана и одновременно отсылки комментаторов к Плутарху, поэтому он и написал, сославшись на Плутарха, что оракулы замолчали за 40 лет до Рождества Христова. Это единственное приемлемое объяснение данного пассажа в сочинении Максима.

Вообще интерес Максима к разного рода пророчествам, предсказаниям язычников о явлении Мессии совершенно очевиден. Помимо только что рассмотренного места, в его сочинениях читается и другой рассказ, где он повествует о том, как замолчал Дельфийский оракул. В «Слове на арменское зловерие» находится следующий рассказ. Когда христианство начало распространяться на земле, «един некто от жрецов Аполлонов, зря постигшее толь велие смущение всю вселенную, и малом временем вся вкупе языки разколебавшее, и желая видети от своего бога Аполлона, что новая проповедь, обносимая по всей вселенной о новоявленом бозе, глаголемом Иисусе Христе, вопроси(ти), дерзнув, идола своего бога Аполлона. Бес же, враждуя тайне Христова благоверия, не годовав о вопросе своего служителя, не похвалил его и рече: „О дабы еси мене не спрашивал отнюдь о сем, о окаянный служителю мой!“ Обаче же божественною силою нудим, краткими словесы и не хотя, сказал своему служителю страшную тайну Христова вочеловечения бога Слова и спасительныя страсти его, последнее слово прирек: „И пострадавый бог есть, а божество его не пострада“».⁵⁶ Мы предполагаем, что в данном случае Максим Грек несколько вольно интерпретировал слова известного оракула, который приписали Пифии уже после окончательной победы христианства.

Рассказывали, что Пифия сообщила императору Августу, что в Иудее родился мальчик, который велит ей отправляться в Аид.⁵⁷ Знание Максимо этого оракула тем более вероятно, что данный рассказ имеется в Лексиконе Свида, которым Максим Грек мог пользоваться в России.⁵⁸

Ссылается Максим Грек также на пророчества Сивиллы⁵⁹ и Орфея. О том, что Орфей предсказал рождение Мессии, Максим Грек пишет в «Слове обличительне на агарянскую прелесть и умысливаго ея сквернаго пса Моамефа», приводя пророчество Орфея: «Христос хочет родитися от девы Марии и верую в него, при Константине же и Ирини паки солнце узриши мене».⁶⁰ В большинстве рукописей, начиная с правленных самим Максимом Греком, к данному месту имеется глосса, которую с боль-

оракула (I, 19). Кроме того, Цицерон в данном произведении, так же как и Максим, ополчается против предсказаний астрологов, причем нередко использует те же аргументы. Так, например, Цицерон говорит, что в одно и то же время рождается много людей, но ни один из них не похож на Гомера; разве, спрашивает он, все выдающиеся люди родились под одним и тем же созвездием? (II, 47 и 44, 45). Ср.: С е к с т Э м п и р и к. Против ученых, кн. V, 2, 88—99. У Максима Грека см., например: Сочинения, ч. I, с. 409.

⁵⁵ В частности, см.: M. Annei Lucani Cordubensis Pharsalia. Cum tribus commentis. [Paris], 1514, fol. 118 и особенно fol. 118 v.

⁵⁶ Сочинения, ч. I, с. 176—177.

⁵⁷ H. W. Parke, D. E. W o r m e l l. The Delphic Oracle, vol. II. Oxford, 1956, p. 209.

⁵⁸ Suidae lexicon, pars 1, p. 411. Любопытно отметить, что этот рассказ древнерусский читатель знал из Хроники Иоанна Малалы. В одном из рукописных собраний сочинений Максима Грека (ГПБ, Соловецкое собр., № 497, л. 266 об.—271 — «Слово на арменское зловерие») в конце рукописи среди выписок из Еллинского летописца имеется и рассказ об оракуле, который был дан Августу (причем в более исправном виде, нежели у Максима Грека) (л. 335).

⁵⁹ Об источниках статей Максима Грека, посвященных сивиллам, см. ниже, на с. 432—433.

⁶⁰ ГПБ, Q.I.214, л. 351. В Казанском издании это место опущено. См.: Сочинения, ч. I, с. 114.

шой долей вероятности можно приписать самому Максиму Греку: «Есть же пророчество сие чудеси много достойно, яко не токмо явственнейше предпроповедует еже Спаса Христа явление в мир съи, но еще и еже по прехожении многих лет раскровение своих мощей предрек не погрешил. При Константине бо и Ирине благоверными цари обретеса в Фракии от некоего ратаа в недрах земных раки мощей его, юже раскрывше обретеса сам желце и дщица медена, на неиже начертано бе еже о Спасе Христе пророчество, но о пророчестве сем толико довлеют».⁶¹

Известно, что образ Орфея в средние века часто связывался с Христом,⁶² однако рассказа об обнаружении мощей Орфея при императоре Константине найти не удалось. На Руси был хорошо известен из различных источников точно такой же рассказ, но без упоминания имени Орфея.⁶³ Поэтому мы предполагаем, что Максим Грек здесь просто отнес к Орфею то, что обычно с ним не связывалось.

Ожесточенно выступая против астрологии, Максим Грек пытается опереться на слова древних философов — Сократа, Платона, Аристотеля. Так, например, в «Слове противу тщасихся звездозрением предрицати о будущих, и о самовластии человеком» Максим Грек пишет: «Ниже Сократ, ниже Платон, ниже Аристотель, мнящеися честнейшие и истиннолюбнейшии еллинских философов, сложишася когда звездозрительной прелести, якоже от писаний явственне является. Отнюдуже, якоже видится, и Аристотель, разумеv лесь сию, яко вотще себе в них преднарцательное художество, но судив ю зазрением и лжею, глаголет негде во своих списаниях о имеющих збытися: „Неть укончаная истина и яко от сицевых несть ниже видения ниже художества“».⁶⁴ Что касается Платона, то источники ссылок Максима Грека на его произведения указаны Д. Хейни.⁶⁵ Ссылаясь же на Сократа, Максим Грек, видимо, имеет в виду некоторые места из «Воспоминаний о Сократе», написанных Ксенофонтом. Так, например, Ксенофонт пишет, что Сократ «даже находил странным, что эти люди не понимают невозможности исследования небесных явлений, когда даже мудрецы, славящиеся говорением о таковых предметах, не только учат не одинаково, но относятся один к другому, как сумасшедшие» (К с е н о ф о н т. Воспоминания о Сократе, кн. I, 1, 11—13. Ср. кн. IV, 7, 4—6).⁶⁶

Чрезвычайно любопытна цитата, которую приводит Максим Грек из Аристотеля: «Неть укончаная истина и яко от сицевых несть ниже видения ниже художества». (Вообще использование авторитета Аристотеля как противника астрологии довольно необычно: как правило, на этого философа опираются именно приверженцы учения о влиянии звезд на судьбу человека). Поскольку цитата эта довольно краткая, установить точно ее источник довольно затруднительно. Близких мест в сочинениях Аристотеля много.⁶⁷ Однако мы все же полагаем, что в данном случае Максим Грек имеет в виду первую главу трактата Аристотеля «Об истол-

⁶¹ А. Н. Попов. Описание рукописей и каталог книг церковной печати библиотеки А. И. Хлудова. М., 1872, с. 155.

⁶² J. B. Friedman. Orpheus in the Middle Ages. Cambridge, Mass., 1970.

⁶³ Рассказ этот, в частности, имеется в Хронике Георгия Амартола (В. М. Ист-рин. Хроника Георгия Амартола, т. I. Пг., 1920, с. 482—483). См. также: D. Čiževskij. Plato im alten Russland. — In: D. Čiževskij. Aus zwei Welten. Leiden, 1956, S. 52—53, 61 (рассказ отнесен к Платону).

⁶⁴ Сочинения, ч. I, с. 417.

⁶⁵ См. выше, с. 69, примеч. 14.

⁶⁶ Сочинения Ксенофонта в пяти частях, ч. II, 1881, с. 5.

⁶⁷ Ср., например: Метафизика, VI, 2 и др.

ковании». Дело в том, что это место из сочинения Аристотеля неоднократно использовалось и до Максима Грека (в частности, Альбертом Великим) для доказательства свободы воли человека («самовластного дара» по терминологии Максима),⁶⁸ которой, как старается показать Максим, противоречит вера во влияние звезд на человеческую судьбу.

Исследование источников античных реминисценций в сочинениях Максима Грека позволяет указать на целый ряд неизвестных до сих пор заимствований из Лексикона Свида. Так, например, в «Слове противу тщасных звездозрением предрицати о будущих, и о самовластии человеком», упоминая «Диагора, нареченнаго безбожнаго»,⁶⁹ Максим использует характеристику, которую дает этому философу Лексикон Свида.⁷⁰ Мы предполагаем также, что, рассказывая в «Слове обличительне на еллинскую прелесть» о нечестивце, который был растерзан собаками («Ового убо сами бывше беснующе и рачители, яко и сненным бывшим неким ищущим то от сыродцев псов»),⁷¹ Максим Грек имеет в виду Лукиана, крайне нелюбимого византийцами. В Лексиконе Свида говорится, что Лукиан был растерзан псами.⁷²

Из Лексикона Свида заимствовал Максим Грек и целые рассказы анекдотического содержания, восходящие к античности. Таковы анекдоты в его неопубликованном Послании к Константину.⁷³ «„Послание“ написано в ответ на грамоту Константина, который извещал о своем несчастье, [по]влекшем за собой большую потерю материальных средств».⁷⁴ Советуя Константину не горевать об утраченном, Максим Грек ссылается на следующие античные анекдоты: «Не утаю от тебе пречюдно некое поведание и доблестьвено исправление от некоего философа еллина, его же имя, аще добре памятую,⁷⁵ Хрисипп бе или Аристипп. Тъи в корабли многочеловеческом море проходя и уразумев себя наветуема от корабленик злата ради многоаго, его же носяше с собою, абие пометал е в море и рек: „Сего погубление мне есть спасение“». ⁷⁶ Рассказ этот Максим Грек, видимо, заимствовал из Лексикона Свида,⁷⁷ хотя его сомнения в том, к кому отнести анекдот («Хрисипп бе или Аристипп» — в действительности анекдот относится к Аристиппу), наводят на мысль, что он приводил рассказ по памяти.⁷⁸

Далее в Послании следует другой рассказ из Свида: «Слыши же и ино тако же познание веледушиа еллина некоего, Архиада нарицаемаго, и утешися. Съи⁷⁹ бо множайших имении расхыщен быв, поне же позна Феагена, сына своего млада еще суца, скръбяща о погублении и расхыще-

⁶⁸ Th. O. Wedel. The mediaeval attitude toward astrology particularly in England. New Haven—London—Oxford, 1920, p. 58, 66.

⁶⁹ Сочинения, ч. I, с. 417.

⁷⁰ Suidae lexicon, pars 2, p. 53.

⁷¹ Сочинения, ч. I, с. 75.

⁷² Suidae lexicon, pars 3, p. 283.

⁷³ ГБЛ, ф. 256, собр. Румянцева, № 264, л. 34—36. Впервые на это Послание указал В. Ф. Ржига (Неизданные сочинения Максима Грека, с. 93).

⁷⁴ А. И. Иванов. Литературное наследие Максима Грека, с. 140.

⁷⁵ В рукописи «памятуи».

⁷⁶ ГБЛ, ф. 256, собр. Румянцева, № 264, л. 35—35 об.

⁷⁷ Suidae lexicon, pars 1, p. 355. В несколько измененном виде сюжет этого рассказа попал в «Синайский патерик» (J. P. Migne. Patrologiae cursus completus. Series graeca, t. 87, pars 3. Parisiis, 1860, col. 3093—3094), в составе которого с этим сюжетом могли познакомиться русские читатели. См.: Синайский патерик. М., 1967, с. 340—342.

⁷⁸ Аналогичный рассказ имеется в «Жизнеописаниях прославленных философов» Диогена Лаэртского (II, 77), произведении, чрезвычайно популярном как в Византии, так и в Западной Европе (General catalogue, vol. 53, 1960 col. 26—27), так что Максим мог познакомиться с анекдотом и без посредства Свида.

⁷⁹ В рукописи «съи».

нии имених: „О, Феагене, — глагола, — уповати уже тебе подобает и богом благодарение приносить о спасении нашем, о имених⁸⁰ же не подобает скорбети. Аще бо Афина, града хранителница, повелела была истощити их в панафинеих, коликою убо ценою купили быхом сицевыя проторы. Но настоащаго подвига не всевати подобает и панафинеих самех и всякого иного светлейша же и благочестивейша”⁸¹.

В сочинениях Максима Грека часто встречаются анонимные цитаты из древних авторов (вводятся: «некий еллинский мудрец глаголет»,⁸² «рече некий от еллинских философов»⁸³), и выяснить их источник было бы особенно любопытно. Одну из таких цитат Максим взял, очевидно, из Лексикона Свида. В «Послании великому князю Василию III» Максим Грек пишет: «Глаголаша бо и некий от внешних философов к единому царю: „Серебряными копии ратуй, и вся победиши”».⁸⁴ Оказалось, что речь идет об оракуле, который был дан Филиппу Македонскому, причем изречение это встречается у многих авторов (Цицерон, Диоген Лаэртский и др.).⁸⁵ Но из всех возможных источников самым вероятным остается Лексикон Свида,⁸⁶ если, конечно, Максим не приводил это изречение по памяти. Если это изречение действительно взято из Свида, то тем самым подтверждается принадлежность Максиму указанного произведения. Ведь оно известно лишь по одной рукописи XVI в., которая, кроме сочинений Максима, содержит и другие произведения (о взятии Царьграда).⁸⁷ Установление источника изречения (Лексикон Свида) является важным аргументом в пользу принадлежности послания Максиму Греку, поскольку вряд ли еще кто-нибудь в России, кроме него, в это время пользовался Свидой. На этом примере хорошо видно, насколько важно установление источников Максима Грека.

Чрезвычайно интересно было бы выявить отдельные «поговорки» (*παροιμια*),⁸⁸ восходящие к античности, которые встречаются в сочинениях Максима Грека. Ведь известно, что Максим Грек впервые ввел в русский язык целый ряд слов и выражений.⁸⁹ И. Денисов указал на одно такое выражение в Послании Максима Василию III по поводу перевода Толковой псалтыри, где Максим Грек пишет: «. . . яко познану быти от покромей поставу и от ноктей льву».⁹⁰ Как указал И. Денисов,⁹¹ это перевод известного латинского (добавим от себя: или греческого) выражения *ex ungue leonem* (греческий эквивалент: *ἐξ οὐρύων λέοντα*⁹²). Однако И. Денисов не обратил внимания на то, что фрагмент первой части приведенной цитаты также представляет собой античную поговорку («от

⁸⁰ В рукописи «имених».

⁸¹ ГБЛ, ф. 256, собр. Румянцева, № 264, л. 35 об. См.: Suidae lexicon, pars 1, p. 375.

⁸² Сочинения, ч. III, с. 170.

⁸³ Сочинения, ч. II, с. 350.

⁸⁴ В. Ф. Р ж и г а. Опыты по истории русской публицистики XVI века, с. 115.

⁸⁵ Corpus, t. I, p. 209; t. II, p. 99.

⁸⁶ Suidae lexicon, pars 1, p. 341—342.

⁸⁷ ГИПБ, F.XVII.13.

⁸⁸ Строго говоря, сюда относятся и рассмотренное выше изречение из Гомера (*ταῦτα θεῶν ἐν γούνασι κεῖται*), и оракул, данный Филиппу Македонскому.

⁸⁹ См., например, о слове «софист»: J. V. H a n e y. The Laodicean Epistle.— Slavic Review, 1974, vol. 30, N 4, p. 841, note 23.

⁹⁰ Сочинения, ч. II, с. 313.

⁹¹ E. D e n i s s o f f. Les éditions de Maxime le Grec.— Revue des études slaves, 1944, t. 21, fasc. 1—4, p. 119.

⁹² Corpus, t. I, p. 252; t. II, p. 165, 409. Любопытно было бы установить, не является ли Максим Грек первым русским писателем, употребившим это выражение, которое позднее получило в России широкое распространение (вплоть до пушкинской эпиграммы).

покромей поставу», т. е. от кромки ткани самую ткань).⁹³ Следует отметить, что эти две поговорки уже и до Максима Грека нередко фигурировали рядом.⁹⁴ В этом же Послании Максим приводит и другую поговорку: «Воистину от малейших камыков адамант сый и к великим камением прилагаем, — комар к елефанту по притчи являясь».⁹⁵ Видимо, это выражение, которое восходит к древности⁹⁶ и которое сохранилось до сегодняшнего дня в поговорке «делать из мухи слона». То, что у Максима Грека фигурирует не муха, а комар, объясняется, очевидно, недостаточным знанием русского языка: ведь Послание написано вскоре после приезда писателя в Россию.

Нам удалось обнаружить еще пару подобных выражений в «Слове обличительное на еллинскую прелесть», в котором читаем следующее: «Не приемлет бо, премудрое учение слыша, ненаученый, глаголет еже по вас еллинское наказание, ниже научится коли рак прямо ходити, ниже мурин убелится, коли умываемь».⁹⁷ Оба выражения (*Aἰδῖοπα σφῆγεις* (*λεωκαίνεις*) и *Καρκίνος ὁρᾷ βαδίζειν οὐ μεράδτηκεν*) восходят к басням Эзопа,⁹⁸ причем получают широкое распространение не только в Древнем мире и в Византии,⁹⁹ но и в позднейшее время.¹⁰⁰ Максим Грек сам осознавал античное происхождение этих поговорок (может быть, даже знали их непосредственно из самих басен Эзопа — «... глаголет еже по вас еллинское наказание») и намеренно употребил их в произведении, направленном против язычников («еллинов»).

На этих примерах мы попытались показать плодотворность исследования источников сочинений Максима Грека. В этой области можно ждать много интересных находок, поскольку вопрос об источниках творчества Максима практически не исследован. В связи с этим остается в силе суждение М. И. Соколова, высказанное им по поводу доклада А. А. Покровского, о том, что без «непосредственного исследования источников сочинений Максима Грека... невозможна справедливая оценка трудов его».¹⁰¹

⁹³ *Corpus*, t. I, p. 252; t. II, p. 162, 389 (*ἐκ τοῦ κραπέδου τὸ πᾶν ὕψωμα*).

⁹⁴ См.: *Corpus*, t. I, p. 252.

⁹⁵ Сочинения, ч. II, с. 301.

⁹⁶ См.: *Corpus*, t. I, p. 74, 239, 361; t. II, p. 29, 110, 394 (*ἐλέφαντα ἐκ μίας ποι-εῖν*). Имеется это выражение и в Лексиконе Свида. См.: *Suidae lexicon*, pars 2, p. 245. Во времена Максима Грека это выражение было весьма популярно. См., например: Эразм Роттердамский. Похвала глупости, гл. 3 (здесь же другая поговорка «мыть эфиопа», употребленная Максимом Греком, см. о ней ниже).

⁹⁷ Сочинения, ч. I, с. 67—68.

⁹⁸ Э з о п. Басни, № 274, 319 (номера даем по изд.: *Corpus fabularum Aesopica-rum*, vol. 1. Ed. A. Hausrath. Fasc. 1—2. Leipzig—Teubner, 1956—1957). В басне «Краб и его мать» (по-гречески «*καρκίνος*» означает и «рак», и «краб») рассказывается следующее: «Кто бранит обиженных судьбой, тому следует сперва самому жить правильно и ходить прямо, а потом уже учить других. „Не ходи боком, — говорила мать крабу, — и не волочи брюхо по мокрым камням“. А тот в ответ: „Сперва ты, наставница моя, ступай прямо, а я посмотрю и тогда уж пойду за тобой“. Басня «Эфиоп»: «Один человек купил эфиопа. Он подумал, что цвет его кожи стал таким от нерадивости прежнего хозяина, и потому, как только привел его домой, стал его отмывать всеми водами и всеми щелоками. Но кожа, какой была, такой и осталась, а от его усилий эфиоп только заболел. Басня показывает, что каков человек от природы, таким он и останется» (Басни Эзопа. М., 1968, с. 157, 142).

⁹⁹ Встречаются во многих византийских сборниках изречений. См.: *Corpus*, t. I, p. 18, 187, 344, 348, 430; t. II, p. 4, 184, 258, 472, 586.

¹⁰⁰ J. M o r a w s k i. Trois proverbes. — *Revue du seizième siècle*, t. XVII, fasc. 1—2 (1930), p. 138—143.

¹⁰¹ Цит. по: А. А. П о к р о в с к и й. Один из греческих источников сочинений Максима Грека. — В кн.: Древности. Труды Славянской комиссии имп. Московского археологического общества, т. III. М., 1902, Протоколы № 32—65, с. 28.

А. Т. ШАШКОВ

Максим Грек и идеологическая борьба в России во второй половине XVII—начале XVIII в.

(Подделка и ее разоблачение)

В пылу борьбы старообрядцев со сторонниками церковной реформы Никона выковывался важнейший элемент идеологии раскола — система старообрядческих авторитетов, одним из которых стал Максим Грек. Одновременно в процессе раскола русской церкви с особой очевидностью раскрылась противоречивость характера идейно-литературного наследия Максима Грека. Истоки, видимо, нужно искать в том, что, будучи ортодоксом византийского православия, которое уже в XVI в. существенно отличалось от обрядово-догматических систем православия в русском варианте, Максим Грек своей литературной деятельностью в России вступает в конфликт с русской церковной традицией. Сломленный, оказавшийся в неволе, он идет на всевозможнейшие компромиссы, в ряду которых стоят, в частности, и два его сочинения: о двуперстии и о сугубой аллилуйе.

Двойственность творческого наследия Максима Грека определила и двусмысленное отношение к его авторитету в русском дониконовском православии. Однако начало книгопечатания и необходимость унификации церковной службы, невозможные без точного перевода и исправления служебных книг, а также идеологические споры русской (и особенно западнорусской) церкви с иноверцами заставляли обращать все более пристальное внимание на фигуру афонца, внесшего огромный вклад в ту и другую область, и закрывать глаза на соборные определения 1525 и 1531 гг.

Но в результате раскола русской церкви противоречие, снятое лишь внешне, вновь разделяет идейно-литературное наследие Грека надвое. Правда, теперь наряду с традиционным для русской церкви авторитетом Максима Грека, освящавшим деятельность в сфере книжных исправлений и борьбу за чистоту православия, сторонники официальной доктрины приемлют его грекофильство, отмечаемое раньше.

С возникновением первых же церковно-обрядовых разногласий, формально породивших раскол русской церкви, Максим Грек оказался в поле зрения также и старообрядцев. Уже в феврале 1654 г. один из виднейших расколоучителей, протопоп Иван Неронов, в своем послании к царю использовал его «Сказание како знаменоватися крестным знамением» как аргумент в пользу двуперстия.¹ Чуть позже соратники Неронова — Ав-

¹ Материалы для истории раскола за первое время его существования, т. I. Под ред. Н. Субботина. М., 1875, с. 57, 58, 65.

вакум, Лазарь и другие также привлекут Сказание для обличения «никоновых еретических затеек».²

Представители официальной церкви, которым пришлось с самого начала искать достаточно гибкую линию поведения, отвечали на это в «Скрижали», что Максим Грек был вынужден написать это сочинение в силу неблагоприятно сложившихся для него на Руси обстоятельств.³ Полностью сохраняя уважение к Максиму, составители «Скрижали» указывали, однако, что нет нужды следовать ему, «иде же что он от себя писа».⁴ При этом они попытались обратить авторитет Максима Грека против староверов, произвольно комментируя другое сочинение Максима — об исправлениях в Символе веры.⁵

На это соловецкий инок Герасим Фирсов в своих знаменитых «Тетрадах на крест» (написаны до 1658 г.) выдвинул следующий тезис: если Максим «премудрости и разума исполнен бе», что вынуждены признать сами составители «Скрижали», то, следовательно, Сказание было продиктовано Максиму Святым духом, ибо эти качества, как свидетельствует апостол, есть дарования Святого духа.⁶

Вскоре предметом полемики становится еще одно сочинение Максима — «Слово ко смеющим трижды глаголати „аллилуия“ чрез предания церковного, а четвертое „слава тебе боже“».⁷ В нем Максим ссылается на Игнатия Богоносца, т. е. с точки зрения догматической здесь было все в порядке.

В итоге эти два сравнительно незначительных сочинения Максима Грека, появившиеся в общем-то случайно, перетянули на чаше весов весь огромный комплекс грекофильских идей афонца, неприемлемый для сторонников «древлего благочестия», и в конечном счете определили уважительное отношение к нему со стороны старообрядцев.

Официальная церковь вынуждена была дать староверам какой-то ответ относительно Максима Грека. Сделал это Симеон Полоцкий, написав накануне Московских соборов 1666 и 1667 гг. свой знаменитый антистарообрядческий полемический трактат «Жезл правления», в котором он высказал подозрение, что сочинения Максима Грека о сугубой аллилуйе и о двуперстии подложны.⁸ Выступление воспитанника иезуитского колледжа пришлось как раз кстати, и собор 1667 г. утвердил его в своих «Деяниях».⁹ Затем Юрий Крижанич в своем «Обличении на Соловецкую челобитную», написанном им в тобольской ссылке в 1675 г.,¹⁰ и Афанасий Любимов, архиепископ холмогорский и важский в «Увете духовном»,

² Там же, с. 344, 348, 412; Я. Л. Барсков. Памятники первых лет русского старообрядчества. СПб., 1912, с. 203, 225, 228; Памятники истории старообрядчества XVII в., кн. 1, вып. 1. Л., 1927, с. 58, 127, 206, 239, 693, 697, 700, 817, 867, 902 (РИБ, т. XXXIX); А. К. Бородин. Протопоп Аввакум. Очерк из истории умственной жизни русского общества XVII в. СПб., 1898, Приложение, с. 75; А. Б[р]о[в]к[о]в[и]ч]. Описание некоторых сочинений, написанных русскими раскольниками в пользу раскола, ч. II. СПб., 1861, с. 90, 96 и др.

³ Скрижаль. М., 1656, с. 813—814.

⁴ Там же, с. 814—815.

⁵ Там же, с. 822, 827 и 829.

⁶ См.: Н. К. Никольский. Сочинения соловецкого инокa Герасима Фирсова по неизданным текстам. (К истории северорусской литературы XVII в.). — ПДПИ, т. 188. СПб., 1916, с. 163—167.

⁷ См.: Я. Л. Барсков. Памятники первых лет русского старообрядчества, с. 318.

⁸ Симеон Полоцкий. Жезл правления, утверждения, наказания, казнения. М., 1666, л. 62 и 86.

⁹ Деяния Московских соборов 1666 и 1667 годов. Книга соборных деяний 1667 года, гл. 3. М., 1871, л. 31.

¹⁰ Юрий Крижанич. Обличение на Соловецкую челобитную. Казань, 1878, с. 108—112.

напечатанном в 1682 г., напишут о том же.¹¹ Их взгляды разделяют и последние московские патриархи Иоаким и Адриан в Предисловии к Следованной псалтыри.¹² Что касается аргументов, то Афанасий Любимов, например, пишет в «Увете»: Максим Грек отказался переводить для митрополита Даниила книгу Феодорита именно потому будто бы, что там находилось Феодоритово сочинение о двуперстии. Не удовлетворившись этим, представители официальной церкви пускают в ход последнее средство — открытый подлог.

В свое время митрополит Евгений Болховитинов в исследовании о Максиме Греке (1813 г.), а потом и в «Словаре историческом» без ссылки на источники указал, что «о крестном знамении не во всех списках Максимовых слов написано одинаково, и в иных утверждается триперстное».¹³ Болховитинова повторяют другие синодальные историки — Н. Руднев¹⁴ и Макарий Булгаков.¹⁵

Указание на рукопись, где «утверждается триперстное» крестное знамение, мы находим в книге сочинений Максима Грека из собрания Троице-Сергиевой лавры под № 201. Здесь, на поле, напротив «Сказания како знаменоватися крестным знамением» замечено карандашом: «Сие не вразумительно и не служит ни нам, ни раскольникам. А в другом списке того же Максима Грека под № 5 сие же самое явственней, но служит нам».¹⁶

Собрание сочинений Максима Грека, которое хранилось в свое время в библиотеке Троице-Сергиевой лавры под № 5,¹⁷ было составлено по инициативе архимандрита Дионисия Зобниновского. Уже описание этой рукописи, сделанное в 70-х гг. XIX в. иеромонахами Иларием и Арсением, настораживает: «Лист 274. Слово смеющим дв а ж д ы глаголати „аллилуия“ чрез предания церковнаго, а т р е т и е „слава тебе боже. . .“. Как в заглавии, так и в тексте слова о сугубом и трегубом аллилуия почистены. . . Лист 281. Сказание, како знаменоватися крестным знамением. . . В середине статьи слова о крестном знамении почистены» (разрядка наша, — А. Ш.).¹⁸ Обратимся к самой книге. Это рукопись в лист, на бумаге конца XVI—начала XVII в.¹⁹ Основной ее текст написан скорописью первой половины XVII в. На л. 274—275 об. находится Слово Максима Грека об аллилуе, заглавие которого действительно читается так, как приведено в описании.

Но при внимательном рассмотрении видно, что слова «дважды» и «третье» не современны рукописи, так как их написание отличается от почерка рукописи и сделано, судя по начертанию букв, позднее. Можно

¹¹ Афанасий Любимов. Увет духовный. М., 1682, л. 104 об.—100.

¹² Евгений [Болховитинов]. 1) Словарь исторический о бывших в России писателях духовного чина греко-российской церкви, т. 2. Изд. 2-е. СПб., 1827, с. 40—41; 2) Историческое известие о Максиме Греке. — Вестник Европы, ч. 72, № 21, 22. СПб., 1813, с. 34.

¹³ Евгений [Болховитинов]. 1) Историческое известие о Максиме Греке, с. 34; 2) Словарь исторический. . . , с. 40—41.

¹⁴ Н. Руднев. Рассуждение о ересь и расколах, бывших в русской церкви со времени Владимира Великого до Ивана Грозного. М., 1838, с. 206—207.

¹⁵ Макарий [Булгаков]. История русского раскола, известного под именем старообрядчества. СПб., 1855, с. 95.

¹⁶ ГБЛ, собр. Тр.-Серг. лавры, № 201, л. 430 об.

¹⁷ ГБЛ, собр. Тр.-Серг. лавры, № 200, л. 1 об. На этой рукописи замечено: «1795-го года № 5».

¹⁸ Арсений и Иларию. Описание славянских рукописей библиотеки Свято-Троицкой Сергиевой лавры, ч. I. М., 1878, с. 200.

¹⁹ О филигранях бумаги этой рукописи см.: С. А. Белокуров. О библиотеке московских государей в XVI столетии. М., 1898, Приложения, с. CCLXVIII.

также заметить, что они вписаны более бледной кинovarью вместо счищенных слов, следы которых очень слабо, но все-таки проступают.

Текст самого Слова также подчищен, или, как говорили в старину, «заглажен» в четырех местах и заменен новым.²⁰ Цвет чернил, которыми были сделаны замены, также немного отличается от цвета чернил, которыми написан основной текст.

Приводим чтение фальсифицированных отрывков в сравнении с их первоначальным, обычным чтением.²¹

П р а в и л ь н о е ч т е н и е

... слово ко смеющим трижды глаголати «аллилуиа» чрез предания церковнаго, а четвертое «слава тебе, боже» (с. 215)

... есть древнее предание, еже дважды глаголати «аллилуиа» и после приглашати «слава тебе, боже» во псалмоглаголаних... (с. 215)

... како убо неции смеют претворити аггелы преданное сие старое церковное предание трижды глаголати «аллилуиа» и четвертое приглашают «слава тебе, боже»... (с. 215)

... к сим речете противящися (нам и глаголюще) и аще сия сице суть чесо ради и вы не единою, но дважды возглашаете вышнему «аллилуиа», а третье «слава тебе, боже»... (с. 216)

... Первый чин священником и от лица их первое «аллилуиа», второй чин предивных инок, от лица их второе «аллилуиа», третий же чин православных верных мирян, их же от лица припевается еже «слава тебе, боже»... (с. 216).

П о д д е л ь н о е ч т е н и е

... слово смеющим д в а ж д ы ²² глаголати «аллилуиа» чрез предания церковнаго, а т р е т ь е «слава тебе, боже» (л. 274)

... есть древнее предание т р и ж д ы глаголати «аллилуиа» и посем приглашати «слава тебе, боже» во псалмоглаголаних... (л. 274)

... како убо неции смеют претворити аггелы преданное сие старое церковное предание д в а ж д ы глаголати «аллилуиа», та же потом приглашают «слава тебе, боже»... (л. 274)

... к сим речете противящися и аще сия сице суть чесо ради и вы не единое, т р и ж д ы возглашаете вышнему «аллилуиа», а четвертое «слава тебе, боже»... (л. 274 об.)

... Первый чин священником и от лица их первое «аллилуиа», второй чин предивных инок, от лица их второе «аллилуиа», третий же чин православных мирян, их же от лица т р е т ь е ²³ «а л л и л у и а», та же «слава тебе, боже»... (л. 274 об.).

Аналогичным способом и той же рукой «исправлено» и другое сочинение Максима Грека — о крестном знамении, которое находится в той же рукописи на л. 281—282.²⁴ Приводим фальсифицированное чтение в сравнении с обычным.

Совокуплением бо триех перстей, сиречь пальца и еже от средняго и малаго, таину исповедуем боначальных триех ипостасех: Отца и Сына и Святаго духа единого бога трое. Протяжением же долгаго и средняго — съшедшася два естества во Христе, сиречь самого Спаса Христа исповедуем, совершена бога и совершена человека (с. 191—192).

Совокуплением бо триех перстей, сиречь пальца и еже от средняго и у к а з а т е л ь н а г о, таину исповедуем боначальных трех ипостасех: Отца и Сына и Святаго духа единого бога трое. С о г б е н и е м же малаго и близ того суцаго — съшедшася два естества во Христе, сиречь Спаса Христа исповедуем, совершеннаго бога и совершеннаго человека (л. 281).

²⁰ ГБЛ, собр. Тр.-Серг. лавры, № 200, л. 274, строки 14 и 21 сверху; л. 274 об., строки 8—9 и 17 сверху. В этих местах с трудом различаются следы первоначальных слов.

²¹ Первоначальное чтение приводится по публикации Х. Лопарева (Описание рукописей имп. Общества любителей древней письменности, ч. III. СПб., 1899) по рукописи ГПБ, ОЛДП. О. 176 (конец XVI в.). Опубликованный текст выверен нами по рукописи ГБЛ, собр. МДА фонд., № 42 (середина XVI в.); по мнению некоторых исследователей, содержит правку рукой Максима Грека. Фальсифицированные чтения даются по рукописи ГБЛ, собр. Тр.-Серг. лавры, № 200.

²² Здесь и далее разрядкой выделяются фальсифицированные слова.

²³ В этом месте бумага протерта насквозь.

²⁴ «Заглажены» и заменены новым чтением строки 9 и 11 снизу на л. 281.

Итак, Слова Максима Грека о двуперстии и о сугубой аллилуйе были не только «почищены», как выразились авторы описания троицких рукописей, но и фальсифицированы, причем вполне целенаправленно.

Однако ни в XVIII, ни в XIX в. обличители раскола этот подлог в своей полемике не использовали. Причина заключается, может быть, в том, что подлог был замечен и разоблачен старообрядцами. Фальсификатор допустил оплошность, так как, видимо, забыл о существовании современного рукописи оглавления, где по-прежнему оставалось: «Того же инока Максима Грека Слово ко смеющим трижды глаголати „аллилуйя“ чрез предания церковнаго, а четвертое „слава тебе, боже“» (разрядка наша, — А. Ш.).²⁵ Слева на поле, как раз напротив этого заглавия, какой-то старообрядец сделал гневную приписку: «Зри сего же в слове еретики речи не те выскобя переписали и себя явно еретиками и казнителями показали».²⁶ По-видимому, она появилась в 1705 г., когда Андрей Денисов «ездеше, ово з братом Симеоном, а ово и с иными по всем градам, и в Москве по всем монастырям. . . промышляше книги и осматриваше, овые покупааша, а овые списываше, испытуюя, како в древлеотеческом благочестии утверждатися и стояти».²⁷

Это было время разработки и оформления деятелями поморского раскола основ старообрядческой идеологии, заложенных еще расколоучителями второй половины XVII в. Особенно тесно выговские старообрядцы были связаны с традициями знаменитых «соловецких старцев», которые глубоко почитали авторитет Максима Грека и его сочинения.

Интенсивная работа староверов-книжников именно в этом направлении позволила им выделить в обширном наследии греческого монаха устойчивый комплекс сочинений, отныне постоянно включаемый ими в те или иные разделы своей полемической литературы. Это способствовало усилению значения Максима Грека как для старообрядчества в целом, так и для жителей выговских скитов в частности.

В силу последнего обстоятельства в старообрядческой рукописной традиции начинается процесс широкого освоения идейно-литературного наследия Максима Грека, в котором старообрядцы находят новые аргументы для идеологических споров, малоизвестные факты церковной истории, образцы полемической, философской, риторической литературы и т. д. Завершающим этапом этого процесса явилось составление выговскими староверами своего собственного собрания сочинений Максима Грека, по своему общественно-историческому значению занимающего одно из самых важных мест в истории поморской книжной культуры. Создание этого собрания сочинений Максима Грека (завершено в 1721 г.) как бы подводило итог развитию процесса становления авторитета афонца в системе старообрядческой идеологии.²⁸

Когда в ходе этой работы в 1705 г. с Троицкой книги сочинений Максима Грека снималась копия для будущего кодекса, выговцы и столкнулись с фальсификацией.

Возможно, выговцы не придали бы особого значения этой подделке, если бы к 1711 г. до них не докатилась весть о том, что для опровержения двуперстия «новые россияне. . . вводят еще некоего Мартина ереснарха»,

²⁵ ГБЛ, собр. Тр.-Серг. лавры, № 200, л. 3.

²⁶ Там же. Приписка сделана скорописью начала XVIII в.

²⁷ И. Филипов. История Выговской старообрядческой пустыни. Изд. Д. Е. Кожанчикова. СПб., 1862, с. 140.

²⁸ Подробнее об этом см.: А. Т. Ш а ш к о в. Поморский кодекс сочинений Максима Грека. — В кн.: Источниковедение и археография Сибири. Новосибирск, 1977, с. 93—123.

о котором до этого никто ничего не слышал.²⁹ Это известие настрожило Андрея Денисова и его соратников. Хотя о «Соборном деянии на Мартина еретика армянина» толком еще ничего известно не было, в Выговской пустыни в том же 1711 г. подготовили полемический сборник³⁰ (мы будем его называть по тому собранию, где он хранится, Егоровским). Вероятно, именно на этот сборник опирались Андрей Денисов и его помощники при создании «Объявления о сложении перстов десныя руки на знамение честнаго креста», где содержался первый разбор «Соборного деяния»,³¹ а позднее при составлении Дьяконовских и Поморских ответов.³²

Весь Егоровский сборник состоит преимущественно из двух тематических подборок, посвященных проблемам перстосложения и сугубой аллилуйи, так как выговцы, вероятно, догадывались, какого рода «свидетельство» могут преподнести им «новейшие россияне». Характер этих подборок весьма традиционен для подобного рода сборников. Это главным образом выписки из старопечатных и рукописных книг, объединенные общим замыслом и сопровождаемые комментариями. Сборник написан несколькими полууставными почерками на бумаге в 4°; кое-где вpletено по несколько листов меньшего формата (в 8°). На полях сборника часто встречается изображение руки с двуперстным сложением, особенно там, где находятся свидетельства от древних икон (л. 142—153 об. и др.). Имеются также два изображения во весь лист: на л. 4 об. рука с двуперстным сложением и на л. 141а — копия с иконы Богоматери, якобы написанной первым московским митрополитом Петром.

Начинается сборник с «Оглавления книги сея», где подробно перечисляются находящиеся в сборнике «свидетельства» (л. 1—3). Далее идет киноарный заголовок: «Свидетельство от святых и чудотворных икон и от святых книг о сложении перстов: коими персты крестится православным, теми и благословляти освященным».³³ Затем следуют подборки: о крестном знамени (л. 5—174), о извержении патриарха Никона (л. 178—183 об.), о сугубой аллилуйе (л. 186—268) и об ошибках и опечатках в новых книгах (л. 263—297). На последнем, 298-м листе находится послесловие «О прощении».

Около четверти текста сборника так или иначе связано с именем Максима Грека. Составители книги неоднократно и почти целиком приводят Сказание Максима о двуперстии,³⁴ сопровождая его то рассуждениями Герасима Фирсова, взятыми из его «Тетрадей на крест»,³⁵ то подборкой

²⁹ В. Г. Дружинин. Поморские палеографы начала XVIII столетия. Пг., 1921, с. 5.

³⁰ ГБЛ, собр. Егорова, № 383. Филигрань: рожок в гербовом щите с лигатурой типа Лабар, № 2728 (1699—1700 гг.) и № 2732 (1704 г.). Дата составления сборника (7219) поставлена на л. 298 почерком послесловия и части текста.

³¹ См.: В. Г. Дружинин. Поморские палеографы. . . , с. 62. «Объявление» было написано в январе 1716 г. На то, что к Егоровскому сборнику обращались в 1716 г., есть указание в самом сборнике: на л. 154 говорится о пергаменном изборнике, который написан «в лето 6581» (1073). На поле имеется приписка: «По сие настоящее лето 7224-е (1716, — А. Ш.), как написан сей сборник (Изборник 1073 г., — А. Ш.), 643 лета». Почерк этой приписки сходен с почерком Андрея Денисова (ср.: В. Г. Дружинин. Несколько автографов писателей-старообрядцев. [Б. м], 1915, табл. VI (ОЛДП, вып. 134)).

³² Так, например, материалы Егоровского сборника вошли в черновые «заготовки» Поморских ответов (ГБЛ, собр. Рогожское, № 563). Об этой рукописи см.: В. Г. Дружинин. Писания русских старообрядцев. — ЛЗЭК за 1912 год, вып. XXV. СПб., 1913, с. 478.

³³ Ср.: В. Г. Дружинин. Писания русских старообрядцев, с. 408; А. И. Яцкий и др. Описание старинных славянских и русских рукописей собрания П. И. Щукина, вып. 1. М., 1896, с. 135—139.

³⁴ ГБЛ, собр. Егорова, № 383, л. 8 об.—9 об., 116 об.—117 об.

³⁵ Там же, л. 48—54, 288 об.—289.

«свидетельств» об авторитетности Максима Грека, которая дается и в кратком,³⁶ и в развернутом виде.³⁷ Здесь мы видим выдержки из летописной книги Троицкого монастыря, из таблицы у гроба Максима Грека и из Выписи о втором браке Василия III, грамоты греческих патриархов Иоакима и Дионисия, выписки из книги «Щит веры» московского патриарха Иоакима, из Предисловия инока Селивана к Беседам Иоанна Златоуста на Евангелие от Матфея, напечатанным в 1664 г., из книги, изданной в Вильне в 1585 г.,³⁸ описание образа Максима Грека у гроба его в Троицком монастыре,³⁹ «свидетельство» от древних книг Максима Грека в Троицком монастыре, в которых пишется о двуперстии, и, наконец, выдержку из «Скрижали». Эти свидетельства подкрепляют также Слово Максима Грека о сугубой аллилуйе (л. 191—193 об.) и становятся авторитетным в расколе набором полемических аргументов. С их помощью выговцы показывают, в частности, что высказывания иподиакона Дамаскина Студита в пользу триперстного сложения,⁴⁰ по сравнению со Сказанием Максима Грека о двуперстии,⁴¹ менее авторитетны.

Так в процессе идеологической борьбы с официальной церковью авторитет Максима Грека в среде староверов еще более укрепляется; скудные и схематичные построения первых расколуучителей приобретают гораздо большую доказательность и силу. А то, что деятели господствующей церкви с самого начала Слово о сугубой аллилуйе и «писание о сложении перстов Максимово оболгаша еретичеством»,⁴² лишней раз убеждало выговских полемистов в подлинности этих сочинений и одновременно заставляло их настойчиво ожидать какого-либо подвоха со стороны своих противников.

И вот в 1711 г., т. е. именно тогда, когда искоренители раскола сфабриковали подложное Деяние на Мартина-еретика, в Егоровском сборнике появилась одна в высшей степени любопытная для нас запись: «В Троицком Сергиеве монастыре, в книгохранительной казне, велика честь в десть книга преподобного Максима Грека древняя. И в той книге два слова, о сложении перстов и „аллилуйя“, перепорчены: выскребено и подписанось под тоя же руку, и зделано, яко же ныне слагают персты и „аллилуйя“ говорят. Зело хитро подписанось, едва кому узнати против солища и по заглавию, еще от доски». ⁴³ Далее говорится, что подлог сочинений Максима Грека не единственный: «Да еще инде в книге матицы золотой видех, в ней же Ефесскаго собора было написано двоима палцы креститися, а выскребено и зделано не хитро, но знатко, троими палцы.

³⁶ Там же, л. 7 об.—8 об.

³⁷ Там же, л. 54—66.

³⁸ Описание этого издания см.: И. Каратаев. Описание славяно-русских книг, напечатанных кирилловскими буквами. 1491—1730, вып. 1. С 1491 по 1600 г. СПб., 1878, с. 210—215.

³⁹ Можно предполагать, что выговские старообрядцы не только видели описанный ими образ, но и скопировали его вместе с надписью на таблице. Отражением этого является сходное с описанным в Егоровском сборнике изображение Максима в одном старообрядческом сборнике (ГБЛ, собр. Пискарева, № 160) второй половины XVIII в. (флигрань Pro Patria с литерами АГ, по Тромовину, № 574 — 1765 г.). Вслед за изображением в сборнике следуют выдержки из Летописной книги Троицкого монастыря и Выписи о втором браке Василия III, дословно совпадающие с соответствующими текстами Егоровского сборника. Возможно, Пискаревский и Егоровский сборники восходят к общему протографу, появившемуся после 1705 г., т. е. сразу же после поездки поморских старообрядцев по подмосковным монастырям.

⁴⁰ «Дамаскина иподиакона Студита слово в поклонение креста» было помещено в «Скрижали» (с. 756—789).

⁴¹ ГБЛ, собр. Егорова, № 383, л. 156—156 об.; ср.: ГБЛ, собр. Пискарева, № 160 л. 95 об.—96; А. В[р о в к о в и ч]. Описание некоторых сочинений. . . , ч. II, с. 150.

⁴² ГБЛ, собр. Егорова, № 383, л. 172.

⁴³ Там же, л. 30 об.—31.

Тако же сблужено и во иных книгах видех в писменных, инде же и в печатных. Тако же о иконах. Но о иконах мудро знати, в том токмо самом хитрым иконописцем мощно узнати, или прежде свидетелей тех икон видаков». ⁴⁴ А если уж дерзнули в святых книгах искоренять древнее предание, с горечью заключает поморец, — то неудивительно, что скоро «все совершенно прельстившися последуют уже без сумнения во всем новопечатным книгам», в которых «повелено таковое древнее предание от печатных и писменных книг искореняти». И хотя по поводу икон нет такого указания в новых книгах, некоторые уже «преписуют» старые иконы «и новые пишут не с древних образцов», а как придется. Оттого в них и разногласие. ⁴⁵ Можно думать, что запись о подлогах сделал сам Андрей Денисов. ⁴⁶

В лаконичном рассказе о Троицкой рукописи и о книге «Матица золотая» нетрудно усмотреть опытный глаз человека, умеющего уже не только отличить, где «зело хитро» совершена подделка, а где «нехитро» и ее можно сразу узнать («знатко»). Мы видим, что для доказательства подлога наш палеограф очень тщательно сравнивал почерки, так как «подписанось под тоя же руку», глядел на листы «против солнца», чтобы определить, где «выскребено». Он, наконец, обратился к оглавлению («к заглавию еже от доски») и, удостоверившись в своей правоте, сделал вывод о подлоге на полях самой Троицкой рукописи. Не забывает наш «источниковед» и о внутренней критике текста: подделка направлена против старообрядцев («. . . зделано, яко же ныне слагают персты и „аллилуйя“ говорят»), а подлог был теоретически подготовлен новопечатными книгами, в которых свидетельства в пользу «древнего предания» провозглашаются ложными, в том числе и свидетельства Максима Грека.

Эту его работу можно рассматривать как один из первых известных в русской истории опытов палеографического анализа. Опыт был успешным. Ту же методику выговцы скоро с блеском используют при создании знаменитых Дьяконовских и Поморских ответов, где подложные Деяния на Мартина-еретика и Требник Феогноста будут подвергнуты уничтожающе точной внутренней и внешней критике; «. . . разбор их, — по оценке специалиста, — сделал бы честь современному палеографу». ⁴⁷

⁴⁴ Там же, л. 31.

⁴⁵ Там же, л. 31—31 об.

⁴⁶ Почерк приписки на полях Троицкой рукописи, в которой говорится о подлоге, совпадает с почерком Андрея Денисова (ср.: В. Г. Дружинин. Несколько автографов писателей-старообрядцев, табл. V). Рассказ о подлоге в Егоровском сборнике явно написан очевидцем. Почерк текста этого рассказа совпадает также с почерком послесловия «О прощении», судя по всему, написанного составителем сборника. Этим составителем скорее всего был сам Андрей Денисов. К сожалению, идентификацию почерков пока сделать невозможно, так как эти тексты написаны четким полууставом, а В. Г. Дружининым установлен лишь скорописный почерк выговцкого киноарха.

⁴⁷ В. Г. Дружинин. Поморские палеографы. . . , с. 25.

Д. К. УО

«Одолоение на Турское царство» — памятник
антитурецкой публицистики XVII в.*

Несмотря на то что за последние годы появилось значительное число работ о литературе Московской Руси на «турецкую» тему, многие произведения еще ждут своего исследователя.¹ Один из наиболее интересных древнерусских памятников антитурецкой публицистики — перевод с греческого под названием «Одолоение на Турское царство» — до сих пор остается неопубликованным и неисследованным.² Единственное его упоминание встречается у А. С. Родосского в его Описании рукописей С.-Петербургской духовной академии.³ Рукопись этого сочинения ныне хранится под № 171 в собрании С.-Петербургской духовной академии в Государственной Публичной библиотеке им. М. Е. Салтыкова-Щедрина в Ленинграде и представляет собой часть сборника-конволюта конца XVII—начала XVIII в., в 4°, на 82 л. Судя по нумерации частей, она включает только части 22—27 большого сборника. Интересующая нас часть рукописи (л. 55—82) содержит лишь текст «Одолоения на Турское царство» и написана полууставом начала XVIII в. на бумаге с филигранью «голова шута», которая не позволяет дать более точную датировку. Кажется, данная часть рукописи не связана с другими по времени и месту написания. Переплет рукописи поздний — сделан в XIX в.

Подробное сообщение об авторе дается в самом начале произведения (л. 55): «... изданное от Герасима Влахи Критского, аввы и кафигумена обители великаго Георгия Сколотского, предстателя монастыря Строви-

* Автор этой статьи приносит глубокую благодарность М. А. Толмачевой и М. Д. Каган-Тарковской за помощь в подготовке статьи.

¹ См., например: М. Д. К а г а н. 1) «Повесть о двух посольствах» — легендарно-политическое произведение начала XVII века. — ТОДРЛ, т. XI. М.—Л., 1955, с. 218—254; 2) Легендарная переписка Ивана IV с турецким султаном как литературный памятник первой четверти XVII в. — ТОДРЛ, т. XIII. М.—Л., 1957, с. 247—272; 3) Легендарный цикл грамот турецкого султана к европейским государям — публицистическое произведение второй половины XVII в. — ТОДРЛ, т. XV. М.—Л., 1958, с. 225—250, и другие ее работы в ТОДРЛ; Э. М а л э к. «Повесть об астрологе Мустаеддыне» — неизученный памятник переводной литературы XVII в. (Из истории польско-русских литературных связей). — ТОДРЛ, т. XXV. М.—Л., 1970, с. 242—258; О. А. Б е л о б р о в а. Кипрский цикл в древнерусской литературе. Л., 1972; D. C. W a u g h. On the Origin of the «Correspondence» between the Sultan and the Cossacks. — *Recenzija. A Review of Soviet Ukrainian Scholarly Publications*, 1971, vol. 1, N 2, p. 3—46.

² См.: D. C. W a u g h. *Seventeenth-Century Muscovite Pamphlets with Turkish Themes: Toward a Study of Muscovite Literary Culture in its European Setting*. Unpubl. Ph. D. diss., Harvard University, Cambridge, Mass., 1972, p. 280—287, 437—439, 678—705. Экземпляр этой работы хранится в РО БАН.

³ А. С. Р о д о с с к и й. Описание 432 рукописей, принадлежащих С.-Петербургской духовной академии и составляющих ее первое по времени собрание. СПб., 1893, с. 197—199.

лейского, проповедника священного Еуаглия и общего философии же феологии учителя по еллинскому и латинскому диалекту в славных Венециях».

Уроженец острова Крита, Герасимос Влахос (1607?—1685) приехал в Венецию в 1656 г. и, видимо, сразу стал там известной фигурой в греческой православной колонии. Цитированное выше перечисление его званий относится к февралю того же 1656 г. В Венеции он несколько лет преподавал, а в 1662 г. уехал на остров Корфу, где стал игуменом монастыря и где оставался до 1679 г., когда православная община Венеции избрала его митрополитом Филадельфийским, т. е. главой православной церкви на Западе. Влахос вернулся в Венецию и прожил там до своей кончины.⁴

Литературная деятельность Влахоса являет собой одну из наиболее ярких страниц эпохи «Критского возрождения» XVI—XVII вв. Им написаны различные полемические, философские и богословские сочинения, большинство из которых остаются неопубликованными и малоисследованными. Его четырехязычный словарь (древне- и новогреческий, латинский и итальянский языки) был опубликован в Венеции в 1659 г. и не раз переиздавался для использования в школах. Это был первый словарь новогреческого языка, составленный греком. Влахос старался помогать своему родному Криту во время войны против турок (продолжавшейся с 1645 г. до взятия острова в 1669 г.) личным участием в военных сражениях, денежными пожертвованиями и, что, может быть, важнее, своими полемическими сочинениями против турок, включая и «Одоление на Турское царство».⁵

Оригинал «Одоления» был написан на греческом языке под названием *Θρίαμβος κατά τῆς τῶν Τουρκῶν βασιλείας*. Хотя Спиридакес, автор самого детального исследования о Влахосе, и включает это сочинение в список опубликованных работ Влахоса, но в известной библиографии Леграна такого издания нет. Видимо, заключение о том, что оно существовало, основывается на слове *ἐκδοθεῖς*, помещенном на титульном листе: слово это в славянском переводе передается как «изданное». Но ведь это старое слово может также означать и «выпущенное в свет» или «обнародованное». Так или иначе до сих пор греческого издания памятника не обнаружено и даже нет полного греческого текста. Греческий оригинал известен только по фрагменту начала памятника (титульный лист и предисловие), включенному греческим хронистом XVIII в. Константином Дапонте в его сочинение «Исторический каталог» (*Ἱστορικὸς κατάλογος*).⁶

⁴ Подробно о Влахосе см.: Г. К. Σπυριδάκης. Γεράσιμος Βλάχος. — *Ἐπετηρίς τοῦ Μεσαιωνικοῦ Ἀρχαίου*, 1940 (1950), с. 70—101. Я благодарен доктору Д. Скиотису, прочитавшему мне эту статью и некоторые другие греческие материалы о Влахосе. Кратко о Влахосе см. также: В. К н ö с. *L'Histoire de la littérature néo-grecque. La période jusqu'en 1821*. Uppsala, 1962, p. 339, 346—347; литературу о нем см.: E. L e g r a n d. *Bibliographie hellénique ou description raisonnée des ouvrages publiés par des Grecs au dixseptième siècle*, t. V. Paris, 1903, p. 408—409. Среди учеников Влахоса были известные братья Лихуды, через которых, видимо, некоторые сочинения Влахоса стали известны в Москве. См.: С. Смирнов. *История Славяно-греко-латинской академии*. М., 1855, с. 20.

⁵ Полный список сочинений Влахоса приводится в работе: Г. К. Σπυριδάκης. Γεράσιμος Βλάχος; о печатных изданиях его произведений см. также: E. L e g r a n d. *Bibliographie*. . . , t. II, p. 115—119, 136—139; В. Кнёс (В. К н ö с). *L'Histoire*. . . , p. 339) глухо упоминает какое-то сочинение против ислама, но в списке Спиридакеса, кроме изучаемого здесь памятника, другого произведения на мусульманскую тему нет.

⁶ Издание этой Хроники: *Μεσαιωνική βιβλιοθήκη, ἐπιστολαὶ Κ. Ν. Σάθζ*, т. III. Venetia, 1872, см. с. 141—142, а также: С. E r b i c e a n u. *Cronicarii greci scribi aũ scris despre români în epoca fanariotă*. București, 1888 (см. с. 147). К. Дапонте

Таким образом, публикуемый здесь славянский перевод интересен тем более, что является единственным пока известным полным текстом сочинения Влахоса.

Историческую обстановку, в которой Влахос сочинил «Одоление», и пути, какими оно попало в Москву, воссоздать нетрудно. Влахос датирует свое произведение 20 февраля 1656 г. Мы знаем, что именно в этом году он ходатайствовал перед сенатом Венеции об оказании большей помощи Криту, хотя защита острова и так с самого начала войны была в руках венецианцев.⁷ Дапонтте в XVIII в. указывал в своей Хронике, что Влахос написал свое сочинение, «будучи побуждаем славной венецианской аристократией».⁸ Следовательно, можно допустить, что при создании этого произведения Влахосом руководила не только заинтересованность его, как уроженца Крита, в защите своей родины, но и стремление отстаивать интересы Венеции. Содержание памятника подтверждает такое мнение. Влахос посвящает свою работу царю Алексею Михайловичу и, упоминая победы над поляками, призывает его к участию в союзе с Венецией с тем, чтобы добиться победы над турками и низложить Оттоманскую империю раз и навсегда. Добавим интересный факт: в 1661 г., после неудачи этой попытки привлечь к борьбе Москву, Влахос написал императору Леопольду, на сей раз стараясь убедить его освободить греков из-под турецкой власти.⁹

Кроме того, выясняется, что венецианский посол Альберто Вимини прибыл в Россию к концу 1655 г. с просьбой от своего правительства, чтобы Алексей Михайлович послал против турок донских казаков.¹⁰ Царь был рад принять от посла поздравления с успехами в войне против Польши и согласился на то, чтобы венецианцы торговали в Архангельске, но просьбу относительно помощи против турок даже не принял всерьез, так как руки у него были связаны поляками и угрозой войны со Швецией. Нам неизвестно, вернулся ли Вимини в Венецию до середины февраля 1656 г. (маловероятно, что он успел к этому времени), но, по-видимому, заранее предвидя трудности задачи убедить царя в необходимости оказать помощь, венецианцы попросили Влахоса поднять голос в защиту греческих единоверцев царя. Вероятно, неудача предыдущих попыток XVI и XVII вв. вовлечь Москву в войны против турок была им неизвестна, да и вообще трудно понять, как венецианцы и венецианские греки могли в той исторической обстановке серьезно думать об успехе своих попыток; но это было еще до знаменитой победы венецианского флота в Дарданеллах летом 1656 г., конец войны еще нельзя было предвидеть, и надо было испробовать все возможности.¹¹

Настолько же нереалистичной выглядит и политика царя, когда в ответ на посольство Вимини он отправил в 1656 г. свое посольство в составе

цитировал Влахоса в своей Хронике, где воздавал хвалу Петру Первому за взятие Азова. Мне кажется, что титулование царя, помещенное в славянском тексте и отсутствующее у Дапонтте, скорее всего является его пропуском, а не вставкой переводчика. (О других особенностях перевода см. ниже).

⁷ Г. К. Σπυριδάκης. Γεράσιμος Βλάχος, σ. 75.

⁸ Μεταωνική βιβλιοθήκη, σ. 141.

⁹ Г. К. Σπυριδάκης. Γεράσιμος Βλάχος, σ. 79.

¹⁰ См. письмо венецианского дожа Франческо Молина Алексею Михайловичу от 12 декабря 1654 г. и переговоры посла Вимини 12 ноября 1655 г. с дьяком Томило Перфирьевым в кн.: Памятники дипломатических сношений древней России с державами иностранными, т. X. СПб., 1871, стб. 900—904. Ответ Алексея Михайловича (см. там же, стб. 918—925) написан в Смоленске 23 ноября 1655 г.

¹¹ О войне за Крит см.: E. E i c k h o f f, R. E i c k h o f f. Venedig, Wien und die Osmanen. Umbruch in Südosteuropa 1645—1700. München, 1970 (особенно гл. I, II, V, VII); J. W. Z i n k e i s e n. Geschichte des osmanischen Reiches in Europa, 4. Theil. Gotha, 1856 (V. Buch, 4. Cap.).

Ивана Ивановича Чемоданова и Алексея Посникова.¹² Задача их состояла в том, чтобы подтвердить права венецианцев на торговлю в Архангельске и, что было важнее, разъяснить причины войны между Москвой, с одной стороны, и Польшей и Швецией, — с другой. Доказывая правоту московской стороны в конфликте, правительство царя надеялось получить от венецианцев финансовую помощь. В свою очередь, по поводу возможной помощи венецианцам против турок московские послы, прибыв в Венецию в январе 1657 г., заявили: «Он, великий государь, его царское величество, всегда о том тщание имеет, чтобы православное христианство из бусурманских рук высвободилось, только ныне его царскому величеству начать того дела нельзя, потому что ныне его царское величество пошел на неприятеля своего; а как за помощью божиею с неприятелем своим управитца, и в то время его царское величество о том деле, как на того общего христианского неприятеля и врага креста Христова стояти и мучительство крови христианской мстити, с Вашим княжеством ссылку и договор учинить велит».¹³

Такая позиция москвитян отрицательно повлияла на решение вопроса о субсидии: венецианцы в конце концов полностью отказали русскому посольству под предлогом, что-де из-за войны в казне не осталось денег.¹⁴ По-видимому, венецианское правительство еще до приезда московских послов договорилось с местными греками, чтобы они также старались убедить москвитян принять участие в войне. На следующий же день по приезде русского посольства в Венецию (12 января 1657 г.) представители местной греческой колонии пришли на посольский двор и пригласили послов посетить службу в честь царя. Две недели спустя состоялось официальное посещение посольством греческого собора, где после службы один из дьяконов произнес речь, прославляющую русского царя, в которой, между прочим, говорилось: «Паче же аки второй великий во царех Костянтин, явися для освобождения от мучения неверных верных христиан и утешающих побежденных греков, в порабощении поганых агарянтурков живущих, и честью, и храбростию, и милостию от Бога почтен он, великий и пресветлый российский государь-царь, аки второй Александр Македонский, его же имя и честь содержит и славится во всех окрестных государствах и землях. И всегда б от его царскаго пресветлаго меча и победы, и храбрства божии и христианства враги, мусолманы и агаряня, в порабощении и в побеждении были».¹⁵

В тот же день после обеда греки вновь пришли на посольский двор, чтобы подчеркнуть, что они очень надеялись на помощь царя. Они рассказали о том, что слышали греческие купцы в Оттоманской империи: «И турецкие-де люди многие говорили перед нами: „Божим-де изволением, а счаstem великого государя московского, бог ему дал на поляков и иных государств победу; и у них-де в Турской земле во всей и во всех государствах их слава о том великая. И турецкой-де их царь и папи все, сыскав в письмах своих гадателных, и говорит то, что то время пришло, что Царяграду быть за ним, государем, и живут с великим опасеньем; и у Царяграда на многое время ворота бывають засыпаны, и учили-де им, гречаном, чинить великое утеснение. . .»».¹⁶

¹² Об этом посольстве см.: С. М. Соловьев. История России с древнейших времен, кн. 6. М., 1961, с. 541—544; более подробно см. статейный список Чемоданова и Посникова. — Памятники дипломатических сношений. . . , стб. 931—1150.

¹³ Памятники дипломатических сношений. . . , стб. 1052.

¹⁴ Там же, стб. 1071—1072.

¹⁵ Там же, стб. 1056.

¹⁶ Там же, стб. 1057; интересно сравнить этот рассказ с повестью, известной в Московии XVII в. в переводе с польской брошюры конца XVI в. (см.: Э. М а л а е к. «Повесть об астрологе Мустаеддыне». . .).

В изложении услышанного греками можно заметить мысли, которые появляются и в сочинении Влахоса: похвала царю за победы, сравнение его с Александром Македонским, ожидание турками собственной гибели. Тем интереснее то, что случилось при последней встрече местных греков с московскими послами 24 февраля 1657 г., т. е. за неделю до отъезда послов из Венеции: «Пришли на посольской двор гречане Дмитрией Филипов, да поп Феофилат, да дьякон Феофан с товарищи, и объявили две книги и, объявя, говорили: „Те-де книги — одна великому государю, царю и великому князю Алексею Михайловичу, всеа Великия, и Малыя, и Белья Росии самодержцу, а другая — великому государю святейшему Никону, патриарху московскому и всеа Великия, и Малыя, и Белья Росии, а написаны-де те книги по-гречески. И вам бы-де, царского величества посланником, пожаловать те две книги у нас принять, и довести до Москвы, и великому государю, его царскому величеству, и святейшему патриарху их подати“. И царского величества посланники те книги у них приняли, а перевести было с их греческого языка некому».¹⁷

¶ Хотя доказательство этого предположения и ждет дальнейших розысков в архивах, мне представляется, что в данном историческом документе речь идет о передаче царю посвященной ему книги «Одолоение на Турское царство». Если наша гипотеза верна, можно допустить также, что перевод «Одолоения на Турское царство» был сделан не раньше сентября 1657 г., так как послы достигли Ярославля на пути домой к концу августа.¹⁸ Наверное, перевод книги, посвященной царю и подаренной ему и патриарху, был осуществлен немедленно по возвращении посольства.

¶ Анализируя язык перевода, нельзя забывать, что он существует в одном позднем списке, выполненном писцом, который не вполне разобрал текст и, кроме того, видимо, допустил часть описок просто по небрежности. В некоторых местах он оставил пробелы, где другой писец в отдельных случаях добавлял нужные слова; встречаются также и такие ляпсусы, как слова «бо» вместо «бог». Разумеется, не располагая другими списками и полным текстом греческого оригинала, можно делать только предварительные замечания о языке памятника.

Перевод написан славянским, местами очень тяжеловесным книжным языком, в котором встречаются имперфекты и аористы, неполногласие и довольно много сложных словообразований (например, «священно-явленник», «жестоководительства», «владычествителное», «чревообрядьницы», «народодержавство», «небезключествовася»); имеются и отдельные случаи употребления дательного самостоятельного и двойственного числа. Из сравнения известного нам фрагмента греческого оригинала с переводом видно, что последний сделан без всякого отклонения от плана изложения оригинала.¹⁹ Однако в переводе есть много ошибок, в результате чего славянский текст читается иногда с большим трудом. Можно даже обнаружить пропуски переводчиком слов и небольших фраз. Например, в следующих отрывках опущено *ὃν ἀναγνούς* («какое прочтя») и *πρός σε* («к тебе»); сравним тексты оригинала и перевода:

*ὃν ἀναγνούς ὁ ἐξ ἐκεῖνον Ἀλέξανδρος... ἀλλὰ
πρός σε τὸν ἀήτητον καὶ εὐσεβῆ βασιλέα...*

Еже из оного Александр... но к небедимому и благочестиву царю...

В отдельных случаях переводчик меняет грамматические формы оригинала: например, слово *προρρήσει* переводится как «проречение» вместо

¹⁷ Памятники дипломатических сношений... , стб. 1088—1089.

¹⁸ Там же, стб. 1150.

¹⁹ Сравнение греческого текста с переводом проведено Г. М. Прохоровым, которому я глубоко признателен за помощь.

«проречениями», а ἀξιῶ — «молим» вместо «молю». Иногда он путает одно греческое слово с другим; так, следующая фраза оригинала ἄκραιφνέσι παραδάρρων τὸ βέβαιον τῆς νίκης τὸ βῆδιον τῆς τῶν Ἀγαρηῶν καταλύσεως в славянском переводе читается как «но словесы кровавленными, но дерзновенствую известное победы удобное агарян разрешения». Слово ἀκραιφνέσι здесь переведено «кровавленными» вместо «искренними», не вполне ясно, откуда взято второе «но»; вместо «дерзновенствую» (ἐκτιθέμενος) нужно было бы перевести «возбуждая». Далее следует непонятное «имея», видимо, вместо «ими же» или «через них» (δι' ὧν). И т. д.

Подобные вышеотмеченным черты славянского текста встречаются и в тех переводах, которые были сделаны в Москве известным Арсением Греком в 1650-х—начале 1660-х гг.²⁰ На этом основании, казалось бы, можно было предположить, что наш перевод относится к кругу Арсения. Однако против авторства самого Арсения и Дионисия говорит сравнение части нашего текста с соответствующей ей частью перевода известного пророчества на гробнице Константина Великого из «Хроники» Псевдо-Дорофея:

ГПБ, собр. СПб ДА, № 171,
л. 77—77 об.

Перевод Арсения
и Дионисия

...осмаго индикта Пелопоннису-взначалствит, девятого индикта северныя части имат да своюет; десятого индикта долмати победит; паки обратится еще лето, долматом рать воздвижет велику частую, мужи сотретися и множества и племена схождением в сирных морем и сушею рать совокуплющъ, Исмаила побеждущъ, отродное его возвращает меньше мало; ксонфский же род купно с практоры всего Исмаила || побеждущъ, седмоверховство вознесушъ с предзаконии.

Во осмый индикт Пелопонес обдержит. В девятое индикта на северныя страны будет воинствовати. В седмое индикта далматы будет одолевати. Паки возвратится еще время к далматом, брань воздвижет велию. Часть же сокрушится, и множества и племена вкупе вечерных морем и сушею брань собирати будут, и Исмаила одолевати будут. От рода его царствовати будет мало и худо. Росийский же род вкупе с прокторых всех Исмаила одолети будут, Седмохолмный взяти будут с прономиями.²¹

Совершенно очевидно, что сделать более или менее надежный вывод относительно личности переводчика нашего памятника невозможно без полного анализа обоих греческих оригиналов и подробнейшего исследования языка остальной части «Одоления» в сопоставлении с языком памятников круга Арсения и Дионисия, а также переводными сочинениями других писателей той поры.

Перевод сочинения Влахоса нельзя назвать удачным; однако его содержание представляет большой интерес с точки зрения и риторических приемов аргументации, и связей материала с другими памятниками Московской Руси на турецкую тему. Коротко отметим существенные черты обеих этих сторон.

Сами аргументы Влахоса несложны. Рисуя печальную картину положения греков под оттоманской властью, он заключает: «Ныне свободный еллино-римлян род всех лишися, наго всего царьского поставися начальства, духовное иерейство самого достоинство поработися» (л. 60). Единственная надежда греков на спасение — Алексей Михайлович, единственный православный монарх, сила которого доказана к тому же его победами над поляками. Победу над турками гарантируют различные показания: исторические примеры падения империй равного могущества с Оттоманской, прежние победы «праведных» над «неправедными», обиль-

²⁰ См.: И. Н. Лебедева. Поздние греческие хроники и их русские и восточные переводы. Л., 1968, с. 88 (ППС, вып. 18).

²¹ Там же, с. 102.

ные силы, которые могут помочь в борьбе (т. е. не только венецианцы и москвитяне, но и все православные народы Балканского полуострова), качество военных сил Москвы и, наконец, пророчества о падении Оттоманской империи в ближайшем будущем.

Хотя цитирование Священного писания занимает известное место в аргументации Влахоса,²² не менее важны также и примеры из античной древности и других исторических периодов. Особенно следует отметить неоднократное обращение к подвигам Александра Македонского, с которым автор прямо и косвенно сравнивает Алексея Михайловича. Так, в предисловии Влахос ссылается на роль Сократа в побуждении Филиппа Македонского выступить против персов, результатом чего и явились победы Александра («Оттуда и Велик наречется Александр»). Желая всемерно возвысить достоинства Алексея Михайловича в сопоставлении с великими деятелями прошлого, Влахос прибегает к приему отрицательного параллелизма: «Аз же ныне слово не к Македону Филиппу писа, но к непобедимому и благочестиву царю. . .» (л. 56 об.). К подобному же сравнению он возвращается в конце сочинения: «Помяни, кия славы получи великий Александр, не плененный, но варварского послушания свободив еллины; смотри, елику похвалу твое царство пристяжет, еллино-римляны не послушания — жестокия же турския работы свободив. Мало разньствует Александра Алексей. Александр бо убо мужи варварского послушания свободи, Алексей же богу благоволящу мужи же и жены горкия работы свободит. Ничто же бо разньствуеши в всям Александра. . .» (л. 81).

Часто использует Влахос и риторический вопрос. Как явствует из следующего примера, этот прием особенно эффективен после перечисления сравнений: «Въздвиже господь, избавитель еллино-римскаго рода, иного Моисеа, потопителя агарина фараона, иного Иисуса Наввина, потребителя Амамефа иерихонского, иного Самъсона, тлителя иноплеменик, иного Иеффая, убителя Сисары, иного Давида, победителя жестокого Голиафа, иного Иоаса, одолетеля идолов, иного Июду Макковея, избавителя кафолическия и апостольския церкви, иного Константина кесаря, самодержца христиан и раздрешителя идолского суесловия, иного Иустиниана, гонителя варвар, иного Феодосия, бегствителя еретик, иного Александра, еллины величающа. Кто же есть сий, ему же даде бог сие же стяжати славу, спящ змий, мудрейший зашитник вьсточныя церкви, помощник еллино-римского рода?» (л. 63—63 об.).

Надо признать, что риторика и эмоции, вызванные мольбой Влахоса к царю, хотя и придают его сочинению литературную окраску, которая не всегда встречается в публицистике такого рода, в основном не представляют для москвитян ничего разительно нового. Тяжелое положение греческой церкви под турецкой властью было хорошо известно на Руси благодаря многочисленным контактам с греками как посредством посольств в Стамбул, так и по рассказам приезжих греков, которые в XVI и XVII вв. чаще всего искали помощи в Москве.²³ Самое возвышение митрополита Московского до звания патриарха было следствием финансовых затруднений константинопольского патриарха, которые побудили его искать поддержки в Москве. Приезжие монахи и священники рассказывали о бед-

²² Например, л. 57 об. (Исход, 7, 1); л. 59 (Лука, 1, 32—33; Пс. 109, 4; Иоанн, 20, 28).

²³ См.: Н. Ф. Каптерев. Характер отношений России к православному Востоку в XVI и XVII столетиях. Изд. 2-е. Сергиев Посад, 1914. В этом труде, особенно на с. 365—366, помещены примеры просьб греков о помощи, относящиеся именно к 1650-м гг. О положении греческой церкви под турецкой властью см.: S. R u n c i n a n. The Great Church in Captivity. Cambridge, 1968.

ствиях византийских патриархов, связанных с необходимостью «выкупать» патриарший престол. В одном из таких повествований, по-видимому ранее не публиковавшемся и известному мне в единственном списке середины XVII в.,²⁴ дается яркая картина того, что Влахос описал следующими словами: «. . . яко не имамы патриарха от бога, но от агарина, дарованием пенязей, но не избранием добродетели ручествуема» (л. 62). Повесть эта является записью устного рассказа афонского монаха Варлаама, видимо, 1580-х гг.; он описывает, как недостойные лица (такие, как некто Пахомий) могли получить звание патриарха посредством подкупа и как ужасны были последствия этого. От заговоров, организованных Пахомием, страдал Иеремия, тот самый патриарх, при котором в 1589 г. была достигнута договоренность относительно установления на Руси патриаршества. Хотя данный рассказ, судя по всему, и не получил особого распространения, повествования такого рода не были редкостью. Более распространенные рассказы (например, рассказ о патриархе Иоахиме в «Хождении» Трифона Коробейникова) особенно развивали тему гонений христиан мусульманами.²⁵

Очевидно, в связи с попытками греков привлечь Москву к борьбе против турок на Руси стали распространяться также и пророчества о падении турецкой власти. По крайней мере три из пяти пророчеств, использованных Влахосом, были известны в Московской Руси до конца XVII в. по другим сочинениям. Первое из них — известное пророчество из «Откровения Мефодия Патарского», процитированное летописцем при описании татарского нашествия на Русь в XIII в. в хронографической Повести о падении Царьграда и вообще широко распространенное среди восточных славян в XVI и XVII в.²⁶ В этом пророчестве есть не только описание нашествия «исмаилтян», но и предсказание: «. . . тогда внезапно встанет царь еллинский, сиречь римский, с великою яростию, из них же слово последует явленно агаряном имети раслетися и воздарствовати христианом» (л. 75). Второе предсказание, помещенное у Влахоса, является одним из наиболее известных в Европе XVI и XVII вв. предсказаний о падении Османской империи. Обычно оно называется «Пророчество о красном яблоке» (или, как у Влахоса, — «багорное яблоко»), и обычно это яблоко интерпретируется как Константинополь.²⁷ Турки должны овладеть городом; но после определенного срока, который можно установить по данным пророчества, христиане изгонят их. Ожидание самими турками падения их империи, о чем венецианские греки сообщили московским послам, было, очевидно, в какой-то мере результатом и того, что «Пророчество о красном яблоке» распространилось и в турецкой среде. Оно стало широко известно в Европе в турецком оригинале и в разных переводах через одну из наиболее популярных в середине XVI в. книг о турках — сочинение хорвата Бартоломея Георгиевича. Оттуда это пророчество попало в отдельные бро-

²⁴ ГПБ, собр. Погодина, 1573, л. 83 об.—88. Подробнее об этом памятнике см.: D. C. W a u g h. *Seventeenth-Century Muscovite Pamphlets. . .*, p. 266—268.

²⁵ См. там же, с. 264—266; рассказы эти перешли из официальных грамот в «Хождение» Василия Познякова и отсюда в «Хождение» Коробейникова. См. приложение Хр. Лопарева к изд.: *Хождение купца Василия Познякова по святым местам Востока*. СПб., 1887, с. 74 и след.

²⁶ См.: В. И с т р и н. *Откровение Мефодия Патарского и апокрифические видения Даниила в византийской и славяно-русской литературах. Исследование и тексты*. М., 1897—1898.

²⁷ J. D e n y. *Les pseudoprophéties concernant les Turcs au XVI-e siècle.* — *Revue des Études Islamiques*, 1936, fasc. 2 (особенно с. 217—220); ср.: F. W. H a s l u c k. *Christianity and Islam under the Sultans*, vol. II. Oxford, 1929, p. 736—740; M. B a t a i l l o n. *Mythe et connaissance de la Turquie en Occident au milieu du XVI-e siècle.* — *Venezia e l'Oriente fra Tardo Medioevo e Rinascimento*, a cura di Agostino Per-tusi. Venezia, 1966, p. 451—470.

шюры²⁸ и в общие исторические сочинения такого рода, как «Общая история турок» англичанина Ричарда Ноллса²⁹ и «Хроника Сармации Европейской» Александра Гваньини (в ее польском варианте).³⁰ Через последнее пророчество стало известно на Украине и в Москве.

Мне кажется, что знакомство на Руси с этим пророчеством по переводам «Хроники» Гваньини произошло уже после того, как в Москве с ним ознакомились по переводу сочинения Влахоса. «Пророчество о красном яблоке» содержится в «Повести о турках», которая является частичным переводом десятой книги «Хроники».³¹ Однако точно датировать возникновение русского перевода этого «Пророчества» пока не представляется возможным; известно лишь, что его списки относятся ко времени не раньше 1670-х или даже 1680-х гг.³² Второй перевод той же части «Хроники» Гваньини, представляющей большую часть до сих пор не исследованного сочинения под названием «О турках, откуда произыдоша, и о проклятом лжеучителе их Магомете», датируется, вероятно, не ранее 1682 г.³³ В обоих сочинениях есть и турецкий текст пророчества, и его древнерусский перевод; там же, в связи с «Пророчеством», помещено и воззвание к христианам соединиться против турок, находящее свою параллель у Влахоса, где он перечисляет балканские народы, готовые на борьбу.

Влахос цитирует также еще два предсказания, приписываемые византийскому императору Льву Премудрому. Второе из них получило на Руси в XVII в. распространение в нескольких различных переводах известной надписи на гробнице Константина Великого.³⁴ Известны переводы 1641, 1649, 1651, конца 1650-х гг., конца XVII в. и 1702 г.; три из них (1641, 1649, конца 1650-х гг.) были сделаны по изданию «Хроники» Псевдо-Дорофея, осуществленному в Венеции в 1631 г. Во время войны за Крит появилась и отдельная брошюра, содержащая расшифровку известной надписи.³⁵ Как в большинстве московских переводов, так и у Влахоса

²⁸ Пример такой брошюры — *Declatio oder Erklarung eines firtreffenlichen Türcken Propheseyung von der Tuercken Undergang und Bekehrung zum Christlichen Glauben in seiner eigenen Sprach vor vilen Jahren selbst gestellet und hinderlassen. . . übersetzt. . . durch Wilhelmum Eo. Neuheuser, Erfordt, 1594.*

²⁹ Richard K n o l l e s. *Generall Historie of the Turkes*. 3rd ed. London, 1621, p. 1387.

³⁰ См.: Aleksander G w a g n i n. *Kronika Sarmacyeu Europskiey*. Warszawa, 1768 [перездание с первого польского издания 1611 г.], с. 712.

³¹ Краткие сведения об этом см. в моем приложении к кн.: Е. К е е л а н. *The Kurbskii—Groznyi Aposrypha*. Cambridge, Mass., 1971, p. 149; более подробно см.: D. C. W a u g h. *Seventeenth-Century Muscovite Pamphlets. . .*, p. 182—185 и 553—579 (критически подготовленный текст). Украинский перевод раздела Гваньини о турках, но без пророчества, находится в «Хронике» П. Кохановского (ГПБ, F.IV.215, л. 228—232 об.), см.: D. C. W a u g h. *Seventeenth-Century Muscovite Pamphlets. . .*, p. 192—195. Пророчество это, заведенное с «Хроники» Гваньини, встречается и в приложениях к Хронографу западнорусской редакции; см.: БАН, 4.7.25, 2-я половина XVII в., л. 334 об., 366.

³² См.: ГПБ, Q.IV.126; ГБЛ, собр. Румянцевского музея, № 457.

³³ Об этом переводе см.: D. C. W a u g h. *Seventeenth-Century Muscovite Pamphlets. . .*, p. 175—182. Списки этого сочинения вместе с выполненным в 1682 г. переводом «Лебеда» И. Голятовского находятся в рукописях: ГПБ, Q.I.244, собр. Соловецкого монаст., № 322 (490); ГИМ, собр. Уварова, № 491 (68), 492 (855); ГБЛ, собр. Рогожского кладбища, № 384; собр. Тихонравова, № 391.

³⁴ См.: И. Н. Л е б е д е в а. *Поздние греческие хроники. . .*, с. 101—106.

³⁵ *Neue Relation. Eines Prognostici. Aus einigen verfuertzten Ziffern und Woertern so auf dem Grabstein Constantini dess Kaeyzers in der Stadt Constantinopoli gefunden gezogen und mit aller Treue aus dem Griechischen in das Italianische und folglich in das Teutsche Idioma, maenniglich zu Lieb und Dienste uebersetzt worden. In welchem Sonderlich dess Mahometischen Reichs Untergang prognosticiret ist, o. O., o. J. В литературе эта брошюра датируется XVI в. См.: C. G ö l l n e r. *Turcica. Die europäischen Türkendrucke des XVI. Jahrhunderts*. Bd 1. București, 1961, N 782; ср.: M. B a t a i l l o n. *Mythe et connaissance de la Turquie. . .*, p. 469. Ключ к датировке находится в тексте брошюры (л. 4 об.), где читаем: «Unter die verwüstung der Insuln kan*

«ксанфский» народ, которому суждено освободить Константинополь, трактуется как московитяне.³⁶ Влахос также включает и дополнительную информацию о подобной надписи в Триесте. Последнее из пророчеств в сочинении Влахоса, видимо, местного критского происхождения. Маловероятно, что оно было известно на Руси в других вариантах.

Все вышесказанное не исчерпывает круга возможных сравнений сочинения Влахоса с литературой Московской Руси на турецкую тему, но этого достаточно, чтобы показать его место среди других подобных произведений. «Одолоение на Турское царство» Влахоса уникально тем, что оно содержит все эти известные пророчества вместе; подобного собрания предсказаний на эту тему не знает ни одно другое произведение. Как целенаправленная попытка привлечь Москву к антитурецкой борьбе, «Одолоение» также не имеет себе подобных среди других известных нам сочинений. Но, может быть, они еще ждут нас в архивах, где среди Греческих дел или бумаг Патриаршего двора, возможно, скрывается и оригинал публикуемого здесь памятника.

Одолоение на Турское царство, или Слово дерзновенное на турки к благочестивейшему и непобедимому царю московскому государю Алексею Михайловичю, изданное от Герасима Влахи Критского, аввы и кафигумена обители великаго Георгия Сколотского, предстателя монастыря Стровилейского, проповедника священнаго Еуаглия и общего философии же феологии учителя по еллинскому и латинскому диалекту в славных Венециях. ||

Благочестивейшему и христоролюбивому царю, защитнику святых восточных церкви, господину нашему Алексею Михайловичю, великому владыце Великия, Малыя и Белья Росии, самоначалнику Московскому, Киевскому, Владимирскому, Новгородскому, царю Казанскому, царю Астараханскому, царю Сибирскому, государю Псковскому и великому князю Литовскому, Смоленскому, Тверскому, Волинскому, Подолскому, Югорскому, Пермскому, Вятскому, Болгарскому и иных, государю и великому князю Новагорода Низовские земли, Черниговскому, Резанскому, Полотскому, Ростовскому, Ярославскому, Белоозерскому, Удорскому, Обдорскому, Кондинскому и всеа Северныя страны, повелителю и государю Иверские земли, карталинских и грузинских царей, и Кабардинские земли, черкаских и горских князей, и иным многим государствам и землям восточным, и западным, и северным, отчицю, и дедичю, и наследнику, и государю, и облаадателю, и прочих, || елика пожеланная в бозе.

Исократ, афинский ветий, написа некогда слово к Македону Филиппу, наказуя на во Персии самоначалствующия варвары вчинствовавши, Еллладу работы свободити. Еже из оного Александер и от словес пуствився

man als die fornehmste unter allen Insuln die Insul Creta zehlen welche gaentzlich von der Ottomanischen Tyrraney verwuestet ist. Durch die blonden Voelcker werden die Herren Griechen Moscoviter Russen und Cossacken denen ich auch die Polacken, Ungern und Venetianer beufuege verstanden welche all gemeiniglich blonder Farb seynd». В двух просмотренных мной экземплярах этой брошюры (в библиотеке Гарвардского университета и в Австрийской Национальной библиотеке) филигрانی есть, но в альбомах их разыскать не удалось. Мне пока неизвестен итальянский вариант этой брошюры.

³⁶ Подобная трактовка была широко распространена на Западе. См., например: Johann P r a e t o r i u s. Turci-Cida oder die vielfach-vorgeschlagene Tuercken-Schlaeger. . . Zwickau, 1664, fol. O₂, где автор ссылается на книгу некоего Грегора Иордана, опубликованную в Кельне в 1591 г.

въинствова на Дария, его же по державе победив, еллины убо показа самодержцы, себе же бессмертную славу и велико имя исходатайствова. Оттуду и Велик наречеса Александр. Аз же ныне слово не к Македону Филиппу писа, но к непобедимому^{1а} и благочестиву царю, божию чело- веку Алексию посылая; не наказую на христианского мучителя брань, Елладу варварствовавшего и христианство поразившего, понеже бо^б своими чудесы и проречение твоее благосердие первое на сие пустил есть, но^в словеса кровавленными, но дерзновенствую известное победы удобное агарян разрешения и полезное еллино-римлян освобождение яве излагая, имея || бессмертную славу, и имя тебе великое дастся. Приими убо к твоему благочестию слово царей православнейше и прочести милости- вым оком молим не без достоинства. Крепоствуй с твоим царством! Во слав- ных Венециях. В 1656 лето святительное^в феуруариа 20.^в

Твоего непобедимаго царства раб смиренный священномонах Герасим Влах, кафигумен Скалота, предстатель стровиленский, проповедник Еуаглия и общий учитель в славных Венециях.

Слово на дерзновствительное.

Богато подателен единственныя же и неразделныя блаженныя Троицы промысл, вся мудро и не разственно исправляя и ничто же безпромыш- леное оставляя, из души и телесе сугуба человека сугубыми управляет образы. Царство же иерейством || вся человеческая расправляя, царством убо тело соблюдая, иерейством же душу устроая. Свет убо чювство, свет же ум, свет убо деяние, свет же боговидение, свет убо мир, свет же сущия паче мира, свет убо гражданство, свет же церковь. И обоим мирная спасаая и толикое в друг друзе сродство положи, яко же ниже царство без иерей- ства, ниже иерейство без царства соблюстися непщуется. Тем же и люд израильтеский из фараоновы работы свободив, бог Моисея убо показа въводу, Аарона же иереа постави, и тогда речеса: «Се дах тя бога фара- ону, Аарон же будет тебе в пророка», яко же убо Моисею царствующу и Аарону иерействующу, ни едино скудное люду, но вся приносная и бла- гочестная, их же ради обоих счленовное.

Царь же иерей, бог именуется, тем же || и речеса богом ни злословиши. И образ и подобие одушевленное вышняго бога — обоих есть звание, ибо в царевой руке, яко же и божией, есть жизнь и смерть, по Соломо- нову всеумудрому слову. В иереевом же языке, еже решити и вязати, даровася по господней заповеди: «Елико аще свяжеши на земли, будет связан на небесех, и елико аще разрешиши на земли, будет разрешена на небесех». Царство убо иерейством челоуцы добре имети сподобля- ются, яко же добре быти от бога и естества, к тому же и мирнаго души и телесе поставления наслаждение имут; и царством убо правда влады- чествит, иерейством же благоутробие народствуется, царством грех разрешается и добродетель натрижняется^в, иерейством же грехи оставля- ются, и правды || утверждаются; царством възвышаются языцы, иерей- ством величаются людие; царством силнии суть к челоуком челоуцы, иерейством силнии суть к богу смертнии; царством направляется граж- данство, иерейством утверждается церковь; царством славится бог, иерейством боготворяются челоуцы. Тем же и великий възкличаше свя- щенноявленник, и буде теми царское священство язык свят, тем же и всего языка слава, хвала, честь, держава, сила от царства иерейства носится; и паки все оногo безчестие и безславиe от лишения обоих низво-

^{1а} Буквы мо вписаны над строкой другим почерком. ^б Испр., в ркп. бо. ^в Испр., в ркп. па. ^г Вписано в строку другим почерком. ^д Добавлено под строкой другим почерком 7164. ^е Часть слова трижняется вписана в строку дру- гим почерком.

дится, яко же и окаянных еврей, слеп^ж люд, по обоему лишению оплевается.

Аще убо вси языци царством же иерейством красятся, колико паче христианский || благочестив род, царством же иерейством не удобряется ли^д и обоих лишася^н укаряется. Сего ради и месиа Спас наш, бог и человек, прииде спасти ны, яко же и спасе. Да имама обое, и царство^ж иерейство нам дарует. Царство убо по его человечеству, о нем же възкли-цаше Гавриил: «И даст ему господь бог престол Давидов отца его, и царствию его не будет конец^н». Иерейство же по оног божеству, о нем же глаголаше Давид: «Ты иерей еси в век по чину Мелхиседекову». Тем же и о обоих достоинствах глаголаше близнец апостол: «Господь мой и бог мой». Слава убо христиан царство есть, царство убо наземное яко к слову небснаго царства, иерейство же наземное яко небснаго иерейства содержащася. Яко же догматствует великий ареопагита Дионисий: «Оттуду || христианом не богатыщимся обоими, ничто же в сем мире възградися полезное, ниже благое, ниже доброе». Но тогда конец мира наста и антихрист приити нещцуется. Бе время царей. Мы, богопредложенне, егда еллино-римлян род бе всеславен, всечестен, всехвален крепостию, диадимую и достоинством дебелеющ, имащего ни яко мед крепкая, яко негде и Даниил пророчествоваше, иерейства законно по чину Мелхиседекову, егда благочестивый Константин самодержавствововаху и Устиниан законополагаху, Феодосий доблествоваху, Маркиан догматствововаху, Леон философствововаху о благочестии многовещании, иерейство патриаршествоваше, украшенное верховными венцами: Митрофан, || Александро, Афанасий, Василий, Григорий, Златоустый, Кирилло в иерействе светлии. Но ныне свободний еллино-римлян род всех лишися, наго^д всего царского поставися началства, духовное иерейство самого достоинство поработися, древний он Созонтион градов царствующий Константинополь бысть Агари от родов Исмаилов под благочестивую державу поработи христианы туркхстери, иерейство Отман насилствова, Моамефа, лжепророка суца, възвышша и крест Христов низложи, разоритель и губитель.

Чесо же ради нам, христианом, все сия приидоша и чесо ради в поношение быхом и смирихомся? Всеродни ради грех наших многих быхом, яко от начала и в ничто же, яко ничто же делающе осудихомся, ибо сам || грех работу носит, плен ведет, поношение ходатайствует, укоризну готует, бесчестие раждает, царя царства отмечает.

И господствующия раби и владычествуемые поставляет великий царь, аггелов предстатель и светоносец праведных украшений. За гордости же грех раб бысть мучение: великий царь первозданный Адам и чревообядение греху подався, пленник диавол; поставления великий царь Неврон^н и за крайнее вредославия растлеса, и люд его разделися; великий царь фараон и люду господню согрешив, потопися; великий царь Саул, преслушав заповед господню, со всем дом его убивствовася; великий царь Соломон и лукавое || пред господем сътворив, десять племена Израилева погуби.

Царствоваше и еллино-римлян род, грех же его ради в толикое вси мы испадохом, яко же древле славнии, ныне безславнии поставихомся, великохвални смирихомся, началствующие раби быхомся, свободнии пленници осудествовахомся, еллини варвари зовемся. Царие по всем мучительству, от кого же? От рабыни, увы мне, Агарии сынов, от суровейшего агарян тирани, от турского жестоководительства же и жестоты, яко же ниже единою реpci или възглаголати или содеяти можем, но токмо

^ж Вписано в строку другим почерком.

^д Вписано в строку другим почерком.

^н Вписано в строку другим почерком.

^д Буквы цѣ вписаны в строку другим почерком.

^д Вписано в строку другим почерком.

^ж Так в ркп.

плакати, скорбети и рыдати, глаголаше, яко при древле, в плен ведоми иудейский, восклицаше люд на реках вавилонских: «Земнаго сего мира седохом || и плакахом». В еже не помянути нам Сион, древняго нашего царьства достоинство, иерейскую власть^а . . . вожделении Даниилу быхом достойни плачев и к богу со слезами кличати. И ныне, владыко, умалихомся паче всех язык и есмь смиреннии на всей земли за грехи наша, и несть в времени сем началник, и вождь, и пророк, ниже все съжде-нии, ниже жертва, понеже в сии время лишихомся царьства.

Се бедствуем отпасти и священства, ибо патриархи иерейства нашего вводятся, сии^б изводятся на торжище, яко пленницы, прогоняются, яко нечистии, убиваются, яко разбойницы, запинаются, яко несмысленнии мудрости управитель, архиерее гонятся, яко осуждении, патриархия, яко мытница, поставися || за мучительствующее самодержство, и быхом в срамоту в вся языки досаждаеми, и словесы и писании прилагаеми, яко не имамы патриарха от бога, но от агарина, дарованием пенязей, но не избранием добродетели ручествуема. Его же ради и нам противолежащих нецъи не точию царьства, но иерейства не лишитися проповедают, яко же бысть иудеом отпадшим божия благодати, яко же есмь пленници и по всем раби и яко безнадежнии вменяемся^в государствующю Моамефу и поношаему Христу богу нашему. Но не Христе царю поношение твое сие вменяется, но досада нас самих за грехи страждущих: мы бо согрешихом, беззаконновахом, неправдовахом и сего ради праведно же и достойно подобная || страждем.

Но милостив буди нам, Христе много благоутробне, и не презри нас в конец ради имени твоего святаго, но посети нас десница твоя, да прославится в нас всесвятое твое имя и посрамится Меамефово говение, възставивый спасителю, таинственному иерею, благочестиву люду, им же мерзее, опустение разрешится и агарян тиранство смирится, утолстися бо, и разширися, и не вменяет, яко есть бог на небе, ты, господь наш Иисусе Христе, иже погубиши поучающаяся тщетным на христианы и агарина царьствующа мечем святых твоих уст. Но, господи Иисусе Христе, даруй нам благодать в лета наша, да видим падение его, искусивше крайнее благочестива его! Но, о людие христоролюбивии, радуйтесь, || веселитесь, благословите господа, яко же древле Захария възкликаше глаголюще: «Благословен господь бог израилев, яко посети и сътвори избавление люду своего!». И *воздвиге*^г рог спасения в дому^д Давида-отрока своего православного люда, се бо в православной церкви Христа таинственнаго Давида Спаса нашего.

Въздвиге господь, избавитель еллино-римскаго рода, иного Моисеа, потопителю агарина фараона, иного Исуса Наввина, погребителя Амамефа иерихонского, иного Самъпсона, тлителя иноплеменник, иного Иеффея, убителя Сисары, иного Давида, победителя жестокого Голиафа, иного Иоаса, одолетеля идолов, иного Иуду Макковей, избавителя католическия и апостольския церкви, || иного Константина кесаря, самодержца христиан и разрешителя идолского суесловия, иного Иустиниана, гонителя варвар, иного Феодосия, бегствителя еретик, иного Александра, еллини величающа.

Кто же есть сий, ему же даде бог сие же стяжати славу, спящ змий, мудрейший защитник въсточныя церкви, помощник еллино-римскаго рода? — Име ти, присночестнейшие цари Алексие, Алексии сущно, понеже был еси пособие всех благочестивых и помощь, сам величайший москов-

^а Далее в строке пропуск. ^б Буквы -ии вписаны в строку другим почерком.

^в Буквы есмь вписаны в строку другим почерком. ^г Испр., в ркп. Давилови же.

^д В конце этой строки на полях ркп. вставка скорописью воздвиге.

ский самодержец, ему же не лжет всего мира началство и христиан царство. Сам он родился еси, по державе свободящущь верных, иерейство тиранства избавляющь, сам многия варвар языки || под паствие державу подчинив, Седмоверхство одержиши, и внутрь Константинополю възцарствуеши, и царя показав еллино-римляны иерейство свободным. Украшение сие самое показывает твое дерзновение, великое благочестия, многое мужества, крайние мудрости, постоянное божияго страха притяжение великих исправлений. По прадеде превзошел еси мира устройство, к тебе на турки страх и от всех въвсе желанное, яко вся желая сий от всех желаемый, яко же сам, царе и непобедиме Алексие, имея христиан избавитель, родился еси разрешитель агарянского началства и Моамефа Сардананапала говения. От символ, от пророков, от праведнаго, от удобнаго, || от мощнаго, от сопоборник и от пророчеств не противоглагольными словесы показуется. л. 64

От символ.

Всяко начало, яко от первыя вины низводимо, и конец стяжевает, ибо все наченшееся приемлет кончание, оттуду, от него же начинается дело, оно и кончится. Начало всех сущих есть бог, яко же и в словесах многии и великии клицает Григорий: «От бога начинаемся и на бога кончимся паки, понеже убо всяко царство от господя и всяко начало от вышняго, от него же и на и же вся водятся и носятся царь царствующих». Бог начало царства агареном даровав, той || и конец ему, по обычаю божественнаго его и блажайшаго промысла, отдает, яко же и иным самоначалством отдаде. л. 65

Велика высота Ассурийство^м началства быша, но бог Киру Великому малою силою предваршу, толику силу разрешив, отдаде, и тогда Перское и Мидьское достоинство получи, начало великое крайнее Перскаго самоначалства. на сто десять и четыре области разделенное. Но бог Александру Великому, единых македонян полком нашествовавшу, чудесно дарова, и власть у еллин начатся великая держава Еллинского самодержавства, в самодержавное достигшая. Но бог кесарю римскому, защищая латином, приутвердил есть || великое латин многодержавное дело от крайних земля Вьсток даже до Запад прикончаемое. Но бог, от рыба-рей въмрежившуся Великому Константину, в Константинополь царскую державу пренесе, перваго христианского царя показав, и христианское самодержавство еллини стяжаша великое еллино-римлян владычествителное самодержество. Но бог Меамефу от роду Отману скипетры царства предаде, и донныне диадиму носит и красуется, гордяся. л. 65 об.

Но сичева его великодержавя не в конец утвердится, но тебе, непобедимому Алексию, дарует бог Турское самодержество не малым вьинством двигнувшуся на варвары, но многомножественным вьинством им же от прародитель отец пребогатствуеши. Аще бо Кир малою силою вавилоняном || въздержавствова, Александр едином полком низложи перс, кесарь десятма легионами еллины победи, Константин едином креста Спасова появлении потопа, и Ликиния низложи, и персы укроти, како не возодолееши турком, величайше царе Алексие, не малою силою, но многомножественным москвян^у множеством обинуя, ни^б един имея полк, но тмы, ниже десять легион воин, но стогубыя, и сия всегда имея в руках крест Христов, икону Девы и Богоматери, на не же едину самодержца Иракий уповав, разреши Хоздроя царствующь град, находяща! Ничто же истинно есть сумнительно, еже бо «малый удоб совершиша, удобнее и многии совершат», — глаголют, и великого Аристотеля достоинство. || л. 66

^м Вписано в строку другим почерком. ^у Буквы ян вписаны в строку другим почерком. ^б Испр., в ркп. но.

л. 66 об. От показов.

Показы словеса и образы суть будущих и пришедших совершения, правила суть настоящих дел, яко же еже пред древле сотвориша, благополучивше сие и на сущии содеявше благополучат. Аще убо предвевнии еллини на фрийгскаго царя Приама, о нех царицу Елену укорившаго, державно воинствоваша, и победу им бог дарова за свойственную подвизающимся честь, како той же бог не^х подарстит тебе победу, благочестивому Алексею, за благочестие ратовавшу, еже от агарян елико дневно укоряется и блаженные царицы Елены многославлен Константинополь мучительствуется, смиряется и поносятся от иноверных. Аще бог светлу победу даде || Давиду, на сыны Аммоновы ратующе, понеже ходатая его обрезавше брады и край риз велице обезчестиша, — како тебе, новому Давиду, не подаст на агаряны одоления, и ходатая божиа, патриархи, архиепископи, епископи, иереи и мнихи укоряют. Аще бог ину Езавелю и чада ея умертвити попусти, яко нечестовавшую храму божию, и благополучно оного царя показа, на вся враги его победу даровав, — како не подарстит тебе, ревнителю благочестия, царю, на лукавую Езавелю турскую, говение борбствующу, победу, убити вся сыны ея, агаряны, и мирно въцаритися на престоле их. Аще великий христианский царь Константин Максентия и Ликиния царя победи, понеже видево сущаго под оными озлобление людем, || дровом двигнен божественным, устремися на ня и победив, самодержец явися, како не царь и самодержец въспокажешися, Алексие, величайший и новый Константин въспровестишися! Аще на общаго человек врага въздвижеша оружие и, христианы свободив, не самодержец ли явившихся на земли? Сущне будет тебе дело, и на враги поставиши одоления благознаменная.

От праведнаго.

Правда еже по достоинству коемуждо^х отдает, ибо сие оной есть свойственно: благому убо благая, злomu ж приносит злая. Бог убо праведен сый, и по Давиду, правды любя, «злая убо злым отдаст, || благая же благим възведет», понеже агаринстии народи всех человек суть злейший по говению, нечестивии по чести, отметатели Христа по нравом^х, . . . сарданапали, по страстем чревообядъницы, их же бог-чрево, по Павлу, есть, по закону — тиранни, по залогу — врази добродетельных и добродетелей, по вере — блазненнии, яко антихристи. Праведно убо подобает отщеститися лютых, привременным же и вечным мучением востомлюющимся, да не безсмертное пребудет зло.

Праведен же бог вторыми винами дел к сим, ко агареном, томление съвершит не ким иным, но твоею праведною рукою, Алексие благочестнейше, понеже благ от отец благих възъявился еси: || благ по говению яко православен, благ по чести яко любимичь Христов, благ по нравом яко добродетелен, благ по души яко мудрый, благ по телу яко целомудрый, благ по ратным яко мужествен, благ по гражданству яко равнозаконен, благ по всем яко благоговейний и бога бояся. Свидетель на сие весь мир, за чюдо имея великое благочестие, многое благоговение и всегдашнее со слезами молитву тебе царствующа и подлежаща тебе московскаго люда. Праведен убо, сим неправедные утомиши, и благочестив, нечестивые укротиши, и от противных противныя тлетися глаголет и крайнего философа привещание. ||

От удобнаго.

Тогда убо удобнейшая на враги победа есть, когда кратшая суть противолежащая и меншую силу имут противочинима, ибо победа тогда косенно водится, и удоб одоление не последует, егда по равношоению или при возложении ратей противобранится. Величайший царю Алексие,

^х Испр., в ркп. но.

^х Испр., в ркп. коемудо.

^х Далее в строке пропуск.

на турки будет рать, и не на христиане есть брань. Христиане вкупе господень видеша крест възвышен в твоём непобедимом воинстве, не коснутся оружия на твою державу, но благочестие и свободу помянувшие, на агаряны руками восплескавшие устрелятся. И злоумен убо турка изнеможет, умаля ему оногo воинству, твое же царство превозкреповстит || много усугубившимся воинством, яко же богу мановенствовавшу. Аще твое великодушное въинство приблизится Влахияе и приблизится Могдании, малеиши сто тысящи воин мужей избранных и верных твоему воинству приложатся, безмездно последующе кресту Христову и тебе, православному царю, усердно пошествующе; та же серби и болгар страны врагом ополчение, фраки, потом к сим из другия части македони, ипироти, еллини, пелопониси, спартиати и вси еллино-римляне, теплая и любезная чада восточныя церкви, воспоследуют, их же множество по божественному Омиру есть тименнии, елико же листвия и цветы родятся весне, яко же мух немощных || языцы мнози или пчел. Иже волно возпоследствуют, безтрудно зберутся, и безстужно возвратуют, и сами примут брань против врагов их, защищающе чада любимичи, отцы же и матери, делающе отмщение на сия, тебе ярящу, безтрудно красующия, безбедно царствующую и владычествующую волно.^и Сие же^и самое не годствует иному царей удобь совершити, точию единому тебе, единославну и единовверну еллино-римляню, ему же прилежит от бога всеобщаго христиан устроение.

л. 69 об.

л. 70

л. 70 об.

л. 71

От мощнаго.
Тогда мощно есть великое некое дело исправить, егда всяк оногo совершение дела суть || пророчна. Средняя же и нужнейшая орудия прежде великия рати въздвижение по все искусным сия приищутся: мудрость воеводы, воины великодушнии, ^ипешды же^и и конницы, оружием совершение, пенязей обилие и множество на пути им же предсущим. Мощно есть врагом воздержавствити, одоление поставити и убо на турки крепкой брани. Кто мудрейший и смысленнейший тебе, приснопетаго царя Алексия, есть? Воевода не по вмышлению, но по искусству, на многие языки одолевствовал еси; свидетельствует твое крайнее воеводное учение великий Смоленск, Ливония, Хазакия а Поллония, им же привладычествуеши многие корысти в делах, чюдное в велениях, послушливое, || мужества и честь воинствующих равне под твое царство люд многомужен, неразлучная племена. Не твоей ли почидне^и державе достоин же конничеству же и пешеству возявився? Не прибогатствуют ли твоя устроения благочисленными оружием, не точию помощствующими, но и вредящими? Не превосходят ли московская сокровища Крисовых талантов? Твоих же на пути множество не толиками обилно есть, яко же не имущу пенязей не скудствовати, безниществовати и жаждущу — възжадати? Мощно убо турками воздержавствити тебе, великому московскому широкостранному царю. ||

л. 71 об.

От съборник.

Тогда царство постоянство скипетр пристяживает, егда тому спорницы вернии, крепцы, мудрии и победители проповедают, ибо маккавей иудейское народодержавство твердое узаконяю за римлян, спорение афиняне противу чиняхуса спартиатим за Аргеим и Фивеим, спорение и феваи древле противостаху афиняном за Македемона спорение, и твое убо царство, Алексие, всепревышне, не малыми и ничто же иными спорники богатствующее, многими же и славными помощники обилующее на агарянского самоначалника възимееши победительная,

^{и-и} Вписано в строку другим почерком.
ком. ^и Так в ркп.

^{и-и} Вписано в строку другим почерком.

л. 72 ибо стяжал еси многия. Убо и инья споборники у нас, || за долготу места незнаемья, в вас же явленныя, великодушныя козаки, их же слава нова есть по победам; православныя влахи, единославныя могдани, еллино-римляне, вся причающия твоего появления во спасение их и избавление. Их же споборение не малых быти нещуется, но великих. Изрядне же прежде всех и со всеми стяжа твое царство споборники непоборимаго тишайшаго венеитийскаго князя и все венеитийское тишайшее началство, их же мудрость и держава в нашем селении есть не ссудна.

л. 72 об. Свидетелствует ми слово весь мир, и агарян, от них трепет изьявляет глаголемое иску, понеже преславный остров поемше, дванадесятолетнюю рать в самом граде || с самоначалником агарянским ратуют. И убо турком, одержажим вся пристранная и посреде оногo царства Криту лежащу, венеитом же, на западе обитающим, повествуеи скончание победержное венеитийское воинство, и кораблебранныя на агарянское воинство победы извествуют славу превеликий венеитский^{11а}. . . , яже отческим их свойством галлеатзы зовут и мы еллинским речением^б. . . наименоуем, величают мы северные толики острова, грады и страны асирионския, нашествуемья от них же.

л. 73 Появленно есть Венеитое споборение наверх слагати христиан свободе, понеже твое московское воинство сушею пришедшее, венеитийское же морем приразившимся раздрешит обоя турския силы, || овья убо сушею твоя держава, овья же морем венеитийское воинство. И тако лестный победитися и по державе в бегство и пагубу обратится, яко же толико венеитя споборение со державою подобне последует, краев ваших приносит слово. Ибо из всех христиан сами светлейшии венеитяне помоществуют нам, сами^б догматом восточныя не противълежат церкви, сами уставляют нас еллино-римлянном свободно отческаго благоговения нашего догматы проповедати, сами во свойственных их местех воставляют нас имети церкви и священныя службы по древнему обычаю совершати, сами^в в доп-тихех пути святых патриарх имена приглашати дерзновенно попуцуют тем же и сами нас || на турки отмщение издоволствуют. И купно твоей державе христианаане по тех всех свободах, яко же по Сидоном и Димитрию венеит из твоя держава руки храбрейших венеитян навождением с турков делателно отимется.

От пророчеств.

л. 74 Предревнии богочтивии царие никогда же ратовати без божиаго благоволения казахуся, но божественными проречения известившеся, брань начинаху. Сего ради и Давид божественный на иноплеменники воинствовати хотя, презимуща иереа Ефуд вопрошаше господа, и миродержец Александр пророчество прочет Даниила пророка на Дария брани небезключествовася, и Июдас Маккавей^д || . . . и Июда, царие тако деях сие самое. И сам, о цари, вернейше, на варвары умышляя оружия динути, усердно сотвори, ибо от бога тебе данной мудрости о праведной сей рати пророчествова. Но смотри и прием в руки твоя, яже тебе многим трудом собрах, подцися от бога предопределенная совершити и никакo противоборствуй божественным велением. Се бо от святых и мудрых мужей слово и пророчеств божественнейших укажу тебе тлю агарина, христиан от лютыя работы свободу и падение Турского царства, твоею державою совершущееся невдолге. ||

л. 74 об. Яко Турское царство и говение от христиан разрушится.

Во святых отец наш Мефодий, епископ патрскый, во опаственном слове в язык царстве глаголет: прииде Исмаил поядая, яко огонь, вся. И в ко-

^{11а} На Далее в ркп. пропуск.

^б Далее в ркп. пропуск.

^в Испр., в ркп. само.

^д Испр., в ркп. сими.

^е Испр., в ркп. смаккавей. Далее в ркп. пропуск.

раблех их седмьдесят тысящъ будут, и опустошат острови и приморие и будут в Византион тогда преити весь Исмаил. И тии грады разорят Византион, и поставит первее скинию свою противу тебе Виза, и начнет ратовати, и сотрет град Ксилокерка и внидет до Вола. Тогда Вол поможет, седмохолм въскликнет ссецаемый от Исмаила, тогда глас будет с небесе глаголющъ: «Довлеет тебе || отмщение сие». И отимет господь тогда работу от римлян и вложит в сердца их, и обратиши отместят я от свойственных их ссецающе я; тогда исполнится реченное, како поженет един тысящу, а два предвижет тмы, и скончатся плодцы^е их в неявленство будут; тогда внезапно въстанет царь еллинский, сиречь римский, с великою яростию, из них же слово последует явленно агаряном имети растлетися и воздарствовати христианом.

Еще и сам Маамет пророчествовал о конце и царстве Турском, глаголя: приидет самодержец их, возмет царство игемона невернаго, возмет багорное яблоко и под власть свою учинит. Еще же || до седмаго лета не встанет мечь христианский, будет их господь по два на^м десятого лета: созиждут дома, насадят^о винничия, оградят ограды, возродят чада. По два на десятом же лете внешне подчинит свое силе багорное яблоко, явится мечь христианский, иже побегстит турка. Зде царство невернаго игемона Лепосну зовет, яже прежде пленения Константинополя взяше; яблоко же багорное — Константинополь, за еже Полеологу царю печать яблоко багорное поставити. Два на десятое же лето есть два на десят турские царие, их же прешедши в десятое третье, турскому царю воздвижиться мечь христианский на ня и погубит я. На сущее же время есть ныне десятый третий царь турский царствует || Константинополю, понеже в Константинополе быша до днесь турские цари: первый Маамет, второй Васазеф, третий Селим, четвертый Солима, пятый Селим Солиманов, шестый Аморат, седмый Меemet, осмый Ахмат, девятый Мустофа, десятый Осман^а, един на десятый Аморат, два на десятый Имрем, третий на десять Меemet, яко же ныне время турского есть разрешение по Маамефа пророчеству.

Еще и Леон, мудрый самодержец, в свойственных его пророчествах разрешение по два на десятом глаголет быти времени, глаголет бо ||

И грядет птенца ястребу
Да поставит да единой
Неделю и вторую
И третью весь день.

Зде по пророчестве и сказателей птенца ястребу зовет божияго ангела, храняще царя христианского; побеждуще исмаилиты по два на десятом лете турского самодержства, ибо неделя обдержит седмь дний, вторая два, третья три, иже собравшиися бывають два на десят, и два на десяту прешедшу, сиречь два на *десяту*^а турскому тиранну умершу, тогда воздвижется царь христианский. ||

Яко же ксанфский род сир московяне разрешат Турское царство. Леон мудрый самодержец Константинопольский напроорочествова о въстании Константинополю: осмаго индикта Пелопоннису възначалствит, девятого индикта северныя части имат да своует, десятого индикта долмати победит; паки обратится еще лето, долматом рать воздвижет велику часту, мужи сотретися и множества и племена схождением в сирных морем и сушею рать совокуплющъ, Исмаила побеждущъ, отрод-

^е Буква д вписана над строкой другим почерком. ^ж Слово на вписано над строкой другим почерком.

^з Буквы ят вписаны в строку другим почерком.

^и Буква н вписана над строкой другим почерком. ^к Испр., в ркп. сяту.

ное его возцарствует меньше мало; ксонфский же род купно с практоры
 л. 77 об. всего Исмаила || победущь, седмоверховство вознесуцу с предзаконии.

Тогда зде седмоверховство зовет Константинополь, ксанфский же род
 москвяни, практор же венетяне, от их же обоих Исмаил победиться
 и царство его отимется. Еще Ерифрея Сивилла во осмой книзе пророчеств
 глаголет о Константинополе сице: «Увы мне, аз, акаянная, когда узрю
 день он твой, когда ромов^а всем же, наипаче латином, пришествует советы
 таинными рождении, из ассидския земля на троадскую лесницу вшедша,
 ярость имея горяшую, егда Исфм пресечет, обзирая на вся, шествуя
 по чину прешед. И тогда зверь велик^м преидет кровь черную, тогда лва
 л. 78 даде пес губяща, пастьрю скипетри же || отимут и во ад преидет». Зде
 пресечение Исфма вина пленения Константинополю есть от турков. Бог же
 воздвижет зверя величайшаго — тебе великаго царя Алексия, и пес сам
 агарин воздвижет Лва, тишайшего князя венетян, их же знамение благо-
 известное есть. Лев за критскую^а от турков бывшую рать от их же обоих
 турок скипетров лишихся. Еще в Триесте сий напис извая на мраморе
 есть: «Егда приидет будущь игемон, горе тебе, седмоверховне, поплынеши^о
 бо в твой крови и лев превратит турка до Иерусалима». Зде будущь
 игемон есть московский царь, лев же — венетийский началницы, от ниг же
 возбегствится агарянский царь. ||

л. 78 об. Яко убо прииде преопределенное время турского раздрешения, дви-
 нувшуся агарину на Крит на рать, яко же бысть пред начатие турския
 тли.

Даниила старца мниха в Крите скитствовавшеся в видении о Кон-
 стантинополе и Крите: «Горе тебе, граде самоверховне, будуществует,
 тебе же красная твоя стены падут, и поперет юноша скипетр положит,
 и в нем не пребудет за злосрадие человек. И та же вселится в нем сед-
 мицы три и попустошит страны его, и течение его вселится до мелеона,
 и острови попустошатся, и остров Крит рамо свое покажет, сие есть
 л. 79 на^н бегство обратится, || и от южныя части возградится, и язык поперет
 и при сих рия его та же внидет язык. И горе тебе, Кофина и Акуфия,
 и на течение кругу и притечение среде, и на три разделится: едина часть
 мечем, другая в пленение и третья в нем прибудет. Обаче же едва случ-
 шееся сокрывшеся в горах и в пещерах и в скважнях земных, и кроволития
 много будет в зиянии. И горе на велможи ея, и горе церкви ея, праздно
 будут до трех лет. И от среды времени лютых и далше спящ змий воз-
 будится, Исмаила поразит и отмщение многое сотворит рамаян, и в че-
 тыре десятое шестое лето Исмаил из седмоверховного извержется, сииречь
 лета 155». ||

л. 79 об. Сицево великаго старца пророчество на критскую рать бысть, и моими
 свойственными очима видех сбытсся. Турок бо от южныя части в Крит
 вниде, людьми бегство обратися, на Кофину же рать крепкая борбствова
 и десять тысящ мужей посекошася и разделение бысть. Будет убо и Кон-
 стантинополю избавление и турков раздрешение в критския рати лета.
 Сим убо тако лежащим и указавшимся, непобедимый царю Алексие,
 понеже бог Турское царство тебе дарует и христиан избавление в твоих
 руках положи. Что деши? Помяни доблественную крепость, востани,
 л. 80 поратуй агарина тиранна, яко древле великий Константин еллинство ||
 отрине, растерзи рог нечестия и возвысиши рог Христа бога нашего,
 не презри плененныя твоих братий христиан, не отвратися слез смирен-
 ных отец и матерей, их же чада возхищаются от агарян и от веры в неве-

^а Испр., в ркп. ромо. ^м Буквы лик вписары в строку другим почерком.

^н Буквы ую вписаны в строку другим почерком. ^о Буква ы вписана в строку дру-
 гим почерком. ^н Испр., в ркп. не.

рие нужне пресылаются, не презри матере твоея святыя восточные церкви укоряемые, не преиде святых икон Христа бога нашего от неверных сокрушаемых, не терпи скипетра Христова честнаго и животворящаго креста смиряема. Не отступит господь христовых христиан, да не лютая терпяще нуждною рукою отметаются великия превышния Троицы имене, буди помощник не могущих воздвигнути главою, ниже очей поставити на лице^р . . . низу на земли яко же безсловесная.

О, царю благоутробне, царя тя постави || бог не ради тебе самого, но ради людей божих, кое же быти твердь людей и престолпие. Царь бо сие по божественному писанию, стяжа свойственное еже предшествовати люду божию и творити рать их. Тогда твое познается по всему миру благочестие, егда благочестивии тобою работы нечестивых свободятся, нечестивии же от благочестивых поработятся. Не мертвии пленницы хвалят господя, но живущии свободнии всегда бога славят. Живущь царю еси Алексие великоимените, сотвори убо и христиане живущии и свободныя устрой живущии, бо мы вси будем бывше свободни, яко же есми мертвии, работу терпяще. ||

Побеждается благочестивых род, ^а не Христос принужданное^т побуждает^т. . . благочестивыми цари благочестивыя избавляя. Помяни, кия славы получи великий Александер, не плененныя, но варварского послушания свободив еллины; смотри^ф, елику похвалу твое царство пристяжет, еллино-римляны не послушания — жестокия же турския работы свободив. Мало разньствует Александра Алексий. Александер бо убо мужи варварского послушания свободи, Алексий же богу благоволящу мужи же и жены горкия работы свободит. Ничто же бо разньствуеши ^в «в всям»^ч Александра: того же возраста, сый царь из царя рожденный, от бога двигненный по пророчеству, || яко же он, ревнитель добрых дел и славы нетленныя. ||

Буди убо, о божественне Алексие, увесели еллины, увесели благочестивыя, увесели мир, избавив тиранства; увесели Константинополь, посвящен бога Слова Деве и Матери — и возмееши Деву помощницу; увесели преславный божия мудрости храм, сущь ныне Моамефов москеял, храм божий всоздан — и возмееши помощника Сына и Слово божие сущее мудрость; увесели гробы благочестивых царей, подобающе честию увенчав я — и возмееши их диадиму; увесели иерейство, еже мытницу содела турчество — и возмееши всех иереи божественныя молитвы; увесели мужи — || и поработают тебе всегда; увесели жены, срамоты отрешив, — и ублажат время твоего рождества; увеселиши души всех — и возмееши дар души по образу и по подобию всяческих бога; увесели мучительствуемыя — и възцарствуеши им, увесели царство христианское — и возмееши благочестивых диадиму, опечали турки — и возмееши веселне вечное, сокруши гордыню их — и возвысиши твою державу непобедиму, твое имя безсмертное, твое царство незыблемое, твой род от преемства в преемство бесконечное. Аминь.

(ГПБ, СПб. ДА, № 171, л. 55—82).

^р Далее в ркп. пропуск. ^{с-т} Вписано в строку другим почерком. ^ч Далее в ркп. пропуск. ^ф Вписано в строку другим почерком. ^{х-ч} Вписано в строку другим почерком.

О. А. БЕЛОБРОВА

География в виде колоды карт

(Из переводческой деятельности в Москве
Николая Спафария)

Среди сочинений и переводов, принадлежащих Николаю Спафарию, до сих пор не привлекало внимания исследователей одно произведение. Оно входит в сборник, сохранившийся в Вологодском собрании (это собрание поступило в Государственную библиотеку СССР им. В. И. Ленина в 1953 г.), и составляет своеобразный «избыток» по отношению к устойчивому составу прижизненных сборников сочинений и переводов Спафария. Заметим, что в настоящее время известно всего четыре таких сборника: два в Ленинграде, один в Москве и один в Иркутске.¹ Строго говоря, вологодский сборник имеет всего три «лишних» произведения в своем составе: «Арифмологию» (которая давно известна по отдельным спискам — не менее восьми — и по выговской переработке середины XVIII в., получившей довольно широкое распространение), «Грани, или Родословия королей гишпанских, французских, аглинских, датских, польских, швейцарских и князей виницейских» и «Географию в виде колоды карт»² (последнее название условное). Именно «Географии» (ГБЛ, ф. 354, № 170, л. 250—259) посвящается настоящая работа.

По своей тематике это произведение вполне уместно в рассматриваемом сборнике; оно отвечает известным интересам Николая Спафария — переводчика Посольского приказа и дипломата. Уже в «Хрисмологие» Спафария — сочинении компилятивном и определенно восходящем к соименной книге Паисия Лигарида — имеется сходный с «Гранями» обзор государей тех царств, на которые распались древние монархии (в том числе «римляно-немецких государей»)³ Во второй части «Арифмологии» Спафария читается «странам неким и родом свойство».⁴ Последнее описание, впрочем, имело целью охарактеризовать особенности национального

¹ Подробнее см. в работе: О. А. Белоброва. О прижизненных сборниках сочинений и переводов Николая Спафария. — В кн.: Материалы и сообщения по фондам Отдела рукописной и редкой книги Библиотеки Академии наук СССР. Л., 1978, с. 129—137.

² Описание сборника (ГБЛ, ф. 354, № 170) см. в машинописной описи Вологодского собрания ГБЛ (т. 2. М., 1955, с. 8—11), составленной Я. Н. Шаповым и другими под редакцией И. М. Кудрявцева. Здесь географическое сочинение названо «Космографией». Считаю более правильным именовать его «Географией», так как вопросы мироустройства в нем не затрагиваются. О сборнике также упоминается в кн.: И. М. Кудрявцев. 1) Артаксерсово действо. Первая пьеса русского театра XVII в. М.—Л., 1957, с. 100; 2) Рукописи, поступившие в 1953 г. — В кн.: Записки Отдела рукописей ГБЛ, вып. 16. М., 1954, с. 123.

³ См.: И. Н. Михайловский. Важнейшие труды Николая Спафария (1672—1677). Киев, 1897, с. 4—5.

⁴ Там же, с. 24; Николай Спафарий. Эстетические трактаты. Л., 1978, с. 101.

характера, а не правителей той или другой страны. Государи различных стран названы и в «Василиологионе», а в «Титулярнике», как известно, они представлены и на миниатюрах.

Перечни королей и князей семи европейских государств — «Грани» завершают издание 1674 годом. На листах сборника они размещены компактно: по два, а то и по три столбца. «География» отличается совершенно своеобразным расположением входящих в ее состав пятидесяти двух статей. Хотя весь сборник написан убористой скорописью двух или трех различных почерков, с экономным расходом бумаги, в «Географии» каждая статья, занимающая 5—6 строк, отделена от следующей расстоянием — промежутком в 4—5 строк. Нечто подобное можно найти в черновом списке-автографе Букваря Кариона Истомина, который предшествовал известному изданию с гравюрами Леонтия Бунина. Правда, у Кариона Истомина пропуски в тексте отчасти заполнены — буквами и перечнем предметов, подлежащих изображению в издании.⁵

Пропуски между статьями «Географии», конечно, не случайность. Но если видеть в них место, отведенное, как в Букваре Кариона Истомина, для изобразительных вставок, возникает вопрос, почему во всем сборнике только «География» переписана в расчете на ее дополнение рисунками? Ведь «Хрисмологион», «Василиологион», «Книга избранная вкратце» и другие также были лицевыми, т.е. иллюстрированными сочинениями, впрочем, только в подносных экземплярах.

По-видимому, переписка этих произведений велась с черновиков, не имевших миниатюр, которые были желательным, но не столь уж обязательным дополнением. Кстати, тексты вологодского сборника, в отличие от голицынского, восходят к лучшим спискам, известным нам именно по лицевым подносным рукописям.

Переписка же «Географии» велась, очевидно, с протографа, наделенного такими изобразительными дополнениями, которые были сочтены переписчиком неотъемлемыми от текста; вот почему зависимость от этих изображений проникла и в вологодский сборник, не имевший значения подносного.

Кроме двух сочинений («Граней» и «Географии»), все статьи данного сборника известны по рукописной традиции, и все они связаны с именем Николая Спафария.⁶ Из включенных в сборник самыми распространенными сочинениями писателя следует признать «Хрисмологион» (более тридцати списков), «Арифмологию» (девять списков) и «Книгу избранную вкратце о девятих мусах и о седмих свободных художествах» (девять списков).⁷ «Василиологион» и незаконченная «Книга иероглифийская» дошли в пяти списках. Еще две статьи — «Описание преславных. . . церкви. . . София в Константинополе» и перевод с речи польского посланника Самойла

⁵ Воспроизведение л. 1 об. рукописного Букваря Кариона Истомина (ГИМ, Чудовское собр., № 100/302) см. в изд.: И. М. Т а р а б р и н. Лицевой Букварь Кариона Истомина. — В кн.: Древности. Труды имп. Московского археологического общества, т. XXV. М., 1916, с. 251, рис. 31.

⁶ Первая статья сборника и ее возможные источники нами не рассматриваются. Заметим только, что «Грани» представляют собой своего рода хронологические таблицы, но не совпадающие с известными А. И. Соболевскому (см. его кн.: Переводная литература Московской Руси XIV—XVII веков. СПб., 1903, с. 100—101). Скорее перед нами выборка из хронологических таблиц (составленных не по 1674-й, а по 1672-й г.), входящих в состав Титулярника по списку из сборника ГПБ (собр. Погодина, № 1609, конец XVII в.). Текст известен по публикации в кн.: Древняя российская вивлиофика, ч. XVI. Изд. 2-е. М., 1791, с. 86—251.

⁷ О. А. Бел о б р о в а. К изучению «Книги избранной вкратце о девятих мусах и о седмих свободных художествах» Николая Спафария. — ТОДРЛ, т. 30. Л., 1976, с. 308—309; Николай Спафарий. Эстетические трактаты. Л., 1978, с. 136—140.

Венцславского (1674 г.) — известны в настоящее время в четырех списках, входящих только в указанные сборники. Их протографы — черновики и подносные списки — до сих пор неизвестны, да и не разыскивались пока что никем; но самое их существование трудно оспорить, так как ни один из сборников не является черновиком и ни один из них, даже парадная голицынская рукопись, не стал официальным подносным экземпляром, адресованным царю Алексею Михайловичу.⁸ Результаты дальнейших розысков, разумеется, трудно предугадать. Но даже располагая сведениями не обо всех протографах статей четырех сборников сочинений и переводов Спафария, можно считать, что они непременно существовали и с них-то, постепенно создававшихся в Москве в период между 1672—1674 гг.,⁹ и велась переписка по крайней мере двух рукописных книг из четырех дошедших сборников.

Дошедшая до нас только в списке вологодского сборника, «География» окружена, таким образом, произведениями, включенными в рукопись после неоднократной их переписки. Возможно, что и эта не встречававшаяся нам ранее статья переписана здесь тоже не впервые. В частности, она не имеет правки писца, которая указывала бы на черновое состояние этой части рукописи. Включение «Географии» в корпус произведений известного писателя-переводчика едва ли случайно, оно указывает на причастность Николая Спафария к переводу этой статьи. Вспомним, что когда Спафарий не только переводил, но и добавлял от себя обширные толкования к тексту, он называл свое имя («Хрисмологион», «Книга избранная вкратце», «Арифмология» и др.). Здесь же перед нами более простой случай перевода с какого-то оригинала, без рассуждений и дополнительных толкований переводчика.

Как отмечалось выше, необычное расположение статей «Географии» в рукописи передает некоторые особенности неизвестного нам протографа и, очевидно, его источника. В самом деле, если на месте пропусков в нем находились изображения, их было столько же, сколько и статей, хотя и кратких. Такое соотношение текста и изображений — поровну — совершенно не характерно для других сочинений Николая Спафария, включенных в сборник и известных в лицевых списках. Так, обширный и многословный «Хрисмологион» (около 200 листов) украшен всего одиннадцатью миниатюрами; в «Книге избранной вкратце» (более 60 листов) всего восемь миниатур (по одной к каждой главе).¹⁰

Кроме необычного соотношения текста и изображений (рисунков? вклеек?), протограф «Географии» и его источник своеобразен и по форме; в нем четыре страны света уподобляются четырем мастям, а отдельные страны и государства — игральным картам, составляющим в целом колоду из 52 единиц.

Обращает на себя внимание, что подбор 48 стран, по дюжине в каждой из четырех частей света (Америка уже входит в их число), необычен для традиционных переводных географических сочинений, известных в Москов-

⁸ В сборниках преобладают сочинения, созданные «в поднос» царю, хотя имеются и другие, составление которых не носило официального характера (например, «Арифмология» в вологодской рукописи). И. М. Кудрявцев считал возможным видеть принадлежность этого сборника А. С. Матвееву; нам кажется, что эта рукопись частично писана рукой самого Николая Спафария и что она сопровождала его при посольстве в Китай (судя по припискам на обложках досок переплета), а затем могла «осесть» в Вологде.

⁹ В сборниках находятся сочинения и переводы Николая Спафария, созданные им вскоре после приезда в Москву (1674 г.), но до его отъезда в Китай (1675 г.).

¹⁰ См., например, список «Хрисмологиона» (ГПБ, Эрмитажное собр., № 27) и «Книги избранной вкратце» (ГИМ, Синодальное собр., № 527).

ской Руси с XVI в. и особенно распространившихся в XVII столетии. Заметим, впрочем, что среди западноевропейских книг позднего средневековья политико-географического жанра особое место занимает труд «Delle Relationi universali di Giovani Botero Venese», изданный впервые в Риме в 1592 г. и распространившийся в Европе в многочисленных переводах.¹¹

В поисках источников оригинальной «Географии» в форме колоды карт приходится обратиться и к истории карточных игр, которая знала, оказывается, примеры необычного сочетания этой забавы с наукой. Любопытно, что первый подобный опыт — логика, облеченная в форму карточной игры, — принадлежал профессору Краковского университета философу Томасу Мурнеру (1475—1537), опубликовавшему свой труд, с гравюрами на дереве, в 1507 г.¹²

В XVII в. во Франции, а затем в Англии и Германии возникает целая серия географических карточных игр, имевших несомненно познавательно-педагогическое назначение.

Занимательная география в виде колоды карт впервые была создана в Париже в 1644 г. Тексты подготовил французский академик Жан Демаре (1595—1676 гг.), а гравированные изображения — офорты — выполнил выдающийся флорентийский художник Стефано Делла Белла (1610—1664 гг.). Инициатива заказа исходила от кардинала Мазарини, который предложил создать эту необычную игру, вернее целую серию занимательных игр («Басни», «Короли Франции», «Знаменитые королевы» и «География»), для малолетнего наследника королевского престола будущего Людовика XIV (который родился в 1638 г.). Приглашение соотечественника кардинала, Стефано Делла Белла, находившегося в то время в Париже, может быть, также зависело от Мазарини.

Появление целой серии этих необычных учебно-педагогических карт — факт достаточно известный в истории карточных игр¹³ и в истории гравюры.¹⁴

¹¹ C. G i o d a. La vita e le opere di G. Botero. Milano, 1895; Э. В р е д е н. Государствоведение Сапсовино и Всемирные реляции Ботеро. СПб., 1866. Древнерусские переводы с польского издания 1659 г. относятся к 1680-м гг. См.: А. И. С о б о л е в с к и й. Переводная литература Московской Руси. . . , с. 56—57. См. также: О. А. Б е л о б р о в а. К истории библиотеки патриарха Адриана (наст. изд., с. 408).

¹² Venerabilis patris Thome Murner Alemanni, e civitate Argentinensium, alme academiae Cracov. Sacrae Theologiae Baccalaurei, Cartiliudium logices, seu Logica poetica vel memorativa cum iocundo pictasmatis exercitamento pro communi omnium studentium utilitate. Impressum Cracoviae impensis optimi et famatissimi viri Dni Joannis Haller, civis Cracov. Anno 1507 decimo tertio ante Calendas Martii. Второе издание, страсбургское, вышло в 1509 г., в 1629 г. появилось парижское издание. Воспроизведение одной из карт первого, чрезвычайно редкого в настоящее время издания см. в кн.: W. A. C h a t t o. Origin and History of playing cards. London, 1848, p. 105. См. также: H. R e n é d'Allemagne. Les cartes à jouer du quatorzième au vingtième siècle, t. I. Paris, 1906, p. 215. Репродукция полной колоды (51 карта) по второму изданию см. в кн.: Playing cards of various ages and countries selected from the collection of lady Charlotte Schreiber, vol. III. London, 1895, Supplement, pl. 121—126.

¹³ См., например: S. W. S i n g e r. Researches into the History of playing cards. London, 1816, p. 217; W. A. C h a t t o. Origin and History of playing cards, p. 156; P. B o i t e a u d'Ambly. Les cartes à jouer et la cartomancie. Paris, 1854, p. 133—138; R. E i t e l b e r g e r. Über Spielkarten mit besonderer rücksicht auf einige in Wien befindliche alte kartenspiele. Wien, 1860, S. 22; W. H. W i l l s c h i r e. A descriptive catalogue of playing and other cards in the British Museum accompanied by a concise general History of the subject and remarks on cards of divination and of a politico-historical character. London, 1876, p. 32, 126—131; Playing cards. . . , vol. II, p. 5—6, pl. 15—28; H. R e n é d'Allemagne. Les cartes à jouer. . . , p. 214, и др.

¹⁴ Ch.-A. J o m b e r t. Essai d'un catalogue de l'oeuvre d'Etienne de la Belle, peintre et graveur florentin. A Paris, 1772, p. 113; A. d e V e s m e. Le peintre-graveur italien ouvrage faisant suite au peintre-graveur de Bartsch. Milan, 1906, p. 183—185;

До сих пор, однако, не раскрыто историко-культурное значение этого совместного труда видного французского литератора и известного итальянского художника середины XVII в., труда, получившего известность далеко за пределами Франции. Прежде всего не опубликован и не изучен текст гравюр, по нашему мнению, опирающийся на труд Дж. Ботеро, упомянутый выше. Не проведено сличение оттисков на отдельных листах (сохранившихся в четырех состояниях гравюр¹⁵ в собраниях Франции, Англии, СССР и др.) с оттисками в редких целногравированных изданиях 1644, 1664 и 1698 гг.¹⁶ Наконец, не изучен текст (опять-таки французский) голландской копии всех четырех серий игр Демаре—Делла Белла, относящейся ко второй половине XVII в., и других голландских карточных игр, выпущенных до конца того же столетия амстердамскими издателями Кованом—Мортье под явным влиянием французского оригинала. Не привлекались, наконец, с той же целью и копии с немецким текстом.¹⁷

Обращение к тексту Демаре, известному нам по оттискам, хранящимся в Отделении гравюр Государственного Эрмитажа,¹⁸ и по репродукциям в изданиях «Playing cards. . .»,¹⁹ позволило установить, что именно он и составляет первооснову курьезной «Географии», вошедшей в сборник сочинений и переводов Николая Спафария. Совпадает разделение на Европу, Азию, Африку, Америку и на сорок восемь стран, по двенадцати в пределах каждой части света. Почти полностью совпадает текст статей. Но имеются и отличия в мастях и достоинстве карт (ниже мы вернемся к этому). При упоминании срока, прошедшего со времени открытия Америки, у Демаре названы 150 лет; в древнерусском же тексте читается: 160 лет. Вместо страны Никарагуа, включенной у Демаре в американский континент, в древнерусском тексте названа Гваяна (Гвиана). Имеются незначительные лакуны и дополнения (о них также ниже). Все эти наблюдения, в особенности введение Гвианы, которая с 1667 г. стала колонией Нидерландов, позволяют уточнить, что древнерусский перевод восходит к тексту Ж. Демаре через ту незначительную переработку, которая имела место в Голландии, как уже сообщалось выше. Хотя мы не располагаем в настоящее время голландскими копиями французской карточной игры «Jeu de la Geographie»,²⁰ весьма вероятно их проникновение

О. Ф. Брандт. Французская гравюра XV—XVII веков в собрании Эрмитажа. Л., 1934, с. 100.

¹⁵ Для пяти таблиц с 52 картами первым состоянием считаются оттиски с изображениями без текста с оставленным для него местом; вторым состоянием — оттиски с текстом, но без знаков мастей карт; третьим — таблицы, разрезанные на карты; четвертым — оттиски со знаками мастей (A. de Vesme. Le peintre-graveur italien. . . , p. 185).

¹⁶ Издание 1644 г. указывает В. Виллшир (W. H. Willschire. A descriptive catalogue. . . , p. 127); издание 1664 г. названо в кн.: Horr N. T. A bibliography of card-games. . . Cleveland, 1892, № 22; издание 1698 г.— British Museum General catalogue of printed books. . . (vol. 51. London, 1966, col. 702).

¹⁷ О голландской копии серии четырех игр Демаре—Делла Белла сообщалось в кн.: Playing cards. . . , vol. II, p. 6. Здесь отмечено, что копии Кована—Мортье имеют те же гравюры, что и оригиналы, только надписи гравированы на драпировках, как бы свисающих под эмблематическими фигурками; знаки мастей переименованы; сообщается о немецком комплекте карт географической серии и об издании в Амстердаме целногравированной книжки, сопровождающей карты (около 1685 г.).

¹⁸ Пользуясь случаем принести благодарность сотрудникам Эрмитажа, и особенно И. С. Григорьевой, за возможность ознакомления с двумя полными комплектами четырех серий Демаре—Делла Белла из основного собрания Государственного Эрмитажа (географическая серия, инв. № 13459—13510) и из б. собрания Ш.-Э. Бергера (альбом 645, инв. № 395716—395767).

¹⁹ Playing cards. . . , vol. II, pl. 25—28.

²⁰ Они отсутствуют, например, в собрании гравюр Государственного Эрмитажа, Государственной Публичной библиотеки им. Салтыкова-Щедрина в Ленинграде и

в Посольский приказ Москвы в скором времени после создания — не позднее начала 1670-х гг. (до отъезда Спафария в Китай в 1675 г.). В распоряжении опытного, эрудированного переводчика эта игра, по-видимому, находилась недолго. А сделанный им (?) перевод, даже в списке, включенном в сборник, сохранил зависимость от гравюры, в которой равное место принадлежало как эмблематике — обозначению масти, достоинства карты, символу страны, — так и описанию в виде небольшого текста. Миниатюрный размер карт (5.5×9 см) определил мелкомасштабный

Рис. 1. Далмация.

Гос. Эрмитаж. Отделение гравюр.
Альбом 645, инв. № 395722.

Рис. 2. Греция.

Гос. Эрмитаж. Отделение гравюр.
Альбом 645, инв. № 395724.

характер гравированных изображений оригинала — динамичных, изящных, забавно-торжественных фигурок.

В древнерусском переводе масть и достоинство каждой карты описаны словесно, хотя и без достаточной унификации, а для эмблематических фигурок оставлено место как раз по их реальному масштабу на офортах. Приметой непосредственного впечатления переводчика от карт Демаре—Делла Белла может служить словесное описание гравированных атрибутов Далмации (отсутствующее в тексте оригинала): «В гербе представляет три лвоы главы коронованны» (рис. 1).

Добавления переводчика — «пеш», «пеша» (для 36 фигурок-символов, стоящих на земле, — рис. 2—3), «нижшая» (для четырех всадников — рис. 4) и «вышшая» (для четырех всадниц — рис. 5) — могут иметь двойное происхождение. Заманчиво предположить, что эти определения — результат собственной наблюдательности переводчика, внимательно разглядывавшего миниатюрные офорты. Но не исключено также, что в данном

Библиотеки АН СССР. О голландской копии географической серии Демаре—Делла Белла ничего не сообщалось и в каталоге Виллшира 1876 г.

случае перед нами термины, уточняющие достоинство карт. Вспомним, что среди польских карточных терминов встречаются *niznik* (валет) и *wyznik* (дама).²¹ Заметим, что в данном случае мы касаемся только добавлений к тексту, отсутствующих в основном первоисточнике Демаре. Что же касается терминологической характеристики перевода в целом, она представляется почти полностью соответствующей нормам древнерусского языка XVII в. В свое время русским названиям карточных мастей посвятили специальные работы В. В. Стасов²² и В. И. Чернышев.²³

Рис. 3. Чили.

Гос. Эрмитаж. Отделение гравюр.
Альбом 645, инв. № 395729.

Рис. 4. Франция.

Гос. Эрмитаж. Отделение гравюр.
Альбом 645, инв. № 395757.

Оба исследователя уделили должное внимание истории проникновения карт в Московскую Русь, причем В. В. Стасов недоумевал, почему эмблемы мастей на Руси французские, а названия — немецкие; В. И. Чернышев же впервые установил совпадение ранней русской карточной терминологии с чешской: черви, бубны, жлуди, вины; туз, король, или краль, краля и хлап. Заметим попутно, что именно эти термины, за исключением бубен, замененных «звонковыми» (ср. польские «dzwonki»), читаются в древнерусском переводе «Географии» Спафариева сборника.

В 1928 г. В. И. Чернышев сожалел о скудости известий про старинные игральные карты Голландии и Швеции, «что для русского исследователя

²¹ Gry w karty dawniejsze i nowe. . . ułożył Stary Grac. Warszawa, 1888, s. 9—14. Судя по словарю И. Н. Носовича (Словарь белорусского наречия. СПб., 1870), для белорусского языка были характерны близкие к этим карточные термины: вышник (дама), низник (валет).

²² В. В. Стасов. Русские названия карточных мастей. — Записки имп. Академии наук, 1875, т. XXVI, кн. II. СПб., 1876, с. 74—79.

²³ В. И. Чернышев. Терминология русских картежников и ее происхождение. — Сборники «Русская речь» под ред. проф. Э. В. Щербы, сб. II. Л., 1928, с. 45—68.

представляло бы особый интерес». Кроме того, В. И. Чернышев отмечал, что «на русской стороне, кажется, не уцелело... следов... карт...». Вообще для русского исследователя почти безнадежное дело — для освещения темных вопросов найти сколько-нибудь фактов языка и карточных изображений из времени XVI и XVII столетий.²⁴ Пессимизм ученого оказался преждевременным, так как, например, опубликованный Б. А. Лариным в 1959 г. «Русско-английский словарь-дневник Ричарда Джемса (1618—1619 гг.)» совершенно неожиданно показал разработанность карточной терминологии этого сравнительно раннего периода. Сам Б. А. Ларин скромно замечает по поводу целой дюжины слов словаря: «Едва ли не первая запись терминологии картежников», и делает отсылку к статье В. И. Чернышева.²⁵ В 1968 г. М. П. Алексеев, комментируя приведенные им словарные статьи Азбуковника XVII в., в частности: «Карты играти — sregen» (видимо, spelen), — сослался на сочинение Кильбургера о русской торговле, в котором сообщалось о привезенных в Архангельск в 1671 и 1673 гг. игральных картах из Гамбурга, Бремена, из Голландии (4860 дюжин... 1305 дюжин... 7 тонн (видимо, бочек) и т. д.).²⁶ Все эти разрозненные известия создают определенный фон, на котором перевод карточной игры Демаре—Делла Белла не кажется уж столь раритетным и экзотическим явлением.²⁷

Рис. 5. Перу.

Гос. Эрмитаж. Отделение гравюр.
Альбом 645, инв. № 395760.

Сравнивая термины карточной игры из словаря Ричарда Джемса с переводом «Географии» из Спафариева сборника, видим, что они в основном совпадают.

С л о в а р ь Р. Д ж е м с а	
chervona	— черви
vina	} a spade — пики
lopate	
zludy	} a club — трефи
xresti	

У С п а ф а р и я	
	описание карт червоней
	вини
	описание карт жлудовых

²⁴ Там же, с. 58, 55.

²⁵ Б. А. Л а р и н. Русско-английский словарь-дневник Ричарда Джемса (1618—1619 гг.). Л., 1959, с. 146, 239—240.

²⁶ М. П. А л е к с е е в. Словари иностранных языков в русском азбуковнике XVII века. Л., 1968, с. 112, 138; ср.: В. Г. К у р ц. Сочинение Кильбургера о русской торговле в царствование Алексея Михайловича. Киев, 1915, с. 125, 136, 140, 143, 188. Уточнением термина «тонн» в смысле «бочек» я обязана Р. Ю. Данилевскому.

²⁷ Еще одним свидетельством распространенности карточных игр в Москве в конце 1670-х гг. может служить журнал путешествия Б. Л. Ф. Таннера. См.: Таннер и его известия о русских XVII века.— ЖМНП, ч. XV. СПб., 1837, с. 485 (благодарю за указание на этот источник Н. В. Поньпро). Ср.: Legatio Polono-Lithuanica in Moscoviam... descripta a teste oculato Bernhardo Leopoldo Francisco Tannero... Norimbergae, 1689, cap. 19, p. 99.

tuz, the ace	— туз	туз
korole, the kinge	— король	краль
xolop, the knave	— валет	хлоп
kozora, the trumpe	— козырь	—
bybena, Diamond	— бубна	описание карт звонковых

В русско-английском словаре отсутствуют цифровые обозначения карт, представленные в вологодском сборнике от двойки по десятку включительно. В наименовании этих карт читается «четвертка» (в трех случаях), а также «пяторка» (в двух случаях) и «шесторка» (в одном).

Словесная передача знаков масти и достоинства карт в переводе «Географии» отличается большой тщательностью, но она не доведена до унификации. Так, для первой масти — вины — начиная с двойки каждая карта получила добавление, например: «двойка винная», «тройка винная» — и т.д.; «десятка винная»; «хлоп» и «кralия» даны без указания на принадлежность масти, но далее следует «краль винной». Карты остальных трех мастей описаны без прилагательных, производных от наименования масти. Но если первая масть поименована одним словом «вины», то три последующие масти названы более пространно: «описание карт червоней», «описание карт жлудовых» и «описание карт звонковых». ²⁸ Краткое название первой масти, может быть, объясняется желанием избежать повторения с общим наименованием данного сочинения, которое в нашем списке по какой-то причине, возможно, было опущено (во всяком случае, оно отсутствует).

Обратим внимание на различия между текстом французского оригинала и его древнерусского перевода. Выше отмечалось, что не совпадает соотношение мастей карт и частей света. В самом деле:

У Демаре		У Спафария	
Европа	— черви	Европа	— вины
Африка	— бубны (звонковые)	Африка	— звонковые
Азия	— пики (вины)	Азия	— жлудовые
Америка	— трефы (жлуди)	Америка	— червонии

В пределах мастей и у Демаре и у Спафария приведены одни и те же страны (кроме замены Никарагуа на Гвайану, упоминавшейся выше). Но только европейские страны соотносены у Демаре с одними картами, а у Спафария совсем с другими. Сравним:

Карта	У Демаре	У Спафария
туз	Сицилия	Римское царство, Немецкая земля
двойка	Далмация	Великая Британия
тройка	Греция	Скандия
четверка	Сербия	Полская земля
пятерка	Венгрия	Угорская земля
шестерка	Польша	Сербская земля
семерка	Скандия	Греция
восмерка	Великобритания	Далмация
девятка	Германия	Сицилия
десятка	Италия	Италия
хлоп	Испания	Франция
кralия	Франция	Испания
краль	Европа	Европа

²⁸ Припоминается, что в «Арифмологии» Николая Спафария в части, именуемой «Арифмология правов», в авторской редакции, близкой к подносному списку, читается: «Кюю свирепому и биющему прибавляти звонцов»; в списках же, более отдаленных от лучшего, вместо «звонцов» читается «колоколцов».

Рядом с картой «Европа» среди европейских государств в древнерусском переводе помещена Испания (вместо Франции у Демаре). Это еще одна примета голландской переработки французского оригинала. Любопытно, что и «Грани» вологодского сборника также первыми среди правителей европейских стран называют «королей гишпанских», после которых следуют короли французские, английские, датские, польские, швейские и князья виницейские. Как видим, порядок здесь несколько иной, но едва ли случайно, что родословия открывают свой ряд опять-таки Испанией.

Была ли голландская переработка французского оригинала Демаре — Делла Белла глубокой и серьезной? Сравнение древнерусского перевода с французским текстом показывает, что переработка носила не столь уж значительный, а иногда лишь внешний характер. Судить об этом позволяет сопоставление двух, казалось бы, разных статей «Географии», во всяком случае по-разному озаглавленных:

У Демаре

6 Nicaragua Sablonneuse et sterile en beaucoup de lieux, située au dela de la Nouvelle Espagne, il y a un lac de 300 milles de longueur. Villes: Icon et Grenade pres de laquelle est un mont qui brule continuellement.

У Спафария

Шестерка. Гвайана, пеша, во многих местах песочная и неплодная, по другую страну Новая Гишпаниа положена. Тамо есть прехвалное озеро Парим, иже в долготу иматъ 300 миль и иным именем Амазонская земля нарицается, где из именных рек получи едино имя хвалная ради святого Фомы острова и Париа река.

Из сличения статей видно, что для описания Гвианы (Гвайаны) был почти полностью повторен текст, относившийся у Демаре к Никарагуа. Правда, введен ряд уточнений: озеро получило конкретное наименование, а вместо городов и горы — курящегося вулкана — следует ряд географических названий («Амазонская земля», «Париа река» и др.). Очевидно, в Амстердаме не так-то много знали еще о Гвиане и статью о ней составили достаточно компилятивную.

Сопоставление текста Демаре и древнерусского перевода позволяет выявить некоторые дополнения и пропуски. Например, у Спафария для Великобритании, Польши, Попаяна подробнее перечень городов и рек, а немецкие города вовсе опущены. Про Венгрию сообщается, что она «под мучением турским подложена есть», а про Китай (Хину) — «от татар под иго работы и подданство положени суть», хотя во французском оригинале этого нет; названный Демаре в статье о Сицилии среди островов Средиземноморья Кипр Спафарием опущен. Несколько видоизменена статья об Аравии. Дополнена статья об Азии фразой о «великом купечестве». Некоторые дополнения, возможно, результат лучшего знания голландцами ряда стран американского, да и африканского континентов. Например, к статье Демаре о Castille d'or добавлено: «. . . где обеим Америкам место ужайшее есть»; в описаниях Флориды, Виргинии названы города и реки, отсутствующие во французском тексте. Добавлена примета мексиканских городов: «. . . и стенами деревянными ограждени»; описание Чили (Хили) дополнено сообщением «Патагови суть люди высоки, в высоту полторы сажени». Более подробное описание Мавритании, Нумидии, Египта и др. Только один раз древнерусский перевод показывает неосведомленность Николая Спафария: земля Лабрадор (La terre du Laboureur) в описании Новой Франции превратилась в «Трудная земли». В других случаях переводчик вносит необходимые уточнения, например вместо Natolie применяет название «Анатолия». Географическая терминология переводчика достаточно вольная: le cap переводится как «гора», «верх горы»; le golphe — как «недра моря»; les bouches — «устии»; la branche — «поток».

Топонимика в переводе Спафария ясно указывает на зависимость от французского текста. Ее исследование заслуживает особого внимания специалистов по исторической географии и лингвистике. Заметим только, что название *Moscouie* переведено как «Москва», причем только это наименование поставлено впереди карточного термина. Представляется, что это сделано вполне сознательно Спафарием и не связано с особенностями голландской переработки. В то же время добавление реки Двины и замена *Boristeno* на Днепр, *Pha* на Волгу, *Tanais* на Дон могли иметь место и в голландской копии французского оригинала. Эмблематическое изображение Московии на игральной карте Демаре — Делла Белла (рис. 6) соответствовало тузу пик (вини); в древнерусском же переводе Москва получила значение туза «карт жлудовых», т.е. тrefового туза.

Рис. 6. Московия.

Гос. Эрмитаж. Отделение гравюр.
Альбом 645, инв. № 395716.

«Великое Зерцало»),³⁰ так и оригинальные — хотя бы «Домострой» Кариона Истомина (1696 г.), в котором читались такие строки:

Игра же детям приличная буди,
да не вредятся очи их и груди:
Мечик и кубарь, города и клетки,
бегают, шлетут, ловят, мещут сетки,
Костми и карты в денги возбранити,
за кратбу лаяв, всегда тыя бити. . .³¹

Еще ранее Симеон Полоцкий в «Истории, или Действии евангельской притчи о блудном сыне» (эта комедия вошла в «Рифмологион», созданный

²⁹ См.: И. М. Л и н д е р. Шахматы на Руси. Изд. 2-е. М., 1975. Сам Николай Спафарий знал карточные игры, судя по сообщению молдавского летописца И. Некульчи, отметившего, что господарь Стефаница «звал его (Спафария, — О. Б.) к своему столу и советовался с ним и в карты играл с ним» (цит. по отрывочному переводу П. Сырку: П. С ы р к у. Николай Спафари до приезда в Россию. — Записки Восточного отделения имп. Российского археологич. общества, т. III, вып. 3. СПб., 1889, с. 187).

³⁰ О. А. Д е р ж а в и н а. «Великое Зерцало» и его судьба на русской почве. М., 1965, с. 244—245, 319—320.

³¹ Русская силлабическая поэзия XVII—XVIII вв. Изд. 2-е. Л., 1970, с. 210. (Библиотека поэта. Большая серия).

к 1678 г.) игру в карты выводит как пример беспутной и разгульной жизни своего героя. Цельногравированное издание комедии в виршах, имеющее на титульном листе дату 1685 г., на самом деле относится к 1740-м годам,

Рис. 7. Симеон Полоцкий. История или Действие евангельской притчи о блудном сыне.

Л. 26 цельногравированного издания 1740-х гг.

как это убедительно доказано недавно С. А. Клепиковым.³² Но и в этих сравнительно поздних гравюрах посредственного уровня все же любопытно изображение карточной игры в кабаке (рис. 7).

³² С. А. Клепиков. Русские гравированные книги XVII—XVIII веков. — Книга. Исследования и материалы. Сб. IX. М., 1964, с. 155—156. Нами привлекался экземпляр комедии Симеона Полоцкого из собрания БАН (инв. № 1462сп, л. 25 и 26).

В такой обстановке осуждения или неодобрения карточных игр (которые тем временем получили и развитую терминологию и, по-видимому, немалое распространение) трудно было рассчитывать на популярность древнерусского перевода. Очень вероятно, что отсутствие заглавия у переводной статьи вологодского сборника — результат «самоцензуры» переводчика, не хотевшего навлекать на себя неприятностей за неосторожный интерес к запретным на Руси темам. Остается не вполне ясным, какое назначение получила на московской почве эта придворная французская игра. Нам представляется, что оно могло быть двояким: и учебно-воспитательным, — например, для кн. Черкасского и молодого Матвеева,³³ и познавательно-справочным, т.е. необходимым для работы в Посольском приказе.

Судя по расположению статей «Географии» в древнерусском переводе (от туза до десятки, затем хлоп (валет), краля (дама) и краль (король)), переводчик имел дело скорее всего с разрезанными картами, а не с целыми оттисками гравюр в пяти таблицах, размещение которых несколько иное.

Распространение иностранных гравюр в Московской Руси в XVII в. было довольно значительным. Реальное изучение путей, по которым они проникали в Россию, — дело будущих разысканий, начало которых давно и прочно заложили И. Е. Забелин, Д. А. Ровинский, А. А. Сидоров, М. В. Доброклонский, М. А. Алексеева и другие исследователи. Поскольку нам удалось, хотя и реконструктивно, определить источник Спафариева перевода в копиях гравюр Демаре—Делла Белла, исполненных не ранее 1667 г. в Амстердаме в издательстве Кована—Мортье, попытаемся оценить, было ли это случайностью. Имя Пьера Мортье неоднократно встречается в названиях гравированных географических карт конца XVII в., сохранившихся в собрании Петра I.³⁴ Известно было в России и издание «Les forces de l'Europe, Asie, Afrique et Amerique, par les soins de P. Mortier» (vol. 1,2. Amsterdam, s.a., в лист).³⁵ Очевидно, карты Демаре—Делла Белла стали особенно популярны в Голландии и публиковались поэтому на протяжении более чем столетия представителями одной и той же издательской фирмы (по библиографическим справочникам ГПБ установлено, что было еще переиздание 1794 г.).³⁶

Ниже приводится древнерусский перевод «Географии в виде колоды карт».

География в виде колоды карт

В и н и

4. 250

1. Туз.

Римское цесарство, Немецкая земля плодоносная и многолюдная есть, от Французеской земли междоположение; на Лотаринскую и Бургунскую землю разделяется. Содержат в себе Палатинат, Франконию, Свевию, Богемию, или Ческую землю, Моравию, Боварию, Аустрию, Вестфалию, Асию, Турингию и прочее. Реки суть: Дунай, Рен, Албис, Виссургис и прочее. Гради толицы суть, яко и числитися не могут.

³³ См.: И. Н. Михайловский. Очерк жизни и службы Николая Спафария в России. Киев, 1895, с. 17.

³⁴ Исторический очерк и обзор фондов Рукописного отдела Библиотеки Академии наук. Карты, планы, чертежи, рисунки и гравюры собрания Петра I. М.—Л., 1961, с. 64, 65, 69, 189, 198. Иногда карты, гравированные, например, в Италии, просто продавались у издателя-голландца, о чем делалась гравированная надпись: «Se vend à Amsterdam, chez Pierre Mortier».

³⁵ См.: Исторический очерк и обзор фондов рукописного отдела Библиотеки Академии наук, вып. 1. XVIII век. М.—Л., 1956, с. 355.

³⁶ Jeu de Géographie, ou l'art de voyager commodement par toutes les parties de l'Europe avec une carte. Ed. Mortier, Covens et fils. Amsterdam, 1794.

^{1a} Доб., в ркп. нет.

2. Двойка винная.

Великая Британия, или Аглинская земля, пеша; под собою имать державнейшая кралевства, Аглинское, Шкоцкое и Ирлянское. Гради суть Лондон, Вилтон, Бристоль, Стафорд, Нотигам, Оксония, Дублин. Реки Темис, Хумбер, Вашес, Сабвина, Солвея. Ирляндия особый остров есть; Аглинская и Шкоцкая земля между себе соединяютца.

3. Тройка винная.

Скандия остров, пеша. Ко северной стране положена есть и объемлет Свейскую землю, || Датцкую и Норвегию. Свейская земля под собою имать Лапию, Финландию, Ливонию, Готфию и прочее. Датцкая земля от многих островов состоится, сорубежная Немецкой земле, Исляндии и Кроеляндии и прочее. Велик приход имать от потока морского Зунт, иже между течет Елжендр и Ельжембурк градов.

л. 250 об.

Четвертка винная.

Полская земля, пеша. Между Немецкою землею, Подолиею, Роксоляниею и Прускою содержитца. Столный град Краков, последует же Варшава, Львов, Познане и прочее. Реки суть Висла, Днепр, Таннаи, сиречь Дон, иже от рубежа ея Европу от Ассии разделяет. От союза того кралевства многие княжества содержитца, яко Пруссия и Курляндия.

Пяторка винная.

Угорская земля, пеша. Иерделская земля к востоку лежит и плодоснейшия суть, мокроты ради претекающия реки Дуная, приближается ко границам полской, русской, мунтянской и молдавской. Гради суть Буда, Белград, Острогон и прочее. Реки Дунай, Сава, Драва и прочее. И аще половинная часть обоих под муче || нием турским подложена есть, обаче твердо сия христианская нарицается.

л. 251

Шесторка^б винная.

Сербская земля, пеш. Содержит^в Россию, Мултянскую и Волоскую землю, Молдавию, Болгарию и Фракию. Лежит при границе полской, венгерской, греческой. От Ассии разделена морем Воспорум Цареградским, грады Сендоровиа, Луканиа, София. Реки Двина, Жукана, море Черное, море Хвалиское, океан пресеверный, недалече от Новья земли.

Семерка^г винная.

Греция, пеша. Всех^д благих художеств отчина, под рабским игом турским; между Фракиею и Долмациею положена, и морем ограждена. Состоится от Пелопониса, или моря, Македониею, Фессалиею; ея же столный град есть Фессалоника. Гради Константин град, Александриа, Пелла, Стагира, Аполониа и прочее. ||

Осерка^ж винная.

Далмация, пеша, или славенская страна, иначе же Илирик наречена, далече простирается, даже до Италии, при боце моря Адриатского даже до Македонии. Имеет же под собою страны: Албанию, Кроацию, Боснию. Гради Спалафон, Рагоза, Скутарь и прочее. В гербе представляет три лвы главы коронованны.

л. 251 об.

Девятка^и винная.

Сицилия, пеша. Треугольный и плодовиный остров, недалече отстоит от Неаполи, состоится 173-ми градами, от них же именитыя Панорм, Месана, Сиракуса. Того острова славныя горы суть Етна, иже горит, Гибел. Ближнии острови суть Сардиния и Корсика, Балеаридес. Из них же два болшия и меншия, та же Мальта, Крит или Кандия, Еврив, Родос, Лезва, Хий, Дилос и инии меншия острови.

^б Буква Ш подписана более слабыми чернилами.^в Буква С доб., в ркп. нет.^г Буква С подписана более слабыми чернилами.^д Буква В доб., в ркп. нет.^ж Буква О подписана более слабыми чернилами.^и Буква Д подписана более слабыми чернилами.

Десятка^а винная.

Италия^б, пеша. Вертоград Европы есть преизобилнейший, Альпийскими горами и морем Адриатическим огражден. Грады Рим, Флоренция, Падуа, Парма, Пиенция, Мантуа, Медиолан, Генуа, Касале и прочее. Реки суть Пад, Тибер, Арна, Минтиа, Тикин || и прочая.

ж. 252

Хлоп^в.

Франция, нижшая. Рубежи имать с Немецкою и Испанскою землями. Многоплодная зело и многолюдная. Страны ея суть Франция, Пикардия^д, Нормандия, Лангнедокция, Провинция, Делфинат, Бургундия, Кампания, Пиктон, Британия и прочее. Грады Лютеция, или Париж, Ротомаг, Аврелиа, Лугдунь, Блеис. Андегав, Товрон, Рупела и прочее. Реки суть Секвана, Легер, Гарумна, Родан и прочее.

Крاليا^е.

Испания, вышшая. Ниже многоплодием, ниже множеством народа обилует. От французеской земли горами Пиринейскими разделена, от другия же страны морем окружена. Кралевства ея суть Кастилия, Валентия, Мурция, Граната, Андалузия, Португалия, Алгерия, Галеция, Легио, Астурия, Бискайя, Квипискоа, Наварра и прочее. Грады суть Мадрид, Лисбона, Барселона. Реки суть Таг, Ивер, Дурий. ||

ж. 252 об.

Краль^ж винной.

Европа меньшая есть, но преславнейшая и изящнейшая часть вселенныя, яко плодоносия ради, тако крепости и благородия доля своих народов, паче же и для благочестия христианскаго и изрядных художеств и учений тамо цветущих. Положена есть ко стране северной под студеным и благо-разтворенным небесным поясом.

° О п и с а н и е к а р т ч е р в о н е й °

Туз^з.

Кастела золотая, в Новом свете ко северу положена есть недалече от Перу и Попаян. Неплодная земля есть, кроме изобилнейшия золотыя руды, тамо же доволне и излишне обретаемыя. Именити тоя страны гради суть имя божие Панама и прочее, где обейм Америкам место ужайшее есть.

Двойка^с.

Попаян, пеш. Земля гориста есть, между же горами Удолия плодоноснейшая, иже лежат от Кастели золотыя даже до Перу. Попаян ограждена морем даже до юга. Грады Попаян Лоспастос, Гоанака, Картагена, Арма, Квинбая, Граната нова. Реки суть || святая Магдалина, святая Марфа и прочее.

ж. 253

Тройка^т.

Брасилия, пеша. Плодоноснейшая страна есть между двумя великама рекама, Марагноном и Среброносною. Ко западу Брасилия имать порубежну Перу, ко востоку же морем ограждена есть. Тамо же растет велие изобилие краснаго древа сандала. Гради столнии суть того же острова Фернамоук, Капо, святой Августин и Спаситель.

Четвертка^ч.

Хили, пеша. Зело плодоносная есть житом и ягодами^ф. При мори дель Зур, или Тихом; порубежие имать ко северному Перу и ко полуденному Патагов, тамо же многи обретаются горы, снегом белеющиеся.

^а Буква Д киноарная. ^б Буква И киноарная. ^в Буква Х киноарная. ^д Испр., в ркп. Пикардия. ^е Буква К киноарная. ^ж Буква К киноарная. ^з Написано киноарная. ^с Буква Т киноарная. ^т Буква Т киноарная. ^ч Буква Ч киноарная. ^ф Испр., в ркп. ягодам.

Гради суть святого Диага, Гвасиа, Ивнаота, Араука, Хили и прочее. Патагоны суть люди высоки, в высоту полторы сажени. ||

Пяторка^а.

л. 253 об.

Квивива, пеша, или Новая Альбиония, благовоздушная и плодоносная страна есть, порубежная Мексику. Недалече от королевства Аниан и Толян, Конибас, Тотонеа, Нова Граната и Калифорния.

Шестерка^а.

Гвайана, пеша. Во многих местех песочная и неплодная, по другую страну новья Гишпаниа положена. Тамо есть прехвальное озеро Парим, иже в долготу имать 300 миль. И иным именем Амазонская земля нарицается, где из именитых рек получи едино имя. Хвальная ради святого Фомы острова и Париа река.

Семерка^а.

л. 254

Иукатан, пеша. Остров есть на мори северном, точию в неких местех плодоносен. Недалече от страны Гватимала плодоноснейшия. Острова ближнии суть Куба, Испаниола, Иоанн, Маргарит, Иемайка. И инии меньшии, по именитых дней, в них же обретени суть болшая часть их именованная. ||

Осерка^а.

Флорида, пеша. Остров есть довольно пространный, простираетца ко отоку Мексиканскому, и сице порубежен есть к западу с Мексиканом и ко северу со Виргиниею. Варварским народом обитанный. Реки Рио-пеко, река великая, Гарумна, Харента, Лигер, Аксона и прочее.

Девятка^а.

Виргиния, пеша. Хворостная, и некими реками наводнена есть, но немало обитанная простирается, от главы святыя Елены даже до Римберга, при брезе моря Севернаго. Сему прилежат Новая Франция. Гради Пасквенек, Цефан и прочее. Реки Ока, Цип, Номопан, Неус и прочее.

Десятка^а.

Нова Франция, пеша, или Новая Французская земля. Содержит в себе страну Канаду. Положена есть при реце святого Лаврентия. Исполнена лесом и не зело плодоносная. Пределы ея противолежат Новья земли и трудныя земли, и Естотилиндиум. ||

Хлоп^а.

л. 254 об.

Мексика, нижшая, или новая Гишпаниа, прекраснейшая страна всея Америки есть, простирается ко северу, от моря Чермнаго даже до потока морскаго Мексикана и до острова Юкатана. Гради суть Мексикон, столица наместника краля Гишпанскаго, та же Тескуръ, и инии, и стенами древяными ограждени.

Краля^а.

Перу, вышшая. Земля всех богатейшая ради златыя и сребрянныя руды. Простирается от Попаян даже до Бразилии. Положена есть при брезе моря Южнаго. Гради Куско, или Инкас, столица королевская, Квитон, Лима и прочее. Гора Потозис ради златых руд своих прехвальнейшая, земля есть песочная.

Краль^а. Америка, четвертая часть вселенныя отсюду от 160-го лета изобретеная, попросту реченная Индия Западная, ко западу солнца лежит. Разделена на два пространныя острова, из них же нарицается едина Америка Мексикана, или Северная, вторая Америка полуденная, или Перуана, простирается чрез вся поясы небесныя. ||

^а Буква П киноарная.

^б Буква Ш киноарная.

^в Буква С киноарная.

^г Буква О киноарная.

^д Буква Д киноарная.

^е Буква Д киноарная.

^ж Буква Х киноарная.

^з Буква К киноарная.

^и Буква К киноарная.

л. 255

Описание^{IIa} карт жлудовыхМосква^б, туз.

Пространнейшее государство есть, порубежное морю Татарскому, великим царем московским обладаетя, и множайшия княжества во Азии положены суть, хладныя и многоводныя. Некия же во Европе положены суть и Доном рекою разделяются. Стольный град есть Москва и прочее. Реки суть Днепр, Волга, Дон, Двина, Ока и прочее.

Двойка^в. Тартария, пеша. Между положена есть океану восточному и хладному. Содержит Скифию и Сармацию, где Кавкас гора зрится и пристанищу моря Хвалинского. Гради Камбалу, Самарканда и прочее. Реки Ра, или Волга, Тетарь. Началник тоя страны великий хан нарицается.

Тройка^г.

Сирия, пеша. Кралевство плодоносное между Тавра горы и Евфрата реки положено, пределы касающееся Аравии пустынной и Египту. Разделена на Адиавенскую страну Палмирену, Комагену и Палестину. Под нею же суть Идумея, Иудея, Самария, Галилея и Финикия. Гради ея суть Иерусалим, Сидон, Тир и прочее. Реки Тигр, Евфрат, Иордан. ||

Четвертка^д.

л. 255 об.

Аравия, пеша. Тройственная обретається, ея же части недалече от себе отстоят. Между отоками моря Арапскими и Перскими. Сице яко едина Аравия Петрея, сиречь каменистая, другая же благополучная, откуда кадило, касию и корицу привозят; третья пустая порубежная Халдейской стране и пропасти Тигра реки.

Пятерка^е.

Армения, пеша. Себе простирает от Ефрата даже до моря Каспия, или Хвалинского и горы Кавкас. Содержит в себе Менгрелию и Грузинскую и обе Армении. Разделяется в Туркоманию и Грузинскую, Пегиян и Бозох. Реки суть Фасис, Кирус, Араксис и вершина рек Тигра и Евфрата.

Шестерка^ж.

Магор, пеш. Начало есть восточныя Индии, между Гангою и Индою реками. Бисером и многоценным каменем изобилуема. Ея же кралевства суть Делий, Мандао, Санга, Китор, Аракан, вся сице именованная от столных своих градов суть. ||

Семерка^з.

л. 256

Нарсингия, пеша. Плодовитая есть зело Индии часть есть от верх горы Коморина, даже до недра моря Бенгале простирается. Гради Нарсингу, Бизмага, Малябар, Орикса, Бенгала, Малепур, Кампое, Камбанела, столица кралевская, Гоа, португалской остров есть Камбоя остров и град того же имени есть.

Осмерка^и.

Пегу, пеша. Кралевство во Индии плодоноснейшее есть, прилежащее при реце Ганги и границе китайской. Стольный град нарицается Пегу. Подобне его же владетелю поддании бяху Силн и Малак. В сие же время кралевству португалскому под владением подлежит.

Девятка^к.

Хина, или Китай, пеша. Состоит от 15 плодоноснейших стран. От Тартарии превысокими горами и стеною долгою друг другою сопряженною определена. Сие государство наводняется океаном восточным. Хинстии людие остроумнии и хитрии суть, но от татар под иго работы и подданство поможени суть. ||

^{IIa} Буква О киноарная. ^б Буква М киноарная. ^в Буква Д киноарная.
^г Буква Т киноарная. ^д Буква Ч киноарная. ^е Буква П киноарная.
^ж Буква Ш киноарная. ^з Буква С киноарная. ^и Буква О киноарная. ^к Буква Д киноарная.

Десятка⁴.

Суматра, пеша. Иным именем⁴ Тапробона нарицается, содержит многия восточныя острова и разделяется в неких кралевствах, яже суть Малдиге, Зейлян, Бонеум, Великая и Малая Ява, Молукце, Филиппине, Иапанум, иже острови. 53 кралевичи възпитают. Столный град их есть Меако.

Хлоп⁴.

Персия, нижшая. Государство великаго Софи, положено есть между турским и татарским обладанием, порубежное Индие и недру моря Персидскаго. Его же страны суть Мидия, Сусиана, Месопотамия, сиречь Междоречие, Парфия, Иасания, Бактриана, Паропамиса, Дрангиана, Касмания. Реки Кир, Камбисис, Тигр, Аракс, Ефрат. Гради Тевриз, Испогань, Вавилон, Осмус и прочее.

Кралиа⁹.

Турская земля, вышшая. Иначе именованая Анатолия, или Асия Малая. Земля зело плодоносная, положена есть между Чермным морем и рекою Евфратом. Содержит Вифинию, Фригию, Ликию, Галатию, Памфилию, Каппадокию, Киликию. Реки суть Алис, Скамандр, Ксанф, Каин, Енрик и Меандр и прочее. ||

Краль⁴.

Асия, третья часть вселенныя, положена ко солнца сиянию под поясом благовоздушным. Некия же хладныя страны объемлет, еже обаче плодоносит валсам, кадило и иныя благоухания; та же бисер, алмазы, из них же народися великое купечество, яко явно есть содевают.

О п и с а н и е⁹ к а р т з в о н к о в ы х

Туз⁶.

Варвария есть земля благовоздушная, себе простирающая при брезе Белаго моря даже до потока морскаго Гадис, или Стрето де Гибралбар, сице именован от Гибала некоего Африкана, иже первый в сия страны Гишпанския прииде. Гради суть Тунес, Алгер и иная некая места. Разбойником обитанная и турскому послушанию предана.

Двойка⁴.

Мавритания, пеша, или Тингибания. Место веселое и по земли качеству плодоносная есть, средняя между Атланта горы и Белаго моря. Под собою имать кралевство Мавроканское и Феслское. Их же столнии гради теми же имены наричени суть. Мавроканское содержит Хеам, Сусан, Гузулам, Дукалам, Госкаран и Тедлетен. ||

Тройка⁹.

Нумидия, пеша. Ныне нарицаемая Биледульгерид, сиречь земля финиконосная. Положена под колом Небеснаго Рака. Сего ради тепла есть, зело суха и немного обитанна есть. Прилежит Атланту горе и Египту, с другия же страны Ливии пустой. Под собою содержит Тельсетум, Сегед месан, Себум и прочее. Отгуду же привозится мрамор светлый.

Четверка⁶.

Ливия, пеша. Древле Сарра, сиречь пустая, нарицаемая песочная, и гориста земля есть, лишаемая источников. От египетския реки Нила, и от кралевства Гаге простирающаяся даже до моря владения Гвалате и недалеце от моря Атлантскаго положена, ко северу порубежную имать Нумидскую страну ко полудню Мавританскому.

⁴ Буква Д киноарная. ⁴ Слово именем вписано на полях слева; в рук. временем.
⁹ Буква Х киноарная. ⁹ Буква К киноарная. ⁹ Буква К киноарная.
⁹ Буква О киноарная. ⁹ Буква Т киноарная. ⁴ Буква Д киноарная. ⁶ Буква Т киноарная. ⁶ Буква Ч киноарная.

Пятерка[†].

Нигритания, пеша. Земля Нигританская, сиречь арапов черных или от Нигры реки, сиречь черныя именованныя, или от черных своих жителей. Положена есть под поясом знойным; в неких местех обитанная; обладаема четырьми кралми, иже суть Гуалат, сиречь краль от Турбута, от Барна и от Гоага, состоит же 25-ю владением. ||

л. 258

Шестерка.

Конго, пеш. Положен есть в нижней Эфиопии ко Египетскому морю, разделен на 6 стран, нарицаемых противу шести своих столных градов, яже суть Бамба, Сонгум, Санде, Панго, Бата и Бемба. Недалече от Конго обретается кралевство Ауголе.

Семерка.

Зингибар, пеш. Содержит кралевство Мелинда, Мунбазам и Мозамбик ко востоку. Из сих же стран множайшия под Португалским державством[‡] суть. Прочия же должни суть дани давати португалом.

Осерка.

Египт, пеш. Зело плодоносен есть. От Сиены простирается даже до Александрии, идеже Нил на два потока сам себе разделяет и шестми устии в море Белое впадает. Ко востоку порубежную Египет иматъ Арапскую пустую землю, к западу же наводняется морем Белым. Столный град его Каир или Мисирь нарицается.

Девятка.

Арапская земля Троглодицкая, пеша. Неплодная и пустая есть, прилежащая Чермно[‡] морю и ко Египту. Междо кола Небеснаго Ракова и черты равноощныя, иное имя Аеман нарицается того ради, яко морем препоясана есть, и потоки морския недра Арапскаго Палестину наводняют, от неких Асий сочисляются. ||

л. 258 об.

Десятка.

Медера, пеша. Остров есть зело плодоносный, в нем же родится сахар. Прочии же острови океянову Атлантику Канарии суть; иным же именем^{‡‡} нарицаются острови благи, яко суть вечернии острови; Мадагаскар, или остров святаго Лаврентия, и остров святыя Елены, и неции инии острови дале равноощнаго круга лежащии со другия страны Африки.

Хлоп.

Монопотапа, нижняя. Того государства велия часть от Эфиопии есть, сице именованная от своего столнаго града, краля Монопотапскаго. Кровавнейшия брань противу краля Абиссинскаго творит, глаголют. И под своею властью держит кралевства Торам и Бутуам, Накафрис, где гора приморская реченная Благая надежда есть. Столный град есть Беномотакса.

Кралиа.

Ефиопская вышшая земля, иначе именуется земля прето Яни, сиречь попа Иванна, или Асвицанская земля, во вышняя и нижняя разделяется, юже мы именуем южная страна. Простирается же от единого кола небеснаго даже до другаго, от Арапскаго недра морскаго даже до акиана. Под собою иматъ многия кралевства, их же имена немногих неких оставльших чиновне последуют. ||

л. 259

Краль.

Африка, вторая часть вселенныя, ко полудню. Болшая часть ея под поясом знойным, или вместо средняго и теплейшаго круга земнаго положена есть. Ея же страны вмале не что неплодны суть, кроме пристанища над Окианом и иными некими местами. Народи суть черни, жолти и бледни. Многия иматъ звери ядовиты.

(ГБЛ, Вологодское собр., № 170, л. 250—259).

[†] Бульва П киноварная.

[‡] Так в ркп.

[‡] Так в ркп.

^{‡‡} Испр. писцом, первоначально было временем.

Д. Н. БРЕЩИНСКИЙ

Житие Корнилия Выговского как литературный памятник и его литературные связи на Выгу

1

К числу памятников старообрядческой литературы начала XVIII в., обойденных вниманием литературоведов, относится Житие инок Корнилия Выговского. Житие это существует только в рукописных списках и до сих пор не опубликовано.¹ Оно известно в двух редакциях — простой и риторически украшенной.² Вторая основана на первой и является ее переработкой в духе выговской литературной школы.³ Полное заглавие 1-й редакции в списках — «Повесть душеполезна о житии и жизни преподобного отца нашего Корнилия, иже на Выге реце» (л. 48).⁴ 2-я редакция

¹ В основу данной статьи положено подготовленное мной критическое издание текста 1-й редакции памятника — неопубликованная докторская диссертация «Житие инок Корнилия Выговского, написанное Пахомием. Исследование и тексты» (Вандербильтский университет, США, 1975). Материалы для этой работы я собрал в Советском Союзе, куда ездил по научному обмену между США и СССР. Неоценимую услугу оказал мне при разыскании рукописей руководитель Древлехранилища ИРЛИ (Пушкинского Дома) АН СССР ныне покойный В. И. Малышев.

² Мне известен 31 список простой (первоначальной) редакции Жития Корнилия (для удобства располагаю списки в алфавитном порядке, по архивам и собраниям; отрывки, неполные списки, переработки и сокращенные варианты отмечены звездочкой). БАН: 21.11.5; 33.20.1*; собр. В. Г. Дружинина, № 211 (старый № 254), 976*, 991; ГБЛ: собр. Е. В. Барсова (ф. 17), № 280; ГИМ: собр. И. А. Вахрамеева, № 78; ГПБ: Q.I.153; Q.I.401; Q.I.1075*, Q.I.1076*; Q.I.1081; собр. П. П. Вяземского, Q.III; ИРЛИ: Карельское собр., № 38; Керженское собр., № 30; Красноборское собр., № 123; Мезенское собр., № 8, 31; Пинежское собр., № 173, 381; Причудское собр., № 14; Северодвинское собр., № 106*, 144*; Усть-Цилемское собр., № 42, 52, 66*; Усть-Цилемское новое собр., № 193; колл. Амосова—Богдановой, № 105*; колл. Ф. И. Каликина, № 71; Отдельные поступления, р. IV, оп. 24, № 22*; Ростовский музей церковных древностей, № 158. Позднейшая, украшенная редакция Жития представлена меньшим числом списков; я насчитываю их 19. БАН: собр. В. Г. Дружинина, № 13, 18 (согласно приемной описи БАН, эти два списка в собрании Дружинина больше не числятся), 31 (старый № 51), 160 (старый № 196), 182 (старый № 221), 211 (старый № 254), 1108; собр. Ф. А. Каликина, № 87; ГИМ: собр. А. И. Хлудова, № 270; ГПБ: Q.I.121; Q.I.1062; Q.I.1078; собр. СПб., ДА, № 33; собр. А. А. Титова, № 1159; ГПБУ: собр. митрополита Макария, № 32, 75; ИРЛИ: Верхнепечорское собр., № 106*; собр. ИМЛИ, № 41; колл. В. Н. Перетца, № 521*.

³ О выго-лексианском литературном центре см.: В. Г. Дружинин. Словесные науки в Выговском поморской пустыни.— ЖМНП, 1911, июнь, с. 225—248 (далее: Дружинин. Словесные науки).

⁴ Здесь и далее цитаты из первоначальной редакции Жития приводятся по списку ИРЛИ, Усть-Цилемское собр., № 52, л. 48—88 об., с указанием в скобках листа рукописи. Из всех имеющихся в моем распоряжении списков 1-й редакции этот список наиболее исправный и, как показывает текстологический анализ, лучше других отражает архетип. Передача текста Жития в цитатах соответствует правилам, принятым в ТОДРЛ. См.: Р. П. Дмитриев. Проект серии монографических исследо-

озаглавлена «Житие инока Корнилия, иже подвизася добрым подвигом и течение сконча в пустыни Выгорецкой, в пределах Олонца града».⁵ Обе редакции, как правило, сопровождаются добавочными статьями: 1-я — повестями о Никоне, которые принадлежат разным авторам,⁶ 2-я — традиционными рассказами о чудесах, творимых Корнилием.

Автор первоначальной редакции указан в послесловии к Житию. Это инок Пахомий, келейник и ученик Корнилия. Год написания Пахомиевой редакции неизвестен. По некоторым косвенным данным можно предположить, что она сложилась где-то в пределах 1723—1727 гг.⁷

Вторая, литературная редакция возникла в 1731 г. Об этом сообщается в самом Житии. Однако автор этой редакции не указан. По свидетельству Григория Яковлева, бывшего выговца, написавшего «обличение» на своих старых друзей, Житие Пахомия переработал Трифон Петров, уставщик Выговского «общежительства» и ученик его первого «киновиарха» (настоятеля) Андрея Денисова.⁸

В риторическом предисловии ко 2-й редакции Жития Корнилия (текст 1-й редакции начинается без всякого вступления) сказано, что она написана по просьбе «ученика онаго блаженнаго мужа» (т. е. Пахомия), вручившего автору житие, «вкратце простою народною беседою писанное».⁹ Стилистически эти два произведения очень отличаются друг от друга, но фактическая канва у них одна и та же: они сходятся в основных данных биографии святого.¹⁰ Как материал первичный и стоящий ближе к истокам литературного процесса, сначала нас будет интересовать редакция Пахомия. Однако следует учесть, что ее влияние на старообрядческую литературу Выга было меньшим, чем влияние ее более поздней литературной переработки, но об этом ниже.

2

Так как встречающиеся в «расколоведческой» литературе XIX в. пересказы Жития страдают неизменной односторонностью, необъектив-

ваний-изданий памятников древнерусской литературы.— ТОДРЛ, т. XI. М.—Л., 1955, с. 495—496.

⁵ БАН, собр. В. Г. Дружинина, № 31 (старый № 51), л. 439.

⁶ Все эти повести о Никоне известны по изд.: В. Н. Перетц. Слухи и толки о патриархе Никоне в литературной обработке писателей XVII—XVIII веков.— ИОРЯС, 1900, т. V, кн. 1, с. 123—190 (далее: Перетц).

⁷ В Житии, в частности в пророчествах Корнилия в конце произведения, есть намеки на исторические события этих лет. Так, Корнилий предупреждает Андрея Денисова, что «будут спросы и вопросы от царя» (л. 77 об.), — намек на вопросы миссионера иеромонаха Неофита о вере, предложенные выговцам в 1723 г. Подробнее см.: В. Г. Дружинин. О Житии Корнилия Выгоустынского, написанном Пахомием.— ЖМНП, 1884, сентябрь, с. 10—11 (далее: Дружинин. О Житии Корнилия).

⁸ Григорий Яковлев. Извещение праведное о расколе беспоповщины.— Братское слово, 1888, т. I, № 7, с. 488. Позднейшая редакция Жития долго приписывалась брату Андрея Денисова Семену. На «прямое свидетельство, что это работа Трифона Петрова», впервые указал П. С. Смирнов в своей кн.: Внутренние вопросы в расколе в XVIII веке. Исследование из начальной истории раскола по вновь открытым памятникам, изданным и рукописным. СПб., 1898, с. ХСII, примеч. 160 (далее: Смирнов).

⁹ БАН, собр. В. Г. Дружинина, № 31 (старый № 51), л. 440.

¹⁰ Корнилий канонизован старообрядцами, день памяти его празднуется 30 марта (см.: Дружинин. О Житии Корнилия, с. 5, примеч. 1). О «мнимых мощех» Корнилия и Виталия, почитаемых старообрядцами, пишет Григорий Яковлев в «Извещении праведном о расколе беспоповщины» (Братское слово, 1888, т. I, № 6, с. 413). Между прочим, в «Виноград российский» Семена Денисова Корнилий не попал, так как это мученик, а Корнилий не кончил жизнь мученической смертью.

ностью изложения,¹¹ приведем вкратце его содержание по 1-й, Пахомиевской редакции. В ней без предисловий сообщается, что Корнилий (в миру Конон) родился на далеком Севере, на реке Тотьме, в семье земледельца. С детства он зачитывался житиями святых и, осиротев, почувствовал тягу к монашеству. Несмотря на уговоры своего двоюродного брата, который советовал ему «жену пояти», он отправился в Ветлужские леса к знаменитому аскету Капитону, надеясь, что тот примет его в свою общину. Но Капитон не принял молодого человека, ссылаясь на то, что он «юн еси», и направил его в монастырь Корнилия Комельского. Понаблюдав жизнь капитонцев, юный подвижник пошел в Корилиев монастырь и был там принят. В этом монастыре он провел 24 года, приняв постриг и став пономарем.

По смерти своего келейного отца Корнилий пошел по монастырям. Обойдя много городов и обителей, он оказался в Москве в бытность там патриарха Феофана Иерусалимского и «сподобился» стать его келейником. Корнилий видел, как Феофан благословлял двумя перстами, и слышал, как на соборе он предсказал будущее гонение на церковь. Затем Корнилий работал пекарем («хлебы печаше») — сперва у патриарха Московского Иоасафа, а потом в Новгороде, у митрополита Аффония, которого он сам и хоронил, так как Аффоний не хотел, чтобы его по кончине отпевал Никон. Корнилию неоднократно предлагали священство, но он всякий раз отказывался, не желая нести тяготы сана.

Приехав в другой раз в Новгород, Корнилий застал там митрополитом своего давнишнего знакомого, Никона. Когда соловецкий дьякон Пимен, бывший в то время в Новгороде, указал ему на то, что Никон благословляет «непотребно», тремя перстами, он перестал ходить к нему под благословение, и даже попытка Никона подкупить Корнилия, сделать его настоятелем монастыря, не возымела действия. Вернувшись в Москву, Корнилий получил должность тюремного надзирателя при патриархе Иосифе, следил за провинившимися «попами и дьяками», но эта работа была ему не по душе, и он вскоре оставил ее.

После Иосифа патриархом становится Никон. Вызвав из ссылки Арсения Грека и устроив его книгосправщиком в Печатный дом, он вводит свои новшества. Начинается предсказанная Феофаном Иерусалимским церковная «смута». Ее предвещает пророческий сон монаха Чудова монастыря Симеона (о змее, обвинившемся вокруг царской палаты) и вещей сон самого Корнилия, которому приснились два человека, «благообразный» и «темнообразный», спорящие в церкви об обрядах: побеждает «темнообразный», сторонник никоновских реформ. Ревнителю старины вспоминают (в связи с видением Симеона) предречение патриарха Феофана, а позже созывают совет, на котором «дерзновенно» обличают Никона (за что многие из них впоследствии поплатились жизнью).

Чтобы избежать преследований, Корнилий вместе с Досифеем, игуменом Никольского Беседного монастыря, уходит на Дон. Через три года он снова возвращается в Москву и позже находит убежище в Ниловой пустыни. Следует рассказ о «явлении» Корнилию преподобного Нила,

¹¹ См., например: [А. Н. Муравьев]. Раскол, обличаемый своею историею. СПб., 1854, с. 80—81. Часто пересказы Жития, датируемые прошлым веком, сообщают сведения о Корнилие выборочно, освещая, таким образом, разные этапы его биографии неравномерно (см., например: Дружинин. О Житии Корнилия, с. 3—5). Самый подробный пересказ Жития 1-й редакции, представляющий его беллетризованное переложение на современный язык, сделан писателем С. В. Максимовым в его «Рассказах из истории старообрядства по раскольничьим рукописям» (СПб., 1861, с. 5—38). Подробнейший пересказ 2-й редакции с цитатами из Жития дан в кн.: А. Бровкович]. Описание некоторых сочинений, написанных русскими раскольниками в пользу раскола. СПб., 1861, ч. I, с. 169—180 (далее: Бровкович).

исцелившего его от тяжелого недуга, и вставная «новелла» о Гурии Хрипунове, в которой (по контрасту с предшествующим эпизодом) описывается страшная смерть Гурия, человека, отступившего от старого церковного обряда.

Согласно Житию, Корнилий укрывался в Ниловой пустыни 12 лет, служа по-прежнему пономарем. Но новый обряд проникает и туда. После бурной стычки с новым попом, присланным в пустынь с «нарочными», Корнилий вынужден был бежать. Начинаются его скитания по Северу, в олонецких пределах.

Некоторое время он живет на Кяткозере с Епифанием, будущим сподвижником Аввакума, деля с ним трудности пустынной жизни. Когда через два года «не с большим» Епифаний идет в Москву обличать царя, Корнилий остается: бог «извещает» его, что многие через него должны «спастись». Немного спустя к нему приходит посланник из Пустозерска, бывший иподьяк Никона, инок Филипп, с вестью о последней участи пустозерских узников. С Филиппом повторяется то же, что было и с Епифанием: он живет некоторое время с Корнилием, затем отправляется «на муки» один, и до Корнилия доходят слухи также и о его мученической кончине.

Преследования властей заставляют Корнилия постоянно менять местожительство: он переходит с озера на озеро, пользуясь услугами «христоролюбцев». «Верные» люди оберегают его в пути, так что в Каргополе, где игумен местного монастыря оставался верен «древнему благочестию», Корнилий мог даже безбоязненно спорить о вере с двумя московскими миссионерами (в Житии говорится, что один из них впоследствии кончил плохо: его затоптал собственный конь). Со многими другими старообрядцами, учениками Корнилия, власти расправлялись жестоко; в Житии передаются натуралистические подробности повсеместных казней. «Праведная жизнь» инока привлекает к нему учеников: мало-помалу вокруг него начинают собираться последователи, среди которых оказывается его будущий биограф Пахомий. Остаток своих дней Корнилий проводит на реке Выг.

В ряде ретроспективных рассказов, переданных со слов Корнилия Пахомием, повествуется о мальчишке Виталии, бывшем «болярине», который последние годы своей жизни провел с Корнилием на Выгу; о старообрядческом соборе в Москве, на котором решался вопрос о перекрещивании «никониан»; также о любопытных приключениях Корнилия во время его странствий (как на него однажды ночью напали разбойники и как он в непогоду заночевал у одной «уединенной вдовы»).

Слава Корнилия на Выгу возрастает, к нему стекается народ, местные крестьяне. Пространно рассказывается о том, чему Корнилий их учил, и говорится о строгих правилах его личной, повседневной жизни (напоминающей жизнь капитонцев, которой он в молодости не вкусил). Кончается Житие рассказом об основании Выговской старообрядческой пустыни. Корнилий предсказывает «общежителству» тяжелые времена и великое будущее и перед смертью, последовавшей в 1695 г., благословляет выговских руководителей (Даниила Викулина, Андрея Денисова и старца Сергия) на дальнейший подвиг.

Житие замыкается кратким послесловием, в котором сообщается, что автор «сего повествования» — инок Пахомий. Сообщается и о дальнейшей судьбе Пахомиева оригинала: инок передал рукопись своему другу, который хранил ее у себя много лет, переписав «на пользу слышащим» только в 1767 г. (В некоторых списках памятника¹² отсутствует

¹² Как показывает изучение списков, текст 1-й редакции представлен двумя вариантами — обстоятельство, которое раньше в исследовательской литературе не от-

последняя часть этой приписки, явно добавленная переписчиком, неизвестным другом Пахомия).

3

Рассматриваемое нами Житие интересно по многим причинам.

Во-первых, оно дает яркую картину жизни и деятельности одного из «столпов» старообрядчества, долгая жизнь которого прошла в бесконечных скитаниях и бегах «благочестия ради». Поскольку Житие написано со слов самого Корнилия его учеником, оно имеет значение первоисточника.

Во-вторых, очень велико историческое значение Жития. Как современник многих «русских патриархов и десяти царей от Ивана Грозного до Петра Великого включительно»,¹³ Корнилий был свидетелем, а отчасти и участником крупнейших событий «неспокойного» XVII в., не последнее из которых по значимости — основание знаменитой Выговской поморской пустыни. Житие изобилует именами людей, оставивших свой след в истории русской церкви и государства.

В-третьих, как указывает В. Г. Дружинин, посвятивший Житию небольшую статью, оно «весьма интересно и по тем общеисторическим данным, которые попутно приводит Пахомий».¹⁴ Сюда Дружинин относит сведения о способе заселения северных пустынь раскольниками, о их быте и т. п.

Кроме того, в Житии отразилось отношение старообрядцев-поморцев, в среде которых оно и было составлено, к целому ряду обрядовых и догматических проблем, волновавших старообрядческий мир в первое время его существования; Житие помогает уточнить их идеологию.

Все эти вопросы так или иначе уже затрагивались в научной литературе: как источник сведений о расколе в разных его аспектах Житие Корнилия неоднократно привлекалось учеными дореволюционного времени. Однако как литературный памятник, имеющий свои художественные особенности и свою рукописную традицию, оно остается почти совершенно не изученным. Не выяснены взаимоотношения сохранившихся списков Жития (до сих пор не было даже неполного их каталога), не опубликован его текст, не исследованы еще его язык, стиль и композиция. Между тем изучение этого памятника с литературоведческой точки зрения представляет несомненный интерес.

Сразу следует оговориться, что в поэтику древнерусской литературы Житие Корнилия не привносит ничего принципиально нового. Хотя каноническое вступление в нем и отсутствует, оно остается в рамках столь хорошо усвоенной на Руси житийной традиции, на которую лишь

мечалось. Один вид текста («основной») отличается относительной простотой языка и стиля. Списки этого вида делятся на ряд групп, каждая из которых обладает характерными, только ей присущими чтениями. К источнику протографа одной из них восходит архетип второго («особого») вида, который заметно литературно обработан (но намного меньше, чем редакция Трифона Петрова!) и местами распространен. Приметное отличие «особого» вида от «основного» составляет развернутое описание собора старообрядцев о переkreщивании: в «особом» виде крупные добавления, цель которых — теоретически обосновать постановление собора (делаются ссылки на конкретные религиозные догматы и церковные правила). Списки этого вида монолитны и мало различаются между собой. Кроме «основного» и «особого» вида 1-й редакции существуют еще сокращенные разновидности текста, возникшие независимо друг от друга и представляющие собой его позднюю модификацию, однако для выяснения литературной истории Жития они не имеют особого значения. Подробнее вопросы текстологии рассматриваются мной в диссертации (см. наст. изд., с. 127, примеч. 1).

¹³ С. А. Зеньковский. Русское старообрядчество. Духовные движения семнадцатого века. München, 1970, с. 455.

¹⁴ Дружинин. О Житии Корнилия, с. 12.

накладывается старообрядческая проблематика. Однако историк литературы не может пройти мимо даже и незначительного «литературного факта», не определив его места в общем литературном процессе; ¹⁵ тем более нельзя оставить без внимания интересующее нас Житие, произведение хотя и не новаторское, но весьма своеобразное. Уже одно то, что оно пользовалось у старообрядцев большой любовью, говорит о многом. На старообрядческом Севере это Житие имеет давнюю письменную традицию, известно в большом числе списков и переписывалось там еще в начале этого столетия. ¹⁶

Житие содержит ряд ярких сцен, по своей смелости и бытовому колориту близких некоторым рассказам Киево-Печерского патерика: пономарь Корнилий, отстаивая старый чин богослужения в Ниловой пустыни, ударяет по голове кадилом «со углем разженным» «никонианского» попа, после чего Корнилия избивают пришедшие со священником служилые люди, «яко и крове тещи в церкви» (л. 62); запоздалый путник Корнилий останавливается на ночлег у одной «уединенной вдовы», которая понуждает его «на дело блудное» (л. 71 об.—72), и он с трудом сдерживает себя. Не нарушая житийного этикета, эти напряженные картины живых человеческих страстей, эти бытовые детали придают всему произведению большую колоритность — то, с чем мы встречаемся, уже в развитом виде, у Аввакума.

Несколько необычной для агиографии является тема постоянных странствий святого, его скитальческий образ жизни. На протяжении всего повествования Корнилий не столько борется со злом, сколько, пожалуй, пытается от него уйти. «Традиционный» житийный скитник, тоже «спасающий свою душу» вдали от людей, как правило, добравшись до цели, уже не оставляет «схиму», а замаливает свои грехи или же совершает какой-нибудь монашеский подвиг на месте. Если такое типичное монашеское житие по степени «подвижности» святого можно назвать статичным, то Житие Корнилия, напротив, очень динамично. ¹⁷ Легкого на подъем героя читатель все время застает где-нибудь в пути на новое поселение, так что едва успевает уследить за его похождениями. Слова «и пойдох в путь свой» (л. 51), встречающиеся в начале Жития, служат как бы его лейтмотивом. Перечень географических названий во второй половине повествования возрастает словно в геометрической прогрессии, отчего Житие местами читается как путеводитель по северным окраинам тогдашней России.

Непоседливость Корнилия только отчасти можно объяснить внешними условиями: он и до гонений «на церковь Христову» много ходил по монастырям. Следует учесть и то, что, согласно старообрядческому преданию, святой скончался в глубокой старости, 125 лет от роду. ¹⁸ Естественно,

¹⁵ См. замечания по этому поводу Ю. Тынянова в предисловии к сборнику работ его учеников «Поэзия XIX века» (Л., 1929, с. VII).

¹⁶ В общей сложности мне удалось установить существование полсотни списков Жития Корнилия обеих редакций (см. выше, примеч. 2). Укажем для сравнения, что Житие Аввакума (включая автографы, отрывки и переработки) известно в 57 списках (см.: Н. С. Демков а. Житие протопопа Аввакума. Творческая история произведения. Л., 1974, с. 12—66). Само собой разумеется, что наш перечень нельзя считать полным. Дальнейшие поиски непременно приведут к открытию новых рукописей с Житием, тем более что некоторые фонды по сей день активно пополняются, о чем свидетельствуют публикуемые в ТОДРЛ отчеты о ежегодных экспедициях сотрудников Пушкинского Дома на Север.

¹⁷ Этой же терминологией пользуется А. Н. Робинсон, противопоставляя «статичному» Житию Епифания «динамичное» Житие Аввакума. См.: А. Н. Р о б и н с о н. Жизнеописание Аввакума и Епифания. Исследование и тексты. М., 1963, с. 83 (далее: Робинсон).

¹⁸ Это явно «округленное» число не следует принимать на веру. Смерть праведника, наступающая в глубокой старости, традиционна для монашеских житий и яв-

что более чем вековые события жизни, сведенные в рамки небольшого по объему Жития, легко могут создать калейдоскопическое впечатление. Как бы то ни было, склонность Корнилия к странствованию — факт весьма любопытный, в психологическом плане сопряженный с решительным отказом святого от каких бы то ни было «конфронтаций» с врагом и непротивлением злу. Когда, например, в Новгороде Никон предлагает Корнилию игуменский сан, стараясь этим склонить в свою пользу своего старого знакомого, избегающего теперь ходить под его трехперстное благословение, тот «глаголя всего себе недостойна быти и уклонися от него» (л. 55). Он не спорит с Никоном, не пытается его обличить. Если Аввакум в жизни готов был за свою правду взойти на костер,¹⁹ то Корнилий предпочитает спастись «ото лжи» бегством. Только раз, в Ниловой пустыни, он активно выступает в защиту старого обряда, да и то по наущению «скитских отцов», которые подбивают его на сопротивление новшествам.²⁰

Такая сюжетная схема — ряд эпизодов, иногда довольно красочных, нанизанных на нить странствий главного героя и объединенных только его личностью, — придает Житию беллетристический характер, делает его произведением не только поучительным, но и занимательным. По такому же принципу строятся плутовская повесть и авантюрно-любовный роман.²¹ В какой-то мере, чисто внешне (без всякого, конечно, взаимовлияния или внутреннего родства) сюжетная схема Жития Корнилия (как, впрочем, и некоторых старообрядческих житий вообще)²² обличает его с приключенческими повестями типа «Истории о российском матросе Василии Кориотском», имевшими в то время большое хождение на Руси. И тут и там герой много странствует, и тут и там он встречается на своем пути со множеством разных людей — и все это при полном отсутствии связной фабулы. Неважно, что житийный канон не допускает любовной интриги и что странствующий герой ищет спасения, а не новых приключений; неважно, что часть эпизодов в Житии рассказывается ретроспективно от лица самого Корнилия уже после того, как он на Выгу «покой

ляется такой же этикетной формулой, как и его рождение от благочестивых родителей или чрезмерная слезливость. (О литературном этикете см.: Д. С. Л и х а ч е в. Поэтика древнерусской литературы. Л., 1967, с. 84—108). Впрочем, хотя мы и не знаем дату рождения Корнилия (в Житии она не указана), нет причины сомневаться в долголетию старца, тем более что, согласно его биографии, он видел патриарха Иерусалимского Феофана, приезжавшего в Москву в 1619 г., — как раз тогда, когда патриархом Московским был провозглашен Филарет.

¹⁹ Житие Корнилия является одним из немногих источников, подтверждающих, что Аввакум был именно сожжен. См.: В. И. М а л ы ш е в. Две заметки о протопопе Аввакуме. — В кн.: Из истории русских литературных отношений XVIII—XX веков. М.—Л., 1959, с. 350.

²⁰ Я не принимаю в расчет прения Корнилия с православными миссионерами Филофеем и Сергием, присланными в Каргополь из Москвы, так как Каргополь был в то время одним из центров раскола и посланцы ничего не могли сделать Корнилию, «по-неже обороняли его посадские» (л. 66 об.).

²¹ Интересный разбор структуры приключенческой повести дан в кн.: Е. М и i г. The Structure of the Novel. New York, [1969], p. 7—40; а также в кн.: Истоки русской беллетристики. Возникновение жанров сюжетного повествования в древнерусской литературе. Л., 1970, с. 3—30.

²² Схема странничества и приключенческий элемент вообще присущи некоторым старообрядческим житиям. Чтобы в этом убедиться, достаточно вспомнить полный приключений побег Ивана Неронова (в монастыре Григория) из Кандагажского монастыря, куда его сослал Никон, а также вынужденное странствие Аввакума в Сибирь со всеми его перипетиями; Неронов и Аввакум — оба переносят жестокие побои за свою веру: так быт и историческая действительность исподволь проникают в житийную литературу. См.: Записка о жизни протопопа Ивана Неронова с 1653 по 1659 год. — В кн.: Материалы для истории раскола за первое время его существования, т. I. Под ред. Н. И. Субботина. М., 1875, с. 137—139; Житие Григория Неронова, составленное после его смерти. — Там же, с. 283, 284; Жизнеописание Аввакума. — В кн.: Робинсон, с. 147—160.

жизни сея соверши» (л. 68 об.), а люди, о которых повествуется, — не вымышленные персонажи, а реальные исторические лица; от этого структура произведения не меняется.

Нет ничего общего между языком Жития и складом речи повестей петровского времени. Новые культурные веяния не ощущались еще в старообрядческом Поморье, и язык Жития совершенно свободен от варваризмов и кáлек, которыми пестрит та же Повесть о Василии Кориотском. Это язык, тяготеющий по своему лексическому составу к книжному языку допетровского времени, но сохраняющий при этом народный, просторечный склад, который местами напоминает «вяканье» Аввакума, редко, впрочем, достигая образности и пословичности последнего. Совершенно по-аввакумовски звучат, например, ласковые слова Никона, обращенные к сторонящемуся его Корнилию: «Корнильюшко, чесо ради ко благословению не ходиши? И хоцещи ли — сотворю тя игуменом в Древенской монастырь?» (л. 55).²³ Язык рукописей, сохранивших текст памятника, свидетельствует о разрушении в поморской письменности XVIII—XIX вв. старославянских форм, которые в ряде случаев путаются и искажаются писцами; в языке Жития ощутимо также и влияние форм и словообразований севернорусских наречий.²⁴

4

В связи с вопросом о стиле Жития Корнилия любопытно проследить становление житийного жанра на Выгу.

Как отмечалось выше, Пахомиевская редакция Жития, написанная в 20-е гг. XVIII в. относительно простым языком и достаточно богатая бытовыми и психологическими деталями, была вскоре (к 1731 г.) переработана выговцем Трифоном Петровым согласно всем правилам византийской риторики. Язык новой редакции выпренный, сугубо книжный; по стилю своему она близка к литературным переделкам древнерусских житий Пахомия Логофета XV в. Очень показательны в этом отношении то, что в заглавии она названа «житием», в то время как редакция Пахомия называется «повестью»: это понятия жанровые. Трифон Петров не только внес в биографию Корнилия поучительно-риторический элемент, но и придал ей каноническую трехчастную форму (вступление, главная часть, заключение), снабдив пространством предисловием, в котором, между прочим, присутствует и традиционный самоуничижительный мотив авторского «худогласия». Все изложение Трифон Петров разбил на главы. Некоторые эпизоды жизни Корнилия им начисто устранены,²⁵ а повести

²³ Этот эпизод несколько смягчает суровый облик Никона, обычный для старообрядческой литературы. Сходное изображение патриарха находим в «Записке о жизни протопопа Ивана Неронова с 1653 по 1659 год». См. комментарий к этому Н. И. Субботина в кн.: Материалы для истории раскола. . . , с. 134—135.

²⁴ Например, замена в местном падеже единственного числа имен существительных женского рода окончания «-е» окончанием «-ы» («на Лексы», «при нужды»); использование слова «нодья» или «нудья» (зимний костер для обогрева и приготовления пищи: «. . . жили в забеге недель 6 у нудьи» — л. 67 об.) и т. п. О языке севернорусских рукописей см.: В. В. Колесов. Различительные особенности языка и письма в севернорусских рукописях из собрания Пушкинского Дома. — В кн.: Рукописное наследие Древней Руси. По материалам Пушкинского Дома. Л., 1972, с. 337—371.

²⁵ Так, в состав этой редакции не вошли рассказ о видении Симеона (мотив царской палаты, обвитой змеем), вставная новелла о вероотступнике Гурии Хрицунове, сообщение о прениях Корнилия с православными миссионерами в Каргополе, а также три ретроспективных эпизода, поведанных Корнилием Пахомию (они читаются в первоначальной редакции Жития один за другим, образуя как бы единый комплекс): 1) известие о старообрядческом соборе в Москве, 2) нападение на Корнилия разбойников и 3) его искушение «удеинной вдовой».

о^т Никоне, обычно помещавшиеся в конце первоначальной редакции (но не принадлежащие перу Пахомия), заменены традиционным отделом «чудес». ²⁶ Таков общий путь развития древнерусских памятников житийной литературы — от черновых записок о подвижнике к «правильной», риторически украшенной агиографии. ²⁷ В данном случае это была сознательная архаизация текста, основанная на стремлении выговских старообрядцев во всем держаться старины; а отдел «чудес» заменил собой антиниконовские повести потому, что на данном этапе важнее было прославить «новоявленного» святого, чем продолжать клеймить старого врага.

Каковы же литературные связи Жития Корнилия 2-й редакции с другими сочинениями выговских книжников? В первую очередь обратимся к развернутой биографии Елифания, созданной на основе его известной автобиографии, ²⁸ и к «Истории Выговской пустыни» Ивана Филиппова.

Выговская переработка автобиографии Елифания встречается в рукописях почти всегда в комплексе с Житием Кирилла Выговского (Виданского). Эти два пространные, выдержанные в высоком стиле произведения образуют как бы единый «Кирилло-Епифаниевский житийный цикл»: ²⁹ они имеют взаимно перекрещивающиеся сюжетные линии, дополняют друг друга тематически и обнаруживают большое текстуральное сходство. Примечательно, что роль, которая отведена в Житии Елифания иноку Кириллу, очень велика. Совершенно очевидно, что эти произведения писались одним и тем же лицом или же группой лиц — теми, кто хорошо знал жизнь обоих иноков. Еще В. Г. Дружинин высказал предположение, что в создании житий Кирилла и Елифания участвовал выговский историк Иван Филиппов. К такому заключению ученый пришел на основании изучения почерков «авторского» сборника, содержащего жития. ³⁰ Он также обратил внимание на то любопытное обстоятельство, что в старообрядческой рукописной традиции эти жития ассоциируются с Житием Корнилия 2-й редакции; если в «авторском» сборнике его еще нет, то в позднейших сборниках житий Кирилла и Елифания «к ним присоединяется обыкновенно Житие инока Корнилия, написанное Т. Петровым», ³¹ образуя своеобразный литературный триптих.

²⁶ По поводу повестей о Никоне В. Г. Дружинин пишет: «Мы не видим никаких указаний на принадлежность этих статей перу Пахомия. В Житии, помятая о себе, Пахомий всегда приводит и свое имя „аз Пахомий“ в единственном числе. Здесь же — „Поведа нам той же отец Корнилий“ — и „Поведаше отец Корнилий, яко слыша от словесцев старцев“ — и „Еже отец Корнилий слыша и нам поведа, чадом своим“» (Дружинин. О Житии Корнилия, с. 11, примеч. 5). См. также: Смирнов, с. ХСII, примеч. 160.

²⁷ В. О. К л ю ч е в с к и й. Древнерусские жития святых как исторический источник. М., 1871, с. 360 и др.

²⁸ Робинсон, с. 116.

²⁹ Термин Н. В. Понырко, посвятившей этим до сих пор не изданным житиям статью «Кирилло-Епифаниевский житийный цикл и житийная традиция в выговской старообрядческой литературе». — См.: ТОДРЛ, т. ХХIX. Л., 1974, с. 154—169 (далее: Понырко).

³⁰ Этот сборник (БАН, собр. В. Г. Дружинина, № 999; у Дружинина он числился под № 17) писался разными почерками и несколько раз правился. Как установил Дружинин, один из основных пластов правки принадлежит перу Ивана Филиппова, причем более поздние списки житий учитывают эту авторскую правку («... так исправлять текст мог только автор»). См.: В. Г. Д р у ж и н и н. Несколько автографов писателей-старообрядцев. СПб., 1915, с. 40).

³¹ В. Г. Д р у ж и н и н. Несколько автографов писателей-старообрядцев, с. 10, примеч. 1. Примером рукописи, содержащей все три жития, служит сборник БАН, собр. В. Г. Дружинина, № 1108; сборник состоит только из этих трех житий. Как указывает М. Н. Сперанский, «форма сборника была особенно любимой в старообрядческой письменности» (М. Н. С п е р а н с к и й. Рукописные сборники XVIII века. Материалы для русской литературы XVIII века. М., 1963, с. 115).

Связь между Житием Корнилия и Кирилло-Епифаниевским житийным циклом в рукописной традиции не случайна. Как отмечает исследовательница цикла Н. В. Понырко, одно из его слагаемых — биография Епифания — почти дословно повторяет ту часть Жития Корнилия, где рассказывается о двухлетнем совместном жительстве этих пустынников на Кяткозере. Почти в тех же выражениях, что и в Житии Корнилия, Епифаний призывает своего друга идти с ним в Москву на обличение царя, но после 40 дней молитвы и поста «Корнилию. . . извести бог, да пребудет в пустынях подвизаяся, яко мнози хотят, рече, чрез онаго в познание истинны приити»,³² и Епифаний отправляется в путь один (заметим мимоходом, что и в данном случае Корнилий проявляет свою всегдашнюю пассивность). Текстуальная близость житийных фрагментов бесспорна — ясно, что один основан на другом. Необратимая зависимость Жития Епифания от Жития Корнилия доказывается очень просто: в Житии Епифания фрагмент распространен за счет упоминания инока Кирилла, а «у поморского автора не было никаких оснований считать упоминание Кирилла недопустимым или нежелательным».³³ В самом деле, в Житии Корнилия Епифаний идет к царю с челобитной прямо от Корнилия, в Житии Епифания он приходит на Кяткозеро с Суны реки, от старца Кирилла (деталь, которой в Житии Корнилия нет), и затем снова возвращается к Кириллу на Суну реку, перед тем как отправиться в Москву. Очевидно, что Трифону Петрову Кирилл еще не был известен «как авторитет, равновеликий Корнилию»,³⁴ как не были ему известны и некоторые другие биографические подробности, имеющиеся в житиях цикла. Из этого следует, заключает Понырко, что зависимость текстов может быть только такова: от Жития Корнилия к Житию Епифания. Это, кстати, позволяет исследователю «дать нижнюю границу для времени возникновения Кирилло-Епифаниевского цикла — 1731 год» (дата составления 2-й редакции Жития Корнилия).³⁵

Н. В. Понырко констатирует также связь между Житием Корнилия и «Историей Выговской пустыни» Ивана Филиппова.³⁶ На эту связь в свое время указывал еще А. И. Бровкович.³⁷ Иван Филиппов уделяет Корнилию как одному из основателей Выговской пустыни немало места в первых главах «Истории».³⁸ Между «Историей» и Житием легко установить текстуальные параллели, а в том месте, где говорится о пророчествах Корнилия насчет будущего пустыни, старообрядческий историк прямо ссылается на свой источник: «Но сие все оставляю читателем известно ведати и списанное его отеческое житие читати».³⁹ Нельзя сомневаться

³² БАН, собр. В. Г. Дружинина, № 999, л. 103. См. также: Понырко, с. 167. Там же читает соответствующий отрывок из Жития Корнилия 2-й редакции (ГПБ, Q.1.1062, л. 27): «Корнилий же извести, да пребудет в пустынях, подвизаяся, яко мнози хотят чрез онаго в познание истины приити».

³³ Понырко, с. 167.

³⁴ Там же.

³⁵ Там же.

³⁶ См.: И. Ф и л и п [п] о в. История Выговской старообрядческой пустыни. Изд. Д. Е. Кожанчикова. СПб., 1862. Как напоминает В. Г. Дружинин, «уже И. Ф. Нильский указал, что самая История начинается лишь с XIX главы издания на с. 76, а все предыдущие главы составляют совершенно самостоятельное произведение, которое он приписывает перу С. Денисова» (Дружинин. Словесные науки, с. 3).

³⁷ Бровкович, с. 203—204.

³⁸ Организаторская роль Корнилия, собственно, ограничилась благословением Даниила Викулова, Андрея Денисова и других собравшихся на Выгу пустынножителей на создание «общего жития»; Семен Денисов с отцом прибыл в пустынь в 1697 г., уже после смерти Корнилия. См.: П. Г. Л ю б о м и р о в. Выговское общежитие. Исторический очерк. Москва—Саратов, 1924, с. 22—24.

³⁹ И. Ф и л и п [п] о в. История Выговской старообрядческой пустыни, с. 123.

в том, что сведения о Корнилии, как и некоторые другие факты, приводимые в «Истории», Иван Филиппов почерпнул из Жития.

Понырко, рассматривающая Кирилло-Епифаниевский цикл в свете литературных связей на Выгу, приводит как пример заимствования из Жития Корнилия главу «Истории», которая называется «О отце Виталии Московском». Эта глава явно основана на рассказе Корнилия об известном молчальнике. В обеих редакциях Жития (Понырко цитирует только 1-ю) рассказ этот передается почти одинаково; в «Истории» же он обрастает новыми подробностями, «тяготеющими» (и это важная деталь) к Кирилло-Епифаниевскому циклу: в частности, у Ивана Филиппова роль Кирилла заметно возрастает.⁴⁰ Это обстоятельство, как и некоторые другие, о которых мы здесь не говорим, заставляет исследовательницу признать справедливим предположение Дружинина, высказанное им на основании одних палеографических данных, что автор «Истории» также участвовал в создании житий Кирилла и Епифания.

Таким образом, ключ к разгадке авторства Кирилло-Епифаниевского цикла отчасти кроется в Житии Корнилия: Житие послужило одновременно источником отдельных мотивов и в жизнеописании Епифания (жительство Корнилия и Епифания на Кяткозере), и в «Истории Выговской пустыни» (Повесть о Виталии и о самом Корнилии), причем и тут и там эти мотивы были дополнены сведениями об иноке Кирилле. В обоих случаях приемы обработки заимствованных материалов совершенно одинаковы, что свидетельствует о принадлежности их одному и тому же лицу — Ивану Филиппову, историку Выговской пустыни и ее третьему киновиарху.

5

Жизнеописание Корнилия было не только хорошо известно в Поморье в 1830-х гг., когда создавался Кирилло-Епифаниевский житийный цикл и «История Выговской пустыни», но и свободно использовалось при составлении новых произведений, прославляющих деятелей старообрядчества. Еще одним подтверждением популярности Жития Корнилия в Поморском крае служит анонимная «Повесть о рождении и воспитании и о житии и кончине Никона, бывшего патриарха Московскаго и всея России».⁴¹ «Повесть», как известно, была написана на Выгу.⁴² В ней сообщается легенда (содержащаяся и в Житии Корнилия обеих редакций) о том, что митрополит Новгородский Аффоний, умирая, запретил погребать свое тело Никону. Указан и источник этой легенды: «О сем убо поведи старожителный инок Корнилиий, живый при упоминаемем Авфонии митрополите, иже трудами постничества своего тело свое удручивый в Выговской пустыни, крыясь от новолюбителей, преставися в лето 7203 [1695], имый от рождения своего 113 лет, во иночестве пребыв 95 лет».⁴³ Не подлежит сомнению, что составитель «Повести» почерпнул эти сведения из Жития Корнилия, откуда списал и саму легенду. И на этот раз мы имеем дело со 2-й редакцией Жития, ибо именно в ней указывается, что старец скончался в возрасте 113 лет, прожив в монашестве 95 (согласно первоначальной редакции, эти сроки соответственно 125 и 107 лет).

⁴⁰ Понырко, с. 164—166.

⁴¹ Издание текста (по списку ГПБ, Q.I.1058) см. в кн.: А. К. Б о р о з д и н. Протопоп Аввакум. Очерк из истории умственной жизни русского общества в XVII веке. Изд. 2-е, доп. и испр. СПб., 1900, Приложения, с. 145—167. По тому же списку, но не полностью текст «Повести» издан в кн.: Перетц, с. 177—190.

⁴² См.: Смирнов, с. СХII.

⁴³ А. К. Б о р о з д и н. Протопоп Аввакум, Приложения, с. 148.

В «Повести» есть еще три отрывка, явно заимствованных из Жития Корнилия. Сразу же вслед за легендой о погребении Аффония повторяется эпизод (на который мы уже раз ссылались), где Корнилий вновь приезжает в Новгород, теперь уже к митрополиту Никону, не подозревая, что его старый знакомый «антихрист есть»; предупрежденный соловецким черным дьяконом Пименом об угрожающей ему опасности, Корнилий отказывается от благословения Никона и уходит в Москву к патриарху Иосифу.⁴⁴ Немного ниже в «Повести» следует эпизод о ночном видении старца Чудова монастыря Симеона, которому в связи с приездом в Москву митрополита Никона приснилось, «якоб змий велик зело пестр, и страшен видением, обогнувся около царския грановитыя палаты»;⁴⁵ а еще ниже — о ревнителях старины, которые (как и в Житии Корнилия) вспоминают предречение патриарха Иерусалимского Феофана: «. . . егда же возвадычествует тезоименитая пособителю альфа, тогда по всей великой России богоугодныя и спасительныя отеческия чины и обычаи и уставы и предания церковныя применятся. . . и будет гонение велие на христианы, держащия древлецерковное благочестие».⁴⁶ Любопытно, что даже последовательность изложения всех этих эпизодов в обоих произведениях одинаковая, причем в жизнеописании Корнилия они следуют один за другим почти без перерыва (между первыми двумя и последними — только краткая заметка о том, что Корнилий служил тюремщиком у патриарха Иосифа). Хотя очевидно, что составитель «Повести» пользовался Житием позднейшей редакции, также совершенно ясно, что он имел под рукой и список первоначальной редакции, так как приводимый им фрагмент о видении Симеона отсутствует в переделке Трифона Петрова. Эта двоякая зависимость «Повести» от обеих редакций Жития Корнилия ранее исследователями не отмечалась.

Когда именно была написана «Повесть» о Никоне — неизвестно, но ее очевидная связь с датированным Житием Корнилия позволяет установить нижнюю границу времени ее создания. А. И. Бровкович, давший подробное описание этого произведения, пишет: «. . . из содержания повести видно, что сочинитель имел у себя под руками „Виноград российский“ и „Житие инока Корнилия“ (Бровкович имеет в виду 2-ю редакцию, — Д. Б.), и заимствовал из этих двух сочинений не только сведения, но нередко и выражения. Из этого можно заключить с достоверностью, что повесть написана не ранее 1731 г., в который составлено „Житие инока Корнилия“. . . ».⁴⁷

⁴⁴ Там же.

⁴⁵ Там же, с. 150. Ср. текст Жития Корнилия (1-й редакции): «Тогда в Чюдове монастыре некому старцу, святу мужу именем Симеону, яви бог в нощи видение сиево: змий великий пестрый и страшен зело и обогнувся около царских полат. . . » (л. 55 об.). Интересно отметить, что образ змея, особенно любимый старообрядцами и встречающийся в бесчисленных вариантах на старообрядческих миниатюрах, фигурирует также во второй из статей о Никоне, приложенных к Житию Корнилия 1-й редакции: во время богослужения, совершаемого Никонем, змий обвивается вокруг шеи патриарха, покаясь на его плечах (см.: ИРЛИ, Усть-Цилемское собр., № 52, л. 79 об.).

⁴⁶ Там же, с. 156. Ср. текст Жития Корнилия (1-й редакции): «Когда будет у вас в Росии царь с первыя литеры, сиречь со аза, — при том применятся вся чины и уставы церковныя. . . и гонение велие будет на церковь Христову» (л. 56). Исследователь легенд о Никоне В. Н. Перетц, конечно, не прав, когда пишет, что в «Повести» «о предсказании патр. Феофана — ни слова» (Перетц, с. 148). В изданном им тексте «Повести» опущена ее последняя часть, в которой как раз и приводятся слова Феофана (см. выше, примеч. 41).

⁴⁷ Бровкович, с. 184. Кстати сказать, этого обстоятельства не учел П. С. Смирнов, а вслед за ним и В. Н. Перетц: оба исследователя на основании одних исторических данных указывают 1716 г. как наиболее ранний срок, когда могла быть написана Повесть (см.: Смирнов, с. СХІ; Перетц, с. 177).

6

В литературе уже ставился вопрос о возможном влиянии Жития Корнилия еще на одно старообрядческое произведение — «Сказание о страданиях и скончании священномученика Павла, епископа Коломенского»,⁴⁸ с которым связан рассказ о тайном совещании старообрядцев в Курженском монастыре.⁴⁹

Говоря в «Расколе на Дону» о похождениях Досифея, друга Корнилия, с которым тот бежал на Дон, В. Г. Дружинин указывает на участие неуловимого игумена в одном старообрядческом соборе. Ученый поясняет: «Мы разумеем собор, бывший у расколоучителей в Москве по поводу споров о перекрещивании никониан (о нем в Житии Корнилия, ркп. имп. Публ. библиотеки Q.I.141, л. 167 об.).⁵⁰ Отсюда, вероятно, заимствовал сведения об этом соборе автор сказания «О страданиях и кончине Павла Коломенского» и перенес место собора в Курженскую обитель.⁵¹ В данном случае идет речь о 1-й редакции Жития Корнилия, так как во 2-ю известие о совещании старообрядцев в Москве не вошло.

К предположению Дружинина, что «Сказание» заимствует данные о соборе из Жития Корнилия и переносит место действия из Москвы на Север, в Курженскую обитель, следует относиться очень осторожно. Между двумя источниками имеется, правда, некоторое чисто внешнее сходство: и тут и там никоновские новшества предаются анафеме, и тут и там собор выносит постановление крестить вторично приходящих от великороссийской церкви и крещенных по новому обряду, в связи с чем и в «Сказании» повторяются отдельные выражения, встречающиеся и в Житии. Параллельных конструкций в обоих памятниках не так уж и много, и все они объяснимы аналогичностью ситуаций.⁵² На этом, собственно, кончается сходство текстов, расхождений же гораздо больше, и они отнюдь не ограничиваются местом действия. Так, если в Житии упомянуто 9—11 участников собора (число зависит от разновидности памятника), то в «Сказании» названо 16 лиц, четверо из которых — все высшие иерархи церкви⁵³ — лично не присутствуют, но присылают на собор свои грамоты. В Житии имена этих иерархов вообще не упоминаются. Из оставшихся участников Курженского собора только о троих (наиболее известных) говорится в обоих произведениях (Досифей, Аввакум и Лазарь). Если еще можно допустить, что автор «Сказания»⁵⁴ приписал имена иерархов

⁴⁸ Текст «Сказания» и другие повести о Павле Коломенском см. в изд.: С. А. Белокуров. Сказание о Павле, епископе Коломенском. — ЧОИДР, 1905, кн. 2, отд. IV, с. 41—46.

⁴⁹ Как указывает П. С. Смирнов, рассказ о соборе в Курженской обители составляет самостоятельное произведение, которое в рукописях обычно непосредственно следует за «Сказанием», однако эти памятники мы здесь не разграничиваем (Смирнов, с. 050—051).

⁵⁰ Заметим ошибку Дружинина: список значится у него здесь под № 141, тогда как на самом деле он пользовался списком ГПБ, Q.I.401, на который сам раньше ссылался, что подтверждается и пагинацией рукописи.

⁵¹ В. Г. Дружинин. Раскол на Дону в конце XVII века. СПб., 1889, с. 74, примеч. 35.

⁵² Приведем наиболее яркий пример такого сходства (сначала дается выдержка из Жития (1-я редакция), затем — из Сказания): «И вси присудиша купно, что никониянское крещение за крещение не вменяти, и по апостольским и соборным правилом повелеваша паки совершенно крещати второе» (л. 71); «. . . соборне всяко рассудивше и по правилом апостольским и отечским. . . уложивша. . . приходящих от тоя (всероссийской церкви, — Д. Б.) весьма покрещевати и рукоположение тех не в рукоположения положиша, но второе рукополагати таковыя. . .» (С. А. Белокуров. Сказание о Павле, епископе Коломенском, с. 45).

⁵³ Это епископ Павел Коломенский, митрополит Макарий Новгородский, архиепископ Маркелл Вологодский и епископ Александр Вятский.

⁵⁴ «Сказание» приписывается Андрею Денисову. См.: Смирнов, с. 051.

от себя, для «вящей убедительности», то трудно предположить, что, основываясь на житийном рассказе о соборе, он исключил бы из числа его участников самого Корнилия, который, согласно Житию, тоже присутствовал на соборе и впоследствии поведал о принятых на нем решениях своему жизнеописателю Пахомию. Далее, если на «повестке дня» Московского собора стоит вопрос о «никонианском» крещении, а в одной из разновидностей текста Жития также обсуждаются и другие конкретные догматы православия, подлежащие на основании церковных правил «отложению», то на Курженском соборе к вопросу о крещении прибавляется вопрос о хиротонии, а о прочих церковных новшествах говорится лишь в общих выражениях, и конкретные догматы не перечисляются, равно как и правила, на основании которых эти догматы надлежит отвергать.⁵⁵ Наконец, в «Сказании» соборное уложение торжественно скрепляется подписью собравшихся и утверждается самим Павлом Коломенским, а также указывается дата собора (1656 г.) — подробности, которые в Житии совершенно отсутствуют.

Все это, конечно, не исключает возможности заимствования, но делает ее весьма сомнительной. Скорее всего, «Сказание» возникло независимо от Жития и основано на слухах о раннем старообрядческом соборе, в какой-то степени повлиявших, может быть, и на рассказ Пахомия.

7

Подведем итоги. Мы отметили историческое значение интересующего нас памятника, с этой точки зрения уже отчасти рассмотренного в специальной литературе, а также указали на некоторые его литературные особенности, еще не обратившие на себя внимания исследователей, в частности на свободную повествовательную структуру Жития, связанную со скитальческой жизнью Корнилия. Мы также остановились на вопросе о литературных связях памятника на Выгу, на выяснении той роли, которую он сыграл в развитии выговской старообрядческой письменности. Как мы убедились, первоначальная редакция Жития Корнилия проработала сложный путь на старообрядческом Севере и через свою книжную переработку оказала воздействие на ряд других историко-биографических памятников, вышедших из скрипториев выго-лексинского литературного центра. Житие хорошо знали на Выгу и охотно прибегали к нему при составлении новых произведений как церковно-назидательного назначения (биография Елифания), так и церковно-обличительного (антиниконовская «Повесть»). Вошло оно и в обширный исторический труд Ивана Филиппова, который на основе житийных данных дает довольно ясное представление об «основоположнике» Выговской пустыни.

Подробное изложение литературной истории Жития Корнилия, основанное на сличении всех текстов и идейно-художественном их анализе, выходит за пределы настоящей работы: нам важно было лишь отметить сам факт, что сочинение Пахомия принесло литературные плоды. Следует, однако, сказать, что в стилистическом отношении оно стоит несколько особняком. Если не считать анонимного автора «Повести о рождении и воспитании. . . Никона», которая тоже написана довольно простым языком,⁵⁶ Пахомий как писатель не нашел себе подражателей среди со-

⁵⁵ Интересно отметить, что в старообрядческих кругах циркулировало самостоятельное «Определение» Курженского собора, представляющее собой литературную подделку, основанную на «Сказании» о Павле Коломенском; см. об этом: Н. И. И в а н о в с к и й. Измышленный старообрядческий собор. Разбор раскольнической рукописи. — Православный вестник, 1882, январь, с. 168—169.

⁵⁶ Подробнее об этом см.: Бровкович, с. 184.

братьев по перу: все они пошли по пути, указанному братьями Денисовыми, по пути Выговской литературной школы, окончательно сложившейся к 30-м гг. XVIII в.⁵⁷ Вся литературная продукция Выга, включая переделку Жития Корнилия, принадлежащую Трифону Петрову, осемена печатью книжной учености и византийской риторике. Труд Пахомия потому-то и нуждался, по мнению выговских книжников, в переработке, что он не соответствовал их литературным вкусам и представлению о житийном жанре.

В старообрядческой письменности имя Корнилия встречается и вне Жития, еще до его создания, — в «Отразительном писании о новоизобретенном пути самоубийственных смертей» инока Евфросина. На страницах своего трактата Евфросин полемизирует с неким аввой Корнилием, горячо бичуя последнего за его нерешительность выступить против самосожжения.⁵⁸ По предположению П. С. Смирнова этот «авва» и есть наш известный поморский инок (вспомним, что, согласно Житию, Корнилий действительно избегал «конфликтных ситуаций»)⁵⁹ Однако, по нашему мнению, трактат Евфросина, написанный еще при жизни Корнилия в 1691 г., не имеет никакого отношения к его биографии, в которой ни слова нет о «грях». Если же догадка Смирнова верна, то «Отразительное писание» может только послужить дополнительным источником сведений об этой несколько загадочной личности, не оставившей после себя письменного наследия и известной главным образом по добросовестному труду своего жизнеописателя Пахомия.

⁵⁷ Главный создатель школы Андрей Денисов, воспитавший целое поколение рифмов и книжников на Выгу, скончался в 1730 г.; см.: Дружинин. Словесные науки, с. 238.

⁵⁸ Х. М. Лопарев. «Отразительное писание о новоизобретенном пути самоубийственных смертей». (Вновь найденный старообрядческий трактат против самосожжения 1691 года). — ПДП, т. CVIII. СПб., 1895, с. 60—66.

⁵⁹ Смирнов, с. LXXVIII и 70.

Л. М. МОРДУХОВИЧ

Юрий Крижанич о «рабстве»

Основной целью деятельности Юрия Крижанича, как известно, было объединение славян, достижение ими независимости и обеспечение расцвета славянской культуры. Глубоко переживая иностранное порабощение южных и западных славян, Крижанич видел в Руси оплот их борьбы. В связи с этим в своем произведении «Политические думы» он выдвинул широкую программу преобразования Русского государства, предусматривающую развитие промышленности, земледелия, торговли и укрепление финансов.¹

В программе Крижанича отразилось наступление нового периода в русской истории, начавшегося в середине XVII в., периода, отмеченного антифеодальными народными восстаниями. Крижанич считал, что в этих условиях нельзя было воодушевить широкие массы населения на борьбу с захватчиками и одержать победу, не ликвидировав крепостничество в славянских землях, и прежде всего в России (он противопоставлял ей Голландию и Францию).² При этом Крижанич был убежден, что общественный строй обновленной России должен будет стать образцом для других славянских государств, и поэтому рассматривал необходимость заботы русского царя о своем народе как заботы о всех славянских народах.³

Большой интерес для уяснения вопроса об отношении Крижанича к крепостничеству представляет публикуемая нами впервые «политическая ересь 7», озаглавленная «Об работе (рабстве, — Л. М.), или Об хлаществу», которая содержится в рукописи главного произведения Ю. Крижанича «Политические думы». В прошлом веке П. А. Бессонов из 778 с. «Политических дум» опубликовал 465 (в двух частях) под произвольным названием «Русское государство в половине XVII века».⁴ В 1965 г. под названием «Политика» была заново опубликована часть этой рукописи, лишь в объеме первой части бессоновского издания (289 с.), которую А. Л. Гольдберг охарактеризовал как «законченное», «самостоятельное произведение».⁵ Уже П. Бессонов правильно рассматривал весь манускрипт

¹ См.: Л. М. Мордухович. Очерки истории экономических учений. М., 1957, с. 120—140.

² В Голландии крестьянство было искони свободным, а во Франции во второй половине XVII в. оно было уже юридически свободным (за исключением небольшой прослойки в восточных и отчасти северных районах страны), но пользовалось землей на основе цензивы или аренды.

³ Ссылки на опубликованный текст произведений Ю. Крижанича даются по изданию П. Бессонова «Русское государство в половине XVII века», ч. II. М., 1860, с. 70 (далее: Крижанич. Русское государство . . . , ч. II).

⁴ П. Бессонов. Русское государство в половине XVII века, ч. I, II. М., 1859, 1860.

⁵ Юрий Крижанич. Политика. Подгот. к печ. В. В. Зеленин. Пер. и коммент. А. Л. Гольдберга. Под ред. М. Н. Тихомирова. М., 1965; Л. М. Мордухович

как единое произведение и дал ему общее название. Лишь по независимым от него обстоятельствам он не смог довести публикации до конца. (Так же рассматривают рукопись Крижанича многолетний ее исследователь С. Белокуров, издатели «Политики», переведшие публикацию П. Бессонова на сербскохорватский язык, и другие ученые).⁶ О рукописи как цельном произведении свидетельствует работа над ней Крижанича, который все время стремился улучшить структуру своего труда в целом. По всей рукописи (на что указывает и В. В. Зеленин — автор статьи в новом издании «Политики»⁷) проходят сделанные Крижаничем вставки и дополнения с указанием о перенесении с конца ее в начало и наоборот целых параграфов и даже разделов.⁸

Первоначально ученый задумал начать свой труд с «политических ересей» (см.: ЦГАДА, ф. 184, № 1406). Работая над произведением, он меняет план и помещает «Раздел о политических ересьях и тайнах» на с. 149 рукописи. Всего им пронумеровано 15 «ересей». Затем, чередуясь с «ересями», идут разделы без нумерации. Первые пять «ересей» вошли в издание П. Бессонова.

Текст, предлагаемый вниманию читателя «Политической ереси 7», написанный по-латыни (лишь название дается не на латинском языке, но латинскими буквами), подготовлен и переведен для публикации нами. В Приложении к данной работе сначала публикуем текст латинского оригинала (с сохранением особенностей его пунктуации), а затем перевод. Этот небольшой, но весьма насыщенный глубокими идеями, очень сложный по содержанию материал может быть правильно понят лишь в связи с другими частями рукописи. В силу сжатости изложения, полемического характера, употребления автором термина «рабство» в разном значении отдельные положения в нем при формальном чтении могут быть легко истолкованы в духе защиты Крижаничем рабства вообще, и в частности в России.

Именно такая, как мы покажем ниже, ошибочная интерпретация публикуемого материала, противоречащая естественно-правовой концепции Ю. Крижанича,⁹ была дана В. Е. Вальденбергом¹⁰ и затем повторена А. Л. Гольдбергом.¹¹ Оба они лишь процитировали несколько начальных фраз из публикуемого ниже материала, к которым механически присоединили заключительные высказывания Ю. Крижанича, содержащие требование сохранить «закон рабства» для России и указание на его необходимость во всем мире.

Чтобы правильно раскрыть содержание публикации, прежде всего дадим общую характеристику текста. Крижанич ведет полемику «с немцами и поляками» по вопросу о рабстве. Вначале он доказывает несостоятельность и лицемерность утверждения, что в России рабство более жестокое, чем в Польше и в Германии. Он при этом выступает против рабства в социальном смысле, уточняя, как мы увидим, свою позицию в этом

в и ч. Новое издание «Политических дум» Ю. Крижанича.— Советское славяноведение, 1967, № 6, с. 75—78.

⁶ С. Белокуров. Из духовной жизни московского общества XVII в. М., 1902; Juraj Križanić. Politika, ili Razgovori o vladalaštvu. Uvod V. Bogdanov. Zagreb, 1947, и др.

⁷ В. В. Зеленин. Рукопись «Политики». — В кн.: Юрий Крижанич. Политика, с. 696.

⁸ Подробнее о работе Крижанича над рукописью см.: Л. М. Мордухович. Новое издание . . .

⁹ См.: Л. М. Мордухович. Политические взгляды Ю. Крижанича. — Правоведение, 1962, № 1, с. 111—123.

¹⁰ В. Е. Вальденберг. Государственные идеи Крижанича. СПб., 1912, с. 194.

¹¹ А. Л. Гольдберг. Юрий Крижанич о русском обществе середины XVII века. — История СССР, 1960, № 6, с. 79.

вопросе. В данной связи Крижанич употребляет термин «рабство» как тождественный русскому «холопство» и для обозначения статуса крепостного крестьянина. Объяснение следует искать в том, что оба этих термина пережили свое старое содержание: в средние века термином «раб» обозначался крепостной.¹² Затем Крижанич отстает «рабство» для всех стран мира в особом, политическом его значении, которое он противопоставляет анархии как ложно понятой «немцами и поляками» свободы. В этой последовательности мы и проанализируем публикуемый трактат, привлекая другие высказывания Крижанича.

Ученый-хорват восставал против системы крепостничества. Он считал недопустимым, что труд в России закрепощен, что никто не может свободно распоряжаться принадлежащим ему имуществом, и доказывал, что «истинная свобода там, где каждому можно пользоваться свободно своим трудом», где «всякий может свободно ужить своей работы и пота».¹³ Крижанич вменял в обязанность царю заботиться «всячески о процветании народа, и прежде всего, чтобы все жили безопасно и, как подобает свободному гражданину (*libere*), пользовались и наслаждались своим имуществом (*substantia*)».¹⁴ Он решительно заявлял: «... зла есть крепенность (несвобода)».¹⁵ Значительное число авторов (А. Брикнер, В. Ключевский, В. Святловский, югославский академик В. Богданов¹⁶ и др.) пришли к выводу, что Крижанич в числе общественных условий, в зависимость от которых он ставит увеличение богатства и рост населения, главное значение придавал свободе хозяйственной деятельности. Эта точка зрения нашла отражение и в недавно вышедшем сборнике, посвященном Крижаничу, в статьях И. Бадалича и З. Балетича, со ссылками на наши работы.¹⁷

Однако Крижанич допускал «кабальное рабство» и рабство «дворовых людей». Пояняя, что «кабальные — за деньги купленные рабы»,¹⁸ он при этом опирался на свой философский принцип о свободе воли,¹⁹ признавал только самопродажу в рабство и перепродажу именно таких, юридически добровольных рабов, и с этой позиции критиковал «немцев и поляков». В. Е. Вальденберг и А. Л. Гольдберг, приводя цитаты Крижанича о рабстве у немцев и поляков, игнорировали содержащееся в них его возмущение тем, что у этих народов в рабов стали превращать свободных людей, не продавших себя в рабство. Крижанич отмечает, что «у немцев и поляков никакой свободный человек не продает сам себя²⁰ в рабство другому и никакой хозяин не продает раба другому человеку одного, а разве лишь с домом и с землей». «Напротив, — подчеркивает он, — у

¹² Б. Д. Греков. Крестьяне на Руси, ч. II. М., 1954, с. 35.

¹³ Крижанич. Русское государство... ч. II, с. 41, 92; см. также с. 101. Б. Д. Греков указывает, что крепостное право «... есть право на принудительный труд крестьянина» (Крестьяне на Руси, с. 231).

¹⁴ Юрий Крижанич. *De providentia Dei*. — ЦГАДА, ф. 381, № 1757, с. 156.

¹⁵ Крижанич. Русское государство... ч. II, с. 102.

¹⁶ А. Брикнер. Иван Посошков, ч. I. СПб., 1876, с. 87; В. Ключевский. Курс русской истории, ч. III. М., 1937, с. 271; В. Святловский. История экономических идей в России, т. I. М., 1920, с. 48; Juraj Krizanić. *Politika*... s. 30.

¹⁷ См.: Л. М. Мордухович. Первый трактат о народонаселении в России. — Экономические науки, 1962, № 3, с. 92—101. См.: J. V a d a l i ć. *Gospodarsko-politički pogledi Jurja Krizanića*. — In: *Život i djeio Jurja Krizanića*. Zagreb, 1974, s. 166, 167, 169; Z. B a l e t i ć. *Politička ekonomija Krizanićeve «Politike»*. — *Ibid.*, s. 176.

¹⁸ Крижанич. Русское государство... ч. II, с. 311.

¹⁹ См.: Л. М. Мордухович. Философские и социологические взгляды Юрия Крижанича. — Краткие сообщения Института славяноведения, 1963, № 36, с. 61—84.

²⁰ Весьма характерно это подчеркивание «*se ipsum*» («сам себя»), а не просто «*se*» («себя»).

иудеев по их древнему закону, у римлян и у греков, как у язычников, так потом у христиан, свободные люди продавали себя в рабство²¹ и хозяева продавали рабов друг другу подобно тому, как теперь происходит у нас в России». ²² Тем не менее немцы и поляки без основания этот «наш обычай толкуют с ненавистью и бранят, именуя его нечестивым, весьма жестоким, противоречащим человечности и справедливости, ибо (по их словам) люди продаются за деньги, как скот». Они также неосновательно преувеличивают рабство, бедность и несчастье русских подданных и избражают русских хозяев «более жестокими, чем сами демоны». Больше того, во всех этих словах, заявляет он, кроется «изрядная ложь, обман и превратное толкование, чтобы не сказать святотатство».

Какие же аргументы приводит Крижанич?

Прежде всего он указывает, что «это рабство (когда свободный человек продает сам себя) было утверждено божественным законом, поэтому этот обычай не может быть назван жестоким, нечестивым, бесчеловечным. . .». А. Л. Гольдберг цитирует только данный аргумент и проходит мимо того, что им Крижанич оправдывает исключительно самопродажу в рабство, а не крепостное право вообще.²³

Крижанич, однако, не ограничивается этим аргументом. Далее он подчеркивает, что хотя у римлян, как теперь в России, «свободные люди также добровольно продавали себя», но в Риме они, в отличие от русских, «обрекали себя самому тяжелому ярму рабства, потому что, в соответствии с римскими законами, господа имели власть на жизнь и смерть своих рабов». Такая же жестокая власть сохраняется и остается в обычае у поляков.

Наконец, и это самое главное, пишет Крижанич, немцы и поляки лицемерно обвиняют нас в самом жестоким рабстве, чтобы обелить себя. Действительно, что можно сказать, когда у них без всякой самопродажи «свободный человек получает поле для обработки и таким образом скывает себя рабством». Крижанич ставит вопрос, каким образом свободные люди становятся рабами у немцев и поляков, и с возмущением разъясняет: «Приходит свободный человек к знатному и просит у него дать ему какой-нибудь земельный участок для обработки. Знатный предоставляет ему пустующую землю, чтобы тот, как подобает свободному гражданину и необременительно для своего живота, владел ею в продолжение трех, четырех и более лет. По истечении же этих лет упомянутый земледелец становится рабом того же знатного на самых жестоких условиях», неся в его пользу различные повинности, а именно: «Он должен дать господину определенную часть урожая хлебом, деньгами и другими различными видами дохода», а кроме того — «нести в его пользу повинности по извозу со своей телегой и лошадей, куда бы он его ни послал».²⁴ Вместе с тем

²¹ А. Л. Гольдберг же переводит это место так: «. . . свободные люди продавались в рабство другими», и этим искажает мысль Крижанича, констатировавшего исторический факт (см. ниже, примеч. 22). Признаваемый Крижаничем акт самопродажи он превращает в признание им принудительного акта продажи. Крижанич пишет «vendebant se homines liberi alijs», а не «vendebantur homines» и т. д., т. е. употребляет *imperfektum activum*, а не *passivum*.

²² По свидетельству Б. Д. Грекова, в России в середине XVII в. свободные люди заключали «судную подрядную», «договор о поступлении в крестьянство, в зависимое состояние от своего хозяина» (Крестьяне на Руси, с. 385, 386; см. также с. 380). В. И. Сергеевич отмечает, что в России в середине XVII в., как у римлян, свободный человек продавал себя на срок в рабство (Законы царя Хаммураби и Библия о невольных людях. — Журнал министерства юстиции, 1908, № 9, с. 1).

²³ А. Л. Гольдберг. Юрий Крижанич. . . , с. 79. Поэтому весьма характерно, что А. Л. Гольдберг опускает в приведенной цитате слова «свободный человек».

²⁴ В. И. Сергеевич указывает, что по германскому праву у немцев «рабом делался всякий свободный», который больше года «хотя бы на один день жил на господской земле» (Законы царя Хаммураби. . . , с. 1).

«арендатор» должен ежедневно посылать господину рабочего для обработки его полей, за что он не получает ни жалования, ни крошки хлеба. Но этим не ограничивается то «самое жестокое рабство», в котором немцы и поляки «действительно держат своих крестьян». Крижанич негодует на то, что они лишают их возможности «свободно переселиться на другое место». А если крестьянин уходит, то «господин может схватить его, где бы он ни находился, и вернуть к себе со всем имуществом, которым тот обладает», и «повесить его, не запрашивая судью».²⁵ Что же касается поляков, то у них поступают таким же образом «не только знатные, но даже духовенство», «за исключением только того, что обычно не убивают их, как это делают светские господа».

Итак, Крижанич считал совершенно недопустимым закрепощение крестьянства, за исключением того лишь случая, когда «свободный человек сам себя продает», так как такое рабство носило добровольный и временный характер в отличие от «естественного» рабства. Поэтому он подчеркивал, что, в отличие от рабства у немцев и у поляков, «это состояние не является рабским». Превращение же в раба немцами и поляками свободного человека насильственным путем и навечно, наличие права распоряжаться его трудом и имуществом, жизнью и смертью Крижанич резко клеймил и рассматривал как нарушение «общественной справедливости».

В другой работе Крижанич, намечая решить различные вопросы, относящиеся к правосудию, относил такое рабство к искаженной справедливости, называя его «бесплатным рабством». «Царь, — писал он, — не должен сам допускать и не должен позволять другим явного правонарушения (*iniuria* — «насилие»), например: бесплатную транспортную повинность и бесплатное рабство (*angarationes hominum servitutem*; разрядка наша, — Л. М.),²⁶ т. е. вечное рабство «от рождения».

Отрицая крепостничество как систему, решительно выступая против вечного рабства, Крижанич вступал в полемику с Аристотелем и отвергал его попытку обосновать правовое рабство теорией естественного права — рабством от природы. Он называл «нелепым» (*absurdum*) стремление древнегреческого философа доказать, «что все народы мира по естественному праву (*ex iure naturale*) должны быть подчинены грекам, поскольку они сами о себе думали, что греки мудрее всех от природы».²⁷

Развивая эту мысль в публикуемом трактате и не признавая по «естественному праву» рабства, Крижанич считал справедливым то, что польский лексикограф Кнапий прибавляет на основании слов юристов (т. е., согласно римскому праву, — Л. М.), а именно, что «рабство не порождается по естественному праву, а произошло из международного права или из права войны. Это значит, что после того, как народы сами начали вести войны, . . . впервые один начал брать другого в плен и обращать в рабство».²⁸

²⁵ Ф. Энгельс отмечал, что в Пруссии крепостное крестьянство было приведено в такое «унизительное состояние, подобного которому нельзя было найти даже в России», потому что, «как только крестьянин (прусская, — Л. М.) превращался в крепостного. . . этот последний юристами, исходившими из римского права, признавался к римскому рабу. . .» (разрядка наша, — Л. М.) (К. Маркс, Ф. Энгельс. Соч. Изд. 2-е. Т. 21, с. 250).

²⁶ Юрий Крижанич. *De providentia Dei*, с. 194.

²⁷ Юрий Крижанич. Политические думы. — ЦГАДА, ф. 184, № 1406, с. 557. Ранний идеолог буржуазии Ж. Боден (*J. Bodin. Les six livres de la République. Paris, 1583*) также был противником теории естественного рабства Аристотеля и требовал постепенной отмены рабства. Г. Гроций же, один из родоначальников теории естественного права, опирался на Аристотеля и заявлял, что «некоторые люди от природы рабы» (Г. Гроций. О праве войны и мира. Три книги. М., 1956, с. 129).

²⁸ «Римляне, — пишет В. И. Сергеевич, — видели в рабстве последствие войны. Победитель может убить побежденного, а если не желает убивать, он может заставить его работать на себя. Это и будет раб» (Законы царя Хаммураби. . . , с. 1).

Крижанич, конечно, не мог понять, что этот обычай возник из потребностей рабовладельческого строя. Но его заслуга в том, во-первых, что он отвергал изначальный характер рабства: «. . . первоначально не было так», и, во-вторых, отвергал и этот обычай в современную ему эпоху, относя его к числу «преступных мероприятий» (*consilium sceleratum*).²⁹ Крижанич указывал, что это такая же жестокость, как многоженство.³⁰

Отвергнув решительно принудительное рабство в социальном смысле, Крижанич применяет термин «рабство», касаясь вопроса обороны государства. Однако в этом случае под рабством он имеет в виду строгое и главным образом военное подчинение всех подданных монарху, но с обязательным условием обеспечения каждому отстаиваемого им принципа личной свободы.

Слово «рабство» в указанном смысле широко употреблялось в то время западноевропейскими авторами. Например, Т. Гоббсом, рассматривавшим рабов как подданных всемогущего государства.³¹ У Крижанича аналогичное требование беспрекословного повиновения государю вытекало из его политических взглядов, сводившихся к защите «самовладства», и обосновывалось им «неосознанным грехом» массы населения, т. е. недостаточным уяснением ею естественного права («урожных законов»), понимаемого ученым в духе зарождавшихся буржуазных политических учений и даже отчасти предвосхищавшего радикализм западноевропейских государственных теорий начала XVIII в. (Локк и др.).³² «. . . человеческая природа, — пишет Крижанич, — была испорчена грехом», поэтому «наилучший образ правления, всенародный мир и повиновение законам не могут быть сохранены без закона рабства». Далее Крижанич, приводя в обоснование своей мысли исторические факты из военной истории, о которых мы скажем несколько ниже, рассуждает следующим образом: для того чтобы человеческая природа «выполняла свою обязанность», ее «нужно принуждать». Однако, указывает Крижанич, «трудно и даже скорее невежественно вести войны там, где царь не может повелевать знатью, а знать — своими слугами, но где они должны просить». Дело меняется в том случае, когда все «являются рабами царя», находясь у него в строгом подчинении, так как тогда он имеет право из своего народа создавать в любом количестве войска и военачальников,³³ может держать «военные силы всегда наготове» и одерживать большие победы.

Развивая свою мысль, он критикует систему наемничества, существовавшую тогда в странах Западной Европы, и выступает сторонником национальной регулярной армии. Именно в этом смысле он разъяснял, что быть рабом царя своего народа дело славное и один из видов свободы. Но служить царю чужого народа — позорное рабство и величайшее несчастье.³⁴ Крижанич требовал отмены в России «ксенотаргии», под которой

²⁹ Юрий Крижанич. *De providentia Dei*, с. 170.

³⁰ Крижанич особое внимание уделял раскрепощению женщин. Он высказывался за их участие в общественном производительном труде и требовал, критикуя Аристотеля, юридического равенства женщины с мужчиной в брачной жизни. Это свидетельствует о смелости и широте взглядов Крижанича, которые не вмещаются в господствующие представления даже развитого буржуазного общества, ибо, как указывал В. И. Ленин, пока существует частная собственность на средства производства, для женщин нет свободы от привилегий по закону в пользу мужчин (см.: В. И. Ленин н. Полн. собр. соч., т. 39, с. 199, 286).

³¹ Т. Гоббс. *Левифан, или Материя, форма и власть государства*. М., 1936, с. 331.

³² См.: Л. М. Мордухович. *Политические взгляды Ю. Крижанича*, с. 111—123.

³³ Крижанич. *Русское государство*. . . , ч. II, с. 68—69.

³⁴ Л. М. Мордухович. *Из рукописного наследия Ю. Крижанича*. — ИА, 1958, № 1, с. 169, 185.

имел в виду не только устройство войска по иностранному образцу, но и применение в качестве наемников иностранцев. Следует принять во внимание, что, хотя правительство и стремилось заменить «начальных людей» из иноземцев русскими, тем не менее в 1681—1682 гг. иноземцы составляли еще 10—15% «офицеров» русского войска.³⁵

Для подтверждения правильности своих суждений Крижанич в публикуемом трактате обращается к историческим фактам, давая совершенно ясно понять, что он имеет в виду под «законом рабства». Он указывает, что «Кир, Александр, римляне и турки никогда бы не сделали ничего из тех удивительных дел, которые они совершили, если бы у них не было закона рабства и если бы они должны были просьбами, барабанным боем собирать свое войско (т. е. рассчитывать на добровольцев, — Л. М.), как теперь всем на смех поступают немцы».

О немецкой системе наемничества писал Ф. Энгельс.³⁶ Что касается древнего войска, то, по разъяснению Энгельса, в Персии Дарий Гистасп I, царствовавший после упомянутого Крижаничем Кира, «создал постоянную армию», а в Греции еще отец Александра Македонского Филипп II, завоевавший Персидское царство Ахменидов и проникший в Индию, «сформировал постоянную армию».³⁷ При этом очень важно разъяснение Энгельса, что в античном мире в армию допускались только свободные граждане. Так было в Афинах, в Македонии, в Спарте и в Риме.³⁸

Крижанич свое понимание рабства в смысле наличия постоянной армии, подчиняющейся самодержцу, противопоставлял рабству в социальном смысле и, заканчивая публикуемый трактат, решительно подчеркивал, что в античном мире «солдаты все были свободными, поэтому никто не мог быть одновременно рабом и воином». Вот почему если «воины и знатные приводили с собой рабов на войну и в сражения, то из рабов те становились вольноотпущенниками, воинами и знатными, вплоть до того, что даже некоторые рабы стали императорами».³⁹

Крижанич доказывал, что комплектование войска из свободных граждан — это главное условие храбрости: «...первое всего и паче всего ко храбрости есть потребно повольно (свободное, — Л. М.) владение».⁴⁰ Именно потому, что древние «римляне и влахи (итальянцы, — Л. М.) под оным повольным⁴¹ и промыслельным владением находились, они были «храбреи от всех народов».⁴²

³⁵ А. В. Чернов. Вооруженные силы Русского государства XV—XVII вв., гл. 5. М., 1954, с. 133—156.

³⁶ По свидетельству Ф. Энгельса, еще при Фридрихе Великом «комплектование войск почти повсюду производилось путем записи добровольцев» и лишь впоследствии «Фридрих прибег к принудительному набору рекрутов в своих провинциях» (К. Маркс, Ф. Энгельс. Соч., т. 14, с. 37). Крижанич, как видим, свидетельствует о сохранении в его время комплектования войск, существовавшего еще в средние века, о которых Энгельс писал: «Треск барабанов вербовщиков раздавался и в других местах (Европы, — Л. М.), особенно в Германии...» (К. Маркс, Ф. Энгельс. Соч., т. 21, с. 414). Ср. с высказыванием Крижанича: «Известно, что эти самые проповедники Свободы, созывающие солдат своих стужом барабанов, после того как набор и приписка в ряды совершены с некоторым видом веселости, держат за сим солдат в дисциплине и рабстве с такою строгостью, что тотчас повесят человека за малейшую вину, за одно полотенце, за одну курицу» (Крижанич. Русское государство... , ч. II, с. 69).

³⁷ К. Маркс, Ф. Энгельс. Соч., т. 14, с. 7, 15.

³⁸ Там же, с. 9, 12, 15, 18, 22.

³⁹ Со 2-й Пунической войны титул императора солдаты давали полководцу на поле боя после одержанной большой победы, и он сохранялся до возвращения полководца в Рим. Во времена империи титул императора носил глава государства.

⁴⁰ Крижанич. Русское государство... , ч. II, с. 86.

⁴¹ В данном случае имеется в виду постоянное национальное войско из свободных людей.

⁴² Крижанич. Русское государство... , ч. II, с. 84.

Итак, под «законом рабства» в приведенных нами высказываниях Крижанич имел в виду регулярную национальную армию из свободных граждан, отвечающую требованиям централизованного государства и вследствие этого подчиненную непосредственно самодержцу. Он усматривал в ней один из важнейших принципов абсолютной монархии, отличающих последнюю от других форм власти, которые именовал анархией и распушенностью.

Отстаивая «рабство» в указанном смысле, ссылаясь при этом на пример существования постоянного войска из свободных людей у древних народов и подвергая критике современные ему наемные армии, существовавшие в некоторых странах, Крижанич считал необходимым «рабство» во всем мире и в заключение писал: «. . . пока Россия сохранит закон рабства, до тех пор, божией милостью, она сумеет сохранить свое величие, свободу и независимое положение. Но если (да не свершится этого!) закон рабства когда-нибудь падет, то возникнет опасность, как бы и русский народ не постигли те же беспорядки, распушенность нравов, власть чужестранцев и бесславие среди иных племен, выпавшие на долю поляков». Одна лишь ссылка Крижанича в конце цитаты на поляков не оставляет никакого сомнения в том, что он трактовал «закон рабства» в России в указанном политическом смысле.

Действительно, упадок Польского государства Крижанич правильно усматривал прежде всего в имевшем место ослаблении в то время шляхтой власти монарха, а отнюдь не в отсутствии рабства в социальном смысле, так как, имея в виду последнее, Крижанич с большим возмущением говорил, что «у поляков более суровое рабство, чем в России».

Вместе с тем мы видели, что Крижанич критиковал немцев за жестокость рабства и в то же время высмеивал и осуждал их за отмену «закона рабства», так как в последнем случае имел в виду переход от регулярной к вольнонаемной армии.

Следовательно, В. Е. Вальденберг и А. Л. Гольдберг совершенно необоснованно истолковали содержащееся в приведенной цитате требование Крижанича «сохранить закон рабства» в России и во всем мире как защиту им рабства в собственном смысле слова. Вместе с тем авторы прошли мимо тех высказываний ученого-хорвата, в которых он, как представитель новейшей теории естественного права, осуждал рабство в широком смысле в качестве социально-экономического явления и допускал лишь добровольное подчинение — в противовес наметившейся в России в то время тенденции превратить последнее в бессрочную кабалу. Публикуемый трактат, содержание рукописи в целом и другие произведения Крижанича свидетельствуют о том, что его негодование распространялось на отношения, характерные для крепостничества, в которое перерастало холопство. Он выступал за свободное переселение крестьян, защищал их право распоряжаться своим трудом и имуществом, ратовал за отмену транспортной повинности и создание армии из свободных людей.

Помимо всего прочего публикуемый материал, как и вся рукопись Крижанича, представляет ценный исторический памятник, способный, как нам кажется, облегчить выяснение одного из сложных и важных вопросов, поднятых в последнее время в науке, — о значении холопства для становления крепостничества.⁴³

⁴³ См.: Е. Колычева. Холопство и крепостничество (конец XV—XVI в.). М., 1971; В. М. Панеях. Холопство в XVI—начале XVII века. Л., 1975; см. также рецензию А. А. Зимина на эту книгу В. М. Панеяха (Вопросы истории, 1976, № 9, с. 165—168). Кроме того, см.: А. А. Зимин. Холопство на Руси (с древнейших времен до конца XV в.). М., 1973.

I. Т Е К С Т

IERES POLITICZNA 7

Ob Rabotè, ili Ob Hlápstwu

**Germanistarum
calumnia,
de servitute.**

1. Sciendum est, quod apud Germanos et Lehos nullus homo liber vendit seipsum alteri in servitute: neque quisquam dominus vendit alteri servum, solum hominem nisi tantum cum domo simul et cum fundo. Vel homo liber accipit agrum ad colendum et ita alligat se servituti. Apud Iudeos autem in lege antiqua: et apud Romanos et Graecos, tum paganos, tum postea Christianos: vendebant se homines liberi alijs in servitute et domini vendebant servos alteri; sicut nunc fit apud nos in Russia.

Germani ergo et Lehi odiosissime traducunt ac maledicunt consuetudinem nostram: quasi impiam, crudelissimam, et omni humanitati ac iustitiae contrariam: Quod (: ut ipsia iunt) Homines vendantur pro pecunia, quasi iumenta. Idcirco in immensum amplificanti et exaggeranti servitute, miseriam et infelicitatem subditorum Russorum; et dominos Russiacos demonibus ipsis crudeliores depingunt.

**Servitus stabilita
per Moïsem,
et per Apostolos.**

2. Nos porro non debemus decipi nimis ipsorum convitijs^a; sed scire debemus, quod in istis ipsorum verbis latent crassa mendacia fallaciae, et calumniae, ne dicam blasphemiae. Nam primo Servitus haec (: qua liber homo seipsum vendit) fuit confirmata in lege Divina. Non ergo consuetudo haec possit dici crudelis, impia inhumana; quia nec lex Dei esse crudelis, aut impia. (Exodi cap: 21 et Deuter: c: 15.12: scribitur: Cum tibi venditus fuerit frater tuus Hebreus, et sex annis servient tibi, in septimo anno dimittes eum liberum. Sive autem dixerit: Nolo egredi; eo quod diligat te: assumes subulam, et perforabis aurem eius, et serviet tibi in aeternum).

**Apud Romanos,
et apud Lehos
servitus durissima.**

Apud Romanos^b etiam liberi homines ultro se vendebant, et addicebant servitutis iugo gravissimo: quippe secundum leges Romanorum domini habebant vitae et mortis potestatem in suos servos: ita ut, si dominus servum (: etiam innoxium:) occidisset, nemo super inde inquireret. Apud Lehos eadem ista crudelis^c dominatio permanet, et usitatur. Quilibet nobilis potest impune suum quaecumque agricolam in^d. . . furca et in publica via, etiam sine causa, suspendere et nullam poenam propterea patiatur. Et aliqui ita fecerunt, et faciunt.

In Russia autem istud non fit, nec impune esset si fieret. Ideoque maior est rigor servitutis apud totos Lehos, quam in Russia. Tempore apostolorum erant servi subditi dominis secundum leges Romanorum: et Paulus non destruit talem legem sed potius confirmavit eam: excepta licentia^e occisionis aut mutilationis. Scribit enim ad Efesios 6.5: «Servi obedite dominis carnalibus, in simplicitate cordis, sicut Christo, non ad oculum servientas etc: sed faventas nostri Dei ex audio. Cum bona voluntate servientes, sicut Domino, etiam hominibus^f».

^a Испр., в ркп. было calumpijs, зачеркнуто и сверху написано convitijs.

^b Подчеркнуто автором.

^c В ркп. исправление над словом, было crudelitas.

^d В ркп. следующее слово неразборчиво.

^e Испр., в ркп. licenta.

^f Первая скобка и вторые кавычки в оригинале отсутствуют. Это своеобразие пунктуации Крижанича, о котором сказано в вводной статье.

Et ad Coloss: 3.22: et ad Titum 2.9: Et I ad Timot: 6.1. repetitandem. 3. Miror ergo Cnapium (: virum alioqui prudentem, et religiosum:) quid dicere aut docere voluerit quando scripsit: Apud Romanos, inquit, «necis et antea pohanos dominis in servos fuit; qui rigor servitutis iure imperato sublatus est praesertim apud Christianos (: sic, ut nefas sit Christiano servili conditione habere Christianum:) cum et ethnici iurisconsulti certuerint servitatem quantumvis moderatam et iure tantum gentium, contrarius natale receptam fuisse). Hic Cnapius multum simul dicit et male confundit: quae debent distingui.

**Cnapii sententia
confusa de
servitute.**

Quod ait, *Rigorem servitutis fuisse sublatum per leges^m imperatorum*: hoc debet intelligi tantum de potestate necis. Haut non liceat posterioribus temporibus domino occidere suum servum, non requisito praetore et iudice regio. Falsum autem est, quod addit Cnapius: Ut nefas sit Christiano servili conditione habere Christianum. Quippe inter leges imperatorum Graecorum nulla exstat prohibitio servitutis: et semper inter Graecos servitus fuit legitime usitata. Inter Germanicos autem leges an aliqua talis prohibitio exstet, nescio. Sed hoc scio, quod non sit usu recepta, etiamsi fortasse fuit aliquando facta ante scripta.

**Rigor servituti
sublatus quomodo.**

**Liberi homines
quando fiant
servi, apud
Germanos et Lehos.**

Germani enim tenent suos agricolas in durissima servitute, ita ut non habeant libertatem alio commigrandi: et si agricola demigrat, dominus potest eum capere, ubique, et reducere ad se cum omnibus quae ille possidet. Eodem modo apud Lehos faciunt non solum nobiles, sed aut sacerdotes et religiosi, qualis fuit ipsemet Cnapius. Scilicet tenent agricolas in lege et rigore servitutis. Venit homo liber ad nobilem, et rogat ab eo sibi concedi aliquem agrum ad colendum. Nobilis assignat ei agrum vacantem: libere et absque vita onere possidendum per tres quattuor, aut plures annos. Finitis autem illis annis ille agricola fit servus illius nobilis sub durissima||lege. Debet domino dare certos proventus in frumento, in pecunia, et in variis aliis rebus. Debet ei servire ad vecturam, cum curru et cum iumentis suis, quocunque mittitur. Debet ei quotidie mittere unum operarium ad agros domini colendos: cui dominus nec dat mercedem, nec micae panis. Denique si agricola ille aliquo demigrat dominus potest eum suspendere, nullo iudice requisito. Sub his plane legibus apud Lehos sacerdotes iesuitae tenent suos agricolas; excepto tantum quod eos non soleant occidere, sicut faciunt domini seculares Falsum igitur est, quod scripsit Cnapius: Nefas esse Christiano servili conditione tenere Christianum. Nam istud non est servilis conditio; nescio quid aliud scripsit.

**Natura peccato
corrupta non
potest regi sine
servitute.**

4. Verum est, quod ex iurisconsultis attulit Cnapius: Quod servitus non oritur ex iure naturali, sed ex iure gentium, sive ex iure belli prognata fuit. Scilicet, postquam gentes met bella gerere ceperunt; tunc etiam ceperunt alter alterum capere, et in servitatem cogere. Ita etiam Polygamia fuit permessa proprie durtitiam cordis humani, ut ait Salvator: ab initio non fuit sic. Est et alia maior ratio, quae servitatem fecit in mundo necessariam nempe Peccatum. Postquam enim natura humana per peccatum corrupta est; non potest conservari bonum regimen, publica pax et legem obedientia, absque lege servitutis. Nihil magni unquam gestum est absque servitute. Cirus, Alexander, Romani, et Turci, nihil eorum mirabilium operum fecissent, quae fecerunt, si non habuissent legem servitutis et si debuissent exercitum precario ad

c. 474

с. 475

pulum timpanorum colligere, ut hodie ridicule faciunt Germani. Difficile, imo imperite, est bella gerere, ubi rex non potest imperare nobilibus; nec nobiles suis famulis; sed debent eos rogare. Natura humana per peccatum corrupta est insolens, atque inobediens. Non regitur ratione, non ducis prece: sed debet ea compelli, ut faciat eum officium, et ut permittet id quod aequum est. Quamdiu Germani habebant inter se legem servitutis, tam diu erant formidabiles ceteris gentibus, et plura regna debellabant, et obtinebant. Hodie cum plerique facti sunt liberi iam nec semetipsos defendere possunt. Imo observandum est idem in alijs etiam populis; et pro certo tenendum etiam pro nobis: Quamdiu Russia illaesam conservabit legem servitutis, tamdiu, per Dei gratiam, poterit suam maiestatem, libertatem et statum conservare. Si autem (: quod absit:) aliquando lex servitutis convellatur, periculum est, ne gens Russiaca incidat in eandem confussionem rerum, dissolutionem mororum, Xenarchiam, ac ignominia omnium gentium in quam inciderunt Lehi. Demum, quod aliquae seniores perscripserunt, quod apud Romanos servi non adserebantur ad militiam: hoc sic intellige. Milites omnes erant liberi: ideoque nullus poterat esse simul servus et miles. Sed milites ac nobiles praebiant conducebant secum suos servos ad bella et praelia. Et ex servis fiebant liberti, et milites, et nobiles; et usque adeo aliqui servi facti sunt imperatores.

(ЦГАДА, ф. 381 (Б-ка Синод. тип.), № 1799, с. 472—475).

И. ПЕРЕВОД

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЕРЕСЬ 7

О рабстве, или О холопстве

**Ложь немцев
о рабстве.**

1. Нужно знать, что у немцев и поляков никакой свободный человек не продает себя в рабство другому и никакой хозяин никому не продает раба одного, а разве только лишь с домом и с землей. Или свободный человек получает поле для обработки и таким образом сковывает себя рабством. Напротив, у иудеев, по их древнему закону, у римлян и у греков, как у язычников, так потом и у христиан, свободные люди продавали себя в рабство, и хозяева продавали рабов друг другу, подобно тому как теперь происходит у нас в России.

Поэтому немцы и поляки наш обычай толкуют с ненавистью и бранят, именуя его нечестивым, весьма жестоким, противоречащим человечности и справедливости, ибо, по их словам, люди продаются за деньги, как скот. По этой причине они чрезмерно подчеркивают и преувеличивают рабство, бедность и несчастье русских подданных и изображают русских хозяев более жестокими, чем сами демоны.

**Рабство утверждено
Моисеем и
апостолами.**

2. Но нас впредь не должно вводить в заблуждение их злословие. Нам следует знать, что в этих их словах кроется изрядная ложь, обман и превратное толкование, чтобы не сказать святотатство. Так как прежде всего это рабство (когда свободный человек продает сам себя) было утверждено божественным законом, поэтому этот обычай не может быть назван жестоким, нечестивым, бесчеловечным, так как закон бога не может быть жестоким или нечестивым. (В главе 21 Исхода и Второзаконии, 15. 12, написано: «Если тебе будет продан брат твой еврей и прослужит он тебе шесть лет, то отпусти его на седьмой год на свободу.

Если же он скажет: „Я не хочу уходить“, — потому что почитает тебя, то возьми шило и проколи ему ухо, и он будет тебе рабом навеки»¹).

**У римлян и поляков
весьма жестокое
рабство.**

У римлян свободные люди также добровольно продавали себя и обрекали себя самому тяжелому ярму рабства, потому что в соответствии с римскими законами господа имели власть над жизнью и смертью своих рабов. Так что если господин убил бы своего (даже невинного) раба, то это не могло служить поводом для обвинения. Такая же жестокая власть сохраняется и остается в обычае у поляков. Любой знатный может одеть на шею любого своего крестьянина. . . ² колодку, без причины повесить его у проезжей дороги и никакого за это не понесет наказания. И некоторые так делали и делают.

В России же этого не бывает,³ а если бы и произошло, то не осталось бы безнаказанным. Поэтому у поляков более суровое рабство, чем в России. Во времена апостолов по римским законам рабы были подчинены господам, и Павел не разрушил этого закона, но еще больше укрепил его, исключив только право убивать и увечить. В самом деле, он пишет Ефессянам, глава 6. 5: «Рабы, повинуйтесь господам своим по плоти в простоте сердца, как Христу, не с видимой только услужливостью» и т. д., но с благожелательностью, подобно тому как мы повинуемся нашему богу. С честным усердием повинуйтесь людям, как богу.

И Колоссянам, глава 3.22, и Титу, глава 2.9. И о том же считает нужным напомнить в первом послании к Тимофею, глава 6.1.

**Неясное суждение
Кнапа о рабстве.**

3. Поэтому я удивляюсь Кнапию⁴ (вообще сведущему и благочестивому человеку): что он хочет сказать и поведать, когда пишет, что у римлян, когда они были язычниками, господа имели право убивать своих рабов? Эта жестокость рабства, предписанного законом, была отменена, в особенности у христиан (потому что ведь грешно было бы христианину держать в рабском состоянии христианина). Вместе с тем юристы-язычники засвидетельствовали, что рабство бывало сколь угодно умеренным и допускалось лишь международным правом в отличие от естественного. Здесь Кнапий говорит одновременно многое и недопустимо смешивает то, что необходимо различать.

**Каким образом
отменяется
жестокость рабства.**

Что же касается его заявления, что *жестокость рабства была смягчена законами императоров*, то это нужно понимать только относительно власти убивать рабов. Ни в коем случае нельзя было господину убивать своего раба, не испросив разрешения у претора и царского судьи. Но, однако, ложно то, что добавляет Кнапий, будто бы запрещено христианину держать в рабском состоянии христианина. Потому что среди законов греческих императоров не существует ни одного запрещающего рабство, и всегда среди греков рабство было общепринято на законном основании. Среди германских же законов я не знаю, существ-

¹ В. И. Сергеевич, поясняя это место, указывает, что по древнему закону для еврея всякая продажа себя в рабство другому еврею влекла за собой временное рабство. Временный раб мог получить от своего господина жену и прижить с ней детей. Но жена, данная господином, — вечная раба этого господина, поэтому, когда приходило время свободы для временного раба, он освобождался один, без жены и детей, и не хотел уходить (В. И. Сергеевич. Законы царя Хаммураби. . . , с. 11).

² См. текст латинского оригинала, примеч. 2.

³ В России, как было указано выше (см. с. 175, примеч. 22), в середине XVII в. свободный человек не продавался в вечное рабство.

⁴ Sпаріus, или Кнапский, — польский лексикограф. См.: Thesaurus polono-graecus. . . [Б. м.], 1621. Продолжение издания последовало в 1626 и 1632 гг.

вует ли подобное запрещение. Но мне ясно лишь то, что не было бы оно столь общепринятым, если бы вышеизложенное хоть когда-либо существовало.

Когда
свободные люди
стали рабами
у немцев и поляков.

Немцы, действительно, держат своих крестьян в самом жестоком рабстве, так что те не имеют возможности свободно переселяться на другое место, и если крестьянин уходит, то господин может схватить его, где бы он ни находился, и вернуть к себе со всем имуществом, которым тот обладает. Таким же образом поступают у поляков не только знатные, но даже духовенство и монахи, каковым был сам Кнапий. Следовательно, они держат крестьян на том же положении и в такой же строгости, в какой находились рабы. Приходит свободный челонок к знатному и просит у него дать ему какой-нибудь земельный участок для обработки. Знатный предоставляет ему пустующую землю, чтобы тот, как подобает свободному гражданину и необременительно для своего живота, владел ею в продолжение трех, четырех и более лет. По истечении же этих лет упомянутый земледелец становится рабом того же знатного на самых жестоких условиях. Он должен дать господину определенную часть урожая хлебом, деньгами и другими различными видами дохода. Он должен нести в его пользу повинности по извозу со своей телегой и лошадь, куда бы он (господин, — Л. М.) его ни послал. Он должен посылать ежедневно работника для обработки полей господина, который не платит ему жалованья и не дает ему ни крошки хлеба. Наконец, если этот земледелец куда-нибудь уйдет, то хозяин может повесить его, не запрашивая судью. На этих же условиях и священники-иезуиты у поляков держат своих крестьян, за исключением только того, что обычно не убивают их, как это делают светские господа.

Итак, ложно то, что написал Кнапий, будто грешно христианину держать христианина в рабском состоянии. Ибо это состояние не является рабским. Я не знаю чего-либо другого, написанного Кнапием.

Испорченная грехом
человеческая
природа не может
управляться
без рабства.

4. Справедливо то, что Кнапий прибавляет на основании слов юристов, а именно, что рабство не порождается по естественному праву,⁵ а произошло из международного права или из права войны. Это значит, что после того как народы сами начали вести войны, впервые один начал брать другого в плен и обращать в рабство. Таким же самым образом было допущено многоженство вследствие жестокости человеческого сердца, как говорит Спаситель. Первоначально же было не так. Есть и другая, более существенная причина, которая делает рабство в мире необходимым, а именно — грех. Ибо после того как человеческая природа была испорчена грехом, наилучший образ правления, всенародный мир и повиновение закону не могут быть сохранены без закона рабства. Ничто великое не было совершено без рабства. Кир, Александр, римляне и турки никогда бы не сделали ничего из тех удивительных дел, которые они совершили, если бы у них не было закона рабства и если бы они должны были просьбами, барабанным боем собирать свое войско, как теперь всем на смех поступают немцы. Трудно и даже скорее невежественно вести войны там, где царь не может повелевать знатью, а знать — своими слугами, но где они должны просить. Человеческая природа испорчена грехом; она своевольна и непокорна. Она не управляется ни разумом, ни просьбами военачальника, но ее нужно

⁵ Рабство по естественному праву — это рабство от рождения, вечное рабство, которое Крижанич отвергал и противопоставлял ему рабство-самопродажу, носившее юридически добровольный характер.

принуждать, чтобы она выполняла свою обязанность и допускала только то, что справедливо.

До тех пор пока у немцев существовал закон рабства, они были страшны соседним народам, победили много царств и покорили их. Теперь же, когда большая часть их стала свободными, они даже самих себя не могут защитить. Мало того, это можно наблюдать также у других народов; справедливо это и по отношению к нам: пока Россия сохранит закон рабства, до тех пор, божией милостью, она сумеет сохранить свое величие, свободу и независимое положение. Но если (да не свершится этого!) закон рабства когда-нибудь падет, то возникнет опасность, как бы и русский народ не постигли те же беспорядки, распущенность нравов, власть чужестранцев и бесславие среди иных племен, выпавшие на долю поляков.

Наконец, относительно того, что некоторые старейшие обстоятельно излагали, что у римлян рабы не привлекались к военной службе. Это следует понимать так. Солдаты все были свободными, поэтому никто не мог быть одновременно рабом и воином. Однако воины и знатные приводили с собой рабов на войну и в сражения. И из рабов те становились вольноотпущенниками, воинами и знатными, вплоть до того что даже некоторые рабы становились императорами.⁶

⁶ См. с. 148, примеч. 39.

Н. В. ПОНЫРКО

Сочинение старца Леонтия и школа протопопа Аввакума

Я умышленно начну с цитаты: «. . . поп черной. . . взбесновался. Так мы вси ту ночь над ним возимся. Был у нас крест московского литья медной, так тем крестом ево все ограждали. А дьявол-от в нем кричит, ступено-де, ознобили-де меня, да указывает ко иконам на полку: вон-де ставрос деревянной, тем-де меня ограждайте, а етем-де ознобили меня. А тот крест не по подобию написан, двоечастной, а не троечастной, так дьяволу-то хочется, чтоб я ево тем крестом ограждал, ему уж то легче. А я-таки не слушаю, ограждаю да даю целовать ему. А он зубами скрежещет, съестъ меня хочет. Да бог ему не попустит. Так он мне ничего зла не учинил. И так-то мы с ним до полуночи провозились. Так он утомился да стал просится: дай-де мне отдохнуть. . . Потом утре встал, да меня призвал, да стал говорить мне: „Пожалуй-де, проговори надо мною евангелие все четыре евангелиста. Так я над ним по два дня говорил евангелие. Так ево бог, миленкова, помиловал: стал в разуме, здрав“».¹

Не правда ли, мы слышим речь протопопа Аввакума? Автор этих строк — не Аввакум, а старообрядческий старец Леонтий, в прошлом носивший имя Иоанна Лукьянова. Но разве они написаны не стилем протопопа Аввакума, разве их тема (исцеление бесноватого) — не любимая тема Аввакума, разве позиция писавшего их — не позиция Аввакума? Будь сочинение анонимным, неизбежно возник бы соблазн атрибутировать его протопопу Аввакуму. Однако автор известен, известно и время написания — 1701—1703 гг., 20 лет спустя после казни Аввакума.

Принято считать, что как писатель Аввакум представляет собой уникальное явление, не развившееся в литературную школу. Для суждения об уникальности Аввакума сочинение старца Леонтия имеет первостепенное значение. Между тем оно до сих пор не попадало в поле зрения специалистов по Аввакуму, хотя опубликовано давно: в 1863 г. С. А. Соболевский в журнале «Русский архив» издал Путешествие в святую землю священника Иоанна Лукьянова по рукописи собственной библиотеки.² Чуть раньше, в 1862 г., в «Калужских епархиальных ведомостях» был напечатан по другому списку очень небольшой фрагмент из этого сочинения Леонтием (тогда еще иеромонахом).³ В 1862 г. отдельные отрывки из него по 3-му списку были опубликованы А. М. Лазаревским в «Черниговском листке» (№ 4—6, 8).

¹ ГПБ, собр. Погодина, № 1543, л. 220—221.

² [С. А. С о б о л е в с к и й]. Путешествие в святую землю священника Лукьянова. — Русский архив, 1863, вып. I, стб. 21—64; вып. II, стб. 113—159; вып. III, стб. 223—263; вып. IV, стб. 305—344; вып. V, стб. 385—416 (изд. 2-е — 1866).

³ И[еромонах] [Л е о н т и й]. Записки инока, уроженца г. Калуги, о его странствии во святой град Иерусалим из Москвы через Молдавию, Турцию, Египет в самом

Первая и единственная специальная работа, посвященная Хождению старца Леонтия, принадлежит М. И. Лилееву и вышла в свет в 1895 г.⁴ Статья М. И. Лилеева написана главным образом ради отождествления автора Хождения — старца Леонтия — с ветковским старообрядческим священником Леонтием, известным по судебным документам 20-х гг. XVIII в. Дело в том, что автор Хождения называется московским священником Иоанном Лукьяновым только в одном списке, а именно в списке Соболевского, по которому сделана публикация. В остальных случаях Хождение приписывается некоему старцу Леонтию. Из содержания Хождения ясно устанавливается старообрядческая ориентация его автора, родом калужанина. По следственным делам 1728—30-х гг. известен ветковский черный поп с таким же именем, обращавший в старую веру жителей окрестных Калуге мест, имевший келию в Брынских лесах. На этом основании Лилеев соединил автора Хождения в Иерусалим и ветковского отца Леонтия в одно лицо. Такое отождествление приходится считать только догадкой, так как никаких других фактов в его пользу, кроме общей принадлежности к старообрядчеству и близости к Калуге, не известно (о ветковском Леонтии известно очень мало, потому что сам он арестован не был и упоминается с чужих слов).

В ряду сочинений, относящихся к жанру Хождений, произведение учтено в новейшей работе К.-Д. Зееманна о паломнической литературе Древней Руси.⁵ К.-Д. Зееманн попутно отметил близость стиля хождения к стилю Жития протопопа Аввакума.⁶

Сейчас известно 13 списков Хождения:

1. ГПБ, F.IV.319, XVIII в. (последняя четверть), 1°, 76 л., полуустав (список С. А. Соболевского: Опубликованный).
2. ГПБ, Q.IV.410, XVIII в. (3-я четверть), 4°, 272 л., полуустав.*
3. ГПБ, собр. Погодина, № 1543, XVIII в. (3-я четверть), 4°, 255 л., скоропись.
4. ГПБ, собр. Погодина, № 1542, XVIII в. (вторая половина), 4°, 220 л., скоропись.
5. ИРЛИ, Дрвлекранилище, колл. Перетца, № 532, 1806 г., 4°, 93 л., скоропись.
6. ИРЛИ, Дрвлекранилище, колл. Смирнова, № 6, 1801—1806 гг., 4°, л. 121—130 об., полуустав. (Рукопись, ранее принадлежавшая П. И. Мельникову-Печерскому и обозначенная им как Цветник. Ср.: П. И. Мельников-Печерский. Полн. собр. соч., т. 13. СПб.—М., 1898, с. 44, а также ИРЛИ, колл. Смирнова, № 6, л. 1, владельческая запись).
7. ГИМ, собр. Уварова, № 1757, 1734 г., 4°, 150 л., скоропись.
8. ГИМ, собр. Уварова, № 1758, начало XIX в., 4°, 175 л., скоропись.
9. ГИМ, собр. Уварова, № 1759, XIX в., 4°, 165 л., скоропись новейшего письма.
10. Рукопись Черниговской духовной семинарии № 150, XVIII в. (конец), 4°, л. 226—342 (см.: М. И. Лилеев. Описание рукописей, хранящихся в библиотеке Черниговской духовной семинарии. СПб., 1880, с. 178—182).
11. ГАКО, № 216 (1468), XVIII в. (2-я половина), 4°, 277 л., полуустав (см.: И. Ф. Голубев. Коллекция рукописей государственного архива Калининской области. Калинин, 1960, с. 33).*
12. ГАКО, № 217 (448), 1762 г., 4°, 121 л., скоропись.*
13. ГИМ, собр. Щукина, № 245, XVIII в. (конец), 4°, 166 л., скоропись.

Все списки разделяются на 3 варианта, разнящихся между собой только началом. Текст собственно паломничества во всех списках идентичен, не считая мелких разночтений.

начале прошедшего столетия. — Прибавления к Калужским епархиальным ведомостям, 1862, № 20, с. 344—357.

⁴ М. И. Лилеев. К вопросу об авторе «Путешествия во Св. землю» 1701—1703 г. московском священнике Иоанне Лукьянове, или старце Леонтии. — Чтения в историческом обществе Нестора летописца, т. IX, Киев, 1895, отд. 2, с. 25—41.

⁵ К.-Д. Зееманн. Die Altrussische Wallfahrtsliteratur. München, 1976, S. 366—376.

⁶ Ibid., S. 375.

* Сердечно благодарю О. А. Белоброву, указавшую мне на эти рукописи.

1-й вариант представлен одним списком. Это список Опубликованный. Особенности его таковы: рукопись заглавия не имеет, начинается с проезжей грамоты, помеченной 15 июня 1710 г., московскому жителю священнику Иоанну Лукьянову, за которой идет традиционное вступление, где автор, старец Иоанн, говорит о себе, что писал «не возносяся», но любви «ради святых мест», «понужден некими отцы и братиею», затем следует собственно повествование о паломничестве, начинающееся с 23 декабря в Калуге.

2-й вариант представлен списками: ГПБ, собр. Погодина, № 1543; ГИМ, собр. Уварова, № 1757; ГИМ, собр. Уварова, № 1758; ГИМ, собр. Уварова, № 1759; ИРЛИ, Древлехранилище, колл. Перетца, № 538; ГАКО, № 217 (448). Имеет следующее заглавие: «Описание пути ко святому граду Иерусалиму от Москвы до Киева, от Киева до Воложской земли, от Воложской земли до Дуная великия реки, а от Дуная до Царяграда, и от Царяграда до святого града Иерусалима, то все хождение морем, токмо полтора дни землею. Лета 7210 году месяца декабря в 17 день хождение во Иерусалим с Москвы старца Леонтия». Проезжей грамоты в списках 2-го варианта нет и нет авторского вступления. Начинается Хождение с выхода из Москвы 17 декабря, пропущенного в 1-м варианте.

3-й вариант содержится в рукописи ГПБ, Q.IV.410. Он идентичен 2-му варианту, но перед заглавием имеет авторское вступление, такое же, как и в 1-м варианте, с соответственной заменой имени Иоанн на Леонтий.

В списках ГПБ, собр. Погодина, № 1542 и ГАКО, № 216 (1468) утрачено начало, и потому затрудняется их отнесение к тому или иному варианту. Список ИРЛИ, Древлехранилище, колл. Смирнова, № 6 представляет собой отрывок из середины Хождения.

Что касается даты 1-го варианта — 1710 г. — ошибочность ее установил еще Лилеев: целый ряд исторических деталей Хождения указывает на 1701—1703 гг. В подлинности имени Иоанна Лукьянова не приходится сомневаться. Лилеев отыскал в делах архива Министерства иностранных дел и опубликовал подорожную на имя священника Иоанна Лукьянова, выданную в 1701 г. для проезда в Иерусалим.⁷

Возможно, что имена Иоанна Лукьянова и Леонтия в разное время носило одно лицо. Иоанн Лукьянов мог стать старцем Леонтием либо при перекрещивании, либо при пострижении.

Все, что мы знаем об Иоанне-Леонтии, известно с его же слов, из текста Хождения. Он был родом из Калуги, которую называет «отечество наше драгое». В декабре 1701 г. отправился с какими-то спутниками (о которых ничего не известно) в путешествие из Москвы в Иерусалим. Путь его лежал через Украину, Валахию, Царьград. В Иерусалиме он пробыл 14 недель и вернулся назад. Хождение заканчивается возвращением в г. Нежин.

На принадлежность Леонтия к старообрядчеству указывают следующие признаки: 1) отношение к двуперстию — паломник собирал свидетельства в его пользу; описывая мощи святых Киево-Печерского монастыря, он разразился целой тирадой в пользу двуперстного сложения; 2) при описании Царьграда он поместил большой раздел «О несогласии греческом с восточною церковью», где критиковал иерархию и обряды греческой церкви с последовательство старообрядческих позиций.

Существует ясная близость стиля старца Леонтия к стилю протопопа Аввакума.

⁷ М. И. Лилеев. К вопросу об авторе. . . , с. 26—30.

О стиле можно говорить в разных аспектах: стиль как явление языка, стиль как явление поэтики, стиль как поведение. В нашем случае не приходится говорить о стиле как явлении поэтики, так как произведения Аввакума и Леонтия принадлежат к разным жанрам, но представляется возможным сопоставить стиль как явление языка и стиль как поведение.

Начну с языка. Доминирующая особенность языка Аввакума — ориентация его на просторечие. Хождение старца Леонтия также написано в просторечной манере. Приведу параллельные примеры, обращая внимание на общий сниженно-народный колорит и на буквальные при этом совпадения (курсив мой).

Аввакум: «*Прибрел к Москве, духовнику Стефану показался*» (с. 64).⁸

Леонтий: «*Хлеба поели да опять побрели*» (л. 18 об.).⁹

Аввакум: «*Бытто добрый человек — другой фарисей с г. . . рожею — со владыкою судитца захотел*» (с. 71).

Леонтий: «*Так рожки наши стали что пьяныя*» (л. 130).

Аввакум: «*А я. . . на бок повалился*» (с. 335).

Леонтий: «*А сами тако же утомились, что сонные валяемся*» (л. 18 об.).

Аввакум: «*Владычице, уйми дурака — тово*» (с. 73).

Леонтий: «*А дураку закон не писан, вольно кому хошь мясо есть*» (л. 98).

Аввакум: «*Я бедной тебе ворчу*» (с. 161).

Леонтий: «*А сам заворчит да и прочь*» (л. 154).

Аввакум: «*А старые те черти все падоша в пустыни*» (с. 163).

Леонтий: «*А арапы дикия да и задрались, . . . черт на черта нашел*» (л. 169).

Аввакум: «*Да уж, государь, пускай быти тому так, положь то дело за игрушку*» (с. 194).

Леонтий: «*Игумен стал «Отче наш» говорить сидя . . . а я встал да гляжу, то еще первоначальная их игрушка*» (л. 92 об.).

Аввакум: «*Накудесил много, горюю, в жизни сей*» (с. 158).

Леонтий: «*Уж греков перещепетили волохи службою церковною . . . мрак несшел ис того их кудосенья*» (л. 42).

Как на одну из особенностей стиля Аввакума указывают на употребление им постпозитивного члена.¹⁰ То же свойственно языку старца Леонтия.

Аввакум: «*Прямые добрые стрельцы те люди*» (с. 103); «*Большо у Христа тово остра шелепуга та*» (с. 63); «*Не больно было с молитвою тою*» (с. 71); «*Плюнуть на действие то и службу ту их, да и на книги те их*» (с. 85).

Леонтий: «*И была у него полтина та, да он болно свято стал жить*» (л. 35); «*Горам тем конца нет*» (л. 37 об.); «*А я смотрю, где у них каноны те делись, во окно знать улетели. Легко су, хорошо етак служба та говорить, да знать легко и спасение то будет*» (л. 41 об.); «*Бабу ту или девку. . . да. . . с лошади долой*» (л. 153); «*Увечье то пуще денег*» (л. 155).

⁸ Здесь и далее Аввакума цит. по кн.: Житие протопопа Аввакума им самим написанное и другие его сочинения. М., 1960. В скобках указываются страницы этого издания.

⁹ Здесь и далее Леонтий цитируется по рукописи ГПБ, собр. Погодина, № 1543. В скобках указываются листы этой рукописи. Издание С. А. Соболевского не использовано для цитирования потому, что имеет ряд мелких неточностей.

¹⁰ М. Г. Х а л а н с к и й. Из заметок по истории русского литературного языка. II. О члене в русском языке. СПб., 1901, с. 14—18; П. Ч е р н ы х. Очерки по истории и диалектологии северновеликорусского наречия, I, II. I. Житие протопопа Аввакума им самим написанное как памятник северновеликорусской речи XVII столетия. Иркутск, 1927, с. 47—51. М. Г. Халанский в своей работе на с. 18 упоминает о московском священнике Лукьянове и употреблении им членной формы.

Аввакуму свойственно употребление вводных слов «петь» и «су»: ¹¹ «А что, *петь*, о Иване том больно сокрушаться!» (с. 212); «Полно, *су*, плюскать» (с. 212); «А мне, *петь-су*, своих тех как покинуть» (с. 214); «Да что, *петь*, делать!» (с. 73); «Как, *су*, мне царя тово и бояр тех не жалеть? Жаль, о *су*» (с. 89).

К вводным словам «петь» и «су» прибегает и Леонтий: «Так, *су*, что делать, мы и пошли с патриархова двора» (л. 64 об.); «А я, *су*, и прихвастал кое-что» (л. 94); «Что, *петь*, у вас вестей-та в Цареграде много, кто вам приносит?» (л. 96); «Вот, мол, *су*. . . беси» (л. 128); «А я, *су*, ну он провалился» (л. 155); «Беда, *су*, со арапами, нигде от них уходу нет» (л. 168 об.); «А я, *су*, что, *петь*, делать» (л. 226).

От лексики обратимся к синтаксису. Здесь также много общего. В языке Аввакума выделяются короткие самостоятельные предложения с глагольным стержнем: ¹² «Осень была, дождь на меня шел, всю ночь под капелию лежал» (с. 71); «Горы высокия, дебри непроходимыя, утес каменной, яко стена стоит» (с. 70).

Так пишет и Леонтий: «Дождь весь день шел, студено было, все перемокли и перезябли» (л. 36 об.); «Переправы лихия, горы высокия, посидеть негде, чтобы отдохнуть, все пеши брели» (л. 37 об.).

Часто повторяющиеся у Аввакума синтаксические конструкции с союзами «так» и «ано» также характерны для Леонтия.

Аввакум: «И я паки свету-Богородице докучать. . . так она надежа уняла» (с. 73); «И мне неможется, так меня подымает» (с. 99); «Да осреди побой вскричал я к нему: „полно бить тово“, так он велел перестать» (с. 71); «На Кострому прибежал — ано и тут протопопа Даниила изгнали» (с. 64); «Навуходоносор глядит — ано сын божий четвертой с ними» (с. 224); «Он чаял: Христос просто положит — ано пуци и старова стали беситца» (с. 77).

Леонтий: «Да спаси ево бог, не потеснил нас. . . так нам покойно было» (л. 20 об.); «Проводник ропчет, не хочет итти с нами, так мы ево стережем» (л. 44); «И толмач сказал мне патриарховы все речи, так мне стало горько» (л. 63); «Потом арапы стали нас бить, грабить. . . только кто кошелек вынул — ан другой с стороны и вырвал совсем, а не дать, так бьют, а станешь давать, так с одного места четверть часа не пустят, что от собак не отобьешься» (л. 152—152 об.); «Пришли в метаху — ан игумна нет, мы тут его ждем — ан ему там на базаре про нас сказали» (л. 127 об.); «А поутру поглядим — ан на том же месте все шатаемся» (л. 139); «Потом мы смотрим — ан перед вечером и пришел тот же корабль назад» (л. 222 об.).

В ритмике Аввакума довольно быстрый темп рассказа время от времени прерывается восклицательными предложениями с разнообразными эмоциональными интонациями. В этом Леонтий опять поразительно близок Аввакуму.

Аввакум: «Ох, горе мне!» (с. 173); «Ох, души моей и горе» (с. 189—190); «О увы и горе» (с. 317).

Леонтий: «Ох, беда!» (л. 134); «Ох, дорожка!» (л. 169 об.); «Увы да горе» (л. 147 об.).

Аввакум: «Да что, *петь*, делать» (с. 136, 96); «Да что, *петь*, делать, коли Христос и пречистая Богородица изволили так» (с. 73).

Леонтий: «Да что делать, быть так» (л. 222 об.); «Так, *су*, что делать» (л. 64 об.); «Что говорить!» (л. 42).

Аввакум: «Полно тово плачевнова дела говорить» (с. 69).

¹¹ П. Черны х. Очерки. . . , II, с. 19—20.

¹² В. В. Виноградов. О задачах стилистики. Наблюдения над стилем Жития протопопа Аввакума. — В кн.: Русская речь. Сб. ст. под ред. Л. В. Щербы. Пг., 1923, с. 267.

Леонтий: «Полно, забыто, слава богу свету» (л. 37).

За сходством языка стоит сходство стиля как поведения. Поведение в данном случае я понимаю широко — не только поступки, но и мироощущение (что человек видит в мире и как об этом говорит).

Уже был приведен фрагмент из Хождения старца Леонтия об исцелении бесноватого. В глаза бросается не просто тематическое сходство с Аввакумом, но и сходство позиции. «И так-то мы с ним (бесноватым, — *Н. П.*) до полуночи провозились», — пишет Леонтий. Сравним с аввакумовским: «Ночь всю зимнюю с ним простряпал» (с. 112) — об исцелении взбесновавшегося брата Евфимия. По-аввакумовски и умиляется Леонтий над бесноватым: «Так ево бог, миленькова, помиловал».

Умиление вообще одна из доминант в мироощущении обоих авторов. Умиление примешивается у них и к любви, и к жалости, и к благодарности и выражается сходными языковыми средствами.

Аввакум о сыне Иване: «Начевал, милой, и замерз было тут» (с. 72); о жене Афанасия Пашкова: «Выехав из Даур, умерла, миленькая, на Москве» (с. 79); о царе Алексее Михайловиче: «Он же, миленькой вздохнул да и пошел куды надобе ему» (с. 88); о царице Марье Ильиничне: «Она за нас стояла в то время, миленькая» (с. 95); о князе Воротынском: «Миленькой мой, боится бога, сиротинка Христова, не покинет ево Христос» (с. 95).

Леонтий: «Спаси их бог, миленькия, добрые люди белевича» (л. 8 об.); «Спаси ево бог за ево любовь, дивной человек. . . спастися, миленькой, всячески хочет» (л. 13); о паромщиках: «А они, миленькия, едва с нуждою судно на нашу сторону перегнали» (л. 21 об.); о русских паломниках: «Миленькая Русь, не только накормить, и места не дадут, где опочинуть с пути, таковы-то греки милостивы» (л. 65 об.); о русских невольниках на турецких каторгах: «Таковы миленькия рады, как есть во аде сидят» (л. 85).

Умиляются над собой (и это передается одинаковыми приемами): ангел в темнице Аввакуму «*хлебца* немного и *штец* дал похлевать» (с. 66), а Леонтию один доброхот «на путь *рыбки* пожаловал, а коням *овсеца*» (л. 5 об.).

Умиляются не только над человеком, но и над всякой «тварью божией». У Аввакума это «курочка», кормившая его семью в Сибири, и «собачка», приходившая в темницу, у Леонтия — «лошадка», везшая его по многотрудным дорогам (л. 45 об.).

Умиление так впитано стилем, что проникает даже в иронию и сарказм.

Аввакум: «А ты, *миленькой*, посмотри-тко в пазуху-то у себя, царь христианской» (с. 159).

Леонтий: «А у митрополита (Киевского, — *Н. П.*) поют пение органное еще пуци органов. Старехонек, *миленькой*, а охоч до органа пения» (л. 24).

Умиляются не только сами авторы, они и мир видят умиляющимся. Сквозь призму умиления рисуются целые картины. Вокруг Аввакума и Леонтия часто плачут, умиляются. Вот два параллельных эпизода.

Аввакум покидает Лопатицы: «Аз же, взяв ключку, а мати — некрепенцова младенца, побрели аможе бог наставит. А сами, пошед, запели божественные песни. . . А *провожающие жители* того места, мужи, и жены, и отроча, множество народа, с *рыданиями плачущие* и сокрушающе мое сердце далече нас *провожали в поле*. Аз же. . . *насилу в дом их возвратил*, а с домашними впредь побрели» (с. 62).

Леонтий о белевичах и калужанах: «. . . *провожали нас за град версты* з две. А сами, миленькия, *так плачут, не можем их назад возвратить*. И едва их возвратихом вспять, кабы де мочно, мы бы-де с вами шли. И уже

мы поле отшедши поприща з два, оглянемся назад, а они, такая миленькия, стоят да кланяются вслед нам. Такая любовь огненная. Мы подивилися такой Христовой любви» (л. 14—14 об.).

Аввакум: «У моря русских людей наехала станица соболиная, рыбу промышляет. Рады, миленькие, нам. И с карбасом нас, с моря ухватя, далеко на гору несли Терентьюшко с товарищи. Плачут миленькие, глядя на нас, а мы на них» (с. 86).

Леонтий: «А из Ерусалима вышли на поле христиане: греки, армяне, кофти, французы, иноки, мужи и жены. Все встречают нас, а сами плачут. Как-де вас бог пронес от арапов? А мы так же плачем» (л. 157).

Как видим, окружающие Аввакума и Леонтия люди часто ведут себя одинаково. И сами они часто ведут себя одинаково. В минуту беды оба вопят к богу.

Аввакум: «А я, на небо глядя, кричу: „Господи спаси, господи помози“. И божиею волею прибило к берегу нас» (с. 70); «Да то ж, да то же беспре-станно говорю, так горько ему, что не говорю „Пощади“» (с. 71).

Леонтий: «А как набегут арапы. . . так я . . . безпрестани кричу к богу то: „Владыко человеколюбче, помози за молитв отца нашего Спиридона“. Так они и прочь от меня» (л. 153); «А я, су, то же да то же: „Господи, помози за молитв отца нашего Спиридона“. Так-то и нас бог свят и спас» (л. 133 об.).

На просьбу царя Алексея Михайловича соединиться с греческими патриархами Аввакум отвечал так: «И я говорю: „Аще и умерети ми бог изволит, с отступниками не соединюся! Ты, реку, мой царь, а им до тебя какое дело? Своево, реку, царя потеряли да и тебя проглотить сюды при-волоклися“» (с. 104).

Когда старцу Леонтию представилась возможность высказаться о греческом духовенстве и его взаимоотношениях с русским царем, он сказал об этом почти теми же словами: «И я ему сказал: „Что вы прилетаетесь к нашему царю, да еще и укоряете. Ведь его не ваш царь. Вы имели у себя своего царя, да потеряли. А ето московский царь, а не греческой“» (л. 95—95 об.).

Грубоватая прямота и смелость, приверженность к национальной культуре — также сходные черты поведения обоих авторов. Бранятся они также одинаково. Вот в Царьграде греческий патриарх, отказавшись приютить паломников, намекает, что мог бы это сделать за подарки. Как реагирует на это Леонтий: «И толмач сказал мне патриарховы все речи, так мне стало горько и стыдно. А сам стоя да думаю: не сума ли шпол, на подарки напался. Люди все прохарчились, а дорога еще бесконечная! И так я долго ему ответу не дал. . . а дале от горести лопанул, есть что и неискусно, да быть так. Никак, мол, пьян ваш патриарх, ведает ли он и сам, что говорит. Знать, у него ничего нет, что уже с меня, странного и убогого человека, да подарков просит. Где было ему нас, странных, призреть, а он и последнее с нас хочет сорвать. Провались он, окаянной, и с кельей. У нашего патриарха и придворники искуснее того просят. А то тако же, как не срамно просить подарков. Знать, у него пропасти та мало. Умрет, так и то пропадет. И толмач меня унимает. Полно-де, отче, тут-де греки и иныя русский язык знают. . . И я ему велел говорить, я веть ни его державы, не боюся. . . И толмач ему сказал мой все речи со стыдом. Так он, милой, и пуще зардился. . . я, плюновши, да и с лестницы пошел» (л. 64). Здесь все аввакумовское — и вспыльчивость, и «не боюся», и «плюновши», весь стиль брани — от повода к ней до поведения и жеста.

Леонтий в своем произведении ни разу не упоминает Аввакума. Но он был старообрядец и не мог не знать о протопопе и его сочинениях. Когда он писал Хождение, прошло уже двадцать лет после сожжения пу-

стозерских узников. Но нам не известен возраст Леонтия, он вполне мог быть младшим современником Аввакума (таким, скажем, как дьякон Феодор).

Есть еще одно сочинение, созданное в близкое время, стиль которого тоже тяготеет к стилю протопопа Аввакума. Я имею в виду «Отрагительное писание» инока Ефросина, написанное в 1691 г.¹³ Ефросин в меньшей степени похож на Аввакума, чем Леонтий, но сопоставим по тем же признакам: язык и поведение. Я не буду проводить этого сравнения, а сошлюсь на статью А. С. Елеонской, где (к сожалению, очень вскользь) сделано сопоставление языка Аввакума и Ефросина.¹⁴

Важно следующее: Ефросин был родом калужанин. На единственном известном списке его сочинения читается такая приписка: «Списано с тетрадей с Минина приносу с Руси, с Калуги, из Белева, писма старца Ефросина».¹⁵ Леонтий тоже происходил из Калуги, калужане и белевичи провожали его в путь. Стало быть, оба писателя были земляками. Через Ефросина протягивается нить от Леонтия к Аввакуму, так как о Ефросине доподлинно известно, что он был хорошо знаком с творчеством Аввакума и близок к его окружению (начиная с 1667 г., т. е. при жизни Аввакума, провел несколько лет в знаменитой Курженской обители под наставничеством игумена Досифея¹⁶).

Известно, какой популярностью в конце XVII—начале XVIII в. пользовались сочинения Аввакума на Керженце и в Брынских лесах.¹⁷ Больше того, известно и то, что здесь в разгар полемики по догматическим вопросам ходили подложные сочинения, приписываемые Аввакуму. Об этом писал Ефросин: «Где увидите какое писмо, надписание имый протопопа Аввакума, не верте тому. . . Мне, рече, не един уже брат, покаялся: аз де многих прелщал, сложа писмо сам, как знаю, и подписал Аввакумово имя».¹⁸ Подделываясь под Аввакума, надо было неизбежно подделываться под его стиль. Я не хочу сказать, что Ефросин и Леонтий занимались подлогами, я хочу только указать на стимулирующую среду, в которой появились их сочинения, а также еще на один путь, каким распространялась школа Аввакума.

¹³ Е ф р о с и н. Отрагительное писание о новоизобретенном пути самоубийственных смертей. Сообщ. Х. Лопарева. СПб., ОЛДП, 1895 (далее — Ефросин).

¹⁴ А. С. Е л е о н с к а я. «Отрагительное писание инока Евфросина» как памятник русской публицистики конца XVII в. — Ученые записки МГПИ им. В. И. Ленина, 1970, № 363, с. 304—311.

¹⁵ Ефросин, с. 107.

¹⁶ Ефросин, с. 010—011.

¹⁷ П. С. С м и р н о в. Из истории раскола первой половины XVIII века. СПб., 1908, с. 216—237.

¹⁸ Ефросин, с. 89.

Е. К. РОМОДАНОВСКАЯ

Западные сборники и оригинальная русская повесть

(К вопросу о русификации заимствованных сюжетов
в литературе XVII—начала XVIII в.)

Стало традиционным, когда заходит речь об освоении на русской почве западноевропейских повествовательных сюжетов, пришедших к нам с такими сборниками, как «Римские деяния» или «Великое Зерцало», обращаться прежде всего к сходству отдельных мотивов с темами и сюжетами русского фольклора.¹ Древнерусская повесть при этом практически остается в стороне. Лишь постепенно выявляются и публикуются материалы, позволяющие по-новому поставить вопрос о месте переводной литературы и заимствованных сюжетов в оригинальной русской беллетристике. Вопрос о судьбе «мировых сюжетов» в оригинальных русских повестях еще ждет своей разработки.²

Наиболее повезло в этом отношении Повести о Савве Грудцыне. После многочисленных статей, где выявлялись или отрицались параллели этого памятника с теми или иными мировыми мотивами,³ появилась принципиально важная работа Д. С. Лихачева,⁴ где детально прослеживается постепенное вживание в русскую обстановку и русскую литературу «мирового» сюжета о продаже души дьяволу, ведущего свое начало из Византии. Однако некоторые мотивы, не связанные генетически с основным сюжетом, в этой работе оставлены в стороне. В частности, Д. С. Лихачев отмечает такое отличие Повести о Савве Грудцыне от Чуда св. Василия, как появление дьявола в роли слуги, но происхождение этого мотива не рассматривает, ограничившись замечанием: «Дьявол в роли слуги — это мотив, пришедший из каких-то других сюжетов мировой литературы и вылившийся в конце концов в образ Мефистофеля. В

¹ Наиболее значительные работы последнего времени в этой области принадлежат О. А. Державиной: 1) «Великое Зерцало» и его судьба на русской почве. М., 1965, с. 132—143; 2) Задачи изучения переводной повести и драматургии XVII в. — ТОДРЛ, т. XX. М.—Л., 1964, с. 250—255; 3) Фацеции. Переводная новелла в русской литературе XVII века. М., 1962, с. 82—94.

² В данном случае речь идет не о судьбе на русской почве явно переводных «всемирных» повестей, таких как Александрия или Стафанит и Ихнилат, и даже не о русских их переработках и редакциях, а о создании на основе бродячих мотивов собственно русских произведений, которые без всякого сомнения могут быть отнесены к оригинальной русской беллетристике.

³ См. наиболее полный обзор предшествующей литературы: М. О. С к р и п и л ь. Повесть о Савве Грудцыне. — ТОДРЛ, т. II. М.—Л., 1935, с. 181—214; т. III. М.—Л., 1936, с. 99—152.

⁴ Истоки русской беллетристики. Возникновение жанров сюжетного повествования в древнерусской литературе. Л., 1970, с. 525—536.

русской традиции он впервые появился в. . . Слове и сказании о некоем купце». ⁵

Одна западная параллель мотива «слуга-дьявол», несомненно известная на Руси еще в последней четверти XVII в., уже отмечалась исследователями. Это рассказ «Великого Зеркала» «Како враг дьявол служа некоему честну человеку и како не терпит, идеже приносится молитва», ⁶ иногда в рукописях называемый «О дьяволе, купленном за слугу». Здесь нечистый служит «некоему честному воину», и весь рассказ распадается на три эпизода: спасение воина от разбойников, спасение его большой жены с помощью «львичьего молока» и пожертвование дьяволом заработанных денег на колокола к церкви. Помимо сходного в общем отношении к слуге-бесу (об этом ниже), с «Саввой Грудцыным» можно сопоставлять первый эпизод, очень схожий с выходом Саввы и беса из осажденного Смоленска: и в том, и в другом случае слуга переводит героя через реку, в которой никогда до того не было брода. Схожи между собой даже речи преследователей (разбойников или поляков), сравнивающих беглецов с бесами в человеческом образе. Эта параллель была отмечена ранее П. В. Владимировым и затем О. А. Державиной. ⁷ В свою очередь М. О. Скрипиль полностью отрицал связь мотивов Повести с западными сборниками легенд, в частности с «Великим Зеркалом». Так, по поводу отмеченного рассказа о слуге-дьяволе исследователь замечает, что дьявол в образе человека характерен вообще для древнерусских демонологических представлений и приведенный мотив «принадлежит к той категории мотивов, которые сотни и тысячи раз могут возникнуть в схожих культурно-бытовых условиях». ⁸

Подобное объяснение представляется слишком общим; если оно вполне справедливо для таких параллелей между Повестью и сборниками легенд, как исцеление больного Богородицей, благодатная сила молитвы и т. п., то в данном случае сходство даже мелких сюжетных деталей заставляет предполагать если не прямую связь двух памятников, то наличие общего источника. Естественно, что восприятие чисто западных сюжетов и идей могло быть облегчено благодаря близости отдельных мотивов переводной повести к традиционной древнерусской литературе ⁹ — так и старое демонологическое представление о дьяволе в образе человека должно способствовать его восприятию в роли слуги. Все же здесь имеется существенное отличие. Изображение беса в человеческом облике в древнерусской литературе никак не снимает его отрицательной, «вражеской» сути; недаром он предстает прежде всего в виде мурина или эфиопа — черного человека, сама внешность которого пугает; ¹⁰ облик же разбойника, воина или девицы бес также принимает только во зло христианину. В Повести же и особенно в легенде «Великого Зеркала» слуга-дьявол прежде всего помогает своему подопечному — спасает от преследования, выручает в трудных ситуациях, лишь в конце Повести предъявляя свой страшный счет (а в «Великом Зеркале» воин расплачивается с бесом деньгами, как с обычным слугой; таким образом, мотив потусторонней расплаты человека с дьяволом, характерный для сюжета о до-

⁵ Там же, с. 530.

⁶ О. А. Державина. «Великое Зерцало». . . , с. 230—231.

⁷ П. В. Владимиров. К исследованию о «Великом Зеркале». Казань, 1885, с. 379; О. А. Державина. «Великое Зерцало». . . , с. 99. В последней работе приведены параллельные тексты Повести и легенды из «Великого Зеркала».

⁸ М. О. Скрипиль. Повесть о Савве Грудцыне. — ТОДРЛ, т. III, с. 108.

⁹ См. очень интересные наблюдения подобного рода в кн.: А. М. Панченко. Чешско-русские литературные связи XVII века. Л., 1969, с. 120—127.

¹⁰ Ф. А. Рязановский. Демонология в древнерусской литературе. М., 1915, с. 51, 55.

говоре с нечистой силой, здесь полностью отсутствует). Вся эта ситуация вполне соответствует отмеченному еще Ф. И. Буслаевым н о в о м у восприятию и изображению беса, которое, по его словам, «было осложнено у нас в XVII веке более свободным, легким и поэтичным чтением, переходившим с Запада на Русь в повестях Зерцала Великого, Звезды Пресветлой и других занимательных сборников».¹¹

Отношения между «Великим Зерцалом» и Повестью о Савве Грудцыне могут оказаться более глубокими, чем представляется с первого взгляда. Важно обратить внимание на то, что «Великое Зерцало», вобравшее, как известно, большое количество памятников византийской традиции, знает и Чудо св. Василия о прельщенном отроке: П. В. Владимиров указывает статью «Зерцала» «Дьяволу отданный отрок иже его действием внежися на дщери господина своего, по сем покаянием и молитвами св. Василия от руку дьявола исторже и хирограф или рукописание раздра».¹² Близость этой новеллы к Повести отмечает и О. А. Державина.¹³ Такое соединение в одном сборнике рассказов, сходных по основным мотивам с «Саввой Грудцыным», заставляет задуматься о том, не послужило ли именно «Великое Зерцало» толчком для творчества русского автора? Возражение против подобной гипотезы опиралось до сих пор на время перевода латинского сборника (1677 г.), так как Повесть о Савве Грудцыне на основе реалий датировалась серединой 1660-х гг.¹⁴ Однако можно усомниться в достоверности ряда «исторических» указаний Повести,¹⁵ и вопрос о ее датировке до сих пор остается открытым.

Для нас в данном случае неважно, что послужило непосредственным источником «Саввы Грудцына» — «Великое Зерцало» или какой-либо другой памятник. Вне зависимости от своего источника автор Повести чрезвычайно умело соединил более традиционный для Древней Руси византийский сюжет о продаже души дьяволу с западным мотивом службы дьяволу человеку. Благодаря этому бес в Повести делается героем более активным и инициативным. Именно он является двигателем сюжета, и это дает автору возможность более быстрого развития действия и отсюда — более широкого и разностороннего изображения действительности, социальной и частной жизни человека XVII в.,¹⁶ т. е. того, что позволяет называть Повесть о Савве Грудцыне первым русским романом.

Хрестоматийная известность Повести о Савве Грудцыне, естественно, способствовала тому, что сходные мотивы как в переводных, так и в русских повестях были замечены прежде всего. Однако чрезвычайно важно, что отмеченный мотив еще до «Саввы Грудцына» появляется в «Слове и

¹¹ Ф. И. Б у с л а е в. Бес. К истории московских нравов XVII века. СПб., 1881, с. 7.

¹² П. В. В л а д и м и р о в. «Великое Зерцало». Из истории русской переводной литературы XVII в. М., 1884, Прилож. 2, с. 27, № 312. М. О. Скрипиль (Повесть о Савве Грудцыне. — ТОДРЛ, т. III, с. 105) отмечает, что Сказание о Протерии (т. е. Чудо св. Василия) вошло только в польское издание «Великого Зерцала», а в русских текстах заменено отсылкой к Прологу под 2 января. Однако подобная замена встречается, по-видимому, не во всех списках: П. В. Владимиров приводит свой перечень на основании русских рукописей, детально отмечая все расхождения с польским оригиналом, а М. О. Скрипиль дает ссылку лишь на одну рукопись (Погод., 1381), хотя знает и другие списки «Зерцала». Кроме того, принципиального значения сам факт замены в данном случае не имел: подобная отсылка, в глазах образованного книжника XVII в. должна была вызвать еще большее доверие к окружающим ее текстам.

¹³ О. А. Д е р ж а в и н а. «Великое Зерцало». . . , с. 100.

¹⁴ М. О. С к р и п и л ь. Повесть о Савве Грудцыне. — ТОДРЛ, т. III, с. 103.

¹⁵ См.: Д. С. Л и х а ч е в. Человек в литературе Древней Руси. Изд. 2-е. М., 1970, с. 113.

¹⁶ Д. С. Лихачев очень убедительно пишет о «ненужности» всех многочисленных приключений Саввы для первоначального поучительного повествования о невозможности союза с дьяволом (Истоки русской беллетристики, с. 533).

сказании о некоем купце» — повести, где «мировой» сюжет впервые развивается в русской обстановке.¹⁷ «Слово о некоем купце» дошло в единственном позднем и дефектном списке, но это явно промежуточная стадия в процессе постепенного приспособления сюжета к русским условиям.¹⁸ По-видимому, без пристального внимания к памятникам, отразившим подобные промежуточные стадии, мы не сможем разобраться в механизме использования мировых сюжетов в оригинальной русской беллетристике. В связи с этим хотелось бы обратить внимание на некоторые повести, хоть и введенные в научный оборот, но до сих пор мало изученные.

В 1948 г. М. О. Скрипиль опубликовал неизвестную до того «Повесть о некоем купце Григории, како хоте его жена с чародеем уморити»,¹⁹ сохранившуюся в двух редакциях в списках XVIII—XIX вв. К сожалению, на публикации изучение Повести остановилось. Издатель, указав рукописи со списками Повести, не дал никакого их анализа и комментария к тексту. Задачей будущего остается решение вопроса о происхождении Повести, ее источниках, времени и месте возникновения.

Между тем уже теперь можно указать одну важную параллель к Повести. Это входящий в «Римские деяния» «Приклад о преступлении душевнем и о ранах, уязвляющих души человеческия, иначе называемый «О чернокнижнике и рыцаревой жене».²⁰ Сопоставление Повести о купце Григории и Приклада из «Римских деяний» обнаруживает чрезвычайную близость сюжетной схемы двух памятников: в обоих рассказывается о неверной жене, которая уговаривает своего любовника-чародея известить ее мужа (рыцаря или купца); в обоих памятниках чернокнижник изготавливает из воска портрет мужа («слия в воску образ подобия Григориева» — «учинил из воску образ и его ж назвал именем того рыцаря») и трижды стреляет по нему из лука. Героя, который в это время находится в Риме (рыцарь) или приближается к нему (купец Григорий), спасает некий «мистр» (в Прикладе) или мудрец (в Повести): он сажает его в «лазию» (Приклад) или чан с водой (Повесть) и дает в руки зеркало, в котором тот видит все, что делается в доме неверной жены. Скрываясь под водой в момент выстрела, герой спасается, а чернокнижник погибает от собственной третьей стрелы; любовница закапывает его под супружеской постелью. Вернувшись домой, герой собирает в гости всех родственников жены, рассказывает о ее злодеянии и в доказательство указывает на спрятанный труп. Преступница отведена к судье («поставили ю пред судьбою» — Приклад; «отдаша ея суду градскому» — Повесть), который приговаривает ее к жестокой казни.²¹

Как видим, сюжетная схема совпадает до мельчайших деталей. Указанные лексические расхождения (мистр—мудрец, лазия—чан) связаны, по всей видимости, со стремлением автора Повести очистить язык от полонизмов и свидетельствуют о вторичности Повести по сравнению с Прикладом (обратная замена на русской почве абсолютно невозможна). Тем более важно обратить внимание на детали, отличающие Повесть от рассказа в «Римских деяниях».

Прежде всего меняется герой. Если в Прикладе это был благочестивый рыцарь, отправляющийся с паломничеством в Святую землю, то

¹⁷ В. П. Перетц. Из истории старинной русской повести. — Университетские известия (Киев), 1907, № 8, с. 33—36. В. П. Перетц относит создание Слова к XVII в.

¹⁸ Истоки русской беллетристики, с. 526.

¹⁹ М. О. Скрипиль. Неизвестные и малоизвестные русские повести XVII в. — ТОДРЛ. т. VI. М.—Л., 1948, с. 328—332.

²⁰ Римские деяния, вып. I, II. СПб., 1878; вып. I, с. 107—113.

²¹ Вторую редакцию Повести, совершенно иначе рисующую весь обряд колдовства, мы не рассматриваем, так как она сохранилась в небольшом отрывке и сюжетная схема памятника в целом неясна.

в Повести героем делается купец, уезжающий из дома по торговым делам; безымянный герой Приклада в Повести получает имя — Григорий. Несколько меняется место действия: если рыцарь живет в королевстве «можного» короля Титуса, то купец Григорий — «во граде Риме»; в Риме рыцарь оказывается лишь на обратном пути из Святой земли, где и встречает «мистра», — купец Григорий, как уже говорилось, только «приблизился к Риму» в момент встречи. Несколько меняется характеристика жены: если в Прикладе жена рыцаря постоянно склонна к «чужеложству» и сама «добывает» себе в любовники чернокожника, то в Повести жена изменяет мужу «по действию дьяволу», под влиянием «волхования» чародея. Такая трактовка более традиционна для древнерусской литературы, не находящей иного объяснения для внезапных любовных озарений. О герое-купце мы еще будем говорить, но показательно упоминание Рима как места действия в Повести: оно могло появиться именно под влиянием названия всего сборника (Р и м с к и е деяния) и упоминания Рима в тексте Приклада; однако именно это упоминание, по видимому, заставило автора Повести перенести встречу Григория с мудрецом в римские пригороды. Такие переделки также подтверждают, на мой взгляд, вывод о вторичности Повести по сравнению с Прикладом.

Другие расхождения между памятниками не касаются их сюжетной схемы: разное словесное оформление диалогов (при сходстве содержания), оттенки реакции героя на увиденное в зеркале, отличия в магических действиях мудреца — мистра и т. п., не меняя нашего вывода о генетической связи этих сочинений, лишний раз свидетельствуют о том, что Повесть о купце Григории является не переводом Приклада о рыцаревой жене и чернокожнике, а оригинальным русским сочинением, созданным на тот же сюжет и по-своему рисующим картины на основе заданных заранее элементов повествования.

Как и мотив слуги-дьявола, сюжет о неверной жене и чернокожнике находит свои соответствия в традиционных представлениях древнерусского человека и его художественном творчестве. Так, мотивы колдовства и надругательства над портретом мужа мы встречаем и в других памятниках русской литературы конца XVII — начала XVIII в. Наиболее близок к Повести о купце Григории эпизод Повести о королевиче Валтасаре, где любовник неверной жены королевича заставляет ее бить «по ланитома» изображение мужа «на хартии».²² В основе таких картин несомненно лежали реальные верования древнерусского человека в колдовство и порчу; ничем иным нельзя объяснить, например, деталь тайного наказания послам, едущим в Данию с предложением брачного союза между королевичем Вальдемаром и царевной Ириной Михайловной, где говорится по поводу возможной просьбы о портрете царевны: «У наших великих государей российских того не бывает, чтоб персоны их государских дочерей, для о с т е р е г а н ь я и х г о с у д а р с к о г о з д о р о в ь я, в чужие государства возить, да и в Московском государстве очей государыни царевны, кроме самых ближних бояр, другие бояре и всяких чинов люди не выдают».²³ Возможно, что подобные представления зародились еще в эпоху язычества, но они продолжают жить в 40-х гг. XVII в. в самых высших кругах русского общества как само собой разумеющийся элемент.

Не менее древнюю основу имеет и мотив с тремя стрелами чернокожника, из которых последняя убивает его самого. Сходный эпизод пред-

²² Н. К. Пиксанов. Старорусская повесть. М.—Пг., 1923, с. 88.

²³ С. М. Соловьев. История России с древнейших времен, кн. V. М., 1961, с. 232 (разрядка моя, — Е. Р.). См. также: Д. Цветаев. Протестантство и протестанты в России до эпохи преобразований. — ЧОИДР, 1890, кн. 1, с. 479.

ставляет важную часть былины о Иване Годиновиче, где соперник Ивана — царь-идолище Вахрамей — стреляет по заговоренной птице (ворон или голубь), прилетевшей на помощь русскому богатырю, но стрела попадает в самого стрелявшего.²⁴ Мотив этот идет из глубокой древности. Как убедительно показал Б. А. Рыбаков, именно этот сюжет был изображен на серебряной оковке турьего рога, датирующейся IX—X в.,²⁵ следовательно, и фольклорный сюжет насчитывает уже тысячелетнюю давность. До нас дошла запись былины об Иване Годиновиче, сделанная в конце XVII в.,²⁶ и это свидетельствует, по-видимому, не только о самом факте ее существования в данный период, но и об особом интересе к ней как слушателя, так и читателя. В этом письменном тексте сохранился мотив стрелы, поражающей стрелявшего, причем «поганой царь» несет также черты оборотня (ср. с чародеем в Повести о купце Григории): догоняя соперника, «объвертывался он ясным соколом и скоро летел из-за синя моря и к лесу темному, объвернулся он гнедым туром и выходил на поле на чистое, и объвертывался он молодым молодцом».²⁷

Мотив стрелы, поражающей стрелявшего, встречается не только в фольклоре, но и в книжной литературе. Этот мотив, в частности, составляет основу Чуда св. Георгия о сарацинине, стрелявшем в икону святого.²⁸

Как видим, и в Повести о купце Григории сходство отдельных элементов сюжета с традиционными литературными мотивами и представлениями древнерусского человека должно способствовать ее пониманию и освоению на русской почве, но в целом сюжет явно новый для русского читателя: едва ли не впервые тема колдовства и, с другой стороны, доброй магии, выражающейся в действиях мудреца — мистра, предстает главным сюжетоорганизующим моментом, подчиняющим себе все остальные стороны памятника. Внимание читателя захвачено соревнованием двух волшебников — злого («чародея») и доброго («мудреца»). При этом интересно отметить, что здесь совершенно нет темы христианского обличения колдовских действий. Если до сих пор в древнерусской литературе и возникала тема колдовства и волхвования, так только в плане обличения и разоблачения «незаконных чудес» — достаточно вспомнить Прение Петра с Симоном волхвом, разоблачение волхвов Яном Вышатичем в Повести временных лет и т. п., где сверхъестественная сила кудесника объясняется лишь его союзом с бесами и помощью нечистого; в этом плане все подобные памятники примыкают к рассказам о союзе человека с дьяволом и о продаже ему души, которые так подробно рассматривались исследователями при изучении Повести о Савве Грудцыне. В нашей же Повести впервые появляется кудесник — мистр как положительный образ, лицо, спасающее главного героя, при этом он не священник — никаких упоминаний или примет, свидетельствующих о его принадлежности к духовному званию, в тексте нет, как нет и прямых обличений его антипода — чародея-любownika. Оценки — только в самих харак-

²⁴ Былины Печоры и Зимнего берега. (Новые записи). М.—Л., 1961, № 70, 139, 144; там же библиография вариантов (с. 580). Здесь же опубликован особый вариант былины (№ 104), идущий из семьи сказителей Крюковых, где нет мотива гибели соперника от стрелы: первый жених погибает во время боя, причем его бывшая невеста помогает Ивану Годиновичу и повествование заканчивается свадьбой. По мнению А. М. Астаховой, это позднейшая версия, возникшая в процессе забывания искомого смысла сюжета (там же, с. 561).

²⁵ Б. А. Рыбаков. Древняя Русь. Сказания. Былины. Летописи. М., 1963, с. 45—47.

²⁶ Былины в записях и пересказах XVII—XVIII веков. Изд. подгот. А. М. Астахова, В. В. Митрофанова, М. О. Скрипиль. М.—Л., 1960, № 43.

²⁷ Там же, с. 196.

²⁸ ГПНТБ, собр. Тихомирова, № 325, л. 120 об.—121 об.

терах и действиях героев. В Прикладе из «Римских деяний» «христианская» тема чуть сильнее: в характеристике рыцаря говорится, что он был «зело набожен», герой уезжает из дома по обету в Святую землю; однако этими упоминаниями все и ограничивается. Русская повесть оказывается еще свободнее от обязательной средневековой оценки волшебства; здесь сказывается та же свобода и легкость в отношении к однозначной прежде теме, что и в восприятии образа беса, о котором мы уже говорили. По-видимому, оба этих явления — одного плана и связаны с новыми качествами литературы XVII в. — ее обмирщением, освобождением от чисто церковных оценок и подчинения.

Говоря о древнерусской повести в связи с вопросом об освоении заимствованных сюжетов, необходимо обратить внимание еще на один памятник рубежа XVII—XVIII вв. — опубликованное О. А. Белобровой Сказание о богатом купце.²⁹ Анализируя сюжетную основу Сказания, размышляя о его истоках и времени появления, О. А. Белоброва сопоставляет его в первую очередь с русскими сказками («О Марке Богатом» и «Царь Соломон»), отметив лишь одну книжную параллель — «Слово о некоем игумене, его же искуси Христос в образе нищего» (Пролог под 18 окт.). Это сопоставление совершенно справедливо, и Христос-нищий в первой части Сказания появляется несомненно под влиянием проложной легенды: в сказках подобный эпизод обычно вторичен и связан с книжными источниками. Однако круг книжных параллелей к повести можно значительно расширить; ими во многом определяется не только завязка Сказания, но и все дальнейшее развитие действия. Правда, полного сюжетного совпадения между Сказанием и каким-либо другим памятником до сих пор не обнаружено, но близкие параллели, несомненно имевшие значение для автора русской повести, легко установить.

Наибольшее совпадение сюжетов обнаруживается между Сказанием о богатом купце и «Прикладом, яко прозрению божию никто же противится может» («О цесаре Конраде и рыцаревом сыне») из «Римских деяний».³⁰ Сходство характеризует только вторую часть Сказания — рассказ о попытках купца избежать предначертанной ему судьбы. В Прикладе полностью отсутствует характерная для Сказания (как и для русских сказок) вступительная часть о изгнании Христа-нищего; место гордого купца здесь занимает «вельможный цесарь» Конрад, ночующий в лесной хижине опального рыцаря Леопольдуса, жена которого именно в эту ночь родила сына; во сне Конрад слышит голос, предсказывающий, что «сие первородное» будет ему зятем, и в гневе велит насильно отобрать ребенка у матери и, зарезав, принести его сердце. Посланные «секретары», пожалев младенца, оставляют его в лесу и приносят цесарю заячье сердце. Воспитанный царем, юноша через некоторое время оказывается при дворе цесаря, который угадывает в нем нареченного зятя и посылает к «цесаревой» с письменным приказом убить посла. Юношу спасает посещение костела, где он останавливается отдохнуть, засыпает, а некий «каплан» (священник), прочитав цесарские «листы», «выскребает» их, заменив распоряжение об убийстве повелением женить посланного на цесарской дочери, что и исполняется. Узнав о случившемся, цесарь расспрашивает свидетелей («секретарев», «ксенжеца» и «каплана») и признает, что «прозрению божию ничто же может противиться».

Как видим, все основные элементы сюжета связывают Сказание о богатом купце с Прикладом о цесаре Конраде и рыцаревом сыне: предска-

²⁹ О. А. Белоброва. Сказание о богатом купце. — ТОДРЛ, т. XXI. М.—Л., 1965, с. 259—265.

³⁰ Римские деяния, вып. II, с. 324—328.

зание о рождении будущего зятя;³¹ приказание зарезать младенца и замена сердца ребенка сердцем зайца (в Сказании — щенка); посещение церкви, которое спасает юношу. Ни один из этих эпизодов (за исключением предсказания, которое играет главную сюжетобразующую роль), как отмечает О. А. Белоброва, не встречается в русских сказках³² — тем показательнее совпадение всех главных элементов сюжета в Прикладе со Сказанием о богатом купце. Расхождения двух памятников вполне объяснимы социальным положением героев: могущественному цесарю совсем не обязательно покупать ребенка, что вынужден делать купец, — цесарь забирает его насильно; также невозможна и гибель цесаря в угольной яме; замена детского сердца заячьим связана с тем, что эта сцена в Прикладе происходит на цесарской охоте, а не во дворе некоей обители, как в Сказании.

Посещение юношей костела в Прикладе несколько отлично от подобного эпизода в Сказании о богатом купце: если в Сказании посланный заходит в церковь ради литургии, то в Прикладе он случайно останавливается около костела отдохнуть. Однако сходный эпизод читается в других книжных легендах, и именно они могли в данном случае повлиять на создание русского Сказания; так, в «Великом Зерцале» читается рассказ «Преподобная Богородица раба своего, иже божественную литургию с радостью послушаше, от огня избави и на носящаго же зло обрати», где разгневанный царь также посылает юношу с поручением в место, где того должны бросить в раскаленную печь; юноша по дороге встречает часовню и заходит помолиться, а в печь попадает посланный для проверки исполнения слуга-доносчик.³³ Сходная ситуация изображается и в статье Пролога под 30 апреля «Слово, еже не достоин ити от церкви, егда поют». Однако если «Великое Зерцало» и проложное «Слово» приближается к нашему Сказанию лишь в одном эпизоде, то Приклад из «Римских деяний» дает всю основную схему сюжета, несколько переработанную в Сказании в соответствии со вкусами русского автора и читателя. Несомненно, что как на выбор сюжета, так и на его обработку автором Сказания большое влияние оказал русский Пролог — свидетельством этого являются обе обнаруженные параллели — как эпизод со спасением юноши из огня, так и образ Христа-нищего, отмеченный О. А. Белобровой. Русский автор Сказания, как и автор Повести о Савве Грудцыне, соединяет два сюжета, давно известных и традиционных для древнерусской литературы, но основой для их объединения служит сюжетная схема типа Приклада о цесаре Конраде и рыцаревом сыне.³⁴

³¹ В Прикладе нет темы оскорбления Христа, за что наказан купец Бендер, но зятем Конрада назначен сын несправедливо обиженного цесарем и нищего тогда рыцаря, так что мотив наказания и здесь присутствует.

³² О. А. Белоброва. Сказание о богатом купце, с. 262. Замена сердца младенца сердцем щенка, как и в Сказании, отмечена в сказке о Соломоне; однако это единственное совпадение между данной сказкой и Сказанием; в сказках о Марке Богатом, ближе передающих всю сюжетную линию повествования, ребенка, как правило, пытаются погубить иначе: бросают зимой в сугроб, в глубокий овраг, в море, откуда он чудесно спасается.

³³ П. В. Владимиров. «Великое Зерцало», с. 27—28.

³⁴ Не является ли косвенным доказательством близости Сказания о богатом купце к кругу памятников из «Римских Деяний» то, что в рукописи оно соседствует и имеет смысловые совпадения с Повестью о папе Григории? См.: О. А. Белоброва. Сказание о богатом купце, с. 263. Повесть о папе Григории (под заглавием «Сказание о царском платье») в данном списке представляет особую редакцию, отражающую, по словам Н. К. Гудзия, стремление «оправославить» католическую в основе повесть — см.: Н. К. Гудзий. Новые редакции повести о папе Григории. — ТОДРЛ, т. XV. М.—Л., 1958, с. 180. Некоторые приемы создания этой особой редакции совпадают с методами автора Сказания о богатом купце.

Сам факт контаминации разных, долгое время существовавших отдельно сюжетов свидетельствует, вне всякого сомнения, об индивидуальной авторской переработке их, о создании нового произведения на основе давно известных «мотивов» и сюжетной схемы переводного памятника.

Сходство Сказания о богатом купце с книжными памятниками позволяет, по-видимому, несколько иначе рассматривать вопрос о генезисе повести. О. А. Белоброва пишет, что Сказание создано на рубеже XVII и XVIII вв. «в традициях русской народной сказки и демократической повести петровской поры», и видит в ней пример «обращения „книжной“ литературы к устному народному творчеству».³⁵ Однако возможно и другое. Не отрицая демократического характера Сказания, нельзя ли предположить, что оно сыграло роль своеобразного промежуточного этапа между переводной повестью и ее фольклорным устным переложением? В таком случае не Сказание создавалось на основе русских сказок, а сказки типа «Марка Богатого» имели своим источником книжную повесть.³⁶ В пользу последнего предположения, на мой взгляд, говорит сам христианско-легендарный характер сказки «О Марке Богатом», устойчивая схема данного сказочного сюжета, тяготеющая к типу Сказания о богатом купце. Однако это предположение в настоящий момент надо считать лишь чисто рабочей гипотезой, поскольку окончательно решить этот вопрос, как и вопрос о взаимоотношении русского Сказания и переводной повести, невозможно без привлечения всех сходных памятников и специальной текстологической работы.³⁷

Все рассмотренные произведения оригинальной русской беллетристики (Слово и сказание о некоем купце и Повесть о Савве Грудцыне, Повесть о купце Григории, Сказание о богатом купце) оказываются в той или иной мере связаны с сюжетами переводных повестей, входящих в западноевропейские сборники легенд и «прикладов». Таким образом, сходные сюжеты разрабатываются как в переводной, так и в оригинальной русской беллетристике, и немногие привлеченные выше памятники дают возможность уже теперь заметить некоторые закономерности в приемах авторов и редакторов, стремящихся приспособить заимствованный сюжет к русским условиям. Изменения касаются в первую очередь имен (личных и географических) и самое главное социального лица героя.

При замене личных имен исключаются имена, воспринимаемые как чужие, иностранные; это в равной мере относится к именам западным — Конрад, Леопольдус, Генрик (Приклад о цесаре Конраде и рыцаревом

³⁵ О. А. Белоброва. Сказание о богатом купце, с. 263.

³⁶ Интересно отметить, что некоторые детали Приклада ближе к сказке, чем к Сказанию: волшебное изменение письма, которое по-прежнему имеет вид написанного рукой кесаря и «печатано печатью кесаревою», находит прямое соответствие в сказках, где встреченный юношей таинственный старец (иногда прямо говорится, что «го был сам Христос») только подержал письмо в руках (или перебросил с руки на руку, подул и т. п.), чтобы содержание его изменилось. — См.: А. Н. Афанасьев: 1) Народные русские легенды. М., 1859, с. XXVIII; 2) Народные русские сказки в трех томах, т. 2. М., 1957, с. 441, 445.

³⁷ Круг памятников со сходным сюжетом, вероятно, гораздо шире отмеченных выше; так, В. И. Малышев в одном из усть-дилемских сборников отмечает «Повесть о некоем богатом, как неизменяемы судьбы божия», поясняя ее содержание: «Повесть о купце, пренебрегавшем нищелюбием и хотевшем зятя своего в солеварном котле сварить, но вместо него туда угодившем» (В. И. Малышев. Усть-дилемские рукописные сборники XVI—XX вв. Сыктывкар, 1960, с. 120); отсылка к работе П. В. Владимирова «Великое Зерцало» (прилож. 3, № 56), данная В. И. Малышевым, в данном случае ошибочна, так как под этим номером у Владимирова указан совсем другой рассказ, сходный только по заглавию — «О погибели некоего богача, ему же никое зло в житии сем прилучися» (см. издание текста: О. А. Державина. «Великое Зерцало...», с. 235).

сыне) — и греческим: Еладие (Чудо о прельщенном отроке). Причины замены понятны: имена Приклада не характерны для православного круга, своим звучанием они напоминают о католическом происхождении и западной окраске повести. С другой стороны, имя Еладие — православное, Житие Елладия читается в Великих Минеях-Четиих под 28 мая, а под 7 и 8 января там же помещено Житие Феофила дьякона и Елладия. Однако жития эти, как и святые, чисто греческие, русских святых с таким именем нет, и поэтому здесь также, для приближения к русской действительности, необходимо изменить имя героя.³⁸ Заменяются имена также двойко: появляются или чисто фантастические имена, не известные православным святым, — Бендер, Фивран в Сказании о богатом купце (возможно, на фантастичность имен оказала влияние четкая ощущаемая не только в Сказании, но и в Прикладе стихия народной сказки),³⁹ или же — второй путь — вводятся имена также византийско-православные, однако принятые на Руси: Феодосий, Иоанн (Слово и сказание о некоем купце), Григорий (Повесть о купце Григории). Таким путем создается если не русификация, то нейтральность имени героя, его «всесветность» и независимость от привязанности к определенному реальному месту.

То же происходит и с географическими приурочениями места действия. Внешне конкретная привязанность прикладов из «Римских деяний» к тому или иному королевству («некоторый град» в королевстве цесаря Конрада — «О цесаре Конраде и рыцаревом сыне», королевство короля Титуса — «О чернокнижнике и рыцаревой жене») в русских повестях заменяется именами «вечных» и великих городов мира — Рима (Повесть о купце Григории), Вавилона (Сказание о богатом купце), наравне с которыми называется фантастический город Фантифон (Сказание о богатом купце). Именно последнее соединение в одном ряду реального и фантастического города разрушает конкретность географических указаний и показывает их чисто внешнюю, «орнаментальную» роль в беллетристических памятниках. Такую роль играет и указание на Царьград (место Рима) в особой редакции Повести о папе Григории, и на Новгород в Слове и сказании о некоем купце, но здесь проступает и определенное стремление «оправославить» сюжет («Папа Григорий»)⁴⁰ или перенести его в русскую обстановку («Некий купец»). В целом же подобные указания — сама система выбора «вечных» городов — должны свидетельствовать о «всеобщности», «всемирности» данного сюжета, что вполне соответствует интернациональности сюжетов средневековой беллетристики.

Наконец, чрезвычайно важная черта — изменение социального облика героя. Бросается в глаза, что во всех привлеченных переводных повестях речь идет о рыцарях (в легенде «Великого Зеркала» о слуге-дьяволе говорится как о «некоем воине честном», что не противоречит общему наблюдению), в то время как во всех оригинальных русских повестях на те же сюжеты герои — купцы. Д. С. Лихачев писал об особенном значении «купеческих» повестей в развитии древнерусской беллетристики;⁴¹

³⁸ Изменение имени героя, естественно, необходимо автору и для подчеркивания самостоятельности, независимости создаваемого текста от всех предшествующих; это явление характерно для переделок всех времен, но для нас в данном случае важно выявить возможные закономерности в системе подобных замен.

³⁹ Фольклорные параллели к сюжету о гибели злодея вместо безвинного героя отмечаются уже в древнеиндийских сборниках типа Панчатантры, Сомадевы и т. п.

⁴⁰ См.: Н. К. Гудзий. Новые редакции повести о папе Григории, с. 180.

⁴¹ Д. С. Лихачев. Развитие русской литературы X—XVII веков. Эпохи и стили. Л., 1973, с. 160; Истоки русской беллетристики, с. 526—528.

четко наблюдаемая замена «рыцарь—купец» показывает, что введение последнего героя было принципиальным явлением, не случайностью, а единственной возможностью создать действующее лицо, чьи необычайные приключения в заморских странах, длительные путешествия, встречи с новыми людьми и вынужденные разлуки с женой находят реальное объяснение в особенностях профессии и образа жизни. В западноевропейской литературе такую роль в первую очередь играли рыцари с их крестовыми походами, паломничествами в Святую землю и посещениями рыцарских турниров; в древнерусской литературе эту роль стали играть купцы⁴² — и объясняется она не только литературным этикетом, которому подчиняется повествование об «официальных» героях — церковных или военных деятелях,⁴³ но и положением каждой из этих социальных групп в реальной жизни. Только после петровских преобразований, когда фигура путешествующего в дальних странах дворянина или «офицера» делается привычным явлением, она заменяет купца в оригинальной русской авантурной повести.

⁴² Подобную роль могли бы играть и послы, но они такого положения в древнерусской литературе не заняли: помимо Сказания о Вавилонском царстве, я не знаю повестей, героем которых был бы посол. Вымышленные же статейные списки, появляющиеся в XVII в., представляют особый тип повествования, далекий от привлеченных здесь памятников.

⁴³ Истоки русской беллетристики, с. 527.

И. П. СМЕРНОВ

Эпическая метонимия

1

Задача, поставленная в этой статье, сводится к доказательству того, что русская былина обладает единой метонимической природой. Если выдвигаемый тезис будет доказан, то он, по всей видимости, приложим не только к устному, но и к письменному героическому эпосу — прежде всего к эпическим памятникам древнерусской литературы (которым автор намерен посвятить специальную работу).

Понимание смысловой организации литературных жанров как аналогичной строению тех или иных тропов восходит к исследованиям А. А. Потебни. В набросках к учению о тропах и фигурах он рассмотрел семантику отдельно взятого высказывания в качестве результата некоторой трансформации естественного языка, полностью подчиняющей себе данное высказывание («Метафора в части предложения делает метафоричным все то целое, которое нужно для ее понимания»¹), и распространил это заключение на литературные произведения в целом. Он утверждал, в частности, что «сложная синекдоха есть поэтическая типичность»,² т. е. в конечном счете сближал изобразительные средства, канонизированные литературным движением второй половины XIX в., с видом метонимии.³ В последнее время взгляды А. А. Потебни были обобщены (со ссылкой на его труды) Ц. Тодоровым, предложившим считать троп «прообразом (prefiguration) структуры целого жанра»,⁴ и нашли фактическое подтверждение в ряде трудов Ж. Женетта, среди которых в первую очередь стоит упомянуть статью «Метонимия у Пруста».⁵

Впрочем, задолго до выступлений Ц. Тодорова и Ж. Женетта идеи А. А. Потебни были усвоены русской наукой и сформировали в ней устойчивую традицию, одним из узловых пунктов которой надлежит признать нашу шумевшую статью Брюсова «Испепеленный. К характеристике Гоголя», где гипербола толковалась в роли своего рода мыслительного механизма, порождающего и словесный стиль, и стиль поведения писателя.⁶ Уста-

¹ А. А. Потебня. Из записок по теории словесности. Харьков, 1905, с. 267.

² Там же, с. 232.

³ Ср.: Р. О. Якобсон. О художественном реализме. — В кн.: Хрестоматия по теоретическому литературоведению, I. Изд. подгот. И. Чернов. Тарту, 1976, с. 73.

⁴ Тз. Тодоров. Structuralism and Literature. — In: Approaches to Poetics. Ed. by Seymour Chatman. New York—London, 1973, p. 168.

⁵ G. Genette. Figures, III. Paris, 1972. Обзор исследований по риторике, выполненных представителями парижской школы, см.: М. Аггивэ. Poétique et rhétorique. — Studia Neophilologica, 1976, vol. XLVIII, N 1.

⁶ В. Брюсов. Собрание сочинений в 7-ми т., т. 6. М., 1975, с. 134—159. Ср. о метрической теории Брюсова, также тяготеющей к описанию порождающих процессов сознания: С. И. Гиндин. Трансформационный анализ и метрика. —

навливая переклички между литературным творчеством и «текстом поведения» Гоголя, Брюсов предвосхитил исследования некоторых психологов нашего времени, которые пытаются придать метафоре и метонимии универсальное значение, равно актуальное для речевой и вместе с тем для всякой знаковой деятельности человека (как на этом настаивает, например, Ж. Лакав в статье о лингвистическом анализе бессознательного⁷). Это представление соответствует предпринятому Р. О. Якобсоном дву-членному делению афатических явлений, которые удалось связать в одном случае с осью отбора, а в другом — с осью комбинирования языковых единиц.⁸ Согласно Р. О. Якобсону, метафора (замена смысла, опирающаяся на аналогию между объектами) и метонимия (замена смысла, допускаемая смежностью объектов) также соотносены каждая с одной из двух осей языковой структуры и, таким образом, представляют собой отправной пункт для фундаментальной классификации словесных сообщений⁹ или же сообщений, подобных языковым, куда входят, в частности, повествовательные кинофильмы.¹⁰ Несмотря на то что эти положения получили отклик не только в психологии, но и в современном гуманитарном знании вообще¹¹ (вплоть до некоторых отраслей наук о ведении),¹² они вряд ли могут быть оценены как безупречные: «Хотя Якобсон использует метонимию, чтобы охарактеризовать синтагматическую ось, мы не должны забывать, что метонимический принцип реализуется также на парадигматической оси, когда метонимия функционирует как фигура речи».¹³

Вот почему понятия сходства и смежности должны быть подвергнуты логическому «прояснению». Для этого требуется учесть, что смысл любого высказывания включает в себя три слагаемых: объем значений, содержание значений и следование значений. Можно ожидать, что метафора возникает тогда, когда какому-либо объему значения будут приписаны два различных содержания и два различных сочетательных свойства. Отношение аналогии утверждает себя постольку, поскольку одному обозначаемому объекту вменяются характерный признак и семантическая позиция, заимствованные у другого объекта, благодаря чему оба явления попадают во вновь образованный смысловой класс, становятся сходными.

В кн.: Машинный перевод и прикладная лингвистика, вып. 13. М., 1970, с. 177—200; см. также: М. Лотман. Генеративный подход в метрических шгудиях. — В кн.: Русская филология, IV. Тарту, 1975, с. 89, 95—96.

⁷ J. L a c a n. *Ecrits*. Paris, 1966.

⁸ R. J a k o b s o n. Two aspects of language and two types of Aphasic disturbances. — In: R. J a k o b s o n, M. H a l l e. *Fundamentals of language*. The Hague, 1956.

⁹ R. J a k o b s o n. 1) *Randbemerkungen zur Prosa des Dichters Pasternak*. — *Slavische Rundschau*, 1935, vol. VII; 2) *Linguistics and poetics*. — In: *Style in language*. Ed. by T. A. Sebeok. New York—London, 1960, p. 358 et sqq. (рус. пер.: Р. Якобсон. *Лингвистика и поэтика*. — В кн.: *Структурализм: «за» и «против»*. М., 1975).

¹⁰ См.: R. J a k o b s o n. *Décadance du cinéma?* — In: R. J a k o b s o n. *Questions de poétique*. Paris, 1973.

¹¹ См. подробнее: F. J a m e s o n. *The Prison-House of language. A critical account of structuralism and russian formalism*. Princeton, 1972, p. 120 et sqq.; J. A. B o o n. *From symbolism to structuralism. Lévi-Strauss in a literary tradition*. New York, 1972, p. 72 et sqq.

¹² Ср.: R. B a r t h e s. *Historical discours*. — In: *Introduction to structuralism*. Ed. by M. Lane. New York, 1970, p. 152—153. Попытка уподобить тропам (понимаемым отчасти в духе Н. Фрая) разные типы исторического повествования содержится также в: Н. W h i t e. *Metahistory. The historical imagination in nineteenth Century Europe*. Baltimore—London, 1973.

¹³ E. H o l e n s t e i n. A new essay concerning the basic relations of language. — *Semiotica*, 1974, XII, 2, p. 101.

Метонимия создается в результате такой трансформации языка, которая меняет лишь смысловой объем языковой конструкции. Ассоциация по смежности — не что иное, как мыслительный переход от одного объема значения к другому, причем пересечение границы, разделяющей эти объемы, происходит при условии, что они будут одинаково удовлетворять общему дифференциальному признаку и обладать одинаковой способностью к участию в логическом выводе. Иначе говоря, метонимическое сообщение реорганизует не классификацию действительности, но мощности семантических множеств, увеличивает либо уменьшает число элементов, входящих в тот или иной класс.

Из этих рассуждений вытекает по меньшей мере три заключения. Во-первых, преобразовательные ресурсы языка не вмещаются лишь в понятия метафорической и метонимической трансформаций, поскольку наряду с только что разобранными вероятны, как это очевидно, и иные комбинации, захватывающие план объема, план содержания и план следования значений.¹⁴ Во-вторых, сходство и смежность реалий социофизического мира не столько заданы автору литературного текста, сколько задаются (конструируются) самим текстом: не аналогия порождает метафору, но метафора порождает аналогию,¹⁵ точно так же как метонимия открывает смежность предметов. Наконец, в-третьих, нужно надеяться, что связи между замещаемыми и замещающими слагаемыми высказываний поддаются теоретико-множественной трактовке.¹⁶ Последнее утверждение позволяет дополнить традиционное определение разновидности метонимии, которое предусматривает возможность смысловых переносов с целого на часть (*pars pro toto*, синекдоха), с части на целое (*totum pro parte*) и с части на часть (*pars pro parte*).

Известно, что существуют четыре основополагающих отношения, в которые способны вступать множества элементов: включение, непустое пересечение, пустое пересечение и совпадение. С этой точки зрения принципы *totum pro parte* и *pars pro toto* однородны относительно логической операции *включения*, предполагающей, что какой-либо смысловой объем будет осознан в качестве подмножества другого объема. Обе формы производства смыслов то и дело используются былинной в связи друг с другом. Так, на вытеснении целого частью основан эпизод магического подрезания и сожжения следов Добрыни, перерастающий в тему телесного ущерба, который наносит богатырю колдовство Марины. Знаменательно, что в варианте Кирши Данилова метонимическую окраску приобретает, наряду с ходом сюжета, и словесное изображение ситуации: следы Добрыни, которым еще только предстоит попасть в огонь, названы «горячими»; перед нами, бесспорно, идиоматическое выражение (ср. «идти по горячим следам»), однако его позиция в тексте такова, что эпитет совмещает в себе два отрезка времени — предшествующий и последующий, обнаруживая родство метода *totum pro parte*, воплощаемого на лексическом уровне, с методом *pars pro toto*, регулирующим тематическое строение текста:

И в те поры Марине за беду стало,
Брала она следы горячия молодецкия,
Набирала Марина беремя дров,
А беремя дров белодубовых,

¹⁴ Исчисление тропов и фигур см.: И. П. Смирнов. Семантика литературного текста и семантика языка. — В кн.: Язык и стиль. Волгоград, 1976.

¹⁵ Ср.: М. Власк. Metaphor: — In: Models and metaphors. Ithaca, 1962, p. 37; С. Р. Вартазарян. От знака к образу. Ереван, 1973, с. 168 и след.

¹⁶ Ю. И. Левин. Русская метафора: синтез, семантика, трансформации. — Труды по знаковым системам, вып. IV. Тарту, 1969.

Клала дровца в печку муравленую
Со темя следы горячими,
Разжигает дрова палящетым огнем. . .¹⁷

Подстановку целого на место части в еще более явной форме отражает лексика былины «Добрыня Никитич и Василий Казимирович», где в сцене завершения богатырского боя с войском царя Батура действию сообщается значение инструмента действия:

Тут его молодцы послушались,
Бросали худой бой о сыру землю.¹⁸

Как нетрудно заметить, в приведенных иллюстрациях метонимическое превращение смысла осуществлялось на оси отбора лексических величин, т. е. в парадигматическом измерении текста (ср. цитированный выше критический отзыв о тезисе Р. О. Якобсона). В том случае, если расширение объема значения происходит непосредственно по мере развертывания словесных цепей (синтагматически), стиль былины делается плеонастичным. В сюжете, повествующем об Илье Муромце и голях кабацких, представлены каждый из двух путей порождения метонимий:

Выходил Илья да на зеленый дуг,
Закрывал он во всю голову челоуичию.¹⁹

Вместо словосочетания «кричать во весь голос» здесь употреблена метонимия «закрывал он во всю голову», сочетающаяся с плеоназмом «голова челоуичия», который естественно толковать как линейный (in praesentia) переход от части к целому.²⁰ Остается добавить, что в приложении к тематике былины разграничение «парадигматических» и «синтагматических» метонимий (или фигур) помогает согласовать изучение эпического мира, который складывается вследствие отбора мотивов, с исследованием эпического сюжета, который создается комбинированием мотивов.

Непустое пересечение семантических множеств, обнаруживающее наличие у них общей части, реализуется в метонимии вида *pars pro parte*. Обратимся к примерам:

Как во ту пору, во то времечко
Из-под ветерья как кудрявого,
Из того орешва зеленого
А бежит прибегишо лодейноё,
А лодейное корабельнеё.²¹

Объемы значений, соответствующие понятиям корабля и пристани, принадлежат различным множествам, одно из которых объединяет предметы, перемещающиеся по водной поверхности, а другое — неподвижные предметы, расположенные вблизи от воды. В результате пересечения

¹⁷ Древние российские стихотворения, собранные Киршею Даниловым. М.—Л., 1958, № 9, с. 53 (далее: Кирша Данилов). Здесь и везде по статье курсив в цитатах мой. — И. С.

¹⁸ Былины и песни южной Сибири. Собр. С. И. Гуляева. Новосибирск, 1952, № 10, с. 99.

¹⁹ Онежские былины, записанные А. Ф. Гильфердингом летом 1871 года, т. 1—3. Изд. 4-е. М.—Л., 1949—1951, т. 3, № 257, с. 354 (далее: Гильфердинг).

²⁰ Ср. обратное движение смысла от целого к части, конкретизирующее мотив поездки героя в «Повести о Сухане»: «*Поеду, поеду посмотрю* быстра Непра Славутича» (В. И. Малышев. Повесть о Сухане. М.—Л., 1956, с. 139); одно из следствий конкретизирующего семантического процесса — постпозиция былинного эпитета.

²¹ М. Д. Криволенова. Былины. Скоморошины. Сказки. Архангельск, 1950, № 7, с. 67.

эти множества (в которых присутствует общий семантический признак — связь с водой) обмениваются своими составными частями — возникает возможность отождествить укрытие для судна с самим судном в мотиве бегущей пристани (обозначенной как «прибегищю», видимо, под влиянием предшествующего глагола). Точно так же в былине о Михайле Потыке коню богатыря передается часть вооружения всадника — конь мнет землю не копытом, а копьём,²² что было бы неверно рассматривать как лингвистический ляпсус, поскольку подобная речевая формула встречается у разных исполнителей:

Михайлин еще конь наперед бежит.
А прибегал на яму на глубокую,
Как начал тут он ржать да *копьём-то мять*
Во матушку во ту во сыру землю.

(Гильфердинг, т. 1, № 52, с. 480).

Классические, как, впрочем, и современные, риторики не анализируют метонимий, которым могло бы быть сопоставлено представление о *пустом пересечении* объемов значений. Между тем такая семантическая ситуация не только допустима логически, но и чрезвычайно распространена в эпических текстах. Если процедура пустого пересечения становится сюжетообразующей, то она часто запечатлевается русской былиной в мотиве отсутствующего оружия. Это превращение обозначаемого объекта выдвигает на его место нулевой субститут. Два смысловых объема (богатырь и воинские атрибуты героя) не обладают общими элементами:

И у того ли у молбдаго Добрынюшка
Не случилось ничто быть в белых ручушках,
Да и ёму нечим со змеищом попротивиться.
Поглянул-то как молбдёнкой Добрынюшка
По тому по крутому по бережку,
Не случилось ничто лежать на крутоём на берегу,
Ёму нечего взять в белыи во ручушки,
Ёму нечим со змеищом попротивиться.

(Гильфердинг, т. 2, № 79, с. 58).

Что касается последнего из четырех названных отношений между множествами — *совпадения*, то оно может быть интерпретировано в качестве логического механизма, отвечающего за формирование гипербол.²³ По справедливому мнению Э. Ганса, гипербола не отнимает у реал-

²² Метонимия поддержана звуковой близостью слов, находящихся в отношении субституции (ср. разбор отрывка из былины «Илья Муромец и голи кабацкие»); об аналогичных явлениях при образовании метафор см.: Б. А. Успенский. «Грамматическая правильность» и поэтическая метафора. — Тезисы докладов IV летней школы по вторичным моделирующим системам. Тарту, 1970, с. 124—125. Интересно, что и на оси комбинирования текстовых элементов обычно наблюдается звуковое сходство метонимически связываемой лексики; ср. в этом плане линейную реализацию непустого пересечения значений: «Из-за синяго моря, из-за чернаго Подымался Батый царь, сын Батыевич» (Песни, собранные П. В. Киреевским, вып. 1—4. Изд. 2-е. М., 1868, вып. 4, с. 38 (далее: Киреевский); ср. примеч. 31).

²³ Ср. иное определение гиперболы, данное Ж. Женеттом: «Назовем гиперолой такие явления, в результате которых язык... сближает, словно с помощью валома, естественные реалии, разделенные контрастом и разрывом» (G. Genette. Figures, I. Paris, 1966, p. 252). Французский исследователь утверждает, что такого рода прием, особенно употребительный в художественных системах барокко и сюрреализма, противоречит и «романтической метафоре и классической метонимии» (ibid., p. 249). В труде Дж. Л. Кьюджела трюк, который объединяет логически несовместимые понятия, получил название символа (J. L. Kugel. The Techniques of Strangeness in Symbolist Poetry. New Haven—London, 1971, p. 44). А. К. Жолковский и Ю. К. Щеглов предлагают

лий их отличительных признаков, но изменяет самый предмет отражения.²⁴ В противоположность семантическим переходам от части к целому преувеличение достигается благодаря однородному (количественному) расширению объема значения, что и дает право говорить о совпадении множеств как о предпосылке гиперболизации.²⁵ Общеизвестно пристрастие былин к игре крупными планами, составляющей, скажем, изобразительное содержание рассказа о встрече и столкновении Ильи Муромца со Святогором (Илья разбивает в щепки дуб, но не в состоянии сокрушить противника), однако цитируемый ниже отрывок интересен тем, что переменяет преувеличение с литотой, которая тоже должна быть осознана, по аналогии с гиперболой, в качестве одной из разновидностей метонимии:

*А ударил палицей да во сырой дуб,
Разлётелся дуб да видь сырых.
Как дру́гой раз наехал на чудовище,
Бил-то видь яво буйну голову, —
Как на кони сидит да подремливает,
Вперед-то чудо ведь да не оглянетси. . .
Как наехал тут Илья третий раз,
Ударил тут его плóтно-наплотно,
Ударил тут его крѣпко-накрѣпко, —
Чудовище назад увыркнүлоси,
Схватило Илью за желть кудри́,
Спускал он его во карман да глубоких,
Повез-то ён вперед да поехал ведь.²⁶*

Итак, былинные тексты не пренебрегают ни одной из тех логических возможностей, которые имеются в распоряжении метонимии. Чтобы охарактеризовать теперь ее жанрообразующую роль, необходимо проследить за тем, как эти возможности воплощаются во всех структурных слоях эпоса, в том числе на сюжетно-тематическом, морфолого-синтаксическом и даже метрико-звуковом уровнях.²⁷ При этом нужно иметь в виду, что метонимичность лингвистических ярусов художественного текста, согласно Е. Куриловичу, «предполагает „горизонтальный“ сдвиг слова, т. е. его использование в синтаксической позиции, отличной от исходной».²⁸

отличать от гиперболы (понимаемой отчасти в духе Ж. Женетта) «увеличение» — «замену элемента x на x_1 , увеличенный по сравнению с его нормальным видом» (А. К. Жолковский, Ю. К. Щеглов. Математика и искусство. (Поэтика выразительности). М., 1976, с. 34—35).

²⁴ E. G a n s. Hyperbole et ironie. — Poétique, 1975, N 24, p. 499. Ср.: В. И. Е р е м и н а. Метонимия и ее формы. — В кн.: Культурное наследие Древней Руси. Истоки. Становление. Традиции. М., 1976, с. 277 и след.

²⁵ Отсюда синтагматической гиперболой будет, в частности, повтор эпитета: «Молоды Алеша Попович млад. . .» (Кириша Данилов, № 24, с. 160).

²⁶ Онежские былины. Подбор былин и науч. ред. текстов Ю. М. Соколова. Подгот. текстов к печ., примеч. и словарь В. Чичерова. М., 1948, № 1, с. 70 (далее: Соколов и Чичеров).

²⁷ Однако метрики былин эта статья не касается. О трех-(шести)-ступенчатом расслоении структуры художественного произведения см.: A. J. G r e i m a s. Pour une théorie du discours poétique. — Essais de sémiologie poétique. Paris, 1972, p. 11—12; ср. родственный подход к разграничению уровней в лингвистике: S. M. L a m b. Outline of Stratificational Grammar. Washington, 1966, p. 18 et sqq.

²⁸ J. K u r y ł o w i c z. Metaphor and Metonymy in Linguistics. — Zagadnienia rodzajów literackich, t. IX, zes. 2 (17). Łódź, 1967, s. 6. Соответственно — лингвистический смысл понятия метафоризации, по И. И. Ревзину, «. . . состоит в том, что замещается некоторая приписываемая слову категория, например категория одушевленности — неодушевленности глагольного действия» — так называемая «полуграмматическая категория» (И. И. Р е в з и н. Типологический смысл понятия «сильного управления» и понятие грамматической правильности. — Известия АН СССР. Серия лит ера туры и языка, 1975, т. 34, № 1, с. 22—23).

2

Категории смыслового мира былины, по определению метонимии, должны варьировать свой объем в процессе сюжетного развития. Под этим углом зрения былинное пространство, например, должно подвергаться по ходу повествования либо растяжению, либо концентрации и выступать то как сугубая длительность, конечные точки которой остаются не отмеченными или крайне удалены от центра, то как место действия, которое сжимает в своих границах смежные участки.

Слияние расчлененных пространственных областей в единое целое (*totum pro parte*), помимо темы бескрайнего богатырского поля, находит отзвук в мотивах чудесного преодоления городских стен и рубежей вражеского стана, расчистки непроезжего пути или перегороженного противниками моста, как в рассказе о победе Василия Буслаевича над новгородцами. Стремясь к всеобъемлющему охвату изображаемого,²⁹ героический эпос добавляет к антитезе правое—левое посредующее звено, которым исчерпывается фронтальное деление пространства (в былине об изгнании Батяга богатыри мечут жребий, чтобы узнать о том, кто из них будет биться с татарскими полчищами на флангах, а кто — в центре); в случае кругового обзора с этим сопоставим зафиксированный эпическими клише сдвиг от трехсторонней к четырехсторонней пространственной ориентации:

Он повыскочил на гору на высокую,
Посмотрел на все на три-четыре стороны.

(Гильфердинг, т. 2, № 75, с. 23).

Какой бы ни была вместимость сценической площадки (размеры которой могут гипертрофироваться: слава о богатырях идет «по всей земле»), былинный мир часто оказывается полностью проницаемым для зрения (особенно в национальных географических пределах). В былине о бое отца с сыном этот мотив сочетается с двойным наименованием Куликова поля, контаминирующего участки, которые несовместимы друг с другом и по горизонтали, и по вертикали (поскольку равнина наделяется эпитетом, обычно характеризующим в эпосе горный ландшафт — ср. «Горы Сорочинские»):

Да и зрел он, смотрел на все стороны,
Да смотрел он под сторону восточную, —
Да и стоит-то-де наш там стольнѣ-Киев-град;
Да смотрел он под сторону под летнюю, —
Да стоят там луга да там зелѣны;
Да глядел он под сторону под западну, —
Да стоят там да леса тѣмны;
Да смотрел он под сторону под северну, —
Да стоят-то-де там ледены горы;
Да смотрел он под сторону в полуночю, —
Да стоит-то-де нашо да синѣ морѣ,
Да стоит-то-де нашо там чисто поле,
Сорочинско-де словно наше Кулигово.³⁰

Парный топоним в этом примере свидетельствует о том, что обобщенное переживание пространства вызывается к жизни не только тогда, когда место действия былины тяготеет к безудержному расширению, но и тогда, когда изолированная область реальности соединяет в себе

²⁹ Ф. Б у с л а е в. Исторические очерки русской народной словесности и искусства, т. 1. Русская народная поэзия. СПб., 1861, с. 58.

³⁰ Н. О н ч у к о в. Печорские былины. СПб., 1904, № 1, с. 6 (далее: Овчуков).

разноречивые пространственные черты (*pars pro toto*). Сокол-корабль плесет на своей палубе церкви, монастыри и кабаки. Описание чудесного ребенка размыкает контуры человеческого тела: «По косицам частыя звездочки, А по темі печет красно солнышко» (Гильфердинг, т. 2, № 94, с. 191). Вселенной уподобляется дом Садко и палаты, которые выстраивает во владениях будущей невесты Соловей Будимирович: ³¹ «На небе заря — в тереме заря И вся красота поднебесная» (Кирша Данилов, № 1, с. 13), причем превращение «непаханного и неоранного» куска чужой земли в отражение космоса рисуется как чудо, мотивирующее включение героини в социально-родовое целое — в семью.³²

Нарушение пространственной автономии может подытоживаться и иным исходом — восстановлением временно утраченной замкнутости границ (прежде всего этнических), если сюжет былины контролируется правилом *pars pro parte*.³³ Именно этим преобразованием смысла объясняется устойчивое сравнение эпической битвы с основанием города, т. е. с акцией, зеркально компенсирующей отчуждение национальной территории (ср. обряд строительной жертвы):

Схватил Илья татарина за ноги,
Который ездил во Киев-град,
И зачал татаринoм помахивати,
Куда ли махнет — тут и улицы лежат,
Куды отвернет — с переулками.

(Кирша Данилов, № 25, с. 171).

Не менее, чем перечисленные выше случаи, показательны для былины как преувеличения масштаба территориальных владений (дворы Чурилы и Терентица, поле, обрабатываемое Микулой), так и мотивы, свертывающие пространственную протяженность к нулю, в частности формулы зрительно неувидимого отъезда героев:

Видали тут Добрынюшку да сядучи,
А не видли тут удалаго поедучи.

(Гильфердинг, т. 1, № 5, с. 136).

В свете сказанного о способах размыкания и сосредоточения пространства в былине становится понятным то обстоятельство, что эпические

³¹ Ср. еще одну пространственную синекдоху, соотносящую разные русские города с какой-либо одной топографической деталью:

Ай чистые поля были ко Опскову,
А широки раздольица ко Киеву,
А высокие ты горы Сорочинские,
А церковно-то строенье в каменной Москвы. . .

(Гильфердинг, т. 1, № 60, с. 554).

Как заметил Б. М. Соколов (Б. С о к о л о в. Экскурсы в область поэтики русского фольклора. — В кн.: Художественный фольклор. М., 1926, с. 37), каждый из топонимов, которыми завершаются стихи этого былинного зачина (концовки), содержит в себе звуковую группу, уже встречавшуюся в строке.

³² На переносное значение мотива «непаханной» земли указывал еще А. В. Марков (А. М а р к о в. Из истории русского былевого эпоса, вып. 2. М., 1907, с. 88—89), но в чисто метонимическом смещении свойств персонажа и собственности, которой тот обладает, он усмотрел «аллегорию».

³³ Ср. перемещение топографической реалии в белорусском варианте «Голубиной книги», где «отец» всех озер — Ильмень — локализуется «у турецкой земли» (Е. Р. Р о м а н о в. Белорусский сборник, вып. 5. Зачоворы, апокрифы и духовные стихи ¹ Гомельск, 1891, с. 293 (далее: Романов)).

тексты отдают преимущество двум видам движения — удалению от центра к окрестности (поездки богатырей, выполняющих княжеское задание, охрана подступов к границам, выбор пути на перекрестке дорог) и перемещению от периферии к центру (возвращение из отлучки, хождение в святые места, приезд богатых гостей из-за моря). Наряду с панорамным обзором, производимым с фиксированной точки зрения, этому отвечает и такой метод изображения явлений в пространстве, который вызывает, по словам С. Ю. Неклюдова, «... эффект ступенчатого сужения „угла зрения“».³⁴

На славной Волге-реке,
На верхней изголове,
На Бузане-острове,
На крутом красном берегу,
На желтых рассыпных песках
А стояли беседы, что беседы дубовья,
Исподернуты бархотом.³⁵

(Курша Данилов, № 13, с. 81).

Выдвигая на передний план представление о границах, очерчивающих смысловые объемы, былина обращается к разного рода обрамляющим синтаксическим структурам. Два однородных сказуемых («Брал добра коня Добрынюшка, *заседывал*. . .») или элементы составного глагольного сказуемого («*Не могла* Настасья на кони *сидить*. . .») рассредоточиваются в былинной строке так, чтобы замкнуть ее глагольной рамкой.³⁶ Внутри стиха функция «разделения и выделения, т. е. обособления»³⁷ лексем, возлагается на повторяющиеся предлоги, которые отрывают адъективы от имен. Но вместе с тем закрытость рамочных конструкций в эпосе не абсолютна: конец одной синтаксической рамки может совпадать с началом следующей. Лишь относительно замкнуты и тексты былин в целом,³⁸ что неоднократно отмечалось исследователями, ряд которых пытался возвести эту былинную особенность в ранг основополагающей при выборе методики для рассмотрения эпоса.³⁹ Возвращение героя к тому месту, откуда он начал свой путь, служит началом для новой серии приключений. Именно мотив возвращения, как показала П. Арант, представляет собой тот сюжетный шарнир, который скрепляет фрагменты сводных былин.⁴⁰

По мере переходов из одних пространственных зон в смежные ни социальное положение, ни оценка персонажей не подвергаются ощутимому изменению. Герой былины остается самим собой на протяжении $\frac{1}{2}$ всего

³⁴ С. Ю. Неклюдов. Время и пространство в былинне. — В кн.: Славянский фольклор. М., 1972, с. 31. Ср. проведенный Б. М. Соколовым на материале народной песни разбор приема, который он именует «постепенным сужением образов» (Б. С о к о л о в. Эскурсы в область поэтики русского фольклора, с. 39 и след.).

³⁵ Обращает на себя внимание строка: «А стояли беседы, что беседы дубовья», воспроизводящая синтаксис сравнительного оборота, который, однако, маскирует явно метонимическую конкретизацию комплексного восприятия предмета.

³⁶ Ю. И. Юдин. Героические былины. (Поэтическое искусство). М., 1975, с. 98—99.

³⁷ А. П. Евгеньева. Очерки по языку русской устной поэзии в записях XVII—XX вв. М.—Л., 1963, с. 38.

³⁸ Интересную классификацию сюжетных концовок см.: Ph. N a m o n. Clausules. — *Poétique*, 1975, N 24, p. 499 et sqq. (со ссылкой на кн.: В. Н e r n s t e i n - S m i t h. Poetic closure, a study of how poems end. Chicago, 1968).

³⁹ См.: А. Н. Веселовский. Южнорусские былины. — Приложение к XXXIX тому Записок имп. Академии наук, № 5. СПб., 1881, с. 1; И. Жданов. К литературной истории русской былевой поэзии. Киев, 1881, с. 137, и др.

⁴⁰ P. A r a n t. Concurrence of Patterns in the Russian *Bylina*. — *Journal of the Folklore Institute*. Indiana University Press, 1970, vol. VII, N 1, p. 87.

сюжета, тогда как персонажи волшебной сказки, попадая из дома в лес, обязаны приспособляться к норме поведения, контрастирующей с привычным для них распорядком жизни.⁴¹ Как раз по этой причине былина по преимуществу отвергает вероятность такой обиды на княжеском пиру, которая зависела бы от несправедливого распределения мест в застольной церемонии; на стереотипный вопрос: «Али место тебе было не по вотчине?» — следует отрицательный ответ, подчас сопровождающийся рассказом о предстоящем отъезде богатыря, т. е. о перемещении в географически организованном, а не в иерархически реорганизованном пространстве.⁴² Тема инобытия, свойственная текстам, нацеленным на метафорическое удвоение физического пространства, эпосом исключается или нейтрализуется. «Иницие» царство в былине «Вавило и скоморохи» подлежит уничтожению. Спуск Михайла Потыка под землю вместе с умершей женой не уводит его в другой мир и не разрывает связей героя с фактической реальностью. И, наоборот, персонажи из потустороннего мира — жена Потыка и Святогор (герои низа и верха) — обрекаются на смерть (ср. неуязвимость богатырей). Святогор не в силах справиться с земной тягой, так как она по принципу синекдохи замещает собой всю допустимую в былине действительность. Родствен этому и другой его поступок — примерка гроба, приобщающая героя вначале метонимически, а затем и окончательно царству мертвых (ср. метонимический мотив увязания — поглощения Святогора землей). С другой стороны, гибель «младших» богатырей наступает лишь после того, как они приглашают на поединок «силу нездешнюю» (Жиреевский, вып. 4, с. 113), которая является в обличье «двух воителей», чья парность антитетична статусу былинных героев, показываемых либо одиночками, либо членами коллективного целого (о двойничестве в эпосе см. ниже). Последнее сражение богатырей описано с помощью парадоксальной метонимической метафоры — каждый разрубленный пополам противник (метонимия) тут же оживает и удваивается (метафора).

3

Пространственным формам эпоса в орят его хроногенетические структуры. По общепринятому мнению, время, к которому приурочены былинны события, суммирует разные отрезки культурной истории, подавляя отличия между удаленными друг от друга эпохами.⁴³ В соответствии с этим и какое-либо одно причинное действие, если оно локализуется в центре национального эпического пространства, способно распространяться повсеместно, лавинообразно захватывать всевозможные реалии. Не случайно список таких реалий в былине о Волхе Всеславьевиче (Жирша Данилов, № 4, с. 39) вбирает в себя факты как культуры (упоминание об Индейском царстве, которое предстоит покорить герою), так и природы

⁴¹ О дискретном пространстве волшебной сказки см.: Т. В. Ци в Ъ я н. К семантике пространственных элементов в волшебной сказке. (На материале албанской сказки). — В кн.: Типологические исследования по фольклору. Сб. статей памяти В. Я. Проппа. М., 1975, с. 210. Автор этой статьи заключает, что сказка «как бы результирует классифицирующую деятельность человека. . .» (там же, с. 210—211).

⁴² В то же время вознаграждение за подвиг — это жалованье богатыря местом, соседствующим с княжеским. Возвращение обиженному Илье полагающегося ему места на «почетном пиру» выступает в былине как восстановление естественной нормы этических социопространственных отношений.

⁴³ Д. С. Л и х а ч е в. 1) «Эпическое время» русских былин. — В кн.: Академику Б. Д. Грекову ко дню семидесятилетия. Сб. статей. М., 1952; 2) Поэтика древнерусской литературы. Л., 1967, с. 234 и след.; С. Ю. Н е к л ю д о в. 1) Время и пространство в былине, с. 20 и след.; 2) Заметки об эпической временной системе. — Труды по знаковым системам, вып. VI. Тарту, 1973.

(покровительствующей князю) и тем самым исчерпывает возможность своего дальнейшего качественного роста.

Сталкиваясь в недифференцированной системе сразу несколько временных планов, былина утверждает параллелизм социального бытия и космического круговорота: «Солнышко идет на вечера, А почетный пир идет на весели» (Гильфердинг, т. 1, № 6, с. 154); наделяет персонажей двусмысленными возрастными характеристиками: «. . . доброй *млодецу*, *Старый* казак да Илья Муромец»⁴⁴ (Гильфердинг, т. 2, № 171, с. 639); отклоняет вероятность дискретного осознания времени (ср. оборот, в котором количественная характеристика расплывчата: «за *немало* поры-времени»); ослабляет противопоставление законченности и незаконченности (ср. формулу: «среди *ночи-полуночи*»). Этой же особенностью былинного времени обусловлены мотивы прогнозируемого (без какого бы то ни было оттенка иносказательности) будущего; на грамматическом ярусе они отпечатываются в таком типе паратакиса, который порождается линейным специением разных времен одного и того же глагола, как, допустим, в былине о Святогоре, где оформленный таким способом зачин программирует предстоящую смерть героя: «Есть матерой богатырь да великих, *Есть он, был* да горных» (Соколов и Чичеров, № 1, с. 70).

Естественно, что отсутствие развития на хроногенетической оси влечет за собой циклизацию эпического времени, возвращение сюжета к отправной точке, восстановление «исходного благополучия»,⁴⁵ а в синтаксисе былин вызывает скопление хорошо изученных глагольных форм со значением многократного повтора действия. Аналогично циклизуется и время изображения эпических текстов, которые склонны дословно воспроизводить описание случившегося события в прямой речи персонажей и таким образом распадаться на симметричные части (ср. особенно былину «Козарин» в записи А. Д. Григорьева).⁴⁶

Но было бы заблуждением усматривать в симметрии такую норму упорядочения былинного времени, которая не терпит никаких отступлений.⁴⁷ Пренебрежение симметрией сказывается там, где ход эпического повествования задается синекдохой, которая часто приурочивает критические ситуации к крайним моментам суточного цикла — к очень позднему вечеру либо к очень раннему утру (ср. хотя бы сцену пробуждения героини в «Соловье Будимировиче»). Движение времени протекает не по кругу, а замыкается на вступительном или заключительном этапах хроногенетического процесса.⁴⁸ При этом небольшие промежутки времени обнаруживают тенденцию к растяжению и дробности:

⁴⁴ Ср. мотив «второго рождения» исцеленного Ильи Муромца, сплетающий в одно целое младенчество и зрелость героя.

⁴⁵ См. подробнее: С. Ю. Неклюдов. 1) Время и пространство в былине, с. 31; 2) Заметки об эпической временной системе, с. 153—154, 160; ср.: П. Г. Богатырев. Функции лейтмотивов в русской былине. — В кн.: П. Г. Богатырев. Вопросы теории народного искусства. М., 1971.

⁴⁶ Архангельские былины и исторические песни, собранные А. Д. Григорьевым в 1899—1901 гг., т. I. М., 1904, № 20 (56), с. 207—212 (далее: Григорьев).

⁴⁷ Ср. о симметрии в былине: М. О. Габель. К вопросу о технике русского былевого эпоса. Формы былинного действия. — Наукові записки науково-дослідчої катедри історії європейської культури, II. Історія і література. Харків, 1927, с. 63.

⁴⁸ Ср.: А. А. Скафтымов. Поэтика и генезис былин. Москва—Саратов, 1924, с. 89. В связи со сказанным ср. мотивы героического детства и вечной молодости богатырей; подробнее см. об этом: В. Жирмунский. Народный героический эпос. Сравнительно-исторический очерк. М.—Л., 1962, с. 14 и след.; С. Ю. Неклюдов. 1) Заметки об эпической временной системе, с. 156—158; 2) «Героическое детство» в эпосах Востока и Запада. — В кн.: Историко-филологические исследования. Сб. статей памяти акад. Н. И. Конрада. М., 1974. Ср. тему вечной молодости в поэзии Хлебникова и в раннем творчестве Маяковского — нелишне напомнить, что оба поэта пытались возродить былинную традицию, особенно опутимую в «150 000 000» Маяковского.

*С вечера она расхворается,
Ко полуночи разболелася,
Ко утру и преставилася.*

(*Кириша Данилов, № 23, с. 153*).

Время, не достигшее своего предела, отмечается в основном в завязках былин. Изображаемое время вступает здесь во взаимоотношения с развертыванием самого текста. Сверх того, незавершенность действия дублируется и в синтаксическом слое подобных зачинов, которые отличаются употреблением будущего времени применительно к уже достигнутому результату, теряющему поэтому перфектный оттенок (ср. *praesens historicum*):

*И будет день в половина дни,
И будет стол во полустоле,
Владимер-князь полсытá наедается,
Полпыенá напивается. . .*

(*Кириша Данилов, № 3, с. 26—27*).

Регулируемые синекдохой мотивировки былин распределяют поля причин и следствий так, чтобы свести происхождение группы родственных явлений к единичному детерминирующему началу.⁴⁹ В стихе о «Голубиной книге» параллельно такому изображению реальности и знание о мире концентрируется в уникальном источнике. Синекдохой оказывается, наконец, самое название этого духовного стиха (жанр, соперничающий с былинной не столько семантически, сколько функционально — как сакральное повествование с мирским); в белорусском варианте «Голубиной книги» название текста разветвляется в семействе эпитетов, каждый из которых наделяет ниспадающее с неба средоточие всеведения метонимической связью с реалиями, указывающими на понятие верха (имена птиц):

*Выпадала книга голубиная,
Голубиная, лебядзиная,
Лебядзиная, сорочинаая.
(Романов, с. 287).*

Текст, откуда извлечена эта цитата, представляет собой столкновение двух космогоний, одна из которых опознается в качестве ложной и потому уступает место новому набору причинных начал, вытесняющему исходный по принципу *pari pro parte*.⁵⁰ В приложении к былинному времени эта форма метонимии может реализоваться в мотивах опережения: достигая цели раньше партнера, герой как бы перемешивает промежутки «своего» (наступившего) и «чужого» (запаздывающего) времени, оказывается в том пункте на временной оси, где должен был очутиться другой герой (так, Микула успевает побывать в городах, в которые еще предстоит отправиться Вольге). Сходно следует трактовать и эпическую отсрочку, например при уплате даней, откладываемой «на три году. . . и на три месяца. . . да еще на три дня» (Гильфердинг, т. 2, № 75, с. 20), поскольку отсрочка — не что иное, как обмен интервалами, происходящий между двумя системами отсчета времени, первая из которых ориентирована от прошлого к настоящему, а вторая — от настоящего к будущему. Это суждение открывает путь к неформальному осмыслению эпи-

⁴⁹ Ср. мотив идентификации вернувшегося из отлучки или переодевшегося героя по деталям поведения.

⁵⁰ Ср. загадку в былинной о Ставре, сопоставляющую части тела с атрибутами игры в свайку. Так же дробят предмет на детали и другие эпические загадки: «Да и первы колеса уже конь везет, Да и задни колеса зачим чорт несет?» (Соколов и Чичеров, № 208, с. 752).

ческой ретардации: обращая течение повествования вспять, к уже сказанному, она тоже представляет собой обмен во времени, который перетасовывает разные фрагменты текста, в частности повторяет уже известные слушателю такты сюжета в преддверии кульминации⁵¹ (ср. родственный процесс в пределах отдельного высказывания: «На ково же ты бросаешь ты святую Русь? . .»).⁵²

Отмена отсрочки («А бессрочнѣго времѣни на свети нет»),⁵³ исключая допустимость непрерывного оборота времени между прошлым и будущим, приводит к вырождению процессуальной длительности в нулевой промежуток. К нулевому делению на хроногенетической оси приурочивается отсутствие героических или каких-либо иных ожидаемых от персонажей поступков (ср. былинку о «безвременном молодце», потонувшем в речке Смородине, на берегу которой должен был состояться богатырский искусы). Нулевые мотивировки обретают текстовую материализацию в подробно исследованной С. Ю. Неклюдовым теме «чуда», отправляющей к таким фактам, которые не находят себе причинного объяснения в мире былинны и фиксируются на месте «разрыва сюжетной синтагмы», когда «следующий элемент выступает как начальный, инициальный, хотя по своей композиционной функции им не является».⁵⁴ Мотивы порожного (не заполненного акциями) времени, индетерминизма и лишённого протяженности пространства срастаются вместе в сюжете о заточении Ильи Муромца, которому былина приписывает чудесную неподверженность старению: «Он во погребѣ сидит-то, сам не старится» (Гильфердинг, т. 2, № 75, с. 21).

Если на нулевое время в эпосе приходится отсутствие подвига, то хроногенетическая гипербола, напротив того, отзывается в периодическом воспроизведении богатырского деяния, когда перед нами цикл былин, а в рамках отдельного текста — в сценах последовательного сокрушения героем всего иноплеменного войска. Это последнее предполагает количественное нарастание причинного импульса, или, другими словами, использование одного средства для достижения многих целей. Гиперболизация времени делает его чередой состояний, повторяющихся без ошутимого качественного сдвига:

Как день за днем, будто дождь дождит,
Неделя за неделей, как трава растет,
А год за годом, как река бежит.
Прошло тому времени да три году . . .
Опять день за днем, будто дождь дождит,
Неделя за неделей, как трава растет,
А год за годом, как река бежит.⁵⁵

Нужно подчеркнуть, что сопутствующее здесь метонимической градации суточного, недельного и годового интервалов сравнение квазимета-

⁵¹ Ср. отмеченное Д. С. Лихачевым совпадение ускоренных и замедленных эпических действий соответственно с формами настоящего и прошедшего лингвистического времени (Д. С. Лихачев. Поэтика древнерусской литературы, с. 239—240): торможение сюжетного темпа и на грамматическом ярусе былинны сопровождается переориентацией рассказчика от настоящего к прошлому.

⁵² Материалы, собранные в Архангельской губернии летом 1901 г. А. В. Марковым, А. Л. Масловым и Б. А. Богословским, ч. 2. Терский берег. — Труды Музыкально-этнографической комиссии, т. 2. М., 1911, № 30, с. 69. О разрядах так называемой трансмутации, производящей перемещение звеньев в словесной цепи, см.: J.-L. Galay. Esquisses pour une théorie figurale du discours. — Poétique, 1974, N 20, p. 412 et sqq.

⁵³ А. Марков. Беломорские былины. М., 1901, № 79, с. 424 (далее: Марков).

⁵⁴ С. Ю. Неклюдов. Чудо в былинне. — Труды по знаковым системам, вып. IV, с. 152—153.

⁵⁵ Песни, собранные П. Н. Рыбниковым, т. 1—3. Изд. 2-е. М., 1909—1910, т. 1, № 26, с. 164 (далее: Рыбников).

форично по своей природе, поскольку оно вырастает из типичного для былины ощущения времени человеческой жизни как составной части природного времени. Сравнение раскрывает в сближаемых явлениях равенство их темпоральных объемов.⁵⁶ Перевоплощая дискретное время, поддающееся измерению, в непрерывную длительность («. . . год за годом, как река бежит»), этот былинный штамп выступает в качестве модели эпического времени как такового.⁵⁷ В противоположность метафорической интерпретации времени, которая проводит аналогии между разными фазами культуры, делающимися этапами прогрессивного или регрессивного развития, удваивает смысловое содержание исторических периодов, а вместе с тем и человеческих судеб, рисуемых как восхождение с низшей ступени общественной иерархии на высшую, метонимическое время есть историческая непрерывность,⁵⁸ серия фактов, скрепленных в последовательной цепи⁵⁹ и упирающихся в национальное предание.⁶⁰ (Поэтому былинная трава, растущая «не по-прежнему», символизирует наступление дурной поры). По словам Ж. Женетта, «именно метафора заново обнаруживает утраченное Время, но именно метонимия его воскрешает и вновь приводит в движение. . .».⁶¹ Метонимическое мышление, смещающее границу между внутренним миром субъекта и окружающей средой, активизирует прежде всего установку на запоминание информации, которая поступает извне.⁶² Отсюда выглядят закономерными и поразительными мнемонические способности носителей эпоса, и средства хранения во времени былинной традиции, которая передается от одного поколения семьи к другому либо подхватывается в период получения будущим исполнителем навыков ремесла.⁶³

В волшебной сказке, являющей собой метафорический противовес былины, детерминирующие и детерминируемые области смешиваются — средства, обесценивающие удачу на пути к цели, сами становятся искомыми величинами и выстраиваются в своего рода ценностную пирамиду (соблюдение правил ритуального поведения позволяет герою получить чудесное оружие, которое в свою очередь служит условием победы над антагонистом, и т. д.). Вразрез с этим былина не абсолютизирует

⁵⁶ С. Ю. Неклюдов. Заметки об эпической временной системе, с. 162—163.

⁵⁷ См. о длительности как определяющей черте эпического действия: В. Я. Пропп. Язык былины как средство художественной изобразительности. — Ученые записки ЛГУ, 1954, № 173. Серия филологических наук, вып. 20, с. 400.

⁵⁸ Ср. о раннефранцузском рыцарском романе: А. Д. Михайлов. Французский рыцарский роман и вопросы типологии жанра в средневековой литературе. М., 1976, с. 46.

⁵⁹ Ср. «закон хронологической несовместимости», который упорядочивает (не всегда, но достаточно часто) параллельные во времени эпические факты как последовательные.

⁶⁰ С этим согласуется тяготение эпической речи к удерживанию архаических словоформ: Р. О. Якобсон. О соотношении между песенной и разговорной народной речью. — Вопросы языкознания, 1962, № 3, с. 88—89.

⁶¹ G. Genette. Figures, III, p. 62.

⁶² Ср. экспликацию этой установки в зачине белорусской былины «Володзимержарь»:

Скажу я, братцы, не по грамоци,
Не по грамоци, а по памяти,
Усё по памяти, як по грамоци,
Як по грамоци, як по рбзуму,
Як по рбзуму, як по-прежнему.

(Романов, с. 287).

Ср. об отрицательном значении, вкладываемом в эпосе в мотив забвения: Ф. Буслаяев. Исторические очерки русской народной словесности и искусства, с. 73.

⁶³ См. подробнее: А. М. Астахова. Былины. Итоги и проблемы изучения. М. — Л., 1966, с. 237 и след.

средств, предназначенных для решения задачи, которую ставит себе герой; богатырь способен взять верх над противником с помощью тележной оси, вырванного из земли дуба, плетки, «колпака земли греческой»⁶⁴ и любого иного случившегося под рукой предмета. Движение от причины к следствиям в мире былины необратимо, линейно. И первые и вторые принадлежат в каждом отдельном случае к общему семантическому классу, т. е. противостоят не как объекты извнеположных по отношению друг к другу рядов действительности, но как вступительный (иногда нулевой) и заключительный элементы одного ряда. Конечный пункт в причинной цепи превращается в знак-индекс исходного: столб пыли предшествует встрече с богатырем; конский пар, от которого меркнет месяц, предупреждает о нашествии татар; следы ран на руках заставляют Михайлу Потыка вспомнить о кознях жены; скачущее на воде коромысло служит многозначительным намеком на то, что Василий Буслаевич вступил в бой на Волховском мосту. Препградой, препятствующей исполнению какого-либо замысла, оказывается в былине сам субъект (расхождение между целым и частью): «Да и ткнул он ему до во черны груди, — *Да в плечи-то рука и застоилася*» (Ончуков, № 1, с. 13). В конфликте внутреннего и внешнего стимулов всегда уступает внешний. Вражеское войско изгоняется из пределов национальной территории; богатырь, отправленный за невестой для князя, находит себе суженую; советы, которые получают действующие лица эпического повествования, не подтверждаются. Любопытно, что встречная инициатива героини в былинах с брачным сюжетом («Соловей Будимирович») гасится и квалифицируется как поступок, нарушающий нормальный для эпоса баланс активности и пассивности персонажей. Расходясь со сказкой, былина претендует на то, чтобы проследить за судьбой героя вплоть до его смерти (с характерным интересом к теме финального самоубийства). Канал причинного действия в былине, чуждой идее думирия, имеет материальную природу (ср. хотя бы мотив передачи богатырской силы через дыхание). Естественно, что и связность былинных текстов, которая присуща им в очень значительной степени,⁶⁵ достигается не посредством неявного подхвата в последующем сегменте каких-либо из семантических признаков предыдущего, но благодаря дублированию (чаще всего принимающему вид анафилы или симплоки)⁶⁶ лексических единиц — материальных носителей смысловой информации.

Лексико-семантическая связность текстов поддерживается на звуковом уровне такими повторами, которые скрепляются (главным образом посредством фонологического пересечения) слова, соприкасающиеся друг с другом в строке, причем не только постоянные эпитеты и имена («сер селезень», «лебедь белая», «ясен сокол»), как это отмечалось в уже цитированной статье Б. М. Соколовым и позднее — Вяч. Вс. Ивановым и В. Н. Топоровым,⁶⁷ но и любые другие соседствующие члены синтакси-

⁶⁴ Метонимичность этого мотива, знаменующего мощь православной церкви, раскрыта в кн.: В. Я. Пропп. Русский героический эпос. Изд. 2-е. М., 1958, с. 192—195.

⁶⁵ Ср.: «... метонимия и синекдоха в повествовании... не разрушают его связности, а метафора уводит к параллельным рядам явлений, прямо не связанных с излагаемым. В этом смысле использование метафор по отношению к повествовательной функции текста аналогично роли отступлений...» (В. В. Иванов. Очерки по истории семиотики в СССР. М., 1976, с. 176).

⁶⁶ См. подробнее: А. Розенберг. Из наблюдений над синтаксисом русского былевого эпоса. — Наукові записки науково-дослідчої катедри історії української культури, № 6. Харків, 1927.

⁶⁷ В. В. Иванов, В. Н. Топоров. К реконструкции праславянского текста. — В кн.: Славянское языкознание. Доклады советской делегации. V Международный съезд славистов. (София, 1963). М., 1963, с. 108—109.

ческого целого, например: «Егор воспроговорил» (Соколов и Чичеров, № 1, с. 71); «Берет Добрынюшка добра коня» (Гильфердинг, т. 1, № 5, с. 135). Максимальная звуковая близость между смежными словесными единицами (продукт фонологического совпадения) достигается былинной в тавтологических оборотах типа: «дума думати», «бель забелелася». Важно подчеркнуть, что эти приемы звукового связывания не привносят в фонологическую структуру эпического стиха какого-либо добавочного — изобразительного — содержания: в былинах нет места звукоподражаниям, за исключением тех случаев ономотопей, которые закрепились в общенациональном языковом фонде: «И *зачивкала* его сабелька острая». ⁶⁸

4

Было бы нетрудно показать, что формы изображения материальной среды в былинной, как и формы передачи пространства, времени и причинности, совпадают с четырьмя аспектами метонимического видения мира. Но в дальнейшем изложении целесообразнее сосредоточиться не столько на классифицирующих, сколько на объяснительных возможностях выдвигаемой здесь модели эпической реальности.

Уделяя первоочередное внимание тем предметам культурного обихода, которые отличаются высшей степенью качества, былина берет под сомнение вероятность эквивалентной подстановки одной вещи на позицию другой, а значит, и правомерность метафорического сопоставления артефактов. Поэтому эпические артефакты зачастую не могут быть пущены в товарный оборот — они обладают либо астрономической стоимостью («беседа — дорог рыбей зуб» и т. п.), либо бесценны: ⁶⁹

По колено-то у Апраксии наряжены ноги в золоте,
А по локоть-то руки в скатном жемчуге,
На груди у Апраксии камень и цены ему нет.

(Ефименко, № 7, с. 27—28).

Вместо сличения разнородных вещей былина со свойственным ей стремлением приобщать настоящее прошлому сравнивает следующие друг за другом состояния одной вещи, демонстрирует процесс производства изделий, предпочтительно — технологию сборки конечного продукта из отдельных слагаемых; ср. описание стрел Дюка:

Колоты оне были из трость-дерева,
Строганы те стрелки во Нове-городе,
Клеяны оне клеём осетра-рыбы,
Перены оне перыщем сиза орла.⁷⁰

(Кирша Данилов, № 3, с. 24).

В итоге технологического подхода к реквизиту былинных героев перед эпосом открывается возможность установить знак равенства между вещью и материалом, пошедшим на ее изготовление:

Ай выходит-то Илья да со бела шатра,
Приходил к добру коню да богатырскому,

⁶⁸ Материалы по этнографии русского населения Архангельской губернии, собранные П. С. Ефименко, ч. 2. Народная словесность. М., 1878, № 8, с. 35 (далее: Ефименко).

⁶⁹ Синекдоха превращает эту тематическую особенность былины в мотив ценностного превосходства детали над стоимостью всего изделия: «...не дорога камочка — узор хитер» (Кирша Данилов, № 1, с. 10).

⁷⁰ Орлиное оперенье стрел гарантирует непременно охотничью удачу героя: в метафорическом сравнении Дюка с соколом и кречетом просвечивает метонимическая подоснова.

Брал его за поводы шелковыи,
Отводил от плотна от белаго.

(Гильфердинг, т. 2, № 75, с. 27—28).

Поскольку былина выставляет напоказ уникальные объекты материальной культуры, постольку она в подавляющем большинстве случаев не содержит в себе таких числовых символов, которые воплощали бы собой контрарные отношения, реконструируемые в метафорических текстах даже тогда, когда двойность замаскирована там в триадах, как это имеет место в европейской волшебной сказке.⁷¹ Число «два» бывает в эпосе знаком опасности для героя: в одной из версий былины о Потыке Илья Муромец предупреждает Добрыню, чтобы тот, купаясь, не плавал на «вторую реку» (Марков, № 100, с. 509). Эпические отношения не контрарны, а контрадикторны. Былина противопоставляет единичное и множественное, отдифференцированное и интегральное, откуда регулярные для эпоса добавления к целому исключаящего компонента (в колчане Дюка пятнадцать стрел плюс три бесценных стрелы; двенадцать богатырей, выезжающих против Калина-царя, возглавляет тринадцатый — Илья Муромец; сорок калик теряют своего атамана, оклеветанного Апраксией).

При этом единичное может восприниматься эпосом как множественное и наоборот: так, форма «есте» (второе лицо множественного числа) встречается в плеонастических словосочетаниях: «А царь ли ты есте, ли царевич был?» (Гильфердинг, т. 1, № 52, с. 464); «Как есть-то есте Марья лебедь белая» (там же, с. 477); с другой стороны, по наблюдению В. Я. Проппа, тот же глагол в единственном числе входит в оборот: «Уж вы ой еси».⁷² В былинах прослеживается не только снятие антитезы единичное—множественное, но и нейтрализация грамматического противопоставления мужского рода женскому (ср. колебания в выборе рода для таких слов, как «облак»⁷³ или «путь»)⁷⁴. Эти и иные данные, в том числе согласования по смыслу и механические согласования: «Говорила поляница (он!) таковы слова. . .» (Гильфердинг, т. 2, № 87, с. 149), свидетельствуют о расстройстве парадигматических отношений в лексико-морфологическом слое былин. Эпос стремится срастить ряд эквивалентных лингвистических форм в какой-либо одной форме, наделенной комплексным грамматическим значением, например сводит падежную парадигму к именительному падежу в сочетании с неопределенным наклоном: «Мне спасти-то теперь надоть душа грешная».⁷⁵ На оси комбинирования морфологических величин этой же тенденцией обусловливается появление сложных предлогов («. . .родна матушка Жалешенько с-но мне плакала» — Рыбников, т. I, № 26, с. 171) и составных (избыточных) префиксальных образований (ср. канонизированный эпосом глагол «воспроговорить»). Склеивая дублетные морфемы, метонимическая стилистика лишает парные лингвистические единицы права на взаимозаменяемость. Применительно к лексическим синонимам процедура склеивания порождает парафрастические конструкции, которые komponуются посредством «плеонастических союзов»⁷⁶ («А и я к тебе приехал *Не по-старому служить*

⁷¹ Е. М. Мелетинский, С. Ю. Неклюдов, С. Е. Новик и др. Проблемы структурного описания волшебной сказки. — Труды по знаковым системам, вып. IV, с. 130 и след.

⁷² В. Я. Пропп. Язык былин. . . , с. 393.

⁷³ В. П. Брюханов. Особенности склонения имен существительных мужского рода в языке олонекских былин. — Ученые записки Казанского педагогического института. Факультет языка и литературы, 1940, вып. 3, с. 89.

⁷⁴ Л. Васильев. Язык «Беломорских былин». — Известия Отделения русского языка и словесности имп. Академии наук, 1902, т. VII, кн. 4, с. 40.

⁷⁵ Там же, с. 41.

⁷⁶ А. П. Евгеньева. Очерки. . . , с. 270 и след.

и не по-прежнему» — Кирша Данилов, № 11, с. 71; «Королю-то это дело не слобилось, *Не слобилось да не в любовь пришло*»⁷⁷) или с помощью бессоюзной связи («Подхватил он Марью ту дочь Юрьевну, Он *увёс-увёл* да во свою землю»),⁷⁸ причем один из двух синонимов может даже переводиться в управляемую позицию по отношению к соседнему⁷⁹ («ножище-кинжалнице» → «кинжаловый нож»). Предел стилистической избыточности — распространенные в эпическом обиходе тавтологии (усилительная тавтология, тавтологический эпитет, творительный тавтологический, винительный внутреннего содержания),⁸⁰ наличие которых полностью исключает возможность переходов от одного объема значения к другому в границах отдельного словосочетания.

Ввиду неприятия былиной двойственного осознания мира перевоплощения эпических героев травестийны — статус персонажей преобразуется сугубо метонимическим путем, благодаря смене нарядов. Такие преобразования служат вехами, оповещающими о переходе героев из одного психологического состояния в противоположное: узнав о наступлении Батюга на Киев, Владимир облачается в «черное платье, печальное» (Жиреевский, вып. 4, с. 41). Травестия Владимира симметрична переодеванию в каличь платье Ильи Муромца, которого князь встречает на пути в церковь. Немотивированный сюжетом обмен богатырского снаряжения на каличь платье и клюку создает в момент решающей схватки с иноверцами метонимическую зависимость между героем и предметами, побывавшими в святых местах. Эта подразумеваемая былиной связь становится более отчетливой в сюжетах со сложными (ритмически чередующимися) травестиями: в былине об Алеше Поповиче и Тугарине богатырь переодевается каликой перед столкновением с противником и одерживает победу, но затем берет себе доспехи врага и едва избегает смерти от руки своего товарища. Одежда в былине, даже отторгнутая от ее владельца, сохраняет постоянные ценностные свойства, принимает на себя признаки персонажей, как и другие атрибуты богатыря (почему богатырский конь и обретает метафорическую способность говорить «человечьим голосом»), либо, наоборот, передает свои признаки герою: имя Малюты Скуратова-Бельского исторические песни производят от слова «скурлат» (однорядка).⁸¹ Метонимический комизм в сравнении с метафорическим вызывается не переодеванием, маскирующим пол действующих лиц (такая травестия в былине может знаменовать собой, например, передачу богатырской силы жене героя), но оголением (ср. мотивы наготы в былинах «Гость Терентище» и «Мастрюк Темрюкович» из сборника Кирши Данилова).⁸²

Метонимическая концепция человеческого тела сообщает ему гротескность, преодолевает грань, отделяющую его от материального окружения. В былине наблюдается регулярное сопряжение различных видов гротеска с теми или иными повторяющимися сюжетными ситуациями.

⁷⁷ Былины Севера, т. 2. Подгот. текста и коммент. А. М. Астаховой. М.—Л., 1951, № 134, с. 209 (далее: Астахова).

⁷⁸ Архангельские былины и исторические песни, собранные А. Д. Григорьевым в 1899—1910 гг., т. 3. СПб., 1910, № 117 (421), с. 633 (далее: Григорьев).

⁷⁹ Ср. о лингвометонимическом характере «превращения координации (паратаксиса) в субординацию (гипотаксис)»: J. K u r u ł o w i c z. *Metaphor and Metonymy*. . . , с. 7.

⁸⁰ А. П. Евгеньева. Очерки. . . , с. 101 и след.; из последних работ на эту тему см.: Н. И. Толстой. Из поэтики русских и сербохорватских народных песен. (Прилагательный творительный тавтологический). — В кн.: Поэтика и стилистика русской литературы. Памяти акад. В. В. Виноградова. Л., 1971.

⁸¹ Т. Н. Кондратьева. Собственные имена в русском эпосе. Казань, 1967, с. 34.

⁸² Ср. травестийную эпическую гиперболу — мотив щегольства.

Иначе говоря, логико-смысловой репертуар метонимии используется былиной для того, чтобы распределить входящие туда единицы между соперничающими ценностями эпического мира. К преувеличениям (обычно грамматикализуемым) масштабов человеческого тела и контаминированию в физическом облике персонажей деталей внешней среды былина прибегает тогда, когда знакомит слушателей с антагонистами эпических героев (Пилигримище с колоколом на голове, Идолище и пр.). И, наоборот, удаление антагониста со сцены (переводящее отрицательные значимости в нулевые) сопровождается разъятием и иногда разбрасыванием кусков его тела; ⁸³ один из многочисленных примеров — эпизод наказания Добрыней Марины:

Он первое ученье — ей руку отсек. . .
 А второе ученье — ноги ей отсек. . .
 А третье ученье — губы ей обрезал
 И с носом прочь. . .
 Четвертое ученье — голову ей отсек
 И с языком прочь. . .

(*Кирша Данилов, № 9, с. 58—59.*)

Если приемы гротеска, к которым обращается былина, изображая соперников богатырей, привносят в человеческий облик посторонние черты (*pars pro parte*), то появление фигуры псевдосоперника, впоследствии получающего роль помощника героя, чревато иной деформацией телесных контуров. Персонажи, совмещающие в себе негативное и позитивное, наделяются разнообразными физическими уродствами, которые равносильны своего рода постоянным опознавательным знакам этих действующих лиц (*pars pro toto*, ср. в противоположность этому исцеление Ильи Муромца) и вызывают эффект обманутого ожидания: так, после конфликта и пробы сил Василий Буслаевич берет в свою дружину горбатого Костю Новоторжанина и Потанюшку Хроменького.⁸⁴ Наконец, телесному облику «младших» богатырей присуща неизменность. В этом случае богатырское тело, как правило, не гротескно, его границы не проницаемы, оно не смешивается с окружением (*totum pro parte*, помимо мотива неуязвимости, ср. еще мотив омовения героев перед битвой)⁸⁵ и так же уникально, как и все остальные материальные объекты эпической картины реальности, несущие в себе положительный ценностный заряд.

5

В былине сохраняют значимость лишь те коммуникативные отношения, в которых слова персонажа не отчленимы от совершенных им акций.⁸⁶

⁸³ В поздних филиациях былины этот финальный элемент сюжета теряет семантическую обоснованность: так, в исторической песне о воеводе Скопине-Шуйском герой гибнет от отравления, но тем не менее в текст проникает мотив рассеечения тела («. . . голова с плеч покатиляся»: Кирша Данилов, № 29, с. 194). Ср. исключительно интересную параллель в поэме Маяковского «Человек»:

. . . Так что ж
 — еще! —
 нашел во мне,
 чтоб ядом быть растерзанным?

(*В. В. Маяковский. Полн. собр. соч., т. 1. М., 1955, с. 257.*)

⁸⁴ Былина показывает псевдосоперников находящимися за чертой коллектива, в который они позднее вовлекаются; в сказке свойства отчуждения и партиципации атрибутированы центральному персонажу. Другими словами, в эпосе господствует тип героя-испытателя, тогда как в волшебной сказке — героя-испытуемого.

⁸⁵ Ср. физическую нечистоту Апраксии в былине «Сорок калик со каликою».

⁸⁶ Вместе с тем и исполнение былины, как хорошо известно, драматизирует повествование, приурочивая лингвистическое время текста к моменту речи.

Именно по этой причине цикличность эпического времени и передается с помощью такого приема, в результате которого авторское описание происшедшего, утвержденное в роли былинного факта, буквально повторяется в речи информирующих друг друга героев. Если воссоздаваемое слово утрачивает констатирующую функцию, перестает быть копией обозначаемого объекта, то оно подчиняется категории перформатива,⁸⁷ само превращается в действие (в просьбу, требование, приказ, магическую формулу, молитву⁸⁸) либо перерастает в побуждающее к отклику, направленное на выпытывание у адресата тех или иных сведений сообщение,⁸⁹ которое приобретает в эпосе характер коммуникативного штампа:

Уш ты здравствуй, удаленький доброй молодец!
Уш ты коёго города, коей земли?
Ишше коёго отца-матери?
А куда же ты едёшь да куда путь держышь?

(Григорьев, т. 3, № 4 (308), с. 22).

Обращения к собеседнику, стимулирующие его речевую реакцию, делают эпический диалог вопросно-ответным обменом.⁹⁰ Когда же партнер отказывается от этого обмена, как в былине о бое отца с сыном («Не сказал он роду своёго, племени, Не сказал он отчества-молодечества» — там же), эпические тексты, не терпящие замкнутого на себе, не достигшего цели слова, строятся как поиск ответа на вопрос, поставленный в начале повествования.

Эпические персонажи лишены возможности выбирать между альтернативными способами речевого поведения в противоположность герою сказки, которого вынуждает к этому встреча с волшебным помощником. Слова былинного героя не редуцируются, но только дублируются, когда он, например, письменно подтверждает принятое решение по требованию князя или рассылает «ярлыки скорописчатые». Будучи слитой с поступками персонажей, прямая речь в былине эквивалентна внесловесному общению. Источником информации, осведомляющей о намерениях действующих лиц, становится сам коммуникативный контекст (ср. мотив «догадливости» второстепенных персонажей былины — слуг, челяди, скорморохов, которые берутся вылечить мнимую больную, и пр.). Средством коммуникации нередко служит богатырское оружие: стрела, пущенная Добрыней, извещает Марину о приходе богатыря; тем же способом Илья Муромец просит помощи у Самсона Самойловича в былине «Илья и Калинцарь». Метонимическое равенство, отождествляющее оружие (знак-индекс героя) с инструментом общения, переворачивается и получает метафорический оттенок в рассказе о Соловье-разбойнике, которому приданы зооморфные черты. Однако, несмотря на метафорическое переупорядо-

⁸⁷ О категории перформатива в литературных произведениях см.: Tz. T o d o r o v. Chaderlos de Laclos et la théorie du récit. — Sign. Language. Culture. The Hague—Paris, 1970.

⁸⁸ Ср. анализ антономасии «господь»: А. А. П о т е б н я. Из записок по теории словесности, с. 226.

⁸⁹ Ср. употребление звательного падежа в позиции именительного в языке онежских былин А. Ф. Гильфердинга: «...ругался один отче», «...говорил ему отче» (В. П. Б р ю х а н о в. Особенности склонения имен существительных. . ., с. 91). Не исключено, что именно установка на воспроизведение апеллятивных сообщений благоприятствовала этому морфологическому процессу, диаметрально противоположному тенденциям, пронизывающим общенациональный язык.

⁹⁰ Ср. распространенность вопросно-ответных конструкций в раннем историческом повествовании, типологически сближающимся с эпосом как такой речевой жанр, который претендует на достоверное освещение и консервацию фактов: В. Н. Т о п о р о в. О космологических источниках раннеисторических описаний. — Труды по знаковым системам, вып. VI, с. 118, 126—127.

чение в этом рассказе человеческого и природного начал, финальное испытание Соловья выглядит откровенно метонимической игрой отношений между полным и неполным объемами значений: Илья заставляет своего пленника засвистеть «в полсвиста» — тот свистит «во весь голос».

Если в линейной прогрессии былины слова персонажа предшествуют делу, то они могут быть разоблачены впоследствии как ложные (ср. мотив несбывшихся предсказаний в былине о трех поездках Ильи Муромца). «Действие в былине, — писала М. О. Габель, — движется посредством антитезных сдвигов: два рядом стоящих события взаимно противоположны; если на героя нападают, то гибель постигает не его, а нападающего; в этом антитезном строении действия видную роль играет диалог: действие разворачивается антитезно тому, что было сказано».⁹¹ Акт говорения в метонимическом восприятии должен либо модифицировать наличную коммуникативную ситуацию (перформативы и апеллятивы), либо ставить в известность об итогах такой модификации (констатирующие высказывания героев). Отрыв знака от предметного контекста создает угрозу перевода слова в ранг метафоры. Как раз этой угрозы и старается избежать былина, дискредитируя речь, опережающую события. Метафорическое утверждение не изменяет на практике среду коммуникации, но оповещает только о возможности такого изменения. Неудивительно, что былина опровергает, наряду с предвосхищающей действия, и всякую другую речь, которая разворачивается в рамках модальной категории возможного. Исход эпической похвалы отрицателен: хвастовство Дюка оборачивается изъятием его собственности в княжескую казну; наказанный судьбой за ложь о выигрыше несметных богатств, Михайло Потык отправляется в орду выплачивать дань. Более того, в любом сообщении об отсутствующих объектах и лицах, даже если оно вполне достоверно, эпос подозревает фиктивность.⁹² В ответ на соответствующую истине реплику матери Добрыни об отсутствии дома «чада милого» Ильи Муромец заявляет: «Уж ты врешь ты, Омельфа, миня оманивашь, Уж ты сушой-то правды мине не сказывашь!» (Марков, № 108, с. 538).

6

Чтобы завершить обзор эпической тематики, необходимо сказать о том, каковы персональная, социальная и родовая позиции человека в метонимическом мире былин.

В научной литературе неоднократно подчеркивалась активность былинных персонажей и пассивность их сказочных антиподов. В метафорических текстах возможности личности выражаются вовне после того, как находится исполнитель ее воли, т. е. тогда, когда возникают условия для актуализации потенциального «я». Противоречия между постоянно носимой маской и скрываемой сущностью не принимаются былиной, так как эпический герой не совмещает в себе сразу двух ипостасей. (Кстати сказать, метонимическое сокрытие истины происходит лишь под сугубо внешними покровами — герои прячутся в мешке, под одеялом и в тому подобных временных убежищах). Заместителю богатыря поручается роль не субъекта, а объекта действия, иногда к тому же устраняемого из пределов повествования: вместо Дуная (в былине «Дунай и Настасья-королевична») и царевича Федора (в исторической песне

⁹¹ М. Г а б е л ь. Форма диалога в былине. — Наукові записки науково-дослідчої катедри історії української культури, № 6. Харків, 1927, с. 321.

⁹² Ср. об «аннулирующей» лжи: Ю. И. Л е в и н. О семиотике лжи. — Материалы всесоюзного симпозиума по вторичным моделирующим системам, 1 (5). Тарту, 1974, с. 245—247.

«Никите Романовичу дано село Преображенское») казнят конюхов. Если былинный герой имеет двойника, подобно Алеше Поповичу, который вместе с названным братом ездит «плеча о плечо, Стремяно в стремяно богатырское» (Кирша Данилов, № 20, с. 125), то стечение обстоятельств (упомянутое выше переодевание Алеши в платье Тугарина) в конечном счете расторгает союз парных персонажей. С другой стороны, двойники могут опознаваться эпосом и как вовсе неразличимые — их парность абсолютизируется, потому что они принадлежат не к разным классам действующих лиц, а к одному, подвергшемуся количественному преобразованию. Таковы победители Мاستрюка в истории о женитьбе Ивана Грозного из сборника Кирши Данилова (№ 5, с. 35):

Два братца родимые
По базару похаживают,
А и бороды бритые,
Усы торженые
А платье саксонское,
Сапоги с раструбами. . .

Коль скоро герой волшебной сказки таит в себе свое отрицание, не совпадает с самим собой, он должен претерпеть перерождение на повороте или в финале сюжета. Исходный пункт былин иной — единство, завершенность личности, утверждающей себя еще в пору богатырского детства. Динамика эпического рассказа заключена в такой трансформации этого единства, которая влечет изменение персональных связей богатыря, а не перекройку внутреннего содержания человека. Эпический герой, суммируя функции одноплановых действующих лиц, берется за решение задачи, которая предлагается всему богатырскому содружеству, пасующему перед ней («. . . большой за меньшого хоронится»); вступает в соревнование с соперником, будь то обмен силой, хитростью либо магическими способностями (пересечение функций); мультиплицируется, растворяясь в коллективе взаимоподобных персонажей (совпадение функций), и т. д. Короче говоря, в процессе повествования эпическое «я» выходит за свои пределы, экстравертируется. Но при этом эпические протагонисты не передоверяют своих функций партнерам и не сдваивают в себе взаимосключающих функций, допустим, ролей победителя и побежденного, как это имеет место в сценах сказочного боя и последующей узурпации добытых ценностей.

Уже говорилось, что герой метафорически окрашенного повествования движется снизу вверх по ступеням социальной лестницы, обладает исключительным — крайне низким, а затем крайне высоким — общественным престижем. В былине социальная мобильность не вертикальна, а горизонтальна. С метонимической точки зрения каждый человек есть представитель какого-либо сословия, которое в свою очередь репрезентативно относительно общества как такового. Ясно, почему репертуар социальных ролей в эпосе охватывает все общественные группы, включая сюда волюшку и управленческую касту, духовенство, крестьянство, купечество, скоморохов и даже лиц с нулевой социальной значимостью («голи кабацкие»). Иерархически соподчиненные ячейки социума уравниваются друг с другом: крестьянин Микула Селянинович ни в чем не уступает Вольге и отклоняет возможность повысить свой социальный статус. Ортодоксальный эпический герой не переступает границы действий, предустановленных его общественным положением.⁹³ Поэтому он нередко

⁹³ Ср. мотивы этикетного поведения в былине: Добрыня «крегг клг эт по-писаному, Поклон кладет по-ученому» (Рыбников, т. 1, № 26, с. 1^р).

получает имя, фиксирующее его не родовое, а сословное происхождение или то место, которое он занимает в социопространстве (Микула *Селянинович*, Иван *Гостиный сын*, «*поленница*» и пр.). Сами социальные контакты в былине являют собой такие кочующие из текста в текст ситуации, которые проницаемы для метонимического истолкования. Это слияния разрозненных частей (братание, сговор, богатырский съезд, пиршество, изъятие дани, набор богатырской дружины) и разъединения целого (дележ добычи, раздача захваченных богатств, выплата долга, пленение), материальные обмены (взаимное одаривание) и юридические прения (ср. фигуру Щелкана Дюдентевича), приумножения и потери собственности (охота, скупка всех городских товаров, заклады, грозящие жертвой имущества или жизни). Отклонения от нормы общественного поведения столь же метонимичны, что и социальные отношения, утверждаемые эпосом в качестве регулярных (ср. хотя бы мотив чрезмерного поглощения пищи неучтывим гостем на княжеском пиру как реализацию принципа *totum pro parte*). Акции, нарушающие общественный договор (скажем, взимание непомерной пошлины с купцов в былине «Глеб Володьевич»), обычно порицаются эпосом и нейтрализуются в процессе восстановления искаженного социального порядка. Эти действия могут вызывать бунт богатыря, завершающийся, однако, примирением с князем. Впрочем, так обстоит дело только в былинах киевского цикла, увенчивающих систему социальных связей централизованной государственной властью. В новгородском эпосе отпавший от социума персонаж покоряет горожан (хотя тоже не избегает кары: ср. былинку «Смерть Василия Буслаевича»).

Будучи репрезентативным членом социальной группы, богатырь в то же время выступает как метонимическое средоточие национальной силы, как охранитель этнической целостности. Ввиду того что метонимическое переживание реальности направлено на установление смежности между явлениями, антитеза свое—чужое пропитывается в эпосе парадоксальным диффузным содержанием. В сказке потустороннее есть вместилище таких свойств, которыми не обладает человеческое общежитие. В былине чужой родоплеменной мир подчас организуется так же, как и свой, — первый оказывается продолжением второго, дистанция между ними устраняется: чужеземным властителям даются русские имена,⁹⁴ Тугарин участвует в пиршестве у князя Владимира, Батый обращается к татарам со словами: «Кто умеет говорить *русским языком человеческим?*» (Киреевский, вып. 4, с. 39);⁹⁵ в то же время рождение Ильи Муромца случается в «римыском царстве». Иностранная среда идентифицируется былиной и в качестве минус-культуры, для которой значимо снятие ограничений, а не наличие каких-то других по сравнению с принятыми в своей среде запретов (как в сказке, где герой обязан овладеть правилами непривычного поведения). В том случае, когда происходит не прямое, а обращенное репродуцирование признаков своего культурного мира применительно к чужому, отмене подвергается, например, табу инце-

⁹⁴ Ср. смешение физических черт, свойственных разным этническим группам, в сербском эпосе; см. по этому поводу: М. Халанский. Заметки по славянской народной поэзии, II. Кого нужно понимать под именем «черных арапов» в сербской народной поэзии? — Русский филологический вестник. Варшава, 1882, т. VII, с. 120; А. Н. Веселовский. Историческая поэтика. Л., 1940, с. 451. О билингвизме тех эпических песен, которые бытуют в двуязычной среде, см.: Р. О. Якобсон. О соотношении между песенной и разговорной народной речью, с. 88.

⁹⁵ Ср. еще эпические мотивы посольства и родства с чужаками, а также строгое постоянство (моноцентризм) авторского видения в былине, не допускающего переходов с посторонней по отношению к наблюдаемому объекту позиции на внутреннюю точку зрения: иноплеменники оценивают друг друга так же, как их оценивают извне.

ста — ср. рассказ о семье Соловья-разбойника: «Я сына-то вырасту, за нево дочь отдам, Дочь-ту вырасту, отдам за сына» (Киреевский, вып. 1, с. 37). Ломка регламентированных семейных уз внутри своего социоэтнического лагеря также приобретает характер инцеста, правда не родового, а социального (Алеша Попович пытается вступить в брак с женой названного брата — Добрыни). Инцест может быть понят как вторичное сочетание уже спаянных между собой (кровно или социально) звеньев. Под этим углом зрения чужая культура в эпосе выглядит следствием ошибочных метонимических операций, основанных на отрицании существующей метонимической связи между семейными или общественными ролями. Другими словами, эпическая ошибка не что иное, как антиметонимия. Не случайно безумие в былине отождествляется с действиями, в результате которых метонимически сформированное целое деградирует к отправному состоянию — к ситуации «*disjecta membra*»: ⁹⁶

А и умной — тот хвастает отцом-матушкой,
Да безумной — тот хвастает молодой женой.

(Григорьев, т. 1, № 17, с. 73).

Неотмеченность национальной принадлежности богатыря («Ходил Дунаюшко да из орды в орду, Из орды в орду да из земли в землю» — там же) встречается в сюжетах, которые подытоживаются смертью или по меньшей мере, по терминологии П. А. Гринцера,⁹⁷ «едва-не-смертью» героя. В разных версиях истории Дуная его «неприкаянность» сопрягается с такими мотивами, в которых брачные отношения либо предстают деформированными, либо разрешаются трагически (брачное состязание заканчивается гибелью обоих партнеров). Эпос подразумевает метонимическое равенство между этническим и семейным началами. Миссия богатыря заключена не только в том, чтобы гарантировать непрерывность национальной культуры, но и в том, чтобы быть продолжателем рода [со своей стороны, волшебная сказка демонстрирует процесс отпадения от семейного союза и основание новой родовой общности; характерно, что изгнание из семьи такого былинного героя, как Козарин, которого «род-племя да не в любви держал» (Григорьев, т. 1, № 20 (56), с. 207), компенсируется в финале повествования не за счет создания новой семьи, а за счет соединения обездоленного с его сестрой]. Имя былинного героя, которое всегда подчеркивается, будучи его неотъемлемым (метонимическим) достоянием, — это как личный, так и родовый знак, почему богатырей и величают по имени и отчеству ⁹⁸ (ср. «Слово о полку Игореве»). У персонажей инонационального происхождения родовое имя иногда повторяется в личном (Вахрамей Вахрамеев, Ботиян Ботиянов, Афромей Афромеевич; ср.: Кунгур *Самородович*), намекая на эндогамную структуру чужого общества ⁹⁹ (ср. выше об инцесте).

В ортодоксальной эпической семье сын наследует матери, а не отцу. Былина со странным на первый взгляд упорством указывает на постоянное вдовство матери богатыря (сказка же приписывает вдовство отцу героя). Этот мотив станет вполне прозрачным, если учесть, что отноше-

⁹⁶ Ср.: В. В. Иванов. Очерки по истории семиотики в СССР, с. 73.

⁹⁷ П. А. Гринцер. Древнеиндийский эпос. Генезис и типология. М., 1974, с. 230—231.

⁹⁸ Ср. разобранный Р. О. Якобсоном перевод этнического имени *Ногај* со значением «собака» в окаменевший бранный эпитет: Р. О. Якобсон. *Собака Калин царь*. — В кн.: R. Jakobson. Selected Writings, IV. The Hague—Paris, 1966, p. 64—81.

⁹⁹ Ср. о недифференцированности чужого пространства: С. Ю. Неклюдов. *Время и пространство в былине*, с. 38.

ния между матерью и ребенком метонимичны по своей природе, так как представляют вариант (или, быть может, даже образец)¹⁰⁰ соотношения части и целого.¹⁰¹ И, напротив того, ситуация отец — сын служит толчком для метафорического развития повествования, поскольку в ней простиупает связь не по смежности, а по аналогии (сыну передаются признак и семейная позиция отца). Вот почему в былине, стремящейся отвести от себя опасность метафоризации смысла, сын гибнет от руки отца (рассказ об Илье и Сокольнике;¹⁰² ср. также сюжет «Щелкан Дюдентевич») или же, наоборот, отец кончает самоубийством в момент рождения ребенка («Дунай сватает невесту Владимиру»); наконец, эпос может обращаться и к мотиву чудесного зачатия («Волх Всеславьевич»). Но далеко не все стороны человеческой практики удовлетворяют однозначной — метонимической или метафорической — интерпретации. Так, свадьба может быть осмыслена и как метонимическое (интегрирующее), и как метафорическое (реклассифицирующее социальные роли) явление.¹⁰³ Вхождение свадебной тематики органично сразу для обеих противополоствующих повествовательных систем, однако эпическая свадьба, вразрез со сказочной, — это контракт между равными партнерами (невеста не уступает в богатырской силе жениху, откуда и мотив брачных состязаний; ср. выше о встречной инициативе невесты в былине).¹⁰⁴ При этом свадебная церемония по-разному отображается былиной и сказкой. В эпосе элементы обряда получают цитатное воплощение и включаются в качестве одного из фрагментов в описание других поступков героя.¹⁰⁵ В сказке же совершается сюжетная реализация метафор, сопровождающих ход свадьбы. В частности, величание жениха и невесты князем и княгиней (предполагающее «перекодировку» возрастного перехода «в терминах другой иерархии»)¹⁰⁶ развертывается в сцену женитьбы сказочного героя на царской дочери¹⁰⁷ (тогда как былины о сватовстве цитатно воспро-

¹⁰⁰ О человеческом теле как «первичной реальности в языке» см.: T. G. H. a. s. s. - T. h. i. e. n. e. t. a. n. n. The subconscious language. New York, 1967, p. 16—17.

¹⁰¹ Между прочим, былинная метафора «мать сыра земля» не абсолютна — покоится на метонимической базе, так как аналогия между материнским телом и телом земли имеет в виду сопричастность всякого человека как тому, так и другому.

¹⁰² Сугубо диахроническое объяснение этого сюжета, возводимого к эпохе «развития отцовского рода» и появления «института незаконнорожденных детей» (С. А. А в и ж а н с к а я. Бой отца с сыном в русском эпосе. — Вестник ЛГУ, 1947, № 3, с. 144), или недостаточно, или в худшем случае фиктивно.

¹⁰³ Другой случай метонимической метафоры — мотив мирового дерева, соединяющего верхний и нижний миры. К мировому дереву приурочивается зооморфный эпос («Спор Сокола с Козем», «Устиман-зверь»).

¹⁰⁴ Эти доводы как будто противоречат гипотезе, которую выдвинул А. М. Лобода. сверяя эпос и свадьбу: «...ослабленная роль жениха в эпических сказаниях должна быть рассматриваема не только с точки зрения... самостоятельного эпического процесса, но и со стороны влияния свадебного обряда» (А. М. Л о б о д а. Русские былины о сватовстве. Киев, 1904, с. 281).

¹⁰⁵ С другой стороны, и сам былинный текст способен метонимически вклиниваться как одна из составляющих в структуру различных ритуалов: по данным М. Ф. Кривошапкина, «старика» о Соколе-корабле пелась в Енисейском округе во время рождественского хождения со звездой; в Уфимской губернии на святках разыгрывалась скоморошина о Кострюке (М. Ф. К р и в о ш а п к о в. Енисейский округ и его жизнь. СПб., 1865, с. 41—42; В с. М и л л е р. Былины и исторические песни в качестве обрядовых. — Русская мысль, 1912, № 3, с. 3—12); ср. о введении эпоса в обряд: П. А. Г р и н ц е р. Древнеиндийский эпос. Генезис и типология, с. 25 и след. В условиях деритуализации социальной жизни исполнение эпических песен приходится, по свидетельству Н. Е. Оичукова, на паузы, прерывающие крестьянские работы (Н. О и ч у к о в. Былинные поэзия на Печоре. СПб., 1903, с. 20).

¹⁰⁶ Г. А. Л е в и н т о н. К описанию, интерпретации и реконструкции славянского текста со специализированной прагматикой. Автореф. канд. дисс. М., 1976, с. 12.

¹⁰⁷ А. Б а й б у р и н, Г. Л е в и н т о н. Тезисы к проблеме «волшебная сказка и свадьба». — *Quinquagenario*. Тарту, 1972, с. 75.

изводят эти свадебные термины: «Так позволю сыграть мне игру другую: Спотешить князя Алешеньку й Поповича» — Астахова, т. 2, № 134, с. 221). Любопытно, что эпический сюжет о женитьбе князя Владимира осуществляется, если так можно сказать, демегафоризацию величального титула свадебной песни.

7

Перейдем к выводам.

I. Метонимическая картина мира строится таким образом, что каждая из отправных семантических категорий разбивается на пару полярных подкатегорий. Представления о пространстве, времени, причинности, материальной среде, как и представления о коммуникативных, персональных, социальных и родовых отношениях эпических героев, выступают — соответственно — в виде следующих антитез: центральная пространственная область — порубежная пространственная область: время, отсчитываемое от события в прошлом к настоящему, — время, отсчитываемое от события в настоящем к будущему; начало причинного действия — конец причинного действия; уникальные материальные объекты — интегральные материальные объекты; сообщения, констатирующие модификацию коммуникативного контекста, — сообщения, модифицирующие коммуникативный контекст; завершенная в себе личность — личность, выходящая за свои пределы; социальная группа — социум; прекращение рода — продолжение рода. В этих противопоставлениях первый член указывает на минимальный объем семантической категории, а второй — на ее максимальный объем. Мощностю каждой из категорий трансформируется вследствие зарегистрированных выше взаимодействий подкатегорий.

II. В статье о стиле былин В. Я. Пропп утверждал, что «. . . язык эпоса почти лишен метафоричности».¹⁰⁸ Как можно было убедиться, это не совсем так. Былина не избегает метафор, она, если так позволительно выразиться, преодолевает их. На это явление уже обращал внимание Р. О. Якобсон, объясняя отрицательный параллелизм как такую фигуру славянской эпической речи, которая опровергает метафорическую трактовку ситуации.¹⁰⁹ Былина вообще использует метафору для описания либо заведомо невозможных действий:

Ой же, свет моя ты родна матушка! . . .
*Лучше б ты меня, несчастного, спордила
 Ты горячим белым камешком. . .*¹¹⁰

(Астахова, т. 2, № 134, с. 202).

либо событий, относимых к затекстовому времени (до того, как выйти замуж за Михайлу Потыка, его невеста была «лебедью белой»). Способности к метаморфозам нередко вменяются в эпосе отрицательным, гибнущим героям (после смерти Марины от руки Добрыни из суставов кудесницы выползают змееныши; ср. выше о зооморфизме Соловья-разбойника). Впрочем, физические перевоплощения свойственны такому положительному персонажу эпоса, как Волх Всеславьевич. Нужно принять в расчет,

¹⁰⁸ В. Я. Пропп. Язык былин как средство художественной изобразительности, с. 379.

¹⁰⁹ R. Jakobson. Linguistics and poetics, p. 368 et sqq. Ср. об особом характере и факультативности отрицательных оборотов в историческом повествовании: R. Barthes. Historical discours, p. 151.

¹¹⁰ Диахронический анализ мотива камней см.: В. В. Иванов, В. Н. Топоров. Исследования в области славянских древностей. Лексические и фразеологические вопросы реконструкции текста. М., 1974, с. 80—81, 85—93.

однако, что метаморфозы Волха, во-первых, обратимы и, во-вторых, не ведут к отпадению от общества, т. е. основаны на устранении рубежа между человеческим миром и природным царством, которые составляют в этом случае слитный смысловой объем. Между тем в сказке (Афанасьев, № 254, 255) перевоплощение героя в низшее животное адекватно мотиву социального отчуждения; компенсация этого отчуждения (возвращение человеку прежнего облика) оказывается недостижимой без постороннего вмешательства.

Былина обращается и к контекстно, т. е. метонимически, обусловленным (так называемым диегетическим)¹¹¹ метафорам: например, князь посылает богатыря настрелять «гусей, белых лебедей», но герой встречается с татарами и бросается на врагов, «как есён сокол. . . На синем море на гуси и лебеди» (Кирша Данилов, № 22, с. 145). Однако стершиеся сравнения («как ясен сокол», «бьет, как траву косит» и т. п.), чей метафоризм ослаблен, входят в былинку и не будучи мотивированными контекстом, причем для эпической стилистики весьма обычен перевод сравнительных оборотов в условное наклонение с помощью частицы «бы». Наконец, былина преодолевает метафоричность за счет того, что метафорическое сопоставление разноплановых предметов получает добавочную метонимическую окраску, в частности, выступая как реализация принципа *pars pro parte*:¹¹²

Что тилѡм-то она на лебедино крыло,
Да походка-то была златорогая,
У ей личи-ты — дак будго белый снег,
У ей очи — дак ясна сокола,
У ней брови — дак черна соболя. . .

(*Соколов и Чичеров, № 208, с. 749*).

III. Как стало очевидно после работы А. Ж. Греймаса,¹¹³ смысловые блоки сказочных текстов суть испытания, которым подвергается герой. Семантическую структуру испытаний можно схематизировать в виде переходов от модальной категории возможного к действительному (или к отрицанию действительного):¹¹⁴

возможность ↗ действие
 ↘ versus
 ↘ инактуализация

В отличие от метафорических сюжетов метонимические тексты развертываются под знаком превращения модальности, «действовать» в модальность «обладать» (или в отрицание обладания):

действие ↗ обладание
 ↘ versus
 ↘ потеря

¹¹¹ Этот термин был заимствован Ж. Женеттом (G. Genette. *Figures*, III, p. 47—48) из словаря работ по кино, авторы которых были поставлены перед необходимостью найти обозначение для изобразительных метафорических иносказаний, не ломавших реальной смежности между попадающими в кадр предметами.

¹¹² Ср. о «совмещении тропов»: А. А. Потебня. *Из записок по теории словесности*, с. 20).

¹¹³ A. J. Greimas. *Sémantique structurale*. Paris, 1966, p. 180 et sqq.

¹¹⁴ Ср. расширительную трактовку такого перехода: К. Бремон. *Логика повествовательных возможностей*. — В кн.: *Семиотика и искусствометрия*. М., 1972, с. 109. Подробнее о сказочных модальностях см.: И. П. Смирнов. *Художественный смысл и эволюция поэтических систем*. М., 1977 (Приложение).

однако, что метаморфозы Волха, во-первых, обратимы и, во-вторых, не ведут к отпадению от общества, т. е. основаны на устранении рубежа между человеческим миром и природным царством, которые составляют в этом случае слитный смысловой объем. Между тем в сказке (Афанасьев, № 254, 255) перевоплощение героя в низшее животное адекватно мотиву социального отчуждения; компенсация этого отчуждения (возвращение человеку прежнего облика) оказывается недостижимой без постороннего вмешательства.

Былина обращается и к контексту, т. е. метонимически, обусловленным (так называемым диегетическим)¹¹¹ метафорам: например, князь посылает богатыря настрелять «гусей, белых лебедей», но герой встречается с татарами и бросается на врагов, «как есён сокол. . . На синем море на гуси и лебеди» (Кирша Данилов, № 22, с. 145). Однако стершиеся сравнения («как ясен сокол», «бьет, как траву косит» и т. п.), чей метафоризм ослаблен, входят в былинку и не будучи мотивированными контекстом, причем для эпической стилистики весьма обычен перевод сравнительных оборотов в условное наклонение с помощью частицы «бы». Наконец, былина преодолевает метафоричность за счет того, что метафорическое сопоставление разноплановых предметов получает добавочную метонимическую окраску, в частности, выступая как реализация принципа *pars pro parte*:¹¹²

Что тилбм-то она на лебедино крыло,
Да походка-то была златорога,
У ей личи-ты — дак будто белый снег,
У ей очи — дак ясна сокола,
У ней брови — дак черна соболя. . .

(Соколов и Чичеров, № 208, с. 749).

III. Как стало очевидно после работы А. Ж. Греймаса,¹¹³ смысловые блоки сказочных текстов суть испытания, которым подвергается герой. Семантическую структуру испытаний можно схематизировать в виде переходов от модальной категории возможного к действительному (или к отрицанию действительного):¹¹⁴

возможность ↗ действие
 ↘ versus
 ↘ инактуализация

В отличие от метафорических сюжетов метонимические тексты развертываются под знаком превращения модальности, «действовать» в модальность «обладать» (или в отрицание обладания):

действие ↗ обладание
 ↘ versus
 ↘ потеря

¹¹¹ Этот термин был заимствован Ж. Женеттом (G. Genette. *Figures*, III, p. 47—48) из словаря работ по кино, авторы которых были поставлены перед необходимостью найти обозначение для изобразительных метафорических иносказаний, не ломавших реальной смежности между попадающими в кадр предметами.

¹¹² Ср. о «совмещении тропов»: А. А. Потебня. Из записок по теории словесности, с. 20).

¹¹³ А. J. Greimas. *Sémantique structurale*. Paris, 1966, p. 180 et sqq.

¹¹⁴ Ср. расширительную трактовку такого перехода: К. Бремон. Логика повествовательных возможностей. — В кн.: Семиотика и искусствометрия. М., 1972, с. 109. Подробнее о сказочных модальностях см.: И. П. Смирнов. Художественный смысл и эволюция поэтических систем. М., 1977 (Приложение).

Пользуясь термином того же А. Ж. Греймаса (но освободив этот термин от связи со сказочным смыслом), можно назвать эпизоды, на которые распадается эпический сюжет, «контрактами». Между былинными героями утверждаются разного рода договорные обязательства, которые чередуются в повествовании в достаточно строгом порядке, а именно: 1) *установление контракта* (согласие богатыря осуществить княжеское поручение; вступление в дружину; положительный ответ на просьбу прибывшего из-за моря кушца; встреча и братание героев и пр.); 2) *исполнение контракта* (богатырская охота; добывание невесты; застройка полученного в дар куска земли; совместное путешествие; выправка даней и пр.); 3) *соперничество при исполнении контракта* (брачные состязания; противоборство; реализация заклада; скупка городских товаров и пр.); 4) *узнавание заключившего контракт* (раскрытие тайны происхождения персонажа; прославление или идентификация победителя и пр.). Каждый из контрактов может подытоживаться не только позитивным, но и негативным исходом (ср., например, мотив расторжения супружеских отношений). Стоит упомянуть и о том, что если положительный герой вступает в противоборство в результате предварительного договора (что не исключает использования хитрости во время схватки), то отрицательные персонажи, наоборот, характеризуются как нарушители обязательств (нападение на безоружного, приказы об убийстве посла, обман побратима). То же справедливо и для других контрактов.

Однако несмотря на сюжетные расхождения между сказкой и былиной, в обоих классах текстов легко обнаруживаются полностью совпадающие повествовательные отрезки. Это объясняется, с одной стороны, тем, что модальность «действовать» являет собой общее смысловое достояние как сказки, так и былины (поэтому, собственно, эпический сюжет и начинается, как правило, с того, чем венчается сказка, — с пиршества). С другой стороны, былина отмечает границы повествования с помощью неупотребительной внутри отдельных эпических ситуаций модальности «мочь»; такая же функция в сказке достается модальной категории «обладать». Сказка завершается воцарением героя, захватывающего право на *обладание* ценностями (эта абсолютная концовка делает затруднительной циклизацию сказочных текстов). Финал былины, напротив того, нередко формируется из таких мотивов, как раздача богатств, возвращение героя на службу к князю и т. п., что предполагает *возможность* нового цикла приключений. О проявлениях категории возможного в качестве вводного элемента эпического сюжета дадут представление мотивы похвалы и описанной А. П. Скафтымовым «предварительной недооценки героя». ¹¹⁵ Сказка и былина, таким образом, скрепляются смысловым замком, соединяющим эти жанры в некое непрерывное повествовательное образование.

IV. Для того чтобы исчерпывающе рассмотреть средства выразительности, которыми оперирует былина, требовалось бы определить не только их значения, как это было сделано в статье, но также их функции и синтаксические (в широком смысле слова) роли. Так, эпические формулы (*loci communes*) ¹¹⁶ с семантической точки зрения представляют собой сокращенные записи ситуаций (*pars pro toto*), сообщающие изображаемым событиям постоянный смысловой объем, который не варьируется от текста к тексту. Как известно, функция формул — облегчить процесс запоми-

¹¹⁵ А. П. Скафтымов. Поэтика и генезис былин, с. 56.

¹¹⁶ О формульном стиле русских былин в связи с идеями А. Б. Лорда и М. Пэрри см. подробнее: P. A g a n t, Formulaic style and the russian *Bylina*. — Indiana slavic studies, 1967, vol. IV.

нения и воспроизведения текстов. И последнее: под синтаксическим углом зрения общие места былины оказываются такими сюжетными составляющими, которые предваряют введение в текст новых порций смысловой информации, сигнализируют о наступлении поворота сюжета (таковы, допустим, формулы, предшествующие прямой речи героев, или мотивы «чуда»).

V. Наличествующее в былине взаимодействие метонимической речи с метафорической потенциально освобождало путь для диахронного сдвига от устного эпоса к письменным эпическим памятникам. Письменный эпос, скажем, «Слово о полку Игореве», по-видимому, имеет такую же метонимическую смысловую подоплеку, что и былинное творчество. Но определение того же «Слова» в качестве метонимического повествования, хотя и необходимо, но не достаточно. Семантическое построение авторских текстов (даже если их создатели анонимны) двухступенчато: первый шаг смыслопорождения играет здесь жанрообразующую роль — на втором шаге происходит трансформация жанра. Эта трансформация достигается посредством скрещения двух речевых жанров, или, иными словами, посредством наложения тропов одного порядка на тропы другого порядка. В устном творчестве возможность взаимодействия тропов задана структурными особенностями того или иного жанра (присутствие в былине сюжетных узлов, совпадающих со сказочными, позволяет носителям эпоса обращаться к метафорам с метонимическим оттенком). В авторском произведении техника взаимоналожения тропов более прихотлива. Выбор автором способа трансформации, которой будет подвергнут жанр, непредсказуем в рамках самого отправного жанра (индивидуальное эпическое творчество вольно совмещать с метонимией любую разновидность тропов, а не только метафору), причем преобразование захватит сплошь все элементы создаваемого текста. Процесс порождения художественного текста становится тем самым деавтоматизированным и поэтому требует письменной фиксации. Авторский текст не просто «непрямое» изложение, но в полном значении этого слова двусмысленная (амбивалентная) речь, взывающая не к слушателю, а к интерпретатору.

Я. С. ЛУРЬЕ

О возникновении и складывании в сборники переписки Ивана Грозного с Курбским

Настоящая статья представляет собой продолжение и завершение двух статей об истории текста Первого послания Ивана Грозного Курбскому (далее: ППГ), напечатанных в т. XXXI и XXXII ТОДРЛ.¹ Основные выводы этих статей таковы.

1. Первоначальная редакция ППГ — 1-я Пространная редакция, известная нам теперь в шести списках. Из этих списков три входят в состав так называемых печерских сборников, в которых послание царя читается среди посланий его врагов, и три списка не включают сочинения его противника и не имеют устойчивого «конвоя». Тот вид 1-й Пространной редакции, который дошел в «печерских сборниках», имеет ряд явно вторичных чтений по сравнению со списками 1-й редакции, читающимися вне этого сопровождения.

2. Краткая редакция ППГ дошла в большинстве списков в составе «печерских сборников». Сопоставление ее с 1-й Пространной редакцией обнаруживает вторичность Краткой редакции по отношению к 1-й Пространной редакции и ее зависимость именно от того вида 1-й Пространной, который читается в «печерских сборниках». Очевидно, переделка 1-й Пространной редакции в Краткую происходила уже после сложения «печерских сборников» и внутри этих сборников.

3. 2-я Пространная редакция ППГ вторична по отношению к 1-й Пространной редакции; она восходит к тексту 1-й Пространной, имевшему некоторые черты близости с текстом «печерских сборников» и обладавшему при этом одним явным и несомненным дефектом (перестановка текста с цитатой из Дионисия Ареопагита из конца ППГ в середину). В пределах 2-й Пространной редакции первичен Хронографический вид и вторичен тот вид, который читается в «сборниках Курбского» конца XVII в. (содержащих все основные сочинения Курбского, включая его «Историю о великом князе Московском»). Сокращенная редакция XVIII в. восходит к «сборникам Курбского».

Какие же данные по истории возникновения и складывания в сборники переписки Ивана Грозного с Курбским могут быть извлечены из истории текста посланий? Имели ли послания обоих оппонентов самостоятельное хождение в отдельном виде или стали публицистикой уже впоследствии — в XVII в., извлеченные из архивов и включенные в сборники?

Вопрос был поставлен автором этих строк еще в 1951 г., при издании «Посланий Ивана Грозного». К этому изданию впервые были привлечены

¹ Я. С. Лурье: 1) Первое послание Ивана Грозного Курбскому. (Вопросы истории текста). — ТОДРЛ, т. XXXI. Л., 1976, с. 202—234; 2) 2-я Пространная редакция Первого послания Грозного Курбскому. — ТОДРЛ, т. XXXII. Л., 1977, с. 56—69.

списки 1-й Пространной редакции ППГ (ГПБ, Погод., № 1567, далее — *П*; ЛОИИ, собр. Археографической комиссии, № 41, далее — *К*); в одном из этих списков сохранился специфический и очень важный для характеристики памятника заголовок: «Царево-государево послание во все его Российское царство на крестопреступников его, на князя Андрея Курбского с товарищи об их измене». Наличие этого заголовка в наиболее первичной по тексту редакции Послания (а также в Краткой редакции ППГ) дало основание предполагать, что послание царя, как и послание Курбского, открывшее переписку, было публицистическим памятником, предназначенным не только для его формального адресата, но и для других читателей (подобно «открытым письмам» в литературе нового времени), а обращения к противнику имели целью не убеждение его, а обличение.²

Это мнение вызвало недавно возражения в научной литературе. Оживление интереса к этой теме было отчасти связано с выходом в свет книги американского историка Э. Кинана «Апокрифические сочинения, приписываемые Курбскому—Грозному». Основной вывод Э. Кинана о переписке как своеобразной литературной мистификации, постепенно развивавшейся в течение всего XVII в., не был принят многочисленными учеными, откликнувшимися на его книгу.³ Но некоторые из наблюдений, содержащихся в книге (связь послания Курбского с сочинениями западнорусского инокса Исаяи, датировка основных групп списков), заслуживали внимания и дали повод для постановки ряда важных вопросов, связанных с перепиской.

В полемической книге, направленной против концепции Э. Кинана, Р. Г. Скрынников отверг взгляд на переписку как на памятник XVII в. Но вместе с тем автор отказался и от предположения (ранее им разделявшегося) о посланиях царя и Курбского как о полемических памятниках, адресованных «во все Российское царство». Заголовок двух редакций (1-й Пространной и Краткой), где содержатся эти слова, представляется ему относительно поздним и сочиненным переписчиками послания, а сама возможность обращения царя с посланием к широкой аудитории — противоречащей «глубоко аристократическим представлениям Ивана IV о взаимоотношениях самодержца и его подданных».⁴ Каких-либо определенных предположений о проникновении переписки в рукописную традицию в XVI или в XVII в. Р. Г. Скрынников в своей книге не высказал. Серьезное внимание он обратил лишь на «конвой» первых посланий Курбского и Грозного в «печерских» или, по его определению, «вольмарских» сборниках (в Вольмар в 1564 г. бежал Курбский) — в списке *П*, в списке БАН, Текущие поступления, № 230 (*А*), обнаруженном автором этих строк в 1954 г., и в некоторых других, к которым мы еще обратимся. «Авторами вольмарской подборки» были, по мнению Р. Г. Скрынникова,

² Послания Ивана Грозного. М.—Л., 1951 (Литературные памятники), с. 470—471, 540.

³ E. Keenan. The Kurbskii—Groznyi apocrypha. The XVIIth century genesis of the «Correspondence» attributed to prince Kurbskii and tsar Ivan IV. Cambridge, Mass., 1971 (далее: Keenan). Из откликов на книгу Кинана отметим следующие: Н. Е. Андреев. Мнимая тема. О спекуляциях Э. Кинана. — Новый журнал, Нью-Йорк, 1972, № 109; Д. С. Лихачев. Курбский и Грозный — были ли они писателями? — РЛ, 1972, № 4; Р. Г. Скрынников. Переписка Грозного и Курбского. Парадоксы Эдварда Кинана. Л., 1973; J. Fejnelli. [Рец. на кн. Р. Г. Скрынникова]. — Russia Mediaevalis, 1975, т. II; А. А. Зимин. Первое послание Курбского Ивану Грозному. (Текстологические проблемы). — ТОДРЛ, т. XXXI. Л., 1976 (см. в этой статье рецензии и отклики на книгу Э. Кинана — примеч. 2, 6 и 101).

⁴ Р. Г. Скрынников. Переписка Грозного и Курбского, с. 81; ср.: С. О. Шмидт. Об адресатах Первого послания Ивана Грозного князю Курбскому. — В кн.: Культурные связи народов Восточной Европы в XVI в. М., 1976, с. 306 и 320—321.

«эмигранты, близкие к Курбскому»; когда именно к этому сборнику было присоединено Послание Ивана Грозного, неизвестно.⁵

Ряд соображений о проникновении в письменность переписки Курбского с царем был высказан А. А. Зиминим. Именно А. А. Зимин еще в 1956 г., при исследовании сочинений Пересветова, обратил внимание на существование «печерских сборников», не включающих Послание царя (на эти сборники ссылался и Р. Г. Скрынников). Он высказал предположение, что как сочинения Пересветова, так и материалы «печерских сборников» «стали более доступными служилым и приказным людям» после пожара 1626 г., истребившего значительную часть архива Посольского приказа.⁶ В недавно опубликованном исследовании о Первом послании Курбского А. А. Зимин развил эту мысль шире. По его мнению, Послание Курбского и другие материалы «печерских сборников» «проникли в рукописную традицию XVII в. из Государственного (Посольского) архива». Что касается самого «печерского сборника» (посланий Курбского, Тетерина—Сарыхозина и Полубенского), то, «вероятно, этот сборник был захвачен властями во время царского похода во Псков 1570 г. (в 1577 г. царь отвечал на послание Тетерина) и попал в царскую казну, где к нему было присоединено ответное Послание царя Курбскому».⁷ К вопросу об истории «печерских сборников» мы еще обратимся; пока же отметим сугубо предположительный характер этого построения. В специальных описях дел, сохранившихся после пожара 1626 г.,⁸ не упоминаются ни материалы «печерских сборников», ни сочинения Пересветова. В описях Царского архива XVI в. и Архива Посольского приказа 1614 г. из интересующих нас материалов упоминается только грамота Курбского — ни остальные послания беглецов, ни послание царя там не фигурируют («черный список Пересветова», упомянутый в Описи архива, также, вероятно, был не списком его сочинений, а следственным делом Пересветова).⁹

Обширная рукописная традиция переписки, введенная в оборот при подготовке нового издания переписки царя с Курбским,¹⁰ позволяет значительно расширить сведения о составе и происхождении списков, включающих послания обоих антагонистов.

Как уже неоднократно отмечалось, рукописи переписки, известные нам, относятся ко времени не ранее первой трети XVII в. Каких-либо авторских или официальных экземпляров посланий, относящихся к XVI в., до нас не дошло. В этом смысле вся традиция переписки — традиция неофициальная. Но характер этой традиции не одинаков в различных сборниках. Наиболее явно враждебную Грозному традицию отражают «сборники Курбского» последней трети XVII в. Это, как мы уже отметили, почти полные собрания сочинений «государева изменника», к которым присоединено единственное сочинение царя — ППГ. Враждебная традиция, хотя и не столь полная, окружает ППГ и в «печерских сборниках» первой трети XVII в. Но ряд списков 1-й Пространной редакции

⁵ Р. Г. Скрынников. Переписка Грозного и Курбского, с. 37.

⁶ А. А. Зимин. И. С. Пересветов и его современники. М., 1958, с. 251.

⁷ А. А. Зимин. Первое послание Курбского Ивану Грозному, с. 132.

⁸ Н. П. Лихачев. 1) Библиотека и архив московских государей в XVI столетии. СПб., 1894, Приложение, с. 53—81; 2) Разрядные дьяки XVI в. СПб., 1888, с. 30—72; Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV—XVI вв. М.—Л., 1950, с. 459—483.

⁹ Описи Царского архива XVI в. и Архива Посольского приказа 1614 г. Под ред. С. О. Шмидта. М., 1960, с. 36—37. О «черном списке» Пересветова см.: Сочинения И. Пересветова. Подгот. текст А. А. Зимин. М.—Л., 1956, с. 15 и 298—299.

¹⁰ Переписка Ивана Грозного с Андреем Курбским. Текст подгот. Я. С. Лурье, Ю. Д. Рыков. Л. (сер. «Литературные памятники»), (в печати).

ППГ не имеет, как мы уже указывали, такого окружения — они отражают нейтральную, а возможно, и официозную традицию памятника.¹¹ Нейтрален и состав сборников Хронографического вида 2-й Пространной редакции — это Хронограф или Степенная книга, куда включены первые послания царя и Курбского (Второе и Третье послание Курбского дошли только в «сборниках Курбского»; Второе послание Грозного сохранилось в нескольких сборниках конца XVII в. официального происхождения — посланий «государева изменника» в них нет).

Важнейшее значение для понимания истории текста ППГ имеют упомянутые уже выше наблюдения относительно первичности текста текстов списков 1-й Пространной редакции, которые не включают послания Курбского и других враждебных царю памятников (уже упомянутый список *К*; список ГПБ, Погод., № 1311, — далее: *Б*; ГПБ, собр. Титова, охр. № 1121, далее: *Т*). Никакого стойкого «конвоя», постоянного окружения ППГ в этих списках не имеет. Даже если принять предположение А. А. Зимина о проникновении «печерских сборников» в рукописную традицию из царского архива после 1626 г., то на списки *К*, *Б* и *Т* распространять такое предположение нет оснований — они явно принадлежат иной традиции, чем «печерские сборники».

А между тем заголовок «Послание. . . во все его Российское государство (царство) на крестопреступников. . . об их измене» оказывается присутствующим всей 1-й Пространной редакции — и в отдельном виде и в «печерских сборниках»; он не сохранился только в списке *К* — просто потому, что в нем нет начала. Таким образом, заголовок этот во всяком случае отражает древнейшую доступную нам редакцию памятника; тем более велико его значение.

Новые данные для установления истории текста 1-й Пространной редакции ППГ могут быть получены при исследовании недавно обнаруженного списка 1-й Пространной редакции — в Военно-Историческом архиве, ф. ВУА, № 3 (далее — *В*). По определению Ю. Д. Рыкова (любезно указавшего нам эту рукопись) список *В* относится к 20—30-м гг. XVII в., т. е. принадлежит к числу самых ранних рукописей Послания.¹² По составу это «печерский сборник», которому предшествует перевод Гваньини, отличный от всех известных до сих пор; в конце сборника помещены грамоты 1610 (послания Гермогена Сигизмунду III и Владиславу) и 1623 гг. (послание патриарха Михаилу Федоровичу).

Весьма примечательны и состав сборника, и содержащийся в нем текст ППГ. Исследователи уже отмечали, что состав «печерских сборников» не вполне совпадает в его отдельных списках. Два «печерских сборника», не включающих послания Грозного, в остальном имеют наиболее полный состав, состоящий из краткой записки Курбского в Печерский монастырь, его же Третьего послания в монастырь (старцу Вассиану), послания Тетерина и Сарыхозина Морозову и грамоты Полубенского в Юрьев. В «печерских сборниках» с Посланием Грозного 1-й Пространной редакции опущены записка Курбского (*П*), а также его послание Вассиану (*А*); еще большие пробелы обнаруживаются в «печерских сборниках», содержащих Послание царя Краткой редакции.¹³ Между тем

¹¹ С. О. Шмидт (Об адресатах. . ., с. 320—321), ссылаясь на автора этих строк, подчеркивает, что «первоначальная (полная) редакция сохранилась только в неофициальной или враждебной традиции». Но это относится в наибольшей степени именно к «сборникам Курбского» и в наименьшей — к 1-й Пространной редакции ППГ.

¹² Описание этого сборника будет дано Ю. Д. Рыковым в «Археографическом обозрении» в кн.: Переписка Ивана Грозного с Курбским (см. наст. статью, примеч. 10).

¹³ Сочинения И. Пересветова, с. 81—82 и 85; Р. Т. Скрябин в Переписка Грозного и Курбского, с. 36—40; А. А. Зимин. Первое послание Курбского Ивану Грозному, с. 181—183.

список *В* оказывается самым полным по составу из всех «печерских сборников»: в нем есть и Послание Грозного, и все элементы «конвоя», включая записку и послание Вассиану.

Текст ППГ в *В*, обнаруживая основные черты, отличающие текст «печерских сборников» от текста остальных списков 1-й Пространной редакции, вместе с тем в нескольких случаях оказывается первичнее текста остальных «печерских сборников». ¹⁴ Черты первичности в тексте царского послания в *В* делают особенно интересным местоположение этого послания в рукописи. Уже в известных прежде «печерских сборниках» послание царя не имело постоянного места: в списках *П* и *А* оно следует за посланиями всех «государевых изменников» (не только Курбского, но и Тетерина с Сарыхозиним); в списках Краткой редакции — после послания Курбского. Это обстоятельство (как и отсутствие ППГ в двух «печерских сборниках») давало основание сомневаться в том, что Послание царя было в оригинале «печерских сборников». В списке *В* послание царя помещено в третьем, наиболее неожиданном месте — вне всего печерского комплекса, перед остальными посланиями. Это явный признак вторичности ППГ в «печерском» комплексе: если бы все послания «печерских сборников» были извлечены из единого архивного фонда, Послание царя располагалось бы на своем естественном месте — за Посланием Курбского, на которое ответил царь (как в «сборниках Курбского»). Состав списка *В* и текст ППГ в нем позволяют видеть в этом списке своеобразное соединительное звено между отдельно бытовавшими списками Послания царя и списками посланий его врагов («печерскими сборниками» без царского послания), с одной стороны, и теми «печерскими сборниками», где помещены и послания Курбского и Послание Грозного, с другой. Иначе говоря, список *В* по составу и тексту может считаться наиболее близким к протографу всех «печерских сборников» с Посланием царя.

Тем более интересной оказывается еще одна особенность этого текста. Здесь не только имеется общий заголовок 1-й Пространной редакции — «. . . во все его Российское царство», но обнаруживается еще одно указание на характер и назначение царского послания. На отдельном листе, предшествующем посланию царя и остальным посланиям (л. 181), читается краткое указание на наиболее важные из следующих далее памятников — Послание царя, «грамоты патриарха Гермогена к королю Польскому и грамоты Курпсково». Послание царя определено здесь так: «Послание царское во все города на крестопреступников его на князя Ондreja Курпскаго с товарищи о их измене его». Какого происхождения эта запись? Опирался ли редактор начала XVII в., соединивший послание царя с посланием его врагов, на какие-то прямые указания в имевшемся у него списке царского послания, или он исходил из устных известий о путях его рассылки («во все города»), или, наконец, это было его предположение? Этого мы не знаем. Так или иначе, запись на списке *В* подтверждает известие заголовка о публицистическом и обличительном назначении Послания.

Запись «Послание царское во все города» — свидетельство единичного книжника 20—30-х гг. XVII в. (поскольку других списков с такой записью пока не обнаружено). Но заголовок 1-й Пространной редакции, подкрепляемой этой записью, имеет более широкое значение, поскольку он принадлежит протографу этой редакции. ¹⁵

¹⁴ Анализ текста *В* см. в кн.: Переписка Ивана Грозного с Курбским (см. наст. статью, примеч. 10).

¹⁵ В этом отношении дополнительный заголовок списка *В* «во все города» может быть сопоставлен с заголовком, обнаруженным А. А. Зиминим на одном списке (ГБЛ,

В какой степени текст этого заголовка может считаться достоверным свидетельством характера и назначения Послания? Заслуживают внимания замечания Р. Г. Скрынникова, противопоставившего заголовку вступительный раздел послания, — его торжественное введение, включающее титул Грозного и аналогичное вводным частям дипломатических посланий царя.¹⁶ Но почему такое введение должно рассматриваться как заглавие, исключаяющее конкретный заголовок? Если мы обратимся к столь популярному в XVI в. памятнику, как книга «на новгородских еретиков» («Просветитель») Иосифа Волоцкого, то обнаружим в нем еще более развернутое и торжественное введение; это не воспрепятствовало тому обстоятельству, что книге предшествует, сверх того, отдельный (и, по всей видимости, авторский) заголовок: «Сказание о новоявившейся ереси новгородских еретиков Алексея протопопа и Дениса попа и Федора Курицына. . .».¹⁷ Но предположим даже, что перед нами в ППГ — не авторское заглавие, а его дьяческий заголовок. Подобные дьяческие заголовки постоянно встречаются в дипломатических грамотах. Так, послание шведскому королю Иохану III 1573 г., вступительный титул которого Р. Г. Скрынников сравнивал с вступлением к посланию Курбскому, имело дьяческий заголовок — «Такова грамота послана от государя к свейскому королю, а послана в Орешек. . . а из Орешка велено ее выслать в Выбор с земцом. . .»; такие же заголовки имеют послания (с вступительными титулами) Сигизмунду II Августу 1569 г., императору Максимилиану I 1576 г.¹⁸ и т. д. Противоречат ли такие заголовки развернутым вводным титулам и вызывает ли достоверность заголовков какие-либо сомнения? Никто, очевидно, не сомневается в том, что перечисленные грамоты действительно были посланы в Швецию, Польшу, к императору и т. д., и именно с теми лицами, которые в них упомянуты. Почему же заголовок ППГ должен вызывать какие-то сомнения и противопоставляться титулу, как некая альтернатива? Он вполне соответствует содержанию Послания, в котором Андрей Курбский и его товарищи действительно обличались в измене. Послание царя было написано в 1564 г. — так, во всяком случае, считает большинство исследователей, и в их числе Р. Г. Скрынников и я, — но если это так, то в «государеву казну» или в другой подобный архив оно поступило в XVI в.; если ему был придан при этом заголовок, то это произошло тогда же. Зачем же было бы дьякам давать этому сочинению заведомо неверный заголовок, нарушая «аристократические представления царя» и превращая грамоту в послание «во все Российское государство», если бы этого не хотел сам самодержец? От кого бы ни исходил заголовок «во все Российское государство», он сохраняет значение первостепенного исторического источника.

Таковы соображения, вытекающие из рукописной традиции и заголовка 1-й Пространной редакции Послания царя. Обратимся теперь

собр. Ундольского, № 720) послания Курбского: «. . . писал к государю в Москве с человеком своим с Васьюко Шибановым»; как установил А. А. Зимин, заголовок этот отражает не архетипный текст ППГ, а является распространением заголовка одной из версий, сделанным составителем данного списка (А. А. З и м и н. Первое послание Курбского Грозному и Василий Шибанов. — В кн.: Культурное наследие Древней Руси. М., 1976, с. 145—146). Но заголовок, присущий всей 1-й Пространной редакции ППГ, имеет более древнее происхождение и более важный смысл, чем заголовки на списках В и собр. Ундольского, № 720.

¹⁶ Р. Г. С к р ы н н и к о в. Переписка Грозного и Курбского, с. 79—80.

¹⁷ См. введение к «Просветителю» в кн.: Н. А. К а з а к о в а и Я. С. Л у р ь е. Антифеодальные еретические движения на Руси XIV—начала XVI в. М.—Л., 1955, с. 466—477, 477—486 (2-я редакция: «Грешного инока Иосифа сказание. . .»).

¹⁸ Сборник РИО, т. 129. СПб., 1910, с. 228; т. 71. СПб., 1892, с. 587; Памятники дипломатических сношений древней России с державами иностранными, т. 1. СПб., 1851, стб. 639.

к истории текста Первого послания его противника. Что представляет собой первоначальная традиция этого памятника — какая его редакция и какой вид могут считаться первичными? До нас дошли две редакции Первого послания Курбского (далее: ППК). Одна из них, содержащаяся в «сборниках Курбского», конца XVII в., была известна в науке еще с XIX в. (издана Н. Устряловым, потом Г. Кунцевичем); другая (известная Г. Кунцевичу, но использованная им лишь для разночтений) опубликована автором этой статьи (по «печерскому сборнику» II) в приложении к «Посланиям Ивана Грозного» 1951 г. Обе редакции различаются между собой отдельными чтениями, и в частности тем, что в тексте ППК в «сборниках Курбского» читается фрагмент, сходный с предисловием Ивана Федорова к «Апостолу» 1564 г. Уже Э. Кинан, хотя и с некоторыми колебаниями, пришел к выводу, что первой редакцией ППК является та, которая помещена в «печерском сборнике» II, а второй — редакция «сборников Курбского»; решительно высказался в пользу первичности первой редакции Р. Г. Скрынников.¹⁹ Подробное сопоставление обеих редакций произвел А. А. Зимин, отметивший целый ряд совпадений первой редакции ППК (в отличие от второй) с ответом Ивана IV. Кроме того, А. А. Зимин привлек к исследованию 20 списков 1-й редакции ППК; он же установил наличие внутри 1-й редакции двух групп, из которых первая группа ближе к 1-й редакции, чем вторая. Несколько новых списков ППК ввел в науку Ю. Д. Рыков, уточнивший схему взаимоотношений между этими списками.²⁰

Особое значение для настоящей работы имеет окружение текста различных редакций и групп ППК и их сосуществование с разными редакциями ППГ — там, где оба памятника помещены в одних сборниках. 2-я редакция ППК, как мы уже отметили, читается в «сборниках Курбского» — вместе с соответствующим видом 2-й Пространной редакции ППГ (или с Сокращенной редакцией XVIII в.) и некоторыми другими памятниками. Первая группа 1-й редакции ППК содержится в большинстве списков (7 списков) без остальных посланий Курбского и Послания царя, только в двух случаях (списки ГИМ, собр. Уварова, № 1584, — далее *Ув1*; ГБЛ, Музейное собр., № 4469, далее — *Биб*) они входят в «печерские сборники» (без послания Грозного); кроме того, четыре списка этой группы представляют собой хронографические компиляции (включающие Хронографический вид 2-й Пространной редакции ППГ).²¹

¹⁹ Кеenan, р. 197—198; Р. Г. Скрынников. Переписка Грозного и Курбского, с. 10—11.

²⁰ А. А. Зимин. Первое послание Курбского Ивану Грозному, с. 177—180, 183—184. Наблюдения Ю. Д. Рыкова содержатся в «Археографическом обзоре» в кн.: Переписка Ивана Грозного с Андреем Курбским (см. выше примеч. 10).

²¹ Следует отметить, что один памятник, входящий в состав «печерских сборников», — послание Тетерина и Сарыхозина Морозову — читается вместе с ППК первой группы 1-й редакции еще в нескольких списках — в списке ГПБ, Археол. общ., № 43 (далее — *Ар*) (начальный фрагмент послания) и в списках, содержащих хронографическую компиляцию. Однако послание Тетерина и Сарыхозина — особый памятник, не входящий в число печерских грамот в точном смысле слова (таких, как послания Курбского в Печерский монастырь); его судьба также отличалась от судьбы остальных печерских грамот: послание Тетерина вместе с ППК через хронографические компиляции попало в «сборники Курбского» (в первоначальном тексте этих «сборников» не было ни послания царя, ни послания Тетерина). По ряду чтений текст послания Тетерина в хронографической компиляции (и «сборниках Курбского») отличается от текста того же послания в «печерских сборниках»; сохранившийся в *Ар* фрагмент, по-видимому, ближе к хронографической компиляции (полный заголовок вместо краткого), чем к «печерским сборникам». Можно думать поэтому, что ППК и послание Тетерина — Сарыхозина (два наиболее острых произведения «крестопреступников», адресованные из-за рубежа их противникам) сосуществовали в рукописной традиции и независимо от «печерских сборников».

Напротив, все «печерские сборники», включающие Послание царя (в 1-й Пространной или в Краткой редакции), содержат текст послания Курбского в т о р о й г р у п п ы 1-й редакции; лишь два списка этой группы, отмеченные А. А. Зиминим (ГПБ, Ф. XVII. 15, далее — *Пуб*; ГПБ, Погод., № 1615, далее — *ПЗ*), не включают остальных посланий «печерского сборника» и ППГ.

Какой же из текстов ППК может считаться первичным? А. А. Зимин полагает, что именно списки второй группы 1-й редакции «наиболее близки к архетипу послания», ибо чтения ее совпадают с чтениями в ответном Послании царя.²² Но поскольку списки второй группы это в основном «печерские сборники», то естественно предположить в таком случае, что протографичный текст ППК, попавший в рукописную традицию XVII в., — это текст «печерских сборников», включающих, наряду с посланием царю, другие послания «государевых изменников». Отсутствие этого «конвоя» в *Пуб* и *ПЗ* можно считать вторичным явлением — такие послания могли выпасть при переписке сборников. Но как объяснить то обстоятельство, что следы «печерского» конвоя отсутствуют во всей первой группе 1-й редакции, за исключением только двух списков — *Ув1* и *Биб*? Если считать, что первоначален текст второй группы, а из него произошел текст первой, то придется предположить, что изменения текста второй группы произошли уже внутри «печерских сборников» и привели к появлению списков первой группы типа *Ув1* и *Биб*, а затем из этого архетипа образовалась вся семья списков первой группы 1-й редакции, совершенно утратившая элементы «печерского» конвоя, и уже из нее — 2-я редакция ППК (имеющая, как мы знаем, черты сходства с первым видом 1-й редакции). Но списки первой группы 1-й редакции ППК, как мы отметили, довольно многочисленны; некоторые из них принадлежат к числу наиболее ранних списков ППК: списки ГБЛ, ОИДР, № 197 (*О*); ГБЛ, собр. Овчинникова, № 285 (далее — *Ое*); ГБЛ, собр. Ундольского, № 603 (далее — *У1*); собр. Ундольского, № 720 (далее — *У2*), как и два «печерских сборника» *Биб* и *Ув1*, — первой трети XVII в.²³

Но действительно ли текст второй группы 1-й редакции ППК может считаться первичным по сравнению с текстом первой группы? А. А. Зимин отмечает, что в тексте второй группы ППК, как и в ППГ, известный вопрос Курбского читается: «почто. . . сильных во Израиле побил. . .?», в списках первой группы: «про что. . .?». Но обращение к рукописной традиции ППГ обнаруживает, что «почто» (в цитате царя из Курбского) читается только в «печерских сборниках» и близком к ним списке *Т*, а в списках *Б* и *К*, содержащих наиболее первичный текст Послания, как раз «про что. . .?». Не свидетельствует о первичности второй группы и другое отмеченное А. А. Зиминим чтение: «. . . хотяще истязати их до власти прегрешения их. . .»; в первой группе «до влас».²⁴ В библейском тексте, на который, очевидно, опирался Курбский, говорится именно о «власах», как в первой группе: «сокрушит. . . верх влас приходящих в прегрешениях. . .» (Пс. LXXVII, 22; в сходном тексте инока Исаяи — тоже «до влас»)²⁵. Текст

²² А. А. З и м и н. Первое послание Курбского Ивану Грозному, с. 184, 186, 188.

²³ Кеenan, р. 104, 105—106, 107—108, 111 (датировки Д. К. Уо). О датировке списка *Ое*, указанного Ю. Д. Рыковым А. А. Зимину, см.: А. А. З и м и н. Первое послание Курбского Ивану Грозному, с. 184, примеч. 39. О датировке списка *У2*: А. А. З и м и н. Первое послание Курбского Грозному и Василий Шибанов, с. 145.

²⁴ А. А. З и м и н. Первое послание Курбского Ивану Грозному, с. 184.

²⁵ Ср.: Я. С. Л у р ь е. Первое послание Ивана Грозного Курбскому, с. 225; Ю. Д. Р ы к о в. К вопросу об источниках Первого послания Курбского Ивану IV. — ТОДРЛ, т. XXXI. Л., 1976, с. 240—241.

Грозного также не дает ясных параллелей — здесь читается и «до власт» (БА), и «до власти» (К), и «до влас» (новонайденный²⁶ «печерский сборник» В). С другой стороны, как отметил сам А. А. Зимин, во второй группе читается «бесовские согласным твоим боляром», в то время как в первой группе — «бесогласным», «бесогласныя», «безгласным», что согласуется с ответом царя: «бесогласных же бояр у нас несть».²⁶

Нам представляется, таким образом, что данных, свидетельствующих о первичности второй группы 1-й редакции ППК по сравнению с первой группой и о ее большей близости к ППГ, нет. Но если это так, то нет оснований и для того, чтобы возводить всю совокупность отдельных списков ППК первой группы к «печерским сборникам» или вообще к каким-либо комплексам, содержащим Послание Курбского вместе с другими публицистическими памятниками этого цикла. Скорее можно предположить обратное — что именно те списки первой группы 1-й редакции, где Послание Курбского царю было впервые соединено с другими списками «государевых изменников» (типа *Биб* и *Уел*), стали оригиналом всех «печерских сборников» (в составе которых и сложилась вторая группа 1-й редакции ППК), а уже затем к этим «печерским сборникам» было добавлено Послание царя (см. схему).

Так или иначе, отдельная традиция 1-й редакции Послания Курбского представлена еще большим количеством списков, чем отдельная традиция Послания царя, и в обоих случаях мы можем говорить о самостоятельном бытовании посланий обоих противников.

Что же нам известно о назначении и путях распространения посланий «государевых изменников»? Можно ли предполагать, что и они, подобно Посланию царя, были рассчитаны на «все Российское государство»? Естественно, что пока Курбский и его друзья находились на Руси, распространение подобных посланий грозило бы им смертельной опасностью. Но, бежав за границу, Курбский, Тимоха Тетерин и другие не только писали, но, естественно, стремились послать свои сочинения на Русь. Как бы ни представить себе роль Василия Шибанова в доставке послания его господина царю, едва ли можно сомневаться в верности летописного известия о том, что Шибанов был задержан в районе военных действий; если у него было с собой Послание Курбского, то, очевидно, не для доставки лично царю, а для тайной передачи каким-то русским посредникам.²⁷ В научной литературе не раз цитировалась и записка Курбского в Печерский монастырь, посланная, очевидно, уже после бегства, в которой он просит некоего адресата вынуть «писание», запрятанное «под печью страха ради смертного», и отослать его «любо к государю, любо к Пречистой в Печеры».²⁸ О том, что послания русских «крестопреступников» становились известными не только их формальным адресатам, но и иным читателям, свидетельствует и то обстоятельство, что Иван IV отвечал Тимохе Тетерину на его письмо Морозову и цитировал, по-видимому, в ответе Курбскому его Послание в Псковско-Печерский монастырь.²⁹

²⁶ А. А. Зимин. Первое послание Курбского Ивану Грозному, с. 184—185.

²⁷ ПСРЛ, т. XIII. СПб., 1906, с. 383. Даже если считать, что официальная летопись, утверждавшая, будто Шибанов «сказал... изменные дела» Курбского, интерпретировала показания Шибанова тенденциозно (ср.: А. А. Зимин. Первое послание Курбского Грозному и Василий Шибанов, с. 144), самый факт захвата Шибанова на литовском рубеже делает совершенно невероятным известное сказание Латухинской Степенной книги конца XVII в. (ГИМ, Синодальное собр., № 293, л. 366) о том, что Шибанов приехал в Москву и вручил послание царю на Красном крыльце.

²⁸ Письма князя Курбского к разным лицам (оттиск из РИБ, ХХХI). СПб., 1913, стб. 1—2. Ср.: Р. Г. Скрынников. Переписка Грозного и Курбского, с. 34—35; И. С. Лурье. Первое послание Ивана Грозного Курбскому, с. 230—231.

²⁹ Послания Ивана Грозного, с. 62, 212 и 611.

Сейчас мы располагаем еще некоторыми данными, позволяющими предполагать, что переписка Курбского с Грозным читалась на Руси, и не только в царском дворце и Печерском монастыре. Свидетельством этого могут служить те самые сочинения западнорусского инокa Исайи, сходство которых с Посланием Курбского обнаружил Э. Кинан. Одно из них, «Плач», имеет точную дату — 1566 г.; другое, «Жалоба», не да-

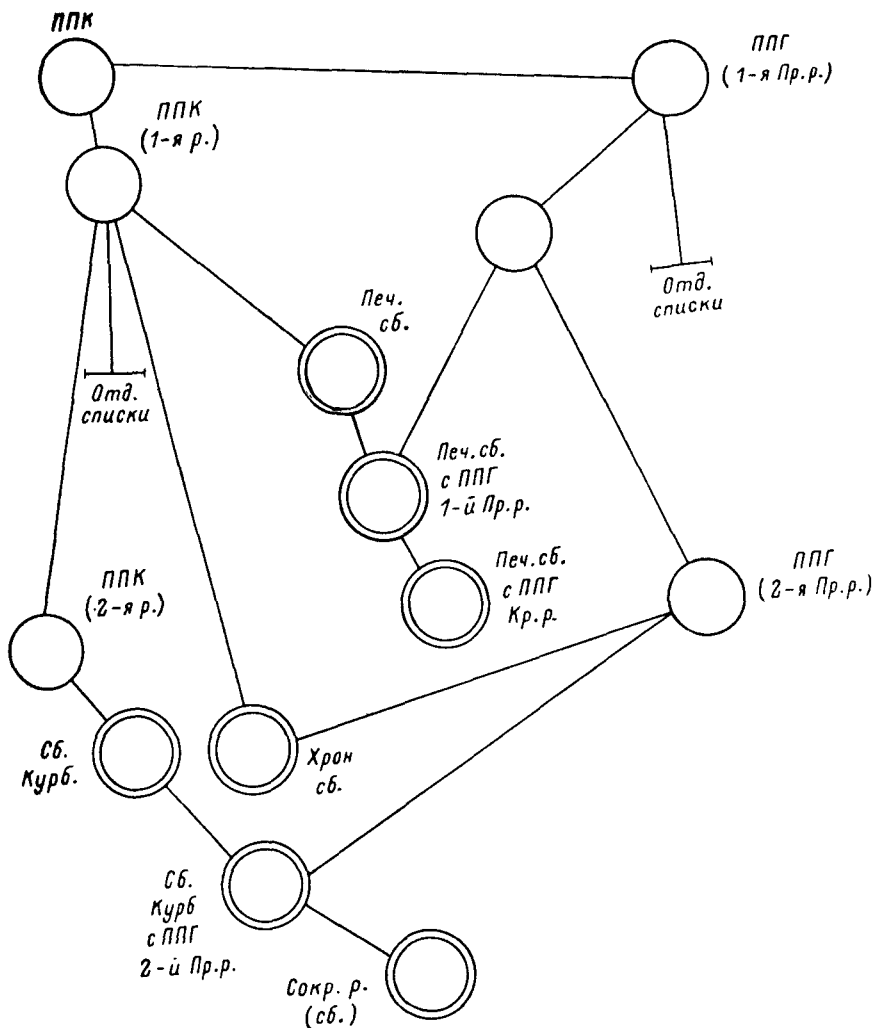

Схема складывания в сборники переписки Ивана Грозного с Курбским.

тировано. Особенно показательным в данном случае оказывается сопоставление Послания Курбского с «Плачем» Исайи. Э. Кинан почти не касался сопоставления этих двух текстов (он сравнивал в основном послание с «Жалобой»). Р. Г. Скрынников также говорит только о совпадении с «Жалобой», усматривая в «Плаче» и Послании Курбского «совпадение одного единственного богословского штампа» и ссылаясь на сходное, по его мнению, выражение в Евангелии от Матфея (X, 42).³⁰ Однако Дж. Феннел справедливо заметил, что совпадения между текстами Курб-

³⁰ Р. Г. С к р ы н н и к о в. Переписка Грозного и Курбского, с. 12—13.

ского и Исайи здесь слишком велики, чтобы их можно было игнорировать, и что связь с евангельским текстом, напротив, представляет собой очень далекое отражение.³¹

Сравним еще раз эти три текста:

М а т ф., X
(41) Приемляй пророка во имя пророко, мзду пророчу примет; и приемляй праведника во имя праведничю, мзду праведничю приемлет.

(42) И иже аще напоит единого от малых сих чашею студеной воды токмо, во имя ученика, аминь, глаголю вам, не погубит мзды своея. . .

ППК
..ратные мои дела. . . не изрекох, зане лутчи един бог вест: он бо, бог, есть всим сим мздовоздатель, и не токмо сим, но и за чашу студене воды. . .³²

«П л а ч» И с а и и
..чаю смерт, бесмертие помышляю. Узрю ли спекуляторский меч, небо вмежня, и всим сим мздовоздатель Христос истинный бог наш, и не токмо сим, но и за чашу студеной воды. . .³³

С евангельской цитатой у Курбского и Исайи совпадает только тема «чаши студеной воды», но в отличие от Евангелия здесь читается сходный термин «мздовоздатель» (Матф., X, 41 — говорится только о «мзде» от пророка и праведника) и оборот: «не токмо сим, но и за чашу студене воды. . .». При этом оборот этот у Курбского, как справедливо заметил Дж. Феннел, совершенно ясен, примакая к словам о божественном суде, который и является «мздовоздателем», а у Исайи он довольно неуклюже привязан к словам о «спекуляторском мече» и «небе».

Возражая Дж. Феннелу в недавно напечатанной статье, Р. Г. Скрынников заявляет, что: 1) слово «мздовоздатель» имеет у Исайи исконную форму («мздовоздатель») по сравнению с более поздней и искусственной формой у Курбского («мздовоздаятель»); непонятность фразы о «мздовоздателе» у Исайи — «не более, чем субъективное впечатление Феннела. . .»; 2) и Курбский и Исайя привели «цитату о Христе-мздовоздателе по памяти»; 3) «сходство неполной фразы о боге-мздовоздателе в „Плаче” Исайи и послания Курбского носило скорее всего случайный характер».³⁴

Аргументация эта представляется весьма малоубедительной. Нельзя сделать решительно никаких заключений на основе орфографических различий «мздовоздатель» — «мздовоздаятель» — и не только потому, что церковно-славянская форма «мздовоздаятель» не может считаться более поздней, чем русская «мздовоздатель», но и потому, что во всех списках 1-й редакции ППК, как и у Исайи, читается не «мздовоздаятель», а именно «мздовоздатель».³⁵ Последовательность текста Курбского по сравнению с текстом Исайи очевидна. У Курбского идет речь о его заслугах — «ратных делах», за которые князь надеется получить «мзду» как за доброе дело, подобное напоению жаждущего «чяшей студеной воды». Исайя ни о каких заслугах, за которые полагалась бы «мзда», не упоминает, и слова «всим сим» у него бессмысленны, так как указательное местоимение «сим» может относиться здесь только к «небу» и «спекуляторскому мечу». Поскольку Р. Г. Скрынников предполагает прямую тексто-

³¹ Russia Mediaevalis, 1975, t. II, p. 191—192.

³² Послания Ивана Грозного, с. 535 (в издании ошибочно «мздовоздаятель»).

³³ Д. И. Абрамович. К литературной деятельности мниха каляничанина Исайи. — ПДПИ, вып. СLXXXI. СПб., 1913, с. 5—6.

³⁴ Р. Г. Скрынников. К вопросу о происхождении сходных мест в Первом послании Курбского царю Ивану IV и сочинениях Исайи. — РЛ, 1977, № 3, с. 68—69.

³⁵ Лишняя буква «я» в слове «мздовоздаятель» в изд. «Послания Ивана Грозного» (см. выше, примеч. 32), очевидно, дезориентировала Р. Г. Скрынникова, который, к сожалению, не проверил это чтение по рукописям.

логическую связь между Посланием Курбского и «Жалобой» Исаи, считать совпадение того же Послания с другим сочинением Исаи («Плачем») случайным — весьма непоследовательно и странно: получается, что, используя в своем Послании «Жалобу» Исаи, Курбский счастливо воспользовал в нем фрагмент из другого неизвестного ему и даже еще не написанного сочинения того же автора (ППК — 1564 г., «Плач» — 1566 г.).

Из какого источника Курбский и Исайя могли приводить «по памяти» цитату о «мздовоздатель»? Очевидно, не из Евангелия, так как оба они одинаковым образом отходят от этого памятника. «Источник цитаты Исаи и Курбского пока не найден», — заявляет Р. Г. Скрынников.³⁶ Указание на неизвестный общий источник Курбского и Исаи переводит всю проблему в совершенно иную плоскость: тогда и сходство Послания Курбского с «Жалобой» может быть объяснено восхождением к этому общему источнику. Но такое объяснение Р. Г. Скрынников (как и Э. Кинан) отвергает, предполагая прямую связь между этими памятниками.

Никаких данных о неизвестном общем источнике сочинений Исаи и Курбского у нас нет. Как же можно представить себе связь между их творчеством, если не прибегать к предположению о таком источнике? Текст Послания Курбского, очевидно, первичен по отношению к тексту «Плача».³⁷ Вполне вероятно, что таковы же соотношения Послания Курбского и другого сочинения Исаи — его «Жалобы».

Как справедливо отметил А. А. Зимин, Э. Кинану не удалось привести убедительных доводов в пользу первичности «Жалобы» по сравнению с Посланием Курбского; никаких новых доказательств первичности «Жалобы» не привел и Р. Г. Скрынников, принимающий схему взаимоотношений сочинений Исаи и Курбского, предложенную Э. Кинаном.³⁸ По словам Р. Г. Скрынникова, «наблюдения за изменениями грамматических, стилистических и логических особенностей сходных мест „Жалобы“ Исаи и Послания Курбского сами по себе не дают достаточного материала для определенного вывода о направлении заимствования изу-

³⁶ Р. Г. Скрынников. К вопросу. . ., с. 69.

³⁷ Ссылку Дж. Феннела на явную синтаксическую и логическую непоследовательность текста у Исаи Р. Г. Скрынников отводит, заявляя, что «методика Феннела в этом пункте напоминает методику, примененную скептиками в споре о происхождении „Слова о полку Игореве“. Главный аргумент в пользу первичности „Задонщины“ скептики усматривают в том, что сходные места имеют в „Задонщине“ стройный, ясный, а следовательно, и более древний вид, чем в „Слове о полку Игореве“, где текст менее логичен. . .» (Р. Г. Скрынников. К вопросу. . ., с. 68, примеч. 18). Это замечание Р. Г. Скрынникова вызывает удивление. Конечно, большая логичность и правильность того или иного чтения не всегда служит доказательством его первичности — иногда текст может быть исправлен по смыслу, но при отсутствии данных о вторичной правке логичность (или нелогичность) текста является одним из важнейших аргументов в текстологии и применяется защитниками первичности «Слова» по отношению к «Задонщине» не менее часто, чем их оппонентами (ср., например: Р. П. Дмитриев. Взаимоотношение списков «Задонщины» и текст «Слова о полку Игореве». — В кн.: «Слово о полку Игореве» и памятники Куликовского цикла. М.—Л., 1966, с. с. 210—213; О. В. Творогов. «Слово о полку Игореве» и «Задонщина». — Там же, с. 312—329).

³⁸ Мое замечание о том, что Р. Г. Скрынников принял основное текстологическое построение Кинана о взаимоотношениях текстов Исаи и Курбского, вызвало резкие возражения Р. Г. Скрынникова, назвавшего это замечание «самым удивительным» из «сюрризов» в истории полемики о переписке и заявившего, что если бы «текстологическая формула» Кинана сводилась к предположению о «влиянии Исаи на Курбского», то Р. Г. Скрынникову «незачем было бы братья за перо» (Р. Г. Скрынников. К вопросу. . ., с. 67). Все это явное недоразумение. В моей статье я говорил не об общей исторической концепции Р. Г. Скрынникова и уж, конечно, не о том, зачем автор «взялся за перо». Речь шла только о текстологической схеме (стемме), имеющей, несомненно, важнейшее значение в построении Э. Кинана. Оба автора считают текст «Жалобы» первичным, а текст Курбского вторичным; оба они не включают в свою текстологическую схему «Плач» Исаи.

чаемых текстов. Более надежные результаты могут быть получены на путях возможно более точной датировки „Жалобы”.³⁹ Но сравнение текстов все же является основой текстологии — и его никак нельзя заменить соображениями о датировке, и притом совершенно предположительными (они основываются на простой догадке об обратном хронологическом расположении материалов в дошедшей до нас рукописи Исайи). Между тем именно сравнение сходных мест в «Жалобе» и Послании оказывается достаточно красноречивым. Едва ли можно оспаривать мнение авторов, полагающих, что слова Курбского «кровь моя, яко вода пролитая за тя, вопиет на тя к богу моему» вполне естественны в письме бывшего военачальника к его государю и совершенно неуместны в «Жалобе» монаха Исайи на его врага — митрополита Иоасафа, на службе у которого он никогда не состоял.⁴⁰ Следовательно, естественнее всего предполагать, что и «Плач» Исайи, прямо датированный 1566 г., и «Жалоба», написанная, очевидно, в те же годы, обнаруживали знакомство их авторов с Посланием Курбского, написанным в 1564 г.⁴¹

Но каким образом Исайя мог познакомиться с Посланием Курбского? Учтем, что западнорусский инок с 1561 г. находился на Руси; вскоре после приезда он, по доносу митрополита Иоасафа, попал в ссылку. Поэтому читать в Л и т в е Послание Курбского, написанное в 1564 г., он не мог. Значит, если он использовал это послание, то прочитал он его уже в России, в ссылке — в Вологде или в Ростове. Как же он мог его получить? Н. Е. Андреев, считающий, что именно Послание Курбского было источником сочинений Исайи, высказал предположение, что Исайя узнал текст Послания Курбского от дьяков царской канцелярии во время путешествия царской семьи в Вологду и Ростов.⁴² Такая передача официальным путем столь опасного сочинения узнику — да еще в 1564 г. — кажется нам маловероятной; вряд ли на это решился бы царский дьяк. Но мы знаем зато, что Исайя наверняка имел сношения с какими-то доброжелателями: еще в 1562 г., в Вологде, находясь «во юзах», «в темницы», он получил «Лист» от неизвестного; в этом «Листе» указывалось, что через некоторое время Исайю посетит «брат имярек».⁴³ В ходе таких сношений Исайя, очевидно, и передал «Плач», «Жалобу», а возможно, и послание 1567 г., помещенное в начале сборника его сочинений. Естественно предположить, что в ходе таких же тайных сношений Исайя мог получить и Послание Курбского. Как бы ни представлять себе пути ознакомления Исайи с Посланием Курбского, несомненным остается

³⁹ Р. Г. Скрынников. К вопросу... , с. 70.

⁴⁰ Ср.: Н. Андреев. Мнимая тема, с. 270. Объяснение этого места, предложенное Р. Г. Скрынниковым, не совсем понятно. Сперва он указывает, что слова Исайи «нельзя принимать за чистую монету» и что Исайя здесь, как обычно, лгал, но далее заявляет, что пытка была обычным делом в средневековом судопроизводстве: «Почему Исайя после перенесения кровавой пытки не мог сказать, что его напрасно пролитая кровь вопиет к богу...?» (Р. Г. Скрынников. К вопросу... , с. 75). Но предположение о «кровавой пытке» Исайи представляется все же простой догадкой — если бы Исайя имел в виду пытку, ему естественно было бы объяснить это.

⁴¹ Отмечу, что, приписывая мне (как и А. А. Зипину) датировку «Жалобы» 1561—1562 гг. (Р. Г. Скрынников. К вопросу... , с. 71—72), Р. Г. Скрынников заблуждается. Я упоминал лишь, что Э. Кинан не опроверг возможности датировки этого памятника временем ранее указанного им (1566 г.) и что Р. Г. Скрынников не доказал, что «Жалоба» — ответ на «Лист» 1562 г. (Я. С. Лурье. Первое послание Ивана Грозного Курбскому, с. 206; ср. А. А. Зими н. Первое послание Курбского Ивану Грозному, с. 72). Но из этого вовсе не вытекает, что я сам склонен датировать «Жалобу» 1561—1562 гг.

⁴² Н. Е. Андреев. Мнимая тема, с. 272; N. Andreyev. [Рец. на кн. Э. Кинана]. — Slavonic and East European Review, 1975, vol. LIII, N 133, p. 588.

⁴³ Д. И. Абрамович. К литературной деятельности... , с. X; ГПБ, О. XVII. 70, л. 180 об.

то обстоятельство, что читать это послание он мог только на территории «Российского государства».⁴⁴

Легко заметить, что изложенные выше наблюдения оказываются тесно связанными между собой и позволяют прийти к одному общему выводу. Послания Курбского и Грозного, очевидно, проникли в русскую рукописную традицию независимо друг от друга: их версии, читающиеся в отдельных списках, не восходят к единому сборнику. Хождение сочинений обоих антагонистов по «Российскому государству» подтверждается заголовком послания Грозного и отражением творчества «крестопреступников» в литературных памятниках XVI в. Возможность хождения посланий Грозного и Курбского в качестве своеобразных «открытых писем» подтверждается существованием произведений сходного типа в России XVI в.⁴⁵ Обращение во «все его Российское государство» не противоречило воззрениям царя, выраженным в его Первом послании: напротив, заявляя о своей готовности «не токмо до крови, но и до смерти пострадати» за своих «подвластных», царь постоянно, явно и косвенно, обращался в нем к этим «подвластным». Однако хождение обоих посланий в XVI в. едва ли было широким и длительным: послания Курбского в годы опричнины были, конечно, запретной литературой и распространение их грозило смертельной опасностью; Послание царя также, очевидно, распространялось в довольно узких кругах — с целью противостоять враждебной агитации «крестопреступников».⁴⁶ Уже довольно скоро это Послание, отражавшее политическую ситуацию 1564 г. и вскоре устаревшее (здесь упоминался в качестве невинной жертвы «избранной рады» казначей Никита Фуников, в 1570 г. казненный царем), перестало быть актуальным.⁴⁷

Наиболее ранней из компиляций, включавших послания Курбского и Грозного, были, очевидно, «печерские сборники», состоявшие первоначально из ряда враждебных царю документов начала 60-х гг. XVI в. и лишь позже (в 20—30-х гг. XVII в.) соединенные с Первым посланием царя. На основе таких «печерских сборников» (следовательно, не ранее 30-х гг.) возникли сборники, содержащие краткую редакцию ППГ. В середине XVI в. была составлена историческая компиляция, основанная на Степенной книге и Хронографе особой редакции,⁴⁸ в ее состав (в раздел, посвященный Ивану IV) было включено ППК первой группы 1-й редакции и ППГ во 2-й Пространной редакции (с дефектом — перестановкой фрагмента из конца в начало).

⁴⁴ Возражая против предположения о том, что «Жалоба» Исаии была написана через несколько лет после получения «Листа», и о том, что Исайя мог читать послание Курбского в ссылке, Р. Г. Скрышников указывает, что Исайя писал свое сочинение «в колодах и в тюрьме» и что ему «только раз представилась okazия для обмена письмами с Литвой» (Р. Г. С к р ы ш н и к о в. К вопросу. . . , с. 73). Но о длительности и широте корреспонденции заточенного Исаии свидетельствуют даты, сохранившиеся на некоторых его сочинениях, — 1562, 1566 и 1567 гг. (сам Р. Г. Скрышников также относит одно из них к 1562-му, а другое к 1566 г.). В ходе этих многократных и тайных сношений он и мог получить Послание Курбского.

⁴⁵ Ср.: Я. С. Л у р ь е. Первое послание Ивана Грозного Курбскому, с. 229.

⁴⁶ Заметим, однако, что, вопреки мнению С. О. Шмидта, Ивану IV вовсе не нужно было сопровождать свое послание письмом Курбского, чтобы сделать понятным «содержание послания царя и его пафос» (С. О. Ш м и д т. Об адресатах. . . , с. 310) — Послание Курбского было почти полностью процитировано в Первом послании Грозного.

⁴⁷ Ср.: Я. С. Л у р ь е. Первое послание Ивана Грозного Курбскому, с. 231—234. Заметим, что аналогичные упоминания впадших в опалу лиц были вероятной причиной переделок, а затем и прекращения «Лицевых сводов» XVI в.

⁴⁸ Ср.: Послания Ивана Грозного, с. 544—545. Д. К. Уо установил, что и древнейший список, содержащий ППГ Хронографического вида 2-й Пространной редакции, составлял некогда единое целое с рукописью ГИМ, собр. Уварова, № 116/1386, включающий историческую компиляцию, основанную на Степенной книге (Keenan, p. 109—110).

В последней четверти XVII в. сложились «сборники Курбского» в том виде, в каком они нам известны сейчас. Как установил Ю. Д. Рыков, наиболее первичный характер имеют те из этих сборников (например, ГИМ, собр. Уварова, № 301), где содержатся только оригинальные и переводные сочинения Курбского и нет произведений других авторов;⁴⁹ ППК читается в «сборниках Курбского» в его 2-й редакции (включающей фрагмент, сходный с предисловием Ивана Федорова к Львовскому «Апостолу»). ППГ было, очевидно, добавлено к тексту «сборников Курбского» уже позже — вместе с другими сочинениями, не принадлежащими Курбскому (отрывок из хроники Гваньини, рассказ о нападении турок на Астрахань и др.). При этом Послание царя было помещено в уже известной нам 2-й Пространственной редакции, но с рядом дополнительных изменений и сокращений⁵⁰ (см. схему).

Все эти обстоятельства истории текста переписки заставляют отказаться от высказанной автором этих строк в 1951 г. догадки о том, что Первое послание Грозного в «сборниках Курбского» восходит к тексту, посланному царем в 1564 г. Курбскому.⁵¹ Вероятным по-прежнему можно считать только предположение, что кодекс сочинений Курбского (включая его «Историю»), отразившийся в «сборниках», был составлен довольно рано — при самом Курбском или сразу после его смерти (значительно позже столь тщательно собрать его сочинения было бы, естественно, труднее). Конечно, «широковещательное и многошумящее писание» царя до Курбского дошло, ибо он на него отвечал. Но данных о бытовании этого Послания в Западной Руси мы не имеем.⁵² Во всяком случае текст 2-й редакции царского Послания сложился на Руси, очевидно, при создании той исторической компиляции середины XVII в., о которой мы упоминали.

Подведем итоги. Текстологическое исследование посланий Курбского и Грозного и сборников, включающих эти послания, дает основание видеть в них сочинения, написанные в XVI в. с конкретными публицистическими целями и рассчитанные на распространение по всему «Российскому государству». Памятники эти были известны современникам, имели хождение и оказали влияние на некоторые произведения XVI в. (в числе их — на сочинения находившегося в ссылке инок Исайи). В XVII в. на основе рукописей предшествующего столетия сложились сборники, соединившие Первое послание царя с сочинениями (сперва — с некоторыми, а потом — почти со всеми) его противника.

⁴⁹ См.: Переписка Ивана Грозного с Курбским («Археографический обзор»).

⁵⁰ Я. С. Л у р ь е. 2-я Пространная редакция Первого послания Грозного Курбскому, с. 60—69.

⁵¹ Послания Ивана Грозного, с. 528—529, 552—553. Отсутствие западнорусской традиции переписки не позволяет с уверенностью предполагать, что адресованные Грозным в Литву послания сохранились и дошли до нас через литовско-русскую традицию (ср.: Д. С. Л и х а ч е в. Курбский и Грозный — были ли они писателями?, с. 204).

⁵² Догадки о распространении переписки в Западной Руси занимают важное место в статье С. О. Шмидта об истории ППК. Приняв предположение, высказанное автором этих строк в 1951 г., о восхождении текста в «сборниках Курбского» к экземпляру, посланному царем, С. О. Шмидт выразил, однако, сомнения во вторичности этого текста по отношению к тексту 1-й Пространной редакции, указывая, что для решения этого вопроса «необходимо было проделать значительно более тщательную текстологическую работу», провести «текстологическое изучение всех списков». (С. О. Ш м и д т. Об адресатах. . . , с. 318—323). Но пожелания С. О. Шмидта относительно текстологической работы уже осуществлены: сейчас нам известно не только два дефектных списка 1-й Пространной редакции *Л* и *К*, о которых пишет автор, а шесть списков этой редакции; текст их на всем протяжении сопоставлен с другими редакциями; первичность 1-й Пространной редакции можно считать доказанной.

Р. Г. СКРЫННИКОВ

О заголовке Первого послания Ивана IV Курбскому и характере их переписки

В научной литературе давно продолжается спор о смысле и назначении переписки Грозного и Курбского. Н. М. Карамзин рассматривал эту переписку как сугубо личную.¹ Последующие исследования выявили, однако, ошибочность его мнения.

При издании сочинений Ивана Грозного в 1951 г. Я. С. Лурье высказал мнение, что царь написал свое самое известное произведение — письмо Курбскому — в агитационных целях и что различные редакции этого письма выработались в ходе поднятой им широкой агитационной кампании. Наиболее ранняя редакция (ГПБ, собр. Погодина, № 1567), по предположению Я. С. Лурье, восходила, вероятнее всего, к официальному тексту, посылавшемуся «во все Российское царство».² Поздняя редакция Послания Грозного (тексты «сборников Курбского»), как полагал Я. С. Лурье, включала дополнения, восходившие к особой авторской редакции: «адресовав и разослав свое Послание прежде всего „во все Российское царство“ . . . царь озаботился все же и об отправлении одного экземпляра Послания Курбскому и в этот-то экземпляр и приказал вписать заключительную фразу письма».³ Позже царь Иван, согласно мнению Я. С. Лурье, под влиянием едкой критики Курбского подверг Послание официальной переделке, в результате чего возникла Краткая редакция, «может быть, авторского происхождения».⁴

В книге «Переписка Грозного и Курбского» я высказал сомнения по поводу агитационного предназначения переписки и выдвинул текстологические аргументы, опровергающие предположение об авторском происхождении Краткой редакции Послания Грозного.⁵ В новейшей публикации Я. С. Лурье отказался от гипотезы об авторском происхождении Краткой редакции Послания Грозного и в то же время привел ряд новых аргументов относительно агитационного характера переписки.⁶ С определением жанра переписки тесно связаны такие вопросы, как истолкование заголовка Послания Ивана IV и оценка «конвоя» переписки. Эти вопросы заслуживают специального рассмотрения.

¹ Н. М. Карамзин. История государства Российского, т. IX. СПб., 1892, с. 38, 40.

² Я. С. Лурье. Археографический обзор посланий Ивана Грозного.— В кн.: Послания Ивана Грозного. М.—Л., 1951, с. 540.

³ Там же, с. 553.

⁴ Там же, с. 557—558.

⁵ Р. Г. Скрынников. Переписка Грозного и Курбского. Парадоксы Эдварда Кинава. Л., 1973, с. 77—79.

⁶ Я. С. Лурье. Первое послание Грозного Курбскому.— ТОДРЛ, т. XXXI. Л., 1976, с. 209, 229.

Понятие «конвоя» впервые разработано и введено в науку Д. С. Лихачевым. Для исследования истории текста данные о «конвое» имеют существенное значение. Наблюдения за устойчивым комплексом документов, сопутствовавших Посланию Курбского, позволили автору настоящих строк сформулировать тезис о «вольмарском конвое» переписки. Я. С. Лурье использует при анализе «конвоя» ранее выработанное им понятие «печерский сборник». Такое наименование тесно связано с представлением об агитационном происхождении переписки Курбского и Грозного. Погодинский сборник (ГПБ, собр. Погодина, № 1567), писал в свое время Я. С. Лурье, восходит «вероятнее всего к официальному тексту, посылаемому во все Российское царство (и уж, конечно, в такие нуждавшиеся в агитационной литературе районы, как Юрьев и Печера)».⁷

Первое послание Курбского царю окружено компактной группой документов, органически связанных между собой. Наиболее полно этот «конвой» представлен в рукописных сборниках: ГИМ, собр. Уварова, № 1584, и ГБЛ, ф. 178, Музейное собр., № 4469. В состав «конвоя» входят записка Курбского в Юрьев; его же послание из Вольмара старцу Васьяну и царю; послание эмигранта Т. Тетерина из Вольмара в Юрьев; грамота А. Полубенского из Вольмара в Юрьев по поводу имущества Курбского. Перечисленные документы «конвоя» составляют единый комплекс, ибо все они написаны в одном месте, в одно время и по одному поводу. Таким поводом было бегство боярина Курбского из Юрьева в Вольмар.⁸ Вольмарский «конвой» наиболее полно представлен в рукописных сборниках, отражающих первую фазу переписки Курбского и Грозного. В них есть Послание Курбского, но нет ответа Ивана IV.

Наблюдения за «конвоем» позволили установить, что Погодинский сборник (ГПБ, собр. Погодина, № 1567), названный Я. С. Лурье «печерским», отражал не раннюю, а позднюю фазу формирования рукописного сборника, когда вольмарский «конвой» подвергся заметному разрушению, зато в состав сборника было впервые включено ответное послание Грозного Курбскому.

Итак, сборники раннего состава заключали в себе одни только письма государственных преступников, а следовательно, они агитировали не за Грозного, а против него. Совершенно невероятно, чтобы Москва могла посылать такие сборники в Печеры или любое другое место в агитационных целях. Применение названия «печерский» к сборникам этого состава кажется поэтому неоправданным.

Ранний сборник приобрел новое идейное звучание после включения в него Послания Грозного, но произошло это, согласно наблюдениям А. А. Зимина и Я. С. Лурье, не ранее первой трети XVII в.⁹ Очевидно, этот новый сборник не имел никакого отношения к предполагаемой агитационной кампании Ивана IV, захватившей район Юрьева и Печер в 60-х гг. XVI в. Таким образом, наименование «печерский» едва ли можно применить и к сборникам этого типа.

В своей последней публикации Я. С. Лурье называет «печерскими» как сборники раннего состава (типа ГИМ, собр. Уварова, № 1584), так и сборники позднего состава (типа ГПБ, собр. Погодина, № 1567).¹⁰ Аналогичным образом А. А. Зимин, упомянув о вольмарском «конвое»,

⁷ Я. С. Лурье. Археографический обзор. . . , с. 540.

⁸ Р. Г. Скрынников. Переписка. . . , с. 77—79.

⁹ Я. С. Лурье. Первое послание Грозного. . . , с. 208, 221; А. А. Зимин. Первое послание Курбского Грозному.— ТОДРЛ, т. XXXI. Л., 1976, с. 182.

¹⁰ Я. С. Лурье. Первое послание Грозного. . . , с. 208.

замечает: «Весь комплекс сочинений также можно назвать „Печерским сборником“, по месту, где он мог сложиться».¹¹

К сожалению, гипотеза о печерском происхождении сборников с перепиской Грозного и Курбского полностью противоречит всем наблюдениям относительно «конвоя» переписки. Анализируя состав сборника, Я. С. Лурье связывает с Печерами два документа Курбского: краткую записку в Печерский монастырь и его же послание старцу Васьяну.¹² Указание на записку Курбского основано на некотором недоразумении. Записка заключала просьбу Курбского изъять его писания из его избышки в Юрьеве. Туда она, очевидно, и была адресована.¹³

В «конвое» Послания Курбского только один документ адресован в Печеры, тогда как все остальные, включая краткую записку Курбского, письмо А. Полубенского, письмо Тетерина и Сарыхозина, четко адресуются в Юрьев. Название «юрьевский сборник» имело бы под собой некоторое фактическое основание, но и его нельзя признать удачным. Если бы исследуемая подборка писем действительно была составлена в Юрьеве, то чем можно объяснить тот факт, что в подборку не попало письмо юрьевского наместника М. Я. Морозова к Тетерину и Сарыхозину, зато был включен крайне обидный ответ Тетерина и Сарыхозина?

Если предположить, что письма, адресованные в Юрьев и Москву, неизвестным путем все же оказались в Печерах, то это ставит перед исследователем новые вопросы. Почему печерские монахи, формируя сборник, не присоединили к Третьему посланию Курбского в Печеры двух первых, органически связанных с ним?

Оставаясь на почве твердо установленных фактов, можно указать на один признак, бесспорно объединявший документы «конвоя». Все они были составлены в Вольмаре тотчас после бегства туда Курбского. Кружок новых покровителей и единомышленников беглого боярина имел основание сохранить черновики своих писем. Однако, коль скоро беловики писем были отправлены на Русь, они должны были собраться, как в резервуаре, в Москве. Факты прямо подтверждают такой вывод: царь Иван хорошо знал письмо Тетерина из подборки вольмарских документов, хотя это письмо вовсе не было адресовано царю. (Со временем Грозный не пожалел труда и написал Тетерину ответ). Письма государевых изменников из-за рубежа жгли руки их адресатов, будь то воеводы или монахи. За недонесение им грозило самое жестокое наказание. Так крамольные письма довольно быстро оказывались в руках царя.

Приняв наименование «печерский сборник» и отметив, что этот сборник мог сложиться в Печерах, А. А. Зимин продолжает: «Эта догадка основана на очень осторожном замечании Я. С. Лурье: „... не из Печорского ли монастыря. . . происходит наш сборник“».¹⁴ В ходе дальнейшего анализа осторожная догадка насчет печерского происхождения сборника претерпевает метаморфозу, превращаясь как бы в доказанный факт, который служит основанием для новых гипотез. Если «печерский сборник» мог сложиться в Печерах, то он также мог оставаться там до появления Грозного. «Вероятно, — пишет А. А. Зимин, — этот сборник был захвачен властями во время царского похода во Псков 1570 г. . . . и попал в царскую казну, где к нему было присоединено ответное Послание царя Курбскому». Гипотеза насчет перехода сборника из Печер в казну дает пищу

¹¹ А. А. З и м и н. Первое послание Курбского. . . , с. 182.

¹² Я. С. Л у р ь е. Первое послание Грозного. . . , с. 220.

¹³ Ср.: там же, с. 230.

¹⁴ А. А. З и м и н. Первое послание Курбского. . . , с. 182, примеч. 25.

для новых догадок. Пожар «государевой казны» в 1626 г., возможно, сделал доступным читателю сочинения И. С. Пересветова; «...сходная судьба могла быть и у послания Курбского»; вскоре после 1626 г. к сборнику с Посланием Курбского было присоединено Послание Грозного.¹⁵

Так история «печерского сборника» оказывается окруженной цепью шатких гипотез, тесно связанных между собой, но не опирающихся на строго проверенные факты. Эти гипотезы не учитывают фактических наблюдений за составом «конвоя» переписки. Между тем история «вольмарского конвоя» отнимает почву у предположения, будто «печерский сборник» раннего состава мог быть прислан в Печеры из Москвы. Излишней становится и гипотеза, будто вольмарская подборка сложилась в Печерах, а затем при самых драматических обстоятельствах была захвачена опричниками и увезена в Москву. Направлять в Печеры более полный сборник в последующее время уже не имело смысла. После казни Васьяна и других монахов там уже некого было агитировать.

Исходя из представления об агитационном характере переписки Курбского и Грозного, Я. С. Лурье относит их письма к жанру «открытых писем». Система аргументации Я. С. Лурье в этом случае зиждется прежде всего на наблюдении за заголовком Послания Грозного, который читается следующим образом: «Царево государево послание во все его Российское царство» и т. д. «Принадлежа первоначальной традиции, — пишет Я. С. Лурье, — заголовок этот (независимо от того, исходил ли он от царя или от его канцелярии) имеет значение важного исторического источника: перед нами достаточно раннее и аутентичное свидетельство о том, что Послание было адресовано во все Российское государство и носило характер обличения крестопреступников».¹⁶ Свой вывод Я. С. Лурье подкрепляет наблюдением за заголовками в двух списках (ГПБ, собр. Погодина, № 1311; ГПБ, собр. Титова, охр. № 1121), представляющих первоначальный вид самой ранней редакции Послания Грозного. В первом списке письмо адресуется «во все его великия Росии государство», во втором — к титулу царя («государя царя и великого князя Иоанна Васильевича всея Русии») добавлено «самодержца». Таким образом, заключает Я. С. Лурье, смущавшая Р. Г. Скрынникова «прозаичность заголовка... («царево государево послание») как раз не характерна для древнейшего вида, — и царь, и его государство именуются здесь более развернуто и торжественно».¹⁷

Приведенные доводы, к сожалению, не рассеивают смущения. Приведу здесь полностью заголовки, на которые ссылается Я. С. Лурье.

ГПБ, собр. Погодина, № 1311,
л. 621

ГПБ, собр. Титова, охр. № 1121,
л. 357

Благочестиваго великаго государя царя и великого князя Иоанна Васильевича всея Русии. Послание во все его великия Росии государство на крестопреступников князя Андрея Михайловича Курбского с товарищи о их измене.

Царево послание государя царя и великого князя Иоанна Васильевича всея Русии самодержца на крестопреступников его на князя Андрея Курбского с товарищи о их измене во все Российское государство.

Можно согласиться с Я. С. Лурье, что перемена в титуле, связанная с добавлением наименования самодержца в списке Титова, придала этому титулу более развернутый и торжественный вид. Но это не самый важный момент в отмеченной перемене. По официальным понятиям XVI в. царский

¹⁵ Там же, с. 182.

¹⁶ Я. С. Лурье. Первое послание Грозного... с. 228—229.

¹⁷ Там же, с. 228.

титул не допускал никаких даже самых малых отклонений. Между тем в титуле Ивана IV имя «самодержец» отсутствовало.¹⁸ Впервые это наименование появилось лишь в титуле Федора Ивановича и Бориса Годунова. Таким образом, отмеченная в списке Титова перемена царского титула никак не могла исходить ни от царя Ивана IV, ни от его канцелярии, строго придерживавшихся официального титула, а относилась к более позднему времени.

Изменения в заголовке списка собр. Погодина, № 1311 менее значительны, но не менее красноречивы. Формула адреса «во все Российское царство» заменена формулой «во все его Великия России государство». Эта последняя форма более характерна для XVII в., когда наименование «Великая Россия» приобрело самое широкое бытование. Таким образом, именно тот заголовок, который Я. С. Лурье рассматривает как древнейший, в действительности имеет признаки более позднего происхождения. Несравненно более важное значение с точки зрения аутентичности заголовка имеет, однако, другой аргумент.

Подлинные посольские копии писем Грозного с полной очевидностью доказывают, что царские послания в полном соответствии со средневековой литературной традицией имели многословные и торжественные заголовки. Они включали символ веры («бог наш Троица») и пояснения, от кого и кому (с подходящими случаям титулами) послано письмо. Например, заголовок письма Грозного к Стефану Баторию имел следующий вид: «Всемогущия святыя. . . Троицы. . . смиренный Иван Васильевич. . . Российского царствия. . . скипетродержатель. . . Стефану божьему милостью королю». Аналогичным образом начинались два письма Ивана IV к шведскому королю: «Божественнаго. . . троичнаго. . . скипетродержателя Российскаго царствия, великого государя царя. . . Ивана Васильевича. . . слово наше то Ягану, королю Свейскому и Готцкому и Вендийскому».¹⁹ Следуя трафарету, Грозный снабдил свое письмо Курбскому заголовком того же самого типа: «Бог наш Троица. . . нас, смиренных скипетродржания Российского царствия. . . ответ. . . князю Андрею Михайловичу Курбскому».²⁰ Внимательное чтение начальных строк Послания Ивана IV обнаруживает, что в них-то и заключен подлинный авторский заголовок, аутентичность которого едва ли может вызвать сомнение.

В подлинном заголовке Грозный упоминал о себе в первом лице. Со временем перед авторским заголовком в рукописи появился второй краткий заголовок. Он упоминал о царе в третьем лице и не был органической частью текста в отличие от авторского заголовка. Какой же из двух заголовков можно считать «важным историческим источником», ранним и аутентичным свидетельством? На этот вопрос не может быть двух ответов. Предпочтение следует отдать авторскому тексту Грозного. Что касается краткого заголовка, то он не только повторял, но и вносил в авторский заголовок существенные искажения. Подлинный заголовок Грозный заключил словами: «Сего православного. . . самодержства. . . повеление, наш же крестыанский смиренный ответ. . . князю Андрею Михайловичу Курбскому. . . ведомо да есть». Иначе говоря: да будет известен Курб-

¹⁸ В письмах королю от имени московских бояр, написанных в 1567 г., царскому титулу придан преувеличенно почтительный вид: «. . . истиннаго благочестия подражателю, великому государю, государем самодержцу, его же милостию и хотением великого царя и великого князя Ивана Васильевича и всеа Русии» (и далее следует официальный титул без «самодержца»). В собственных письмах царь, как правило, следовал трафарету. См.: Послания Ивана Грозного, с. 241, 250, 144, 148, 214.

¹⁹ Послания Ивана Грозного, с. 213, 148; ср. с. 143.

²⁰ Там же, с. 9—10.

скому наш ответ! В кратком заголовке смысл царского «ответа» оказался извращенным: «. . . государево послание во все его Российское царство на крестопреступников его, на князя Андрея Курбского с товарищи о их измене». Иначе говоря: да будет известно всему царству государево послание на Курбского!

К сожалению, Я. С. Лурье игнорирует наши наблюдения по поводу авторского заголовка и вопреки ясному и недвусмысленному показанию источника утверждает, что Грозный и Курбский едва ли рассматривали своих непосредственных адресатов как людей, к которым они обращались в первую очередь, стремясь передать и внушить им какие-то конкретные идеи, и что скорее они писали послания в жанре «открытых писем», ибо главной «целью их написания было обращение к более широким читателям».²¹

Ничто не мешало царю Ивану адресоваться к широкому читателю и рассылать свои писания в качестве «открытых писем» во все царство. Но для этого ему надо было размножить Послание во множестве экземпляров, что неизбежно бы отразилось в рукописной традиции XVI в. Никаких указаний такого рода в источниках XVI в. нет. В ходе дискуссии об аутентичности переписки Грозного и Курбского в самой резкой форме был поставлен вопрос: почему Послание Ивана не вошло в официальные документы того времени и почему оно вообще не сохранилось ни в одном списке XVI и начала XVII в.? Предположения Я. С. Лурье делают этот парадокс вовсе необъяснимым. Ссылка на бедность рукописной традиции не разрешает недоумения.

Грозный многократно обращался с письмами к различным лицам за рубежом. В таких случаях текст царского письма копировался Посольским приказом и включался в соответствующие посольские книги. Таким путем в официальную документацию попали послания Грозного к королям Юхану III и Стефану Баторию, царские письма к литовским вельможам, составленные от имени бояр, и т. д. Копировались не только обращения к официальным лицам, но и неофициальные письма Грозного. Например, когда царь написал саркастическое письмо впаавшему в немилость опричному любимцу Василию Грязному, находившемуся в крымском плену, дьяки включили царский текст в Крымские посольские книги.²² Однако текст письма Грозного к Курбскому в Литовско-Польское государство не попал в Польские книги, сохранившиеся до наших дней. Ни словом не упоминает об этом письме и подробная опись царского архива 60—70-х гг. XVI в. Полное «выпадение» Послания Грозного из официальных документов и рукописной традиции XVI в. ставит под сомнение оценку этого письма как «открытого», а равно и гипотезу о рассылке его во все Российское царство.

Я. С. Лурье указывает дополнительно еще на одну причину отсутствия Послания Ивана в рукописях XVI в. Резкие изменения политики Грозного, опалы, казни в годы опричнины, отмечает он, превращали актуальные публицистические памятники в устаревшие в связи с резкой переменной судеб упомянутых в них официальных лиц; казначей Никита Фуников выступал в царском послании как положительный персонаж, а спустя пять лет подвергся казни как «злбесный изменник»; по причинам такого рода не мог ли «устареть и стать нежелательным. . . официальный памятник — Послание царя „во все Российское государство“?».²³

²¹ Я. С. Лурье. Первое послание Грозного. . . с. 229, 230.

²² ЦГАДА, ф. 123, Крымская посольская книга, № 14, л. 214 об.—217 об.; ф. 96, Свейские посольские книги, № 3, л. 2—31 об.; ф. 79, книги Польского двора, № 13, л. 43—65 об.

²³ Я. С. Лурье. Первое послание Грозного. . . с. 233.

Интерпретацию Я. С. Лурье можно было бы принять, если бы письмо Грозного посвящено было Н. Фуникову персонально. На самом деле Фуникову посвящено не более двух строк, затерянных где-то в конце обширного послания. В яростно обличительном письме Грозный бранит очень многих и почти ни для кого не находит добрых слов. Нет особой похвалы и в его словах о Фуникове. «Что же о казначее нашем Никите Офонасьевиче? — укорял царь бояр, — про что живот напрасно разграбисте, самого же в заточении. . . держасте? И аще убо вся гонения ваша исчести кто доволен может. . .».²⁴ Остается добавить, что дьяк Фуников не принадлежал к числу ведущих государственных деятелей своего времени. В лучшем случае он занимал двадцатое или тридцатое место в официальной иерархии.

Третьестепенные частности не должны заслонять основного содержания интерпретируемого памятника. Послание Грозного явилось подлинной апологией самодержавия. Царь многоречиво обосновывал право самодержца на неограниченную власть в отношении подданных. «. . . Российское самодержжество, — горделиво писал он, — изначаяла сами владеют своими государьствами, а не бояре и вельможи»; «Доселе руские обладатели. . . вольны были подовластных жаловати и казнити. . .».²⁵ На разные лады в Послании повторяется мысль, что за непокорство и измены бояре достойны сурового наказания. Царское послание идеологически подготовило почву для опричнины и ее террора. Тезис Я. С. Лурье, будто резкие политические перемены в годы опричнины превратили актуальный публицистический памятник (Послание Грозного) в устаревший и «нежелательный», не вполне учитывает историческую обстановку.²⁶ В действительности чем более широкий характер приобретали репрессии, тем актуальнее становился этот памятник, всесторонне обосновавший мысль о великой боярской крамоле. Спустя тринадцать лет после учреждения опричнины Иван кратко повторил некоторые основные положения Послания в новом письме на имя Курбского. Мог ли царь рассматривать свое Послание как вредное и устаревшее через несколько лет после его написания? Такое предположение мало согласуется с тем, что мы знаем об обстановке момента, а равно и личности Грозного.

Отсутствие Послания в доступной нам рукописной традиции XVI—начала XVII в. подтверждает показание авторского заголовка Послания. Грозный адресовался не к широкому читателю во все свое царство, а к Курбскому в первую очередь. В течение многих лет царя Ивана и князя Курбского связывала личная интимная дружба. Мучительный для обоих разрыв вызвал жгучую потребность объясниться начистоту, выразить накипевшие обиды. Вот причина того, что переписка бывших друзей насыщена интимными мотивами и жалобами, а также взаимными оскорблениями. Конечно, эти люди не были частными лицами. Выдающиеся государственные деятели своего времени, они выражали противоположные политические устремления. По этой причине их послания приобрели значение замечательных публицистических памятников XVI столетия.

Публицистический жанр «открытых писем» либо личная переписка? Такая дилемма кажется несколько упрощенной применительно к переписке. Царское послание не было ни тем, ни другим. Иван написал ответ Курбскому во время поездки в Александровскую слободу и некоторые другие места в первые летние месяцы 1564 г. Решительно разойдясь с боль-

²⁴ Послания Ивана Грозного, с. 52.

²⁵ Там же, с. 13—15, 44.

²⁶ Я. С. Лурье. Первое послание Грозного. . ., с. 234.

шинством старых советников и с влиятельными вождями Боярской думы, царь замкнулся в узком кругу новых единомышленников. Они тщательно поддерживали в Грозном чувство обиды на «непослушных» бояр и втайне от вождей думы вынашивали планы введения в стране чрезвычайного положения. Через несколько месяцев эти люди образовали первое опричное правительство, совершив своего рода государственный переворот. Люди из этого круга (в первую очередь проклятый Курбским «моавитянин» Басманов) сопровождали в 1564 г. Грозного в его поездке, участвовали в обсуждении его письма, а может быть, и служили помощниками ему в этом деле. Поставив целью опровергнуть буквально каждое слово в Послании бывшего друга, Иван воспроизвел в своем Послании все крайне оскорбительные для его имени и чести выпады Курбского. В обстановке обострявшегося со дня на день политического кризиса широкое обсуждение такого письма «во всем царстве», т. е. в среде правящего боярства и дворянской знати, широко захваченных в то время настроениями недовольства, могло привести к самым нежелательным в глазах правительства последствиям. Таким образом, царь вынужден был довольствоваться обсуждением своего Послания в узком кругу единомышленников. Для них этот программный документ и стал руководством к действию.

В древнерусской литературе жанр открытых писем был явлением хорошо известным. Я. С. Лурье с полным основанием указывает произведения этого жанра, появившиеся в первой половине XVI в. Авторы их могли распространять свои открытые письма в более или менее широком читательском кругу. Но располагал ли Курбский возможностями такого рода? Я. С. Лурье склоняется к положительному ответу на такой вопрос. «Противники Грозного из-за рубежа, — пишет Я. С. Лурье, — несомненно могли пользоваться. . . достаточно доступным в то время методом отправления на Русь того, что уже в начале XVII в. получило название подметных, или прелестных, писем». ²⁷ «Прелестные» письма — это средневековые прокламации, получившие распространение в обстановке гражданской войны в начале XVII в. Ссылка на позднейшие «прелестные» грамоты согласуется с представлением об агитационном предназначении переписки. Но в годы опричнины о «прелестных» письмах на Руси ничего не было слышно.

Я. С. Лурье считает, «. . . что авторы таких писем (например, Курбский при написании своих посланий в Печерский монастырь) не только допускали, но и предполагали возможность их достаточно широкого прочтения». В первом письме Курбский прозрачно намекнул на приближающуюся опалу от «Вавилона» — царской власти, во втором — обличал «державных» в законопреступлениях, сравнивал царя с кровожадным зверем и оправдывал «бегунов ото отечества». Широкое прочтение такого письма, написанного еще в бытность Курбского в Юрьеве, равнозначно было для него самоубийству. В бытность свою в России боярин не осмелился ознакомиться со своим письмом даже человека, с которым его связывали доверительные отношения, — старца Васьяна. ²⁸

Я. С. Лурье привел краткую записку Курбского в Юрьев как доказательство того, что тот и после бегства имел возможности для передачи и распространения своих сочинений в пределах Русского государства. Приведем текст этой записки: «Вымите, бога ради, писание под печью, страха ради смертного. А писано в Печоры. . . а положено под печью

²⁷ Там же, с. 230.

²⁸ Р. Г. Скрынников. Курбский и его письма в Псково-Печорский монастырь. — ТОДРЛ, т. XVIII. М.—Л., 1962, с. 100—103.

в избушке в моей малой; писано дело государское. И вы то отошлите либо к государю, либо ко Пречистой в Печоры».²⁹ Какие именно «писания» передал и распространил Курбский в России в этом случае, продолжает свою мысль Я. С. Лурье, точного ответа мы дать не можем; важно, однако, что полемика, обращенная во все Российское государство, началась.³⁰

Текст краткой записки, как кажется, дает весьма точный ответ насчет «писаний», оставленных беглым боярином в тайнике на воеводском дворе в Юрьеве. Курбский сам указал, что его писание адресовано в Печеры. Точные указания («писано в Печоры. . . писано дело государское») ведут нас ко второму (неотправленному) посланию Курбского в Печеры, посвященному критике непорядков в Русском государстве. Я. С. Лурье называет «простой догадкой» такое предположение, но оно все же опирается на прямое указание источника.

Попытка Курбского «распространить» свои писания в пределах России имела плачевный исход. Юрьевские воеводы арестовали слугу Курбского Василия Шибанова и поспешно отправили его в Москву вместе со всеми бумагами и письмами, имевшими отношение к государеву изменнику. После жестокого допроса Шибанов был казнен.³¹ На том и кончилась попытка обращения «во все Российское государство».

Любой жанр, включая публицистический жанр «открытых писем», неразрывно связан с сопутствующей ему исторической эпохой. Обмен «открытыми письмами» предполагает минимальную возможность открытого обсуждения. В преддверии опричнины такая возможность практически исчезла полностью. Внутри страны никто не смел поднять голос против царского произвола. Эмигранты не прочь были распространить свои обличительные письма по всей стране, но они лишены были средств сделать это. Недаром сам Курбский жаловался в конце жизни, что «не возмогах послати» ответ на первые письма царя из-за того, что тот затворил царство Русское «аки во адове твердыне».³² Едва ли можно сомневаться в том, что письмо Курбского имело своих читателей уже в момент его составления. Царь Иван обсуждал свое письмо с помощниками. Письмо Курбского, по-видимому, обсуждалось в кругу русских эмигрантов, обосновавшихся за рубежом и поджидавших прибытия Курбского в Вольмаре. Текстуальные наблюдения над документами, входящими в вольмарский «конвой», позволили обнаружить некоторые прямые текстуальные совпадения в Первом послании Курбского царю и одновременно составленном в Вольмаре письме русских эмигрантов Т. Тегерина и М. Сарыхозина в Юрьев.³³ Однако не имеется сколько-нибудь серьезных доказательств того, что Послание Курбского тогда же нашло путь к читателям в России.

²⁹ Сочинения князя Курбского, т. I. Под ред. Г. З. Кунцевича. — РИБ, т. XXXI. СПб., 1914, стб. 359—360.

³⁰ Я. С. Лурье. Первое послание Грозного. . . , с. 231.

³¹ В ходе дискуссии я принужден был пересмотреть предположение, согласно которому Послание Курбского было передано царю через Г. Плещеева в Озерицах (Р. Г. Скрынников. Мифы и действительность Московии XVI—XVII вв. — Русская литература, 1974, № 3, с. 125). А. А. Зимин тем не менее подверг эту отброшенную гипотезу резкой критике (А. А. Зимин. Государственный архив и учреждение опричнины. — В кн.: Общество и государство феодальной России. М., 1975, с. 297—298).

³² Сочинения князя Курбского, стб. 135.

³³ Р. Г. Скрынников. Переписка. . . , с. 38—40.

МАТЕРИАЛЫ И СООБЩЕНИЯ

Т. Ф. ВОЛКОВА

Художественная структура и функции образа беса в Киево-Печерском патерике

Киево-Печерский патерик уже был предметом исследования русских и зарубежных филологов и историков. Он рассматривался с разных точек зрения — и как исторический источник в сопоставлении с древнейшей русской летописью, и как памятник истории языка и литературы. Основное внимание исследователей было обращено на установление его литературных источников, на изучение истории его текста, состава и соотношения его редакций.¹ Изучению художественной структуры памятника уделялось значительно меньше внимания. Краткая общая характеристика художественных особенностей Патерика была дана И. П. Ереминым;² анализ элементов беллетристики в Патерике содержится в работе В. П. Адриановой-Перетц;³ другие исследователи касались лишь отдельных проблем художественной специфики этого памятника: И. Влашек установил различия в идейной направленности главных циклов патериковых рассказов, Посланий Симона и Поликарпа,⁴ Т. Н. Копреева исследовала образ инока Поликарпа,⁵ Р. Поп — жанр и некоторые мотивы Киево-Печерского патерика, общие у него с переводными патериками.⁶

Изображение в Киево-Печерском патерике беса, этого своеобразного «антигероя», до сих пор не было предметом специального исследования. Между тем бесы занимают весьма значительное место в художественном мире памятника, и то, как они там изображаются, каковы их функции, — все это тесно связано с центральной в изучении древнерусской литературы проблемой, привлекающей внимание многих современных исследователей, — с проблемой изображения человека.⁷

¹ В. А. Яковлев. Древнекиевские религиозные сказания. Варшава, 1875; А. А. Шахматов. Киево-Печерский патерик и Печерская летопись. — ИОРЯС, 1897, кн. 3; Д. И. Абрамович. Исследование о Киево-Печерском патерике как историко-литературном памятнике. СПб., 1902.

² И. П. Еремин. Киево-Печерский патерик. — В кн.: Художественная проза Киевской Руси XI—XIII вв. Л., 1957, с. 317—322.

³ В. П. Адрианова-Перетц. Сюжетное повествование в житийных памятниках XI—XIII вв. — В кн.: Истоки русской беллетристики. Л., 1970, с. 96—107.

⁴ J. Vlášek. Ďáblavé a knížata v Kyjevopečerském pateriku. — Československá rusistika, 1972. XVII, 1, s. 18—23.

⁵ Т. Н. Копреева. Образ инока Поликарпа по письмам Симона и Поликарпа. — ТОДРЛ, т. XXIV. М.—Л., 1969, с. 112—116.

⁶ Р. Поп. О характере и степени влияния византийской литературы на оригинальную литературу южных и восточных славян: дискуссия и методология. — American Contributions to the Seventh International Congress of Slavists. August 21—27, 1973. Vol. II. Literature and Folklore. Warsaw, 1973, p. 469—493.

⁷ Я имею в виду прежде всего следующие работы: И. П. Еремин. Новейшие исследования художественной формы древнерусских литературных произведений. —

Первым обратился к теме беса в древнерусском изобразительном и словесном искусстве Ф. И. Буслаев. Он пришел к категорическому утверждению о «скудости в художественных очертаниях злого духа» в византийском и древнерусском искусстве.⁸ Однако фундаментальное исследование Ф. А. Резановского «Демонология в древнерусской литературе», опиравшееся на широкий круг памятников, уже самим подбором материала опровергло суждение Ф. И. Буслаева: древнерусский бес «оказался очень веселым типом, проникающим во многие уголки древнерусского быта».⁹

Вместе с тем художественная природа этого образа, его место в структуре древнерусских литературных произведений не стали предметом специального исследования ни в труде Ф. А. Резановского, ни в последующих работах. Можно указать лишь на отдельные наблюдения, встречающиеся в работах современных исследователей древнерусской литературы. Неоднократно отмечалась, например, определенная роль образа беса в беллетризации житийных памятников,¹⁰ отдельные суждения о художественной природе образа беса в Киево-Печерском патерике и в Повести о Савве Грудцыне содержатся в работах И. П. Еремина¹¹ и Д. С. Лихачева;¹² чешский исследователь И. Влашек отметил неидентичность изображения беса в разных «циклах» Киево-Печерского патерика — в Поставлениях Симона и Поликарпа.¹³

Попытку определить художественные функции образа беса в структуре Киево-Печерского патерика, его место и роль в создании человеческих характеров и представляет собой данная работа.¹⁴

Своеобразие беса в Киево-Печерском патерике определяется двумя моментами: его двойственной христианско-языческой природой и художественной многоликостью.

Генетическая связь киево-печерского беса с традициями изображения дьявола в византийской агиографии была установлена уже первыми исследователями памятника В. Яковлевым и Д. Абрамовичем.¹⁵ Традиционны наименования дьявола в Патерике и те разнообразные маски, в которых бес предстает перед печерскими отшельниками.¹⁶ И все же под пером древнерусских авторов образ дьявола-искусителя византийской агиографии обретает новую литературную жизнь.

Вопрос о соотношении традиционных и оригинальных черт в изображении киево-печерского беса требует специального изучения. В данной статье нами отмечается лишь один из аспектов кажущейся самобытности

ТОДРЛ, т. XII. М.—Л., 1956, с. 284—291; Д. С. Лихачев. Изображение людей в житийной литературе конца XIV—XV века. — Там же, с. 105—115; В. П. Адрианова-Перетц. К вопросу об изображении «внутреннего человека» в русской литературе XI—XIV вв. — В кн.: Вопросы изучения русской литературы XI—XX вв. М.—Л., 1958, с. 15—24; Д. С. Лихачев. Человек в литературе Древней Руси. Изд. 2-е. М., 1970.

⁸ Ф. И. Буслаев. Бес. — В кн.: Мои досуги, т. 2. М., 1886, с. 7—8.

⁹ Ф. А. Резановский. Демонология в древнерусской литературе. М., 1915, с. 125.

¹⁰ Б. А. Романов. Люди и нравы Древней Руси. Историко-бытовые очерки XI—XIII вв. Изд. 2-е. М.—Л., 1966, с. 156; И. П. Еремин. 1) Лекции по древнерусской литературе. Л., 1968, с. 34; 2) Истоки русской беллетристики. Л., 1970, с. 234—237.

¹¹ И. П. Еремин. Лекции по древнерусской литературе, с. 34—35.

¹² Д. С. Лихачев. XVII век в русской литературе. — В кн.: XVII век в мировом литературном развитии. М., 1969, с. 308.

¹³ J. Vlášek. Dáblavé. . . , s. 18—23.

¹⁴ Мною используется текст изд.: Д. И. Абрамович. Киево-Печерский патерик. У Києві, 1931. Страницы указываются в скобках.

¹⁵ См. выше, примеч. 1.

¹⁶ Ф. А. Резановский. Демонология в древнерусской литературе, с. 43—49.

этого образа — его бóльшая художественная выразительность по сравнению с бесом византийских патериков.

Создание Киево-Печерского патерика в эпоху сосуществования утверждающегося христианства с остатками язычества привело к дополнению традиционного образа рядом оригинальных особенностей, связанных с русскими языческими представлениями. Позаимствовав жанровую форму у византийской литературы, создатели Киево-Печерского патерика заполнили ее пестрым материалом устных преданий и легенд. В художественном облике киево-печерского беса иногда явно проглядывают черты разноликой языческой «нечисти», давно «ожившей» разнообразные жанры устной народной прозы: легенду, притчу, бывальщину, сказку. Еще Ф. А. Резановский отмечал, что в двух эпизодах Патерика бес живо напоминает «добродушного» героя народной демонологии — домового.¹⁷ Его проделки на монастырской кухне и в «хлевине, идеже скоть затворяемь», описанные в Житии Феодосия, отчетливо перекликаются с проделками излюбленного персонажа устной былички и бывальщины.¹⁸ Следы влияния жанра былички, устного рассказа обнаруживаются и в тех фрагментах Патерика, где с натуралистическими подробностями описываются последствия «бесовского действия» (например, в эпизоде о многолетней болезни Исаакия Печерника). В быличке и бывальщине аналогичные подробности «служат как бы свидетельским показанием, подкрепляют установку на правду».¹⁹

На связь византийских патериков со сказкой указывал еще И. П. Еремин.²⁰ Конкретизация этого наблюдения представляется важной, так как наряду с другими видами народного поэтического творчества сказка оставила довольно мало следов в литературных памятниках периода феодальной раздробленности.²¹

В Киево-Печерском патерике следы сказки закономерно обнаруживаются именно в тех эпизодах, где бес отчетливо напоминает сказочного черта. В отличие от легенд и бывальщин, где о нечисти повествуется «со всей серьезностью»,²² в сказке черт рисуется «не столько страшным губителем христианских душ, сколько жалкой жертвой обмана и лукавства сказочных героев».²³ Таким «неудачником» бес предстает, например, в рассказе о Федоре и Василии, где ему приходится молоть муку и таскать бревна на строительство монастырских келий по приказу героя.

В ряде патериковых новелл можно обнаружить даже сходство сюжетных функций образа беса с функциями сказочного «антагониста героев» (по терминологии В. Я. Проппа).²⁴ Устная традиция, участвовавшая в оформлении легенд о киево-печерских иноках, придала исконно «вредительским» действиям дьявола сугубо материальные черты. Бесы Киево-Печерского патерика не только искушают праведных героев видениями. Они то врываются в их кельи скоморошья толпой, оглушая героя своей бесовской музыкой (с. 40) и заставляя его плясать до полусмерти (с. 186),

¹⁷ Там же, с. 40—41.

¹⁸ О домовом как герое устной несказочной прозы см.: С. В. Максимов. Нечистая, неведомая и крестная сила. СПб., 1903, с. 30—43; Э. В. Померанцева. Мифологические персонажи в русском фольклоре. М., 1975, с. 92—117.

¹⁹ Э. В. Померанцева. Мифологические персонажи. . . , с. 143.

²⁰ И. П. Еремин. Лекции по древнерусской литературе, с. 31.

²¹ Д. С. Лихачев. Народное поэтическое творчество в годы феодальной раздробленности Руси — до татаро-монгольского нашествия (XII—начало XIII в.). — В кн.: Русское народное поэтическое творчество, т. 1. Очерки по истории русского народного поэтического творчества X—начала XVIII в. М.—Л., 1953, с. 244.

²² Э. В. Померанцева. Мифологические персонажи. . . , с. 109.

²³ А. Н. Афанасьев. Народные русские легенды. Изд. 2-е. М., 1914, с. 168.

²⁴ В. Я. Пропп. Морфология сказки. Изд. 2-е. М., 1969, с. 31.

то появляются под видом каменщиков с лопатами и заступами, угрожая закопать праведника в пещере (с. 188). Иногда они мучают скот в монастырском селе (с. 62) или наводят беспорядок в монастырском хозяйстве (с. 40). В рассказах этого типа у беса те же сюжетные функции, что и у таких «антагонистов» сказочных героев, как черт, Баба-Яга, Кашей Бессмертный и т. п.

Приведу несколько примеров подобных аналогий, используя классификацию и определения сюжетных функций сказочного «антагониста», предложенные В. Я. Проппом.²⁵

1. (Функция VI, «подвох»). «Антагонист» пытается обмануть свою жертву, чтобы овладеть ее имуществом. В рассказах о Никите Затворнике, Исаакии Печернике, Феодоре и Василии для достижения этой цели бес прибегает к «переодеванию», появляясь перед героем в таком облике, которое наилучшим образом скрывает его бесовскую природу.

2. (Функция VII, «пособничество»). Жертва поддается обману и тем невольно помогает врагу. Эта функция прослеживается в тех же рассказах, в которых проявляется и функция «подвох». В каждом из них бесу удается достигнуть цели — «обмануть» героя и «овладеть» им.

3. (Функция VIII, «вредительство»). «Антагонист» наносит вред герою или ущерб. Эта функция в сказке имеет несколько разновидностей. Укажем на те из них, к которым имеются параллели из Киево-Печерского патерика.

а) «Антагонист» наносит телесное повреждение (Житие Феодосия, рассказы о Ларионе, Иоанне Затворнике и др.).

б) Он околдовывает кого-либо (рассказ о Никите Затворнике); состояние, в каком пребывал Никита, находясь во власти беса, можно рассматривать как своеобразную «околдованность», ибо под влиянием бесовского обольщения герой приобретает способности, недоступные обыкновенному человеку, например дар пророчества; бесноватый в рассказе о Лаврентии Затворнике тоже «околдован» бесом: он получает дар «вещания» на разных языках.

в) «Вредитель» расхищает или портит посев. В некотором роде аналогом к этой функции «антагониста» в Киево-Печерском патерике могут служить эпизоды из Жития Феодосия, где бес действует как домовый.

г) «Антагонист» приказывает убить (рассказ о Феодоре и Василии, где бес по сути дела толкает князя Мстислава на убийство монахов).

4. (Функция XVI, «борьба»). Герой и его «антагонист» вступают в непосредственную борьбу (Феодосий, Иоанн Затворник, Василий).

5. (Функция XVIII, «победа»). «Антагонист» побеждается (во всех рассказах Киево-Печерского патерика, кроме финала рассказа о Феодоре и Василии).

6. (Функция XXVIII, «обличение»). «Антагонист» изобличается. (Примеров множество. Во всех случаях, когда бес вводит в заблуждение героя своей маской, он разоблачается другими монахами, имеющими опыт бесовских искушений).

7. (Функция XXX, «наказание»). Враг наказывается. (Примером может служить «эксплуатация» бесов отцом Феодором в рассказе о Феодоре и Василии).

Надо заметить, что приведенные аналогии выявляются только в тех рассказах Патерика, где бес предстает как непосредственно действующее

²⁵ Там же, с. 32—59. Трактовка изображения беса в древнерусской литературе в связи с функциями Проппа была рассмотрена на материале Повести о Савве Грудцыне в статье И. П. Смирнова «От сказки к роману». — ТОДРЛ, т. XXVI. Л., 1972, с. 290—304.

лицо, как персонаж с более или менее выраженной сюжетной нагрузкой, причем использование сходных сюжетных функций происходит как бы в виде устойчивых «блоков» (используются функции VI, VII, VIII, XVI, XVIII и XXVIII, XXX).

Образ беса в Киево-Печерском патерике — образ сложный, синтетический, составляющийся в сознании читателя из отдельных качеств, которые раскрываются не только в сюжетных действиях беса-персонажа, но заявляют о себе и тогда, когда дьявол только упоминается, когда автор короткой ремаркой лишь констатирует его причастность к описываемым событиям. Эти «неперсонажные» появления беса в рассказах Патерика имеют определенное идейно-художественное назначение. Они заслуживают особого внимания и будут рассмотрены ниже.

Однако гораздо больший художественный интерес представляет бес-персонаж, в разных рассказах Патерика несущий разную художественную нагрузку: в одних он участвует в действии на всем протяжении повествования (например, в рассказах о Феодоре и Василии, о Исаакии Печернике), в других — только на отдельном его отрезке (в рассказе о святом Григории Чудотворце в экспозиции, в рассказах о Никите Затворнике и Иоанне — в кульминационной точке повествования). В одних случаях действия беса описываются (например, эпизоды борьбы с бесами в Житии Феодосия), в других — изображаются (в рассказах о Феодоре и Василии, Иоанне Затворнике).

Из совокупности этих рассказов киево-печерский бес предстает перед нами вполне сформировавшимся литературным персонажем, вырастающим из традиционного образа, наделенным вполне очерченным характером, в котором отчетливо проступают следы антропоморфических представлений. На страницах Патерика бес зачастую действует как хитрый и осторожный человек. В рассказе о Никите Затворнике он не сразу появляется перед героем в выбранной для этого случая маске. Первоначально он обольщает Никиту «ангельским» голосом и чудесным благоуханием, затем, убедившись, что не опознан, решается заговорить с ним и, лишь окончательно выяснив, что герой обманут, предстает перед ним в образе ангела.

Разным людям в Патерике бес вредит по-разному. В этой дифференцированности его сюжетных действий много от человеческого умения «видеть» противника, правильно оценивать его слабости и достоинства. В рассказе о Матфее Прозорливом бес усыпляет «братию», рядовых иноков, еще не достигших духовного совершенства и особенно подвластных «шрельщению», прямо в церкви. Когда бес хочет навредить стойким аскетам, уже преодолевшим «бесовские мечтания», он, напротив, лишает их даже того короткого сна, который они позволяют себе для поддержания сил.

Другая «человеческая» черта киево-печерского беса — болезненное самолюбие: если он терпит поражение, то немедленно стремится всеми средствами вернуть оставленные позиции. Таков он, например, в рассказе о Григории Чудотворце, который «молитвам же паче прилежаше, и сего ради приать на бѣсы побѣду» (с. 134). Это и послужило внутренней пружиной подстрекательской деятельности дьявола в рассказе: «Не терпя же старый врагь прогоненіа от него (Григорія. — Т. В.), не могый чимъ инѣм житію его спону сътворити, научи злыа челоувѣкы, да покрадутъ его» (с. 134).

Дьявол в изображении Киево-Печерского патерика необыкновенно изобретателен в своих кознях. Зачастую он выступает как талантливый лицедей, умеющий не только правильно выбрать маску, в которой появляется перед героем, но и полностью войти в роль. Для достижения своих целей он не гнушается никакими средствами, порой выступая как клеветник и доносчик.

В совокупности все эти черты «характера» беса представлены, пожалуй, только в одной из патериковых новелл — о Феодоре и Василии. Бес в этом рассказе едва ли не главное действующее лицо. Все основные моменты композиции рассказа внутреннего обусловлены действиями именно этого персонажа. Образ беса является здесь движущим началом сюжета. Новелла композиционно распадается на две части, построенные по одной и той же схеме: завязкой в обоих случаях служит решение дьявола отомстить за свое поражение, а последующее движение к кульминационным эпизодам рассказа все время поддерживается сложными ходами этого персонажа. В экспозиции рассказа, повествующей о начале дружбы двух иноков, дьявол еще не действует непосредственно, на его вмешательство в жизнь героя лишь указывается: «Многажды же смущаше того врагъ, въ отчаанію хотя его привести нищеты ради истощеннаго богатства, еже убогым вданное» (с. 162). Сообщение о намерении дьявола «ину кознь» «представить» Феодору, победившему в конце концов «дьявольское наваждение», как бы переводит повествование из прошлого в настоящее. При этом сопровождается оно вполне «человеческой» мотивировкой такого решения: «Велика язва бысть діаволу, яко не възможе того богатства имѣнемъ прельстити» (с. 162). На сей раз действия дьявола не только описываются: дается их изображение. В облике брата Василия бес успешно «обольщает» героя, при этом древнерусский читатель имеет возможность пронаблюдать, как шаг за шагом происходит «прельщение» Феодора. «Зломудрый врагъ» действует тонко и расчетливо, стремясь не обнаружить перед героем свою бесовскую природу. Сначала для большего правдоподобия он не без ехидства осведомляется: «Феодоре, како нынѣ пребываеши? Или преста от тебе рать бѣсовъскаа. . .?» (с. 163). Получив утвердительный ответ и убедившись, что маскарад удался, бес начинает искушать героя «в открытую», а когда тот пытается сопротивляться, побеждает его логикой своих рассуждений: «Печерникъ же рече: „Сего ради просихъ у бога, то аще ми дасть, сіе все въ милостыню раздамъ, яко сего ради и дарова ми“. Супостать же глаголетъ ему: „Брате Феодоре, блюди, да не паки врагъ стужитъ ти раздааніа ради, яко же и прежде. . .”» (с. 163—164). Чтобы окончательно убедить героя уйти в мир, бес добавляет: «Можеши бо и тамо спастися и избыти бѣсовскихъ козней» (с. 164).

Феодор начинает готовиться к бегству из монастыря, но план дьявола все же терпит провал. Для бесов наступают тяжелые времена: по приказанию отшельника они, «аки раби купленіи», работают на монастырскую братию. Этим «унижением» и мотивируются в Патерике дальнейшие сюжетные действия беса.

Нельзя с уверенностью сказать, как конкретно представляли себе беса создатели Киево-Печерского патерика: ни в одном из рассказов нет его словесного «портрета». Касаясь этого вопроса, И. П. Еремин писал: «Надо полагать, что представляли они (авторы Киево-Печерского патерика, — Т. В.) себе бесов так же, как древний летописец («суть же образом черни, крылати, хвосты имуще») или современные им живописцы».²⁶

Для нас, однако, важнее не столько воссоздать «портрет» древнерусского беса, сколько отметить факт, что в Киево-Печерском патерике создан довольно сложный и цельный образ беса — фактически литературными средствами создан характер отрицательного героя.

Каковы же художественные функции образа беса в Киево-Печерском патерике?

²⁶ И. П. Еремин. Лекции по древнерусской литературе, с. 95. Данные Повести временных лет в этом случае особенно важны, так как Киево-Печерский Патерик имеет с ней сходство не только в отдельных образах, но и в целых рассказах о первых печерских иноках (о Дамиане, Иеремее и Матфее Прозорливоре).

В основе композиционного построения почти каждой патериковой новеллы лежит противоборство двух начал: добра и зла. Добро, как правило, облечено в традиционную для агиографии форму христианского благочестия, смирения, аскетизма. Зло многолико. Мир добра монолитен и имеет четкие границы — стены Киево-Печерского монастыря. Мир зла дробен, разноязычен, не имеет четких очертаний. Зло процветает и в княжеских палатах, и в богатых киевских домах, и в монастырских селах, проникает оно и в кельи прославленной Печерской обители.

Центральной фигурой этого многоликого и мозаического мира зла в Патерике выступает дьявол. Образ дьявола — ключ к пониманию авторской концепции зла, нашедшей художественное выражение в образах и сюжетах Киево-Печерского патерика.

Можно выделить две главные функции этого образа, определяемые основной идейно-художественной задачей Патерика — создать галерею идеальных образов, достойных подражания: условно назовем первую функцию функцией «контраста», вторую — функцией «адсорбции».

«Функция контраста» проявляется в тех рассказах Патерика, где образ беса вводится в повествование с тем, чтобы создать препятствия на пути героя. Бес выступает в данном случае как универсальный носитель зла, в борьбе с которым герой обретает венец мученика (этап «испытания») и дар чудотворения (этап «победы», когда герой достигает духовного совершенства).

«Функция адсорбции» состоит в перенесении на «антагониста» того зла, которое реально присутствует в герое и от которого он должен быть «очищен» в соответствии с требованиями агиографического жанра, опирающегося на кодекс христианской морали.

Рассмотрим, как реализуется каждая из названных функций в художественной структуре произведения.

Анализируя проявление «функции контраста», мы пришли к выводу, что художественная структура образа беса в каждом конкретном эпизоде определяется прежде всего местом этого эпизода в житийной биографии героя.

Обратимся к тем рассказам Патерика, которые изображают героя на этапе «испытания». В соответствии с композиционной схемой жития, герой на пути к совершенству должен пройти «испытание» — столкновение со злом, совершить подвиг «злострадания». Отсюда сфокусированность внимания автора на изображении негативного элемента повествования. Бес как источник зла, направленного на героя, обычно изображается в этих рассказах как персонаж, вступающий в непосредственный контакт с героем. Характер взаимодействия «антагониста» и героя при этом всегда однозначен: бес рисуется насильником и мучителем, заставляющим героя переносить физические страдания.

В результате достигается главная цель повествования — создание ореола мученичества вокруг героя-подвижника. Таким мучителем бес неоднократно предстает в Житии Феодосия, в рассказах об Исаакии Печернике и Иоанне Затворнике.

Рассказ о борьбе с бесами Феодосия до момента обретения им чудесной власти над нечистой силой не развернут сюжетно. События этой части рассказа описываются ретроспективно: «Многу же скръбь и мечтаніе зліи дуси творяху ему въ печерѣ тои, еще же и раны наносяще на нь» (с. 39). Когда же Феодосий за перенесенные муки получает от святого Антония «силу» на «вечестивія духы», бесы отступают не сразу, продолжая мучить Феодосия «в мечте».

Подобным же образом проходит «испытание бесами» Исаакий Печерник. Интересно, что сама композиция рассказа об Исаакии способствует

тому, чтобы тема мученичества прозвучала в нем предельно убедительно, заставив читателя в полной мере осознать всю тяжесть испытаний, пройденных подвижником. Исаакий начинает с того, что впадает в искушение («поклонися аки Христу бѣсовьскому дѣйству»), затем подвергается прямому насилию («И утомивше его (бесы, — *Т. В.*), оставиша его еле жива суца») и, наконец, как бы поднимаясь по невидимой лестнице мучений, впадает в тяжелую и продолжительную болезнь («раслабленъ умом и тѣлом»).

В новелле о Иоанне Затворнике дьявол не только «искусует на блуд» печерского отшельника-мученика, но и активно препятствует его борьбе с этим искушением. Из незримого подстрекателя, каким он выступает в начале рассказа, дьявол превращается в активно действующее лицо, непосредственно участвующее в происходящем. Сначала герой лишь ощущает на себе его «злодейство»: «Нозѣ бо мои, иже въ ямѣ, изо дну възгорѣшася, яко и жилам скорчитися и костем трескотати» (с. 140). Затем дьявол сам является перед Иоанном в фантастическом образе змея-дракона: «И се видѣх зміа страшна и люта зѣло, всего мя пожрети хотяща, и дышуща пламенем и искрами пожигаа мя» (с. 140).

Появление дьявола именно в этой его традиционной маске в данном случае художественно оправдано: фантастический лик дьявола-змея более всего подходил для создания наивысшего эмоционального напряжения в кульминационной точке рассказа.

В рассмотренных эпизодах дьявол-«антагонист» причиняет вред герою, не прибегая к помощи других персонажей. Однако иногда взаимодействие «антагониста» и героя происходит в Патерике через «посредника». При этом бес теряет черты персонажа. На его причастность к описываемым событиям в таких случаях указывает лишь условная словесная формула-сигнал, а функция «антагониста» передается персонажу-посреднику. Однако тенденция конкретизировать зло, облекать его в убедительную художественную форму сохраняется. Выражается это в том, что персонажи, действующие по наущению дьявола, не превращаются в бездумных марионеток. Это люди с живо очерченными характерами, раскрывающимися в ходе развития сюжета.

Таких персонажей-«посредников», действиями которых «руководит» бес, в Патерике несколько. Один из них давно уже привлекал внимание исследователей²⁷ — это образ матери Феодосия, отражающий всю сложность и противоречивость ее человеческой личности. Мать — первый человек, который воздвигает препятствия на пути Феодосия. Ее деспотизм по отношению к сыну почти на всем протяжении повествования мотивируется вполне естественными человеческими чувствами: любовью, страхом, жалостью, боязнью насмешек и пересудов. Однако в трактовке автора-агиографа за всем этим стоит все тот же неизменный образ подстрекателя-дьявола: «Но врагъ не почиваше, остра ю на възбраненіе отрока о таковѣм смиреніи его» (с. 26).

То же переплетение реальной и фантастической мотивировок поведения персонажа-«посредника» можно наблюдать и в рассказе о Моисее Угрине. Герой предстает здесь жертвой «преступной» любви к нему молодой женщины. О том, что ее действиями руководит «враг-искуситель», мы узнаем из лаконичного комментария, сопровождающего очередной поступок героини: «И на другый съвѣтъ діаволь приходитъ» (с. 143). При этом образ влюбленной женщины, так же как и образ матери Феодосия, не теряет своей жизненной полноты и конкретности.

²⁷ См. например: И. П. Еремич. К характеристике Нестора как писателя. — В кн.: И. П. Еремич. Литература Древней Руси. М.—Л., 1966, с. 30—34; А. П. Адрианова-Перетц. Сюжетное повествование. . . , с. 97.

В рассказе о Феодоре и Василии бес расправляется с героями руками князя Мстислава. Интересно, что сама по себе тяга князя к «злату» остается без всякой мотивировки дьявольскими «наущениями». Бес лишь направляет «природные склонности» Мстислава в нужное русло, сообщая ему о возможности приобрести богатство путем насилия. Выбор князь делает сам.

Иным предстает киево-печерский бес в эпизодах «побед» героя, достигшего духовного совершенства и получившего в награду за перенесенные испытания дар чудотворения. Главная задача таких эпизодов — доказательство этого факта серией назидательных чудес. В силу этого смещаются и аспекты в изображении двух взаимодействующих полюсов — добра и зла. Главный акцент повествования переносится на героя, а бес, исчерпав функцию «исходатая венца»,²⁸ превращается в «подстрекателя», введение которого в ткань повествования создает сюжетную канву для очередного назидательного чуда.

В этих эпизодах бес редко выступает как персонаж: его образ лишь просвечивает в сюжетных действиях многочисленных злодеев, над которыми одерживает победу герой — уже не просто подвижник, но святой.

Персонажи-«посредники» в этих рассказах Патерика теряют свою художественную самостоятельность. Они не имеют ни имени, ни сколь-нибудь обозначенного характера. Это, как правило, безликие разбойники, «злые человеки», «мнози несмыслени».

В Житии Феодосия дважды рассказывается о попытках подобных злодеев, подстрекаемых дьяволом, ограбить монастырское село и саму Печерскую церковь. Оба эпизода завершаются назидательным чудом, совершающимся по молитве Феодосия: в одном случае разбойники видят «град высок зело» вокруг села и отступают (с. 66), в другом — церковь со всей находящейся в ней братией поднимается на воздух (с. 52—53).

С той же целью — показать обретенную героем силу чудотворения — вводится образ беса и в рассказ о святом Григории Чудотворце. Здесь функции его столь же определены — вызвать к жизни зло, над которым чудесным образом будет одержана победа. «Злые человеки», трижды пытающиеся ограбить Григория, столь же безлики, как и разбойники в Житии Феодосия. Однако иногда в эпизодах, описывающих «победу» героя, встречаются случаи, когда бес действует, не прибегая к посреднику, но образ его по сравнению с рассказами, описывающими период «испытания» героя, в этих эпизодах значительно снижен, в облике беса проступают черты фольклорных персонажей: домового былички или сказочного черта-неудачника.

Обратимся теперь к тому повествовательному материалу, который дает возможность определить принципиально иную функцию образа беса в Киево-Печерском патерике — «функцию адсорбции».

Эта функция прослеживается в тех рассказах Патерика, которые запечатлели тевеные стороны монастырского быта. Бес появляется почти во всех эпизодах, фиксирующих неблагополучие в нравственном укладе монастыря. Всякий раз, когда описывается какое-либо нарушение монастырского устава, в повествование вводится бес: то как персонаж, то как незримый подстрекатель. Бесу в Патерике приписываются самые разнообразные грехи монастырской братии: неурочный сон во время церковной службы (рассказ о Матфее Прозорливом), беспричинная взаимная ненависть духовных братьев (рассказ о Тите попе и Евагрии дьяконе), уклонение от молитвы (рассказ о Никите Затворнике), бегство из монастыря, лицемерие и ложь, нежелание покаяться в содеянном проступке (Житие Феодосия).

²⁸ В рассказе о Феодоре и Василии лаконичная авторская ремарка прямо определяет сюжетную функцию беса. Приступая к рассказу о трагической гибели героев, автор замечает: «Не вѣдый дѣяволъ, яко большюу вѣщю исходатай будетъ има» (с. 168).

Зафиксировал Патерик и бунтарские настроения внутри монастыря. Изгнание игумена Стефана в трактовке автора Жития Феодосия — прямое следствие вмешательства дьявола: «Такова смятеніе сотона сътвори въ них» (с. 77).

«Дьявольским начинаниям» приписывает епископ Симон в своем «Послании» и честолюбивые устремления Поликарпа, его неудовлетворенность своим положением в монастыре (с. 101).

Особенно серьезным грехом в стенах монастыря считался грех «сребролюбия». Теме трагической власти богатства над душой человека в Патерике посвящено несколько рассказов. И везде моральная ответственность за содеянное зло переносится с героя (будь то монах или мирской человек) на плечи универсального носителя зла — дьявола. Обычно достигается это введением в текст рассказа фразы, приобретающей характер клише: «Уязвен бывъ на нь от беса».

Исключение представляет рассказ о Феодоре и Василии, в котором бес является не просто персонажем, но главным действующим лицом. В этом рассказе благодаря введению образа беса автору в полной мере удается задача перестановки акцентов в повествовании о греховных заблуждениях Феодора. И само построение рассказа, и та художественная нагрузка, которую несет в нем образ беса-искусителя, способствуют тому, чтобы в образе Феодора предстал не слабый и нерешительный человек, плененный призраком богатства, но скорее трагическая жертва хитроумных козней сатаны. Бес в этом случае изображается изощренным и тонким соблазнителем, использующим такие маски, в которых его труднее всего разоблачить. Выбор их, как и в рассказе об Иоанне Затворнике, вполне мотивирован: образ монаха Василия — друга Феодора и ангела «светла же и украшена» — наиболее убедительные для героя-отшельника обличья беса. Автор как будто стремится убедить читателя, что человеку, попавшему во власть столь хитроумного и талантливому искусителя, следует скорее сочувствовать, чем обвинять его в греховных мыслях и поступках.

В этой группе рассказов ощущается явное противоречие между авторской трактовкой образов и их объективным содержанием, открывающимся современному читателю.

Те герои, которые кажутся слабохарактерными, злыми, мстительными, вздорными, а иногда и просто порочными людьми, по замыслу создателей Киево-Печерского патерика не только не достойны осуждения, но, напротив, должны вызывать сочувствие и сострадание.

Это наблюдение снова возвращает нас к образу беса, ибо наличие в арсенале художественных средств создателей Киево-Печерского патерика именно этого образа сделало возможным существование столь психологически сложной авторской трактовки далеко не безупречных героев. Образ беса в данном случае как бы адсорбирует, вбирает в себя то зло, которое присутствует в герое и от которого автор стремится его «очистить», ибо он, как всякий средневековый писатель, «смотрел на людей далеко не простым глазом. Его глаз был вооружен особой оптической системой, которая вводила изображаемых им людей и их поступки в оценочное суждение, подчиняла их его идеалам. . .».²⁹

Созданию такого «оценочного суждения» способствовали и те художественные функции, которые выполняет в Киево-Печерском патерике сложный и многоликий образ беса.

²⁹ Д. С. Лихачев. Изображение людей в летописи XII—XIII вв.— ТОДРЛ, т. XXIV. М.—Л., 1969, с. 30.

Б. И. КУЗНЕЦОВ

Повесть о Варлааме и Иоасафе

(К вопросу о происхождении)

«Повесть душеполезная об отшельнике Варлааме и царевиче индийском Иоасафе» — одна из самых распространенных в древнерусской литературе переводных повестей. Впервые это произведение стало известно в Европе около тысячи лет назад благодаря греческому переводу, сделанному с одной из восточных версий. В начале XI в. Повесть была переведена с греческого на латинский, а затем и на многие другие европейские языки, в том числе и на русский. Русский перевод Повести до сих пор не изучен, но в этой статье речь пойдет о другом нуждающемся в нашем внимании вопросе — о происхождении Повести.

Одна из наиболее ранних версий Повести, арабская, примерно в VIII в. была переведена со среднеперсидского языка. И. Ю. Крачковский в предисловии к выполненному В. Р. Розеном русскому переводу этой арабской версии писал: «19 ноября (2 декабря по новому стилю, — *Б. К.*). . . память „преподобных Варлаама пустытника, Иоасафа, царевича индийского, и отца его, царя Авенира“. Знакомый с этими именами будет немало поражен, встретив в настоящей повести-житии вместо христианских святых странные фигуры Билаухара, Будасфа и Джанайсара. Однако если Будасф назовет ему Бодисатву, одно из имен Будды, то в интересной историко-литературной загадке будут правильно намечены вехи. Бодисатва-Будасф-Иоасаф — вот внешние отражения тех скитаний, по которым проходила одна легенда о юности Будды, создавая на своем пути выдающийся памятник мировой литературы, одинаково близкий и Востоку и Западу».¹ Мнение о том, что Повесть представляет собой вариант биографии Будды, в настоящее время является общепринятым.

Повесть, причем особенно ее арабская версия, действительно обнаруживает некоторое сходство с традиционной биографией Будды-Гаутамы, основателя буддизма.² Это сходство проявляется, однако же, только в том, что начало Повести, в котором говорится о детских и юношеских годах Иоасафа, содержит эпизоды, очень похожие на те, которые мы находим в самом начале биографии Будды, но зато во всем остальном Повесть и биография Будды не имеют между собой ничего общего. Подробнее об этом будет говориться ниже.

А. Кириичников одним из первых высказал сомнение в том, что Будда является прототипом Иоасафа. Сопоставляя известный эпизод встречи

¹ Повесть о Варлааме пустычнике и Иоасафе, царевиче индийском. Пер. с арабск. акад. В. Р. Розена под ред. и с введ. акад. И. Ю. Крачковского. М.—Л., 1947, с. 5.

² History of Buddhism (chos-hbyung) by Bu-ston, part II. The History of Buddhism in India and Tibet. Transl. from Tibetan by Dr. E. Obermiller. Heidelberg, 1932.

Буддой старика, больного, мертвеца и монаха, как он излагается в традиционной биографии Будды, с эпизодом из Повести о встрече Иоасафом двух больных и старика, он указал на следующее: в Повести значение встречи прекрасно мотивировано предшествующим эпизодом, а именно пребыванием царевича во дворце, т. е. Иоасаф, в отличие от Будды, был подготовлен к этой встрече рассказами своего воспитателя; в житии Будды этот эпизод не вполне уместен. В Повести только две встречи — с больными и стариком, в биографии Будды — четыре, а известно, что эщические дублеты есть свойство позднейших редакций и заимствований.³

К этим замечаниям Кирпичникова мы еще вернемся, но начнем с того, что рассмотрим то общее, что есть у Будды с Иоасафом. В качестве основных источников для сопоставления мы будем пользоваться переводом Розена арабской версии, поскольку она ближе к биографии Будды, чем грузинская и греческая, и изложением той же биографии, сделанным в начале XIV в. тибетским ученым Бутоном.⁴ Это изложение является авторитетным, поскольку составитель использовал все основные источники по биографии Будды, из которых часть сохранилась полностью только на тибетском языке.

По предположению И. Ю. Крачковского, Повесть сформировалась в Индии, оттуда она проникла в Персию, где получила письменную обработку в VI—VII вв. Эта письменная версия не сохранилась, но о ней можно строить некоторые предположения на основе побочных данных и переводов на другие языки, которые делались, по-видимому, с этой утраченной версии.⁵

Действие арабской версии Повести происходит в Индии, в стране Шавилабатт (Шолайт — в грузинской версии). В этой стране правит царь Джанайсар (Абенесер-Абенес — в грузинской версии, Абенер — в греческой версии), у которого рождаются дочери, но нет сына. Старшей жене царя снится сон: белый слон летит по воздуху и опускается на нее, не причиняя ей вреда. Прорицатели объясняют царю, что у него родится сын.⁶

Согласно биографии Будды, отец Будды — царь Шуддходана, у которого благополучно рождается первенец, сын Гаутама. До рождения сына его мать видит во сне, как на нее опускается белый слон, не причиняя ей вреда. Этому эпизоду предшествует пророчество о том, что Будда будет царем всего мира. Рассказывается также о совете богов на небе, где обсуждается, в каком облике, где и когда должен появиться будущий Будда. Решено, что он должен опуститься на землю в облике белого слона, поскольку этот образ встречается в древних индийских священных книгах — Ведах.⁷

Эта часть биографии Будды достаточно подробна, например здесь детально описывается белый слон, тогда как в арабской версии обо всем этом сказано в нескольких словах, но зато содержится отсутствующий в биографии пространный рассказ о споре царя с отшельником, который когда-то был царским сановником.

Далее, согласно Повести, у царя рождается прекрасный и лучезарный сын, в честь которого устраивается праздник на целый год. Звездочеты предсказывают: «...мальчик достигнет такого величия и такой высоты почетной степени и знатного сана, каких никогда во всей индийской земле

³ А. Кирпичников. Повесть о Варлааме и Иоасафе. Харьков, 1876, с. 224.

⁴ History of Buddhism. . .

⁵ Повесть о Варлааме пустыльнике. . ., с. 7.

⁶ Там же, с. 24.

⁷ History of Buddhism. . ., p. 10—11.

ни один царь не достигал. И все сошлись на том, но только один из них, человек престарелый и знающий разные тайны звезд, понял свойства мальчика и сказал: „Не думаю я, что величие и сан и превосходство, которых, как мы нашли, достигнет этот мальчик, будет иным, как величие вечной жизни, и не полагаем мы, что он будет чем-нибудь иным, как воздем в вере и подвижничестве, а это есть превосходство на ступенях к вечной жизни”». ⁸

Царь приказывает, чтобы для принца был отведен особый город. Выбирает из надежных людей воспитателей, кормилиц и слуг и приказывает им, чтобы между собой они не говорили ни о жизни, ни о смерти, ни о вере, подвижничестве, бренности и т. п. Если же случится с кем-нибудь болезнь, то чтоб его немедленно изгоняли из города. ⁹

Царевич подрастает, преуспевает в науках и выбирает себе воспитателя, который раскрывает ему тайны этого мира, по приказанию царя скрываемые от принца. Принц просит разрешения выехать на прогулку, желая тайно познакомиться с этим миром. Царь разрешает: «И приказал царь удалить с его дороги всякое зрелище скверное, и приготовить ему игры и музыку, и устлать перед ним дорогу разными цветами. . .». ¹⁰

Во время одной из прогулок он случайно встречает двух больных, а спустя много дней — древнего старца, вид которого, как и вид больных, ужасает его и заставляет задуматься о своей будущей судьбе. ¹¹

Будда, как об этом рассказывается в его биографии, рождается из правого бока своей матери, одетый. Боги совершают перед ним обряд поклонения, а новорожденный произносит небольшую речь, в которой он говорит о своем предназначении и обещает положить конец страданиям рождения, старости и смерти. По одной версии, мудрец Арана предстает перед новорожденным Гаутамай и говорит, что в эту эпоху раздоров не может быть царя всего мира, а что Гаутама станет Буддой, свободным от всего, что греховно. ¹² По другой версии, перед Гаутамай появляется мудрец Асита со своим племянником и пророчествует: если Бодисатва, т. е. Гаутама, останется дома, т. е. в миру, то он будет царем всего мира, а если он уйдет из дома и станет бездомным аскетом, то достигнет озарения, станет Буддой. Гаутама подрастает и идет в школу к учителю, но выясняется, что он преуспел во всех науках и знает больше учителя. ¹³

Далее, родственники советуют Шуддходане, отцу Будды, женить сына, чтобы он остался дома и стал царем всего мира. Начинаются поиски достойной невесты. Девушка по имени Гопа из рода Шакья сама предлагает себя в невесты, говоря, что она обладает всеми необходимыми добродетелями. Отец девушки опасается, что юный принц Гаутама, выросший в роскоши и неге, не может быть достойным мужем его дочери, и устраивает соревнования, победитель которых должен получить ее в жены. Гаутама выходит победителем в поднятии тяжестей, поднимая убитого слона одним пальцем и выбрасывая его далеко за пределы города. Он также побеждает, будучи искуснее всех в письме, арифметике и стрельбе из лука. Будда со своей женой в окружении 84 тысяч девушек ведет счастливую жизнь во дворце. ¹⁴

Боги обеспокоены слишком благополучной жизнью Гаутамы, так как если он будет оставаться дома, то не появится в этом мире спаситель

⁸ Повесть о Варлааме пустыльнике. . ., с. 31.

⁹ Там же, с. 31—32.

¹⁰ Там же, с. 38.

¹¹ Там же, с. 38—39.

¹² History of Buddhism. . ., p. 11—13.

¹³ Ibid., p. 14—15.

¹⁴ Ibid., p. 16—21.

и учитель Будда. Они направляют его мысли на путь достижения озарения. Отцу Будды в это время снится вещий сон, что его сын уходит из дома. Обеспокоенный этим, он приказывает построить для сына несколько дворцов — на каждый сезон года по одному дворцу — и окружает их стражей. Гаутама хочет на колеснице отправиться на прогулку. Царь дает разрешение, но приказывает, чтобы с его пути убиралось все неприятное и некрасивое. Но один из богов превращается в старика и попадает им на дороге. Колесничий подробно рассказывает Гаутаме о старости, которая ожидает всех людей. Расстроенный принц возвращается домой. В последующие дни во время прогулки он встречает больного, мертвеца и монаха. Всякий раз он получает подробные объяснения относительно каждого из них. О монахе колесничий говорит следующее: «Этот человек, о принц, называется нищенствующий монах. Он оставил все желания и ведет строгий образ жизни. Он ведет (духовную) жизнь и ищет себе покоя. Он свободен от страстей и ненависти и бродит, живя подаянием». На это принц отвечает: «Ты хорошо сказал, и это нравится мне. Мудрецы всегда восхваляли духовную жизнь. В ней заключено благополучие для себя и для других живых существ. В результате — благое существование, полное блаженства и бессмертия».¹⁵

На этом заканчивается то общее, что можно найти в биографиях Будасфа и Будды. Дальнейшая жизнь Будды, особенно после того как он становится проповедником и встречается со многими людьми в разных частях Индии, подтверждается различными буддийскими традициями и многочисленными рассказами, дошедшими до нас, но даже намеков на все это нет в Повести.

Белый слон, упоминаемый в двух биографиях, который снится матери будущего подвижника, не является буддийским символом или образом, а заимствован, как говорилось выше, из древней индийской религиозной литературы. В биографию Будды он включен в качестве доброго предзнаменования появлению великой личности.

Последний общий эпизод двух биографий — встреча Будасфом больного и старика, а Гаутамой — старика, больного, мертвеца и монаха. В Повести об этом говорится спокойно, кратко и реалистично, без фантастических элементов, которых в биографии Будды много и где они лишь подчеркивают исключительность героя. Есть основание предположить, что в основе двух биографий лежат рассказы или предания о царе и его праведном сыне, которые в биографии Будды были переработаны в сказку, чтобы представить основателя буддизма лицом сверхъестественным, «богом богов». Кажется наиболее вероятным переход реалистической истории в сказочную, нежели наоборот, т. е. что Повесть лучше, чем биография Будды, отражает их общий прототип.

В первые века нашей эры на территории Кушанской империи, вероятнее всего в Средней Азии, был создан буддийский сборник нравоучительных рассказов, известный под названием «Мудрец и дурак». Около 445 г. этот сборник был переведен в Хотане (Центральная Азия) с местного, вероятно хотанского, языка на китайский, а позднее, около IX в., на тибетский. Оба перевода, которые представляют две разные версии сборника, сохранились до наших дней.

Сборники такого типа создавались на основе древних легенд, преданий, притч и сказок, большинство из которых первоначально не имело к буддизму никакого отношения. Все эти легенды, притчи и т. д. объединялись в одно композиционное целое тем, что рассказ велся от лица самого Будды. При этом часто предполагается, что Будда рассказывает

¹⁵ Ibid., p. 21—27.

о своих прошлых перерождениях, т. е. что когда-то, сотни или тысячи лет тому назад, он был таким-то лицом, с которым произошла такая-то история.

Две истории из сборника «Мудрец и дурак» содержат эпизоды, очень близкие тем, которые есть в начале Повести и в начале биографии Будды. В одной из этих историй рассказывается следующее. У одного могущественного царя не было детей. Он молился всем богам, чтобы у него родился сын. В конце концов у царя рождается очень красивый сын с кожей золотистого цвета. Для принца было построено четыре дворца, по одному на каждый сезон года. Когда сын подрос, то он преуспел во всех науках и стал мудрым во всех книгах.

Далее говорится, что однажды принцу захотелось прогуляться за пределами своих дворцов. Когда он трогался в путь, играла музыка, а дорога, по которой он ехал, была подметена, украшена знаменами, усыпана цветами. По дороге принц встречает тяжело больных и обездоленных людей, которые просят подаяния. Он потрясен несчастьями людей и, рыдая, возвращается домой. Затем он встречает мясника, пахаря, охотника и других людей и узнает о тех страданиях, которые испытывают живые существа этого мира. Рассказ заканчивается тем, что принц привозит из-за моря волшебный камень, с помощью которого делает всех людей счастливыми. Сообщается, что эта история произошла с самим Буддой в одном из его прошлых перерождений.¹⁶

В другой истории рассказывается о том, как в древние времена у одного царя родился необыкновенно красивый сын с кожей золотистого цвета, а на голове у него сиял драгоценный камень. Предсказатели пророчествуют: «Нет равных этому принцу среди людей и богов. Если он останется в доме, то будет царем всего мира, а если станет отшельником, то достигнет совершенства». Когда принц стал взрослым, то сделался отшельником, занимался совершенствованием и достиг состояния «будды», т. е. высшей святости.¹⁷

Современников Будды (V—IV вв. до н. э.) вряд ли особенно интересовал период его детства и юношества: в древнейших сохранившихся рассказах о нем этот период его жизни не упоминается, а сам он избегал говорить на эту тему. В дальнейшем, когда создавалась его полная биография, возникла необходимость осветить малоизвестное время его жизни. Этот пробел был заполнен отрывками, взятыми из разных рассказов на тему о царе и его праведном сыне, вроде тех, которые были приведены выше.

Если в Повести рассказ о детских и юношеских годах Иоасафа-Будасфа является частью органического целого, то в биографии Будды его неуместность уже давно обращала на себя внимание. В этой связи В. П. Васильев писал: «Вероятнее всего можно предположить, что Сиддхарта (т. е. Будда, — *Б. К.*) был не добровольным изгнанником, вследствие семейных неудовольствий, но скорее по политическим интригам. Есть легенда о том, что, когда Будда проповедовал уже свое учение, Вирудака истребил весь Шакьянский род. Кто знает, что это происшествие не случилось несколько ранее и что Сиддхарта не пострадал от него и должен был скитаться и гораздо проще, чем рассказывает легенда, понять всю суетность мира, все мучения, которые происходят от внешних предметов, к которым прилепляется дух. . .».¹⁸

¹⁶ Der Weise und der Thor. Aus dem tibetischen übersetzt und mit dem Originaltexte herausgegeben von I. J. Schmidt. Th. I, II. St. Petersburg, 1843; Th. I (Der tibetische Text), S. 210—211; Th. II (Die Übersetzung), S. 262—265.

¹⁷ Ibid., Th. I, S. 264; Th. II, S. 331.

¹⁸ В. П. Васильев. Буддизм, его догматы, история и литература, ч. I. СПб., 1857, с. 9—11.

Буддийская традиция упоминает в числе первых буддистов, последователей Гаутамы, его близких и родственников: жену и сына Рахулу и двоюродных братьев Девадатту и Ананду. Весьма вероятно, что именно эти вынужденные и печальные обстоятельства, приведшие Будду к изгнанию, были одной из причин, послуживших к созданию новой биографии Будды с использованием источников, не имевших первоначально к нему прямого отношения.

В арабской версии Повести имеется немало вполне очевидных признаков того, что это сочинение, имея в своей основе отдельные индийские мотивы, все же не является переводом или пересказом с какого-либо из индийских языков, а было целиком создано за пределами Индии, т. е., вероятней всего, в Персии или Средней Азии.

Остановимся сначала на некоторых именах, встречающихся в Повести: ал-Будд, Будасф, ал-Бахван. Ал-Будд — это будда, от санскритского глагола «будх» — «просыпаться, узнавать»; существительное от этого глагола — «буддха» — означает «знающий, мудрый». В буддийской литературе термином «будда» стали обозначать личность, достигшую высшего озарения, которая благодаря этому почти полностью выходит из материального мира страданий. В индийских памятниках буддийской литературы Гаутама, основатель буддизма, обычно именуется не «будда», а «бхагаван». Исторически бхагаваном назывался, вероятно, старейшина, лицо, которое распределяло продукты среди членов семьи или племени, выделяя каждому его долю. Слово «бхагаван» образовано от слова «бхага» — «доля, часть». В Повести ал-Бахваном, т. е. бхагаваном, именуется один из идолопоклонников-аскетов того времени, тогда как Будда жил за триста лет до описываемых событий.

Имя одного из главных героев Повести — Будасф — также не является именем собственным, а образовано от термина «бодхисаттва» («совершенный дух»), которым обозначается личность, находящаяся на пути к озарению («бодхи»), но еще не достигшая полного состояния «будды». Фонетическая форма имени Будасф отражает согдийское произношение, т. е. указывает на Среднюю Азию. В сборнике рассказов «Мудрец и дурак», на который мы уже ссылались, упоминается много разных будд и еще больше бодисатв, т. е. лиц, которые прославили себя в разные эпохи распространением истинного учения и совершили подвиги во имя этого учения, притом во многих случаях задолго до того, как появился Гаутама. Видеть в Будасфе-Бодисатве основателя буддизма нет никаких оснований.

В имени Будасф-Бодисатва можно видеть указание на то, что история, в которой он является героем, была включена в сборник «джатак», сборник историй о перерождениях Будды. Как уже говорилось выше, разные истории объединялись в одно композиционное целое тем, что их рассказывает сам Будда. Следы композиционных построений, характерных для этих сборников, сохранились в Повести: некоторые из притч даются от лица ал-Будды.

В Повести неоднократно упоминается имя Будды, а также его житие и даже приводятся две притчи, приписываемые Будде.¹⁹ В этих притчах — о двух братьях, о принцах и обезьянах — проповедуется идея аскетизма и подвижничества, более свойственная христианству, чем буддизму.

В Повести есть рассказ о каком-то звере Анка и его детенышах. В нем рассказывается о том, что, когда Будда умирает, его тело уносит какой-то хищный зверь по имени Анка и кормит им своих детенышей, которые благодаря этому прозревают: «Эта еда доставила нам ту праведность,

¹⁹ Повесть о Варлааме пустыльнике... , с. 145—147.

к которой мы стремились, и при ней мы ни в чем больше не нуждаемся. . .».²⁰

В сборнике «Мудрец и дурак» есть немало рассказов, в которых говорится о том, как Будда в прошлых перерождениях жертвует своим телом, скармливая его животным, птицам и даже демонам, которые благодаря этому становятся в будущем учениками Будды, т. е. прозревают и становятся на путь истинный.

Судя по притче о звере Анка, кто-то из составителей Повести слышал историю о том, как Будда в одном из прошлых перерождений пожертвовал своим телом, чтобы спасти от голодной смерти детенышей какого-то зверя, но почти ничего не понял, а главное — решил, что это самого основателя буддизма, Гаутаму, съели дикие звери.

Непонимание создателями Повести терминов «будда», «бодисатва» и «бхагаван», путаница в их употреблении — явление также невозможное для памятника индийской литературы. Можно было бы предположить, что эти недоразумения с буддийскими сюжетами и именами возникли в результате неправильно понятого перевода, если бы Повесть в целом, от начала до конца, не была полна рядом других особенностей, отражающих черты быта, климата, географии и идеологии Персии или Средней Азии.

Так, в Повести рассказывается о том, как царь страны Шавилабатт приказал преследовать всех отшельников в своей стране и сжигать их в огне. Далее следует пояснение, что отсюда идет обычай в земле индийской самосжигания и сжигания мертвых.²¹ Здесь не только незнание индийской истории и непонимание ее обычаев, но и чисто персидское отношение к огню, который нельзя осквернять грязными и нечистыми предметами.

Рассказ о дрессировке собак и хищных птиц для охоты более уместен для быта Персии: «Хозяева берут себе хищных птиц и собак и бьют их, и морят голодом, чтобы они были упорнее для них в охоте и усерднее для них в отыскании дичи. . .».²²

В другом рассказе говорится о знатном горожанине, который закалывает овец и коров, чтобы устроить угощение.²³ Убийство коровы — святотатство, немислимое для Индии. В то же время овцы, как и упоминаемый в другом месте верблюд,²⁴ — животные, более уместные для Средней Азии.

Некоторые из притч отражают особенности географии и климата Персии. В одной из них говорится о пасущем овец в пустынной земле и об источниках, которые бывают «. . . глубиною в рост человека или двух человек, и есть скудные, глубокие, и есть совсем безводные, где никогда не достижается вода».²⁵ В другой притче говорится о пустыне безводной, кишасей разбойниками, зверьями, гадами, посредине которой сад прохладный с деревьями плодоносными.²⁶

Особенности же индийской географии и климата в Повести никак не отражены.

В Повести есть вполне очевидные следы христианства, например притча о сеятеле, которая рассказана очень близко к тексту Евангелия от Матфея (XIII, 3—8): «Сеятель вышел с добрым семенем своим, чтобы посеять его. И когда он наполнил горсть свою им и разбросал его, часть его упала на край дороги, и сейчас же подобрали его птицы. И упала часть его на скалу, которую покрывала вода, и влажность, и глина, и когда

²⁰ Там же, с. 116—118.

²¹ Там же, с. 35—36.

²² Там же, с. 104.

²³ Там же, с. 129—130.

²⁴ Там же, с. 50.

²⁵ Там же, с. 60.

²⁶ Там же, с. 86—87.

оно проросло, корни его дошли до сухой скалы, и оно умирает. И упала часть его на землю, полную терниями, и когда оно дало колос и готово было созреть, тернии задушили его и умертвило его. И немного из него упало на землю добрую, очищенную, и уцелело, и взросло, и поспело, и поднялось».²⁷

Но дело не ограничивается одним пересказом евангельского сюжета. У Матфея после притчи идут следующие высказывания: «Кто имеет уши слышать, да слышит», и далее: «Потому говорю им притчами, что они видя не видят, и слыша не слышат и не понимают». В Повести, после рассказа о сеятеле, эти слова интерпретируются следующим образом: «...сеятель — это носитель мудрости, и доброе семя — слово истины. И то, что упало на край дороги так, что его поклевали птицы, это то, которое — едва только оно дойдет до слуха — пройдет мимо. А то, что упало на влажную скалу и потом засохло, когда корни его дошли до скалы, — это то, которое слушающий, когда услышит его, на некоторое время считает сладким, пока сердце его не занято, и которое он понимает разумом своим, но которое он не закрепляет ни памятью, ни волей, ни умом. А то, что выросло и почти уже дало плод и потом было погублено тернием, — это то, которое слушающий его воспринял и уразумел, но которое, когда наступило время дела, а оно — плод его, было задушено страстями и загублено ими. А то, что упало на землю добрую, и уцелело, и взросло, и поспело, — это то, которое глаз себе добыл, и слух воспринял, и сердце удержало и которому твердое решение укротить страсти, и очистить сердце от грязи, и действовать сообразно ему дало силу проникновения».²⁸

Таким образом, основная идея этого комментария сводится к следующему: сеятель — это носитель мудрости. Для спасения же каждого человека необходимы прежде всего разум и знание.

В Повести примату знания над всем остальным, если речь идет о вере, уделяется первостепенное значение: «Лучшее знание то, которое ведет к познанию бога всевышнего и к свершению добрых дел».²⁹ В другом месте утверждается, что мудрость «... есть свет, который просвещает слепоту и за которым нет мрака...»,³⁰ «... души могут рассчитывать на жизнь и спасение не иначе, как посредством знания, и веры, и добрых дел»,³¹ но к высшей цели ведет прежде всего знание.³²

Утверждение, что мудрость и знание — основное условие для спасения, характерно для раннего христианства, в котором были сильны идеи гностицизма. Хотя у нас нет сейчас серьезных оснований считать предполагаемый среднеперсидский прототип Повести и его арабский перевод манихейскими по своей идеологии, исключить эту возможность мы тоже не можем. Мы просто не знаем со всей определенностью, чем отличалось учение Мани (III в. н. э.) от христианской школы епископа Маркиона, которая утвердилась в Персии в первые века нашей эры, или же от других направлений раннего христианства, процветавших на Востоке.

Как мы полагаем, Повесть, сборник нравоучительных рассказов, завоевавший мировую популярность, была первоначально создана на северо-востоке Ирана или в Средней Азии, поскольку именно там до арабского завоевания особенно тесно соприкасались христианская и буддийская культуры.

²⁷ Там же, с. 45—46.

²⁸ Там же, с. 46.

²⁹ Там же, с. 45.

³⁰ Там же, с. 58.

³¹ Там же, с. 179.

³² Там же, с. 72.

И. Н. ЛЕБЕДЕВА

О древнерусском переводе Повести о Варлааме и Иоасафе

Если бы мы задали себе вопрос, какая из древнерусских повестей была наиболее читаемой за все время существования древнерусской книжности, то, обратившись к библиографическим указателям, составленным В. П. Адриановой-Перетц и В. Ф. Покровской¹ и А. А. Назаревским,² мы увидели бы, что первое место по числу списков принадлежит Повести об отшельнике Варлааме и царевиче индийском Иоасафе, с ней соперничает лишь Александрия. Составители обоих названных указателей собрали сведения об огромном, до шестисот, числе списков Повести, извлечений из нее, ее переделок. Но эти сведения на сегодняшний день уже нельзя считать полными. И в старых каталогах, и во вновь публикуемых описаниях различных хранилищ и собраний обнаруживаются все новые и новые списки. Кроме того, ни один привоз рукописных сборников после археографических экспедиций, будь то экспедиция Библиотеки Академии наук, Пушкинского Дома или других учреждений, не обходится без обнаружения новых текстов отдельных притч из Повести или духовных стихов об Иоасафе. Число рукописей с целыми и отрывочными текстами Повести приближается к четырехзначной цифре.

Повесть была популярна в средние века у многих народов. Этот выдающийся памятник мировой литературы читали народы, населяющие Азию, Европу, Африку. Пехлевийская, тюркская, пять арабских версий; две грузинские и восходящая к одной из них греческая версии; сделанные с греческого языка два латинских, старославянский, армянский и эфиопский переводы; восходящие к одному из латинских переводов девять итальянских версий, восемь старофранцузских, пять испанских, провансальская, каталонская, ретороманская, португальская, немецкая, чешская, английская, ирландская, польская, венгерская, голландская версии — вот далеко не полный перечень существующих переводов и переработок Повести, которых насчитывают до 147.³ Но ни у одного другого народа Повесть не имеет столь богатой рукописной традиции, как в русской книжности XIII—XVIII вв.

Вместе с тем в существующей литературе мы не найдем ответа на вопрос, сколько было старославянских переводов, когда они были сделаны, существует ли древнерусский перевод Повести, как соотносятся переводы со своим греческим оригиналом, какова дальнейшая судьба переводов.

¹ Библиография истории древнерусской литературы. Древнерусская повесть. Сост. В. П. Адрианова-Перетц и В. Ф. Покровская. Вып. I. М.—Л., 1940, с. 50—74.

² Библиография древнерусской повести. Сост. А. А. Назаревский. М.—Л., 1955, с. 61—85.

³ R. L e v i. [Рец. на кн.:] Hiram P e r i. Der Religion-Disput der Barlaam-Legende (Salamanca, 1959).— Speculum, t. XXXV, 1960, p. 655.

Начиная с середины прошлого столетия был высказан ряд предположений и догадок о времени и месте перевода или переводов Повести. А. Н. Пыпин первый опубликовал сведения об известных ему списках Повести. Он полагал, что Повесть пришла в русскую книжность из южнославянских литератур в XIII или XIV в.⁴ Первая попытка изучения рукописной традиции принадлежит А. И. Кирпичникову,⁵ который высказал предположение о существовании двух старославянских переводов или редакций Повести. А. И. Соболевский считал, что существуют две редакции старославянского текста,⁶ и в одном из своих докладов высказал предположение, что перевод Повести был сделан на Руси.⁷ Н. П. Попов издал и исследовал так называемый Афанасьевский извод Повести.⁸ В последнее время лишь О. В. Творогов занимался изучением Повести, но его работа посвящена анализу ее жанровых особенностей.⁹ О. В. Творогов ссылается на существующее мнение о том, что Повесть переведена в Киевской Руси с греческого оригинала, но допускает возможность существования промежуточного южнославянского извода. Рукописная же традиция памятника оставалась неизученной, а потому и не была проделана хотя бы предварительная текстологическая работа. В данной статье излагаются результаты первых попыток начать обе эти линии исследования. Исходным являлось лишь то уже давно установившееся мнение, согласно которому Повесть переведена с греческого языка.

Итак, нашей первой задачей явилась хотя бы предварительная классификация списков. Для этой цели были выделены сначала списки целого текста Повести. Их около 150, включая списки XVII—XVIII вв. с печатными изданиями 1637 и 1681 гг. Из этого количества 64 списка относятся к XIV—XVI вв. Для удобства рассмотрения мы будем учитывать лишь эти последние (более поздние примыкают к ним, не давая нового материала). Текст Повести весьма обширен, и для предварительной классификации нужно было избрать метод иной, чем сличение всего текста списков для выявления их особенностей. Мы воспользовались методом, который применил немецкий византист Ф. Дэльгер при анализе рукописной традиции греческого текста Повести.¹⁰ Из известных ему 140 списков Дэльгер выбрал те 95, в которых текст имеет заглавие, и разделил их на группы по типам заглавия. Мы также выбрали прежде всего те рукописи, в которых текст озаглавлен. Оказалось, что по типу своих заглавий списки легко распадаются на 5 групп.

1. Заглавие первой группы списков приводим по старейшему русскому списку (в этой группе значительно число списков сербских) XIV в. Софийской библиотеки № 1365, хранящемуся в ГПБ:¹¹

«Сие писание душеполезно от внутреняя Ефиопския страны глаголемыя Индия в град честный принесено Иоанном мнихом мужем честным

⁴ А. Н. Пыпин. Очерк литературной истории старинных повестей и сказок русских. СПб., 1857, с. 124—135, 332—333.

⁵ А. И. Кирпичников. I. Греческие романы в новой литературе. II. Повесть о Варлааме и Иоасафе. Харьков, 1876, с. 169—187.

⁶ А. И. Соболевский. I. Переводная литература Московской Руси XIV—XVII веков. СПб., 1903, с. 4—5.

⁷ А. Н. Пыпин. История русской литературы, т. 1. Изд. 4-е. СПб., 1914, с. 535.

⁸ Великие Минеи Чегги, собранные всероссийским митрополитом Макарием. Ноябрь, дни 16—22. М., 1914, стб. 2704—2891; Н. П. Попов. Афанасьевский извод Повести о Варлааме и Иоасафе.— ИОРЯС, т. XXXI, 1926, с. 189—230.

⁹ Истоки русской беллетристики. Возникновение жанров сюжетного повествования в древнерусской литературе. Л., 1970, с. 154—163.

¹⁰ F. Dölger. Die griechische Barlaam-Roman ein Werk des h. Johannes von Damascos. Ettal, 1953, S. 3—31.

¹¹ Д. И. Абрамович. Софийская библиотека, вып. III. СПб., 1910, с. 51.

и добродетельным монастыря святого Савы, в нем же житие Варлаама же и Асафа приснопамятною и божественною».

Это самая большая группа, в нее из упомянутых 64 списков входят 29.

2. Заглавие этой группы списков приводится по рукописи 1444 г. № 687 (1868) из собрания Троице-Сергиевой лавры, хранящейся в Государственной библиотеке СССР им. В. И. Ленина:¹²

«Житие и жизнь преподобных отец наших Варлаама и Иоасафа. Душевные ради пользы списано от преподобнаго отца нашего Иоанна Дамаскина».

Эта группа насчитывает 12 списков XV—XVI вв.

3. Третья группа списков имеет следующее заглавие:

«Изображение душеполезное из утрення Ефиопския страны глаголемыя Индия в святой град принесено Иоаном мнихом и мужем честным и добродетельным сущаго от монастыря святого Савы».

Это заглавие приведено по списку начала XVI в. Соловецкой библиотеки № 208 (513),¹³ хранящемся в ГПБ. В эту группу входят 6 списков XVI в.

4. Четвертая группа — это списки Афанасьевского извода. Заглавие приводится по старейшему датированному списку 1522 г. № 393 Епархиального собрания, хранящегося в ГИМ:

«Сия книги принесены из внутренняя Ефиопия глаголемыя Индийския страны в святой град Иерусалимь Иоанном мнихом мужем честном и добродетельном сущаго монастыря святого Савы. Изображение душеполезно. Сия книга царя Иасафа деание, ему же наказатель авва пустыньник Варлам».

К этой группе относятся 13 списков XV—XVI вв.

5. И, наконец, пятая группа представлена четырьмя списками. Заглавие приводим по рукописи XVI в. № 1081 (388) Уваровского собрания,¹⁴ находящегося в ГИМ:

«Повесть полезна жития святых и преподобных отец пустынножитель и постник индейских Варлама пустыльника и ученика его Иоасафа царевича сына Авенира царя индийскаго. Списано Ивановом мнихом обители святого Савы иже во Иерусалиме».

Сличение текста Повести по спискам внутри установленных групп показало, что, действительно, списки, объединенные одним и тем же заглавием, содержат один и тот же текст. Тексты списков с разным заглавием существенно различны. Исключение представляет лишь пятая группа, два списка которой относятся к первой, один к третьей и один к четвертой группам. Но в пределах этой пятой группы различия в заглавиях списков больше, чем в остальных четырех. Анализ текста рукописей, не содержащих или не сохранивших заглавие, позволил отнести их к уже установленным четырем группам. Переходим к характеристике этих групп.

Первая, самая многочисленная группа — единственная из всех четырех, в составе которой сохранились списки XIV в. Их всего шесть: четыре сербских, один болгарский и один русский. Остальные списки все русские. Заглавие этой группы списков дословно, с соблюдением порядка слов соответствует заглавию большинства греческих рукописей Повести. Именно этот текст имел в виду А. Н. Пыпин, предположив, что перевод

¹² Описание славянских рукописей библиотеки Свято-Троицкой Сергиевой лавры, ч. III. М., 1879, с. 51.

¹³ Описание рукописей Соловецкого монастыря, находящихся в библиотеке Казанской духовной академии, ч. II. Казань, 1885, с. 247—248.

¹⁴ Леонид, архим. Систематическое описание славяно-русских рукописей собрания гр. А. С. Уварова, т. II. М., 1893, с. 394.

Повести пришел на Русь от южных славян. По-видимому, перевод этот был сделан в сербской среде, скорее всего на Афоне. Один из сербских списков XIV в. № 93 (30) собрания Нямецкого монастыря¹⁵ написан на Афоне. Два списка XV в. из этой группы хранятся на Афоне: Зографский № 181 (II в 5)¹⁶ и Хиландарский № 77.¹⁷ Судя по наличию русского списка XIV в., в период второго южнославянского влияния Повесть перешла на Русь и распространилась в русской книжности в этом переводе.

Вторая группа связана с первой. Текст списков этой второй группы представляет собой выправленный вторично по греческому оригиналу текст первой группы списков. Зависимость эту подметил еще Н. П. Попов, он частично сопоставил оба текста по двум спискам, Новоспасскому № 11, XIV в., и списку Троице-Сергиевой лавры № 687 (1444 г.).¹⁸ Н. П. Попов, правда, не связал эти изменения с новой правкой по оригиналу. После работы по классификации греческих рукописей, проделанной Дэльгером, мы даже можем точно указать тот тип греческого заглавия, который был перед «справщиком». Дэльгер указал рукопись, заглавие которой точно соответствует заглавию этой группы.¹⁹ Старший список здесь — русский, но есть в этой группе и два сербских списка XV в. Поэтому пока трудно сказать, где было сделано исправление по греческому оригиналу — на Руси или у южных славян. Значение текста этой группы списков состоит в том, что, как удалось установить, именно с этого текста в середине XVII в. был сделан румынский перевод Повести.²⁰

Третья группа содержит совсем другой текст, чем две предыдущие группы. Это не другая редакция текста, это другой перевод. Приводим начало Повести в обоих переводах по списку первой группы Софийскому № 1365 (слева) и списку третьей группы Соловецкому № 208 (справа).

Л. 1 о б.

Елици убо духом божним водими суть, сии суть сынове божии, рече божественый апостол. А еже духа святого сподобитися и сыном божним быти желание есть конечное, и сему бывшу всякаго благаго видения есть покой, яко же пишеть.

Л. 8

Елици духом божним водими суть, сии суть сынове божии, вещаваеъ божественый Павел. А еже святого духа сподобитися и сыном божнем быти желанъно есть последство, и не бываема всякая премудрости покой, яко же писано есть.

Обратим внимание на два существенных различия в этих коротких отрывках. В первом случае греческое *ὁ γενομένος* переведено правильно: «сему бывшу». Во втором тексте переводчик относительное местоимение *ὁ* принял за отрицание *οὐ* (разница лишь в надстрочном знаке) и перевел выражение неверно: «не бываема». Греческое слово *θεωρία* первый переводчик перевел словом «боговидение» (в Софийском списке переписчик сделал из него «благое видение») вместо «созерцание», приняв первую часть греческого слова *θε-* за начало слова *θεός*, «бог». Во втором тексте это слово переведено иначе, но тоже не совсем верно, как «премудрость».

¹⁵ А. И. Яцимирский. Славянские и русские рукописи румынских библиотек. — СОРЯС, т. 79, 1905, с. 781—783.

¹⁶ Г. А. Ильинский. Рукописи Зографского монастыря на Афоне. — Известия Русского археологического института в Константинополе, т. XIII. София, 1908, с. 275.

¹⁷ Sava Chilandarec. Rykopisy a starotisky Chilandarské. — Sitzungsberichte der Königl. Böhmischen Gesellschaft der Wissenschaften. Classe für Philos., Gesch. u. Philol., 1897, Th. CVI, S. 28.

¹⁸ Н. П. Попов. Афанасьевский извод. . . , с. 194—196.

¹⁹ F. Dölger. Die griechische Barlaam-Roman, S. 14 (E 1).

²⁰ Vieața sfinților Varlaam și Ioasaf, tradusa din limba elenă la anul 1648 de Udriște Năsturel de Fierăști. . . Tip. de P. V. Năsturel. București, 1904.

Таких примеров можно было бы привести много. Словом, перед нами два разных перевода Повести. Все списки этой группы русские.

Четвертую группу составляют рукописи Афанасьевского извода Повести. Н. П. Попов предположил и пытался доказать, что этот извод явился результатом переделки того текста, который отнесен нами к первой группе. Как показало сличение текстов, это не так. Афанасьевский извод зависит от текста третьей группы, являясь результатом, с одной стороны, сокращения первоначального текста, а с другой, последующих добавлений. Мы не останавливаемся сейчас на этом, так как предполагаем написать об этом отдельно.

Таким образом, установлено, что существуют две основные группы текстов, представляющие собой два разных перевода Повести. Первый перевод, по всей вероятности, сербского происхождения. Все сохранившиеся списки второго перевода — русские. Конечно, окончательное слово в выяснении происхождения обоих переводов принадлежит лингвистам. Когда же были сделаны эти переводы? Первый во всяком случае не позднее XIV в. Все списки второго относятся к XVI в. Но нет ли у нас других данных для определения хотя бы приблизительной нижней границы? Оказывается, такие данные существуют, и их содержит русский Пролог. Известно, что уже один из древнейших списков русского Пролога, Софийский № 1324, датируемый XII—XIII вв., содержит в своем составе пять притч из Повести.²¹ Отрывок одной притчи сохранился в Прологе XIII в. из собрания БАН (Финляндские отрывки, шифр 4.9.19).²² Списки Прологов XIV в. содержат, кроме притч, и другие извлечения из Повести.

Естественно, возникает вопрос: вошли ли в состав Пролога части уже существовавшего перевода Повести, или извлечения были сделаны из греческого текста? А если уже существовали переводы, то какой именно из двух, устанавливаемых в данной статье? Для этого сопоставим тексты притч из Софийского Пролога № 1324 с соответствующими текстами обоих переводов. В составе Софийского Пролога шесть притч, приписываемых Варлааму. На самом деле только пять из них являются извлечениями из Повести; шестая, «О еретичех и идолослужителех», является псевдоэпиграфом, такого текста нет ни в греческом оригинале Повести, ни в одном из переводов. Приводим текст притч в том порядке, в каком они расположены в Прологе.²³

Притча «о временнем сем веце»

Л. 53 об.

Подобни быти мноу мужеви бегающю от лица инорога, иже не терпя гласа его и страшнаго его прерикания, но крепко бегаше, да не будет ему в снедь. Внегда же течааше быстро. . .

Л. 233

Подобни суть человеку бегающю от лица беснующася инорога яко не тьрпящю гласа вьшла его и рутья его страшнаго, но крепко отбег да не будет ему в ядь. Текущю же ему борзо. . .

Л. 104 об.

Подобне суть мужю бегающю от лица беснующася инорогу яко не терпящю гласа вьшла его и рутья его страшнаго, нь крепко отбег да не будет ему ядь. Текущю же ему борзо. . .

Притча «о ходящих в мнишьский чин»

Л. 69 об.

Млад серничичь питааше некто от богатых. Възра-

Л. 234

Младеньць серний питааше некто от богатых. Възра-

Л. 147 об.

Младенець серний питааше некый от богатых.

²¹ Д. И. Абрамович. Софийская библиотека, вып. II, 1907, с. 208.

²² Пергаменные рукописи Библиотеки Академии наук СССР. Описание русских и славянских рукописей XI—XVI веков. Сост. Н. Ю. Бубнов, О. П. Лихачева, В. Ф. Покровская. Л., 1976, с. 57.

²³ Слева — Софийский № 1365; в центре — Софийский № 1324; справа — Соловецкий № 208.

стышю же ему пустыня желаше естественным влекомъ житиемъ. . .

стышю же ему и желаше пустыню видети, роднымъ обычаемъ влекомъ. . .

Възрастши же ей пустыни желаше видити, роднымъ обычаемъ влекомъ. . .

Поучение «о животе и смерти»

Л. 56

Град удихъ велик, его же гражане от древних дний таков обычай имяху приимати странна некоего и незнаемого мужа. . .

Л. 236 об.

Град великий слышах, его же гражане обычай такой имяху от древних приимати чюжа некоего мужа, не разумеющего. . .

Л. 110 об.

Град некий великий слышах, его же гражане такой обычай имяху от древних приимати чюжа некоего мужа, ни разумеющую. . .

Поучение «о крестьянъстемъ житию»

Л. 62 об.

Слышах бо царя некоего бывша и zelo добре свое строиша царство, кротка же и тиха суца сущим под ним людем, в сем же едином согрешающа. . .

Л. 237 об.

Слышах некоего царя бывша, zelo добре смотряща своего царства, кроток же и милостив под ним сущим людем, сим же едином блазняшеса. . .

Л. 127

Слышах бо царя некоего бывша, zelo добре смотряща своего царства, кроток же и милостивъ под ним сущемъ людемъ, симъ бо единымъ блазняшеса. . .

Притча «о богатых и убогих»

Л. 29

Бяше убо неки царь велик и славен. И бысть преходящю ему на колеснице позлащене с слугами и боляры с честью яко же лепо есть царем. . .

Л. 241 об.

Бе некий царь велми славен. Бысть же ему шествовати на колеснице позлащене и оружице яко же подобает царемъ. . .

Л. 44 об.

Бе бо некий царь великий и славен. Бысть же ему шествовати на колеснице позлащене и окрест его оружице яко же подобает царемъ. . .

Приведенных примеров, как нам кажется, достаточно, чтобы убедиться в почти дословном совпадении текстов из Софийского Пролога с текстом Соловецкой рукописи. Мы приходим к выводу, что в Пролог притчи были внесены уже из готового перевода Повести, а не из греческого текста. По другим спискам Пролога XIV в. такое же совпадение текста наблюдается и в отношении других отрывков из Повести. Получается, таким образом, что перевод Повести, сохранившийся в Соловецкой рукописи, существовал уже в XIII в., ведь этим временем датируется та часть Софийского Пролога, которая содержит тексты притч. Но у нас есть свидетельство тому, что притчи существовали в составе Пролога уже в XII в. Это свидетельство — известный факт использования сюжета одной из притч Кириллом Туровским.²⁴ Правда, существуют разные мнения о непосредственном источнике Кирилла Туровского. Считали даже, что Кирилл Туровский взял сюжет из еврейского источника.²⁵ Действительно, он мог воспользоваться либо греческим текстом, либо переводом Повести до внесения притч в Пролог. Но это не так. Почти все притчи в составе Пролога имеют добавочные части, которых нет ни в оригинале, ни в переведенном тексте, а именно толкования этих притч. Кирилл Туровский воспользовался не только сюжетом притчи, но заимствовал также и один образ из толкования на эту притчу:

²⁴ И. П. Еремич. Литературное наследие Кирилла Туровского.— ТОДРЛ, т. XI. М.—Л., 1955, с. 345.

²⁵ См.: I. Франко. Притча про сліпця и хромця.— Статті по славяноведенію, вып. II. Под ред. акад. В. И. Ламанского. СПб., 1906, с. 137—139.

Соф. Пролог,
л. 238 об.

Пещера же глубока церкви, пророки
дозрима и апостолы устроена. . .

Текст

Кирилла Туровского²⁶

Пещера же глубокаа — церкви есть
манастырска, пророки дозрима, апостолы
устроена. . .

Это значит, что ко времени Кирилла Туровского на Руси не только существовал перевод Повести, но он уже был включен в состав русского Пролога.

Разумеется, вопрос о том, где был сделан этот перевод, остается открытым до детального лингвистического анализа текста. Мы полагаем, что он был сделан на Руси. Небольшие размеры данной статьи позволили лишь сформулировать основные итоги исследования без последовательного изложения этапов текстологической работы, поэтому в дальнейшем мы предполагаем более подробно раскрыть то, что здесь прозвучало почти в виде тезисов. Это следующие вопросы: 1) время и место старшего перевода Повести, сопоставление перевода с его оригиналом; 2) Повесть о Варлааме и Иоасафе в составе древнерусского Пролога; 3) анализ Афанасьевского извода; 4) судьба славянского и русского переводов Повести в древнерусской литературе; 5) Апология Аристида, памятник раннехристианской литературы II в. в составе Повести о Варлааме и Иоасафе.

²⁶ И. П. Еремин. Литературное наследие Кирилла Туровского.— ТОДРЛ, т. XII. М.—Л., 1956, с. 350.

Г. М. ПРОХОРОВ

Филофей Коккин о пленении и освобождении гераклеотов

Филофей Коккин, известный константинопольский патриарх XIV в., был человеком очень деятельным. Участие в бурной общественной жизни тех лет он в значительной мере принимал с помощью пера. Писал он охотно, много и в разных жанрах. Основную часть его наследия составляют полемические богословские трактаты, жития, разного рода «слова». Но самым, наверное, быстрым и наиболее широко доступным литературным откликом его на происходящее были молитвы и гимны. Он отзывался ими на гражданские войны, вторжения врагов, религиозные распри, засухи, землетрясения, эпидемии, голод и прочие «общие напасти», которыми изобилует история Византии XIV в. И именно этим, животрепещущим, казалось бы эфемерным, литургико-поэтическим произведениям предстояла наиболее долгая жизнь. В числе более сорока (больше, чем их известно сейчас по-гречески) его тропари, молитвы, каноны и т. п. были переведены на славянский язык, получили распространение в православных славянских странах и несколько столетий затем переписывались и звучали на Руси.¹

Молитва «В нашествии ратник и о избавлении пленных» является, как сейчас увидим, одним из наиболее моментальных из такого рода литературных творений Филофея. Очень скоро появился ее славянский перевод: он встречается в русских рукописях начиная уже с XIV в.² В XVII в. эта молитва была напечатана в Киеве Петром Могилой.³

Приведенное здесь название молитва имеет в Требнике Петра Могилы и в одной рукописи XVII в.⁴ В другом списке, более точно передающем ее греческий заголовок,⁵ она называется «Священнаго архиепископа Константинограда кирь Филофеа молитва к святей владычице Богородици, изложена внезапно, а не преж во уме изображена, при новоявленных тое чудесех, по заплени(и) Ираклия явившихся».⁶ Отсюда мы узнаем, что

¹ См.: Г. М. Прохоров. К истории литургической поэзии: гимны и молитвы патриарха Филофея Коккина. — ТОДРЛ, т. XXVII. Л., 1972, с. 120—154.

² ГИМ, Синодальное собр., № 534 (618), Служебник, XIV в., л. 270 об.—278 (под названием «Молитва молебна к пресвятей владычице Богородици в литию и молебен»).

³ Требник Петра Могилы. Киев, 1646, ч. III, с. 179—182.

⁴ ГИМ, Синодальное собр., № 370 (271), Служебник, 1665 г., л. 203—205.

⁵ Τοῦ ἀγιωτάτου καὶ λογιωτάτου πατριάρχου κὺρ Φιλοθέου εὐχὴ εἰς τὴν παναγίαν Δέσποιναν τὴν Θεοτόκον, ἐκτεθεῖσα αὐτομάτως ἐπὶ τοῖς καινοφάνεσιν αὐτῆς θαύμασιν. Греческий текст молитвы по греческому Евхологию XIV в. Ватопедской Афонской библиотеки (№ 133 (744), л. 286) издан: А. Дмитриевский. Описание литургических рукописей, хранящихся в библиотеках Православного Востока, т. II, Εὐχολόγια. Киев, 1901, с. 288—289.

⁶ ГИМ, Синодальное собр., 501/468, Канонник, 1457 г., л. 77 об.—79, 274 об.—276.

в отличие от тех произведений, исполнению которых предшествовала сознательная творческая работа, эта молитва явилась у Филофея «внезапу», или, согласно другому переводу, «самохотне»,⁷ в оригинале — *αὐτομάτως*, т. е. экспромтом.

«Запленение Ираклия» в названии молитвы — захват и разорение в 1351 г. генуэзцами Гераклеи Фракийской, византийского города на Мраморном море. Сам Филофей был тогда гераклейским митрополитом. Пережитую городом трагедию Филофей описал в «Историческом слове (*Λόγος ιστορικός*) о совершенном латинянами разорении и пленении Гераклеи в царствование благочестивых императоров Кантакузина и Палеолога».⁸

Кроме Филофея говорят об этом событии в своих историях (хотя и значительно более кратко) Никифор Григора⁹ и Иоанн Кантакузин.¹⁰ Вместе эти три рассказа позволяют составить довольно яркое представление о том, что и как тогда произошло.

Разгром Гераклеи был эпизодом в генуэзско-венецианской войне 1350—1352 гг., ведшейся главным образом в византийских водах при участии Византии (для нее неудачном). Флотилия из 60 генуэзских галер, уже предпринимавшая боевые действия в Эгейском море, шла на помощь генуэзской Галате. Плывя по Мраморному морю, вечером 21 октября 1351 г. отряд зашел в Гераклею. Как пишет Григора, эти генуэзцы заходили во многие византийские порты и нигде не выказывали никакой враждебности и вовсе не брались за оружие, но, спросив рынок и купив что надо, с миром удалялись. Они не намеревались задерживаться в Гераклее, говорит и Кантакузин, а хотели, переночевав, наутро уплыть в Константинополь. Однако сильный встречный ветер принудил их утром вернуться.

«Моряки рассеялись по пригородным садам и огородам в поисках овощей, а гераклеоты, внезапно схватив двух из них, тут же отрубили им головы».¹¹ Так начались эти трагические события.

Согласно Григоре, местные жители устроили ночью засаду на овощном рынке и утром, неожиданно напав на латинян, многих из них убили. Филофей говорит лишь, что первыми пролили кровь горожане, побуждаемые дерзостью, безрассудством и опьянением. Это были насмешники и юноши (*ἐμπαιχταὶ δὲ καὶ νεανίσκοι*), имевшие в городе власть. «Растревожили, как говорится, осиное гнездо, подняли птицы орла или бык — кнут», — комментирует Филофей.¹²

Моряки-итальянцы, побывав на берегу, имели возможность убедиться, что город не готов к войне и что отомстить горожанам не составит большого труда. Их рассудительный вождь, Паганино Дориа (или, как его называет Кантакузин, Паганис), сделал попытку сдержать соплеменников, говоря, что гераклеотам от павших не будет никакого ущерба, так как они могут получить помощь из других городов, им же самим ждать помощи неоткуда; а между тем предстоят сражения с регулярными силами ромеев,

⁷ В болгарском Служебнике XIV в. патриарха Евфимия Тырновского; напечатана: П. Сыр к у. К истории исправления книг в Болгарии в XIV в., т. I. СПб., 1898, с. 89—90.

⁸ Это «Слово» опубликовано в: Συλλογή Ἑλληνικῶν ἀνεκδότων. Ἐπιστολαὶ Κ. Τριανταφύλλη καὶ Α. Γραππούτου. Τόμος Α', Τεῦχος Α', Ἐν Βενετίᾳ, 1874, σ. 1—23 (далее — *Λόγος ιστορικός*).

⁹ Nicephori Gregorae Historia Byzantina, vol. III. Bonnae, 1855 (далее — Greg.), p. 78—82 (XXVI, 12—15).

¹⁰ Joannis Cantacuzeni Historiarum libri IV. Bonnae, 1832 (далее — Cant.), p. 209—218 (IV, 28; vol. III).

¹¹ Ibid., p. 209.

¹² *Λόγος ιστορικός*, σ. 13.

венецианцев и союзных им каталан. На споры ушло несколько часов. Наконец капитан одной из триер решительно заявил, что командир ведет себя предательски, питая симпатию к императору ромеев Кантакузину, и пригрозил возбудить против командира обвинение в государственном преступлении. Это решило дело. Испуганный командир уступил.¹³ Следующим утром трубачи протрубили сигнал к атаке,¹⁴ и отряд бросился на приступ.

По своему положению, стенам и башням Гераклея была крепче и оборовоспособней многих других византийских городов. Сюда, со стороны моря, ее защищали обрывистый берег, подводные скалы и мели. Однако в то утро с моря потянул ветерок и нагнал воду, и это дало возможность гетуэским триерам подплыть и причалить туда, куда обычно корабли подойти не могли. Потому воины варваров, пишет Филофей, спокойно могли, стоя на триерах словно на стенах, и вести ожесточенный бой, и укрываться от выстрелов с городских укреплений.

Одни из нападающих проникли в город по приставным лестницам, другие вошли через южные ворота: их оставил открытыми градоначальник, удирая со своим ближайшим окружением в момент наибольшей опасности («Почти все об этом знают и кричат, и многие из горожан были тому свидетелями»). «И был взят тот великий и чудный город приступом в тот же день — на третий день после прибытия туда отряда, около шестого примерно часа дня»¹⁵ т. е. еще до полудня. Григора сообщает: «Взломав одновременно все ворота, [гетуэцы] за два часа овладели [городом], полным не только его собственными жителями, но и переселенцами из покинутых вследствие многочисленных вражеских набегов деревень, сосредоточившими там всевозможные богатства».¹⁶

Мало кому удалось убежать. «Приморская гора, — рассказывает Филофей, — была усеяна трупами людей, надеявшихся избежать варварских рук и смерти. . . Сумев каким-то образом спуститься с кручи, [эти люди] уже у самого берега столкнулись с дикими зверьми, вооруженными мечами. Они бросились в море, чтобы либо уплыть от немедленной гибели, либо утонуть, считая эту смерть более легкой, нежели от варварских рук. Но следующие за ними были, естественно, схвачены злодеями и стали добычей варварского меча. Так берег покрылся телами мужчин, женщин, а также и детей».

«Распалыемые алчностью словно оводом или свирепым демоном, [моряки] громияли и божьи храмы, опрокидывали алтари, а из несчастных пленников одних зарезывали словно жертвенных животных, других подвергали разного рода жесточайшим мукам, а за третьих назначали громаднейший выкуп. Но некоторые из них, может быть, более сдержанные, чем остальные, либо [уже] удовлетворенные приобретенным, либо обладая своего рода скупостью на чрезмерное мучительство, соглашались, чтобы кое-кто из пленников нагишом убежал в тот же день. Были и не совсем дурные среди этих очень дурных людей, имевшие [даже] некий налет и видимость образованности. И кстати сказанное слово, и величина преступления приводили их в смущение».

Благородные и разумные женщины — почти все за немногим исключением — совершили в то время дело гораздо более благоразумное и замечательное, чем мужчины этого города. . . Узнав, что варвары находятся уже внутри стен, они одновременно, как по условному знаку, покинули дома

¹³ Cant., p. 211.

¹⁴ Greg., p. 79.

¹⁵ Δόρυς ιστορικός, σ. 15.

¹⁶ Greg., p. 79.

и прибежали с несчастными младенцами на руках и некоторыми из девушек в великий божий храм. . . Всё там было полно волнением и криками: горько сетовали мужчины, пронзительными голосами вопили женщины, нечленораздельно кричали и плакали дети. . . Старухи окружили собою девушек и нежных, особо привлекательных для разнузданных глаз женщин и отправили посольство к командиру [генуэзского отряда], оставившемуся по соседству. . . Командующий же, испытывая симпатию к посольству, сразу приказал, чтобы никто из его отряда не смел чинить абсолютно никакого насилия над этими женщинами и чтобы в противном случае схваченного на месте предавали высшей мере наказания. Кроме того, он велел самим этим женщинам немедленно оповещать о насилии условным сигналом. Сигналом же должен был служить звон церковного колокола, висевшего еще над ними при божьем храме.¹⁷

Все эти яркие картины Филофей пишет с чужих слов: его самого во время этой трагедии в городе не было. «Коккин, поставленный волей судьбы во главе этого города в качестве епископа, — говорит Григора, — в это время отсутствовал. Коккином (красным, — *Г. П.*) называли этого отца-пастыря из-за огненно-красного и свирепого лица. Он пребывал в Византии, где всеми силами и помыслами ратовал за новые положения, выдвинутые Паламой. О пастве же своей он там мало думал, но вновь разжигал гонение на благочестие. Императору [Кантакузину] он предсказывал на основании сновидений. . . расширение власти и неожиданный успех в погоне за владычеством над восточными и западными странами».¹⁸

Филофей оправдывает свое отсутствие в Гераклее следующим образом. «Сей городской епископ (он пишет о себе в третьем лице, — *Г. П.*), прежде отвлеченный ходом дел от любимого отшельничества и против воли вовлеченный в государственные дела и руководство церковью, к тому же издавна находясь в плохом и болезненном состоянии, с большим неудовольствием относился к власти и [связанным с нею] волнениям, ежедневно защищаясь от тогдашнего городского начальства, а также от государственных должностных лиц, находящихся удовольствие в неслыханных притеснениях и ограблениях бедных и неотступно преследующих тех, кто становится на защиту разоряемых, и тайно нападающих [на них] изо всех сил». Не принося, как он считал, никакой пользы, ведя жизнь «не только бесполезную, но и вредную», епископ был влеком «к отшельничеству и возлюбленной исихии; и одновременно его тянуло погрузиться в умственные занятия, соответствующие его склонностям, но в то же время, будучи раздраем сомнениями, он боялся, как бы то, чего он добивается, не было негодно богу». И он уже давно молился, «чтобы исполнилось его желание и кончились эти сомнения». «Он делал это по большей части в церковке, расположенной с юга у моря, недалеко от обрыва, во имя Христа Спасителя, обладавшей некоей божественной и в высшей степени прекрасной вещью — иконой Христа Спасителя, сиявшей всяческими достоинствами, как художественными, так и, конечно же, относящимися к ниспосылаемым свыше благодати и энергии». Здесь Филофей впервые получил «некий знак, или знамение, позволяющие ему возделанный уход». Это было зимой, за полтора года до захвата Гераклеи генуэзцами. Филофей «хотел тотчас же уйти, поскольку божественная воля утвердила его намерение, но время года тогда воспрепятствовало [этому], ибо лежал снег, а кроме того, как раз тогда император и патриарх из соображений общественной пользы запрещали проезд в столицу, и волей-неволей

¹⁷ *Δόμος ιστορικός*, с. 16—18.

¹⁸ *Greg.*, p. 79—80.

он медлил. . .». Столица была закрыта, вероятно, из-за свирепствовавшей тогда в Византии чумы. Прошел Великий пост. И в пасхальную ночь Филофей «опять и еще более горячо просил бога яснее ответить на его вопрос». По окончании службы, «утомленный болезнью и трудом», он лег отдохнуть. И тотчас же ему привиделось, что он сидит верхом на коне в центре города, захваченного многочисленными врагами, рядом с другим всадником, охраняющим церковную утварь. Он спросил: «Что следует делать, видя эту неизбежную погибель?». Тот ответил: «Бесполезно, сын, рассуждать о нападении врагов, стоя в центре уже захваченного города. Совещаться и спрашивать об этом следует своевременно». К ним подошла знатная женщина со служанкой. Филофей обратился к ней с тем же вопросом. Она ответила: «Не говорила ли я прежде, когда ты спрашивал о том же, — уйи!». Затем, взмахнув плеткой и сделав вид, будто бьет его коня, она властно сказала: «Быстро уходи, уходи отсюда!». Он спросил: «А куда, госпожа, прикажешь мне идти?». — «В домик свой иди». — «Какой же это мой домик?». — Она, не ответив, исчезла, и вся картина растаяла; Филофей проснулся на своей складной кровати. Размыслив, он решил, что это Богоматерь «так человеколюбиво заботилась о нем и указывала ему путь». В конце святой недели, покончив с сомнениями, он ушел в Константинополь.

В столице Филофей принял участие в выборах нового патриарха Каллиста на место умершего Исидора, а затем задержался, чтобы иметь «возможность самому присутствовать на созывавшемся тогда соборе против последователей учения латиняна Варлаама и Акиндина, учивших, что божество — о стыд и горе! — не имеет ни энергии, ни воли, ни благодати. И, конечно же, лично явившись на этот священный собор (речь идет о соборе 1351 г. против Никифора Григоры, — Г. П.), он принял посильное участие в борьбе православных с худославными». Затем он остался там на время, «необходимое для описания и определения границ благочестия и разъяснения некоторых выражений, справедливых с церковной точки зрения и согласных с отцами-богословами, показавшихся немного сомнительными благодаря еретической смуте и [нашему] собственному пустословию, так что внушили многим из наших неосновательный страх и подозрение. Когда же эти споры, божьей милостью, разрешились и полностью благодаря слову истины успокоились и священное собрание разошлось, Филофей остался один, сильно страдая от своей давнишней болезни, и стал лечить трудно поддающееся врачеванию тело, а одновременно хлопотать перед церковным начальством об осуществлении своего намерения (уйти с поста митрополита Гераклеи). И уже ясно виделись ему уединение, священный Афон и старое жилье». И тут он узнал о беде, которая стряслась с его городом.¹⁹

Большинство захвативших Гераклею генуэзцев с частью пленных переправилось на триерах в Галату, остальные задержались и в течение двух месяцев выскивали ценности и разрушали город. Пленников, оставленных в Гераклее, итальянцы продавали в рабство проплывавшим мимо на торговых кораблях купцам.

Молодые генуэзские матросы, прибывшие с богатой добычей из Гераклеи в Галату, предались там роскоши, пьянству, устраивали драки и насмехались над еще свободными греками. «Из добычи же они часть оставили у себя, часть по дешевке, как придется, распродали друзьям, а часть пропили, наполнив дома почти всех своих соплеменников всяческим добром».²⁰ «Благородных же гераклеотов, — сообщает Кантаку-

¹⁹ Λόγος ιστορικός, σ. 2—9.

²⁰ Ibid., p. 19—20.

зин (об этом пишет и Филофей, — *Г. П.*), — и мужчин и женщин, латиняне за- точили и назначили за их освобождение выкуп, деньги для уплаты которого взять было неоткуда, так как все их близкие были погублены врагами и не находилось ни одного друга, чтобы прийти им на помощь. Но вместо родственников и друзей хватило им для избавления от этой беды [одного] Филофея. . . Ибо в то самое время, когда город был взят, он находился в отлучке [и потому] больше других мог содействовать освобождению горожан». ²¹

Филофей, как следует из рассказов Кантакузина и его собственного, развил бурную деятельность, прежде всего — по сбору денег. Сам он пишет, что, явившись к императору [Кантакузину], он нашел у него поддержку «деньгами и словами, хотя обстоятельства и не были в согласии с желанием». Также и патриарх [Каллист] «привнес сюда величайшее рвение», убедив многих принять участие в судьбе пленных. ²² Кантакузин же сообщает, что Филофей, «совершенно презрев страх и опасность от врагов, ежедневно переправлялся и незванным являлся в Галату и беседовал с теми, от кого зависела судьба узников (был же он мужем, манерой держаться и достоинством внушающим уважение, а сверх того, он вполне владел внешней и нашей (т. е. светской и монашеской, — *Г. П.*) премудростью и умел убедительно говорить и поучать). И он убедил [генуэзцев] освободить узников за умеренный выкуп. Поскольку же среди пленных совсем не было богачей, он дал латинянам ручательство, что сам доставит золото в назначенный срок. Оказавшиеся таким образом на свободе граждане добывали деньги у родственников и друзей и отдавали латинянам. И он поступал так до тех пор, пока все не освободились от уз. Убежденные им латиняне, усомнившись в его доблести и рвения о пастве, отпустили самых незначительных из пленников без выкупа». ²³ Так пишет Кантакузин. Сам Филофей добавляет, что удалось вернуть свободу не только пленникам, перевезенным в Галату, но и немалой части тех, что были оставлены в Гераклее.

Один из эпизодов в рассказе Филофея помогает понять заглавие его молитвы и прекрасно характеризует самого Филофея с его вниманием к снам.

В одном из константинопольских монастырей некий старец, почувствовав в конце всеобщей слабости, пошел, прилег на кровать и тут же (как полтора годами раньше Филофей после пасхальной службы в Гераклее) увидел вещий сон. Ему снились монахи, поющие перед иконой Богородицы, — что только что он видел наяву. Но теперь Богородица глядела с иконы на них как живая, внимая и радуясь. Ровно через неделю, в ночь с субботы на воскресенье, более ста двадцати пленных гераклеотов, сделав подкоп в своем узилище в Галате, бежали и переправились в Константинополь. Оказалось, что они бежали в тот самый час, когда монахи этого монастыря, молясь об освобождении пленных, пели гимн «Взбранной воеводе», т. е. Акафист Богородице. В «Историческом слове» Филофей пишет об этом как о чуде, совершенном Богородицей: «За молитвы и просьбы одних она дала неожиданное освобождение другим, тайственно обратив песнь молящихся в реальность». Радость, испытанная Филофеем при этом известии, и исторгла у него излившуюся «самохотне» молитву о совершившемся освобождении пленных.

В радостном вступительном обращении к Богородице Филофей долго варьирует образы-сравнения в стиле плетения словес («веселие ангель-

²¹ Cant., p. 216—217.

²² Λόγος ιστορικός, σ. 21.

²³ Cant., p. 217—218.

ское», «источнике света и дверь вечной жизни», «милости неистощимая река и всем благолепных даров и чудес неисчерпаемое море»; всего это обращение насчитывает 120 слов). Далее идет просьба, касающаяся ратных нужд:

Призри благоуветливе к плененну и смирену нашему,
Исцели съкрушенна душ и телесь наших,
Видимых и невидимых ратникъ раздружи.
Стольпъ крепокъ. оружие бранна,
Плък крепок. и воевода,
И пособникъ непоборим
Буди недостойнымъ нам
От лица врагъ наших. . .

Ниже следует мольба укрепить «верных царя наша» — имеются в виду Иоанн V Палеолог и Иоанн VI Кантакузин — «на подлежащая врагы» и отогнать от душ их «злойный облак». И наконец — прошение избавить

Сие стадо и всякъ градъ и страну
От глада, губительства, труса, потопа,
Огня, меча, нашествия иноплеменник
И между(у)собных брани. . .²⁴

Вскоре, 6 мая 1352 г., был заключен мирный договор между ромеями и генуэзцами, одним из пунктов которого обе стороны обязались взаимно освободить пленных.²⁵ И многим из оставшихся еще в плену гераклеотам удалось освободиться и переселиться из Галаты в Константинополь. Почти все, пишет Филофей, хвалили и славословили тогда энергичного архиеерея. В это время из Константинополя он направил послание гераклеотам, рассеявшимся по городам и крепостям Фракии и Македонии, с призывом возвращаться в свой город.²⁶ На седьмой месяц после захвата города генуэзцами горемыки-горожане вернулись в Гераклею и приступили к ее восстановлению.²⁷

Сохранился и сравнительно недавно был опубликован еще один документ, прямо относящийся к этой истории, — счетоводная книга генуэзской морской экспедиции под командованием адмирала Паганино Дориа. Там записано, сколько и каких пленных было захвачено и когда, где, кому и за какую цену они были проданы. Всего в Гераклее, оказывается, было взято в плен 766 человек. Среди них был один священник, одна еврейская чета с ребенком, около пятидесяти маленьких мальчиков и девочек. Средняя цена за взрослого была 15 иперперов; детей продавали еще дешевле; за попа взяли 31 иперпер. Продавали их в Галате начиная с 6 ноября 1351 г. по конец мая 1352 г. Продавали чаще всего поодиночке. Покупателями были итальянцы, преимущественно генуэзцы. 57 рабов (т. е. около 8% общего числа пленных), выкупленные пятью генуэзцами, были отпущены ими на свободу.

Опровергают ли эти сведения то, что говорят о судьбе пленных Филофей и Кантакузин? Издатель счетоводной книги Мишель Балар считает, что, хотя Кантакузина и трудно заподозрить в желании обелить своих врагов, с его рассказом (о сочинении патриарха Филофея М. Балар не упоминает) может быть согласовано одно лишь известие о 57 рабах, отпущен-

²⁴ П. Сырку. К истории исправления книг. . ., с. 89—90.

²⁵ И. П. Медведев. Договор Византии и Генуи от 6 мая 1352 г.— Византийский временник, № 38. М., 1977, с. 167.

²⁶ Συλλογὴ Ἑλληνικῶν ἀνεκδότων, σ. 35—46.

²⁷ Ἀόγος ἱστορικός, σ. 22—26.

ных на свободу; остальные же данные экспедиционных записей, по его мнению, противоречат Кантакузину.²⁸

С этим можно было бы согласиться лишь в том случае, если бы Кантакузин и Филофей утверждали, что о выкупе и освобождении пленных Филофей в Галате вел речь непосредственно с матросами генуэзского отряда. Но все прекрасно согласуется, когда мы допускаем, что он имел дело с новыми владельцами или перекупщиками пленных, которые по дешевке приобрели живой товар у желавших повеселиться молодцов Паганино Дориа. Естественно, что торговые операции этих новых владельцев в экспедиционной счетоводной книге уже не отмечались. Можно думать, что греки платили за свободу своих соплеменников не дешевле, чем платили за них итальянцы; но если и дороже, то не намного, так как Кантакузин пишет об умеренном выкупе. Отмеченным в счетоводной книге из того, о чем пишут Кантакузин и Филофей, оказалось лишь исключительное событие — случай, когда пять итальянцев выкупили 57 пленных специально для того, чтобы отпустить их на свободу. Вероятно, это и были те самые незначительные из пленников и те самые восприимчивые к речам Филофея из итальянцев, о которых говорит Кантакузин. Так что противоречия между данными Филофея и Кантакузина, с одной стороны, и счетоводной книгой генуэзской морской экспедиции, с другой, на мой взгляд, нет. Эти источники дополняют друг друга.

Понятно, что Кантакузин и Филофей были заинтересованы в том, чтобы не преуменьшить успех освободительной миссии тогдашнего гераклеийского митрополита. Кантакузину важно было поддержать репутацию человека, которого он вскоре (в 1353 г.) сделал константинопольским патриархом вместо Каллиста, отказавшегося короновать его сына и покинувшего свой престол. Филофею же важно было защититься от обвинения в пренебрежении к гераклеотам, которое выдвинул против него Григора. Специально для защиты от этого обвинения он и написал, я думаю, свой *Λόγος ἱστορικὸς*. Главная цель этого «Слова», особенно ясно проступающая в эпизодах со снами, — показать, что все его поступки в этом деле были боговдохновенными. Потому и в заглавии молитвы он указал, что она вылилась у него самопроизвольно. Первый учитель Филофея, Фома Магистр, в монашестве Феодул Фикара, писал, что гимны свыше, от бога даруются (*θεοδὸν δεδωρῆται*).²⁹ Так что и этот свой — в данном случае творческий — поступок Филофей рассматривал и показывал как боговдохновенный.

Писал Филофей, может быть, слишком многословно — как, впрочем, все витийствующие греки, — но живо и с некоторым, я бы сказал, «гуманистическим» вниманием к бытовым мелочам, конкретным деталям (вспомним складную кровать, снег, колокол), а также к собственной персоне с ее болезнями и настроениями. Характерно (и исторически закономерно!) распределилось по странам то, что было написано в связи с Гераклеийской трагедией: у греков остались исторические повествования, у итальянцев — счетоводная книга, у русских — молитва. Этой молитвой об освобождении пленных пользовались на Руси по крайней мере триста лет.

²⁸ M. B a l a r d. A propos de la bataille du Bosphore. L'expédition génoise de Paganino Doria à Constantinople (1351—1352).— Travaux et memoires, 4. Paris, 1970, p. 441—442.

²⁹ ГИМ, Синодальное собр., № 305 (269), сборник, 1341 г., л. 243 об.

В. И. ОХОТНИКОВА

Повесть о псковском князе Довмонте

(К вопросу об источниках и авторе Распространенной редакции)

Изучение Повести о псковском князе Довмонте началось в XIX в. А. Энгельман подверг анализу летописные редакции Повести в связи с решением некоторых вопросов русско-ливонской истории.¹ Летописные редакции Повести исследовались также в работах по русскому и псковскому летописанию.² Многие для изучения литературной истории Повести было сделано Н. И. Серебрянским. Им установлены редакции Повести (Проложная, летописные, Средняя, Распространенная), дана характеристика каждой из них, опубликованы тексты Проложной, Средней, Распространенной редакций.³ Основное внимание исследователь уделит летописным редакциям Повести, установив их литературный источник и отношения друг к другу. Высоко оценивая историко-литературные особенности Средней редакции, Н. И. Серебрянский определил ее как «светское сказание о Довмонте», основанное на летописных известиях и местных преданиях.⁴ Однако Повесть о Довмонте рассматривалась Н. И. Серебрянским автономно, без текстологических сравнений разных редакций, в результате чего многие наблюдения автора (об отношениях между редакциями, о времени их возникновения, авторах и др.) оказались ошибочными.

Это касается и Распространенной редакции Повести. Не прибегая к подробному анализу текста этой редакции и ее источников, Н. И. Серебрянский указал лишь на некоторые литературные параллели к ней, перечислил свойственные ей стилистические приемы (обильное введение в текст библейских цитат, заимствования из сторонних литературных источников, риторичность), дал характеристику автору Распространенной редакции («... это был хотя и не даровитый, но более или менее опытный и начитанный писатель»⁵) и предположил, что им мог быть Григорий, автор жития Всеволода-Гавриила и второй редакции Повести о Псково-Печерском монастыре. Располагая одним списком Распространенной редакции (второй, из собрания Е. В. Барсова, он знал лишь по

¹ А. Энгельман. Хронологические исследования в области русской и ливонской истории в XIII—XIV столетиях. СПб., 1858, с. 40—91.

² А. Н. Насонов. Из истории псковского летописания.— ИЗ, т. 18. [М.], 1946, с. 253—294; Я. С. Лурье. Общерусские летописи XIV—XV вв. Л., 1976, с. 77—78; Н.-J. G r a b m ü l l e r. Die Pskover Chroniken. Untersuchungen zur russischen Regionalchronistik im 13.—15. Jahrhundert. Wiesbaden, 1975, S. 114—124.

³ Н. И. Серебрянский. Древнерусские княжеские жития. Обзор редакций и тексты. М., 1915, с. 261—283.

⁴ Там же, с. 278.

⁵ Там же, с. 279.

цитатам в книге Е. В. Барсова⁶), Н. И. Серебрянский считал, что эта редакция Повести была мало известна русской письменности XVII в.

Поиски в рукописных собраниях помогли обнаружить новые списки всех редакций Повести. Найдены два списка летописных редакций (вне состава летописей),⁷ один список Средней редакции⁸ и семь списков Распространенной редакции Повести.⁹ Привлечение новых списков показывает, что Повесть о Довмонте в составе сборников XVII в. часто встречается в окружении других псковских произведений. Сборник ГПБ, собр. Погодина, № 901, например, целиком посвящен двум псковским князьям — Всеволоду-Гавриилу и Довмонту. Он содержит службы этим святым, жития разных редакций, Сказание о явлении и перенесении мощей Всеволода-Гавриила и его чудесах, а также Сказание о князе Вышелеге, брате Довмонта. Другой сборник с Повестью (ГПБ, Q.I.70) включает только псковские произведения: Житие Всеволода-Гавриила, Сказание о явлении и перенесении его мощей, Повесть о чудесах и службу ему, жития Евфросина Псковского, Саввы Крыпецкого, службы им. В состав сборника ГБЛ, собр. Овчинникова, № 300 входят, кроме Повести о Довмонте и службы ему, Сказание о Мирожской иконе Богоматери, жития Нифонта Новгородского, Евфросина Псковского, Михаила, новгородского юродивого, Повесть о Петре и Февронии и т. д. Сборник ЦГАДА, № 145/212, принадлежащий стольнику Василию Никаноровичу Собакину, сыну знаменитого псковского воеводы, наряду с Повестью о Довмонте содержит Житие Всеволода-Гавриила, Житие и подвиги Никандра пустынножителя, Сказание Епифания мниха о пути к Иерусалиму от великого Новгорода и др. Небольшое число списков Повести о Довмонте и тематическая направленность сборников, в состав которых входит эта Повесть, свидетельствуют о том, что интерес к ней был по преимуществу местный, псковский. Наибольшей популярностью пользовалась Распространенная редакция Повести о Довмонте.

По мнению Н. И. Серебрянского, Распространенная редакция Повести никакой исторической ценности не имеет, так как все дополнения в ней, по сравнению с другими редакциями, «сводятся к догадкам и многословию» и фактических добавлений к содержанию Первоначального сказания она не вносит.¹⁰ Вопрос о содержании Первоначальной редакции Повести о Довмонте еще не выяснен, поэтому для его решения представляется интересным установить основу текста Распространенной редакции Повести о Довмонте. Проблема авторства Повести и перечисленные выше вопросы предлагаются как предмет рассмотрения в данной работе. Текст Повести будет анализироваться по отдельным эпизодам в их хронологической последовательности.

⁶ Е. В. Барсов. Слово о полку Игореве как художественный памятник дружинной Руси, т. I. М., 1887, с. 433.

⁷ ГИМ, собр. Уварова, № 279; ГПБ, Q.I.70.

⁸ ГПБ, собр. Погодина, № 901. Н. И. Серебрянскому были известны два списка в одном сборнике ГИМ, Синодальное собр., № 850.

⁹ XVII в.: ГПБ, Q.XVII.206; собр. Погодина, № 901; ф. 885, Эрмитажное собр., № 390а; ГБЛ, ф. 209, собр. Овчинникова, № 300; ЛОИИ, колл. 238, собр. Н. П. Лихачева, № 101; XIX в.: Древлехранилище Псковского музея-заповедника, № 229; ЦГБ АН УССР, собр. бывш. КДА, № 722/343. Список из собрания Е. В. Барсова обнаружить не удалось. Н. П. Барсуков указывает номер рукописи с Повестью о Довмонте — 116, однако в собрании ГИМ в рукописи с этим шифром данного произведения нет (см.: Н. П. Барсуков. Источники русской агиографии. СПб., 1882, с. 172—173).

¹⁰ Н. И. Серебрянский. Древнерусские княжеские жития, с. 278. Первоначальной редакцией исследователь считал Повесть о Довмонте в составе Псковской первой летописи (там же, с. 274).

Как уже отметил Н. И. Серебрянский, Распространенная редакция — «типичное житие позднего времени». ¹¹ Композиция ее традиционно житийна: вступление, историческая часть, повествующая о жизни князя, его победах над Литвой и Ливонским орденом, описание посмертных чудес, молитвенное обращение к святому. Краткое вступление, тему которого можно обозначить как обличение «безумия, рекше неверия», ¹² подготавливает к изложению историко-биографической части. По агиографическим канонам биографическая часть жития начинается с рассказа о детстве и юности святого. Как правило, эта часть наиболее традиционна, содержит много общих мест, лишена конкретных сведений. В «типичном житии» следовало бы ожидать повторения агиографически отвлеченного рассказа о родителях, воспитании, необычных способностях будущего подвижника. В Распространенной редакции Повести этого нет. Здесь автор избегает общих мест, включая в текст Повести Сказание о Вышелеге, одном из первых литовских князей, принявших христианство, которого он называет старшим братом Довмонта. Традиционный житийный рассказ заменяется в Распространенной редакции повествованием о первых шагах христианства в Литве, иноческих добродетелях Вышелега, под влиянием которого в душе его брата-язычника Довмонта возникает желание принять истинную веру.

О родственных отношениях Довмонта с другими литовскими князьями в разных источниках даются противоречивые сведения. ¹³ Впервые Довмонт называется младшим братом Вышелега и сыном князя Миндовга, известного своей деятельностью по созданию Литовского государства, ¹⁴ в Родословной великих князей литовских. Эта Родословная возникла в начале 30-х гг. XVI в. в Москве, вошла в Воскресенскую летопись и затем в Государев родословец. ¹⁵ Данная редакция Родословной ведет происхождение литовских князей от полоцкого князя Ростислава Роговолодовича, т. е. от Рюриковичей, сыновья которого Давил и Мовколд были приглашены княжить в Литву. М. Е. Бычкова в своих работах, посвященных генеалогии князей литовских, ¹⁶ обратила внимание на тенденциозный подбор имен князей в Родословной 30-х гг., хронологические неувязки. По ее мнению, это свидетельствует об определенной политической позиции автора этой редакции Родословной. В ранних редакциях Родословной (Послание Спиридона-Саввы, Сказание о князьях владимирских) использовалась легенда о происхождении князей литовских от Гедимина, «раба» князя Витеня. Редакция 30-х гг. подчеркивала царское происхождение литовских князей, родственные связи между князьями

¹¹ Там же, с. 278.

¹² Там же. Приложение. Текст Распространенной редакции Повести о Довмонте, с. 143. Далее при цитировании Средней и Распространенной редакции страницы указываются в тексте в скобках.

¹³ Вопрос о происхождении Довмонта остается нерешенным. Анализ дошедших до нас сведений о родственных связях князя и его жизни в Литве не входит в задачи данной работы.

¹⁴ См.: В. Б. Антонович. Очерк истории великого княжества Литовского до половины XV столетия. Киев, 1878; В. Т. Пашуто. Образование Литовского государства. М., 1959.

¹⁵ Родословная великих князей литовских помещается отдельной статьей до Воскресенской летописи (см.: БАН, 34.5.24, л. 52—54), часть ее затем включается в текст Воскресенской летописи под 6772 г. (см.: ПСРЛ, т. VII. СПб., 1856, с. 164—166). См.: Родословная книга князей и дворян российских и выезжих. (Бархатная книга), т. I. М., 1787, с. 28—30.

¹⁶ М. Е. Бычкова. Отдельные моменты истории Литвы в интерпретации русских генеалогических источников XVI в.— В кн.: Польша и Русь. М., 1974; М. Е. Вуцкова. Legenda o pochodzeniu wielkich książąt litewskich. Redakcje moskiewskie z końca XV i z XVI wieku.— Studia źródłoznawcze, Warszawa—Poznań, 1976, t. XX, s. 183—199.

литовскими и русскими, признавая Гедиминовичей, которые в конце XV—начале XVI в. занимали при московском дворе высокое положение, равными по происхождению русским князьям. Данная редакция Родословной иначе освещает и вопрос о принятии христианства в Литве. Большое место в Родословной занимает рассказ о христианской деятельности Вышеллега (построенный на основе Сказания, входящего в московские летописные своды этого времени), и распространение христианства в Литве относится в ней к более раннему, чем в других генеалогиях, периоду — к XIII в. Именно в этой редакции Родословной (30-е гг. XVI в.) Довмонт становится сыном Миндовга, братом Вышеллега.

Родословная великих князей литовских из Воскресенской летописи и Государева родословца и ее идеи широко распространились в русской письменности середины XVI в. Об этом свидетельствуют и редакции Повести о Довмонте данного времени. Средняя редакция Повести, составленная не ранее 1538 г., в сборниках XVII в. во всех известных нам списках соседствует со «Сказанием о блаженном и приснопамятном князе Вышеллеге в брате благоверного князя Доманта». ¹⁷ Содержание Родословной отразилось и в самом тексте Средней редакции Повести о Довмонте (он называется сыном Миндовга; убийцей последнего считается Гердень). По редакции Повести в Степенной книге, Довмонт также является сыном Миндовга, братом Вышеллега. Авторы этих редакций Повести скорее всего были далеки от полемических целей составителя Родословной великих князей литовских, однако обращались к ней, так как Родословная предоставляла интересные данные о происхождении Довмонта. Полнее всего этот материал о Вышеллеге и Довмонте использовал составитель Распространенной редакции. Если в Средней редакции Сказание о Вышеллеге лишь примыкает к Повести о Довмонте (в сборнике ГИМ, Синодальное собр., № 850 оно находится до текста Повести, а в ГПБ, собр. Погодина, № 901 после него), то в Распространенной редакции Сказание является частью Повести.

Сравнение текстов Сказания о Вышеллеге разных редакций ¹⁸ с повествованием о нем в Распространенной редакции Повести о Довмонте приводит к выводу, что автор ее пользовался текстом Сказания, близким тому, что присоединяется к Средней редакции Повести: рассказ о Вышеллеге в Распространенной редакции имеет почти такую же сюжетную схему, как и в Сказании о Вышеллеге, примыкающем к Средней редакции Повести о Довмонте.

Средняя редакция

- 1) До нашествия Батыя на русскую и литовскую землю в Литве княжил Миндовг, у которого было два сына: старший Вышелег и младший Довмонт.
- 2) Вышелег оставляет отца и отечество, идет на Афонскую святую гору, там при крещении принимает имя Давид.
- 3) Видя добродетельное житие иноков, он сам становится монахом.

Распространенная редакция

- 1) Во времена Александра Невского Литвой правил Миндовг. Характеристика Миндовга-язычника. У него было два сына — Вышелег и Довмонт.
- 2) Вышелег отправляется на Синай, при крещении принимает христианское имя Давид.
- 3) Идет на Святую гору и постригается в монахи.

¹⁷ ГПБ, собр. Погодина, № 901, л. 239—241 об. См. также: Т. Н. Протасьева. Описание рукописей Синодального собрания, ч. II. М., 1973, с. 91, 92.

¹⁸ Для сравнения использовались редакции Сказания Воскресенской летописи, Никоновской летописи, Степенной книги, варианты летописной редакции, которая впервые читается в Н1Л (6773 г.), а затем почти без изменений (в основном сокращения) переносится из свода в свод (см.: С1Л, Никаноровская, Вологодско-Пермская, Типографская, Ермолинская, Львовская летописи, своды 1479, 1497, 1518 гг.).

4) После трех лет монашества Вышелег возвращается на родину, чтобы обрратить в христианство отца.

5) Вышелег проповедует христианство, но безуспешно. Миндовг лаской и силой пытается отвлечь сына от правой веры.

6) Уходит от отца и создает монастырь «некоем месте».

7) 6771 г. В Литве начинается борьба за власть. «Сродницы» убивают Миндовга и полоцкого князя Товтивила. Довмонт бежит во Псков.

8) Услышав об убийстве отца, Вышелег оставляет монастырь, собирает друзей отца, войско, идет на Литву и мстит за отца его врагам.

9) Вновь «облечется во ангельский образ», уходит на Святую гору, где и умирает.¹⁹

4) Через некоторое время оставляет свою келию и возвращается в Литву.

5) На родине распространяет христианство, ниспровергает идолов, хочет обрратить в истинную веру отца, но не достигает своей цели.

6) Возвращается на Святую гору.

7) Через некоторое время в Литве начинается междоусобная война. «Сродниками» убит Миндовг.

8) Весть об убийстве отца доходит до Святой горы. Вышелег снимает с себя иноческие ризы, собирает друзей отца, войско, идет на Литву, убивает многих литовских князей.

9) Возвращается на Святую гору, где и умирает.

Сказание о Вышелеге при Средней редакции и рассказ о нем в составе Распространенной редакции роднит ряд особенностей. В том и другом тексте указывается христианское имя Вышелёга — Давид, повествование заканчивается сообщением о его возвращении на Святую гору, не говорится, что убийцей Миндовга был Гердень. Оба текста сближает и общая мысль: именно Вышелег наставляет на путь истинной веры младшего брата Довмонта.²⁰ Но между текстами есть и различия. В Сказании при Средней редакции Повести о Довмонте Вышелег уходит на Афон; в Распространенной редакции, как и во всех остальных редакциях Сказания о Вышелеге, — на Синай. После неудачной проповеди христианства в Литве Вышелег, согласно Сказанию при Средней редакции, создает монастырь, в Распространенной редакции Повести о Довмонте — возвращается на Святую гору. И хотя тексты Сказания о Вышелеге при Средней редакции и в Распространенной редакции Повести о Довмонте почти совпадают в последовательности эпизодов и содержат ряд общих фактических деталей, их нельзя непосредственно возводить друг к другу, так как в изложении нет текстологических соответствий. Рассказу о Вышелеге в Распространенной редакции текстуально более близок рассказ об этом литовском князе из Сокращенной литовской летописи.²¹

Сокращенная литовская летопись не была предметом специального исследования. В. А. Чемерицкий в своей книге «Белорусские летописи как памятники литературы» коснулся вопроса ее происхождения. Исследователь считает, что Сокращенная литовская летопись является московской переработкой Смоленского свода 1446 г. и возникла в 20-е гг. XVI в. В редакции 20-х гг. свод 1446 г. не только сокращен, но и дополнен известиями, среди которых Сказание о Вышелеге и отрывки Повести о Дов-

¹⁹ Используется список Сказания в рукописи ГПБ, собр. Погодина, № 901, л. 239—241 об.

²⁰ Ср.: Сказание о Вышелеге при Средней редакции: «Паче же печашеся о единопороднем брате своем Доманте и многожды писанием божественным поучаше и восписоваше ему, дабы оставил идольское служение и пришел бы от тмы на свет» (ГПБ, собр. Погодина, № 901, л. 240 об.). Распространенная редакция: «От него же сладкое то учение юнешии его брат, прержереченныи князь Домант восприим, верова. Косну бо ся тогда сердцу его утешителева благодать, и оттоле искаше времени подобна, да избежит прелести; последи еже и бысть» (с. 144). Из сравнения цитат следует, что речь может идти именно об общности мысли, но не о текстологической близости.

²¹ Принимаем название, данное этому памятнику Г. Бугославским. См.: Смоленская старина, вып. 1, ч. II. Смоленск, 1911, с. 1.

монте, открывающие текст летописи. Источники последних добавлений не выяснены. Во всяком случае мнение В. А. Чемерицкого, что Сказание о Вышелеге построено на основе Галицко-Волынской летописи, ошибочно.²²

В Сокращенной литовской летописи, как и в Распространенной редакции Повести о Довмонте, приводится христианское имя Вышелега и говорится о его возвращении на Святую гору. Кроме того, имеются общие чтения в эпизодах 3, 8, 9.

Сокращенная
литовская
летопись

И сказа свою мысль игумену, и благословение прием от него, сложи с себя иноческия ризы, но правила иноческаго никако же не измени. И облечея в воинский чин, собрав себе вои мнозе и отца своего приятели и боляр, и пришед ратью на поганую Литву, и помощю божиею одоле сродник и убиц отца своего, литовских многих князей побил, и паки возвратись в Святую гору, и в иноческом житии скончася.²³

Распространенная
редакция

...сеи бо, услышав убиение отчее, поведает мысль свою игумену, и благословение прием от него, сложи с себя иноческия ризы, но правила иноческаго никако же измени, и облечеся в воинский чин, и собра вои многи и отца своего приятели, боляр, и помолився Христу, прииде ратию на поганую Литву, и божиею помощию одоле убицам, и многи князи литовския изби. . . паки возвратися во Святую гору, иде же добре иночествовав, житию ковец прият (с. 144—145).

Софийская I
(6773 г.)

По убиении же отца своего. . . соима с себе ризу свою, а устава мнишьскаго не отпустися, и совкупив около себе вои многи и отца своего приятели, и помолися Христу, и шед на поганую Литву, и победи я, и стоя на земли их все лето.²⁴

Однако и Сокращенная литовская летопись не может считаться непосредственным источником Распространенной редакции, так как в ней нет эпизодов 1, 4—6 и последовательность иная: 7, 2, 3, 8, 9, а содержание эпизода 7 идентично Сказанию при Средней редакции, только здесь не говорится о победе Довмонта в Псков. Не упоминает Сокращенная литовская летопись и о родственных отношениях Вышелега и Довмонта. Идентичность некоторых сведений в трех памятниках и частичное текстуальное совпадение Распространенной редакции с Сокращенной литовской летописью убеждают в том, что их авторы пользовались общим, но дошедшим до нас источником, чем и объясняются особенности взаимоотношений этих трех произведений.

Таким образом, из сравнения разных редакций Сказания о Вышелеге следует вывод, что составитель Распространенной редакции располагал источниками разного времени и происхождения. Ему была известна редакция Сказания о Вышелеге, возникшая до XVI в. и отразившаяся, кроме Распространенной редакции, в Сокращенной литовской летописи (20-е гг. XVI в.). В текст этого не дошедшего до нас Сказания автором Распространенной редакции были внесены дополнения по Родословной князей литовских в редакции 30-х гг. XVI в., сближающие рассказ о Вышелеге в Распространенной редакции со Сказанием при Средней редакции Повести о Довмонте.

Определение источника затрудняется еще и тем, что автор, используя многие материалы о Вышелеге, обрабатывает их согласно литературным

²² В. А. Ч а м я р ц к и. Беларускія летапісы як помнікі літаратуры. Мінск, 1969, с. 127—132.

²³ Смоленская старина, с. 5.

²⁴ ПСРЛ, т. V. СПб., 1851, с. 192. То же читаем в Н1Л; в сокращении этот же текст передают Никаноровская, Вологодско-Пермская, Типографская, Ермолинская, Воскресенская летописи, своды 1479, 1497, 1518 гг.

вкусам и нормам своего времени и агиографическим задачам. Рассказ начинается характеристикой язычника Миндовга, она дается не столько с позиций историка, сколько агиографа. Автор далек от того, чтобы нарисовать истинную картину политической борьбы того времени, когда Миндовг «нача княжити один во всей земле Литовской и нача гордети велми и вознесеся славою и гордостью великою». ²⁵ Основное внимание уделяется описанию отношений язычника Миндовга и его сына христианина. Образ Вышелегга наделяется идеальными чертами подвижника, имеющими мало общего с историческим героем — иноком, который забывает о монашеском обете и активно включается в борьбу за власть, мстит за смерть отца. Роль Довмонта в сложных отношениях между литовскими князьями остается совершенно непонятной.

Летописные редакции Повести ²⁶ не сообщают ничего конкретного о причинах побега Довмонта в Псков, но связывают его с междоусобной войной в Литве после убийства Миндовга. Автором Распространенной редакции почти полностью игнорируются исторические причины ухода Довмонта, поступок Довмонта объясняется религиозными побуждениями: он отправляется в Псков, стремясь «Христу крещением присвоитися» (с. 145). Повторяя общую для многих редакций схему развития действий (Довмонт «со всем родом своим, з боляры и отроки» идет в Псков и принимает крещение, исковичи доверяют ему княжение), Распространенная редакция дополняет этот эпизод психологическими мотивировками, размышлениями героя. Многословный период, рассказывающий о колебаниях Довмонта перед уходом в Псков, о решении креститься, «просветлении» после крещения, построен довольно искусно и психологически убедительно, но не открывает в князе индивидуальных черт, подчеркивая такие традиционные для подвижника черты, как благочестие и смирение. Именно христианские добродетели Довмонта, по мнению автора, покорили псковичей, и они решили избрать его своим князем. Другие редакции Повести о Довмонте не освещают тех причин, которые побудили псковичей взять князем иноплеменника, да еще без одобрения Новгорода.

Как видим, автор Распространенной редакции, создавая образ благочестивого князя (христианское имя Довмонта Тимофей значит «благочестивый»), много внимания уделяет его религиозным достоинствам. Агиографические тенденции проявляются и в характеристике Довмонта — политика и правителя, которая следует за известием об избрании его на псковское княжение. Она отвлеченна и обща, похожа на многие другие характеристики князей, в которых стираются индивидуальные черты, а на первый план выдвигаются те, что соответствуют, по христианской этике, представлениям о князе-святом. В этой вариации в заданном жанре и стиле действительно чувствуется опытная рука начитанного автора, знакомого с общежитийными схемами и обрабатывающего, согласно этим схемам, исторический материал о времени Довмонта.

Основой для рассказа о первом походе нового псковского князя на Литву (6773, 6674 гг.) является текст, близкий тому, что читается в Сокращенной литовской летописи. В том и другом памятнике говорится о внезапном нападении Довмонта на литовского князя Герденя, сообщается, что Довмонт взял в плен княгиню Герденя и «дети его» (с. 147) («дети их» — в Сокращенной литовской летописи). ²⁷ При описании погони Герденя

²⁵ ПСРЛ, т. II. М., 1962, с. 858.

²⁶ Повесть о Довмонте читается в Псковских летописях, С1Л, Н4Л, Н5Л, Новгородской Карамзинской, своде 1479 г., Вологодско-Пермской, Типографской, Никаноровской, Львовской, Ермолинской, Никоновской летописях, сводах 1497 и 1518 г., Владимирском летописце.

²⁷ Смоленская старина, с. 6.

за Довмонтом в Распространенной редакции и Сокращенной литовской летописи не перечисляются имена князей, объединившихся с Герденем,²⁸ а общее количество воинов, отправившихся с ним в погоню за Довмонтом, определяется числом 800 (эту же цифру дает и Владимирский летописец), в остальных редакциях — 700. Повествуя о результатах битвы с Герденем на Двине, Распространенная редакция указывает иное, чем в других редакциях, число убитых литовцев — 600, и в этом также подобна Сокращенной летописи. Сходство с последней подтверждается и микроцитатами из нее в Распространенной редакции: почти дословно совпадает с Сокращенной литовской летописью боевой призыв Довмонта, близка по тексту к Сокращенной литовской летописи и молитва Довмонта перед боем. Для доказательства близости двух памятников приведу лишь один пример.

Сокращенная
литовская
летопись

Князь же литовский Гердень, услышав, что князь Домант землю его повоевал и княжню его и дети пленение, и абие ополчился с братиею своею и сродники и, собрав вои восемь сот, и погнаша за князем Домантом с яростию великою, гордяшся и хотяще его злой смерти предати (Смоленская старина, с. 6).

Распростра-
ненна
редакция

Злочестивый же князь Гердень, слышав пленение земли своей и княгини и чад. . . люте яростию разжегся, ополчился з братиею своею и со сродники, собра вои 8 сот. . . вслед князя Доманта жениху с великою яростию, хвалящся всуе на погубление его. . . (с. 147—148).

С1Л

Князю же Герденю с своими князи не бывшу дома, приехаша в домы своя, оже домы их и земля пленена вся; ополчи же ся князь Гердень, и Готорт, и Люмбей, и Люгайло и прочии князи Литовские, в семи сот погнашася в след князя Домонта, хотяще его руками яти и лютой смерти предати, а мужи исковичи мечем изсеци.²⁹

Но ни фактические, ни текстологические совпадения Распространенной редакции и Сокращенной литовской летописи еще не служат доказательством их непосредственной связи. Вероятнее всего, и Распространенная редакция, и Сокращенная литовская летопись восходят к одному источнику, более обширному, чем текст Сокращенной литовской летописи. Содержание всего описания первого похода Довмонта на Литву в Распространенной редакции Повести не совпадает полностью с Сокращенной литовской летописью. Так, например, в последней нет диалога Довмонта со стражами. Текст этого диалога в Распространенной редакции Повести о Довмонте сходен с текстом в ПЗЛ, С1Л (и близких ей летописях), но соответствия только смысловые и композиционные. Аналогии с П2Л, ПЗЛ, С1Л наблюдаются и в молитве Довмонта.³⁰

Остальные дополнения к описанию первого похода Довмонта на Литву в Распространенной редакции носят литературный характер. Автор, не довольствуясь сухим изложением событий, вносит новые подробности, сочиненные по образцу воинских и житийных повестей, дает психологическое толкование событий. Например, в большинстве редакций Повести нет указаний на то, почему Довмонт так быстро решил начать войну со своей покинутой родиной. Н1Л, С1Л и редакция Степенной книги видят в этом поступке Довмонта стремление «побарати по святой Софии и по святей Троице и отмыстити кровь христианскую».³¹ Распространенная

²⁸ Это перечисление содержат все тексты Повести, кроме Н1Л и Степенной книги.

²⁹ ПСРЛ, т. V, с. 193. Тот же текст читается в П1Л, П2Л, ПЗЛ, Никаноровской, Вологодско-Пермской. Более краткие варианты содержат все другие летописные тексты Повести о Довмонте.

³⁰ В этих редакциях Повести содержится более полный текст молитвы, имеющий совпадения с Распространенной редакцией, краткий — во всех других летописях.

³¹ ПСРЛ, т. V, с. 192. Тот же текст в Н1Л и Степенной книге.

редакция объясняет его желанием отомстить за кровь отца. Причем этой естественной и земной человеческой страсти придается христианская окраска: Довмонт часто со слезами вспоминал о смерти Миндовга, больше всего он печалился «о неспособности его божественному крещению» (с. 147). Однако остается непонятным, почему Довмонт, «яростию разжигаем. . . на убица» (с. 147), отправляется во владения князя Герденя: об участии последнего в убийстве Миндовга в Распространенной редакции не говорится.³² Только в Распространенной редакции мы находим описание действий Довмонта против «безбожных супостатов», поведения населения Литвы и подробное изображение боя на Двине. Пользуясь давно известными в древнерусской литературе формулами, автор Распространенной редакции создает, однако, необычно живые и оригинальные зарисовки хода битвы, отчаяния литовцев, храбрости Довмонта и псковичей. Преследуя не столько исторические, сколько дидактические цели, автор не стремится достигнуть исторической полноты и точности. Так, он опускает имена стражей, которых оставляет Довмонт на Двине, ожидая погони. В большинстве редакций Повести они названы — Лука и Давид. Н4Л, Н5Л, Новгородская Карамзинская летопись, Сокращенная литовская летопись, Средняя редакция Повести и редакция Степенной книги ограничиваются замечанием: «. . .сторожи постави на Двине»,³³ не уточняя, сколько их было. Формулировка Распространенной редакции: «. . .два некая стражи постави у прехода реце» (с. 147) — свидетельствует о знакомстве с источниками первого типа. Без деталей сообщает Распространенная редакция и о результатах битвы. Не говорится, например, что в бою был убит литовский князь Готорт, не называется остров, на который были выброшены рекой 70 литовцев. Все дошедшие до нас редакции Повести (и Сокращенная литовская летопись в том числе), кроме Н1Л и Степенной книги, подробно излагают итоги сражения, упоминая о смерти Готорта, называя остров, на который были выброшены литовцы (Гаидов, или Глидов), сообщая, что из псковичей был убит лишь один Онтон, Лочков сын.³⁴

Поскольку текст о Довмонте в Сокращенной литовской летописи заканчивается описанием битвы с Герденем, сделаем несколько замечаний. Как видим, вопрос об источниках Сокращенной литовской летописи и Распространенной редакции Повести о Довмонте более сложен, чем это может показаться на первый взгляд. Ряд общих чтений Распространенной редакции Повести и Сокращенной литовской летописи, отличающих их от всех остальных редакций Повести о Довмонте, свидетельствует о существовании не дошедшей до нас редакции Повести. Из нее автором Распространенной редакции заимствованы редкие чтения, сохранившиеся, кроме Сокращенной литовской летописи, еще во Владимирском летописце, псковских летописях. По-видимому, текст этой недошедшей редакции значительно отличался от известных нам редакций Повести о Довмонте, так как в дальнейшем при определении источников Распространенной редакции речь пойдет о композиционных, смысловых соответствиях, но очень редко можно будет опираться на текстуальные аналогии. Параллели к изложению последующих событий из жизни Довмонта отыскиваются в разных источниках.

³² Герденя называют убийцей Миндовга Воскресенская летопись, Родословная князей литовских (из Бархатной книги) и Средняя редакция Повести.

³³ ПСРЛ, т. IV, ч. 1, вып. 1. Пг., 1915, с. 235.

³⁴ См.: П1Л, П2Л, П3Л, С1Л, Н4Л, Н5Л, Новгородская Карамзинская, свод 1479 г., Типографская летопись, Владимирский летописец, Средняя редакция Повести о Довмонте. Без имени, «единого псковитина» (Ермолинская и Львовская летописи, своды 1497, 1518 гг.). Сокращенная литовская летопись не содержит этого известия.

Трудно судить, что послужило Распространенной редакции Повести о Довмонте основой для сообщения о походе на Псков Ярослава Ярославича, видимо, недовольного избранием Довмонта. Это известие помещают все летописные редакции Повести, кроме псковских. Они сообщают, что Ярослав Ярославич был вынужден повернуть свои полки, так как новгородцы «возбраниша ему»,³⁵ «не восхотеша того».³⁶ Некоторые из летописей приводят слова новгородцев к князю: «Оли, княже, тебе с нами уведевшися, тоже ехати в Пльсков».³⁷ Если летописные редакции лишь констатируют факт похода, то в Распространенной редакции описание его полно субъективных оценок: «. . . прииде Ярослав Ярославич в великии Новгород со мною силоу, гордостю побежаем, хотяще ити на богохранимый град Псков и на блаженнаго князя Тимофея. Новгородцы же, богом вразумени бывше, умолиша его не ратовати Пскова, и отосла князь воинство вспять» (с. 149). Для этой житийной и благочестивой картины явно не подходит предостережение новгородцев. Текстуральную разницу Распространенной редакции с другими редакциями Повести можно объяснить поэтому не только источником, но и их стилевой несовместимостью.

Рассказ Распространенной редакции Повести о Довмонте о втором походе псковичей во главе с Довмонтом на Литву (6775 г.) имеет больше совпадений с текстом Н4Л, Н5Л, Новгородской Карамзинской, Владимирским летописцем, Средней редакцией Повести и Никоновской летописью. От Н1Л и С1Л (списки Оболенского и Карамзинский) Распространенная редакция отличается тем, что в ней, как в Н4Л и др., говорится о гибели князя Гердена. Однако, совпадая с Н4Л в сообщении о смерти Гердена, Распространенная редакция иначе трактует события. Согласно летописным редакциям, инициатива похода принадлежала новгородцам, а псковичи лишь участвовали в нем. В Распространенной редакции Повести акценты меняются. Руководство походом приписывается одному Довмонту, а об участии в нем новгородского посадника даже не упоминается. Такая обработка материала свидетельствует о псковской ориентации автора Распространенной редакции или источника этой редакции Повести.

Сказание о совместном походе русских князей на Раковор впервые читается в Н1Л старшего извода, отсюда оно заимствуется протографом Н4Л—С1Л и затем попадает во многие летописные своды XV—XVI вв. (6775—6776 гг.). Распространенная редакция Повести о Довмонте очень сжато излагает обстоятельства этого похода и дает иную датировку сражения. Согласно большинству летописных источников, русские князья выступили к Раковору 23 января, а 18 февраля на реке Коголе их встретили немецкие полки и состоялся бой. В Распространенной редакции Повести битва датирована 23 января, такой датировки нет в известных нам редакциях Повести. Ошибочная датировка возникла, вероятно, под влиянием непосредственного источника Распространенной редакции, так как обычно ее автор внимателен к историческим фактам. Предельное сокращение рассказа о походе на Раковор могло быть вызвано как источником (псковские летописи также содержат краткие заметки об этом событии, но содержание их иное), так и авторской правкой — автор Распространенной редакции Повести о Довмонте сознательно исключает многие факты и подробности, не имеющие прямого отношения к Довмонту и Пскову.

³⁵ Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М.—Л., 1950, с. 85, 315. То же: С1Л, свод 1479 г., Воскресенская летопись.

³⁶ ПСРЛ, т. XXIII. СПб., 1910, с. 87. То же: Львовская летопись и своды 1497, 1518 гг.

³⁷ Новгородская первая летопись, с. 85, 315. То же: С1Л, свод 1479 г., Владимирский летописец, Воскресенская летопись.

Возвращаясь от Раковора, Довмонт опустошил Поморье. Рассказ Распространенной редакции Повести о походе «на вируян» является переделкой текста, близкого Н4Л, Н5Л, Новгородской Карамзинской, Никоновской летописям и Средней редакции Повести. В С1Л, П1Л, П3Л рассказ завершается славой храбрости Дмитрия Александровича и зятя его Довмонта, новгородцев и псковичей. Этого фрагмента нет в Н4Л и Распространенной редакции. Но если во всех редакциях поход «на вируян» трактуется как еще одно доказательство храбрости псковичей и воинских талантов Довмонта, то в Распространенной редакции Повести действиям Довмонта придается религиозная окраска: он не только завоевал Поморье, но и «жилища демоньская, рекше кумирница, разори, божественною ревностию разжигаем, сонм идолослужитель, яко стада овчая, распуди. . .» (с. 150).

Сообщение о приходе немцев под Псков «в неделю всех святых» (6777 г.) есть во всех летописях, помещающих Повесть о Довмонте, кроме псковских. По летописным редакциям, немцы после десятидневной осады Пскова отступили, так как узнали о новгородцах, подходивших к Пскову. Согласно Распространенной редакции, немцы «изблени быша мужеством блаженнаго князя Тимофея» (с. 150), т. е. здесь вновь умалчивается о помощи новгородцев.

Общим для всех редакций фактическим материалом (псковским по происхождению) пользуется Распространенная редакция при рассказе о нашествии ливонских рыцарей на Псков (6779 г.), походе рижского магистра (6780 г.), нападении ливонцев и ответном походе Довмонта на Чудь, риторически оформляя его, пополняя общий текст рассуждениями о намерениях «поганых», этикетными сравнениями и образными зарисовками сражений. Дополнительно в Распространенной редакции Повести только указывается, что Исидор, благословляющий Довмонта на битву с магистром, был игуменом Мирожского монастыря. Так называет Исидора и Средняя редакция Повести. Но маловероятно, что именно данная редакция была источником этого чтения в Распространенной редакции, так как последовательность событий в Средней редакции иная, чем в других редакциях Повести и в Распространенной редакции. К выводу о том, что составитель Распространенной редакции не пользовался текстом Средней редакции, приводит и сравнение записей о закладке Довмонтом церквей. Обе редакции совпадают только в известии о строительстве церкви Федора Стратилата. Другие записи настолько различны и в фактическом и в текстуальном отношении, что невозможно предположить даже использование общего источника.

Средняя редакция

После удачного похода на Литву и победы над Герденем Довмонт заложил церковь во имя Леонтия Трипольского («. . . и коего дни бысть преславная та победа, созда князь блаженный храм во имя святого») (с. 140).

После победы над магистром Ливонского ордена «повеле блаженный храм поставити во имя святого великомученика Феодора Стратилата» (с. 141—142).

После сожжения обители на Снетной горе и гибели игумена Иоасафа с братиею Довмонт вновь создает каменный храм и

Распространенная редакция

После победы над Герденем и несостоявшегося похода Ярослава Ярославича Довмонт поставил церковь во имя святого мученика Тимофея (с. 151).

После битвы на Мироповне построил церковь во имя страстотерпца Георгия (с. 151).

После победы над магистром Ливонского ордена «благочестивый князь созда церковь во имя святого мученика Христова Феодора Стратилата» (с. 152).

О помощи Довмонта при строительстве Снетогорского монастыря не упоминается. Разорение монастыря и убийство

«от своего праведного имени и монастырю на строение даст имени много» (с. 142). Сообщение помещено до известия о битве на Миropовне.

Иоасафа приурочиваются к 1299 г., как и в псковских летописях.

Откуда могли быть почерпнуты сведения об Исидоре и данные о закладке церквей? Н. И. Серебрянский полагает, что имя игумена Исидора «заимствовано, вероятно, из старинной записи или монастырской, или троицкой».³⁸ Возможно, к источнику подобного же типа, но разных редакций восходят и известия о церковном строительстве в Средней и Распространенной редакциях Повести.

Подробный рассказ о появлении рыцарей под Псковом, сожжении монастырей, опустошении его окрестностей, битве у церкви Петра и Павла и победе псковичей можно найти в Повести о Довмонте псковских летописей, откуда он заимствуется другими летописными сводами. Но только псковские летописные и Распространенная редакции Повести о Довмонте сообщают, что рыцарями были убиты игумен Мирожского монастыря Василий, снегогорский игумен Иоасаф и псковский священник Иосиф. Псковская 3-я: «... тогда убиен бысть Василии игумен святого Спаса, Иосиф прозвутер, Иасаф игумен святей Богородици Снятой горе, и с ними 17 мних, и черньца, и черници, и убогия, и жены, и малыа детки, а мужь бог ублюде».³⁹ Распространенная редакция: «Тогда же убиен бысть преподобный игумен Иасаф монастыря Снятыя горы и Василии игумен Мирожского монастыря и Иосиф прозвितер, тесным и скорбным путем житие си проходяще, мучением приаща конец и бесконечное получиша блаженство; тако же и убогих жен и детеи множество избieno бысть от поганых» (с. 153). Из сравнения текста видно, что источником Распространенной редакции едва ли могла быть ПЗЛ. Если бы Распространенная редакция непосредственно восходила к тексту ПЗЛ, между ними было бы больше текстуальных совпадений. Вероятнее всего, автору Распространенной редакции был известен текст, близкий протографу дошедших до нас списков псковских летописей, или его источник.⁴⁰ Как и в П2Л, в Распространенной редакции Повести не указывается, что нападение ливонцев произошло в день святых мучеников Павла и Ульяны, хотя датировка по ортодоксальному календарю святых постоянно употреблялась в ней. В П1Л только в Архивском списке есть сообщение о гибели священников, но в ином виде,⁴¹ а в П2Л не упоминается об Иосифе прозвитере. Как в П1Л и П2Л, в Распространенной редакции не говорится о 17 монахах, сожженных вместе с Иоасафом в Снегогорском монастыре.

Утренний приступ на Псков 5 марта в Распространенной редакции описывается не так подробно, как в других редакциях Повести: не указывается, что битва состоялась у церкви «Святого Петра и Павла на брезе»,⁴² что пленных вельневичан Довмонт отправил к князю Андрею. Возможно, об этих подробностях не упоминал источник Распространенной редакции (о вельневичанах не сообщает, например, и Средняя редакция Повести). Но вполне вероятно, что это особенность только Распро-

³⁸ Н. И. С е р е б р я н с к и й. Очерки по истории монастырской жизни в Псковской земле. М., 1908, с. 39.

³⁹ Псковские летописи, т. II. М., 1955, с. 86.

⁴⁰ Имена убитых немцами псковских священников считаются поздней интерполяцией. Н. И. Серебрянский полагал, что они внесены из синодиков Спасского и Мирожского монастырей. См.: Н. И. С е р е б р я н с к и й. Очерки по истории монастырской жизни в Псковской земле, с. 39. Ср.: А. Н. Н а с о н о в. Из истории псковского летописания, с. 286.

⁴¹ «Тогда убиен бысть Василии игумен святого Спаса, Иосиф поп, Иасаф игумен» (Псковские летописи, т. I. М.—Л., 1941, с. 4).

⁴² Там же, с. 4. То же: П2Л, ПЗЛ, Н4Л, С1Л, свод 1479 г., Средняя редакция ■ г. д.

страненной редакции, в тексте которой опускаются некоторые конкретные детали — имена, топографические названия.

В Повести П1Л и П3Л описание победы над ливонцами заканчивается похвалой Довмонту и русским князьям, защищавшим Новгород и Псков. Похвала в Распространенной редакции Повести о Довмонте и в Повести из псковских летописей сходна лишь в сопоставлении спасения Пскова и Новгорода с чудесным избавлением Иерусалима и в перечне имен князей. Псковская 1-я: ⁴³ «Тако же и великий князь Александр и сын его князь Дмитрей с своими боляры и с мужи новгородцы и з зятем своим Довмонтом и с его мужи псковичи побежая страны поганья Немець и Литву, Чюдь и Корелу. То не единого ли ради Езекея сохранен бысть Иерусалим от пленения Сенахиримля, царя Асирииска? И паки же и великим князем Александром, и сыном его Дмитрием, и зятем его Довмонтом спасен бысть Новъград и Псков от нападания паганых немецъ».⁴⁴ Распространенная редакция Повести о Довмонте: «Древле убо, братие, блаженным великим князем Александром Ярославичем и сыном его князем Дмитрием, тако же и зятем его, иже zde воспоминаем, блаженным князем Домантом, множицею спасени быша гради наши великии Новград и Псков от нашествия поганых и безбожных иноплеменик. О таких убо писание глаголет: аще князи праведни бывают в земли, то многа согрешения отдаются земли той; яко же и древле бысть во дни Исаия пророка: не единого ли ради Иезекия сохранен бысть Иерусалим от пленения Сенахирима, царя Асирииска; сице и zde сохрани господь град Псков от разорения поганых молитвами раба своего блаженнаго князя Гавриила чудотворца и заступлением благочестиваго князя Тимофея-Доманта» (с. 154).

Если совпадение в сравнении с Езекием можно отнести за счет обращения к общему фонду библейских сравнений (отметим почти полное текстуальное совпадение этих сравнений), то упоминание Дмитрия Александровича и определение Довмонта как «зятя его» не кажется случайной параллелью. Имя князя Дмитрия появляется в тексте второй раз, впервые оно возникает при описании Раковорского похода. Причем автор Распространенной редакции не выделяет Дмитрия особо из числа остальных князей, принимавших участие в походе, в то время как новгородские памятники отводили ему главную роль, а псковские изображали события так, что создавалось впечатление, будто в походе участвовали только князь Дмитрий и Довмонт. У автора Распространенной редакции не было особых поводов прославлять князя Дмитрия как защитника Пскова. Не говорится в Распространенной редакции и о женитьбе Довмонта на дочери Дмитрия Марии. Следовательно, включение имени Дмитрия в перечень князей и определение Довмонта как зятя его навеяно каким-то источником. Одно и то же место похвалы в композиции Повести (после рассказа о победе 1299 г.), совпадения в перечислении князей, отстоявших Псков, сопоставлении с Езекием и именовании Довмонта зятем Дмитрия свидетельствуют, на наш взгляд, о знакомстве составителя Распространенной редакции с Повестью о Довмонте, подобной той, что входит в П1Л и П3Л. Возвести же чтения Распространенной редакции к текстам дошедших до нас псковских летописных редакций Повести нет достаточных оснований. В этом убеждает и сравнение рассказа о кончине и погребении Довмонта в летописных и Распространенной редакциях Повести о Довмонте. Непсковские летописи помещают лишь краткую запись о его смерти.

⁴³ Начало обширной похвалы, не имеющей общих чтений с Распространенной редакцией, опускаю.

⁴⁴ Псковские летописи, т. I, с. 4.

В Повести псковских летописей сообщается о болезни Довмонта, его кончине (в ПЗЛ идет краткая похвала князю), проводах всем Псковом и погребении в Троицкой церкви, печали и плаче псковичей. Этой же схеме следует рассказ о смерти Довмонта и в Распространенной редакции. После описания христианских добродетелей князя повествуется о том, что он, «старостию побежаем», «недугом телесным обята, изнемогати начат» и что, чувствуя приближение кончины, он призывает старейшин города, домочадцев, дает им последние наставления и после прощанья с ними причащается. Далее следует сообщение о смерти, проводах, общих слезах и погребении в Троицкой церкви. Очевидно, что первая схема наполняется еще некоторыми общими эпизодами агиографического характера. Возникло ли сходство композиций в результате следования житийным традициям, или же в Распространенной редакции происходит обработка и расширение по агиографическим канонам псковского материала? Об этом судить трудно, так как рассказ псковских летописей в сравнении с Распространенной редакцией Повести слишком краток. Можно указать лишь на сходство одного выражения, но и оно принадлежит к общим формулам описания погребения князей: «. . . положиша честное тело его в храме живоначальная Троица с похвалами и пении и песньми духовными» (с. 155).⁴⁵

Описание посмертных чудес, входящее в состав Распространенной редакции, не кажется поздним добавлением, так как оно органично входит в композицию Повести и выдержано в том же стиле, что и биографическая часть. Вслед за сообщением о погребении Довмонта следует риторический вопрос: «Кая же убо, яже по кончине, сего чудная бывают?» (с. 155). После общей характеристики чудес Довмонта идет рассказ об исцелении слепой у рака святого, близкий к статье 7046 г. ПЗЛ в списках Погодинском и Оболенского. Второе чудо — исцеление слепого и сухорукого, описанное в Распространенной редакции, не зафиксировано ни в одной из летописей.

Обзор возможных источников Распространенной редакции позволяет утверждать, что она во многом отличается от известных нам редакций Повести. Ее текст не имеет постоянных аналогий с «первоначальным сказанием» (т. е. Повестью о Довмонте ПЗЛ), как считал Н. И. Серебрянский. Автор Распространенной редакции при создании нового произведения о Довмонте следовал редакции, которая существовала до 20-х гг. XVI в., но не дошла до нас, отразившись, кроме Распространенной редакции, в рассказе о Довмонте Сокращенной литовской летописи. По-видимому, редакция Повести, положенная в основу Распространенной, была весьма своеобразной как по содержанию, так и по форме, чем и объясняется тот факт, что почти невозможно установить точные текстуальные параллели между Распространенной и другими редакциями Повести. Распространенная редакция обнаруживает сходство то с псковскими летописными редакциями, то с Повестью о Довмонте из новгородских летописей (НЗЛ и восходящие к ней) или общерусских летописей (СЗЛ и близкие ей), Владимирским летописцем. В Распространенной редакции сообщается о фактах биографии Довмонта, которые известны по летописным сводам, и содержатся сведения, не зафиксированные нигде (например, сообщения о закладке церковей, втором чуде) или сохранившиеся в одном-двух текстах. Трудно сказать, является ли эта «энциклопедичность» чертой источника Распространенной редакции или же результатом работы ее автора, собравшего воедино массу фактов о Довмонте из разных по жанру и со-

⁴⁵ Ср. в ПЗЛ: «. . . и тако положиша и в святей Троици с похвалами и песньми и пении духовными» (Псковские летописи, т. II, с. 87); то же в ПЗЛ.

держанию памятников. Последнее предположение кажется более справедливым.

К описанию чудес в Распространенной редакции Повести присоединяется рассказ о видении Богородицы кузнецу Дорофею во время осады Пскова Стефаном Баторием. Как уже отметил Н. И. Серебрянский, этот рассказ в составе Распространенной редакции Повести о Довмонте весьма близок к тому, что читается во второй редакции Повести о Псково-Печерском монастыре, которая принадлежит инок Григорию. От рассказа о видении в Повести о Псково-Печерском монастыре он отличается началом, где в нескольких словах сообщается, с кем и когда произошло это событие, видение сравнивается с явлением Богородицы Андрею и Елифанию во Влахернской церкви, а также небольшой концовкой, в которой рассказывается о завершении осады Пскова. В остальном автор Распространенной редакции Повести о Довмонте то почти дословно включает в свой текст рассказ из Повести о Псково-Печерском монастыре, то расширяет его за счет агиографической риторики и производит стилистическое редактирование (вводит эпитеты, сравнения, заменяет некоторые слова синонимами более высокого слога), то исключает конкретные детали (не указываются, например, ни дата, ни время явления), приближая рассказ о видении к торжественному повествованию биографической части Повести. Рассказ о видении переходит в завершающее Повесть молитвенное обращение к двум князьям, «двоице богоизбранной» — Довмонту и Всеволоду-Гавриилу.

Являются ли последние статьи добавлением? Н. И. Серебрянский считал, что видение входило «в состав оригинала памятника»,⁴⁶ но никак не обосновал свою точку зрения. Тем не менее при издании текста он опустил последние части — видение и молитву к князьям. Неясно, какими мотивами при этом руководствовался исследователь. Возможно, он не считал нужной публикацию, так как видение было достаточно известно по изданиям Повести о Псково-Печерском монастыре, или же чувствовал его инородность. Действительно, на первый взгляд может показаться, что видение — позднее добавление. Обращает на себя внимание уже его начало: «Достоит же ныне к похвале чудес пресвятыя Богородицы и преблаженных князей Гавриила и Тимофея приложити повесть сицеву».⁴⁷ Такая «связка» необычна для Распространенной редакции — действие ее развивается, подчиняясь течению эпизодов из жизни одного героя — Довмонта и не нуждается в дополнительных связующих звеньях, хотя отдельные эпизоды самостоятельны и сюжетно завершены. Эпизод времен осады Пскова имеет отношение не только к Довмонту — его имя лишь упоминается среди имен семи русских святых, которые явились вместе с Богородицей на стене Пскова перед Дорофеем и молили ее спасти город. Но событие это было настолько важным для псковичей, а доказательств чудодейственной силы Довмонта так мало, что даже факт незначительного участия в спасении города казался знаменательным и ограничиться кратким замечанием было невозможно. В подробном изложении видение уже существовало как самостоятельное произведение (его вторичность в Распространенной редакции не вызывает сомнений), и требовалось только «приложить» его к предыдущему рассказу. Сделано это тем же способом, что и при переходе от вступления к биографической части. Ср.: «От них же убо нам ключимо одному в воспомяновение предложить повести сея» (с. 143) и «. . . достоит же ныне. . . приложити повесть сицеву».

Заключительное обращение к двум князьям не вытекает органично из содержания историко-биографической части — она целиком посвящена

⁴⁶ Н. И. Серебрянский. Древнерусские княжеские жития, с. 280.

⁴⁷ ГПБ, собр. Погодина, № 901, л. 317 об.

Довмонту, а имя Всеволода упоминается очень редко: о его помощи Довмонту говорится только в рассказе о битве с Гердедем. Однако имя Всеволода присоединяется в Распространенной редакции к перечню князей, отстоявших Псков и Новгород, в похвале, которой заканчивается описание военных подвигов Довмонта. Сопоставлением со Всеволодом завершается и перечисление чудес Довмонта: «... и достояние же свое купно, благоверный великий князь Гавриил-Всеволод чудотворец, глаголю, и всеблаженный князь Тимофей Домант к богу молитвами си Псков град утверждают, от нашествия противных возбраняюще соблюдают» (с. 156). Последняя фраза является своеобразным переходом к рассказу о заступничестве двух князей за Псков — видению Дорофея. Таким образом, если молитва к двум князьям в конце Повести и не кажется логическим завершением историко-биографической части, то она связана по смыслу с последними ее разделами. Поэтому нет достаточных оснований считать видение и тесно связанное с ним обращение к Всеволоду и Довмонту поздним механическим добавлением, сделанным уже не автором Распространенной редакции. Напротив, видение и заключительное молитвенное обращение к двум князьям придают Повести вид законченного, построенного по всем правилам житийной литературы произведения.

Как уже говорилось, Н. И. Серебрянский считал, что «Распространенная редакция Довмонтова жития составлена Григорием, который распространил первоначальную редакцию Повести о Псково-Печерском монастыре и Василиево житие князя Всеволода».⁴⁸ Основания для такого заключения Н. И. Серебрянский видел в близости текста видения Дорофею в составе Повести о Псково-Печерском монастыре и в Распространенной редакции Повести о Довмонте, а также в том, что «по приемам переделки старого и по изложению Распространенная редакция жития Довмонта во многом напоминает переделку Василиева жития Всеволода».⁴⁹ Однако сравнение авторских приемов и стиля двух произведений приводит к другим выводам. Василиево житие Всеволода отличается скудостью известий о деятельности князя в Новгороде и Пскове. Григорий, перерабатывая сочинение Василия, старается внести в свой рассказ все сведения из истории, которые имеют хотя бы какое-нибудь отношение к Всеволоду. Стремление к полноте охвата исторического материала характерно и для Распространенной редакции Повести о Довмонте, и в этом сходство ее с переделкой Григория. Но принципы этого отбора в Распространенной редакции совершенно иные. Автором Распространенной редакции Повести о Довмонте используются только те сведения, которые касаются непосредственно Довмонта и Пскова. Григорий же увлекается цитацией летописей, перечисляет массу фактов, имеющих отдаленную связь с жизнью Всеволода (например, передает сказание о дарах Константина Мономаха). Два произведения отличаются не только по приемам отбора, но и использования летописного материала. Григорий переносит летописные заметки в текст Повести о Всеволоде иногда почти без изменений, что совершенно не характерно для автора Распространенной редакции Повести о Довмонте, который подвергает привлекаемый материал житийной обработке, изменяя слог, психологизируя изложение событий и т. д. Если для составителя Распространенной редакции Повести о Довмонте характерна тенденция к исключению многих исторических деталей, хронологических, топографических подробностей, то автор Повести о Всеволоде, напротив, стремится конкретизировать свой рассказ. Так, сообщая о взятии Медвежьей головы и строительстве Новгорода,

⁴⁸ Н. И. Серебрянский. Древнерусские княжеские жития, с. 280.

⁴⁹ Там же.

Григорий добавляет, что произошло это при епископе Иоанне, который был после Никиты, а говоря о закладке церкви Иоанна Предтечи на Петрятине дворце, указывает, что Петрята «бысть пятыи посадник по Гостомысле»;⁵⁰ приводит данные о размере налога, взимаемого с новгородцев, которые уходили к Всеволоду после изгнания князя из Новгорода, и другие детали.

Автора Распространенной редакции Повести о Довмонте отличает последовательное развиваемая теологическая точка зрения на историю. Его произведение — это развернутая иллюстрация тезиса «бранная победа и падение царское без воли божия николи же бывает» (с. 149). Многократно в тексте встречаются ссылки на вразумление свыше, божью помощь, предопределенность событий, божью кару. Григорий весьма редко объясняет события божьей волей, и почти во всех случаях это результат влияния текста Василиева жития Всеволода. Но иногда Григорий не следует Василиеву взгляду на события и причины их видит в ином свете. Например, по Василию, князь Юрий замышляет изгнание Всеволода из Переяславля, побуждаемый дьявольскими наущениями. Григорий излагает причины распри между князьями по летописи: Юрий и Андрей, испугавшись, что Ярополк отдаст престол Всеволоду, вынуждают его покинуть Переяславль.

Ближе к летописи как по описанию, так и по взгляду на происходящее рассказ Григория о битве с суздальцами.

Редакция
Василия

Редакция
Григория

С1Л:

И бысть сеча велиа зело между ими, и поможе бог суздальцем с ростовцы; новгородстии же полцы побежени быша силою божиею, тако богу изволившу.

(ГПБ, собр. Соловецкое, 508/527, л. 281).

...и поидоша на Суздаль ратию со всею Новгородскою областью, и бишася на Ждане горе, и много зла сотворися, убиша посадников и иных хробрых муж много, а суздалец вщеще паде. И сотворивше мир, и вспать возвратишася.

(ГПБ, Q. I. 70, л. 86).

«В лето 6642 иде Всеволод на Суздаль ратью и вся Новгородская область, и бишася на Ждане горе, и много ся зла сътвори, и убиша посадника Иванка, муж храбор зело, и Петрила Микулиничя, и иных мужь добрых много побиха, а суздальцев паде боле. И сътвориша мир, и приидоша вспать».

(ПСРЛ, т. V, с. 157).

Представление о том, насколько различны приемы стилистической обработки и распространения текста источника у Григория и автора Распространенной редакции Повести о Довмонте, дает сопоставление выше цитированного описания боя с описанием одной из битв Довмонта в летописи и Распространенной редакции.

С1Л (6780)

Распространенная
редакция

По временех же неколицех княжения его начаша поганая латына насиллие деяти над исковичи нападением и работою их; боголюбивии же князь Довмонт не терпя обидимым быти от поганых латын, еха со исковичи, плени

Паки же по мале времени поганая латыня начат насильствовати по селом нападением и работою и всякими злыми образы тщашеся, яко зверие дивии, распудити и оскорбити овца божия, их же искупи честною си кровию, си же,

⁵⁰ ГПБ, Q.I.70, л. 78.

М. А. САЛМИНА

Хроника Константина Манассии как источник Русского хронографа

Еще А. Н. Попов в своем «Обзоре русских хронографов», рассматривая состав и источники первой редакции Русского хронографа, отмечал заимствования в нем из Хроники Константина Манассии (далее: Хр. Манассии).¹ Сам факт широкого использования Хроники в Русском хронографе неоспорим, и исследователи в дальнейшем не пересматривали наблюдений А. Н. Попова, а обращались лишь к вопросу о принципах передачи текста Хр. Манассии в хронографе,² о влиянии стиля Хр. Манассии (через посредство Русского хронографа) на памятники исторического повествования XVI—XVII вв.,³ на характеристику этого стиля в системе стилей древнерусской литературы.⁴

В данной статье мы поставили задачу — представить обзор всех заимствований из Хр. Манассии в составе Русского хронографа, в его первой редакции 1512 г. (далее: Хр. 1512).⁵ Сделать это необходимо, во-первых, потому, что А. Н. Попов ограничивался сопоставлениями текста хронографа с греческим текстом Хр. Манассии и «болгарским списком» (т. е. с Синодальным списком Хроники — ГИМ, собр. Синодальное, № 38) в общей форме, указывая лист Синодальной рукописи и соответствующие строчки греческого текста, но не приводя самого текста (начала и конца его), что затрудняет отождествление текстов Хр. 1512 и Хр. Манассии. Во-вторых, А. Н. Попов не учел все случаи заимствований из Хр. Манассии.⁶ Кроме того, книга А. Н. Попова, вышедшая более 100 лет тому назад, не может быть сейчас признана удобной для сопоставления Хр. Манассии и Хр. 1512 хотя бы потому, что издание хронографа вышло после труда А. Н. Попова — в 1911 г.

¹ А. П о п о в. Обзор хронографов русской редакции, вып. 1. М., 1866, с. 95—215.

² См.: О. В. Т в о р о г о в. К истории жанра хронографа.— ТОДРЛ, т. XXVII. Л., 1972, с. 217—220.

³ В. Л. К о м а р о в и ч. Литература 1590—1612 гг.— В кн.: История русской литературы, т. 1, ч. 2. М.—Л., 1948, с. 30—36.

⁴ Д. С. Л и х а ч е в. Человек в литературе Древней Руси. М., 1970, с. 81—89.

⁵ После исследований Б. М. Кюсса (О времени создания русского Хронографа.— ТОДРЛ, т. XXVI. Л., 1971) и О. В. Творогова (Древнерусские хронографы. Л., 1975, с. 188—207) можно считать доказанным, что первая редакция Русского хронографа была создана в начале XVI в. и что ее представляет редакция 1512 г., с которой далее и производится сравнение по изд.: ПСРЛ, т. XXII, ч. 1. СПб., 1911 (далее страницы указываются в тексте в скобках).

⁶ Так, у А. Н. Попова не учтены заимствования из Хр. Манассии в главах 7, 114, 115 (в рассказе о Нерве, Трояне, Адриане, Коммодe), 121, 122, 148, 163 Хр. 1512.

* * *

Перейдем к рассмотрению фрагментов Хр. Манассии,⁷ вошедших в состав Хр. 1512.

Рассказ Хр. Манассии о сотворении мира использован в гл. 1 Хр. 1512 (с. 21—23) в составе компилятивного текста; сюда вошли фрагменты: «скница же оубо захождааше. . . сѣажщѣмъ каменѣмъ» (л. 38'—39'), «животно же нѣ едино. . . въскю перо» (л. 40—40'), «и въскю птица. . . съвръши теченіе пѣтааго» (л. 40'—41'); фрагменты «не мотыками раскопавъ. . . прѣмо земли асирійстѣи течеть» (л. 41—41') и «въселѣтеть въ едемьстѣмъ добросаднѣмъ селѣ. . . прѣм(а)т(е)ре прѣвѣе пострад(а)вшѣжж» (л. 41'—43') вошли в переработке в гл. 2 Хр. 1512 (с. 23—24, 25—27).

Фрагмент «Въсели сѧ прѣмо пищномуу селюу. . . ѿгнанъ бивъ» (л. 43') вошел в гл. 3 (с. 27).

Из статьи «О Сиѡѣ» (л. 43') в гл. 4 Хр. 1512 вошел фрагмент «Да ѡкоже оубо. . . б(ог)ъ дарова има» (с. 27). Остальная часть этой статьи в Хр. 1512 не вошла.

Из статьи «О Нѡи и о потоѣѣ» в гл. 5 Хр. 1512 вошли лишь отдельные фразы, введенные в основной текст, являющийся переработкой библейского повествования; к Хр. Манассии восходят в Хр. 1512 слова «Ное же единъ в Сифовѣхъ вноуѣхъ. . . оживление родоу», «тмоу в себѣ предградъ клетныхъ имоущу», «богъ же хляби небесныа отвьрзе. . . лице земное» и др. (с. 29).

В гл. 6 Хр. 1512 использован текст статьи «О стлѣпотворени и о размѣшен(и) азък'» (л. 45) и текст приписки (на нижнем поле л. 45), из которой взяты слова «первие начаша царствовати земными человекы» (с. 30). Далее в статье «О родословии по потоѣѣ» (с. 31) помещен большой фрагмент о религии египтян: «Сей убо Серухъ первый начать. . . въ прелестъ послѣднюю», восходящий к статье «Ц(а)рство Египет'ско» Хр. Манассии (л. 45'—46). Возможно, что был использован также текст из статьи «Ц(а)рство асирійскаго ц(а)рѣ Вила»: «Виль, ташкыи и крѣпкоржкыи исполинъ. . . Крона нарекошж» (л. 46) (ср.: Хр. 1512, с. 31: «Виль крѣпкорукый, сирѣчь исполинъ, иже Крона именована себе»).

В гл. 7 «О Аврамѣ» читаются небольшие заимствования из статьи «О Авраамовѣ прѣселени» (л. 46): например, некоторые эпитеты («радоотнообразная»), сравнения («превъсходящю. . . ѡкоже шипокъ вся цвѣты») и целые обороты («и убо осквернилъ бы ложе праведнаго. . . нощю умучилъ царя») (с. 32).

Последующие главы Хр. 1512 составлены в основном по Библии, а соответствие с Хр. Манассии возобновляется лишь с гл. 67. В этой главе фрагмент «Сей царь египетскій Сосистрие развеличався. . . прешедшу

⁷ Как представляется, составитель Русского хронографа использовал в своей работе список Хр. Манассии, сходный со списком из библиотеки Ватикана (шифр: slav. № II); этому вопросу будет посвящена особая работа. Для данной статьи выбор того или иного списка болгарского извода Хр. Манассии не имеет существенного значения, так как лексические отличия всех списков незначительны. Мы цитируем Хр. Манассии по Синодальному списку (ГИМ, собр. Синодальное, № 38), имея в виду подготовляемое нами издание Хроники, в основу которого положен именно этот список. Листы рукописи указываются в тексте, в скобках. Синодальный список издан: Cronica lui Constantin Manasses. Text și glosar de Ioan Bogdan. București, 1922; см. также его переиздание: Die slavische Manasses-Chronik. Nach der Ausgabe von Ioan Bogdan. Mit einer Einleitung von Johann Schropfer. — Slavische Propylaen, 1966, Bd 12. Фототипическое издание текста Ватиканского списка см.: И. Д у й ч е в. Летописца на Константин Манаси. Фототипно издание на Ватиканския препис на среднобългарския превод. София, 1963. В цитатах из текста Хроники Манассии выносные буквы вносятся в текст и после них ставится знак «аостроф». Титла раскрываются, выполняемые буквы заключены в скобки.

зимному часу, паки оживе» (с. 150) восходит к статье «Ц(а)рство Сесо-стрѣа, ц(а)рѣ египетскаго» Хр. Манассии (л. 46'), а следующая за этим фраза «Египетскаа убо царьскаа власть. . . даждь и до Сарѣдонапала» (с. 150) извлечена из статьи «Ц(а)рство асирѣискаго ц(а)рѣ Вила» (л. 46).

Фрагмент статьи «Ц(а)р(т)во Сарѣдонапала ц(а)рѣ асирѣискаго» «дондеже Сарѣдонапалъ началъствова. . . конечнѣ же и себе» (л. 47—47') вошел в гл. 68 Хр. 1512 (с. 150—151); фраза Хр. 1512 «Отъ сего яве есть, яко асириане и халдѣяне и перси и миденѣ едино бѣ царство на земли» (с. 151) отразила приписку, читающуюся на л. 47' Синодального списка. Из остальной части упомянутой статьи Хр. Манассии в Хр. 1512 использована лишь фраза о Сенахериме (ср. л. 47' Хр. Манассии и с. 151 Хр. 1512).

Фрагмент из статьи «Ц(а)р(т)во Дарѣа мид'скаго ц(а)рѣ» «Дѣщи бѣ оу ц(а)рѣ мид'скаго Астѣагѣ. . . ненавида Астѣагѣ» (л. 48'—49') вошел в статью «О Кирѣ» гл. 88 (с. 177). Дальнейший текст Хр. Манассии также вошел в Хр. 1512, но оказался разрезанным в нем вставкой из Паралипомена Зонары; ⁸ слова «Кироу же прѣшедшоу въ Персы ѿ Мидь» читаются в конце статьи «О Кирѣ», а вторая половина этой фразы и дальнейший текст в конце следующей статьи Хр. 1512 «О оучилищехъ, иже въ Персехъ»: «и прикоснѣвшоу сѧ прочее. . . прѣпоаса сѧ Кирь ц(а)рствомъ» (л. 49' и с. 177, 178). Статьи «О ц(а)рствѣ Лид'стѣмъ» и «ѿ Гнѣи» (л. 50, 50') пересказаны в Хр. 1512 очень кратко — в первых трех фразах статьи «О Лидийскомъ царствѣ» той же гл. 88 (с. 178).

Статьи «Ц(а)р(т)во Камвиса, с(ы)на Кирова», «Ц(а)р(т)во Дарѣево» и следующие до статьи «О сждѣахъ» (л. 50'—53') включительно в Хр. 1512 не вошли.

Статьи Хр. Манассии «Здѣ повѣдоуеть како веч(е)рнѣи елин(и) и вѣсточнѣи междѣсобнѣа рат' сътвориш(ж) велик(ж) нѣкогда» и «О прѣдѣти Троя град(а)» (л. 54—58') вошли в состав гл. 106 Хр. 1512 — статьи «Повесть о создании и по пленении Тройскомъ и о конечномъ разорении, еже бысть при Давидѣ, цари Иудейскомъ» (с. 218—224), где они составляют компилятивный текст вместе с извлечениями из так называемой «Притчи о кралехъ», ⁹ входящей исключительно в Ватиканский список Хр. Манассии.

Из статьи «Ц(а)рство елин' веч(е)рнѣихъ иже въ Римѣ» Хр. Манассии в Хр. 1512, в гл. 107 (с. 224—225) вошел, с лакунами, фрагмент с начала и до слов «. . . въсели сѧ съ оставшими» (л. 58'—59'), а следующий текст «И въ нем' ц(а)р(т)вова Амѣлѣ. . . младенца въскрѣмившѣ» (л. 59'—60) составил большую часть статьи «О рождении Рома и Ромила» гл. 108 (с. 226). Из статьи «Ц(а)рство Ромила, прѣваг(о) ц(а)рѣ Римѣ» фрагмент «Како же любо аще въскрѣмиста сѧ. . . посла их' на въселеніе» (л. 60) вошел во вторую часть той же статьи Хр. 1512, а дальнейший текст от слов «Ромиль дошед' до нѣкоего град'ца» и до конца статьи «Ц(а)рство Вроутово и Колатиново и иных' многих' до Гаѣа» (л. 60—62) входит в остальную часть той же гл. 108 (с. 226—228).

Из статьи Хр. Манассии «Ц(а)рство Гаѣа кесара и самодрѣжца» в гл. 109 Хр. 1512 (с. 228—229) вошел фрагмент «И оубѣ ѣже о кесарѣ. . . ѿ сего прилагающе» (л. 62'—63), а также фрагмент, начинающийся словами «хотащѣ бѣ ѿмрѣти» и заканчивающийся словами «нареч(е)нъ быс(т'), яко възрасте» (л. 63).

⁸ См.: Паралипомен Зонарин.— ЧОИДР, 1847, год третій, № 1, с. 14—17.

⁹ См. подробнее: Троянские сказания. Средневековые рыцарские романы о Троянской войне по русским рукописям XVI—XVII веков. Подгот. текста и статьи О. В. Творогова. Комментар. М. Н. Ботвинника, О. В. Творогова. Л., 1972 (Литературные памятники), с. 162—166.

Из главы «Ц(а)рство Авгста кесар(а)» в Хр. 1512, в его гл. 110 (с. 230) вошел отрывок Хр. Манассии «аръ бѣ, крѣпосръд', гнѣвливъ. . . Севаста жива оставлѣж» (л. 63—64).

В гл. 111 Хр. 1512 в статье «Царство 3 Тивириево» (с. 234) отразился фрагмент Хр. Манассии «Сѣи же Тиверіе запрѣва оубѡ кротѣкъ. . . лютѣ даже до кожѣ» из главы «Ц(а)рство Тиверіа кесара» (л. 64').

В статью «Царство 10 Еоуспасіаново» гл. 114 Хр. 1512 (с. 245) вошел отрывок Хр. Манассии «Ц(а)рство Оуеспесіаново» «воинѣство Оуеспесіана избираетъ влад(ы)кѣ. . . прѣмника дрѣжавѣ» (л. 66).

Из статьи «Ц(а)рство Титово, с(ы)на Еспасіанова» Хр. Манассии (л. 66) Хр. 1512 заимствовал фрагмент «Титъ прѣдѣтъ сѣж. . . врѣмене доблааго», который попал в гл. 115 (с. 254), а из статьи «Ц(а)рство Дометіаново» фрагменты «рождѣшомѣ сѣ оубо. . . съсѣцаж нем(и)л(о)стивно» и «тѣи же хотѣ скончати сѣ. . . до конца погыбе» (л. 66—67), вошедшие в эту же главу, в статью «Царство 12 Дометіаново» (с. 254). В статью «Царство 13 Неруио» гл. 115 Хр. 1512 (с. 254) вошел текст статьи «Ц(а)рство Нероуа ц(а)рѣ» Хр. Манассии «благѣ мѣжѣ. . . сирѣчѣ скопленіа» (л. 67), а в «Царство 14 Тройяново» (с. 254) текст «мѣжа воинична. . . поживѣ побѣдах'» «Ц(а)рс(т)ва Траіанов(о)» Хр. Манассии (л. 67—67'). Фрагмент статьи «Ц(а)рство Андрианов(о)» «сѣи въ книгахѣ веселѣше сѣ. . . яко погоубленѣ имѣ» (л. 67') вошел в статью гл. 115 «Царство 15 Андрианово» (с. 255). Фрагмент статьи Хр. Манассии «Ц(а)рс(т)во Марк(а)Антонин(а)» «сѣи въ всѣкой въспита сѣ прѣмѣдрости. . . лѣжконосный дѣзыкѣ» (л. 67'—68) вошел в одноименную статью Хр. 1512 (с. 255). Из статьи «Ц(а)рс(т)во Комодово» в одноименную статью Хр. 1512 (с. 255) вошел фрагмент «отрокѣ немѣдрѣствоуж. . . и прѣжде врѣмен(е)» (л. 68').

Фрагмент «оде трѣпѣниоу ти. . . яки бѣсѣи пси» (л. 69) из статьи «Ц(а)рство Діоклитіаново и Маѣіміаново» вошел в одноименную статью гл. 117 Хр. 1512 (с. 260).

Из статьи «Ц(а)рство Юліана Закон(о)прѣстѣпнаг(о)» использовано название Юлиана «свинѣж скврѣн'нѣжѣ» (л. 70), оно вошло в первые строчки статьи о Юлиане гл. 122 (с. 275). Из этой же статьи о царствовании Юлиана в статью «О Оулиане Преступниѣ» гл. 121 Хр. 1512 (с. 274) вошел фрагмент «яже оувѣдѣвъ Кѡнстандіе. . . по малѣ оумираетъ» (л. 70).

Большой фрагмент «нѣ застолюбивое сего юношѣ. . . еи ц(а)рю въсѣми ц(а)рствѣжи» (л. 71'—72) статьи Хр. Манассии «Ц(а)рство Феодѡсіа ц(а)рѣ Малааго» составляет почти весь текст статьи «О Оуалентиніане цари и о взятии Рима Изгирихомѣ» гл. 130 (с. 285). Из этой же статьи фрагмент «Аркадіе посади на ц(а)рскихъ'. . . нравы добрыа» (л. 72—72') полностью составляет статью «Царство 9 Феодосіа Малааго» гл. 129 (с. 284). Фрагмент «Бѣше въ Аѣицѡх' нѣкто мѣжѣ. . . припраженіе житиоу» (л. 72'—73') составил статью «О Евдокии царици» той же гл. 129 (с. 284—285), так же как фрагмент «ц(а)р(и)ца оубѡ плавааше. . . такоаго безоуміа» (л. 73'—74') — статью «О вражде царици Евдокии» гл. 131 (с. 287). Возможно, что следующий далее рассказ Хр. Манассии о воскресших отроках (л. 74'—75) был использован при составлении статьи «О въскресении седми отрокѣ, иже во Ефесе» гл. 130 (с. 286).

Фрагмент из статьи о Маркиане «въсхотѣвъ же Гизерихѣ. . . рѣжа та съблѡдаетъ» (л. 76) отразился в статье «Царство Маркіаново» гл. 132 (с. 288).

Фрагмент из статьи «Ц(а)рство Леонта Великаг(о)» от слов «Сѣи ц(а)рѣ скрѡвища обрѣтъ. . .» и до конца статьи (л. 77—77') пересказан во второй части гл. 133 (с. 289).

Фрагмент статьи «Ц(а)рство Анастасі ц(а)рѣ» — «иже разноокѣ нарицааше сѣ. . . разбоиници злотворивіи» (л. 78') вошел в статью «Царство

Анастасиево» гл. 135 (с. 290), а фрагмент «Семоу спащоу приключи сѧ . . . паки бѣ въ живыхъ» (л. 79) составляет статью «О смерти царя Анастасия» той же главы (с. 291—292); первую половину статьи «О возбранении неправеднаго злата» той же главы (с. 292) составляет фрагмент «мръзкъ бѣ злоч(ъ)стивый. . . огневи давъ на потрѣбленіе» (л. 79—79').

Из статьи «Ц(а)рство Іоустина Прѣваагѣ» фрагмент «пріемлетъ правила самодръж'ствоу. . . гоненіе тѧшко» (л. 79'—80) отразился в одноименной гл. 136. Из этой же статьи фрагмент «любовь бѣ чистѧ. . . сирѣчь ветлѣн-номѧщихъ» (л. 80—82) вошел в гл. 138 статьи «О брани на Оуандалы и на римскаго ригу Гелимера» и «О ереси афеортодокитской» (с. 296—297).

Полный текст статьи «Ц(а)рство Іоустіна Малаагѣ» (л. 82—84') вошел в статьи «О Жидовине», «О судии праведнѣмъ», «О Софи царици и о снятии долга народа» (с. 288—299) гл. 139 Хр. 1512.

Фрагмент «И понеже не бѣ дѣщере. . . въ гробѣ погребены» статьи «Ц(а)рь Тиверіе» (л. 84') читается в конце гл. 139, а большую часть гл. 140 составляет фрагмент «Икоже оубѣ Тиверіе. . . трѣбоуждѣ сръпа» той же статьи Хр. Манассии (л. 84'—85).

Из статьи об императоре Маврикии Хр. Манассии фрагмент «Сѣи затѣ на сестрѧ. . . оувѣстѣ сѧ и речеными» (л. 85—85') вошел в статью «О Туркохъ» гл. 141 (с. 300—301), остальная же часть этой статьи Хр. Манассии, а также начало статьи «Ц(а)рство Фѣкы м(ж)ч(и)т(е)лѣ и ц(а)рѣ» (слова «ѣгоре, бѣснаго кервера поставлѣжтъ, мжжа разбоиника») (л. 85—86) отразились в статье «О смерти Маврикіа царя» той же главы Хр. 1512 (с. 301—302).

Статья «Ц(а)рство Фѣкы мжч(и)телѣ и ц(а)рѣ» (с. 86'—87') в большей своей части (до слов «брань съставлѣ злѣшій» включительно) отразилась в одноименной гл. 142 Хр. 1512 (с. 302—303).

Из статьи «Ц(а)рство Иракліево» в Хр. 1512 в первые три статьи главы 143 (с. 303—305) вошли — в ином порядке и перемежаясь с фрагментами из Еллинского летописца второй редакции — следующие фрагменты: «бѣ же воиничень . . . роди сѧ Ираклиѣ» (л. 87'), «Тогда Хозрои пер'скыи. . . с(ы)на своего и люди» (л. 87'—88), «и приложи сѧ градомъ. . . сжщаа под' персы» (л. 88), «и оубѣ перскимъ градомъ. . . доброты» (л. 88), «жены доброкосы. . . гръчьстїи мечеве» (л. 88), «прѣд'идѣше же Иракліе. . . села разарѣжшїи» (л. 88), «и паки дроугое. . . пардоса дивїаго» (л. 88—88'), «таврськихъ ские. . . вѣскликнѣшѧ пощѣ» (л. 89).

Из статьи «Ц(а)рство Кѣстандіново, с(ы)на Иракліева» в первую статью гл. 144 Хр. 1512 (с. 306) вошел фрагмент «иже въ малѣ нѣколицѣ. . . и отровникъ и чародѣи» (л. 89').

Статья Хр. Манассии «Ц(а)рство Ираклоны, брата егѣ» (л. 89') за исключением слов «Да іакоже. . . Кѣстантинъ» полностью вошла в гл. 145 Хр. 1512 (с. 307—308).

Фрагмент со слов «кореніе хранѧ» и до конца статьи «Ц(а)рство Кѣстантіно, с(ы)на Кѣстандінов(а)» (л. 89'—90) вошел в статью «О Бахмете ерециѣ» гл. 146 (с. 309—310), а текст статьи «И Мизізіе ц(а)рь нареч(е) сѧ» (л. 90) составляет заключительную часть упомянутой выше гл. 146 (с. 310).

Фрагмент «ратѣж тѧшкож. . . наказанъ бывѣ» статьи «Ц(а)рство Кѣстантіна Брад(а)тагѣ» (л. 90) вошел в первую статью гл. 147 (с. 310), а приписка «При сем' Кѣстантинѣ. . . едино сѣтъ» (л. 90) читается в конце второй статьи этой же главы (с. 311).

Фрагмент «Ц(а)рь же възненавидѣнъ. . . обрѣте ѿ скип'тръ» статьи «Ц(а)рство Іоустинїана, с(ы)на Погонатова» (л. 90') вошел во вторую статью гл. 148 (с. 312). Текст «мжж бѣ нѣкто. . . лице посрамивѣ» статьи

«Ц(а)рство Леонтево» (л. 90') составил конец второй статьи гл. 148 (с. 312), а остальная часть этой же статьи Хр. Манассии (л. 90'—91) отразилась в начале гл. 149 Хр. 1512 (с. 312).

Статья «Ц(а)рство Апсімара Тиверіа» (л. 91—91') полностью вошла в Хр. 1512: первая ее часть, до слов «неизбѣжнѣ и горцѣ» — в конец гл. 149, а остальной текст составил гл. 150 Хр. 1512 (с. 312—313).

Статья «Паки ц(а)рс(т)вова Іѡстиніан» (л. 91'—93) полностью вошла в гл. 151 Хр. 1512 (с. 313—314), а статья «Ц(а)рство Філіпика ц(а)рѣ» (л. 93—93'), за исключением первой строки, также попавшей в гл. 151 Хр. 1512 («царѣ же. . . Філіпика сътворишѣ»), вошла в одноименную 152-ю главу Хр. 1512 (с. 314) от начала до слов «избоденѣмъ бывшемъ» включительно.

Фрагмент статьи «Ц(а)рство Артеміа ц(а)рѣ» от слов «бѣ же лють и дрязъ» и до конца статьи (л. 93'—94) вошел в гл. 153 Хр. 1512 (с. 315).

Текст статьи «Ц(а)рство Льва Иконоборца» «злѣ капилское. . . и великыи чиновачлникъ» (л. 95) вошел в статью «О Левѣ Исавре» гл. 154 (с. 315). Фрагмент той же статьи «оувѣдѣшѣ же възведеніе. . . глагола и Одисѣж» (л. 95—96') вошел в статью «Царство 75 Льва Исавра» гл. 155 (с. 316—317), фрагмент «Да іакоже. . . стѣбль прозабе» (л. 96') вошел во вторую часть статьи «О человекѣцѣ, іже милостыню и блудъ творя» той же главы (с. 318).

Фрагмент статьи «Ц(а)рство Кѡстантіна Гноеименитаг(о)» — «ибѡ мръскыи. . . Валтасаръ безстоуд'ныи» (л. 96') читается в начале первой статьи гл. 156 Хр. 1512; следующий фрагмент этой статьи Хр. Манассии «Прѣдѣть власть» до слов «темница свазаными» (л. 96'—97) вошел в ту же первую статью гл. 156 Хр. 1512 (с. 318—319), а фрагмент «сипеваа оубѡ зра Артаваздѣ. . . пожжѣ въ сытость» (л. 97—97') вошел во вторую статью гл. 156 «О войне Артавазда на Копронима» (с. 319—320). Остальной текст этой статьи Хр. Манассии использован в изложении уже упоминавшейся первой статьи гл. 156 в контаминации с текстом Еллинского летописца (с. 319).

Фрагмент «Въкоуцѣ же доволнѣ. . . чл(овѣ)кы хоудосръды» статьи «Ц(а)рство Кѡстантіна, с(ы)на Львова и м(а)т(е)ре егѡ» (л. 98) вошел в статью гл. 158 Хр. 1512 «О изгнании Ирины царицы отъ царства» (с. 323), а фрагмент «иѣ вспренѣ до късна нѣкогда. . . прѣпоаса са самодрѣжствомъ» (л. 98—99) входит в статью «О ослеплении царя Кѡнстантіна» той же главы (с. 323—324); остальная часть этой же статьи Хр. 1512 — пересказ фрагмента «Ц(а)р(и)ца же Ирѣна много. . . гнѣва законопрѣстѣповавшѣж» (л. 99') и фрагмента следующей статьи Хр. Манассии «Ц(а)рство Никифора Геника» — «Въставшоу бѡ. . . б(ог)ъ обидѣщѣимъ» (л. 100). Текст же Хр. Манассии, расположенный между вторым и третьим фрагментами, был частично использован в статье «Сказание о латынехъ, како отступиша отъ православныхъ патриархъ» гл. 159 (с. 324—325).

Фрагмент статьи «Ц(а)рство Никифора Геника» «чл(овѣ)ка оубѣицѣ. . . възгласи трѣба» (л. 100—100') использован в гл. 160, в статье о царствовании Никифора Геника (с. 327—328). Из последующего текста этой статьи Хр. Манассии использованы лишь отдельные слова в описании войны императора Никифора с болгарями (с. 328).

Из статьи «Ц(а)рство Мих(а)ила Рагавеа» фрагмент «видѣ же тогда Византіа. . . оуазвлѣющи ср(ѣ)дѣца» (л. 101) вошел в статью «Царство 82 Михаила Рагавея» гл. 162 Хр. 1512 (с. 330—331), а следующий фрагмент «Лъв бѡ злоименитыи. . . он же ѡтичетъ бѣжѣж» (л. 101—101') — в статью той же главы «О Левѣ Арменине» (с. 331).

Отрывок «съи родъ Мѣхаиловъ. . . въ прѣложени житіа» (л. 101'—102) статьи «Ц(а)рство Льва Арменина Иконоборца» вошел в статью «О Левѣ

Армении» гл. 162 (с. 331), а предшествующий ему фрагмент этой же статьи «и паки оживе. . . въззирааше темныма очима» (л. 101') включен в гл. 163 Хр. 1512 (с. 332).

Фрагмент статьи «Ц(а)рь грѣкомъ Мѣхаилъ» со слов «погрѣшивъ бра-нехъ» и до конца (л. 102—102') составляет большую часть главы 164 (с. 336). Там же использованы и отдельные слова из приписки «При семъ ц(а)ри. . . имѣше еъ Мих(аи)ломъ» (л. 102) Хр. Манассии.

Из статьи «Царство Теофила царѣ» в статью «Царство 85 Теофилово» гл. 165 (с. 337—339) вошел фрагмент от слов «море житейское злоч(ь)стнѣ» и до конца статьи (л. 103—106). Однако текст Хр. Манассии в Хр. 1512 значительно перекомпианован; фрагменты следуют в другом порядке, чем в источнике.

Из статьи «Ц(а)рство Мих(аи)ла, с(ы)на Теофилова» фрагмент «Прѣти же хотя рѣкѣ. . . нарочита и златотрѣбна» (л. 106) вошел в статью «Царство 85 Теофилово» гл. 165 (с. 339—340), фрагмент «и оубо дондеже бѣ с(ы)нъ еж. . . поужи похвалныа рѣсни» (л. 106'—108) вошел в статью «О оклеветании Мефодия патриарха» гл. 166 (с. 342—343); фрагменты «Бѣ же братъ матери его. . . изринѣти ѿ ц(а)рства» (л. 108) и «вѣнцемъ же. . . ꙗкы самоц(а)рь» (л. 108) вошли в статью «О изгнании царца Феодора от царства» (с. 344) гл. 166; фрагмент «не тъмо же нѣ и оуклоны сѧ. . . Фотіе ѿгнавъ бысть» (л. 108—108') составляет большую часть статьи «О прелюбодействе Варды кесаря» той же главы (л. 344—345); фрагменты «сега г(лаго)латъ ц(а)р(и)ца. . . младыа птенѣа» и «нѣ оубо достоитъ. . . въ грѣкохъ велика» (л. 109—110) составляют статью «О Василии Македоньстемъ» гл. 166 (с. 343—344), однако следуют в ней в обратном порядке.

В гл. 167 Хр. 1512 в статье «О крещении болгарьскомъ» (с. 347) отразилась часть приписки, читающаяся на л. 106'—107 Хр. Манассии («Нѣ-когда бѣ. . . вѣрѣ Хр(и)стовѣ»).

Фрагмент статьи «Ц(а)рство Василиа Македонѣнина» «Мѣхаилъ въсе истъщивъ. . . оплака сѧ слово» (л. 110—110') составил статью «О разбие-нии зерцала» гл. 168 (с. 349); фрагмент «оуже въ тѣснотѣ достигнѣ. . . Сантаваринъ оувъ злюбѣсныи» (л. 110'—111) вошел в статью «Царство 87 Василиа Македоненина» гл. 169 (с. 351).

Из статьи «Ц(а)рс(т)во Льва Прѣмудраго, с(ы)на Василиева» в одноименную гл. 170 Хр. 1512 (с. 353—354) вошел фрагмент «нѣ оубо недо-стоино. . . бѣдѣщаа проявлѣж» (л. 112).

Фрагмент «Прѣмудрыи же въ ц(а)рихъ Львъ. . . ибѣ не ѿпаде слово» (л. 112—112') статьи «Ц(а)рс(т)во Алезандра, брата Львова, и Констан-тин(а), с(ы)на Львова» вошел в статью «О войнѣ Олговѣ на Царьградѣ» гл. 171 (с. 355), фрагмент «Алезандръ бѣ въ пищахъ оупразнив сѧ. . . ни начьнъ, ни рекъ» (л. 112') вошел в гл. 172 (с. 354); фрагмент «многимъ вина бысть злобамъ. . . вѣнцемъ оувазаетъ» (л. 112'—114') составляет почти весь текст статьи «Царство Коньстянтина Багренороднаго, сына Львова» гл. 173 (с. 355—356); приписка на л. 112' «При семъ Кѣстантинѣ цари. . . по двади» составила статью «О болгарьскомъ цари» той же главы (с. 357).

Фрагменты статьи «Ц(а)рство Рѣмана Лакапина» Хр. Манассии — «глубокооумныи же Романъ. . . лучѣ облиставаетъ» (л. 114'—115) и «Ро-манъ оуже въ старость достигъ. . . старородныи кранъ» (л. 115) вошли в статью гл. 174 «О принесении Нерукотвореннаго образа» (с. 357—358). В эту же статью Хр. 1512 вошла и приписка Хр. Манассии на л. 114' «При семъ ц(а)ри Романѣ. . . при семъ ц(а)ри ѿмрѣ».

Фрагмент статьи «Ц(а)рс(т)во Кѣстантина Багренороднаго с(ы)на Львова» «ѣда Романова. . . ѿславъ ихъ» (л. 115) начинается в Хр. 1512 статью «Царство второе Коньстянтина Багренороднаго. . .» (с. 358), далее

в ней следует текст, отражающий фрагмент «Съи Вардж Фокж... Рѡмана, сына своего» (л. 115') из той же статьи Хр. Манассии.

Фрагмент статьи «Ц(а)рство Романа, с(ы)на Кѡстантин(а) Багрѣнороднаг(о)» «Нж съи въса крѣпость, . . посланъ бываетъ въ Сирїж» (л. 115'—116) вошел в одноименную статью гл. 175 (с. 359); приписка с л. 115' «При сем' Романѣ. . . ѡпѣщена быста въ своа» вошла в ту же статью; фрагменты «нж оубѡ не починж. . . б(ож)иими напаема» и «таков' же съи Цимисхи. . . ц(а)рь Никифѡръ» (л. 116—117) вошли в статью «Царство Никифора Фоки» гл. 176.

Текст статьи Хр. Манассии «Ц(а)рс(т)во Ник(и)фора Фѡкж» (л. 117—118') вошел в одноименную главу Хр. 1512 (с. 360—362).

Весь текст статьи «Ц(а)рство Ивана Цимисхїа ц(а)рѣ» вошел в Хр. 1512 в следующую гл. 177; в статью «Царство царя Ивана Цимисхїа» — фрагмент «Цимисхи же възложи на главѣ. . . страхъ оуазвѣаше» (л. 119) и текст приписки с л. 119: «Съи Цимисхїи. . . въ грѣцѣхъ», а в статью «О Цѣтославѣ» (с. 363) — фрагмент «Сиковъ бѣ Цимисхи. . . сына Кѡстантина» (л. 119—119') и приписка с л. 119' «По прѣдѣти же. . . съ вѣтми своими».

Из статьи «Ц(а)рство Василїа и Кѡстандина, с(ы)нѡ Романа ц(а)рѣ» весь текст вошел в одноименную статью гл. 178 (с. 364—366), однако фрагменты из Хр. Манассии следуют в Хр. 1512 в ином порядке, чем в источнике. В ту же статью Хр. 1512 вошел в переработке и текст трех приписок — с л. 119', 120 и 121.

Весь текст статьи «Самодрѣж'ство ц(а)рѣ Кѡстантина, брата Василїева» (л. 121—121') вошел в одноименную гл. 179 Хр. 1512 (с. 370); весь текст статьи «Ц(а)рс(т)во Рѡмана Аргиропула» (л. 121') — в одноименную гл. 180 (с. 370—371); аналогично текст статьи «Ц(а)рс(т)во Мих(аи)ла Пѣфлагона» — в гл. 181 (с. 371—372). Текст статьи «Ц(а)рс(т)во Мих(аи)ла Калапатѣ» (л. 123—124) в Хр. 1512 не отразился.

Текст статьи «Ц(а)рс(т)во Кѡстантин(а) Мономаха» (л. 124—125') вошел в одноименную статью гл. 182 (с. 372—373), в той же статье (с. 372) читается и текст статьи Хр. Манассии «Самодрѣж'ство Ѳеѡд(о)ры ц(а)р(и)цѣ» (л. 125').

Далее снова устанавливается параллелизм: статья «Ц(а)рс(т)во Мих(аи)ла старца» (л. 125'—126) соответствует гл. 183 о Михаиле Апостратотике (с. 375—376), статья «Ц(а)рс(т)во Исакїа Комнина» (л. 126') — одноименной гл. 184 (с. 376), статья «Ц(а)рство Кѡстандина Доукж» (л. 126'—128) — гл. 185 (с. 376—377), статья «Ц(а)рство Рѡмана Дюгенѣ» — одноименной статье гл. 186 (с. 377—379), статья «Ц(а)рство Михаила с(ы)на Доучина» (л. 129'—130') — одноименной статье той же главы и, наконец, статья «Ц(а)рство Ник(и)фора Вотанїата» — последняя в Хр. Манассии (л. 130'—131') — одноименной гл. 187 Хр. 1512 (с. 380—381).

* * *

В настоящей статье мы не касались принципов переработки текста Хр. Манассии в Хр. 1512: это — особая тема, имеющая к тому же большее значение для характеристики работы русского хрониста, чем для характеристики его источника. Отметим лишь, что текст Хр. Манассии под пером составителя Хр. 1512 подвергся серьезной переработке: не только стилистической правке, но и многочисленным изменениям структуры текста — сокращениям, перестановкам, добавлениям отдельных фраз и слов из других источников. Отметить все эти изменения текста Хр. Манассии в составе Хр. 1512 не представляется возможным. Однако существенно, что все особенности слога Хр. Манассии — сложные эпи-

теты, яркие сравнения и метафоры, риторические восклицания и т. д. — составитель Хр. 1512 все же сохранил в своем тексте, создав тем самым — на основе Хр. Манассии — особый, новый в русском историческом повествовании «хронографический стиль».¹⁰

В заключение необходимо оценить сам факт использования Хр. Манассии в составе Русского хронографа и те значительные последствия, которые имел факт обращения к этому источнику. Мы видели, что текст Хр. Манассии вошел в Хр. 1512 в большей своей части: не были использованы или использованы фрагментарно лишь статьи, повествующие о библейской истории, статьи об Александре Македонском и его преемниках, а также статьи о первых римских императорах. Это понятно, так как в Хр. 1512 вошел подробный пересказ библейских книг (поэтому краткое изложение библейских событий у Манассии оказалось для хрониста неинтересным),¹¹ подробнее, чем в Хр. Манассии, повествуется в других источниках Хр. 1512 и об Александре (в Хр. 1512 вошла «Александрия»), его преемниках и римских императорах. Поэтому создатель Русского хронографа и в этих случаях мало использовал Хр. Манассии, извлекая из нее лишь отдельные фрагменты.

Иное дело — повествование о византийских императорах. Здесь Хр. Манассии оказалась незаменимым источником уже потому, что именно в ней рассказывалось об императорах X—XI вв. от Романа Лакапина до Никифора Вотаниота: в основном источнике Хр. 1512 — Еллинском летописце второй редакции — этот материал отсутствовал. Но составитель Хр. 1512 не ограничился тем, что продолжил по Хр. Манассии рассказ Еллинского летописца, он в значительной мере заменил текст этого своего источника повествованием Хр. Манассии в главах о Феодосии Малом и императрице Евдокии, об императорах Анастасии, Юстине I, Юстине II, Тиберии, Маврикий, Фоке и др. Причиной этому, думается, послужило не то обстоятельство, что повествование Хр. Манассии было более подробно (в ряде случаев это действительно так), а то, что Манассия совершенно иначе, чем Малала и особенно Амартол (источники Еллинского летописца), излагал историю. В Хронике Манассии, как отмечал Д. С. Лихачев, «... исторические факты были лишь материалом для литературно занимательного чтения, для моральных выводов».¹² Хр. Манассии являла собой эмоциональный рассказ или эмоциональное рассуждение об исторических событиях. Видимо, эта сторона Хр. Манассии и привлекла составителя Хр. 1512.

Включение текста Хр. Манассии в Русский хронограф имело значительные последствия. Под влиянием этой Хроники русские книжники переняли, а в дальнейшем сами разработали тот новый стиль, новые приемы исторического повествования, которые мы встречаем в Казанской истории, в повестях о Смутном времени и других памятниках. Этот стиль как нельзя более отвечал потребностям и настроениям литературы XVI в. — периода так называемого «второго монументализма».¹³ Именно в формировании этого нового стиля русского исторического повествования исключительное значение Хр. Манассии для истории русской литературы.

¹⁰ См. некоторые наблюдения над характером переработки Хр. Манассии в Хр. 1512 в статье: О. В. Т в о р о г о в. К истории жанра хронографа, с. 217—220.

¹¹ Исключение составляют рассказы о сотворении мира и о потопе.

¹² Д. С. Л и х а ч е в. Русские летописи и их культурно-историческое значение. М.—Л., 1947, с. 336.

¹³ См. подробнее: Д. С. Л и х а ч е в. Развитие русской литературы X—XVII веков. Эпохи и стили. Л., 1973, с. 133—137.

Е. И. ВАНЕЕВА

Киевский список Александрии XVI в.

Летом 1901 г. в библиотеку Киевского университета поступило семь рукописей от А. С. Петрушевича. Среди них был список Сербской Александрии XVI в. (сейчас: ГПБ АН УССР, № 24). В обзоре рукописей университетской библиотеки о рукописи № 24 есть краткая справка: Александрия. 16° (7.5×10). 206 л. Полуустав. XVI в.¹ Рукопись не содержит иллюстраций (есть лишь одна заставка на л. 1). На каждой стороне листа по 20 строк; водяной знак — вебрь. В рукописи находится полный текст Сербской Александрии.

В 1928 г. появилось исследование С. Гаевского «Повість „Александрія“ в українській літературі»² на основе списков Сербской Александрии, хранящихся в украинских библиотеках. В их числе был и список № 24. Тот факт, что рукописи находятся в библиотеках Украины, не означает, разумеется, что они украинские по происхождению. Разбираемые С. Гаевским тексты принадлежат на самом деле к разным рукописным традициям Сербской Александрии: русской, украинской, западнорусской, молдавской. В результате подробно рассматривает С. Гаевский лишь четыре «чисто украинских» списка, остальным же дает лишь внешнюю характеристику, без определения их взаимных связей. О рукописи № 24 С. Гаевский говорит несколько подробнее, поскольку она самая древняя из исследуемых им рукописей. Текст ее, по мнению С. Гаевского, наиболее близок к сербской традиции (для сравнений он пользовался сербскими списками, изданными Ягичем и Новаковичем),³ но одновременно в тексте имеются руссизмы и украинизмы. С. Гаевский приводит несколько примеров украинизмов и делает затем такой вывод: «...либо перед украинским переписчиком лежал оригинал с признаками московского языка, либо, наоборот, перед переписчиком на Московщине лежал оригинал украинский».⁴ Представляется, однако, что оснований для этого вывода у С. Гаевского было недостаточно. Приводя примеры украинизмов, он сам отмечал, что большинство из этих оборотов отнесено Срезневским к древнерусскому языку (в «Материалах для словаря древнерусского языка»), но добавляет, что «все они взяты из западнорусских грамот или же из списков Несторовой летописи».⁵ В двух случаях С. Гаевским неверно

¹ С. И. М а с л о в. Обзор рукописей библиотеки имп. Университета св. Владимира. Киев, 1910, с. 18.

² С. Г а е в с ь к и й. Повість «Александрія» в українській літературі. До питання про Сербську редакцію «Александрії». Київ, 1928.

³ Život Aleksandra Velikoga. Izdao V. Jagić. Zagreb, 1871; Приповетка о Александру Великом у старој српској књижевности. Критички текст и расправа од Стојана Новаковића. Гласник српског ученог друштва, од. 2, кн. IX. Београд, 1878.

⁴ С. Г а е в с ь к и й. Повість... , с. 13.

⁵ Там же.

был прочитан текст, остальные же указанные им «украинские» выражения (кроме «поробление», «жаден») встречаются в русских списках Сербской Александрии.

С. Гаевский отметил, что список № 24 написан в евфимьевской манере, с некоторыми валашскими чертами (но не называет их), и объясняет это тем, что Валахия в те времена бывала посредницей между южными славянами и Украиной,⁶ но не указывает, в чем именно сказалось здесь валашское посредство.

Определяя список № 24 как украинский или русский, С. Гаевский тем самым обязывает при исследовании истории текста Сербской Александрии в России учитывать этот список и установить его отношение к другим русским текстам.

Список № 24 имеет вполне традиционный текст Сербской Александрии, весьма полный — полнее, чем текст русских рукописей. Ближе всего он к сербским текстам (издания Ягича и Новаковича), по сравнению с ними здесь есть лишь два небольших пропуска и переставлен один эпизод: убиение царя Дария обычно происходит перед тем, как Александр посылает своих воевод в войско Дария для усмирения их, а в списке № 24 сначала воеводы Александра примиряют персов, а после этого идет рассказ об убиении Дария, который короче обычного. В списке № 24 нет обычных для русских текстов признаков, кроме одного — в нем тоже читается просьба нагомудрецов, обращенная к Александру, дать им бессмертие. Эта просьба встречается во всех просмотренных мною русских рукописях, но ее нет в греческих (Иверской и Венской),⁷ нет в сербских (издания Ягича и Новаковича). Нет обычных для русской редакции заголовков, нет пропусков в тексте, характерных для русской редакции.

Можно было бы предполагать, что это южнославянский список, но такому предположению противоречат многочисленные русизмы, например: полата, кораблѣ (вин. мн.), собѣ, отволокъ, пострадаша. И в то же время в тексте встречаются постоянно болгаризмы: нж, истръг, срьдити, стлъпъ, тръжище. Именно такое сочетание — болгаризмы наряду с русизмами — характерно для молдавских славянских рукописей.

Правописание рукописи № 24 является тырновским (на что указал еще С. Гаевский, сказав, что рукопись написана в евфимьевской манере), но недостаточно строго выдержанным. Между тем, согласно мнению А. И. Яцимирского, можно считать «румынскими по происхождению значительное большинство рукописей тырновского правописания, относящихся к XV—XVII вв.: исключения редки и почти не нарушают общей картины».⁸

Письмо рукописи (рис. 1, 2) — молдаво-валашского характера.⁹ Из особенностей письма: «ж» с маленькой головкой и с загнутыми вниз черточками; «ч» в виде крючка с маленькой головкой; наличие двух вариантов написания «е»: обычного размера и увеличенное, которое встречается в рукописи № 24 чаще в начале слова, иногда в середине, но и в этом случае над ним стоит знак придыхания, обычно стоящий в этой рукописи над начальными гласными (например, увеличенное «е» со знаком придыха-

⁶ Там же, с. 6.

⁷ Иверская рукопись опубликована: В. М. И с т р и н. История Сербской Александрии в русской литературе, вып. 1. Одесса, 1909. Венская рукопись издана: А. Н. В е с е л о в с к и й. Из истории романа и повести, вып. 1. СПб., 1886.

⁸ А. И. Я ц и м и р с к и й. Славянские и русские рукописи румынских библиотек. — ИОРЯС, 1905, XL, с. XI.

⁹ Ср. № 117, 119, 120, 128 в альбоме: Е. И. К а л у ж н я ц к и й, А. И. С о б о л е в с к и й. Альбом снимков кирилловских рукописей румынского происхождения. Пг., 1916.

ния в слове «Дариевоу»), в словах с выносными буквами (например, «подобает», «разоумѣт» с надстрочным «т»).¹⁰

Бумага с водяным знаком «вепрь» является наиболее распространенной среди молдаво-валашских рукописей,¹¹ что тоже свидетельствует в пользу молдавского происхождения рукописи.

Список № 24 по размеру довольно необычен — в 16°. Из рукописей

Рис. 1. Александрия.
ГПБ АН УССР, № 24, л. 1.

такого же размера, содержащих Сербскую Александрию, мне известна лишь еще одна — из Софийской Народной библиотеки, № 319 (она относится тоже к XVI в.), размер которой 10×7.2 см. Р. Маринкович относит текст этой рукописи к болгаро-валашской редакции (главным образом по языку).¹²

¹⁰ У А. И. Соболевского эти особенности упоминаются, когда он пишет о полууставе болгарских рукописей XIV в., перешедшем в молдавские рукописи XV—XVI вв. (А. И. Соболевский. Славяно-русская палеография. Курс первый. Конспекты лекций, читанных в С.-Петербургском археологическом институте. СПб., 1901, с. 36).

¹¹ А. И. Яцимирский. Славянские и русские рукописи румынских библиотек. — ИОРЯС, XL, 1905, с. XXXI.

¹² Р. Маринкович. Српска Александрида. Београд, 1969, с. 266.

Теперь вернемся к тому, как список № 24 попал в Киев. В Протоколе заседания Совета Киевского университета от 19 сентября 1901 г. читаем: «Доклад о ценном пожертвовании от почетного доктора Университета св. Владимира Антония Стефановича Петрушевича в виде рукописей, принятых от него и доставленных профессором Н. П. Дашкевичем.

Рис. 2. Александрия.

ГПБ АН УССР, № 24, л. 1 об.—2.

Определили: А. С. Петрушевичу выразить глубокую благодарность за ценный его дар».¹³

Антоний Стефанович Петрушевич был «крылошанином» при соборе св. Юра во Львове. Он почетный доктор Киевского университета, почетный член Общества Нестора-летописца в Киеве. А. С. Петрушевич в течение своей жизни много ездил по Галиции, Буковине, Молдавии; занимался описанием рукописей в различных библиотеках. Сам собрал довольно значительную коллекцию древних рукописных книг. Почти целиком она попала в институт Народный Дом во Львове. Всего славянских рукописей из коллекции А. С. Петрушевича в Народном Доме было 258,

¹³ Университетские известия. Киев, 1902, № 8, с. 39.

из них большая часть — это русско-польские сборники XVIII в., рукописи церковного характера. Меньшая часть — рукописи, «близкие по своему характеру к древнеславянской светской и церковной литературе»; ¹⁴ они были описаны М. Свенцицким, который пишет, что эти рукописи написаны были в разных местах: «. . . датированные все, а из недатированных, возможно, половина — в Галиции. Остальные перешли в Галицию, судя по почерку и правописанию, из Румынии, особенно XV в.».¹⁵

Рукопись № 24 не входит в число описанных И. Свенцицким, поскольку к тому времени была уже в Киеве, но данное определение И. Свенцицкого характеризует ту часть рукописного собрания А. С. Петрушевича, в котором прежде была рукопись № 24.

Таким образом, правописание, бумага, почерк ¹⁶ и, наконец, рукописная коллекция, из которой пришла рукопись, — все это вместе позволяет считать с большой вероятностью рассматриваемую рукопись не русской и не украинской, а молдавской.

¹⁴ Опис рукописів Народного Дому з колекції Ант. Петрушевича, ч. I. Зладив д-р Іляріон Свенціцький. Українсько-руський архів, т. I. Рукописи Львівських збіроч, вип. I. У Львові, 1906, с. IX.

¹⁵ Там же, с. X.

¹⁶ Пользуюсь случаем выразить признательность В. М. Загребину за помощь в определении молдавского происхождения этой рукописи.

В. Ф. ПОКРОВСКАЯ

Описание монастырской трапезы (по рукописи конца XVI в.)

Художественное описание застолья как особая тема вошло в литературу лишь в XVIII в., особенно ярко и выразительно прозвучав в творчестве Г. Р. Державина.

Между тем и значительно раньше тема эта не была чужда древнерусским книжникам и древнерусскому изобразительному искусству. Достаточно вспомнить описания княжеских пиров и монастырских трапез в рукописях XVI и XVII вв., изображения их в лицевых летописных сводах и житийных памятниках. В этом же плане звучат и фольклорные при сказки и заправки. Для становления этой тематики безусловно имели значение также и некоторые произведения деловой письменности.

С одним из таких самобытных описаний монастырской трапезы мы встречаемся в рукописи БАН, собр. Н. К. Никольского, № 41. Этот список интересен своим чисто северным местным колоритом. Кроме того, при всей регламентарности в нем не ощущается тяжесть аскетического отказа иноков от телесных нужд ради постнического подвига.

Рукопись озаглавлена «Устав Кирилова монастыря и Обиход братцкой естве во владычни и богородицины празники, и в воскресения Христова, и в нарочитых святых, и во обычныя дни во весь год». Написана она на рубеже XVI и XVII вв. (филигрань: кувшинчик с одной ручкой и с буквами «ІВ» сходен со знаком у Лихачева, вод. зн., № 1951, 1594 г.). Вторая статья «Обиход братцкой естве» занимает в рукописи л. 39 об.—61 об., и ее содержание раскрыто подробным заголовком: «О трапезном покои, о пици и о питии на празники владычны и на богородични, и на государские кормы заздравные и заупокойные, и митрополичьи и владычни, и княжие и боярские большие и средние и меньшие, и во всякую неделю, и в постныя и в обычныя дни и на весь год».

Это обстоятельное добавление к Уставу церковному составлено «по преданию старца Иосифа» (Иосифа Волоцкого, общецерковное почитание которого установлено в 1591 г.) для Кирилло-Белозерского монастыря. В начале текста говорится о запрещении принимать и держать пищу по келиям, так как надлежит «равно всем братиям доветися в трапезе» (исключение делается только для больных, находящихся в монастырских больницах, и других немощных старцев «по повелению настоятелю»). Несколько далее перечислены все «служебники», иноки, обслуживающие трапезу и занятые в поварне, — они питались во вторую очередь, после того как накормят всю братию.

Основную и наиболее интересную часть «Обихода братцкой естве» составляет последовательный календарный указатель — перечень кушаний, которые должны ставиться в трапезе день ото дня на протяжении всего года. В этом своеобразном меню зачастую указаны и норма выдачи

хлеба, и порции тех или иных блюд, и допустимая замена одних кушаний другими. Так, в воскресные дни «хлеб четверти кладут, да во штех белая капуста, да яйца, ко штем по два на брата, или короваи битые или лисни (?)» четверем братом, и коли яшница бывает, тогда ко штем яиц нет; калача по чети, да каша молочная, а обмен каше яйца по два. . .». Подробно раскрыто также содержание «кормов»: «государского большого», «средних княжских и боярских», «кормов меньших» и «рядовых заупокоиных». Например: «государьской корм большеи: рыба свежая в сковородах, да по блюдом двоя добрая со зваром и з горчицею, да колачи белые не в меру, да масленое обое; пироги одны со яйца да с перцем, а другие с сыром, — по пирогу обои, да олады с медом по две, да квас доброй медвен».

По этой рукописи можно убедиться в достаточном разнообразии и калорийности монастырской еды, проследить за сезонными изменениями в питании иноков, составить точное представление о режиме постов, узнать о кушаньях, традиционных для определенных дней в году.

Основным и почти ежедневным «варивом» в монастыре были «шти», приготовление которых составляло обязанность «штевара». Для щей употреблялись капуста (свежая или квашеная), борщ — на «шти борщовые» (вероятно, свекла, заквашенная отдельно или вместе с капустой) и «кислица» (т. е. дикорастущий щавель). В щи добавлялись чеснок или лук, масло (конопляное или льняное), иногда сметки, а в скоромные дни ко щам подавалось по два вареных яйца. Вторым по частоте приготовления «варивом» был «горох цыженой» — он сдабривался перцем. Значительно реже в рукописи упоминается лапша (в качестве первого, а возможно, и второго блюда).

Вслед за «варивом» подавалась на стол «другая ества». В обычные дни это были каши из различных круп (овсяной, гречневой, ячневой, пшенной) или «горох битой» (раздробленный и разваренный в виде каши). В праздники каша варилась на молоке или на ухе, крутую гречневую кашу иногда ели с маковым молоком, на сырной неделе готовили «кашу с сыром» (т. е. с творогом).

В праздники и в дни с богатыми «кормами» на трапезе обязательно подавали рыбу. Излюбленными были два кушанья: «рыба свежая в сковородах» (печеная) и «рыба по блюдом со зваром» (отварная, розданная с добавлением ухи), к ней полагались горчица, перец или хрен. Рыба жареная упомянута в рукописи лишь два раза. Рыба просоленная употреблялась тоже в отварном виде, кроме «сельди переяславской». Из мелкой рыбешки и из осетровых голов готовился «таврапчюк» в сковородах. В великий пост по всем субботам и в воскресные дни трапеза дополнялась «икрой черной с луком» и «икрой красной сиговой с перцем».

Овощные блюда были редки — встречается только «морковь или репа с маслом» летом и осенью. Зато на протяжении всего года часты указания: «а на обмену огурцы» (соленые огурцы были, очевидно, приятной заменой приедающихся пресных кушаний и даже калачей). А вот свежими огурцами братию кормили только в успенский пост: в понедельник, среду и пятницу этих двух недель их подавали «с медом» и даже «не в меру» и к тому же ставили на стол патоку «по ставцем».

«Капуста с маслом студеная», «капуста соленая да борщъ», «капуста крошеная с чесноком или с луком», «редька крошеная с соком (?)» и «редька некрошеная», «капустной росол» и «росол красной» (от квашеной свеклы), «хрен по ставцем», «брусница тертая с медом», «орешки в соку» — все эти припасы да толокно с квасом и увеличенная вдвое против нормы порция хлеба составляли «ядь постную» для дней строгого поста. К ним добавлялось иной раз «тесто солодяное» (запаренная мука из солода), или «грешневое», или «хлеб пареной».

Хлеб (ржаной) к столу подавался всегда мерою, чаще всего по четверти хлеба на брата, и притом не свежееиспеченный. Раздача «хлеба мягкого», увеличение его порции до половины цельного хлеба, так же как и уменьшение ее до «осминки» в ряде случаев, всегда оговорены в рукописи. На пасху свой хлеб в монастыре, по-видимому, не выпекали (возможно, по причине всеобщего участия иноков в молитвенном «бдении») и на всей светлой неделе на трапезе давали «перепечи привозные белые и ржаные».

Калачи специальной выпечки были почти такой же употребительной едой, как хлеб. Подобно хлебу, они разрезались на половины, на «чети» и на «осминки», но выдавались и по целому, а в торжественные дни на трапезе были «калачи белые не в меру»; «коровай битые» (из сдобного теста), «с рыбою», «с репою и морковью» и «с чем ни есть» были небольшими по размеру, так как на части они не делились. Так же по числу едоков выпекались из пшеничной муки штучные пироги: «со яйца да с перцем», «с сыром», «с маком», «с вязигою да с перцем». При этом на сырной неделе были особые «пряженные» (т. е. жареные в масле) пироги с сыром, «рогули» и «хвост», а на 49-й день после пасхи полагались «трудноши (?) с сыром» (ср. «трудноскока» — сумка для рабочего инструмента). Довольно часто в рукописи упоминаются также праздничные «оладьи с медом» по две на брата. Блины указано печь в среду четвертой недели великого поста «с маслом да с луком», а на первой неделе после троицы — блины «пшеничные с припекою» и «грешневые с кашею».

Еду записали различными квасами, которые варились в монастырской квасоварне и подавались к каждому столу, а кроме того, сказано, что от сретения (2 февраля) до покрова (1 октября) «квас пьют братия в полдень в трапезе по вся дни», за исключением первой и страстной недель великого поста. Квас ставился разный: «ячной», «медвян» и «патошной». Ячневый квас был обыденным — он иногда подавался «сычен» (т. е. был подслащен медом); «квас медвян» и «квас медвян доброй» входили в состав «больших кормов» и в праздничные рационы; квас паточный пили только по очень большим праздникам: в пасху, в заговенье перед великим постом и т. п. В пятницу сырной недели, в день сорока мучеников, по воскресным дням великого поста и на пасхальной неделе должен был подаваться «квас ячной переварной», т. е. жидкий второго налива на квасную гущу. В первые три дня страстной недели кваса совсем не давали, пили только воду.

В конце «Обихода братцкой естве» говорится, что в этом своем виде он составлен в расчете на «обильная и прохладная времена и лета», т. е. на годы с хорошей урожайностью. «Аще ли же коли бывают времена и лета скудна и потребных всех плодов земных умаление. . . тогда настоятель по совету соборных старцев и всех еже о Христе братии повелит служебником исполняти в трапезе пищу и питье. . . по времени, елико мощно долетится братии за оскудениз потребных, елико бог подаст от своих богатных даров».

Академик Н. К. Никольский проанализировал и издал смету доходов и расходов на содержание монастыря, составленную в 1601 г., т. е. современную «Обиходу братцкой естве», и путем подсчета статей сметы вывел ежегодную норму расхода продуктов как на каждого инока, так и на весь состав монастырской братии — на 184 человека. В его труде описаны также хозяйственные постройки и помещения монастыря: «хлебная» и «поварная», «квасоварня», «колачняя», погребя, амбары, «сушила» и небольшие «полатки»: для чищения рыбы, для хранения меда и т. п., а также обширная трапезная, построенная в 1519 г.¹

¹ Никольский Н. К. Кирилло-Белозерский монастырь и его устройство до второй четверти XVII в., т. I, вып. I. Об основании и строениях монастыря. СПб., 1897; вып. II. О средствах содержания монастыря. СПб., 1910.

К. С. ОСИПОВА

«История о великом князе Московском» Андрея Курбского в Голицынском сборнике

В ноябре 1974 г. в Отделе редкой книги Харьковского университета Г. Н. Моисеева обнаружила рукопись «Истории о великом князе Московском» Курбского и высказала предположение, что она принадлежала В. В. Голицыну.

В «Кратких сведениях о рукописях Центральной научной библиотеки Харьковского государственного университета им. А. М. Горького», составленных ныне покойным профессором университета Н. П. Жинкиным, «История» А. М. Курбского описана как рукопись XVII в., последнюю страницу которой завершал акrostих, «...состоявший из слов „царю Алексею Михайловичу вечная память“, расположенных в колонку из 18 строк»; о принадлежности рукописи В. В. Голицыну не упоминалось.¹

Последние годы этот список значился среди утерянных. Так полагал и автор статьи, посвященной «Истории», К. А. Уваров,² включивший ее, однако, в перечень известных науке рукописей и даже назвавший инвентарный номер, с отсылкой к описанию Н. П. Жинкина. В статью К. А. Уварова вкрался еще ряд неточностей: не известно, на каком основании он передатировал рукопись XVIII в. и дал неверное обозначение ее объема, указав 236 л.

Поскольку названная рукопись подробно еще не была описана, а в то же время имеет сложный состав и содержит кроме «Истории о великом князе Московском» еще целый сборник сочинений Андрея Курбского и произведения ряда других писателей, приводим ее описание.

Рукопись хранится в Отделе редкой книги Харьковского университета (инв. № 129, сейфовый № 168/с), представляет собой скорописный сборник, в лист, в кожаном коричневом переплете, порванном вдоль корешка, и насчитывает 394 л.

На л. 236 об. тем же почерком, каким написаны сочинения А. Курбского, сделана запись о принадлежности рукописи В. В. Голицыну: «185 (1677) года генваря в 22 день писана сия книга в дому боярина-князя Василия Васильевича Голицына. Глаголемая же сия книга История».

На титульном листе — заглавие: «История о великом князе Московском». Однако кроме «Истории. . .» Курбского (л. 1—134) сборник включает целый ряд других произведений:³ «Епистолия первая Андрея Курб-

¹ Н. П. Ж и н к и н. Краткие сведения о рукописях Центральной научной библиотеки Харьковского государственного университета им. А. М. Горького. — ТОДРЛ, т. IX. М.—Л., 1953, с. 472.

² К. А. У в а р о в. «История о великом князе Московском» в русской рукописной традиции XVII—XIX вв. — Ученые записки МГПИ, 1971, т. 455, с. 31, 69.

³ Заглавия произведений передаем согласно рукописи.

ского. . .» (л. 134 об.—138), «Краткое отвещание Андрея Курбского на zelo широкоую епистолию князя великого Московского» (л. 138 об.—140 об.), «На вторую епистолию отвещание цареви великому Московскому убогаго Андрея Курбскаго Ковельского» (л. 141—148). Особо выделены статьи: «В коем преподобие есть, тому ничесо же убивает ко блаженному житию от премудрые книги Цицеронови, глаголемые Парадоксы, сопровтив Антонию ответ» (л. 148 об.—150), «Сопровтив Клавдиуса, яже изгнал бысть Цицерена из града Римского тоне. Глава 17» (л. 150—157 об.). Лист 152 об. чистый; далее продолжается текст со слов «Зри, о царю, со прилежанием. . .». После подписи «Андрей Курбский княжа на Ковлю» идет статья «Аще пророцы плакали» (л. 158—160 об.), «Лист Андрея Ярославскаго до Костянтина Острожскаго» (л. 161—162), «Лист Андрея Курбскаго до Марка ученика Артемия» (л. 162 об.—165), «Лист Андрея Курбскаго до Кузмы Мамонича» (л. 165 об.—167 об.), «До Кузмы Мамонича лист 2» (л. 168—170), «Епистолия ко Кодиану Чапличу Андрея Ярославскаго» (л. 170 об.—174 об.), «Лист Андрея Ярославского до пана Федора Бокея Печихостского» (л. 175—176 об.), «Лист второй Андрея Ярославского до Федора Бокея» (л. 177—177 об.), «Лист князя Андрея Курбского до княгини Ивановое Черторыжское» (л. 178—179 об.), «Цыдула Андрея Курбскаго до пана Древинского писана» (л. 180—181 об.), «Лист Андрея Ярославского до князя Костянтина воеводы Киевского» (л. 182—183), «Цедула князя Андрея Курбскаго до князя воеводы Киевского» (л. 183—186 об.), «Цедула писана до пана Остафия Троцкого» (л. 187—187 об.), «Посланейцо краткое к Семену Седларю» (л. 188—189 об.).

Начиная со следующего листа помещены переводы из бесед Златоуста: «Нравоучение от беседы 29» (л. 190—195), «Бога никто же виде» (л. 195—201), «Нравоучение 15» (написано на поле киноварью), «Яко же друг другу любви и яко не подобает своя токмо искати, но и ближняго» (л. 201—202 об.), «Ответ восточных, или Щит церкви правоверной» (л. 202 об.—204), «Евангелие от Иоанна. Беседа 38» (л. 204—210), «Нравоучение 38 о тщеславии» (л. 210—211 об.), «Востаните, идем отсюда, аз емь виноград истинный. . .» (л. 211 об.—215 об.), «Евангелие от Иоанна. От беседы 25» (л. 216—217), «Нравоучение 25. Яко некрещены, аще и безчисленная им бес исправления умрет, в геену отходит» (л. 217—219). Лист 219 об. чистый, а со следующего листа начинается «История о Флорентийском соборе» («Ого истории о осмом соборе и о разорваню или раздранию умиленю восточных церкви западными. Написано в Вилне от неякого судьякона. . .» (л. 220—226 об.)). Далее (л. 227—236) помещены переводы Курбского из Хроники Евсевия «Новопреложенная повесть, или Гадание, або пря. . . Евсевия архиепископа Кесарийскаго», «О споре епископов во Азии о пасхе» (л. 228—229 об.), «О споре ликования ради пасхи. От главы 5» (л. 229 об.—230 об.), «Епистолия Костянтина ко церквам» (л. 230 об.—231), «Того же о согласию ликования пасхи и сопровтив иудеем. От главы 17» (л. 231—233), «Наказавание ко последованию. . .» (л. 233—234 об.), «От книг 5» (л. 234 об.—236). Владельческая запись на л. 236 об. занимает пол-листа; следующий лист оставлен чистым. Листы 238—249 об. занимает повесть «О приходе турецкаго и татарского воинства под Астрахань, принадлежащая, как установлено,⁴ А. Гарновскому. Лист 250 чистый; на л. 251—282 об. помещена книга Гваньини «Гвагнаина книга. 3 часть. О описании царства Московского и государств, к нему прилежащих». Лист 283 чистый. На л. 284—340 помещено Первое послание царя Ивана Грозного к Андрею Курбскому; текст этого Послания не имеет за-

⁴ Д. С. Лихачев, Я. С. Лурье. Археографический обзор посланий Ивана Грозного. — В кн.: Послания Ивана Грозного. М.—Л., 1951, с. 550.

главия и начинается с середины л. 284 со слов: «Господь наш Троица, иже прежде век святой. . .». Листы 340—342, 344 оставлены чистыми. Лист 344—377 и л. 377 об.—393 занимают сочинения Симеона Полоцкого «Глас последний ко господу богу» и «Плач россиян». На л. 393 об. — «Заключение»; на л. 394 — «Сице» — акrostих «Царю Алексию Михайловичу вечная память».

Перу А. М. Курбского принадлежат сочинения, занимающие л. 1—236 сборника, начиная с его «Истории о великом князе Московском» до повести А. Тарновского.⁵

Водяные знаки на голландской бумаге: шуты с бубенцами на воротнике. Имеются два основных варианта филигрانی (la folie): в самом начале рукописи на чистом листе — голова шута с 5 бубенцами на воротнике и косой на спине, а на большинстве остальных листов другая фигура шута — с 7 бубенцами. Оба этих водяных знака С. А. Клепиков⁶ и А. А. Гераклитов⁷ относят к XVII в.

Фигура шута с 7 бубенцами просматривается на протяжении всей книги, начиная с титульного листа до л. 237 (с этого листа в середине сборника имеются листы без филигрانی или с другими водяными знаками), далее на л. 258—309, 319—328, 346—394. После л. 238 просматривается другой водяной знак XVII в. — герб города Амстердама⁸ (л. 238, 241—244, 250—252, 310, 313, 314). На л. 330, 331, 333, 336, 338—340 и 344 просвечивается еще одна филигрань — прямоугольник с рисунком, напоминающим завитки (этот водяной знак очень нечеткий, его трудно разобрать). Что касается литер (чаще всего встречаются в рукописи литеры NB, CR и CB), то их не удалось расшифровать, так как им нет соответствия (в комплексе с фигурами) в альбомах указанных авторов, а также у К. Тромонина⁹ и Н. П. Лихачева.¹⁰

С XVII в. также связан почерк сборника — скоропись (начертания букв со всеми их вариантами безусловно характеризуют скоропись именно этого времени).¹¹ Слова в рукописи разделены между собой интервалами, которые, как известно, появляются в рукописях «в основном с XVII в., а в старопечатных изданиях — в XVI—XVII вв». ¹² При этом обнаруживается любопытная деталь: служебные слова в рассматриваемой рукописи еще соединены с самостоятельными словами (например, «задвадни» —

⁵ По предположению Ю. Д. Рыкова, список Музейного собрания, ф. 178, № 8324, л. 8—60 был сделан именно с данного сборника В. В. Голицына. Сведения об этом сборнике исследователю известны по трудам И. Шляпкина и В. С. Иконникова (см.: Ю. Д. Рыков. Списки «Истории о великом князе Московском» князя А. М. Курбского в фондах Отдела рукописей. — Записки Отдела рукописей ГБЛ, т. 34. М., 1973, с. 119).

⁶ См.: С. А. Клепиков: 1) Филигрانی и штемпели. М., 1959, с. 26; 2) Бумага с филигранью «голова шута» (foolscap). — Записки Отдела рукописей ГБЛ, т. 26. М., 1963, с. 407, 410. Автор пишет, что сочетание «головы шута» и знака Дюринга характерно для середины XVII и первой половины XVIII в., и далее уточняет, что филигрань «голова шута» с семью зубцами свойственна середине XVII в.

⁷ А. А. Гераклитов. Филигрانی XVII в. на бумаге рукописных и печатных документов русского происхождения. М., 1963, с. 171, № 1210 (1681); с. 205, № 1383 (1680).

⁸ См.: С. А. Клепиков. Бумага с филигранью «герб города Амстердама». — Записки Отдела рукописей ГБЛ, т. 20. М., 1958, с. 317. Иллюстрируемый С. А. Клепиковым герб города Амстердама (по альбому Черчилля, № 1) идентичен имеющемуся в Голицынской книге.

⁹ К. Тромонин. Изъяснения знаков, видимых в писчей бумаге. М., 1844.

¹⁰ Н. П. Лихачев. Бумага и древнейшие бумажные мельницы в Московском государстве. Историко-археографический очерк. СПб., 1891.

¹¹ См. таблицы буквенных обозначений в кн.: Л. В. Черепнин. Русская палеография. М., 1956, с. 365—366 (табл. 10), 370 (табл. 11), 371 (табл. 12).

¹² В. И. Борковский, П. С. Кузнецов. Историческая грамматика русского языка. М., 1963, с. 39.

л. 22 об., «инетокмо» — л. 39 об., «непредочима» — л. 287, «нозаслово» — л. 346, и др.). Это также служит признаком создания списка никак не позднее XVII в. В. И. Борковский и П. С. Кузнецов указывают на это переходное явление: «Когда начинают использоваться интервалы для разграничения слов, служебные слова, соседние с самостоятельными (предлоги, союзы, частицы), пишутся обычно слитно с последними».¹³

Сборник переписывался несколькими лицами, о чем свидетельствуют разные почерки. Явно вырисовываются 5 почерков. В л. 1—236 постоянно чередуются два почерка: первый — довольно четкий, прямой, второй — более наклоненный влево, широкий. Третий почерк — с мелкими буквами, четкий, приближающийся к полууставу. Переписчик здесь пользовался ярко-черными чернилами, в отличие от более тусклых в начале сборника. Этим третьим почерком написано единственное произведение — повесть «О приходе турецкаго и татарского воинства под Астрахань» (л. 238—249 об.). Книга Гваньини (л. 251—282 об.) переписана, по-видимому, тем же лицом, который работал над первыми произведениями сборника (частью «Истории» Курбского, некоторыми его письмами и книгой Гваньини). Первое послание Ивана Грозного написано двумя иными почерками: во-первых, мелким почерком, форма букв которого явно отличается от начертания букв начальных листов сборника (л. 284—312); во-вторых, почерком с буквами округлой формы (особенно заглавных — л. 313—326, 328—340). В этом произведении только один лист написан основным, первым почерком сборника (ср. начальные листы сочинений Курбского и л. 327). Сочинение Симеона Полоцкого переписано почерком, который мы находим на л. 284—312. Одному и тому же лицу принадлежат листы в начале книги, в середине и в конце (л. 327). При этом наблюдается еще одна особенность рукописи: один и тот же переписчик пользовался листами (особенно в конце сборника) с разными филигранями: книга Гваньини переписана одним лицом на листах с двумя водяными знаками (герб Амстердама и голова шута с семью бубенцами). Стихи Симеона Полоцкого помещены на листах с изображением прямоугольника с завитками и головы шута.

На протяжении значительной части сборника (кончая «Историей о осьмом соборе») на полях рукописи имеются приписки, а также дополнения к тексту в строке, над отдельными словами и на полях, выполненные черными чернилами и киноварью (о них будет речь особо).

Обращает на себя внимание титульный лист рукописи, украшенный в манере, типичной для XVII в.: орнамент заставки исполнен в травяном стиле (цветы, листья, плоды) с миниатюрой в середине, создающей пространственное впечатление (рис. 1). В центре заставки — фигура Христа с нимбом. В орнаменте господствуют тускло-красный и несколько оттенков зеленого цвета; со всеми этими признаками Л. В. Черепнин связывает основные черты рукописного орнамента XVII в.¹⁴ Некоторые детали орнамента выполнены золотом. Пышность оформления дает основание полагать, что сборник был выполнен по заказу знатного человека.

О XVII в. свидетельствует также и манера, в которой написано заглавие. Это характерная для рукописей XVII в. геометрическая вязь с матовой лигатурой.

Изложенные выше наблюдения над филигранями, почерками и оформлением рукописи, а также датирующая запись, сделанная 22 января 1677 г. на л. 236 об., и завершающие сборник сочинения на тему о смерти царя Алексея Михайловича позволяют сделать заключение, что сборник

¹³ Там же, с. 40.

¹⁴ Л. В. Черепнин. Русская палеография, с. 421—422.

Рис. 1. Титульний лист збірника.

Бібліотека Харківського університету, № 176.

был переписан полностью вскоре после смерти царя, умершего в 1676 г., и после того, как в этом же году Симеон Полоцкий написал ему свой некролог «Глас последний ко господу богу». По-видимому, сборник создавался в течение непродолжительного времени «в дому» и по заказу В. В. Голицына людьми, близкими ему и С. Полоцкому, когда В. В. Голицын еще пользовался авторитетом и влиянием. Иначе невозможно объяснить ни внесение в конец рукописи посвященных царю стихов С. Полоцкого, ни появление на л. 236 об. записи о написании книги «в дому боярина-князя Василия Васильевича Голицына» (рис. 2).

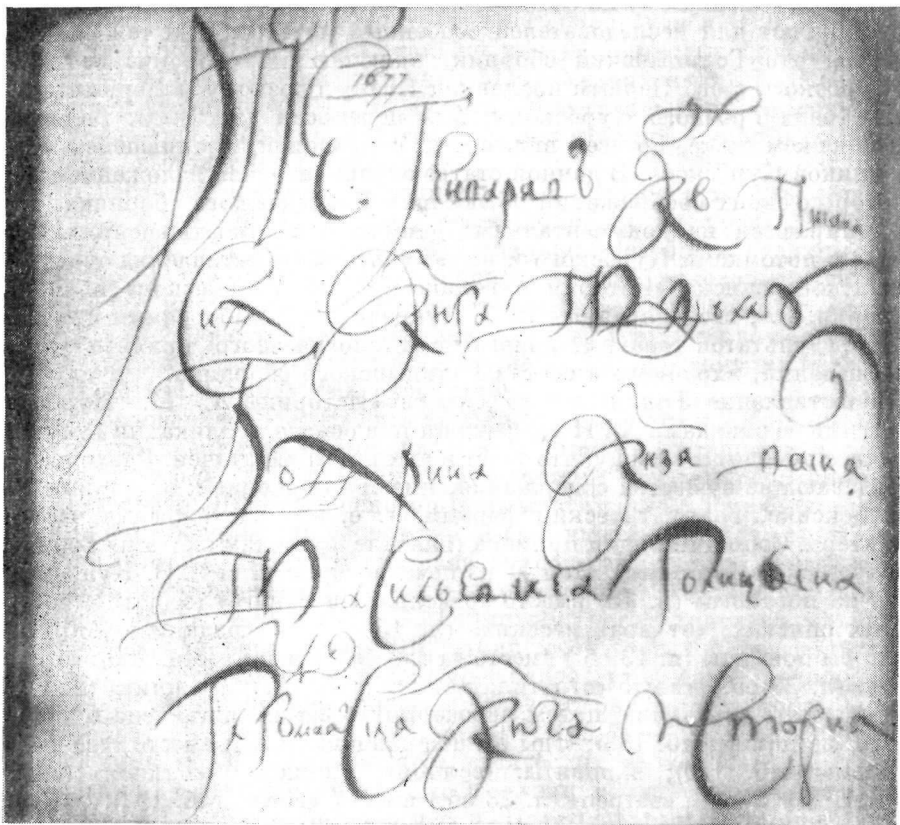

Рис. 2. Посвящение кн. В. В. Голицыну на л. 236 об.

Библиотека Харьковского университета, № 176.

Основываясь на владельческой записи, только что изложенных и ряде иных соображений, о которых скажем ниже, предлагаем для всего сборника установить условное название «Голицынский сборник», а для списка «Истории о великом князе Московском» Андрея Курбского из этого сборника — название «Голицынский список» «Истории».

Если сопоставить содержание Голицынского сборника с печатным описанием того сборника, который был опубликован Г. З. Кунцевичем,¹⁵

¹⁵ Сочинения князя Курбского, т. I. Сочинения оригинальные. Под ред. Г. З. Кунцевича.— РИБ, т. XXXI. СПб., 1914 (далее: Кунцевич). Г. З. Кунцевичем использованы полные списки «Истории» Курбского, выполненные в XVII в., со всеми разночтениями.

оказывается, что оба они состоят в основном из одних и тех же произведений, кроме отсутствующих у Кунцевича: Повести А. Тарновского, книги Гваньини, Первого послания Ивана Грозного А. Курбскому и произведений Симеона Полоцкого. С другой стороны, повесть «О осьмом соборе» Голицынского сборника не имеет той концовки, которой завершаются печатные тексты Г. З. Кунцевича и Н. Г. Устрялова¹⁶ (см.: Устрялов, с. 267; Кунцевич — стб. 484).

Сразу же оговоримся, что в задачу настоящей работы не входит специальное изучение истории создания Голицынского сборника в целом, выявление его состава и процесса сложения, установление его места среди сборников, близких ему по составу, хотя, несомненно, именно эти вопросы представляют для исследователей особый интерес. Они тем более интересны, что Голицынский сборник, включающий собрание сочинений А. Курбского с его Первым посланием Ивану Грозному и Первым посланием Ивана Грозного Курбскому, был переписан для В. В. Голицына, как покажем ниже, по всей видимости, с рукописи, хранившейся у родственников Курбского. В данной статье ограничиваемся изложением лишь некоторых своих соображений об истории Голицынского сборника, которые опираются на документальные данные о взаимоотношениях Голицыных с потомками Курбского и на результаты сопоставления текста Голицынского списка «Истории о великом князе Московском» и списка «Истории. . .», исследованных Г. З. Кунцевичем, с выборочным привлечением результатов сравнительного текстологического анализа других произведений, входящих в состав Голицынского сборника.

Сопоставление Голицынского списка «Истории» А. М. Курбского с другими ее списками XVII в., лежащими в основе публикации Г. З. Кунцевича, приводит к выводу, что текст в них почти идентичен. Расхождения, не затрагивающие существа содержания, имеют отношение к отдельным фразам, лексике, грамматическим формам, т. е. это расхождения частного характера. Сопоставим для примера (вначале приводим слова из Голицынского списка «Истории», затем — из печатного издания Г. З. Кунцевича): «рече на поганого» (л. 15) вместо «реченного поганого» (стб. 181) во всех других списках; «от врат месских» (л. 15 об.) — «градцких» (стб. 181); «а что бы поведал» (л. 19 об.) вместо «а кто бы поведал» (стб. 186); «стратилатов» (л. 20 об.) вместо «стратилатьским» (стб. 187); «за ними» (л. 21) — сначала было «за нами», потом перечеркнуто «а» и поставлена буква «и» вместо «за нами» (стб. 188); «гды бы под солнцем» (л. 23) вместо «где бы под солнцем» (стб. 190); варианты: «селицом», «сонцем», «солнцем» (сноски под стб. 189 и 190); «ветреп» (л. 23 об.) вместо «ветр» (стб. 192); «сниглитове» (л. 28), «сниглиты» (л. 28) вместо «сигклитове», «сниглицы» (стб. 198); «средине же и задния людем» (л. 29 на об.) вместо «средним» (стб. 200), и др.

Голицынскому списку «Истории. . .» свойственны опiski в словах и фразах, обесмысливающие текст: «но иначе же» (л. 12) — «наипаче же» (стб. 178); «вытечки темили» (л. 19)¹⁷ — «вытечки имели» (стб. 186); «пешо коштурму» (л. 25) — «пешого ко штурму» (стб. 194); «Кулшериф-моллоу» (л. 28) — «Кулшериф-молвою» (стб. 198);¹⁸ «недовраты бяше» (л. 29 об.) — «надо враты» (стб. 200).

¹⁶ Н. Г. Устрялов. Сказания князя Курбского. СПб., 1868 (далее: Устрялов).

¹⁷ Здесь и далее сохраняем орфографию Голицынского списка.

¹⁸ Н. Г. Устрялов при публикации передает это слово как «Кулшериф-моллоу» и указывает, что Кулшериф — имя мурлы (см.: Устрялов, с. 29); переписчик же Голицынского списка искажил слово и «Кулшериф».

Чем объяснить то, что в Голицынском списке «Истории о великом князе Московском» больше бессмысленных, искаженных слов с ошибочным, неправильным написанием, чем в списках, использованных в печатном издании 1914 г.? Вероятнее всего тем, что текст, с которого сделан список, был для переписчика XVII в. уже непонятным, так как был написан в сплошную строку, без интервалов между словами, и поэтому многие слова остались нерасшифрованными при попытке их расчленения. Кроме того, наличие некоторых дополнений, разночтений и языковых особенностей, отличающих Голицынский список «Истории» от всех других списков, исследованных Г. З. Кунцевичем, наводит на мысль, что у Голицынского списка «Истории» и всего Голицынского сборника была своя, несколько обособленная текстологическая судьба.

В Голицынской рукописи, так же как и во многих других списках (что видно из разночтений, учтенных М. Г. Устряловым и Г. З. Кунцевичем), произведения А. М. Курбского (только именно его сочинения!) сопровождаются большим количеством маргиналий, заметок и записей на полях, выполненных киноварью.

Что касается почерков маргиналий, то следует отметить лишь два: полуустав и скоропись XVII в., очень похожую на почерк сочинений А. Курбского. Скорее всего первоначально они были сделаны самим Курбским на его собственной рукописи или на некоторых сделанных еще при его жизни копиях. Разумеется, эти заметки на прижизненные копии могли перенести и переписчики. Судя по всему, не во все копии попали авторские примечания и заметки на полях, поэтому не во всех дошедших до нас списках они отразились.

Есть основания полагать, что списки, содержащие в себе больше приписок и добавлений на полях, древнее и ближе к оригиналу. К последним, по-видимому, и принадлежит рукописный текст, переписанный для В. В. Голицына. Конечно, некоторые из маргиналий могут быть интерполяциями переписчика или редактора. Мы же имеем в виду те пометы и объяснения, которые стилистически связаны со всем текстом, с идейным содержанием произведения и углубляют, разъясняют его. Заметки на полях рукописи, принадлежащей В. В. Голицыну, носят характер уточнений, разъяснений или переводов (толкований иноязычных слов, польских и татарских). Встречаются, например, такие уточнения: «докучением» (л. 1) — на полях рукописи соответствует слову «стужанием»; «прежде доброму» (л. 1) — «пресветлому»; «казал» (л. 2) — «повелел»; «от царя перекопского» (л. 5) — «крымсаго»; «всяческих не жаловал» (л. 6 об.) — «не пощадил»; «претвердыми» (л. 7 об.) — «наикрепчайшими»; «при царском венце лежит» (л. 24) — «бывает» и т. п. Параллельные истолкования слов более точно передают смысл предложения, авторскую мысль. Иногда разъяснения на полях носят более пространный характер: «Но и Гербершеен» (л. 2 об.) — далее характеризуется Герберштейн; «Куалый» (л. 8 об.) — «Сказ та измаилтеским языком Суала глаголется, а по-словенски Медведица, Танаис по-римски, а по-русски Дон, яже Европу делит с Азиєю, яко космографы описуют в землемерительной книзе». На л. 29 об. на поле читаем: «... юрт, измаилтеским языком абыкло нарицатися кралевство, або царство, само в себе стоящее».¹⁹ К фразе «... и дает дары, сиречь лико хто вместит добрым произволением» на поле добавлена ссылка на 18 беседу Златоуста: «... тако ж зри о добром свете в Златоустаго толкованию корницкосо в Послании втораго Павловых словес в орнауочению от бе-

¹⁹ В списках, обследованных Г. З. Кунцевичем (АР, ЛК, П), на полях также имеется это объяснение слова «юрт» (стб. 200).

седы 18» (л. 39 об.). Правда, переписчик не понял некоторых слов протографа и искажил их.²⁰

Во всех сочинениях Курбского, в том числе в его «Истории», употребляется много слов иноязычного происхождения: полонизмов, тюркизмов. Чтобы читателям был ясен их смысл, Курбский дает их перевод на полях, а против некоторых русских слов пишет слова-аналоги польски, раскрывая их смысл для поляков. Этот факт подтверждает мысль советских ученых о том, что свое сочинение «Историю о великом князе Московском» Курбский адресовал и русским и полякам, дабы настроить их против царя Ивана IV. Если бы свой труд Курбский думал обращать только к русским читателям, ему незачем было бы переводить известные, понятные русские, а также татарские слова на польский язык. Слово «казаков» (л. 16 об.) он переводит как «левентов»; «раздроченный» (раздраженный) (л. 18 об.) — словами «ропещонны желнерю»; «со церемониями» (л. 24 об.) — словами «солитиями»;²¹ «крестоносных» (л. 65 об.) — «крыжатов»; «стратилатов» (л. 155 об.) — «ротмистров»; «императором» (л. 161) — «гетманом». Наоборот, полонизмам и другим иноязычным элементам соответствуют на поле русские слова: «и срозе» (л. 6) — «и о ужасне»; «место великое мурованное» (л. 10) — «град великий от камня сооружен»; «шанцы» (л. 17 об.) — «туры»; «уроблено» (л. 24) — «сотворено»; «ко штурму» (л. 25) — «ко приступу»; «силлогизм» (л. 37 об.) — «слогию або стих»; «трвала» (л. 45) — «пробывала»; «рада» (л. 45) — «управление»; «целомудренне» (л. 66) — «воздержание»; «скарбы» (л. 69) — «казна»; «невдяжное» (л. 180) — «неблагодарное»; «во философии» (л. 192) — «в любомудрии» и т. д. Тюркское «карач», или «корач», переводится как «сенатор» (л. 17 об.), или «наибольший советник» (л. 29 об.). Тюркское слово «имилдеши» истолковывается и по-русски и по-польски одновременно: «сиречь мамичия же бывает питаема единым сосцом со царским отрочатем» (л. 29 об.).²² Такое толкование сохраняется и в ряде других списков (АР, ПГ и др.).

В Голицынском сборнике находится наибольшее количество приписок на полях, при этом некоторые из них не зарегистрированы ни в одной из других рукописей, привлекаемых Г. З. Кунцевичем. Приведем эти приписки: «не поцадил» (л. 6) — к «не жаловал»; против слова «улубии» (л. 17 об.) на полях дописано киноварью «великий князь татарский»;²³ в тексте «шанцы» (л. 17 об.) — на полях «туры»; слово «пушки» на полях (л. 18) объясняет слова текста «великие дела»; ко словам в тексте «взопроша караче» (л. 19) добавлено: «воспать обратисяша воевод бусурманских сил сенаторов»; «при наряде» (л. 19) объясняет выражение «при делех» в тексте; «солитиями» (л. 24) соответствует словам текста «со церемониями»; «поветрия» (л. 41) — добавление к слову в тексте «смертоноснаго»; «пробывала» (л. 45) — к «трвала»; «управление» (л. 45) — к «справа»; «крыжатов» (л. 65 об.) — к «крестоносных»; «казна» (л. 69) — к «скарбы»; «уподобление» (л. 176) — к «подражание»; «супостата или врага» (л. 183) — к «неприятеля». Приписки на полях Голицынского сборника заканчиваются на «Истории о восьмом соборе». Случаи отсутствия перечисленных выше приписок в некоторых списках, содержащих «Историю о великом

²⁰ См. у Кунцевича в сносах под стб. 215—216 маргиналии в других списках, где присутствует, очевидно, более правильное написание слов (не «корницкосо», а «коринфского», не «орнавоучению», а «о нравоучению»), как того требует логика.

²¹ В списке УТ — «со службами» (см.: Кунцевич, стб. 192).

²² Ст.-польск. татшзус: 1) кормить (грудью) ребенка — о кормилице (Польско-русский словарь. Изд. 5-е. М., 1958, с. 259).

²³ Только в списке ПГ на поле написано «князь» (см.: Кунцевич, сноски к стб. 183 и 184).

князе Московском», и других сочинениях Курбского свидетельствуют, по-видимому, о том, что эти переписчики не видели Голицынского сборника.

Этому предположению не противоречит и другое наблюдение над вставками Голицынского сборника, которые внесены черными чернилами на полях и в текст над строкой. На л. 31 «Истории» Курбского читаем: «. . . рыдающим двема воином царским», а над словом «воином» сделана черными чернилами вставка: «слугам моим надо мною стоящим и другим двема». Любопытно то, что эта фраза, написанная в Голицынском сборнике над строкой, во всех остальных списках, учтенных Г. З. Кунцевичем и Н. Г. Устряловым, внесена в текст с единственным незначительным разночтением грамматического характера к слову «воином» в списке *T*, где читается «воинов». ²⁴

Другая вставка черными чернилами сделана на полях л. 29 Голицынского списка «Истории». На этом листе в тексте после слов «сопротив их» сделана помета в виде крестика, которой на полях рукописи соответствует вставка: «у царева двора стоях, и не осталось уже было со мною». С помощью этой вставки восстанавливается следующее логически завершенное предложение: «Сопротив их у царева двора стоях, и не стало уже было со мною полтораста воинов, а их еще было с десять тысячей». Во всех остальных списках, учтенных Г. З. Кунцевичем и Н. Г. Устряловым, эта вставка также вписана в строку, внесена в сам текст.

Исходя из этих фактов, можно сделать два предположения. Во-первых, что Голицынский список «Истории» выверялся и исправлялся, а замеченные пропуски и ошибки были внесены черными чернилами над строкою и на полях рукописи (по-видимому, переписчиками?). В связи с этим возникает вопрос, кому принадлежат киноварные исправления.

Во-вторых, можно предположить, что составители Голицынского списка «Истории» работали над подлинным сочинением Курбского, содержащим авторские пометы, исправления и дополнения, и в точности воспроизвели их. Составляя сборник сочинений А. В. Курбского, А. Тарновского, Грозного, Гваньини и С. Полоцкого для князя В. В. Голицына, влиятельного вельможи второй половины XVII в., и одновременно посвящая свой труд памяти царя Алексея Михайловича, переписчики тем самым брали на себя большую ответственность. Получив, вероятно, один из авторских вариантов сочинений Курбского, они бережно отнеслись к тексту, сохранив его в первоизданном виде.

Естественно возникает вопрос: откуда и как в руки В. В. Голицына могла попасть ценная рукопись, содержащая собрание сочинений Курбского? Ответ при существующем положении вещей может быть только предположительным. Некоторый просвет в решении этой проблемы появляется благодаря двум документам, опубликованным Н. Г. Устряловым. В конце своего исследования о сочинениях А. Курбского Н. Г. Устрялов издал два списка с подлинных челобитных: челобитной шляхтича Александра Курбского царям Иоанну Алексеевичу и Петру Алексеевичу и челобитной польского князя Кашпера Курбского В. В. Голицыну. Содержание этих челобитных для нас чрезвычайно любопытно. ²⁵

Первая челобитная была подана Александром Курбским 17 марта 1686 г.: «Царем государем и великим князем Иоанну Алексеевичу, Петру Алексеевичу, всеа Великия и Малыя и Белья России самодержцам, бьет челом нововыезжий шляхтич князь Александр княж Кашперов сын Кур-

²⁴ См.: Кунцевич, стб. 201—202.

²⁵ Устрялов, с. 422. Рукописи эти, находившиеся в Московском главном архиве, были доставлены Н. Г. Устрялову А. Ф. Малиновским. Нами установлено, что в настоящее время список челобитной Александра хранится в ЦГАДА, ф. № 150, ед. хр. 2.

бский. В нынешнем, государи, в 194 (1686) году выехал я из Польши на ваше великих государей имя, и хочу вам, великим государям, служить в вечном холопстве, оставя свои маестности в Витебском воеводстве, помня милость прадеда и деда ваших великих государей к прадеду моему к князь Андрею Курбскому, и ныне видя вашу, великих государей, пресветлую милость к брату моему родному, ко князю Якову Курбскому, також и я хочу вашей господарской милости служить верою и правдою в вечном холопстве.

Милосердые государи цари и великие князи Иоанн Алексеевич, Петр Алексеевич, всеа Великия и Малыя и Белья России самодержцы! Пожалуйте меня: велите, государи, мне служить вам, великим государям, в вечном холопстве с братом моим, с князь Яковом Курбским, чтоб нам разлученья не было. Цари государи! смилуйте, пожалуйте». ²⁶ Далее течение дел было таким: поступил приказ «194 года, марта в 17 день, по указу великих государей, велеть того выезжаго иноземца князь Александра Курбского распросить». ²⁷ Затем челобитная Александра Курбского была удовлетворена, и он «принят в службу; а как он был католик, то крещен и наречен князем Яковом. От купели восприимал его крайчий князь Борис Алексеевич Голицин. За выезд пожалован деньгами, одарен платьем и для оклада отправлен из посольскаго приказа в Розряд». ²⁸

Вторая челобитная Кашпера Курбского была послана 15 февраля 1687 г.: «Перевод с Польскаго листа, каков писал царственныя большия печати и государственных великих посольских дел ко оберегателю, к ближнему боярину и наместнику Новгородскому, ко князю Василию Васильевичу Голицыну, князь Кашпер Курбский.

Ясне-освячоный, милостивый княже Василий Васильевич Голицын, государь мой милостивый! Здравия добраго желая Вашей княжеской милости, всякаго от господа вышняго счастья, благоприветствую на неисчетныя лета со всем твоим домом вельможным употреблять, а особо с ясне-освячною ея милостью княгинею своею и с любимым наследием жити в добром здравии вашей вельможности на неисчетныя лета.

При сем моем письме посылаю отродие свое нарочно челом ударити Вашей княжеской милости, слыша о неисповедимой милости к детям моим, которые по смотрению божию при великих и при светлейших царех московских на вечное житье остались, за что Вашей княжеской милости сам господь вышний будет воздаянием, и я не в достойных молитвах моих с женою и с детьми моими, при мне оставшуся, до конца житья моего денно и ночно за здравие Вашей княжеской вельможности от господа молить обещаюся; того для прошу Вашей княжеской вельможности, чтоб и впредь в милости своей княжой и отеческой их блюсти.

При сем моем письме и я сам по се время в пошлых летех моих до воли божию пребывая, вашей княжеской милости приятство свое вручаю.

Писан в Пилонках, февраля в 15 день 1687 году. Вашей княжой милости желательный приятель князь Кашпер Курбский». ²⁹

Между Кашпером Курбским и русскими властями могли быть установлены контакты еще раньше, «лет 30 тому назад», когда, по словам Александра Курбского, его отец был взят в плен русскими «ратными людьми», крещен в православную веру, служил русскому царю Алексею до тех пор, пока города Полоцк и Витебск не были отданы полякам. ³⁰

²⁶ Устрялов, с. 422.

²⁷ Там же, с. 423.

²⁸ Там же.

²⁹ Там же.

³⁰ Выезд польского шляхтича князя Александра Курбского в российскую службу.— ЦГАДА, ф. 150, ед. хр. 2, год 1686, март 17, с. 2.

Из содержания челобитных следует, что между Голицыными и Курбскими сложились особые отношения. Голицыны покровительствовали Курбским. Б. А. Голицын стал крестным отцом Александра, правнука А. М. Курбского, а В. В. Голицын, очевидно, взял его под покровительство после получения письма Кашпера Курбского, уже давно проявляя «милость» к Якову, приехавшему в Россию. Кашпер Курбский знает членов семьи В. В. Голицына (жену и детей), вероятно, со слов своих сыновей. Курбские (возможно, Яков, приехавший раньше Александра) могли подарить Б. А. Голицыну сочинения своего прадеда, уцелевшие ко второй половине XVII в., может быть даже черновик, которым дорожили в семье. С него-то и могла быть снята копия для В. В. Голицына, известного ценителя и собирателя рукописей и книг,³¹ имевшего доступ к документам Посольского приказа.³²

Кроме того, следователя заинтересовывает следующий факт. Нейкий Яков Курбский упоминается в «Розыскных делах о Федоре Шахловитом и его сообщниках»,³³ где указывается, что в селе Богородицком Московского уезда, принадлежавшем В. В. Голицыну, содержались две лошади князя Якова Курбского. Далее Я. В. Курбский упоминается как поручитель Ивана Тинбаева, «человека» Василия Голицына: он давал властям поручительство, что Тинбаев никуда не выедет из Москвы.³⁴ Значит, это близкий Голицыну человек. Не является ли Я. В. Курбский правнуком А. М. Курбского, получившим новое имя после принятия православной веры? Если это так, то упомянутые факты подтверждают нашу мысль о том, что Голицыны и потомки Курбского были в дружбе. Голицыны после принятия Курбскими русского подданства неизменно им покровительствовали, и Курбские (правнуки боярина) могли подарить рукопись прадеда вельможе, который содействовал их приезду в Россию.

Состояние рукописи, принадлежавшей В. В. Голицыну, свидетельствует о том, что она неоднократно читалась: нижние углы листов — грязные, многие листы подклеены. Сборник подвергся реставрации и экспонировался на выставке 1902 г. в г. Харькове. Об этом свидетельствует «Каталог выставки XII Археографического съезда в г. Харькове»,³⁵ где в главе II — «Рукописи, принадлежащие Библиотеке имп. Харьковского университета, раздел VII, исторического содержания», под № 137 упоминается «История о великом князе Московском, о еже слышати у достоверных и еже видехом очима нашими». О том, что речь идет именно о Голицынском сборнике, свидетельствует примечание на с. 33 «Каталога»: «В конце анограмма: „Царю Алексею Михайловичу вечная память“».

³¹ О составе библиотеки В. В. Голицына см. в кн.: С. П. Л у п ц о в. Книга в России в XVII веке. Л., 1970, с. 107—112.

³² Известно, что в 1686 г. В. В. Голицын руководил в Посольском приказе работой по составлению официального летописца. Подробнее об этом см.: Л. В. Черепнин. «Смута» в историографии XVII века. — ИЗ, 1945, т. 14, с. 116—119.

³³ Розыскные дела о Федоре Шахловитом и его сообщниках, т. III. СПб., Изд. Археографической комиссии, 1888, с. 231, 633.

³⁴ Там же, с. 1007.

³⁵ Каталог выставки XII Археографического съезда в г. Харькове. Отдел старопечатных книг. Харьков, 1902.

А. М. ПАНЧЕНКО

«Златое иго супружества» и его источник

Вводимый в научный оборот литературный памятник известен (под заглавием «Златое иго супружества») в двух списках XVIII в.: ИРЛИ, Древлекохранилище, колл. Перетца, № 206 (далее — *П*) и ГИМ, собр. Забелина, № 497 (далее — *З*). За основной при публикации принимаем список *П* (обоснование см. ниже).¹

В то время, когда рукописи акад. В. Н. Перетца находились в Москве, в ИМЛИ (В. П. Адрианова-Перетц передала их туда в конце 30-х гг.), этот памятник готовил к печати С. А. Бугославский. По-видимому, он занимался им в первые послевоенные годы, незадолго до кончины. Из материалов, сохранившихся в наследии С. А. Бугославского,² очевидно, что он относил «Златое иго супружества» к числу оригинальных произведений русской литературы. Однако даже беглый просмотр текста свидетельствует о том, что это мнение, вне всякого сомнения, ошибочно.

«Златое иго супружества» — произведение бесспорно переводное. Его автор упоминает Русь, но как чужую страну («На Руси такие обретаются. . . да и там, сказывают, есть их половина» — *П*, л. 8). Какая бы Русь здесь ни подразумевалась (Московская или Юго-Западная), ясно, что автор не имеет к ней отношения. «Златое иго супружества» написал человек западноевропейской образованности и вдобавок католик. Он цитирует Сенеку и Марка Аврелия, блаженного Августина и св. Иеронима, рассказывает анекдоты из античной и средневековой истории, верит в чистилище (*П*, л. 5 об.). Он житель и патриот Речи Посполитой: «Не на то отец тебе сокровища збирал, дабы, забыв матери своей и благодетельницы, се есть отчизны, злато, сребро оставое после его, в чеши, в путы ненадобны, в зарукавье, в цепочки и мониста, очесам токмо, а не разуму блестящаяся. . . перелил и переменил, но дабы Рече Посполитой сокровиществовал, ей же аще кто что даст, не погубит» (*П*, л. 5).

Но Речь Посполитая была государством, в границах которого говорили и писали на разных языках. На каком языке был написан оригинал «Златого ига супружества»? В основной своей части безусловно по-польски. Приведем два типичных примера. Первый из них зафиксировал ошибку переводчика, который не понял оригинала и в одном из стихотворных фрагментов (в «Златом иго супружества» проза постоянно перемежается стихами) прибег к самому легкому, но, увы, ненадежному способу —

¹ «Златое иго супружества», середина XVIII в., в лист, скоропись, 22 л. (текст — на л. 3—19; л. 1—1 об., 20—22 об. — без текста, другой бумаги). Имеется современная тексту фолляция (на нижнем обрезе справа), сохранившаяся неполностью. Между л. 9 об. и 10 (по старой фолляции после л. 7 об.) один лист утрачен. Филлигрань: буквы ЛК (ср. тот же тип: Клепикив, № 338, 1742—1746 гг.). На л. 3 выполненная пером заставка-рамка, сверху частично обрезанная, включающая надпись: «Прелестная. . . <в>ещ».

² ИРЛИ, Древлекохранилище, собр. ИМЛИ, № 46.

транслитерации. При переводах с родственных языков это делается очень часто; в результате смысл искажается, а иногда утрачивается.

Какие со вдовою веселые лета?

Никогда не увидишь с нею в любви света:

Премного выговоров, покойник на чело,
как с нею, да и когда может быть весело?

(П, л. 8 об.).

Слова «покойник на чело» непонятны. Но стоит произвести обратную транслитерацию, стоит переписать азбуку латиницей, учитывая польскую орфографию, как все становится на свои места. В оригинале было «па *czolo*» — в переносном значении «на первое место, во главу».

Второй пример касается звукоподражательных междометий: «Молодцы — аки воробушки к соечке: „Див, див, див!“». Как известно, ни один язык не дает точной копии звуков природы. Это всегда модификация, приспособление к речевым нормам данного языка. Каждое звукоподражательное междометие имеет ярко выраженную национальную окраску — в нашем случае польскую. В «Златом иге супружества» воробьи «чирикают по-польски» (*dziw, dziw, dziw*).

«Родимых пятен» польского оригинала в русских списках памятника немного: переводчик был мастером своего дела. Однако, кроме полонизмов, в «Златом иге супружества» мы встречаем и очевидные латинизмы, особенно часто в цитатах из античных и раннехристианских писателей, а также из Библии (коль скоро автор католического вероисповедания, то он и обязан был пользоваться Вульгатой). Создается впечатление, что оригинал русского перевода был двуязычным, макароническим, хотя польский текст бесспорно преобладал. Двуязычие — характерная черта польской ренессансной и особенно барочной литературы.

Итак, русский текст «Златого ига супружества» недвусмысленно указывает на то, что это перевод и что оригинал надлежит искать в польской литературе. Действительно, среди польских произведений первой половины XVII в. находим анонимное сочинение «*Złote jarzmo małżeńskie*».³ Его атрибутировали мальтийскому рыцарю Абрахаму Проване из Порембы, Северину Бомчальскому, Анджею Жидовскому, Яну Каролу Дахновскому, однако ни одна из атрибуций не была подкреплена убеждающей аргументацией. Все это — даже не гипотезы, а догадки.

Это анонимное сочинение многократно издавалось в XVII в., что говорит о его большой популярности. Такую популярность следует признать вполне заслуженной, потому что «*Złote jarzmo małżeńskie*» — текст высокого художественного качества. По теме это трактат против брака, антифеминистическая инвектива, а по жанру — орация. Неизвестный автор блистает эрудицией. Он прекрасно знает историю, церковную и гражданскую, древнюю и новую. Он начитан в Писании и Предании. Он помнит античные и средневековые исторические анекдоты — например, о Сократе и Ксантиппе, которые составляли устойчивую анекдотическую пару.

Хороший стилист, аноним свободно владеет и прозой и стихом. Для него не составляет труда писать в классической манере, латинским гекзаметром без рифм, и в манере средневековой, освоившей рифмованные латинские стихотворения, не говоря уже о польской силлабике. Автор ссылается и на свой житейский опыт, на те наблюдения, которые он сделал на родине, в Польше, а также в других странах, например в Италии.

³ См.: Bibliografia literatury polskiej «Nowy Korbut». Red. naczk. K. Budzyk. T. 1. Piśmiennictwo staropolskie. Oprac. zespół pod kierown. R. Pollaka. Warszawa, 1963, s. 336.

Не довольствуясь польским и латынью, он в качестве инкрустации вводит в текст итальянскую скороговорку, в которой зарифмованы идеальные качества женщины: «Non mammosa, non apposa, non bibosa, non grosca, non togosa» (в русском переводе: «Жена буди не грудлива, не летна, не пьянлива, не многоговорлива, не угрюмлива» — II, л. 10). Строя свое произведение как речь, он искусство вводит в него диалоги. Объявив о теме, он, как и пристало знатоку риторики, дает самые неожиданные вариации этой темы, чтобы поразить воображение читателей.

Не нужно думать, что вся эта эрудиция, все мастерство тратятся на то, чтобы убедить других и убедиться самому в полной нелепости брака и несносности и ничтожестве женского пола. «*Złote jarzmo małżeńskie*» — это пародийный трактат и комическая речь. Хотя мы найдем здесь и серьезные на первый взгляд сентенции («Зло всех злых злее нечестивая жена» — II, л. 12), и драматические выкрики («Оле окайнные и ненасыщенные похоти женскаго народа!» — II, л. 14 об.), но это маска серьезности, это не драма, а фарс.

Первая половина XVII в. в польской литературе — эпоха расцвета народной сатиры и смеховой литературы. «Совизжалы» и «рыбалты», эти своего рода интеллигентные пролетарии, создавали в стихах и прозе «мир навыворот», мир абсурда, противопоставленный официальной культуре. «*Złote jarzmo małżeńskie*» не принадлежит к этой низовой словесности. Юмор его автора — тот юмор, который культивировался при дворе короля и в замках магнатов. Лукаш Гурницкий, законодатель хорошего тона в ренессансной и поренессансной Польше, писал в знаменитом своем «Польском придворном», что истинный шляхтич всегда должен заботиться о пристойности — даже когда он шутит, «чтобы не выйти за пределы шутки и не перейти к неприязни». ⁴ Этот эстетический принцип, столь отличный от эстетики народного смеха, в общем выдерживается анонимным автором. Любопытно, что его сочинение вызвало ответ, написанный, как полагают, Анджеем Жидовским и озаглавленный «*Gorzka wolność młodzieńska*» («Горькая свобода молодца»). Так возник своего рода диалог — изящная комическая перебранка, нечто вроде шутовского диспута, который ведут два эрудита, полигистора и стилиста. Не случайно «Золотое иго супружества» кончается примирительными нотами, как бы дезавуирующими нападки на женщин и на супружество: «Писца сей книжицы намерение — не наступать на чин супружественный и на жен честных порицание класть, понеже тем обоим весь мир цветет, но юношам обою полу очи отверзать, дабы на свечу, что ожигает, не летели, как камары или мотыльчки» (II, л. 19).

Точная датировка русского перевода вряд ли возможна (дата «1696», которую содержит оба списка, не вызывает особого доверия), как невозможно до сей поры точная датировка польского оригинала. Однако культурный контекст, в котором возник перевод, — это контекст переходной эпохи, когда тема «злых жен» стала ощущаться как анахронизм, когда в преддверии и в эпоху петровских реформ европеизация коснулась и русского семейного быта. «Златое иго супружества» на рубеже XVII—XVIII вв. должно было с удовлетворением читаться и традиционалистами — поскольку текст выглядел антифеминистическим, и людьми нового покроя, даже кавалерами петровских ассамблей — поскольку отенок шутки угадывался очень легко.

Польские издания XVII в. — это издания без выходных данных, в общем сохраняющие устойчивый текст. Мы сравнивали русский перевод с одним из экземпляров XVII в. (Варшавская Национальная библио-

⁴ Łukasz G ó r n i c k i. Pisma, t. 1. Oprac. R. Pollak. Warszawa, 1961, s. 212.

тека, XVII.3.855).⁵ Сопоставление показало, что переводчик успешно справлялся с прозой и стихами, будь то польские или латинские. Это не было рабское следование оригиналу, а попытка создать то, что позднее стали называть адекватным переводом. Так, учитывая, что текст переадресуется, переводчик опускал реалии польского быта, иностранцу ничего не говорящие. В оригинале было упоминание о какой-то чаше в «Gdańskieј Giełdzie»,⁶ чаше «с секретом»: ее надо было пить не отрываясь. По-русски это передано описательно, без точной локализации: «как рюмка сквозная в аптеке» (II, л. 6 об.). Думая о том, чтобы русский читатель сумел переварить эрудицию польского полигистора, переводчик ее несколько «облегчал»: вместо «Ахеронта» вводил «ад» (II, л. 5), Диану заменял Артемидой (II, л. 4 об.), потому что античная мифология усваивалась на Руси прежде всего в греческой трактовке (например, через Хронограф). Переводчик не боялся сокращать текст, выбрасывать ученые ссылки на латиноязычные издания, менять стихотворный размер. Например, в оригинале находим одиннадцатисложник:

O ludzkie myśli głupie, co czynicie,
że się za lada szczęściem unosicie?

В переводе же использован тринадцатисложник:

O людские помыслы, что глупо творите,
за маленьким щастийцем изгоном говите?

(II, л. 4 об.)

Единственное, на что переводчик как бы не обращал внимания, — это макаронизм. Переводя на русский польский текст, он точно так переводил и латынь. С позиций современной теории перевода это недопустимо. Однако мы думаем, что в культурной ситуации конца XVII—начала XVIII в. переводчик поступал правильно. Дело не в том, что латынь еще сохраняла функцию языка науки и культуры (французский только начал теснить этот мертвый язык). Дело в том, что язык польской интеллигенции — и тот язык, на котором интеллигенты писали, и тот, на котором они общались между собой, был поистине макароническим: переходы с латыни на польский и обратно совершались в пределах одной фразы. Вообще говоря, для этого произведения такие переходы не характерны, в нем польские и латинские куски, как правило, отделены друг от друга. Но есть и исключения из этого правила, например макароническое

⁵ Пользуясь случаем, приношу благодарность за помощь в подготовке текста магистру Катажине Мрочек (Варшава) и А. С. Демину. Когда настоящая работа была сдана в печать, С. И. Николаев обнаружил в ЦГАДА (собр. Синод. типографии, № 4238) экземпляр «Złotego jarzma małżeńskiego», происходящий из библиотеки Сильвестра Медведева, о чем говорит киноарная помета владельца на обложке: «Златый ярем. С. Мед[ведев]». Может быть, именно об этом экземпляре упоминается в известной описи Патриаршей библиотеки (см.: Забелин И. Е. Описание Патриаршей библиотеки. — ВОИДР, кн. 16. М., 1853, с. 67: «Книга Златый ярем, польской печати»). К сожалению, сверить русский перевод с экземпляром ЦГАДА нам не удалось. Впрочем, даже если этот экземпляр был прямым источником «Златого ига супружества», то вопрос о датировке русского перевода все же остается открытым. Ведь польский «Златый ярем» Сильвестр Медведев мог унаследовать от Симеона Полоцкого вместе с другими книгами своего учителя. В таком случае русский перевод приходится датировать периодом от последней трети XVII в. до первых десятилетий XVIII в., поскольку все это время «Златый ярем» мог быть доступен московским литераторам. Язык русского перевода не дает материала для более точной датировки.

⁶ Слово «Giełda» имеет несколько значений: гильдия, купеческое собрание и дом для собраний; корчма; толпа (см.: С. В. Lind e. Słownik Języka polskiego, t. II. Lwów, 1855, s. 43).

заглавие одного из фрагментов «Consilium fraternum wdowcowi do ożenieńia», которое переводчик, в соответствии со своим принципом, передал как «Совет брацкой вдовцу на женидбу» (л. 12 об.).

Примечательная черта русского перевода — умелая и умеренная, очень тактичная стилизация. Не лишая памятника присущего ему западноевропейского и католического колорита, не прибегая к идеологической переакцентуации или идеологическим купюрам, переводчик в то же время старался по возможности пользоваться русскими реалиями. Так, слово «szereś» переводится как «волосник» (л. 5 об.), фраза «Podobno rani nie rewna» очень удачно передается фразой «Чаю, боярня податлива» (II, л. 6 об.) — удачно потому, что социальная среда польского текста — это среда шляхты, причем шляхты богатой. Автор выпустил, например, упоминание о трубаче, который несет службу при башенных часах: это было характерно для европейских городов, живших по магдебургскому праву, но вовсе не характерно для городов русских.

Ни один из русских списков не сохранил первоначальный текст перевода. Ближе к этому первоначальному тексту список II, который во многих случаях дает первичные чтения: «... дворянин всяк блюди отчизну» (II) — «... дворянин всяк блюди отчину» (З); «... в промыслех о обороне» (II) — «... в промыслех о оброке» (З); «... татя в веревке надобно привесть» (II) — «... татя в веревке надобно привесть» (З); «... вешать татя господин велел за две рыбы, || и, в горохе поймав, велит бить у дыбы» (II) — «... в горах поймав...» (З). Первичность чтений II бесспорна, поскольку она удостоверяется польским оригиналом.

Однако в списке II есть механический дефект (см. примеч. 1) — здесь утрачен один лист. Текст, находившийся на этом листе, восстанавливается по З. Впрочем, и З, как выясняется, содержит купюру. Здесь рассказан известный античный анекдот о том, как римлянка Паулина была соблазнена в храме Изиды. Фрагмент, содержащий этот анекдот, начинается в З со слов: «Написал о том некто Данецкий». Получается, будто бы польский автор именно от Данецкого почерпнул этот материал. Однако Ян Данецкий, поэт, писавший в начале XVII в. и, следовательно, бывший современником польского анонима, не имеет никакого отношения к античному анекдоту. Аноним взял его, естественно, из «Иудейских древностей» Иосифа Флавия. Но изложению древнеримского сюжета предшествовал фрагмент, в котором упоминание о Данецком было более чем понятным, так как дальше шел текст его шутовских вирш о женских проделках.

«Златое иго супружества» среди переводов с польского XVII—начала XVIII в. занимает особое место. Это произведение корнями своими уходит в польский Ренессанс и представляет поэтому ренессансную струю в культуре барокко.

Основной текст: ИРЛИ, Древлехранилище, колл. Перетца, № 206, л. 3—19 (II).

Разночтения: ГИМ, собр. Забелина, № 497, л. 12 об.—46 об. (З).

л. 3

ЗЛАТОЕ ИГО СУПРУЖЕСТВА I.¹

Не имея² кто делать чего, аще хоцет не безделен быти, корабль или жену пусть промышляет строить^а, потому что те две вещи никогда довольно устроены быти могут.

^а В ркп. строить.

^{1,1} Доб. глава 3. ² имей.

Корабль покамест зделают, жена покаместа со удовольствием устроена будет, многие годы проходят.

Написася в лето 7205-го <1696>, декабря в 6³ де<нь>. ||

К читателю

л. 31

Живяй на земли, разумным⁴ оком
 смотри на все по свету широком,
 Человек ничтоже имать миляе про себя,
 кроме супруги и насущна хлеба,
 Которую⁵ толко бог с небес посылает,
 единит сердца и правы равняет.
 Сице супруги в раи в красном белведерье
 неразлученно берут перемирье.
 Ныне бы молвил, что порозилетались
 в своих союзах и порозметались.
 Для того безжение творец похваляет,
 да и женитбу ничем не гоняет.
 Свято супружество должныи⁶ почитати,
 толко совет мой головки избрати⁷.
 У всякой жены суть свои приметы,
 в желудке не сварив, збросиш недоспеты.
 Трудно с приметы коня добра купить
 и жену со нравы уклонными нажить,
⁶ Дабы не было что в ней похулити,
 надобно в далних рубежах смотрети,
 Однако бы я, хто что любят хулит,
 одному удалося, а другой погубил⁸.
 Голодному всякие укусны суть еды,
 а юному⁸ человеку женские⁹ беседы. ||

л. 4

Истинна и¹⁰ правда, еже пишет святой¹¹ Григорий Назианз.

Мужу, в печаль впадшу, полезное пристанище жена, прочии бо дру-
 зии¹², аще и любят нас, но мало, потом ненавидят, в очи любят, за¹³
 очи лают, в добре любят, а в худом житии оставляют и не смотрят. А между
 надежными и благородными супруги того ничего не бывает, понеже они
 в дому и везде в добре и в худе, за очи и в очи друг друга любят и прият-
 ствуют.

Однако же разговор положим разсудны тому, кто хочет быть женат.

Уразумел есмь, женише, что на мысли у тебя жена, которого надомат-
 торство щастие укувало, добрыи и любимые в голове едреные¹⁴ замыслы.
 Толко мне, воину безженному, не потешны, а я по природе, по воспита-
 нию, по искусству, по добродетели угодных, дабы отечеству храбро слу-
 жить могли, охотно вижу и люблю, да и желаю им, дабы не в дому, ни при
 кудели, ни при курицах, ни при и жениных нежечках, ни при младенче-
 ском вереску и колыбелях, яко же Сарданаполь¹⁵ и Гелиогабаль житие
 жили, но, потом воинским окроплением¹⁶, в труде, в бодрости, в промыслех
 о обороне¹⁷ отчизны радость и веселие свое полагали бы. Не говори: не
 должен я ехать на границу; дворянин всяк блюди отчизну¹⁸, как в глазе
 зеницу, приятельская бо в здравии, во имении добром, в славе, в чести
 язва общая есть с приятелем, а не остеречь, где можно, и в брацкой беде
 смолчать — то не брацкое, вражеское.

Невозможно познати — в чужой коже ходят,
 хотя и другу временем угодят;
 Лицемерные слуги, что обещаются
 добром всяким служити, а пролыгаются.

⁶⁻⁸ В ркп. несл.; восст. по З.

³ Нет. ⁴ а разумным. ⁵ котору. ⁶ должны. ⁷ избирати. ⁸ юну.
⁹ жены. ¹⁰ Нет. ¹¹ Нет. ¹² друзи. ¹³ а за. ¹⁴ едреной. ¹⁵ Сарда-
 напал. ¹⁶ окроплены. ¹⁷ оброке. ¹⁸ отчизну.

4 об.

У жонок бо учатца такова зла чина,
 понеже несть единая из них благочинна,
 А самая простота в деревню бежала,
 леть повсюду нам ныне госпожею стала. ||
 О владыко, не подай обозреть¹⁹ им света,
 которые нынешнии испортили лета.

Аще бых ведал и видел твои мысли прибылны, честны и надобны,
 кто бы не желал не токмо безсмертной жены, но дабы самую Артемиду
 с небес совлек¹⁹,²⁰ безсмертным узом себе в приятельницу и содружницу
 мог в дом свой ввести. Но видя, яко еси, благороден, благородие твое
 за малое приданое продаеш, которое все, что есть на свете, копаное и не
 копаное злато²¹ не оплатит, не окупит и не зверстается²².

Благородию и свободе не цена горы злата.

Господином сам себе еси: что хочеш, то повелеваеш, все исполняеш,
 а идеш совершенно слепо, аки муха на свещу, пленник и работник жены
 своей хотя быть, в пута некия себе вдаеш, ис которых разве толко одна
 смерть свободит и разкует.

Приемляй жену, зело себе отягчает,
 от ея же тягости²³ ни смерть свободждает.
 Муж жене раболепен, жена розсылает:
 что прежде был свободен, ныне раб бывает.

Хотящему ти, чтоб при тебе имя осталось, той красоты, благородия,
 силы, и их именей и щастья — и се честнаго человека сень токмо некая
 еси, совлек с себя самую человечества одежду. Есть ли не знаеш, что
 болезнь головная, есть ли донныне²⁴ доктора не спрашивал²⁵ и не²⁶ при-
 зывал его, — призовеш и познаеш, что он тебе надобен, который⁹ головы
 твоей, нахлопоченой от жены злыми ея нравами, не излечит и не испра-
 вит.

О людские помыслы, что глупо творите,
 за маленьким щастийцем изгоном гоните? ||

4. 5 Одну тягость подданные твои — тебя имели, другую прибираеш, егда
 жену в дом вводиш, за которую велик даш богу ответ. Матери своей полага-
 еш на состаревшуюся шею сноху, тяжчайшую паче камня, его же Сисиф
 во аде з горы на гору катает. Раби твои, что правления из рук твоих смо-
 трели и повеления слушали, — ныне очи, и уши, и сердце раздвоят, и не
 столко тебя, как госпожи твоей слушать будут, которая тебя в инаки²⁷
 клещи, паче твоего чаяния, вщемит и оседлает.

Жестокой²⁸ поджог за дородством казна,
 каменна человека соделает блазна.
 Ты на супружество имаш ли охоту, —
 покинув то все, выбирай доброту.

Не на то отец тебе сокровища²⁹ збирал, дабы, забыв матери своей и
 благодетельницы, се³⁰ есть огчизны, злато³¹, серебро оставое после³²
 его, в чеши, в путы ненадобны, в зарукавье, в цепочки и мониста, очесам
 токмо, а не разуму блестящихся, без них же не точию те идолы животные
 жены, но и монархи мира прежде сего блистающиися и в почести были, —

⁹ В ркп. написано над первонач сволок. ⁹ В ркп. которые; испр. по З.

¹⁹ обозреги. ²⁰ сволок. ²¹ золото. ²² сверстается. ²³ тяжесть. ²⁴ по
 сью пору. ²⁵⁻²⁶ ни. ²⁷ иныя. ²⁸ Женской. ²⁹ сокровище. ³⁰ си. ³¹ зо-
 лото. ³² последи.

перелил и переменял, но дабы Рече ³³ Посполитой сокровиществовал, ей же аще кто что даст, не погубит. А иногда те чеши золотые, которыми ты жену красиш, чайть, некакова госпожи твоей любовника, о чем и ты ведать не будеш, вспомогут.

О ужах сказывают, что с тягостию идут к тому, который их заклиняет; о жеребцах, что им узда не укусна, как на них кладут ее; и быки за неволю шею в ярмо кладут, да и татя ³⁴ в веревке надобно привести. А ты, по обману своему ли или женину ^е, муштук ³⁵ на себя емля и шею в ярмо вкладывая своею волею, бежиш, аки на виселицу.

Поемляй жену, во ³⁶ ярмо ведется,
и бегаяй казни, х казни сам влечется.
Пленяй жену, болши пленяется,
всегда рабствуя, раб ей збывается. ||

Но пишуще сия, оба есмы, по моему разсуждению, балагуры. Ты, жениясь, чаеш, что совершенно женою утешился, ³⁷ а я, пиша, чаю, что не утешился. ³⁸ Толко я менши, потому что пытаюсь к вещи удобной и возможной, а ты чаеш вещь трудну ³⁹ и зело неподобну.

Сый под супругою, под игом теснится,
умреги желай, слабети ⁴⁰ нудится.
Та болезнь превелика, казнь нарицаема,—
аки купина горяй, а не згараема.

Разговор, его же пишу, конечно тя, читающаго, размешит: толко ты ⁴¹ ведай, что писал я его мало не плача, который не так тебя размешит, как иного твоя женидба.

Что реку вкратце быти женидбище?
Ничто же: токмо тартар и злых чистилице.
Несть в тартаре покоя, но всяка досада,
ни скорби супружественной ⁴² бывает отрада.
Кто может женские претерпети беды,
работы различные и несносныи вреды?
Труд велик и тоскота оставут во браце,
бегай, молку, злой жены, аки смерти в зраце.

Аще презираеши мой совет, хотя прошения не презирай ⁴³, понеже ведаю: придет ⁴⁴ к тому, что то ⁴⁵ бросиш писмо, токмо ⁴⁶ для преди вели поблещия, чтоб жениясь могл прочесть. Едва ⁴⁷ того не будет ли ⁴⁸, что почешся в голову, и едва ⁴⁹ не будеш ли жалеть того, что ⁵⁰ я не кавалер, или ты не человек, или твоя жена не женск пол. Верь мне, жениться и жалети, друг за другом то обое неразделно ходит и не пролжется. Кто утре хочет жалети, пусть сего дни женится.

Посмотрите на любовь, что насилу восходит ⁵¹,
а уж в лыках великих богатырей водит.
А се дело чюдные: волосник плетены
одолевает временем скипетры ⁵² и коровы. ||

Одну из двух ⁵³ вещей противных, конечно, ту или другую имети повинна. Естли всяка, то и та, которую ты поймеш жену. И да не погрешу, сице дело начинаю.

^е В ркп. женнину.

³³ Речи. ³⁴ такя. ³⁵ муштук. ³⁶ в. ³⁷⁻³⁸ Нет. ³⁹ и трудну.
⁴⁰ слабости. ⁴¹ бы. ⁴² супружественной. ⁴³ презирай. ⁴⁴ придет. ⁴⁵ Нет.
⁴⁶ толко. ⁴⁷ Одва. ⁴⁸ Нет. ⁴⁹ одва. ⁵⁰ Доб. учинил го. ⁵¹ восходит.
⁵² скиптры. ⁵³ дву.

Жене ⁵⁶, которая тебя понимает, из двоих должно иметь одно, будет хороша или нехороша. Естли хороша, то в безбожие впадеш, желая имети ю вместо богини. Естли нехороша, то, хотя б не хотя ⁵⁴, ударишься от ней на сторону.

⁵⁵ Купи соседа, не купив дому ⁵⁶, а товарища прежде пути.

Естли хороша, мало не все ее любят. Естли нехороша, все ее бегают и мерзят.

Беречь того, что многим любо, — трудно, а любить то, что иным мерзко, невозможно. Естли хороша, многие завидуют, а ⁵⁷ естли нехороша, многие ⁵⁸ о тебе будут ⁵⁹ жалеть. Имети то, что люди завидуют, а слушать, что по мне тужат, — обое неудача человеческая.

Буде красна, то и спесива. То бо сему последует, аки сень человеку. Спесь бывает в красных и гордость, следствующая сим ⁶⁰.

Не дивися, что горды госпожи дородныи.

Чим глажее деревья, тем путь на них трудней ⁶¹.

Буде нехороша, то тебе не верит, и естли ⁶¹ есть у ней разум в голове, а зеркало на стене, удобно догадается, что ты нудишия попомыслить (*так!*) на сторону. И тому поверя, конечно и она своего дела не заспит. Зло великое — подозрение, а болши того ревность.

Буде добролична, заповедь божию «не возжелай чюждее» преступит.

Буде дурна, трудные заповедь божию вторую оставит: «Оставит человек отца своего и мать и прилепится к жене».

⁶² Буде хороша, то по чюжим глазам, бутто по приметам, шибать станет, а молодцы — аки воробушки к соечке: «Див, див, див!» || Естли дурна, всяк, посмотрев, нос сморщит, и естли где о ней в беседе помянут, то все будто от лягушки отворачиваются и, хотя ее не видят, плюют.

Естли прихожа ⁶², то будет аки рюмка сквозная в аптеке, из которой пить, а не отдохнуть нельзя, — а на нее взглянуть, а не вздохнуть невозможно.

Естли непригожа, то аки червь в горле: одиножды помянеш, а трижды плюнеш.

Естли дородна, то в дому слез для ее ⁶³ много, а как еще к тому гости безопасны приедут, отсылай же ее к ⁶⁴ отцу и к матери — там побыть, доколе ⁶⁵ гости одедут. А дела твои, для которых тебе надобно было з двора ехать, о благом промысле лежат, — а затем, — ажко с тобою бесова мать.

А естли не дородна, то в дому аки в корчемнице треск, шум, и ⁶⁶ не оседишся ⁶⁷ в нем для мерзости и развращения.

Понравие в супружеском ⁶⁸ браке есть потребно, для ⁶⁹ которые хотел ⁷⁰ некто итти в небо.

Жена, понеже изначала греха ловителница бе, того ради есть неисчерпаемое злых горнило, человеческое постыждение, ненасыщенное безсловесие ⁷¹, непрестанная пустыня, неуставающее побоище, повседневный человеческий вред, препона мужу, невоздержного потопление, любодаяния сосуд, пагубоносный бой, животное всезлейшее, тягота обремененна, ненасытный аспид, человеческое рабство, смертныя нужды свиток, юности

⁵⁶ В ркп. Жена; испр. по З. ⁵⁷ В ркп. трудный. ⁵⁸ В ркп. написано над первонач. покамест.

⁵⁴ хотел. ⁵⁵⁻⁵⁶ Не купив дому, соседа купи. ⁵⁷ Нет. ⁵⁸⁻⁵⁹ будут о тебе. ⁶⁰ им. ⁶¹ ежели. ⁶² пригожа. ⁶³ ней. ⁶⁴ ко. ⁶⁵ покамест. ⁶⁶ а. ⁶⁷ оследишся. ⁶⁸ супружеском. ⁶⁹⁻⁷⁰ котораго не восхотел. ⁷¹ безсловесие.

обнажение, мужей похищение, старых смерть, отечествия поглощение, чести пагуба, пища дьяволя, врата смерти, адово исполнение. А болши что мне сказать? О тех двух статьях реку: естли красовита, и то случай людем к соблазну, потому что всяк подумает ⁷²: «Чаю ⁷³, бояроня податлива», ибо ⁷⁴ дородство и доброта криво друг на друга смотрят. Великая ⁷⁵ есть тяжба между ⁷⁶ краснолицием и стыдом.

Укусно ⁷⁷ краденое, чужое, не ⁷⁸ свое,
во своем ⁷⁹ укус один, а в соседском вдвое.
Вешать татя господин велел за две рыбы,
и, в горохе ⁸⁰ поймав, велит бить ⁸¹ у дыбы. ||
Ты чужаго полотка дерзнул смело рущать
и, престушив заповедь, не свою ядь кушать. л. 7
Не уйдеш наказания, ни поц ты разрешит,
то слово нелеть ти есть, пусть на ум твой спешит.

Естли дурна, всяк с клятвою молвит: «Ослеп сей человек или в огневице лежал, как ее брал! Или не было иной хорошей, или одна на свете она была?».

Естли гладка, блюдиися потерять своего с трудом, с убытком и с срамою. Где глатка ⁸² Елена, там и Трое ⁸³ или Трои гости.

Естли скаредна, то возжелай чужаго, здравие, честь, славу, щастие, дружбу и душу повесив на лычко.

Естли лична, то дом твой — зрелище комедиантом ⁸⁴, жена твоя комедия ⁸⁵, а ты комедиант ⁸⁶, а все, что смотрят на вас, безпрестанно смеются и ругаются.

Естли дурна, то дом твой — ад, жена дьявол, а ты душа, что страждеш.

Естли жена твоя молодая, бойся нагнать ей старости ⁸⁷. Есть ли стара, то на желудке там нечто ⁸⁸ гомзит; и как възглянеш на ню, то будто чем скудно и недостало.

В великой хожу для тебя печали,
что яйца предал в безделны скрижали.
Даш ей мяса, как переговет,
баба тебе — кости, а сама дряхлеет.

Возмеш молодую, то безпрестанно докучает: «Любимиче, купи то зделай то!» ⁸⁹. И так тому конца не будет. А возмеш стару, то на ⁹⁰ всяк день тебе указывает: «То надобно так делать, а то инако». И слушать мерзко! Есть ли добре молода, то ничего не будет уметь, а естли остарь, то ничего не сможет. У той скуден разум правити дом, а сия не угодна родити чад.

Естли возмеш бедную, смотри с нею ежедней бедности или несчастия твоему имению. Естли богата, то тотчас и горда. Плютарх ⁹¹ написал: «Лучше связану быть путы, неже ⁹² богатствы жениными». Естли бедна, то скоро с нею избудеш, хотя есть хлеба кус, а одва ⁹³ и не до женитвы ⁹⁴. ||

Естли богата, то ты ей раб, а не товарищ: потому она чаяти будет, что ты из ея ноги, а не она из твоего ребра сотворена, ⁹⁵ часто выговаривая ⁹⁶: «У тебя ничего не было, я тебя мочным человеком зделала». л. 7

Супружества от неравночинства ⁹⁷ умаляются, и так нижняя вверх, верхняя вниз мешаются.

Не подиви, прошу, что много тебе пишу, как многим женишкам случалось ⁹⁸, чая, что то мое писмо многим людем ползовать будет, и для того мои слова обращаю на совет.

⁷² думает. ⁷³ Чаять. ⁷⁴ и ес. ⁷⁵ Велика. ⁷⁶ меж. ⁷⁷ Доб. есть.
⁷⁸ а не. ⁷⁹ всем. ⁸⁰ горах. ⁸¹ быть. ⁸² гладкая. ⁸³ Троя. ⁸⁴ игре-
пом. ⁸⁵ игра. ⁸⁶ игралищный. ⁸⁷ старость. ⁸⁸ Доб. безпрестанно.
⁸⁹ Доб. дай то. ⁹⁰ она. ⁹¹ А Плютарх. ⁹² нежели. ⁹³ и два. ⁹⁴ же-
нидбы. ⁹⁵⁻⁹⁶ выговаривая часто. ⁹⁷ неразночинства. ⁹⁸ случилось.

Естли та твоя жена, что понимаеш ю, будет чину меншаго от тебе, то тебе тотчас малое почитание ⁹⁹ с нею ¹⁰⁰ от людей, а естли чину повышше, то госпожа над тобою.

Естли непородна, где твоя сила в приятелех и сродниках? Естли породная, то госпожа ежечас сродниками грозит.

Возмеш честные себя, то ее отцу ^{11, 1} — господином тебе, а братья не похотят ² шурьями, но блюстителми.

Естли мерная тебя, то буди ей защитник, а роду промышленник. Те всегда вопиют: «Помоги!», а те также крычат: «Дай!».

Буди аки Ефродита богиня твоя жена твоя, и ты аки Зевес бог твой. Ибо жена естли доброродием и силою превосходит, то надобно, дабы бог милосерд был, и великое море на измытие лаи и безчестия тому бедному, на кого нечестива язык свой изострит.

Естли угодиш взять совершенно стыдливую (хотя то трудно, да и невозможно, потому что ³ сказывают про них: где буде стыд в лоскутки изодрали между ⁴ собою, и насилу что которой досталось), и того мнения будет, что есть в ней стыда столко, за которым бы ⁵ все ей ⁶ сошлось делать, и будто никто того не видит, что она делает.

Когда кто по случаю где любима хвалит,
тогда в сердца у жены будто в печи палит.

Естли безстыдна, то уже не ведаю, что говорить, на то лихо и разума не стает. Чем болши для ее ⁷ дом запираеш, тем болши людем очи и уши отворяеш: всяк с подивлением слушает и смотрит, что там делается ⁸.

Зло, зельно взвзверившееся, есть жена (Еврипид)⁹.

Дому волнение, яд аспидин, злых сокровище (Менандр)¹⁰.

Вечное, а потребное зло (Филумен)^{11, ||}

л. 8

Похочеш когда положить чепь на шею, кандалы ¹² на ноги и покрышку на очи, однако ж ¹³ береги крепко, как ходит ¹⁴ и где что ¹⁵ делает, листов и грамоток не пишет ли, глазами на кого не мечет ли, подсылчиков и подарков от кого не принимает ли. Естли объявиш, что в подозрении, то ты у людей будеш Бекекорнуго, естли не объявиш, то скажут ¹⁶ тебе, что ты Гурдупель ¹⁷. Веру ими мне (что святой Августин написал)¹⁸: аще бы было все небо бумага, а все море чернило и все звезды перье, вси ангели писцы, не могли бы выписать лукавства женскаго.

Естли жена безстыдна, гуляйка и в дому не трудолюбива, то сам стыд ее выколет ¹⁹ глаза, а естли так попустиш, то она пуще; потому как которая стыд зьбросит, то исправится в то время, как белой кафтан, чернилами весь излит, вымоеш. Вся блазнь, игралище, бесилище и шпыниха, и вся яд ²⁰ жжет живущии и озлобляет прикосновением.

Естли трезва, что кроме воды и иного ²¹ничего не пьет²², то будеш ей с разум.

Естли пьяница, хотя то и ²³ нестатки, дабы которая была б ²⁴ пьяницею, потому что ²⁵ о том нигде не слышать, разве в Литве ²⁶(ха-ха-ха! Нет ли полно и топерь здесь)²⁷, а на Русии ²⁸ такие обретаются, и тому я не вовсе ²⁹ верю, да и там, сказывают, есть их половина, что умеют пьянство покрыть болезнию или тоскою. А говорить^{*} ли правда, найдеш ³⁰

* В ркп. говорит; испр. по З.

⁹⁹⁻¹⁰⁰ Нет.

^{11, 1} отец. ² Доб. быть. ³ Нет. ⁴ меж. ⁵⁻⁶ всей. ⁷ ней. ⁸ Доб. Еврипит глаголет. ⁹ Нет. Доб. Менандр наричет ю. ¹⁰ Нет. Доб. Филумен жену наричет. ¹¹ Нет. ¹² кайдалы. ¹³ Нет. ¹⁴⁻¹⁵ что и где. ¹⁶ скажу. ¹⁷ Гордупел. ¹⁷⁻¹⁸ Глаголет святой Августин: веру ими мне. ¹⁹ уколет. ²⁰ ядь. ²¹⁻²² не пьет ничего. ²³ Нет. ²⁴ Нет. ²⁵ Доб. здесь. ²⁶⁻²⁷ Нет. ²⁸ Руси. ²⁹ о всем. ³⁰ найдет.

таковых жен, с такою глоткою, что ни сам диавол не перепьет их, ни переседит. Толко говорят: «Кумушка, налей же еще четверточку³¹ и еще другую, а потом к тому сложимся». А подпив гораздо, однако являются трезвыми, на всяк день вином пьяны, да и мужья³² чают, что они трезвы. А те жены, что вино пьют, клистерами вино избывают, и пьянство, яко немцы, табакою.

Смотри ж ты, муж, что жена³³ делает в дому³⁴, как ухнетя: за что ни приметца³⁵, розобьет; все ей мешает; варит ли что, пересолит; девку бьет; дитя розквелит³⁶, верещанья все углы домовные наполнит. Молвь же ты, господине муж³⁷, что тогда, то она тебе таких³⁸ накладет укусных кусков, которых бы и собаки не лакали. Лутче б погрѣб жену такую, нежели бы взял. Лутче бы советовал в таком деле взять переблядь, потому что нет на свете скареднее жены пьяной. ||

Естли хочеш взять вдову, то она с покойным безпрестанно³⁹ на стравку *л. 8 об* выезжает.

Не добр тот хлеб, что его дважды пооряют,
и то⁴⁰ сука, что ю два мужа понимают⁴¹.
Лучши у извощика в злой дороге возить
и в воинском походе зной и вар поносить,
И лучше в монастыре под уставом жити
или у поваров при поварне быти,
Лучше в пустой храмине зимою сидети,
под кровлею худою ненасье терпети,
Неже стоять на ковре в браце со вдовою,
хотя бы с предлючшею⁴² честною женою⁴³.
Какие со вдовою веселые лета?
Никогда не увидиш с нею в⁴⁴ любви света:
Премного выговоров, покойник на чело,
как с нею, да и когда может быть весело?

Естли девицу, то в сеточку приберется, и покамест ее поимеш, вся видеть, и кажется нечто хорошее. После свадьбы — то она в ежовой коже, zelo остро колющейся, а ты и не ведаеш, что с нею говорить, когда не по мысли.

Естли глупа, отдавай же дом и строение соседом, а естли разумна, то, господине муж⁴⁵, предавайся госпoдеви богу; та там⁴⁶ вверх ногами оборотит, а сия и разума во лбу лишит.

Естли бесплодна, то муж в непрестанной скорби, чая, что бог на него прогневался и само естество, не дая ему наследия, для чего и брачился. Опасен меж⁴⁷ людьми, мян про себя, что не целой человек. Чюжих детей насмотреться⁴⁸ не может, видя их стадами пред чюжими вороты, будто сверчков в щели. А времянем видя чюжое хорошее дитя, мыслит, как бы его иметь в своего место.

Естли плодна, то ты, муж, на частые родины даеш въдвое, а руки готовь на трой труды. Сам все ведай в домашнем быту, что ей надлежало было ведать. Пекися о жене, а потом думать надобно и о себе. Добывая сладких кусочков⁴⁹, питья, водок, заедок и протчая. Занимай, чем постеля украсить, нарядов изрядных прикрыть госпoжу, чтоб ее утешить⁵⁰. Посылай по бабу многие версты, хотя дома⁵¹ жены лучше⁵² умеют. Приговаривай мамку на год прежде родин. Ищи нянек, чтоб дитя хорошо пестовали. Ну, крестины что станут, труды какие добывать кумов, кум || великих домов, учителей разумных, наставников радетелных. Слушай, *л. 9*

³¹ четверточку. ³² мужы. ³³⁻³⁴ в дому делает. ³⁵ примется. ³⁶ роск-
вилит. ³⁷ муже. ³⁸ Нет. ³⁹ безпрестани. ⁴⁰ та. ⁴¹ понимают. ⁴² тре-
лучшею. ⁴³ госпoжею. *На поле тем же почерком* женою. ⁴⁴ Нет. ⁴⁵ му-
же. ⁴⁶ Доб. все. ⁴⁷ муж. ⁴⁸ насмотритись. ⁴⁹ ядей. ⁵⁰ утешил.
⁵¹⁻⁵² и лучши жены.

а госпожа на всяк час хочет неведомо чего, как беременна ходит. А в родах чудеса делает: кричит, в день кривляется, ночью плачет. Дети вопиют, мамки поют, нянки гудут, пеленки полощут, отвсюду воняет, а бабы тебе смеются, часто приходя: «Дай, господине, на то, дай на иное; таково ж и ⁵³ дитя, что и ты». А затем в твоих вещех велик убыток нерадением челяди, а от твоего радения прибыль малая.

Сыновья как выростут, — если добры, а умирают, то сердце трескается. Если не добры, а живут, то печаль, что нехорошо живут. Если добры, а умирают, то уже з дву сторон две болезни ширмуют ⁵⁴ мечами в сердцы отеческом. Перво для того, что был добр сын, а умерл ⁵⁵, второе, смотря на жену, егда умирает о смерти любимых детушек. Чудо, что тогда жив отец⁴ бывает.

Если не добры, а живут, скорбит сердцем, что родил их когда, а сам что женился. А временем приходит к тому, что отец вступается ⁵⁶ в то, дабы сыну живота прекратили. Много того видим на очи.

Буде девки родит, то уже господин* отец не угодит в том ⁵⁷, дабы к ним не подсватывались, не танцовали, не разговаривали. Понеже аще разумна дщерь, то господина отца и госпожу мать, куды хочет, в поле выведет.

Если проста, то сама не сведает ⁵⁸, как запустит kota к мясу.

Если будут хороши дщери, с трудностию их беречь, а если дурны, то трудные замуж выдать.

Велику муку терпит и зело прискорбну
дурно лице имый, а душу любовну.
Болши та печаль и скорбь на сердце приемлет,
как дородну и гладку замуж кто не емлет.

Если чина высокога, ищи же ей мужа ровня ⁵⁹, если чина посацкого, то не хочет, — толко за дворянина. А как меж себя житие, всяк догадатца может.

Если нет приданого, то обабееет в дому, сея руту, а если очень добра ⁶⁰, то радость отцу да и любовь ⁶¹ трескается, а как еще мать припотакивает диаволу, приговаривая: «Знаю, как дочери свои ⁶² блюду», то отец рад: даже иногда от радости госпожу мать по загривку чем потверже⁴, а живет то часто, а там издали смотря спрашивают: «Что там за шум?». ||

^{9 об.} Пойдет девка замуж без отеческой воли, то ему стыдно, а хотя и по воли идет, то где чаял отец, что и ⁶³ девки и хлопоты ⁶⁴ избыл ⁶⁵ с шей, а се не увидит, как наживет затюшка, а девушка от него к батюшку бежит в дом. А батенко ⁶⁶ будь рад гостям.

Ныне мир, брат, сатанин; много людей сводит,
ах, премного молодых в блудодействе ходит.

Да и сыновья многожды приводят в дом отцов жен несносных, которые, деток народа, ни о чем болши не думают, толко бы скорая были наследниками после отца.

Послушай болши, что о том семяни пишет.

Если жену поймеш ревниву, то догадыватца станеш, что, конечно, имеет в сердцы кого иного. Если ласкову и пословну, то чаеш ⁶⁷, что тебя за нос водит. Если веселу, то мниш, будто от кого радостна весть пришла.

Ветер, птица, жена — скорая суть.

⁴ В ркп. отцу; испр. по З. * В ркп. господине; испр. по З. ⁴ В ркп. поверже.

⁵³ Нет. ⁵⁴ шурмуют. ⁵⁵ умер. ⁵⁶ вступает. ⁵⁷ то. ⁵⁸ ведает.
⁵⁹ ровна. ⁶⁰ Доб. тшнва. ⁶¹ лоб. ⁶² своей. ⁶³ Нет. ⁶⁴ хлопоты.
⁶⁵ изжил. ⁶⁶ батенка. ⁶⁷ Нет.

Естли въздыхает⁶⁸, то, конечно, не тебя помянув. Естли по мысли, то бойся, чтоб прежде тебя не умерла. Буде строится, то подлинно не для тебя, а не строитца, то остудитца, а буде наряжаеш⁶⁹ для себя, то опасайся, не для⁷⁰ ли кого иного. Буде⁷¹ в чем заказываеш, то треснуть хочет от гнева, буде⁷² уряжаеш, то все тебя балагуром зовут, а естли не, то скушым и не тщивым.

Телом красные, жены умом худжди бывают, а понеже две их приметы добры, чистота и смирение, то те доброты изменяются, где лишнее⁷³ риз украшение властвует.

Увидиш — а она разговаривает с мужиком, и ты думаеш, что знаеш. Говорит з женами, — ты чаеш, что с сводницами. Говорит с сродниками, — ты мниш, что о твоей мошне, а говорит с незнаемыми, то рассуждай: кто ее знает⁷⁴, о чем шепчет с ними.

Красит жену молчание, а безчестие приносит шептание, понеже шептание ея о том толко молчит, чего не ведает. Не стережеш^o ее, то имеет случай и угодиеⁿ на все и, быв доброю, будет⁷⁵ зла.

А стережеш ее сам, то неложно согрешит, ибо чего⁷⁶ болши им⁷⁷ заказываеш, то они пуце гнутся на то, а наипаче когда в чем приголодна. Велиш иным стеречь ея, ино те то ж делают, ⁷⁸в чем⁷⁹ иным запрещают, и для того надобен караул⁸⁰ на караул⁸¹, да и конца тому не будет. ||

²Написал о том некто Данецкий. Въдана Сатурнину мужу таковы жены предостойному. Тоя любовию плинися Декий Мунд, юноша не знатен в воинском чину. И понеже бе жена не растрема дарми, тем паче распалашеся, любящаго беснь, яко обещати ему за одну ноч двесте тысяч драхм, но ни тако могий преклонити ю. Не терпя же любве неизможения, устави недуг, кушно и живот скончати неядением. То его намерение не прелстило едину пущеницу Мунда отцову, различными устроенну, но не испытными художества, яже, не претерпя упрямства юношескаго, льстивою речью обьшед, великодушествовати понуди, обнадеживая его сотворити ей, да Павлинными целованьями насытится. Он доношение ея с радостию приял ест, дая ей в потребу пятьдесят тысяч драхм на пленение вдовичныя чистоты. И тако облагодушествовав юношу и приняв, елико прошаше денги, новым лукавства путем поступила.

Зря, яко Павлина не леститца на денги, а ведая, что она зело Исиду богиню почитала, так затеела. Призвав неких ея жрецов и уговорясь молчать, а посулив дать теперво дватцать пять тысяч, а дело совершив, другую двадцать пять тысяч, извещает им о хотении юношы оного, дабы всячески поддалис ему свое желание исполнить. Тии, злата похотию косновенний, поволно обещалис суть.

Из них же леты старейший вскоре к Павлине тече, идеже допущен един на один кроме третьих беседовати. Рече, яко прииде, прислан от Анувида^c, возлюбившаго красоту ея и повелевающаго приити к нему. Она радостным сердцем прияла вест и абие хвалилась подружным себе женам, яко удостоилася любви Анувидовы. Того ради удобее повелено быть, за еже знаема бе и искушена мужу чистота жены. Тем же в капище иде.

По вечерянии же приходящу она времени затворена жрецом в темноте, на скрывшагося тамо Мунда нашла. И во всю ту ночь повинуся юноши, богу приятная творити. Тому отшедшу потом, дондеже лукавства ведомии

^o В ркп. испр. из первонач. стережет. ⁿ В ркп. угодие; испр. по З. ^{p-y} В ркп. нет (утрачен один лист); восст. по З (л. 25—26). ^c На поле бога елинскаго (З).

⁶⁸ въздыхаеш. ⁶⁹ наряжаеш. — ⁷⁰⁻⁷¹ кого иного ли. Буде же. ⁷² Доб. же. ⁷³ Нет. ⁷⁴ знаеш. ⁷⁵ Доб. и. ⁷⁶⁻⁷⁷ им болши. ⁷⁸⁻⁷⁹ что. ⁸⁰⁻⁸¹ над караулом.

жрецы восташа. Павлина к мужу на утрии возвращся, сход свой со Ану-видом возвещает, тожде и у подруг многими словами величает; им же не верующим, но чюдящимся знаемые ради чистоты.

По сем в третий по содеяном деле дни Мунд, по случаю любовницу встрети, рече: «Благо содеяла, о Павлина, что двесте тысяч мне соблюла, которые можно было к твоим пожиткам прибавить. Однако ж по моей воле была. Не скорблю, что Мунда презрела еси, обаче во имени Анувида желанного хотения насытвися». И сия рек, отиде.

Жена же, уразумев окрадение, ризу на себе раздра. И все мужу возвестив, молит, да такое великое поругание наказано будет. Муж кесарю подробну возвещает. Тиверий же тщательным сыском уразумев о всем, жерцы тыя на прасники повесити повеле вместе со Идиною^{м-у}, творительницею || того падения, ея же вящшее тщание бе и радение на разгнание чистоты женския. И, разорив капище, идол Исидин повеле утопити в Тивр реку, а Мунда во изгнание послати удоволися, вину его на неизможение^ф похоти положив.

Не ведаю поистинне, как бы похвалить кому жену, о ней же некто италианец написал: жена буди не грудлива, не летна, не пьянлива, не многоговорлива, не угрюмлива.

Глаголет Сенека философ: Добрую жену погубил, добру ли нашол или зделал. Естли нашел, ведай, что еще имети можеш, понеже имел еси. Естли учинил ее добру, то и впредь надейся. Понадобилось⁸², жив ма-стер. Плачет муж: потерял жену добрую. Что в ней хвалиш? Чистоту. О, коль многие погубили⁸³ лепоту хранение⁸⁴; о, коль многие во искусных чина супружественнаго начали, а потом переменились⁸⁵. Люба тебе была верность ея. Коль многих от изряднейших жен самую⁸⁶ худую видим, и от радетелной безделну! Всех глупых сердце, а наипаче женское поласко⁸⁷. Естли добрую имел еси жену, не можеш твердить, что в том же бы состояла намерении. Ничто же таково поласко⁸⁷ и шатко, яко женская воля. Знаем древних супружеств разводы! И скареднее разводов зле живущих свары. Коль много таких, что во младых летех любились, а в глубокой старости покидали. Сколко смеялись есмы разводу бабину, коль⁸⁸ многих явленна любовь в великую ненависть пременялась. Но речеши: «Та была и еще бы добра была, естли бы жила». Отвещаю: смерть то зделала, что можеш говорить безопасно: «Доброй жены лишихся». Найдеш, естли ничего не ищеш, кроме доброй. «Доброй жены лишихся», — не стыдишся плакать и великий нарицати упадок. Сестры доброй не можно⁸⁹ сыскать, ни матери, а жена прибылое добро. Не то добро, что единожды прилучитися может. «Погубих жену добрую!». Многие тебе читать могу, которым, по доброй жене плачущим, последовала лучши.

В третие уж женишся, и та была смела,
которая бысть в третюю жену похотела.
О четвертой не думай ни в доброй денницы,
ибо будут бояться вдовы и девицы.
А есть чего будто бы жити не желала,
когда бы с тобою брак четвертый принимала.
Норови сей ты третей, как ее лишихся,
вечнаго уже⁹⁰ сиротства и бед наполнишся.||
А ты молвиш: без друга невозможно жити,
такова добра себе не хочю лишити.

10 об.

^{м-у} На поле бабою (З). ^ф В ркп. неизможение; испр. по З.

⁸² Понадобилась. ⁸³⁻⁸⁴ хранение лепоты. ⁸⁵ перемелись. ⁸⁶ саму.
⁸⁷ поползновенно. ⁸⁸ сколь. ⁸⁹ мочно. ⁹⁰ уж.

Но возвратимся на первое, о чем глаголали есмы. Естли та твоя госпожа, что понимаеш, не богомолна, берегись, дабы чарованьями и бабами и диаволами не действовала.

Естли богомолна, то лишок, потому что безпрестанно в церкви то с тою, то з другою сеймуют. А хулить того госпоже душатушке не надобно, когда три или четыре часа збалахрыстит, будто на молитве, а в дому кошка в поварне стряпает, а муж зубы проवेशивает.

Естли кого хвалит часто, то позирай на того, конечно, его любит, а кого естли хулит, то, конечно, ⁹¹рада бы ⁹²его видела. Разумненка болши того лает и безчестит, кого рада видит ⁹³. Буде умеет честь, писать, играть, то тотчас грамотки и ⁹⁴подарочки безпрестанно, то посолки, то бабы одна за другою. А и не умеет которая писать, тож не хорошо, будто умеет. Найдет писца, что напишет, и четчика тайного, что прочтет, стройно мужа з двора выпроводя. Умеет честь и охоча много честь, — то тогда собирает ядоносну отраву, аки паук, и сети на тебя, будто на муху, содевает.

А буде тиха и молчит, берегись: есть тут огонь под тою покрывкою, блюдись ожечься. Есть змий под тою травкою! Естли ⁹⁵все одному слуге ⁹⁶приказывает, то знать его любит и корыстуется его службою. Естли кому не приказывает, то к нему милостива, для того что чтит его.

Естли придет час прежде тебе умирать, — и ты в страхе, что после твоей смерти госпожа придет к не славе; а естли она прежде умрет, то на тебя все клопоты ⁹⁷домашние свалятца, дума ⁹⁸, как погребение учинить покойной и как взять другую, а паче как есть малыя детки. Естли деток нет, то готовся отдавать приданое.

Где бывает истинно сердец ⁹⁹любование,
там тяжкое обих живет разставание.
Скорьбь не равно подобна, слезы неумныи ¹⁰⁰,
жене жаль мужа, мужу жаль жены смиренныи III, 1.

А естли та, что возмеш, имеет детей, то, сведши их в место с своими, о боже, какая мешанина, не говорю меж детьми, но меж вами самими. А естли третие родятся, то и суд имеет трудность. А естли вдову понял, у которой детей не бывало, тотчас печалишся, что и с тобою у ней не будет. Похочеш держать ее на поводу, || то она пуци беситца ². Буде рада строитца и краситца, то тебя люди почитают ее казначеем. Претиш ей того и иного, то говорят: «Лих мужик до своей жены».

³Вывезеш ли ся ⁴ в деревню з женою, то дети обмужичают, аки баранчюки. Ты с плугом на поле, а жена, буде добрая хозяйка, с куделью ко власку посмотреть, хорошо ли сечку сечет. Хочеш з женою в городе жить, то госпожа не успевает грамоточек писать и честь, двери непрестанно скрыпает от послов ⁵. А буде при ней все сидиш, то редкой час без брани. Отезжаеш ли куды, то думай, чтоб не наделала ⁶ чего не к делу. Попустиш ее ⁷ бродить меж людьми, то всяк указывает перстом. Претиш ей того, то готова брань, ⁸и непокорность, и всякая злоба, надмение и яд смертоносный имеет ⁹. Блюдеш в дому, то люди скажут: «Не даром то». Даш ли ей молодую подрушку, то обе разрешат, а даш старую, то молвят: «Держит ей сводницу».

Первая похвала чистоты женской: никому не родитись, токмо своему мужу, с ним ⁹ же почивает ¹⁰.

³ В ркп. испр. по первонач. посолков. ⁴ В ркп. надписано над строкой.

⁹¹⁻⁹² бы рада. ⁹³ видеть. ⁹⁴ свистки. ⁹⁵⁻⁹⁶ одному слуге все. ⁹⁷ хлопоты. ⁹⁸ думай. ⁹⁹ сердцу. ¹⁰⁰ неумныи.
III, 1 смиренны. ² Нет. ³⁻⁴ Вывезешся ли. ⁵ наделали. ⁶ ей. ⁷⁻⁸ Нет.
⁹ ким. ¹⁰ почиваеш.

Естли та твоя жена тебя не любит, то ты, бедной, спиш с супостатом,¹¹ которая при тебе желаемое исполнит, а ты не услышиш¹², а естли любит, то везде смотрит, где ни поворотился.

Истинна любовь не без ревнования.

А естли ее не любиш, или не веси,¹³ какой жаль¹⁴ терпиши. Естли любиш, то ведаеш, для чего об ней в страху. Беременна ходит, то ты в клопоте¹⁵ и вместе с нею болиш. Болезнует, и ты в печали; умирает, а и ты плачеш.

Гулящему¹⁶ ничтоже мягчае постели, а сердцу, учение любящему¹⁷, ничтоже противнее дружины женской.

Понимаеш ю без воли отцовской, — она приданого лишается, а ты недружбу наживеш. Естли возьмеш в злобу своим, то себе пуци зделал, потому что для того и она недружбы наживет у своих.

Естли идет¹⁸ по неволи¹⁹, то там никогда покою не будет. А естли¹⁸ по неволи¹⁹ возьмеш, то безпрестанно война. Естли возьмеш по самой толко любви, то, збив оскомину, любовь вскоре ни во что обратится, потому что тот злой дух скоро надосадит и скучит.

Любовь в очах кипит.

Друг другу довершит любовь — то алмаз в золоте.

Ядом неугасимья сласти бегут люди к пагубе, кипят²⁰ в слепом огни вошаной нутр, очи слепии нечестия, торгуют красотою, аки товаром. Любовь тяжка, где стыдом не хочет упражняться. ||

Естли жену дали выбирать из среди иных, то знатно, что имела лучши приметы паче иных, для которых понял еси, то ты почитай ее паче надобья.

Естли принудили тебя²¹ взять приятели, то ты не радость, но неволю имети будеш, которой непрестанно мьститца доведетца на жене. А естли жена, принуждена от своих, за тебя идет, то всегда печална, кисла и жалостна, ни о чем не думает, толко отмстить тебе²². Что за радость и чего добраго ждать, где друг другу не хочет быть муж или жена?

Ты кисло смотриш, Венус веселится,
как что уловит, бутто печалится.

Оком то самим всяка покажет,
как ей что любо, аки негодует

Или въздыхает, ступая уставно.

А кого любит, не кажет то явно.

Но искра горит, запущенна в сердце,

знать по кислым очесам и по бледном лице.

Трус земли вся превращает; пруда разорванного²³ не удержат прудни²⁴; помрачение солнца всем вешем в мире грубно. А что ж в таком дому, где поневольное супружество? Понеже где голова болит или лучшие составы, то уже недобро человеку. Подобно и дом, в котором жена к мужу не имеет добраго сердца. Разорится ему,²⁵ и общее во всем будет несчастье²⁶. Муж жене глава. Что ж главе без сердца?

Жена вынесет тишком, естли держит своих слишком.

Естли в роду у ней были таковы и сяковы, то ведай, что всяк по природе склоняе к злу. Чего ж хочеш и по жене? Естли отец ее был ни к чему не годен, то, конечно, и его дети, понеже не родит сова сокола, ни баран собола.

Естли был отец разумен, то и сам ты знаеш, что и разумные отцы детей глупых раждают. А вина тому, что, раждая, сами тогда разума лишаются, потому что неведомо о чем думают.

¹¹⁻¹² Нем. ¹³⁻¹⁴ какую жалобу. ¹⁵ хлопоте. ¹⁶ Болящему. ¹⁷ любя-
щу. ¹⁸⁻¹⁹ поневоленно. ²⁰ кипит. ²¹ тя. ²² Нем. ²³ неударжаного.
²⁴ прудки. ²⁵⁻²⁶ Нем.

Естли та твоя жена имела сватушков, думай, и ныне нет ли.

Естли ²⁷та твоя жена²⁸ не ведала, что то¹, ²⁹ любовь, то, конечно, вышед за тебя, всегда будет понура, кисла и козлится станет.

Естли к ней никто не сватался, кроме тебя, а была к тебе неласкова, то и за тобою будучи, такова ж будет даже до самой смерти, как ³⁰ кривое дерево. ||

Слышал есмь одного у стола о супружестве беседующаго человека л. 12 неплохаго, который то говорил, что в супружестве бывает трое: или плачь, когда друг з другом бьются, а бывает то часто; или тать, когда друг у друга перекрадывают, и того живет много; или диавол, когда друг друга богомолием укоряет. Да как и правда говорить, то жена или муж, что богомолием чрезобычным ³¹ упраждняются, нечто имеет паче иных, и для того в сообщении не может быть согласие того супружества. Естли который ³²из них³³ что хочет делать ³⁴, то другой почитает в грех, и тот ³⁵, не смыслив то, на сторону и с хотением и с мыслию и сердцем.

Пишет святыи Иероним:

Женою сатана в рай Адама ³⁶ простре и из рая изгна; женою премудраго Соломона в законопреступление любодения погрузи; женою кроткаго Давида на убиение Уриево вооружи; женою целомудреннаго Иосифа связанна в темницу вверже; женою Самсона силнаго связа, ослаби, ослепи и в руке супостатом³⁷ предаде; женою потоп всей вселенней наведе. Зло всех злых злее ³⁷нечестивая жена ³⁸. Клитемнестра за помощию Аегистовою Агамемнона мужа уби, Семирамида — Нина ³⁹ царя.

Зое⁹, Романа благочестиваго царя жена, возлюбила Михала ⁴⁰ Златоковача и, с ним греша, мужа отравила и замучила. А потом того Златоковача, в мужа взяв, царем сотворила. О сем Бароний пишет в лето 1304 ⁴¹. Маргарета-Волдемара, балтыйская, или свейская королева, паче ея же ничье славное бе имя, трети королевствы, Свейским, Дацким и Норвейским государствовавшая, сверх иных дерзновеней лишних ⁴², королевскому чину не надлежащих, денги естеством женским печатать велела, или женскому естеству честь воздая, или мужей глупованию ругаяся.

Конечно, последуя разумных всех рассуждению, зрю очевидно, яко женивийся и понимамай ⁴³ жену толко два дни имеет щастливы и двожды щастлив. Се есть первый день, как приняв со приятели веселится, а другою день, как жена умрет, и с теми ж приятели в могилу провожает. А не имый жены по вся дни щастливейший паче того, что в том золотом иге ходит. Смелая вещь есть жена, то правда сказати, хотяи мужу с радостью душу с телом дати. Щастливого никогда часа не видает, паче тех дней, как с мужем венчанье принимает. ||

Ответ

Один хулит супружество.

Добро быть девицею, слаждше молодежию.

Женской възгляд приводит.

По възглядовани до смеянния, во ⁴⁴ смеяннии до игранния.

По играннии ⁴⁵ до трепания, во трепании ⁴⁶ до осязания.

По осязании⁹ до опочивания, в опочивании до грехования.

По греховании насилу когда до раскаяния.

Любовь и меда, и жолти ⁴⁷ многоплодняя.

⁹ В ркп. надписано над строккой.

³⁶ В ркп. испр. из первонач. делает.

⁴⁴ В ркп. испр. из первонач. супостатов.

⁹ В ркп. Злое.

¹⁰ В ркп. осазании.

²⁷⁻²⁸ будучи девокою. ²⁹ Нет. ³⁰ будто. ³¹ чрезобычным. ³²⁻³³ и знал. ³⁴ делает. ³⁵ то. ³⁶ Нет. ³⁷⁻³⁸ жена нечестива. ³⁹ и ина. ⁴⁰ Михаила.

⁴¹ Взято в скобки другими чернилами и доб. 1034. ⁴² лишше сих. ⁴³ понимамай ⁴⁴ по. ⁴⁵⁻⁴⁶ Нет. ⁴⁷ желчи.

Умна жена — дар божий. Имев здоволь хлеба,
с мужем живет согласно, аки дана с неба.
Отец ее не кушит, власти не имеет,
моли неба, понеже женами владеет.

Совет брацкой вдовцу на женидбу.

— Советую взять вдову. — Не советуй вдовы. — Для чего? Жена суть⁴, ⁴⁸ смышлена строить дом, однако ж не хочу ее.

— Вдову домовиту, не девицу. — Для чего? — Играет молодечка ⁴⁹, брате, в крепости лет, в кишении крови, цветнаго жития и плода желает, наследия ⁵⁰. — А то лучши, чтоб играла молодушка, нежели дрегалься ⁵¹ бабушка.

— Советую вдову средняго века. — Для чего? — Равен век мужа с женою равныи ⁵² творит в житии и службы. — Молодая любит научитца, а стара во всем гвуситца.

Супружество не спрашивает равного века, спрашивает домерка.

— Сказываю ⁵³ вдову без детей. — Не сказывай. — Для чего? — Понеже яко стесняется дом от подсоседников ⁵⁴, такожде и от сынов чюждих. — Для чего? — Она бо наполняет дом смрадными подсоседниками, родство сынами, внуками ⁵⁵, правнучаты. Прибавливает числом и исполняет, а знать старую бабу и к постели и к думе, то по какому разуму.

— Советую вдову не по лицу, толко по доброте. — Не советуй. — Для чего? — Много губит лицом, а болши приметами.

— Сватаю вдову с помощьюю. — Не сватай вдовы. — Для чего? — Для того, что богата госпожею хочет быть, а не подручницею.

— Сватаю вдову свежу, молоденку. — Не сватай. — Для чего? — Для того, что бремя претяжкое. Вдова молода аки девица — злой дворецкой; всяка вдова сама себе госпожа. Не любит учения и исправится по мужней воли не хочет, и оттого в дому волнение, свар и недружба. || А кто умеет дворечествовать, умеет и приказывать.

— Сватаю вдову средней родни. — Не сватай. — Для чего? — Для того: великая родня раждает едаков, множит побобедников, обманывает зватаев, а честная родня — гордоства ^{11, а} сретилище ⁵⁶, времен помочь, наследия лучь.

Брат брату советовал ⁵⁷ братцкии взять вдову, а он не хочет, то таков хочет имети дом, бутто заповетренный, чтоб никто не приходил; хлеб будто отраву, чтоб никто не вкушал; лице Тимоново, чтоб никого не поздравил. Совет безвременный болши хулы, а не ответа достойный, толко я на преднамерянную возвращаюся вещь.

Естли девица добрехонка была к тебе, то, чайть, и х кому иному, доколе^б, ⁵⁸ за тебя не шла, а и впредь ^блише ^б не такова была.

Естли жена просит тя, чтоб ты ей купил вещь, а ты по прошению все покупаеш, то она так раздоборитца, что очи увидят на ком, то ей все покупай, а не купиш, — то сердце, то гнев, то понурство, шум, зык и крик. Так они мужей сдлают.

Чрез розные жен своих высокие мысли
многия мужья в тяжки недостатки пришли.

⁴ В ркп. написано над первонач. веть, взятым в скобки.

^{11, а} В ркп. государства; испр. по З. ^б В ркп. написано над первонач. покамест, взятым в скобки. ⁶⁻² В ркп. испр. из первонач. лиш бы.

⁴⁸ веть. ⁴⁹ молодочка. ⁵⁰ наследие. ⁵¹ дрягалась. ⁵² равен. ⁵³ сказывают. ⁵⁴ пососедников. ⁵⁵ внукам. ⁵⁶ Доб. добродетелей зрелище. ⁵⁷ беседовал. ⁵⁸ покамест.

Похулиш ее в чем, то треснуть хочет от злобы ⁵⁹и ни в чем не доброхотствует⁶⁰. Погрозилш ей в чем, то она тебе роднею.

Шутит с тобою, а ты ей не отшутилш, — то утре скажет соседкам, что дурачок у ней в дому. Побьеш одинова ⁶¹, то пока жив не добьеш челом. В лучшую пору она тебе припамятует, будто угоричи на всяк год, ⁶²ибо к благочестным делам они хотя и весма несмысленны и нечювьственны, а к злобе и лукавствию так искусны, что всякого змия и ехидны превосходят⁶³.

Пропустиш ей, в чем провинитца, то она будет от часу пуще, слушать и не думает. Возмеш ее оттуду, откуда сам, то тебя ни во что почитает. Говорилш о ⁶⁴другом, что надобное, то она тут же вплетется. Продаеш кому что, то она клиношек подобьет, будто сердце у колоколчика.

Возмеш ее откуда инуду, — какая с нею радость, когда безпрестанно тужит к своим, о которых ты никогда не возвеселишися ⁶⁵? А что тебе станет ⁶⁶приезд и посещение, того тебе она никогда не заработает. Скажеш ли ей что тайное, то, аки море разгневався, выкинет на очи, а не скажеш, то жалуется, стонет, тоскует, что ей не верилш, и конечно злый конец. ||

В маленьких погрешениях уступать жене.

Если гневлива и ⁶⁷если залишек ⁶⁸приуборливее паче достояния, то разумно и легко с нею поступать, дабы, как цвет шипковой выбираеш из терния, не покололся сам и не повредился, понеже хотя молнию и каменья станеш говорить, то ярость гореть будет, любовь озябет, и никогда согласия не будет.

А что о мужней стороне.

Если нет у тебя друга, то что в тебе? А ест<ь> ли кто любезный и сердечный, то она пукается ⁶⁹, дабы всю свою любовь и сердце в ней одной потопил ⁷⁰(яко в кладезе геэнском) ⁷¹; меры нет в ней.

Жить кто с волком в покое мыслит,
то надобно ⁷²зубы прежде ⁷³выбить^д.

Молод, а женишся — то зело рано, а стар — то поздно: молод будучи, до времени избудеш красоту ⁷⁴, силу и крепость, а стар — ничего не делай, толко жены береги; и тако ⁷⁵шпынем будеши у всех. Сына не надейся, конечно, если и будет, то не твой.

Менандр философ советует:

Разум аще имаши, никакой не бери жены: никто бо не надежен, появы ⁷⁶жену. ⁷⁷Сие и тебе да не постигнет сие зло, ибо несть в тернии нагому покоя, или со змиями жилища ⁷⁸.

Охотно за книгами сидиш, — то з женою сидеть не можеш, понеже то обое требует бытия непрестанного.

Охотою упряжняешся ⁷⁹или храбры еси воин, — то ты женнин враг, за еже те вещи супружеству противны.

Человек еси меры небогатой, — то, промышляя воспитание, не можеш урадеть о жене. Шляхтичь еси и велможа великий — не может укрытися град, верху горы стоя. И таких городов добывают зноепалным огнем; не опрутся вощаные мраморы, без крови победит и дородство одолеет без оружия.

Что уже ⁸⁰тебе делать, когда удам докучает огонь, жестокой подгнетщик, а Елена плачет, морщины в зеркале читая? И как из того огорода выйти? Я тебе так отвечаю и учю.

^д В ркп. выбит.

⁵⁹⁻⁶⁰ Нет. ⁶¹ единого. ⁶²⁻⁶³ Нет. ⁶⁴ з. ⁶⁵ возвеселишися. ⁶⁶ Доб. их.
⁶⁷ Нет. ⁶⁸ залишком. ⁶⁹ Доб. от жалости. ⁷⁰⁻⁷¹ Нет. ⁷²⁻⁷³ ему зубы.
⁷⁴ красу. ⁷⁵ так. ⁷⁶ появив. ⁷⁷⁻⁷⁸ Нет. ⁷⁹ упряжняешся. ⁸⁰ уж.

Ставь перво жену такую, чтоб была ни хороша, ни дурна; ни богата, ни бедна; ни честна, ни плохородна; ни очюнь разумна, ни глупа; ни благочестива, ни нечестива; ни плодна добре, ни неплодна гораздо. ||

л. 14. Такжеде и муж был бы ни богат, ни убог; ни стар, ни молод; ни велик, ни плох. Тогда я молвлю: женись. Толко, чаю, не одну сотницу перейдеш, доколе⁶, ⁸¹ двух таких человек сыщеш⁸².

Токмо великого требует искусства, чтоб и тут не оступитца ⁸³.

Но ⁸⁴якоже от философ⁸⁵ некто советует:

Всякому юноше надобно смотреть во всякой девице пяти примет: дабы была благообразна аки Елена, суромежлива ⁸⁶ аки Люкреция, благочестива яко Сарра, благоразумна яко Пенелепе, богата яко Клеопатра.

А о иных госпожах многие истории ⁸⁷ небезпотребные вещи писали, х которым тебя отсылаю, а сам возвращаюся на свое дело.

О бедный женаты, сочтись сам в себе, что стоит тебе жена! По моему разсуждению, купив ее — ⁸⁸и взвесить ⁸⁹, то дал ты за нее золота болпи, нежели весит, как об ней промышлял ⁹⁰.

Нет в жене твоей состава, которого ⁹¹ бы втрое не оплатил.

Волосы на голове ея столко стоят, сколко жемчюгу в зарукавье, в шапках, и запоны ⁹²драгоценных камней⁹³, что ты ей накупил.

Уши чего стоят, сергами драгоценными натканы!

Чело таково ценно, что кокошник ⁹⁴золотной, ткан⁹⁵ со драгоценными въставкаи.

Нос толь ценен, сколко духов, пижм, амвры и иных благих обоняний в вою благоуханных ⁹⁶.

Уста столко, сколко кропивных убрусцов и платков златотканых турских, которых для мягкости и неги употребляют. Лице, сколко красочки виницейские и заморские ⁹⁷мастики и мушки и протчье ⁹⁸. Рот столко, сколко укусные кусочки ⁹⁹, марцыпаны, сахара разныя ¹⁰⁰, канфекты^{IV}, ¹, а с ними питейца нежные, из Крицкого ² острова привезенные, которые ты к ней присылал, ³и протчия сладости и трактования⁴.

Шея столко, сколко цепи ⁵ золотые^ж, кресты с каменiem ⁶драгоценным и перла такжеде богато убранные алмазы и жемчюгом, которых⁷ ты ей подарил.

Плеча столко, сколко строить ⁸ шуб дорогих собольих с круживы златосребреннокюваными и жемчюжными, новым образцом кроеных, ⁹и протчих драгоценных разных одежд ¹⁰.

Руки толь много, сколко золотоалмазные зарукавья.

Палец толико, колико перстней ¹¹ алмазных и колец златых и рукавок аглинских и муфт собольих и протчих заморских¹².

Ноги, сколко чулки нидерляндские, чюжеземския подвяски, пояски атласныя и башмак ¹³мастерства честного¹⁴. Одним словом, все ее тело, в скарлат уверчено, столко стоит, сколко те драгоценны одежды¹⁵, в которых ежедней переменяясь ходит, а однако недовольна, желая еще ||

л. 14 об. что лучши и толь ¹⁶, конечно, у мужа домогаясь, чтоб и то у ней было,

⁶ В ркп. написано над первонач. покаместа, взятым в скобки. ^ж В ркп. золотые.

⁸¹ покаместа. ⁸² сыщеш. ⁸²⁻⁸³ Нет. ⁸⁴⁻⁸⁵ якоже от философ. ⁸⁶ стыдлива. ⁸⁷ гистории. ⁸⁸⁻⁸⁹ а взвесит. ⁹⁰ помыслил. ⁸¹ которой.
⁹²⁻⁹³ драгоценных камней. ⁹⁴⁻⁹⁵ златоткан. ⁹⁶ Другими чернилами доб. ра-
 пеев. ⁹⁷⁻⁹⁸ Нет. ⁹⁹ яди. ¹⁰⁰ деланыя. ^{IV, 1} леденец. ² Крицкого.
³⁻⁴ Нет. ⁵ цепи. ⁶⁻⁷ ожерелья жемчужные и перлы с алмазы, что. ⁸ строй.
⁹⁻¹⁰ Нет. ¹¹⁻¹² и рукавки аглинские. ¹³⁻¹⁴ мастеровато зделан. ¹⁵ ризы.
¹⁶ того.

что где инде у людей иначе увидит. Оле окаянныя и ненасыщенныя похоти женскаго народа!

Очи ея таковы, естли что у иных видят, то тотчас бы ¹⁷и у их ¹⁸ было. Язык ея безпрестанно кричит: «Купи мне ¹⁹, зделай мне то, такое и иначе платье!». Хотя их наполнены сундуки, а ты, бедной муж, нудишься, хотя бы детем и в самородной одежде ходить, хотя и в дому ничего не останется, хотя и деревни заложить и чужие углы погирать, а на старость и в багадельню итти. Однако ее строй, покупай, в день думай и бегай, чем пропитатца, а ночью слушай брюзги вместо то, что отдохнуть. За столом вместо заедок ано тебя лает, ты чаеш, что обед будет спокоен, а у госпожи мухи во лбу жужжат. Времением ²⁰ дойдет до того, что, побранив, и волосника ²¹ поправиш, хотя Марко Аурелий так советует: жену подобает часто словами журить, редко обличать, а никогда руками не трогать; но язык иногда у госпожи-душечки ²² подсурмленные глаза делает. Тебе ²³ когда болши хочетца ²⁴ отдохнуть, госпожа набает, даже уши болят.

Написал некто от философов:

Жена — море, что ни даш, то проглотит; никогда не наполнитца, никогда не говорит: «Будет столко!». Море — не море, жена море всех жесточайшее^а. Несть в жене ни единого состава, которое бы не пахло серебрюлюбием, убийством ²⁵, изменою или блудом, человеки зверотворящим.

Еще послушай ты, что хочеш женат быть. Добывай себе столко глаз, сколько у павлина в хвосте, дабы мог ²⁶ ее устеречь.

Уши бы у тебя были Мидасовы ишаковы, вестей о ней слушаая; ноздри аки у волка — пронохивать; язык рыбей, щebetанью ее не отвещая; желудок имей стрюфокамилов, твердые железа, — глотать нечто и травить; шею воловую к тому мерзскому игу; ноги оленьи, сетей сих ²⁷ бегаая; природу воробьеву; сон сверчков, чтоб ²⁸мог спать²⁹, как почнет кричать.

Супружество трех вещей употребляет: чтоб был муж разумен, жена чиста, дети послушны.

Той уже погрешил, когда поверил жене здравие, честь и именование. Даем на откуп деревню откупщиком, денег взаймы ³⁰ торговым людем, стадо вручаем пастухам, тайны открываем ³¹ друзьям, детей учителем, дочерей зятням, деревень ³² и дел стряпчим, листов гонцам, товаров извощикам, головы и горло бородобреем, здравье дохтором; а чести не так, которая пче помянутых, а чаять и своего здоровья лучши и милея, — а отдать в безделные, се есть женския руки, которую, погубив, негде сыскивать. И масти не ищи на такую рану, ни надежды ³³ имети не можеш таковой ³⁴ или что такое, чем бы ³⁵ мог укрытись от такой злой язвы, как тебя почнет жонка безчестить и в голос срамотить ³⁶. || Может ли кто тебя назвать л. 15 хульником, — а ты не таков, обманщиком, когда ³⁷ не обманываеш, вором, когда ³⁸ не ворует, убийцею или ³⁹ изменником, когда ⁴⁰того не твориш ⁴¹, блудником и пианицею, — будучи трезв и чист? Никто тебя безбедно обтичить не может. А однако от жены, толко бы ей что попало ⁴² в нос, не точию таких, но и укуснейших надейся кусков, как почнет плевать в кашу, а часто за самое безделное дело. Таким салником мозг и сердце начинит, что ходиш будто вялая ⁴³ сельдь. И то естли бы на стороне — не жаль бы

^а В ркп. честочайшее.

¹⁷⁻¹⁸ у них. ¹⁹ Доб. то. ²⁰ А временем. ²¹ волосники. ²² душики.
²³ То тебе. ²⁴ хочеш. ²⁵ убийством. ²⁶ могл. ²⁷ Нет. ²⁸⁻²⁹ могл стать.
³⁰ взайм. ³¹ свериваемся. ³² деревни. ³³ одежды. ³⁴ таковой. ³⁵ Нет.
³⁶ Доб. Спрашиваю тебя. ³⁷ Доб. ты. ³⁸ Доб. ты. ³⁹ и. ⁴⁰⁻⁴¹ не убиваеш.
⁴² попалось. ⁴³ валяя.

было, но при людях различных на вящее твое безчестие, а ты так без души и без ума стоишь, не могил и ⁴⁴ смотреть от стыда.

Лютя зверя узнаешь, посмотря на рожу,
а жене диавол в сердце, а другой влез за кожу.

Побреди же далее, и узнаешь жену, увидишь и вспомнишь, до⁴⁴ какой беды приидеши. Понеже всяким вещем в мире перво присматриваемся: дом покупаем, оглядываем, и ⁴⁵ органы, как играть хотим, духи, как нюхаем, вино отведываем, сукно перстами щупаем, в горшки звеним, хлеб меряем, коня проезжаем, и ⁴⁶всякой вещи прежде пробу чиним⁴⁷, годно ли, на ⁴⁸ что покупаем вещи такие и инокие ⁴⁹, перво не купя.

Одну жену, завязав глаза, будто kota в мешке берем, хотя бы был муцина с виселицу, что продал сабаку жиду за лисицу. А естли бы мочно было отведать, аки пива в кади, всяк бы сказал, что ни к чему не годно.

А инде и ⁵⁰ не показывают невесты до венчанья, потому что увидев перво бы тут омерзил ⁵¹, покамест бы подумал взять в жену. А ⁵² бывает ⁵³ же и ⁵⁴ то временем, что иной и с ковра збежит.

Прежде мя пожри, земле, перво в гробе тело,
в пепел да обратится и дабы истлело,
Неже с воли бокову кость в горло воткати,
там очи, где что любим, и рука отдати.

— Естли что хочю имети на свете, денги дам и, купя, имею. Коня хочю купить, дам за него денги — имею. Хочю осетрины ⁵⁵ или иной какой ⁵⁶ рыбы — заплатив, имею. Подобно и иные вещи. Хочю жены, денег не дам; она мне дает, как приданое с собою несет, дабы понял ее. — Ты чаешь, что она такова глупа? Ошибешия, бедной! Присмотрись крепко, что в том заключается, что дочерей родные отцы избывают из дому, осыпав денгами.

Ищи себе без шурей ⁵⁷ не убогой жены,
пред ⁵⁸ браком были б денги в мешках начтены ⁵⁹.

От ⁶⁰ месника беручи⁶¹ мясо, чем болши прибавка, то ведай, что не без вони мясо. Так и жена: где великое приданое с ⁶² собою приносит, то, конечно, какой ни есть блюдиши в чистоте похитки.

Дородство твое красно и умныя смыслы
попортили, девице, тех строев вымыслы.||
Лутчи строев перестань; хотя бы нага была,
моя б тебя доброта и с телом прикрыла.
Дешев строй без доброты; девка красовита
без доброты* — палата, соломою крыта.

Платье естли не по костям, то устроишь по мысли, дав переделать. Перстень естли велик или мал, даш его золотарю перелить. Денги не полюбятся — волно переменить на иные. Есть дом, а не любо мне в нем жить, — продам его, а куплю иной, или отдам внаймы. Есть земля худородна ⁶³, — продам иному. Слуга не по мысли, отпущу его ⁶⁴ и прииму инаго ⁶⁵. Есть брат, досадно с ним жить — разделимся, так и мир. Есть

* В ркп. да. * В ркп. на поле glasses чистоты.

⁴⁴ Нет. ⁴⁵ а. ⁴⁶⁻⁴⁷ всего прежде. ⁴⁸ а. ⁴⁹ инакие. ⁵⁰ Нет.
⁵¹ омерзив. ⁵² Нет. ⁵³⁻⁵⁴ Нет. ⁵⁵ лососины. ⁵⁶ Нет. ⁵⁷ шурей.
⁵⁸ перед. ⁵⁹ оточтены. ⁶⁰⁻⁶¹ мясника берут. ⁶² за. ⁶³ худо родит.
⁶⁴⁻⁶⁵ Нет.

сестра, лоб мне ^а(дерет) грызет^а — отдам ее ^{бб} замуж, и голове ^{бв} свободнее. А жену имею, ^{бб}котору понял^{бб}, чтоб мне временем угодна была, то уже держи же, что ухватил, даже до смерти.

У босурман на мужьях жены умирали,
а ныне на гробах их ради б танцовали^а.
Не то чтоб за здоровье ^{бв} мужа умирала, —
трикраты бы и сама его потеряла.
Чуть душа из одного, а другой на ковре
стоит, в красные ризы приодеян добре.

Достойно было в руки взять, будто петуха кладеного, и пощупать — добр ли, жирен ли; или башмачок надеть — не тесен ли; или яко поместье на откуп дать, денги переменить. Дичи отведает ^{бв} — не воняет ли; коня нажив добраго, надеешься, что ноги крепки. И сам молвлю: примерь, приобуй, ощупай, откупи, смени, схорони, яждь ^{бв}, поезжай ^{бв} — буде полюбитца или не полюбитца, — перемени, скинь или к чорту покинь. А жены ^{бв} нелеть есть ^{бв}избавитися, понеже ^{бв} бог сочелал, человек да не разлучает. ^{бв}Естли так тому быть^а мочно было, то назавтрие бы матери прикинули, будто коновалу лошадь с сапом. На то я попросту скажу, хотя ответу ^{бв} дать не умею:

Не всяк разумеет, что жена умеет,
Выдет^а ^{бв} боком сало, где согласно стадо.
Хоть невозможно, тоцию въздумай, како,
а поступи в том ты ^{бв} живучи всяко.
Узриш и сподобишся, смелчак тут угоден ^{бв},
кому ходить за танцы, и в небо кто годеи.

Толко бы ты женился, то тотчас, что не имеют жон, не хотят на тебе смотреть; друг если кто был, говорит: «Уже с ним в дружбе быть не могу, потому что иного нажил, жену взяв». Сродники естли какие есть, и те жалеют, на тебя смотря. А ты толь много друзей оставляеш для одной жены, ^{бв}как чорта в углу имеа^{бв}.

Приданое что возьмеш, не можеш молвить безопасно, что твое; ни жена неложно твоя, ни детки ^{бв} конечно твои. Для свидетелства той ^{бв} правды, прошу^а, поставь бешеного и шута ^{бв}, которой бы похотел купить || двор такой, чтоб его каким ни есть ключем мог всяк отворить. Верь ^{бв}, что мне такова шпыня не поставиш, кроме одного женатого, который такому замку все, что имеет — да и сам себя — вьверяет.

Четыре вещи, глаголет Соломон, всякого человека из дому выгоняют: дым, огонь, кровля течлива и жена брюзглива. Дыму избудеш, окна разтворив, огонь — водою залив, кровля не станет течь, как перекроеш; а жену починивай, утоляй, как знаеш ^{бв}, переплачивай пуще кровли, ничто же успееш. Хотя нестатки, ^м(да) ^{бв} а^у на правду походит, что у всякой девять кож наростет, а едва ^{бв} и не толще дубовых, как замуж выйдег. Одна, утопая, перстами указывала на мужа, что вош обмерла; а иной муж искал жены против воды.

^{а-м} Так в ркп. ^н В ркп. танцовали; испр. по З. ^{о-н} В ркп. повторено.
^р В ркп. испр. по первонач. вымет. ^с В ркп. написано над строкой. ^{т-у} Так в ркп.

^{бб} Нет. ^{бв} голова. ^{бб-бв} которую понял. ^{бв} Доб. б. ^{бв} отведаг.
^{бв} еж. ^{бв} Доб. во имя господне. ^{бв} Доб. избави бог. ^{бв-бв} что. ^{бв} ответ.
^{бв} вымет. ^{бв} Нет. ^{бв} надобен. ^{бв-бв} Нет. ^{бв} дети. ^{бв} твоей. ^{бв} шума.
^{бв} верю. ^{бв} хочеш. ^{бв} Нет. ^{бв} одва.

Лихую жену хотя в сахаре жарь, а она горька; да и ⁹⁰не чел⁹¹ еще и не слышал ни о ⁹²одной лихой, чтоб исправилась.

Хотя ярьсь аки барс, иже свои дети
погубив, а сам впадет ярым ловцам в сети,
Или медведь свирепый, копием раздражен ⁹³,
бежит лютой сабаки, ранами изязвлен ⁹⁴,
А та за горло давит, что кровей посоки
по раненому бегут борзы зело токи;
Однако ⁹⁵природа в том ⁹⁶попоровила,
что х ⁹⁷твоей красоте злобы прибавила.
Красна ты или лиха, то грех, а се ⁹⁸добрит,
буде будеш доброю, всяк тебя обозрит.

Могл бы тебе изчесть, сколко людей пропало напрасно от рук женских, и ⁹⁹не токмо чинов менших, но и королевских, но понеже всяк может в историях прочитати сам ¹⁰⁰, перестану. Суть нецыи, иже рекут: есть разум и удило на то. А я говорю: не верь тому; ни двери, ни решетка, ни караул всегдашней^v, ¹ не удержат, как жена на что настрется.

Были такие, что их запирали в башнях гораздо твердых; были, что при своих сродниках жили; были, что и у мужних пребывали; были и такие, что их сами мужья стерегли, а, однако, от жен ослопов хватали. Были ²такие, а одва и ныне нег, что в живые глаза при мужьях чюдеса да и безделье делали, обманув ³мужа, что ему то во сне снилось, хотя ⁴и наяве было⁵.

Иных жен тысящами найдеш у повестописателей, что как^φ, ⁶ своими лукавствы обманывали мужей ⁷(что никому никогда во ум не придет и не вместится), но^х, ⁸ я их нарочно здесь не кладу, ведая, что они, прочитовая, болши бы мудростей научились, а к злу будучи по природе склонны, не реку им лишитися бы тем писмом, но паче приложатся ко злу.

Ни злато, ни царство, ни богатств веселие толикии имеет утехи, колики радости мужьям добрым жен ⁹благочестива беседа приносит.

Еврипид глаголет: девица красная, аще и конечно бедна, однако доволна приданым, — приносит к мужу нову сердца доблесть, красоты благодать ¹⁰, || цвета первоначалие. Самая девства ¹¹похвала по достоинству всем мужьям есть благоприятнейшая, понеже всякое иное приданое взятое можеш по воле, дабы не был обязан чюжим^ψ добром, что взял, назад отдать, денги отчесть, людей возвратить, с двора съехать и деревень усгупить ¹², а девство взятое отдать уже ¹³не можно. То едино у мужа от приданого остается, ¹⁴как тяжелое на дне ¹⁵. А вдова, какова о свадьбе пришла, такова и в разводе отходит, ничего не приносит невозможное, но приходит пробита уже от иного.

Малый свет — человек жив; там небо — глава,
чюства — планеты, разум — солнце, при том слова.
Грешит свет, в нем человек, небо вратится,
смерть с востока на запад день с ночью катится.
Если бы пременна жен луна нам не дала,
свет на ногах не остал ¹⁶ бы, что ж бы глава была?

^φ В ркп. написано над строкой. ^х В ркп. скобка закрывается после но.
^ψ В ркп. чючим.

⁹⁰⁻⁹¹ мечем. ⁹² Нет. ⁹³ раздражен. ⁹⁴ изязвлен. ⁹⁵⁻⁹⁶ в том природа.
⁹⁷ ко. ⁹⁸ ся. ⁹⁹ Нет. ¹⁰⁰ Нет. ^v, ¹ безпрестанной. ² Есть ли.
³ оманув. ⁴⁻⁵ наяву делалось. ⁶ Нет. ⁷⁻⁸ Нет. ⁹ жены. ¹⁰ благо-
дать. ¹¹ действия. ¹² уступать. ¹³ Нет. ¹⁴⁻¹⁵ Нет. ¹⁶ стал.

Поступкам их, что женятся или сватаются, естли бы похотел при-
смотреться и рассудить, много бы прибыли во ¹⁷ опасение себе принесл.
Малое дело увидится, то при первом свиданье дарят перстни со обоих
сторон ¹⁸, а когда еще она по особой своей милости господину жениху
приятство то покажет, что рукою своею положит на палец сердечной,
чаёт, бедной, что все взял ¹⁹(и во все веселие пришел)²⁰, а того не видит,
что ее сердечко скоряе за золото, а не за него самого принимается.

Превелий у жон имеет урок злато и камень, и для того сей дает, а тот
как берет, так берет.

В некоторых странах таков обычай есть ²¹, что к венчанию приятелей
и болших, кроме самых ²² ближних, не берут, ни припущают, знатно
для того, чтоб госпожа молодая в один день и мужа, и еще кого иного
не полюбила. Есть у иных народов много чинов и различных нравов
изрядных при супружестве, которые егда гораздо рассудиш, ничего в ней
не найдеш, толко истинное омерзение жития их. Для того у италиан, егда
молодому господину жену в дом вводят, обычай таков есть ²³, что старей-
шая в дому в то угрожает, дабы жених против ней за порог вышел, и тем
тотчас учит его из дому без воли ее не выходить. Там же тотчас на пороге
неведомо какие масти разтирают, чтоб ему не таковы досадны были слова
от жены. Суть иные народы, у которых муж кудель с веретеном своей
жене за поес затыкает, чтоб помнела о своих трудах честных против⁴
гуляню⁵, главному их неприятелю, толко она временем из волос его
головных и из бороды кудель себе зделает, печалми, будто веретенами,
крутя и вертя. Инде орехи все ²⁴ в чертоге вси грызут для того, чтоб муж
привыкал к треску ея и шуму, как, ходя по дому, лаять, клясть и шуметь
будет. Или для того, что жена такова укусна, как орех, котораго если
не розобьеш и не удариш, никогда добр и сладок не будет. ||

О сем написал некто от премудрых:

л. 17

Орех, ишак и жена в одну меру живут,
ничто ж добро творят, когда их не бьют ²⁵.

Того, кто ²⁶ не женится, называют небесным, потому что кажется,
аки бы на небеси был, как без жены.

Супружество наричется уже (или уз ²⁷), когда друг против ²⁸ друга
связаеми ²⁹ ужем (или узом) бывають. Узол ³⁰, или иго, или сило, им же
муж з женою вяжется или усиляется, се есть цепляем за руку и за ³¹ ногу.
И то все легче жены, потому что на узлы, и на узы, и на силья есть вымысл,
когда и поцелен — не один сорвется. Иго⁴ претяжкое ³² имеет свой
покой, а женясь, нет покоя даже до смерти, а одва и не уподобляется от-
части и пеклу, се есть геенне огненной, у которой печется и жжется даже
до изсушения костей.

Имение, что с собою жена в дом принесет, ³³ нарицают же³⁴ вси прида-
ное, потому что даема бывает от отца и матери ³⁵ дщерь девица³⁶ з данным
ей естеством, а то ³⁷ дщерное руть³⁸ у матерей и родителей своих по данному
от бога себе таланту ³⁹, данное сверх того имения ⁴⁰, денги, платье, де-
ревни, люди ⁴¹ и прочее, се есть к данному данное и для того нарицается ⁴²
к данному естество⁹ приданное нечто от родителей, и произошло оттого
наречение приданое. Толко то слово приданое разумно надобно толко-
вать сице, что она тех именей не дала мужу, но толко меж его именей или

⁴ В ркп. противчъ. ⁵ В ркп. голяню. ⁴² В ркп. Игое. ³⁹ Так с 6 ркп.

¹⁷ в. ¹⁸ стран. ¹⁹⁻²⁰ Нет. ²¹ Нет. ²² самих. ²³ Нет. ²⁴ Нет.
²⁵ побьют. ²⁶ что. ²⁷ уж. ²⁸ супротив. ²⁹ вяжеми. ³⁰ Узом. ³¹ Нет.
³² претяжелое. ³³⁻³⁴ наричут. ³⁵⁻³⁶ девица дщерь. ³⁷⁻³⁸ дщери берут.
³⁹ таланте. ⁴⁰ имение. ⁴¹ людей. ⁴² наричется.

деревень поселила, чтоб ее имение то в покое долежалось до своего времени. А знатно, что она ⁴³не дает⁴⁴, потому что из мужняго всякой расход чинится ⁴⁵, и вотчины мужни разоряются, а ее приданое все цело. А чайта бы лучши и пристойнее бы было, дабы то, что она принесет, прежде росходилось, а мужнее бы цело было, потому что ее не может никто так попрекнуть, как мужа: не твое то дитя.

А естли то правда, что ⁴⁶в попрек⁴⁷ бывает, будто не твое дитя, то и она не твоя жена была, и дети не твои в твоих имениях наследъствуют, свое добро погубив.

Того для, кто хочет жену пояти, подобает ему крепко ⁴⁸ разъсуджати, для чего. Естли для правления дому, не лучше ли иметь слугу домоваго добраго, господарного, котораго всегда можеш переменить, естли не годеи, побранить ⁴⁹ и наказать, естли провиница, досмотрив⁵⁰, не крадет ли, и для того мочно ⁵¹у него⁵² из рук взять, что ему вручил, без грома и без шуму.

Буде для того, чтоб был сын, не лучше ли, шед в богаделню, из тысячи выбирать ⁵³ несколько и воспитать их пристойным обычаем со удостоянием к господеву богу и с похвалою у людей, а потом, кто из них будет лучший и миляе, учинить ⁵⁴ его наследником с великим твоим утешением, нежели родивши ⁵⁵ какова худяка на твою печаль, стыд и оскорбление.

Естли для того, чтоб, приданое взяв, долги полатить, я тебе сказываю, лучши у жида занять с ростом и платить сто на сто, нежели в такое балагурство вдаваться, которое трикраты тяжчайшее ⁵⁶ паче болшаго долгу. ||

17 об.

Наконец, естли женишься по любви, то ⁵⁷ помни, и паки глаголю — помни, естли не ведал еси, что любовь, веждь, что изографы так пишут:

Умилнаго гла́за лучь солнцу ся равняет,
из круглой шеи белый шипок проникает,
Влас кудрявый переходит злато и румяны,
устне аки в черленном багру омаканы,
Как отверзет сахаром уста посыпанны,
многих сердца топятся ⁵⁸, хотя оловячны.

Еще тебе именую некоторыя повести достойнопамятныя о женитбе. Некто вопрошен, для чего ниску (маленку) ⁵⁹ жену поял. Отвещал: «Из дву злых вещей меньшее всяк выбирает». Толко не ведаю, хорошо ли выбрал, понеже если в высокой ⁶⁰ (в великой) ⁶¹ мало что добраго, а в ниской, конечно, ничего нет, толко одна злоба.

Чел также о некоем в Европе из греков, разумном ли или глупом, не знаю, как назвать, а его звали Сократ, с такою славою, что он был всех людей премудрее, понеже когда ⁶² не было умняе его. ⁶³А мне кажется, что не было глупяя его⁶⁴, потому что не слышать о другом таком дураке, чтоб кого жена ослопом била. И хотя о том много было говорить, вы же ⁶⁵ сами разсудите, разум ли то или глупость.

У того некто употребил ⁶⁶ совета такова, жениться ли или не жениться. Он отвеща: «Обое то тяжко, однако естли не женишься, еще то у тебя будет в мочи, что возможеш жениться, а женись, то будеш⁶⁷, ⁶⁷ будто въюн в верше, что и вылесть не можеш». Хорошо иному советал ⁶⁸, а сам однако,

¹⁰ В ркп. можно прочесть и будет.

⁴³⁻⁴⁴ надает. ⁴⁵ держится. ⁴⁶⁻⁴⁷ вопреке. ⁴⁸ Нет. ⁴⁹⁻⁵⁰ как провинит-
ся, досмотри. ⁵¹⁻⁵² ему. ⁵³ выбрать. ⁵⁴ учини. ⁵⁵ родиши. ⁵⁶ тяжеляе.
⁵⁷ Нет. ⁵⁸ потопятся. ⁵⁹ Доб. на поле или маленку. ⁶⁰ высоких. ⁶⁰⁻⁶¹ Нет.
⁶² тогда. ⁶³⁻⁶⁴ Нет. ⁶⁵ Нет. ⁶⁶ требовал. ⁶⁷ Нет. ⁶⁸ советовал.

дурак, женился, чюдного беса — Ксантису жену поял⁶⁹, от нея же много бед претерпел, что и ослопа хватал.

Пишут о некоем, что у него три жены друг за другом удавились. С печали муж чуть сам не взбесился и осердясь яблонь ту высек и зжег. Соседи, слышав то, прибежали с великим ужасом, прося хотя сучка той яблони, дабы могли разплодить в своих огородах; толко уже⁷⁰ прошло время.

Доложу zde еще, еже един некто сказал, что всяк женатый⁷¹ подобен куколке, которая выедет неведомо своих, неведомо чюжих, ибо жены, с прощением⁷² их говоря, всяка лучши бы чаяла быть об одном глазу, неже об одном муже, о чем свидетелствует повесть о Папирие, где велможицы и боярони⁷³ обмануты суть.

Един некто такожде, егда с кораблем утопал⁷⁴ на мори, как иные бросали свои тяжелые вещи в море, он бросил жену свою⁷⁵ в море. Вопрошен же⁷⁶ о вине, сказал, тяжелее де ея у меня не было в житии моем.

Меду никто, разве побив пчелы, безбедно есть не может.

Пишет святой Августин о некоем человеке во Африке, иже умирая господеву богу за три вещи благодарил: перво, яко⁷⁷ не женился, второе, что ни за кого не насватал⁷⁸, третье, что морем нигде не ездил, где могл пеш или сухим путем пройти. ||

Епаминонд царь греческий, Зелопидом хулим, яко не женился и не оставих⁷⁹ во отечествии наследника, сиче отвещал: «Не знаю, кто из нас неправее отечествию, я ли, что его не оставих⁸⁰ или ты, что оставил, а великого плута».

Но и конца бы не было, когда бы тебе все, что у меня есть, свидетелства людей благоразумных⁸¹ и честных⁸² выписал во утверждение сей правды; не помяну того, что отцам от сынов или от дочерей случается, как часто дети на здравие родителей своих наступают.

Однако ж, дабы еще тебе того златаго ига женитбу сахаром-леденцом прикрыл, поконец таковыя прибыли женитбы кладу.

Перву ночь, как на подклет войдете, то молодая⁸³ молит смерти на тебя по образу Товиевы жены, чтоб с нею так делалось⁸⁴, яко с Саррою, Товиевою женою, чтоб всяка семь мужей имела. Мужья бы перво умирали, а не оне. Естли не вериш, — как женишся, послушай ее молитвы.

Потом все жены домовые примечают накрепко, хто из них перво уснет и от того (суеверно)⁸⁵ смекают, кто из них⁸⁶ двоих перво уснет, тому перво и умереть. И оттого тотчас пожитие дурное, тотчас чарования и промыслы, чтоб мужа перво послать на тот свет.

Аттиля, гуннов король, Гялдинова⁸⁷, баширианского⁸⁸ короля, дщери прекрасная любовию разжегся. На первую ночь от схода, истомився, ниц уснув, крови из ноздрей течением⁸⁹ удавлен, погибе. Обудився жена, мужа якобы⁹⁰ целовати хотящи, обрете его мертва и избледневша.

Написал бы и иных тайн и обманов, толко что грех и не к делу. Умолчу ныне, словесно скажу тебе и тем писмо⁹¹ скончаю. Однако ж⁹² что знаю еще⁹³, напишу тебе, чтоб еси ведал тех⁹⁴, которые жениться думают или недавно женатые, прочет, молвят, что я много пишу. Поверь ты мне, недолго того ждаты, что говорить станут: «Я дурак, что тому писму не верил⁹⁵ и противу рожна прал»⁹⁶. И то знаю, что те ж новожени будут

* В ркп. написано над строкой.

⁶⁹ поял. ⁷⁰ уж. ⁷¹ женат. ⁷² прощением. ⁷³ боярики. ⁷⁴ топ.
⁷⁵ Нет. ⁷⁶ Нет. ⁷⁷ что. ⁷⁸ сватал. ⁷⁹ оставил. ⁸⁰ оставил. ⁸¹⁻⁸² Нет.
⁸³ Доб. господа бога. ⁸⁴ деялось. ⁸⁵ Нет. ⁸⁶ Нет. ⁸⁷ Гилдикона.
⁸⁸ бакирианского. ⁸⁹ течением. ⁹⁰ Нет. ⁹¹ писмом. ⁹² Нет. ⁹³ Нет.
⁹⁴ те. ⁹⁵⁻⁹⁶ Нет.

меня имети за дурака один месяц, а в другой-то тотчас к моему писму будут прибегать, а в третий сами меж себя о том, что здесь верно пишу, говорить будут ⁹⁷, в четвертый же ⁹⁸ месяц вси согласно скажут, что истовая ⁹⁹ правда то сегодняшнее писмо мое. ¹⁰⁰Но еще не усмотрят ли они и новых к тому от жен своих чудес комедианских, которых zde не положено ^{VI}, 1?

Еще я догадываюсь, чем меня похочеш обличить, — чайть, молвиш: «Безделица в том деле, хулиш, чего сам не отведывал, жены не имев». А я тебе сказываю: как двое в карты или тавлеи играют, лутче третий издали видит, как они не мастерски ^{III}, ^a поступают.

Тут став, мню, подумаеш, что делать, понеже господь бог ², всех творец ^и владыко ⁶ подаде ³ человеку жену на ползование поползновения похоти плотския, а когда так, емли ж ее во имя господне, гораздо не одинова, но десятью перекрестись. Чаю, лучши тебя вычистит, нежели ревень, или алой сверборинной ⁴, или манна калябрина. А потом тебя в руце божии вручаю, моля, да ⁵сохранит тя от сего ⁶ лекарства, которое, как говорю, || не токмо желудок вычистит, но и мозг в голове выворотит и пременит.

Здравствуй!

Учения ² юношам и женатым надобныя.

Свадба проторна убыток без почести приносит, печаль о злой жене тогда укротиши, когда что таковое ж услышиш о чюжих женах. Лихи жены, однако без лиха дому найти невозможно; сердце благородно и высоко не спрашивает о делех женниных.

Вещание святого Иеронима:

С женами жить, а о женах не думать, паче еже мертвыя воскрешати.

Глаголюг, яко жены всем бедам мужним изобретательницы. Свидетелствует война Троянская; Люкреции насилие, Секстом Тарквинием нанесенное, Тарквиния царства лишило.

Соломон царь Иудейский премудрый, наложниц прелщен любленьми, благочестия и блаженства отвержеся.

Любодействуяй, живяй — умре; ⁷и железныя ⁸умы похоть укрочает, яже велий в девицах страждет глад, сладость вменяюще, яже не ведят.

Не для животов жену ⁹подобает прияти, но на нрав и доброту смотрети. Сусанна на любодейных старцах, з бедою чести и живота, чистоты победы сподобися и всем женам ⁹живыя чистоты ¹⁰образец бысть.

Яве суци зла, жена бывает тогда ж добра

Частые свадбы имеют место злоречения.

Жена, посягающая ¹¹ за многих, многим оезгодна.

Друг за другом ходит, красоте изгоняти чистоту.

Супружество ничто же ино есть, токмо восходити и нисходити.

Тяжко шеи носити иго.

Честь женнина — быти товарищем мужу.

Женою обладать — отчаянное дело.

Мужняя доброта — женнина красота.

Мой свет — славные дела мужни.

Слава именьей красит меня, но честняя мужня слава.

Жены, одне чтоб все говорили, хотят, а иные бы молчали.

В руце мужней и обороне буди жена, а не в порабощении.

^{III}, ^a В ркп. мастерки. ⁶⁻⁸ В ркп. надписано над строкой. ² В ркп. на левом поле пометка [литерами]. ⁹ В ркп. испр. по первонач. жена.

⁹⁷ станут. ⁹⁸ Нет. ⁹⁹ истинная. ^{100-VI}, 1 Нет. ²⁻³ сам дал.
⁴ сверборинной. ⁵⁻⁶ тя сохранит от такова ⁷⁻⁸ иже лотныя. ⁹⁻¹⁰ живыи чистый. ¹¹ посягающи.

Благородна и надеждная жена печали мужние, ими же озлобляем бывает, отирает.

Не доброличие ¹², но слава доброй жены буди всем знаема.

Посреде всех жития сего приятств болши всех мужа и жены законное сочетание, а посреде иных воля. Ту воля, прилеплена нужде, вино творит. Жене подобает мужу во всем последовати, а мужу женнин нрав не в коих претерпети вещей, бремена бо супружества многая, досадна и долго-временна, едина любовь согласна сносны творит.

Без товарища неприятно всех вещей стяжание. ||

Любовь истинна ^а и чиста ^ж друг к другу — истинный мед и прямой ^д. ¹⁹
суще ¹³ сахар, манна небесная, ея же ничто же ¹⁴суть сладчайшее¹⁵.

Бранчивыя ¹⁶же и непотребныя, злязычныя¹⁷ супруги всегда не в тишине, и пуще им в богатстве ¹⁸и неге¹⁹.

Жену ровень бери. Если возьмеш з большой стати, сродников имети будеш господ.

Играй и пий с красными девицы,
славы и денег не имать на лица.
Емляй бабу з денгами, той златом прелстися,
повял денги, а баба в приданом вучися.

Во избрании жены великое подобает ²⁰разсуждение имети²¹.

Прияти целомудренну, хотя не красну; з добротюю, хотя без приданого.

Жена бо дому и всего, что в дому есть, верная хранителница.

Оговорка

Писца сей книжицы намерение — не наступать на чин супружественный и на жен честных порицание класть, понеже тем обоим весь мир цветет, но юношам обоего полу очи отверзать, дабы на свечу, что ожигает, не летели, как камары или мотылечки. Нихто им не виноват, что крылья им отгарают ²², сами себе. Кто не умеет ²³ шахматами играть, выедет небрежно, скоро тому мат дадут. Того ради ²⁴ и писма те, прошу ²⁵ (ежели аще угодны)²⁶, в целом блюдении без подшивки злаго мнения да будут.

Завидящему

Аз ²⁷ научих тя лгать²⁸,
а ты мене тем же хочеш потоплять²⁹.

^ж В ркп. повторено. ^д В ркп. испр. по первонач. счать.

¹⁴ доброличие. ¹³ Нет. ¹⁴⁻¹⁵ сладше. ¹⁶⁻¹⁷ Нет. ¹⁸⁻¹⁹ инее.
²⁰⁻²¹ имети разсуждение. ²² огаривают. ²³ умея. ²⁴ для. ²⁵⁻²⁶ Нет.
²⁷ Нет. ²⁸ счать. ²⁹ Доб. Конец.

А. И. МАЗУНИН

Возможный автор Повести о боярыне Морозовой

Вопрос об авторе Повести о боярыне Морозовой до сих пор остается неясным. Все попытки (правда, немногочисленные) установить личность автора произведения пока не дали удовлетворительных результатов. Тем не менее в работах дореволюционных исследователей стали намечаться среда и круг лиц, которые могли быть причастны к созданию произведения о боярыне Ф. П. Морозовой.

Н. С. Тихонравов считал, что Повесть была написана одним из «влиятельных староверов», близко знавшим Морозову и хорошо осведомленным о положении дел в Москве и при царском дворе.¹ И. Е. Забелин называл автором Повести «большого брата», посетившего Морозову в боровском заточении, не разъясняя, однако, кого, по его мнению, следует здесь подразумевать.² Н. И. Субботин одно время был склонен считать автором Повести «большого», т. е. старшего, брата Ф. П. Морозовой Федора Соковнина,³ но позднее отказался от этого мнения, поскольку убедился, что Ф. П. Соковнина в период боровского заточения его сестер не было в Москве.⁴ Отказавшись от попытки установить личность автора, Н. И. Субботин пришел к выводу, что хотя автор Повести о Морозовой неизвестен, но «несомненно, что это был не только современник, но и участник описываемых в сочинении событий, лицо очень близкое к трем заключенным в Боровске», «преданное им».⁵

Отношение И. Е. Забелина и Н. И. Субботина к вопросу об авторе Повести о Морозовой сохранил Я. Л. Барсков. Не делая новых попыток установить конкретно личность автора, Я. Л. Барсков наметил ряд лиц, которых можно подразумевать под условным именем «большого брата». «В Житии боярыни сказано, что ее навещил в Боровске брат „большой“, неизвестно, однако, чей брат: Федосьи ли Прокофьевны или старицы Мелании; этого посетителя можно считать автором жития. . . Двоюродным братом приходился Морозовой боярин Федор Михайлович Ртищев».⁶ М. О. Скрипиль вопроса о личности автора произведения не ставил, огра-

¹ Н. С. Тихонравов. Боярыня Морозова. (Эпизод из истории русского раскола).— Русский вестник, 1865, т. 59, № 9, с. 5—6.

² И. Е. Забелин. Домашний быт русских цариц в XVI и XVII столетии. М., 1872, с. 111.

³ Н. И. Субботин. Новые опыты искажения глаголемыми старообрядцами памятников старинной письменности.— Братское слово, 1886, т. 1, № 3, с. 231.

⁴ Материалы для истории раскола за первое время его существования, издаваемые под ред. Н. И. Субботина, т. VIII. М., 1887, с. XV, примеч. 1 (далее: Материалы).

⁵ Там же, с. XV.

⁶ Я. Л. Барсков. Памятники первых лет русского старообрядчества. СПб., 1912, с. 299.

ничившись повторением того, что автор «лично посетил сестер в „земляной тюрьме“ в Боровске».⁷

Таков был ограниченный, преимущественно родственный боярыне круг лиц, среди которых исследователи искали автора Повести о Морозовой.

Предположение об авторстве «большого» (старшего) брата Ф. П. Морозовой Федора Соковнина приходится окончательно и навсегда оставить: с 1672-го по май 1675 г. Ф. П. Соковнин был чугуевским воеводой и не мог в январе 1675 г. навещать своих сестер в Боровске. Двоюродный брат Ф. П. Морозовой боярин Ф. М. Ртищев умер 21 июня 1673 г.⁸ и не мог описывать события 1674—1675 гг. О брате или братьях старицы Мелании нет никаких исторических сведений, неизвестно даже, существовали ли они вообще.

Таким образом, прямых сведений об авторе Повести о Морозовой у исследователей не имеется. Какие же косвенные данные о личности автора можно получить на основании текста произведения?

Прежде всего несомненно, что Повесть о Морозовой писал москвич, хорошо знакомый с городом. Топографические названия даются им в полном соответствии с теми наименованиями, которые существовали в XVII в.: Пожар — Красная площадь, Болото — Болотная площадь, Хамовники — Константиновская Хамовная слобода. В Повести названы московские монастыри Чудовский, Новодевичий, Алексеевский, Андронов; неоднократно упоминается под своим старым названием подворье Псково-Печерского монастыря, еще в начале 1670 г. перешедшее в ведение Приказа тайных дел; названы находившиеся на территории Московского Кремля Грановитая палата, Вселенские палаты Кремлевского Чудова монастыря, царские переходы во дворце, Стрелецкий приказ.

Никто из исследователей не обратил внимания на то обстоятельство, что автор хорошо знаком с расположением помещений и обстановкой в доме Ф. П. Морозовой. Игумен Досифей причащал Морозову со «спутницами» «во Иванове горенке». Во дворе боярыни «во второй час ночи отворишася врата болшия»; Морозова «возляже на пуховик свой. . . близ иконы Богородицы Федоровския». Княгиня Евдокия ушла «в чюлан, иже устроен в той же постельной», в чюлане «не бе света». Сын боярыни Иван Глебович проводил мать «до среднего крыльца». Взятых под стражу Морозову и Урусову посадили в доме боярыни «в людские хоромы, в подклет»; после первого допроса посадили «в той же подклет». Золото бояр Морозовых, обнаруженное при обыске, было замуровано в стену («в стене задано»).

Ни у кого из исследователей не вызывал сомнения факт личного посещения боровских заключенных автором Повести о Морозовой, скрывшим себя под условным обозначением «большой брат». Но оказывается также, что этот же «большой брат» находился в московском доме боярыни при взятии под стражу Морозовой и Урусовой в ночь на 16 ноября 1671 г. Это видно по тем деталям, которые мог заметить только непосредственный свидетель события. «Думный же Иларион Иванов ступи в чюлан и не бе в чюлане света. . . он же яко устрашився и яко опаляем, вспять вьскочи». Присутствующий здесь же черный дьякон Иоасаф «стояше вне, у дверей». Морозову слуги ее на «креслах» «несоша на низ». Иван Глебович поклонился матери «созади, она и не видяци его».

По нашему мнению, все отмеченные детали мог заметить и записать только человек, который не впервые и не случайно оказался в доме Моро-

⁷ См.: История русской литературы, т. II, ч. 2. М.—Л., 1948, с. 330.

⁸ И. П. Козловский. Ф. М. Ртищев. Историко-библиографическое исследование. Киев, 1906, с. 36.

зовой в момент ее ареста в ночь на 16 ноября 1671 г. Если бы известия об аресте Морозовой были получены из вторых рук, то текст не содержал бы таких деталей.

Как хорошо известных ему лиц называет автор служанок и слуг Морозовой: Ксению Иванову, Анну Соболеву, Анну Амосову, Стефаниду Гневу, слугу Ивана, прятавшего драгоценности боярыни и сожженного в июле 1675 г. в Боровске. Эти люди хорошо известны по историческим документам, а также посланиям и письмам протопопа Аввакума в Москву. В Повести названы также лица, близкие к Морозовой и Урусовой в последний период их жизни, — «господская дочь» Акилина, добровольно служившая Е. П. Урусовой в Алексеевском монастыре, постригшаяся «последи» с именем Анисии; девица Мария; старица Елена, навещавшая заключенную на Печерском подворье, затем в Новодевичьем монастыре, в Хамовниках и Боровске.

Автор почтительно пишет о посещавших в разное время Морозову в ее доме или в местах заключения видных деятелях начального периода старообрядчества — «о священнопротопопе» Аввакуме, «страдальце» Трифилии — иноке Симонова монастыря, казненном за раскол, об «отце христолюбце» Досифее, «преподобном отце» Иове Львовском.

В письме к «духовной матери» Мелании Ф. П. Морозова просила навестить ее в Боровске «в остатошное», так как в конце 1674 г. среди боровских заключенных распространился слух о грядущих казнях старообрядцев. «Молит же взяти ей с собою и болшого брата». ⁹ В обществе Родиона, Мелании, Елены «большой брат» навестил боровских заключенных 10—12 января 1675 г. ¹⁰ Автор («большой брат») записал все, что видел и слышал во время свидания с заключенными в боровском остроге («... аз же видел сие и слышах»). Присутствуя при прощании старицы Мелании с узниками, «большой брат» запомнил наставления Мелании своим «духовным дочерям»: «Се бо аз вижду, яко связастеся юзами брани бесовския и аще, рече, не свободитеся юз сих, то не помогут вам и сии юзы железныя, их же носите Христа ради». ¹¹

Не являясь родственником Ф. П. Морозовой, автор, как нам кажется, сам не принадлежит к привилегированному сословию: он постоянно отмечает боярское звание Морозовой, «княжество» Урусовой, дворянство Даниловой. Но особенно почтительно относится автор к Морозовой, именуя ее «великая», «блаженная», «святая».

Итак, нам представляется, что автор Повести — москвич, человек незнатный, «хорошо знакомый с положением дел в Москве и при царском дворе», ¹² «участник описываемых в сочинении событий, лицо очень близкое к трем заключенным... питавшее, особенно к Морозовой, великое благоговение». ¹³ Автор хорошо знаком с расположением помещений и об-

⁹ Материалы, т. VIII, с. 192.

¹⁰ См.: А. И. М а з у н и н. Повесть о боярыне Морозовой. (Памятник русской литературы XVII в.). Автореф. канд. дис. Л., 1965, с. 11. Проникнуть в боровский острог москвичи-старообрядцы смогли благодаря содействию стрелецких сотников, несших охрану острога. 9 июля 1675 (1675) г. по царскому указу «сотников московских стрельцов Ивашка Чичагова, Александрика Медвенского за воровство и неосторожность, что они на караулах стояли оплошно и его государев указ не исполняли, сослать в Белгород в солдаты на вечное житье з женами и з детьми» (ЦГАДА, Разрядный приказ, ф. 210. Белгородский стол, стб. 813, л. 170—170 об.). По свидетельству автора Повести о Морозовой, основная вина пала на одного из сотников: «Тогда и той сотник, при котором мы были (10—12 января 1675 г., — А. М.), виноватый у них стал. Александр Сазонов сын Медведевской, и биев бысть, и солдатом рядовым учинен и сослан бе на Бел-город» (Материалы, т. VIII, с. 194).

¹¹ Материалы, т. VIII, с. 193.

¹² Н. С. Т и х о н р а в о в. Боярыня Морозова, с. 6.

¹³ Материалы, т. VIII, с. XV.

становкой дома Ф. П. Морозовой, знает по именам слуг и служанок боярыни и близких ей лиц, присутствовал при аресте Морозовой в ее доме в ночь на 16 ноября 1671 г., тайно посетил боровских заключенных 10—12 января 1675 г. Из соображений конспирации в период репрессий против старообрядцев в 70-е гг. XVII в. автор был известен определенному кругу под условным именем «большого брата». Таковы общие сведения об авторе Повести о Морозовой, которые можно получить при чтении текста старшей, Пространной редакции произведения.

Нам представляется естественным начать поиски автора среди людей близких, но не родственных Морозовой, среди лиц, окружавших боярыню в последний период ее жизни.

Протопоп Аввакум в послании «горемыкам миленьким», отправленном из Пустозерска в Москву после 7 июля 1675 г. и не позже 1678 г., среди адресатов послания упоминает ряд лиц, хорошо известных по Повести о Морозовой. Это Акинфей (Данилов, муж М. Г. Даниловой), Родион — племянник Акинфея Данилова, Анна (Соболева — дворовая «жонка» Морозовой), Ксения (Иванова — казначая Морозовой), Анна Амосовна с детьми (любимая служанка Морозовой), Акилина девица (в иночестве Анисия), старицы Мелания, Елена и другие из «тысящи». Среди перечисленных лиц на одном из первых мест, вслед за Акинфеем Даниловым и его племянником Родионом, следует не упоминаемый в Повести «Андрей брат и сестра Марья Исаии сожженного».¹⁴

Из свидетельства Аввакума выясняется, что у сожженного в Москве в конце 60-х гг. Исаии, дворецкого боярина П. М. Салтыкова, были брат Андрей и сестра Мария. Исаии принадлежала видная роль в начальной истории старообрядчества.¹⁵ «Добродетели» Исаии высоко ценил инок Авраамий;¹⁶ Исаии посвящена одна из глав «Винограда Российского». Соответственно положению Исаии известную роль в жизни московской старообрядческой общины в 60—70-х гг. должен был играть его брат Андрей — недаром Аввакум называет его на одном из первых мест среди других «горемык миленьких».

Известно, что дворецким боярыни Ф. П. Морозовой перед ее арестом был Андрей.¹⁷ Андрей, брат «Исаии сожженного», и дворецкий Морозовой Андрей — не одно ли это лицо? Дворецкий Морозовой и мог быть, по нашему мнению, автором Повести о боярыне Морозовой. Конспиративное, условное имя «большой брат» дворецкий мог получить или по родству с Исаией (тот был его младшим братом) или по месту, которое он занимал в московской общине. Во всяком случае выражение «большой брат» было понятно кругу посвященных и первым читателям Повести о Морозовой — московским старообрядцам, пустозерским «страдальцам».¹⁸ Сестра Андрея Марья, вероятно, и есть та «Мария девица», которая навестила заключенную на Печерском подворье боярыню и известила ее о выздоровлении Мелании.¹⁹

¹⁴ Житие протопопа Аввакума, им самим написанное, и другие его сочинения. М., ГИХЛ, 1960, с. 244.

¹⁵ П. С. Смирнов. Внутренние вопросы в расколе в XVII в. СПб., 1898, с. СХVI.

¹⁶ Материалы, т. VII, 1885, с. 262—263.

¹⁷ См.: Отрывок из дела о раскольниках, находившихся в доме боярыни Ф. П. Морозовой. — В кн.: Я. Л. Барсков. Памятники. . . , с. 52.

¹⁸ Дьякон Федор в послании из Пустозерска, отправленном после мая 1677 г., упоминает о существовании описания мучений Ф. П. Морозовой, сделанных «в нынешнее время» (Я. Л. Барсков. Памятники. . . , с. 154—156). Возможно, пустозерские узники благословили «верных» на переписку Повести о Морозовой. Интересно, что наиболее полные списки Пространной редакции Повести северного происхождения. В Поволжье имела распространение более поздняя, сокращенная редакция.

¹⁹ Я. Л. Барсков. Памятники. . . , с. 311.

С уверенностью отождествить брата Исаии Андрея и Андрея — дворецкого Морозовой мы не имеем возможности за отсутствием документов. Однако наше предположение о том, что автором Повести о Морозовой является дворецкий боярыни Андрей, не противоречит тем косвенным данным, которыми мы располагаем об авторе Повести о Морозовой.

Дворецкий — москвич. Как непосредственный свидетель, Андрей мог присутствовать при аресте Морозовой и Урусовой; сведения о допросах, о пытках боярыни он мог получить от нее лично, от слуг, сочувствовавших заключенным охранников, стрельцов и т. д. Содержание царских указов и распоряжений относительно Морозовой дворецкий мог узнавать от родственников боярыни, чиновных и должностных лиц, занимавших высокие посты при царском дворе, тайно сочувствовавших старообрядчеству или своей родственнице. Дворецкий знал посетителей дома Ф. П. Морозовой — ее деверя Б. И. Морозова, ее дядю М. А. Ртищева, двоюродную сестру боярыни Анну Вельяминову, беседовавших или споривших о вопросах веры с боярыней. Дворецкий мог лично знать Аввакума, Досифея, Трифилия, Иова Льговского и других деятелей начального периода старообрядчества, о которых он упоминает в Повести о Морозовой. Дворецкий знал слуг и служанок Морозовой, монахинь, стариц, юродивых, живших в ее доме; ему было известно и о спрятанном в стене дома золоте, о любимых иконах боярыни — Федоровской Богоматери, Богородицы Одигитрии, об иконах, «на 4-х малых дсках воображенных», отобранных у боярыни в боровской тюрьме. Просьба Морозовой к «большому брату» посетить ее «в остатшное» в Боровске может быть объяснена и намерением боярыни отдать последние распоряжения своему дворецкому относительно имущества, оставшегося от разоренного дома.

По уменьшающейся детализации описаний можно установить, что дворецкий Андрей в период репрессий сам вынужден был скрываться и мог лишь тайно посетить Морозову в местах ее заточения (вероятно, в Хамовниках осенью 1673 г. и в Боровске в январе 1675 г.).

Если принять предложенную нами точку зрения по вопросу о личности автора Повести о Морозовой, то становятся понятными многие особенности произведения, которые ранее объяснить не удавалось. Однако сведения о личности дворецкого Андрея слишком скудны, поэтому наша атрибуция — всего лишь гипотеза.

Л. В. ТИТОВА

Неизданная редакция «Повести о рождении и похождениях царя Соломона»

Данная работа продолжает начатое нами изучение популярного на Руси цикла сказаний о царе Соломоне. Основное внимание было уделено русской переработке сюжета об увозе Соломоновой жены — так называемой «Поровской» повести. Нам удалось установить существование двух ее редакций: I (первоначально обозначаемой А), наиболее близкой к архетипу произведения, и вторичной по отношению к ней — II, Распространенной редакции (Б).¹

В предшествующей работе мы рассматривали «Поровскую» повесть как самостоятельную (вторую) часть цикла Сказаний о Соломоне, представляющего собой контаминацию различных текстов в духе литературно-тематических циклов XVII в. Вполне вероятно, что эти две части цикла — Повесть о рождении и юности царя Соломона и Повесть об увозе Соломоновой жены Пором — первоначально действительно существовали отдельно и только впоследствии под пером опытного книжника составили единую компиляцию. Это предположение тем более допустимо, что Повесть о рождении и юности царя Соломона встречается в рукописях XVII—XVIII вв. и как отдельное произведение.²

Однако изменения начальной части Повести (о рождении и юности царя Соломона) и в I и во II редакциях полностью согласуются с общими принципами изменений текста, которые характерны для обеих частей этих редакций. Такое органичное сюжетное слияние Повести о рождении и юности царя Соломона и «Поровской» повести, подчиненное единым принципам изменения текста, позволяет рассматривать данное произведение как единое целое. Условно назовем его «Повестью о рождении и похождениях царя Соломона».³

Отметим, что текст I редакции контаминированной повести был издан А. Н. Пыпиным⁴ и Н. С. Тихонравовым⁵ (по разным спискам); Тихонра-

¹ Л. В. Я р о ш е н к о - Т и т о в а. Повесть об увозе Соломоновой жены в русской рукописной традиции XVII—XVIII веков. — ТОДРЛ, т. XXIX. Л., 1974, с. 257—273.

² См., например: ГПБ, собр. М. П. Погодина, № 1612, л. 154—155; ГБЛ, Музейное собр. № 607, л. 613—617. Существовали и многочисленные записи сказок о царе Соломоне, повторяющие сюжет о рождении и юности Соломона (см.: В. П. А д р а н о в а - П е р е т ц, В. Ф. П о к р о в с к а я. Библиография древнерусской повести. М.—Л., 1940, с. 108).

³ Наиболее часто встречающиеся названия повести в рукописях: 1) «Повесть великаго царя премудраго Соломона, сына царя Давида, о рождении и похождениях его, зело умилительна» (во II редакции); 2) «Повесть царя Давида и сына его Соломона, и о их премудрости» (в I редакции).

⁴ А. Н. П ы п и н. Памятники старинной русской литературы, вып. III. СПб., 1862, с. 63—70.

⁵ Н. С. Т и х о н р а в о в. Летописи русской литературы и древности, т. IV. М., 1862, с. 113—121.

вов⁶ издал также текст Особой редакции этой Повести, первая часть которой близка к Распространенной, но вторая (о похищении Соломоновой жены) представляет своеобразное повествование и требует дополнительного изучения. Распространенная же редакция, выделенная нами, никогда не издавалась.⁷

Текст издается по списку первой половины XVIII в., хранящемуся в Государственной Публичной библиотеке им. М. Е. Салтыкова-Щедрина в собрании М. П. Погодина, № 1603, л. 219 об.—281 об. (далее — *П*), с некоторыми исправлениями по двум другим спискам: списку ГИМ, собр. Е. В. Барсова, № 2489 (далее — *Бр.*), и списку ГПБ, Q.I.1437 (далее — *Пб.*).

Список *П* находится в сборнике, писанном скорописью первой половины XVIII в. (одним почерком) на 462 л. Листы 219 об.—281 об., содержащие Повесть о рождении и походе Соломона, имеют филигрань — герб города Амстердама (Heawood, № 415 — 1725 г.); остальные филигранные (буквы) почти не просматриваются.

Этот сборник содержит оригинальные переработки популярных беллетристических повестей XVII в. (Повесть о Брунцвике, Повесть о Василии Златовласом, Повесть об ангеле, послушавшемся бога, Повесть о Вавилонском царстве и др.). Подробное описание сборника составлено А. Ф. Бычковым.⁸

Список *П* — самый ранний из известных нам, к тому же он имеет наиболее полный текст с наименьшим количеством дефектных чтений по сравнению со всеми остальными списками этой редакции. Следует отметить, что идентичных списков нет. Все семь списков Распространенной редакции имеют индивидуальные чтения. Предварительный их анализ на основании разночтений дает возможность выделить три основные группы: I группа: 1) ГПБ, собр. Погодина, № 1603, XVIII в., л. 219 об.—281 об., 2) ГИМ, собр. Барсова, № 2489, начало XIX в., л. 1—42; II группа: 1) ГПБ, Q. XVII.138, XVIII в., л. 88—110, 2) ГБЛ, Музейное собр., № 4667, XVIII в., л. 287—313 об., 3) ГПБ, Q.I.1437, XVIII в., л. 24—46, 4) ГПБ, собр. Титова, № 2417, XVIII в., л. 1—32 об.; III группа: ГИМ, собр. М. И. Соколова, № 15, XVIII в., л. 105—167. Списку *П*. наиболее близок список *Бр.*, но он наряду со своими пропусками и искажениями текста повторяет некоторые дефектные чтения издаваемого списка, поэтому исправления в публикуемом тексте даются не только по *Бр.*, но и по списку *Пб.* Несмотря на то что текст списка *Пб.* относится к другой группе и имеет свои ошибки и пропуски, он в некоторых случаях дает правильные чтения неясных мест *П*.

1. ^aПовесть великаго царя премудраго Соломона,
сына царя Давида, о рождении и о походе его,
зело умилительна^б

Бысть во граде Иерусалиме царь великий именем Давид, сын пророка Иосии. По древнему закону имел у себя жен много: тридесять цариц, семьдесят наложниц, девиц прекрасных, и настоящую имел жену име-

⁶ Там же, с. 121—147.

⁷ К тексту «Поровской» повести восходит также несколько списков XVIII в., каждый из которых является особой редакцией и нуждается в текстологическом исследовании. — См.: Л. В. Я р о ш е н к о - Т и т о в а. Повесть об увозе Соломоновой жены. . . , с. 269, примеч. 39.

⁸ А. Ф. Б ы ч к о в. Описание церковнославянских и русских рукописных сборников имп. Публичной библиотеки. СПб., 1882, с. 270—278.

^{a-b} Это и все последующие заглавия написаны киноварью.

нем Вирсавию. И не бысть у него чадородия: ни сына, ни дщери. И молился царь Давид господу богу Саваофу, чтобы ему бог подаровал детище, || ему сына в наследие после его царства граду Иерусалиму царем быти, с царицею своею Вирсавиею. И услыша бог молитву их царя Давида, и зача жена его Вирсавия во чреве своем сына. И как бысть совершению чреву и роди царица Вирсавия сына и нарекаша имя ему Соломон. И бысть радостны царь Давид и царица его.

л. 220

И как будет детище трех недель, и нача ходити в полате, и бысть у царя Давида радость велия. И как то детище будет девяти недель, нача Соломон глаголати отцу своему || Давиду о своей мудрости великой: «Государь мой батюшка, царю Давиде, что есть сие гадание мое? В некоем граде царь бысть вельми славен зело, и бысть у него в полатах 30 птиц, павлинов^о златоперых. И тех птиц сам царь к себе в полату по одной птице брал и с ними потешался. И ис тех птиц одина птица зело царю любя была и мила, и та птица, златоперая павлина, не восхоте с павлином совокупитися и потопталася с невежливою мекиною, со птицею, з гусем». И рече царь Давид сыну своему Со||ломону: «О милый мой сыне Соломоне, повесть сию аз разумею, и в птицах я избрати не знаю, которая павлина з гусем потопталась». И видя царь Давид вельми мудро свое детище, что Божиим повелением мудро глаголет.

л. 220 об.

л. 221

Потом царь Давид даде сына своего на избережение некоему своему верному боярину именем Ичкилу и приказал его вельми беречи. И во единое время бысть дитищу Соломону спящу в колыбели, и в ту ночь прииде к матери его к царице Вирсавии посадцкой || человек-евреин, и нача, ея целовати, и глагола ей: «Госпоже благородная царица Вирсавия, вельми ты мне любя и мила, токмо боюся сына твоего царевича Соломона: непрестанно он мне видитца во сне и страшит мя». И рече царица ему: «Господине мой любезнейши, аще ты сего отрока, сына моего Соломона, боишися и не хочещи со мною любовь сотворити, и аз его сего ж часу погублю, дам ему отраву смертную». И как царица Вирсавия нача блудное дело с тем мужиком творити, а царевич Соломон все то || слыша матери своея, и выскочил из колыбели вон, и закрича великим гласом, и со слезами рече: «О еси ты, посацкой мужик, не по себе еси виноград щиплишь, и сад царский батюшкин крадещи, и чюжую ниву орещи, и на краденой кобыле ездить». И прибеже к боярину своему збережатому Ичкилу, и ляже подле его спати, и плача, и рыдая неутешно. И боярин его Ичкило быв во ужасе велицем и рече: «Государь благородный царевич Соломон, повеждь мне вину плача своего. Что, государь, из по||латы борзо утекл еси от матери своея? Или тебе, государю, во сне страх некий объят привидением, или тебя, государя, мамы или няни чем прогневили?». И рече царевич Соломон боярину своему Ичкилу: «Господине Ичкиле, ныне аз во сне видех привидение страшно и себе смерть насилную^о. И аз к тебе от того привидения утек, к тебе в полату. А что аз привидение сие видех, слыши: кабы в полате к матушке ввиде зверь лютый и учал матушку мою ясти, и от того аз привидения воздрогнухся. || И еще больши сего видех, кабы лесной зверь-медведь прииде к конюшню, и сел на коня батюшки моего, и учал по всей конюшне ездить. И от того аз не мог стерпети и побеже вон семо».

л. 221 об.

л. 222

л. 222 об.

л. 223

И наутрия встав Соломон, и пришед ко отцу своему царю Давиду, и поклонися ему, и рече: «Отче мой государь царю Давиде, что сие бысть гадание мое? Некий царь насади виноград и оплотом огради. И бысть тому винограду зело цветущу всякими различными цветы, и все дрeвеса цветущи; винограда того несть числа, || и плода от них никогда не было. И в том же саду бысть древо вельми украшено, паче всех тех виноградных дрeв, и берег его царь вельми. И то древо принесе ему плод

л. 223 об.

^о Испр., в ркп. павлино. ^о Испр., в ркп. насилую.

свой — едино червлено яблоко, аки златом украшено. И царь сам тою яблоко положи на золотое блюдо и зрит на него, утешался себе. И единою днем царь той тешился сим яблоком и положи его в золотый ларец до утра. И во едину ночь учинися зло велие в винограде том. И стражем винограда того уснувшим, и внезапно || выскочи в виноград сей смердящий скоткозел, и подгрызе у винограда любимое древо, и оскверни еи слинами вонючими». И рече царь Давид сыну своему Соломону: «О милый сыну мой Соломоне, вельми мудра твоя речь; всю ея аз разумею, только древа сего единого не могу разумеи». И рече царевич Соломон: «Государь мой батюшка царь Давид Иессеевич, сей моей премудрости речи будут тебе толкования в предидуща лета возраста моего».

л. 224 л. 224 об. И бысть царевич Соломон возраста своего трех лет, и играюще ему со отроки боярскими детьми. И нача || в древе вески делати, и положи во един весок на блюде сребренем злато, и в другии весок положи на блюде кал песий. И в то время случися матери его царицы Вирсавии з девицами ити ко царю Давиду за стол. И увиде сына своего царевича Соломона в полатах игры творяща со отроки боярскими: весиши на блюде злато, на другом — песий кал. И песий кал перетянув, тремя золотники тяжеле злата. И вопроши мати его, сына своего Соломона: «Почто, чадо Соломоне, тако твориши?». И рече ей царевич Соломон || матери своей: «Аз, мати моя, сие творю: что на блюде злато, то есть разум всякия жены, таков легок, что худьшее песия калу». И рече: «У всякия жены волосы долги, да ум короток». И мати ему против тех речей ничего не отповедала, только яко зверь лют скржнула зубы своими и поиде ко царю Давиду з девицами в полату.

л. 225 л. 225 об. И бысть тоя же нощи, призва царица Вирсавия вернаго своего боярина, и посла его по всемо граду || Иерусалиму всякого чина избрати тайно дитище во образ царевича Соломона. И найде тот боярин дитище у некоего человека, кузнецова сына, во образ царевича Соломона, и принесе его к царице Вирсавии. Царица же рада бысть зело сему. Потом повеле царица призвати боярина того Ичкилу, которому царевич Соломон дан на избережение от царя Давида, и рече ему: «Господине боярин Ичкило, послушай мене и моих словес: возми сына моего царевича Соломона, и иди с ним на теплое море, || и заколи его на берегу моря, и вынь из него сердце, и испеки, и принеси ко мне, а тело его кинь в море». И рече боярин Ичкило ко царице: «Государыни благородная царица Вирсавия, помилуй сына своего, царевича Соломона, и меня, раба своего, не дай напрасной смерти. Аще сие проведует царь Давид, и велит меня казнити горкою смертию и жену и чад моих велит погубити». И сам стоя пред нею, плачешися горко. И рече царица: «Аще сего не сотвориши и аз наведу на тя царю многия || пакости, и примемши смерть горкую».

л. 226 об. И рече боярин Ичкило: «Государыни благородная царица Вирсавия, послушай мене, раба твоего. Слышал аз во Уставе, в богодухновенной книге Бытии: аще кто подымет раб руку на господина своего, достойно тому рабу рука отсеци. 10 глава. И ты, государыни благородная царица, имеешь у себя единого сына, разумнаго и премудраго, и того велишь предати напрасной смерти». И рече ему царица: «Не сын мне сей ныне, но супостат ми есть при || старости моей, не поминок души моей будет. Есть у меня сын избранный, и имею его у себя владети, сей мне будет при старости моей питатель и по смерти моей поминок». И показа ему дитище, кузнецова сына, во образ царевича Соломона. И рече ему: «Аще сего не сотвориши, то смертию умреши. Иди борзо и сотвори повеленная мною. Аще сего не сотвориши, то ныне избери себе смерть или живот». И боярин л. 227 л. 227 об. Ичкило стоя || заплакав и поклонися ей и рече: «Государыни благородная царица Вирсавия, слышал аз еще во Уложении, в судебной книге

писано: не рожден де — не сын, не откуплен — не холоп. Вспоя и вскормля, ворога не видит».

И поиде от царицы из полаты вон, горко плакаше. И прииде ко царевичу Соломону, горко плакаше вельми. И царевич Соломон в полате играет со отроки боярскими, того ничего не ведает. И увидя царевич Соломон своего збережатого боярина Ичкилу^д, пришедшаго от матери его зело горко плачуща, и отложи царевич Соломон игру свою, и приступи к боярину своему Ичкилу, и вопроша его вины плача: «Почто тако, збережатой мой боярин, неутешно плачеша и сетуеша зельне, изыде нездорово из полаты матери моея^е». И рече боярин царевичу Соломону: «Государь мой царевичу Соломоне, как мне не плакати, вельми плачу и сетую, а поведати тебе, государю, не смею зде, разве наедине скажу тебе». И царевич Соломон повеле всем отроком выйти || из полаты вон. И наедине сказа ему все речи мате^е его, царицы Вирсавии. И рече: «Государь мой царевич Соломон, матушка твоя царица Вирсавия претит меня горкою смертию, и велела мне тебя свести на теплое море, и на берегу морском заклати тебя, а сердце твое из тебя вынять, и испещи, и принести к себе. И тело твое велела в море кинути. И прибрала она себе, матушка твоя, во образ твой сына себе, и показала мне: „Сей-де мне будет наследник и поминок души моей“. А про тебя сказала: „Сей-де не сын мне будет, но супостат души моей“. И рече царевич Соломон боярину своему Ичкилу: «Збережатой мой боярин Ичкило, не плачи, токмо возложи на господа бога печаль свою, и той нас соблюдет во веки от напрасныя сея смерти, и будем жити во век свой. Воля матушкина, что хоцет, то и творит».

И в то число прилучися царю Давиду отъехати из дому своего в весь некую ради потешения. И пришедшей ноци помолися царевич Соломон богу Саваофу и поиде из дому своего з боярином своим Ичкилом на теплое море. И обретоша на пути пса с сукою играющих. || И рече царевич Соломон збережатому своему боярину: «Збережатой мой боярин Ичкило, возми сего пса, играющаго с сукою, и заколи его, и вынь из него сердце, и испеки, и принеси матери моей, и даждь ей, и да яст. А яз поиду в дальняя и незнаемая грады и веси питатися бога ради, иде же путь предлежит, токмо един бог вест^ъ. И как буду в возрасте, авось божиим повелением, надеяся на бога, вышняго творца, или и возвращаюся вспять к вам. И ты ныне будеша жив, токмо сотвори так, как я тебе приказываю. И как приидеши в дом, || поклонися матери моей, и скажи ей, что-де заклал сына твоего царевича Соломона при брезу теплаго моря, и сердце его из него вынел, и испек его, и принесох к тебе, а тело его кинул в море». Потом начаста плакатися горко на мног час, и друг з другом поцеловастася любезно, и прощение учиниша.

О царевиче Соломоне. И поиде царевич Соломон по брезу моря в дальняя грады незнаемая, иде же путь его бог весть.

О боярине Ичкиле. И боярин Ичкило плакаса горко по царевиче Соломоне. И испекиши сердце псово, и принесе ко царице Вирсавии, и сказа ей вся подробно, что повеленное ею все сотворих, бутто что и закла царевича Соломона при брезу теплаго моря, а сердце его вынял, и испече, и принесох к тебе, а тело его кинул в море. Царица же взя у боярина сердце тово, и нача ясти, и изъяде все сердце псово, и рече: «О люто зло, яко и сердце его смердит зело лихостию».

Во оно же время приехавшу царю Давиду из веси тоя в дом свой. И вшед в полату, и вопросы сына своего царевича Соломона оного боярина збережатого Ичкилу, по обычаю своему, видети его и утешитися им. И повеле царевича Соломона к себе его || привести.

^д Испр., в ркп. Ичилу. ^е Так в ркп. ^ж Доб., в ркп. нет.

И боярин Ичкило поиде ко царице Вирсавии в полату и рече: «Государыни благородная царица Вирсавия, как поволитишь? Царь Давид сына своего царевича Соломона повеле мне привести пред себя». И рече ему царица: «Поиде, боярин Ичкило, и скажи царю Давиду так: «Сын-де твой милый царевич Соломон немощствует зело люто, нечто во уме своем мудром иступи ума и бысть безгласен».

И боярин Ичкило прииде ко царю Давиду и рече ему вся о царевиче Соломоне, сказа, как ему царица поведала. И вскочи царь Давид с престола своего, и прибеже ко царице в полату, и узре кузнецова сына на одре лежаща, и взя его на перси своя, и облобыза его, и рече со слезами: «О милый мой сыне любезнейши, свете очию моею и желе старости моя преломися, и мудрыя твоя словеса помутилися, язык веселоглаголивый заградися, сице зраки лица^а твоего пременися, и очи твои исчезосте. И не могу отселе аз видети радости и упования: царства моего погибель, и ныне прииде на мя печаль». И рыдая царь Давид горко, и облекая в черныя ризы, и возложи на ся пост великий, и милостыню творяща довольно нищим, и постися три лета || и месяц шесть.

И отселе возвратимся о царевиче Соломоне. Соломон же царевич, шествуя по берегу моря теплаго, и прииде в весь некую. И обрете крестьянина — рожь на гумне молотит. И сяде Соломон царевич на омете ржаном. И как крестьянин отмолотил хлеб, и бысть у него хлеба много, что не во что сыпати. И бысть у него три сына. И рече крестьянин сыновом своим: «Чада моя возлюбленная, аз есмь стар, а мати ваша лежит при смерти. И аз хочу житие мое вам разделить, чтобы по смерти моей меж вами злобы не было». А у того крестьянина || три сына да три дщери девицы. И раздели крестьянин той живот свой на троя: злато и серебро положи — едина доля; вторая часть — скот и кони; третья часть — хлеб всякий. И рече отец сыновом своим: «Чада моя милая, послушайте моих словес. Аще кто поведает злату и серебру цену, и отчего сотворено, и чим сие взято, тому есть злато и серебро. И который мне отвещает в конех и в скотине, которой конь всех честнее и которая скотина человека богатит, и еще скажите мне, с которою скотиною человек говорит и в которой скотине человек опочивает — || тому и скотина вся. И еще скажите мне, сколько чего в хлебе зерен, тому и хлеб весь». И тут дети отцу своему не могли ничего ответу дати. И един сын поиде к омету зело печален, где царевич Соломон сидит, и узре царевича Соломона. И рече ему Соломон: «Почто, брате, скорбиши и о чем вельми сетуеши?». И крестьянской сын рече ему: «Брате, скорблю о сем: отец наш раздели нам, сынам своим, имение свое мудростию, серебро и злато, кони и скотину и хлеб всякий; и рек нам мудростию велию, и повеле нам мудрым своим речам ответ дати, которому что, кто ответ даст, и нам || не могущим ответствовати против его речей». И рече Соломон: «Брате, не мудрость отца вашего сия речь, но глупость. Аз млад, леты мал, сию его мудрость всю разумею и имам ему ответ дати. Можете ли вы меня большим братом имети?». И рече крестьянской сын: Государь, младое детище, помилуй нас трех братьев, дай ответ отцу нашему и раздели нам житие отца нашего и вся его в дому нашем, имама ты большаго брата имети».

И увиде крестьянин детище младое и прииде к нему и вопроши его: «Скажи ми, чадо, откуда еси пришел, и коего града, и кто есть отец твой || и мати, и почто семо обитаеши zde, и живы ли у тебя отец и мати?». И рече царевич Соломон крестьянину. «Аз есмь града божия Иерусалима, отца праведна; отец же мой певец, а мати моя блудница. Отец мой сидит в воде по горло, просит пити, а сам напиться не может». И крестьянин удивися Соломоно-

^а Доб., в ркп. (как и в Бр.) нет.

вой^т премудрости. «А имя мое наречюся Разумник». И назва его крестьянин сыном четвертым. И рад бысть ему вельми. И вопроси царевич Соломон крестьянина и рече: «Что, отче, чадом своим рек, || им сия мудрыя словеса о животе своем, и им немощным отповедати тебе, || аз сия твою мудрость могу отповедати тебе». И рече Соломон крестьянским сыном: «Кинте жребии, кому вам будет злато и серебро, и кому будет скотина и кони, и кому будет хлеб всякий». И кинуша крестьянския дети, три брата, жребии: большому достася хлеб, среднему достася злато и серебро, меньшему достася кони и скотина. И бысть вечер сушу, и рече Соломон крестьянским сыном: «Послушайте, братия мои! Отец ваш и мати умрут, и после их будете вы в разнем чину: больший брат будет в отеческом чину — крестьянином || и щаслив будет, средний брат будет купец, менший брат будет воин, примет у царя болярство; вси вы будете богати». И рече крестьянин: «Скажи мне, отроча, есть у меня три дщери девицы, кому которая дщерь моя будет жена?». И введе его в дом свой. И рече Соломон крестьянину: «Большая дщерь будет попадья, вторая будет гостиная жена, третья будет боярыня». И рече крестьянин Соломону: «Вижу тя, отроча, вельми разумна и мудрость во устех твоих. || Скажи мне ответ словесем моим, что есть отчего злато и серебро сотворено?». И рече Соломон: «Злато сотворено от царских очей. Всему богатству царь — злато, украшение всякаго человека и честь, а серебро от неправды и мзда есть: единаго человека богатит, а другаго разоряет, и разбой и татьбу подымает, и человека веселит, а душу его во ад сводит и в муку вечную». И крестьянин зело подивися скорому и мудрому его ответу и бысть во ужасе || велицем. И потом царевич Соломон повеле злато и серебро отдать сыну. И повеле отцу сына наказати вельми, чтобы держал имение свое правдою, а не лихоимством. И паки рече крестьянин Соломону: «Скажи мне, чадо мое, богом данное, второй ответ: с которым конем^а человек говорит, и которому коню кони^б покоряются, и в которую скотину человек входит и исходит, и в которой скотине человек опочивает?». И рече царевич Соломон: «Человек говорит с конем возатой всякое число, понеже работает на нем || или ино что творит; а поклоняются кони конем — ослятю, потому что он всем коням глава. А в скотину человек жив входит и паки исходит, то есть скот овен: его люди всякия заколают, мясо снедают, а в кожу весь облачается — и главу, и руце, и нозе; потом человек входит и паки исходит, когда на опачин разоблачится; и потом человек опочивает на скоти крылатой: гуси человецы убивают, мясо снедают, а перья утеребя, перины делают || и на них опочивают». И потом царевич Соломон повеле отцу кони и скотину всю сыну меньшему отдать. И повеле ему сына своего наказати, чтобы жил не гордостию и не величанием, чтобы милость имел ко всем православным христианом. И тут крестьянин нача от страха трепетати и не мог сидети. И потом встал крестьянин з женою и з детьми противу его, видя отрока вельми мудра зело, и нача его о третьем ответе вопрошати: «Скажи ми, чадо || мое, богом данное, третий ответ: что щету в моем всяком хлебе зерен, что именуется тело Христово, и без котораго хлеба человек не умирает?». И рече царевич Соломон: «Счет хлебу твоему — у человека зубы во рте: сколько человек зубами откусит хлеба, сколько было зерен в куске, постольку и пожвет. Человек мало укусит — мало пожует, много откусит — много и жует, только без хлебания. А тело именуется Христово — хлеб, пироя, пшеница, когда иерей || божию литургию служит над хлебы печеными и причащаются им, и действуют, и явится тело Христово, и без него никоторой человек не умрет верный». И потом повеле хлебное имение отдати большому сыну. И повеле его наказати,

^а Испр. по Пб., в ркп. человеком.

^б Доб. по Пб., в ркп. нет.

чтобы жил смиренным образом, а не воровством, и не татьбою, и не клеветником, жил бы верою и правдою и милостыню бы творил почасту к нищим. И потом крестьянин паде на ногу царевичу Соломону з женою и з детми и постави|ша его управителя в дому своем. И бысть радость велия в дому крестьянском о царевиче Соломоне. И вопроши крестьянин Соломона, как ево имя нарицаемо. И рече Соломон: «Имя мое Разумник». И нача царевич Соломон жити в дому у крестьянина.

И потом поживе у крестьянина в дому три года. И нача царевич Соломон суды творити^а, крестьянских детей тоя веси множество собирати; и сам царем у них бысть, а иных детей в воеводы поставляюща, а иных || в судии, а иных служивыми людми, а иных приставы и служебники.

И потом возгради себе град в древах лозиях вельми мудро. И послаше тоя веси многия жители началники и поместники; и узревше же людие Соломонову мудрость, како млад и мудр вельми, и како град сотвори, и во граде началники постави чином по человеку зря, и удивилися зело, яко во всей вселенней такова отрока не обретеса. И начаша приводити к нему детей своих в научение витежскому делу. || И собралися к нему всяких чиной дети многое множество.

И потом поживе крестьянин при Соломоне царевиче пять лет в дому своем и умре и з женою своею. И дети его начаша жити после отца своего и матери благочинно. И Соломон царевич у тех крестьянских детей черныя работы не работал и работать не хочет. И рече Соломон крестьянским детям: «Братия моя малая, послушайте мене: отец мой, богом данный, и мати наша умре и повеле || мне вас не покинути. И аз млад, ныне всего мне 9 лет от рождения своего, и мне вашей крестьянской работы работать невмочь. И аз стану вам скотину пасти, сила моя и разум таков». И рекоша ему братия его вси: «Государь наш братец Разумник, хотя бы ты был великаго возраста, дватцети лет или больше, мы бы на тебе работы не спрашивали, а ныне ты, государь, леты млад, да разум твой паче всех старых превзыде. Мы тебя не имамы брата, но имамы паче отца рождашаго: || буди нам в дому управитель и учитель, а мы ради тебя во всем слушать». И рече им Соломон: «Мир вам, братие, да будет с вами». Божественное писание пишет: «Аще кто в дому своем не делает, той и не яст хлеб. Ленивым горше в дому своем болнаго человека: больной лежит, да не* яст, а ленивый лежит, да яст». И потом взя кони и скотину и погна в поле. И бысть вещь дивная, яко кони и скотии вси послушаху его, и вси повеления его творяху, и всих в страх вложи. И царевич Соломон нача ско||тину и кони пасти день, а в вечеру судит суд и воинскому делу со отроки игры творит. И бысть ему три года творяща Соломону по вся дни.

О т с е л е д а в о з в р а т и м с я н а п р е д л е ж а щ е е . О Д а в и д е ц а р е . И Давиду царю приехавшу из веси тоя, и вшедшу в полату к царине, и узревше кузнецова сына игры со отроки творяща: постави стул, и повеле отроком доспети молоты древяница, и нача на стуле ковати, яко кузнец. И виде царь Давид, сму|тился и нача помышляти, яко не Соломон сей отрок, сын мой. И наипаче в пост вниде, и сетуя. И во едину ночь моляся царь Давид господу богу и вопия псалом сей: «Господи, услыши молитву мою, и вопль мой к тебе да приидет. . . » — весь до конца. И бысть ему молящуся, и прииде ему с небеси глас: «Давиде, Давиде царю, что вопиешу ко мне?». И рече царь Давид: «Господи, яко благоволил еси плод чрева моего, и роди мне жена чада от семени моего; и бысть вельми премудр детище мое, и внезапно || что есть сие ему бысть? Сие отрока бысть дряхло, и испусти ум свой царский и приложися ковачю». И рече ему ангел господень: «Давиде, царю Давиде, не твой есть сей сын, но градскаго

^а Испр., далее в ркп. собрав.

* Испр. по Бр., в ркп. нет.

л. 246 скую корету золотую, и вопроси его о царстей корете, что || сей корете цена? Царевич же Соломон выняв из пазухи хлеба, и показа им, и рече: «Господа мои, царския бояре, скажите царю своему Давиду: „Корете ево цены несть, потому что корета сия не судна, а сему укряху хлеба, паче тысящъ злата и сребра. Аще во ево царствии злата и сребра не будет, да хлеба будет — живы будем во веки; аще ли сего хлеба не будет — жив человек ни часу не будет. А хлеб есть тело, а золото — камень; от хлеба человек спасется, а от золота спасен не бывает, токмо погибель и мзда“». И посол боярин во ужасе бысть велицем. ||

л. 246 об. И потом поеде посол боярин вспять от царевича, от Соломона ко царю Давиду, ко^о граду Иерусалиму. И как приеха посол ко царю Давиду и возвести ему глаголы пастуховы, мудрыя его словеса, яже от него. И царь Давид слыша от боярина такая речи и радостен бысть вельми. И рече: «Воистинну сын мой царевич Соломон, почто вы его не взясте?». Они же рекша царю: «Мы не познаша его».

л. 247 И посла царь Давид вторицею по царевича Соломона тех же бояр верных своих и с ними посла тое же корету золотую. И написа лист ему мудростию з гаданием ||. И уряди войска своя на избережение царевича Соломона. И поехаша оныя бояря в ту же весь ко царевичю Соломону. И как приехаша до тоя веси с войском своим, на то же место ко царевичю Соломону, а ему пасушу кони и скотину. И у царевича Соломона сотворен в лозиях сплетен град, и поставлены башни, и на башнях поставлено оружие и во вратах деревяное, и по стенам пушки деревянные, и бердыши, и копие. И сам сяде во граде, аки царь. И сотворен у него судебный престол. И сяде на него и взя в руку державу^м. Послы же подъехаша под град ||

л. 247 об. тайно и восхотеша мудрости его, царевича Соломона видети. И божим повелением все счиняется. В то же время учинися: восхоте конь поняти себе кобылицу, и поняся с нею, и приживе жребя. И еще кобылица носяще во чреве жребя, и прискочи инный сильный жребец, и отня у того жребца кобылицу, и нача с нею жити. И прискока той жребец во град ко царевичю Соломону, которой прежде с кобылицею поняся, и паде пред царевичем Соломоном на колени своя || вельми ржуца. И царевич Соломон

л. 248 ^еево аки^б человека вопроша, и жребец ему со слезами отвеща ржуца. И воста Соломон, нача коней скликати по имени, и жребца силнаго и кобылицу. И прискокаша вси кони во град к нему плетеной и жребец сильной и кобылица, и сташа вси со страхом пред ним. И царевич Соломон сяде на престол свой, яже соделан, и нача судити их и вопроша их, аки человек праведно и разумно. И прежней жребец потиху ему отвеща^а,

л. 248 об. проржа, такожде и вси, един по еди||ному. И кобылица паде на ногу свою пред ним, умильно^в ржуще. И потом вси кони громко воскричаша и падоша вси пред ним на колени своя. И царевич Соломон воста, и взя узду, и нача жребца силнаго взнудати. Он же яко немощен стояше, главу свою повесив, и аки человек повинуюся судии. И привяза его к столбу, во граде на то учиненном. И сам сяде царевич Соломон на престоле и взя жезл свой, аки судия истинный. И послом царевым зрящим тайно и ужасахояся,

л. 249 не могущим терпети || мудрости царевича Соломона. И рече царевич Соломон конем: «Послушайте, кони мои, суда божия. Блуднику и прелюбодю судит бог. Аще кто у жива мужа жену отъимет, и тот достоин суду и по суду казни грацкой». И повеле двум жребцам с сторону стати и двум жребцам — з другую сторону, и повеле им бити немилостивно ногами своими. И прибиша ево кони, что насилу жребцу дышущу, и по-

^б Испр., в ркп. во. ^м Доб. по Бр., в ркп. нет. ^{у-б} Испр., в ркп. аки ево. ^а В ркп. отвеща в скобках. ^ч Испр., в ркп. и мило.

том прости его. Он же едва воста на ноги своя. И пусти его. И потом поклонилася ему вси кони и побегоша || в поле.

л. 249 об.

И после того прииде корова, ревуца зело, во град пред царевича Соломона, мычющи, глаголя Соломону. Бык во стаде зело велик и силен и совокупися с нею. И зачала от него корова теленка. И пришед той же бык и восхоте с нею еще пребыти. Она же отбиваяся от него и нехоцет с ним во вторыя пребыти. И тот бык удари корову в бок и вышиб у нея теля, недоношенанаго времени. И царевич Соломон нача звати волов и коров по имени. И приидоша вси волы и коровы пред него || и поклонилася царевичю Соломону. И рече им царевич Соломон: «Послушайте, волы и коровы, суда моего. Аще который муж жену беременну начнет жезлом полегку учити, и то закон божий исполняет, а буде муж жены своєю не бережет, и бити начнет беременну смертно^ч, и дитя из чрева вышибит^ш, и тот муж достоин убийцы, и по вине той достоин духовному суду и казни». И взя вола за рога, и привяза его к столбу, и повеле волам с обеих сторон по два стати, и бити его немилостивно, и кожу с вола, || аки ножи, рогами вчереня изодраша. И потом прости его, и от себя отпусти их в стадо.

л. 250

л. 250 об.

Послы же видевшя чудо сие и премудрость царевича Соломона, и удивилася, и не возмогоша терпети. И боярин Ичькило един прискочи ко царевичю Соломону во град и поклонися ему. И рече ему Соломон: «Брате посол царев, негораздо делаешь, не по-посольски творишь, невежливо во град мой входишь, аки к деревенскому мужику в пустую избу. А у меня здесь град, и во граде сидит воевода и судия || правде. И за то невежество люди несмысленныя вборзе погибают. Аще бы ты, посол, от царя своего ко граду пришел, и ты бы гонца прежде себя прислал. Подобаает послу не доезда до града за три поприща гонца во град присылать, чтобы государь^ш на встречу послу чинов и воинских людей изготовил. Аз есмь млад и во граде един живу, токмо божие повеление творю и царский чин исполняю». Посол же ужасеся словам его, и поклонися ему, || и рече: «Виновен аз есмь пред тобою». И вдаде ему боярин лист от царя Давида, отца его. Он же той лист приим, и прочте, и проплака. А в грамоте написано сиче бе: «В теплое море, на берегу веси христианской, в чистом поле пастуху, премудрому и благородному царевичю Соломону. Аз, царь Давид еврейский, пишу к тебе. Во ушию моею вниде о тебе, о премудром ответе твоём. Бысть у меня во граде Иерусалиме от царицы моя Вирсавии || родися царевич именем Соломон, зело премудр. И грех ради моих великих то мое чадо безвестно изгибе. И бысть ко мне глас божий о тебе, что воистинну ты еси сын мой возлюбленный, царевич Соломон. Аще ты еси сын мой возлюбленный, и ты дай ответ моей премудрости и гадание мое расположи. Что есть в моем государстве, среди моего града Иерусалима стоит древо златолиственное? На том было древо яблоко златом украшено, а верх у того || древа, аки солнце, сияет, а по сучьям цветы, камение самоцветное. Кругом того древа выросла пшеница белоярая, а вокруг того моего града Иерусалима выросла рожь в поле силна? И ты о той моей повести посланным моим дай ответ».

л. 251

л. 251 об.

л. 252

л. 252 об.

И рече царевич Соломон царевым послам: «Послы, господа царевы, послушайте и скажите о ответе моем царю Давиду, отцу моему: «Во граде Иерусалиме стоит древо златолиственное — то град Иерусалим. И верх у него сияет паче солнца — || то есть царь, праведным судом сияет. А что у того древа по сучьям камения самоцветное — то есть ево бояря верныя. А что у кореня пшеница белоярая — то есть градския жители. А что есть кругом града зернами посеяна рожь силна — то есть православное хри-

л. 253

^ч Испр., в ркп. смерно. ^ш Испр., в ркп. вышибит. ^ш Испр., далее в ркп. посла того.

стиянство. И скажите, бояря, царю Давиду, отцу моему, велию мою речь от меня, что сын твой, царевич Соломон, жив, а в третье лето будет пред тобою и явитца тебе в тайне. А теперя аз к нему не еду, понеже не убо бе час мой прииде».

л. 253 об. И послы прощение получиша с царевичем Соломоном, и поехала || послы ко граду Иерусалиму ко царю Давиду.

О царевиче Соломоне. И как царевич Соломон отпусти с честию послов, и погна Соломон царевич кони и скотину ко двору крестьянскому. И призва крестьянских детей, и поучив их всякой премудрости, и утвердив их крепко, чтобы жили вместе совокупленно и с сестрами, и не повеле им до своего указа расходиться. И нача срезжати на отъезд. Они же речеко ему с плачем: «Куды, братец наш, отъезжаешь от нас и покидаешь нас?». — «Токмо бог весть путь мой, и аз опять возвращуся || к вам».

л. 254 И велел себе оседлати добраго коня. И сам всех целовал, и прощение учини, и сяде на конь, и поеде в Индию богатую ко царю Пору. И как приеде во град Индию богатую ко царю Пору и ста пред ним. И царь Пор вопроши его о роде, и о отечестве, и имя ево. И царевич Соломон ему сказал: «Аз-де с теплаго моря крестьянския веси сын дворянский, а имя мое Разумник, и приехал аз послужити тебе во дворе великому царю». И царь Пор, видя красоту лица его и мудрость, и повеле ему быти у царицы своей в кравчих⁹.

л. 254 об. И бысть тако. || И царица видя красоту лица его и мудрость, и нача его любити, и разжизатися на него. И в некое время бысть Соломону пред царицею, и царица рече Соломону безстыдно: «Хощу аз, милый мой сердце Разумник, итти за тебя в жену и хощу любовь с тобою сотворити». Он же к ней рече: «Буди воля твоя». И совокупися с царицею Соломон и жил многожды с нею. И даде ему царица перстень царев золотый з драгим каменем. И еще ему даде три камня царския самоцветныя, ношью, аки свечи, горят, а в день, аки огонь, горят. И взя у царицы || казны царския золота, и серебра, и всяких драгих вещей многое множество.⁹ И ушел от Пора царя на теплое море кораблем, а царице повеле себя ожидати вскоре. А жил царевич Соломон во Индии у царя Пора в кравчих⁹ у царицы три года.

И приеде кораблем ко граду Иерусалиму и ста под городом. И некоему цареву слуге *повеле*⁹ возвестити про себя, что приехал-де из-за мори гость некий кораблем индийския веси богатя, «имя мое Разумник, и пожаловал бы царь Давид меня, поставить велел пред себя. Аз ему великия дары принесу || и челом ему ударю».

л. 255 об. И слуга царев ко царю Давиду прииде и о царевиче Соломоне вся извести. И царь Давид повеле его пред собою поставити. И прииде Соломон пред царя Давида, и поклонися ему честно, и ста пред ним, и рече ему царь Давид: «Откуда еси ты, отроча; и котория веси гость, и како твое имя?». И рече Соломон: «Аз, царю, дитище индийския веси, а имя мое Разумник наречюся, прибрел в твою градскую державу товары своя продати, а здешния закупити». И царь Давид повеле ему во своей державе торговати и приказал ему к себе к столу быти. ||

л. 256 И прииде во уши царице Вирсавии о нем, что гость из-за мория приеха кораблем с товары драгими и со узорочьи дивными. И царица Вирсавия посла на корабль своих сенных боярынь и девиц товаров узорочьих у гостя смотрети. И как приидоша сенныя боярыни и девицы к Соломону царевичу на корабль, и царевич Соломон показа боярыням сенным и девицам три камня самоцветныя, каким они подобием. И боярыни сенныя и девицы приидоша ко царице и сказаша ей про камни, что есть у него, заморе-

⁹ Испр., в ркп. крапчих.

⁹ Далее в ркп. повторно и всяких драгих вещей.

⁹ Испр., в ркп. крапчих.

¹⁰ Доб. по Пб., в ркп. нет.

нина гостя, на корабле, государыни, три камня самоцветныя, || во дни, аки огонь, горят, а в нощи, как свечи, светят». И мы, государыни, зело о сем удивилися тем камением, а у царя нашего таких камней нет». И царица Вирсавия повеле^а его пред себя поставити. Соломон же посланным сказа, что-де иду ко царю Давиду к столу. И взя царевич Соломон великия дары, и поиде к царю Давиду к столу, и поднесе царю великия дары. И царь его Давид зело пожаловал и честь ему воздаде велию. л. 258 об.

И как стол отъиде, и царь Давид отпусти Соломона с честию. Соломон же царевич прииде ко царице Вирсавии, к матери своей, в полату и поклонися || ей. И царица Вирсавия спросила его, котораго он города и веси и как ему имя. И рече Соломон: «Аз, государыни благородная царица Вирсавия, Индии богатыя веси из-за мория, а имя мое наречюся Разумник, прибрел, государыни, ваша держава во град Иерусалим с товаришком своим, чтобы свои товары продати, и здешния бы товары закупити». И рече ему царица: «Гость заморский, сказывали мне боярыни мои сеньныя, есть-де у тебя камения самоцветное, в день, аки огонь, горят, а в нощи, аки свечи, светят». И рече Соломон: «Государыни царица Вирсавия, есть у меня три камения: един камень мне поднести царю || Давиду, а дру- л. 257
гий камень отдать за ним в приданы, а третий камень аз буду держать про себя на корабле для свету в нощи, вместо свечи». И рече царица: «Гость заморянин, продай мне един камень». И рече Соломон: «Продам, аще кто со мною сию ночь переспит, тому и камень отдам». И положи пред царицею един камень, и тот камень всю освети полату царицыну, и немощно на него человеку зрети, на тот камень. И царица рече Соломону гостю: «Ляжи ты со мною в ночь сию». И взя его за руку и поведе его ко одру своему царскому. И царевич Соломон убояся суда божия, и ста пред одром царским, и изумевся, и стал || думать, како бы матери своей изоблчитися безгрешно. И рече царица Соломону: «Гость заморянин, поиди смело ко одру моему! Чего боишися? Или ты скупость объяла камня ради, что нейдешь семо? Видишь, никого в полате моей несть». И рече Соломон: «Государыни, благородная царица Вирсавия! Ты мя зовеш на постелю свою, да одеяло царское страшит мя». И царица ухватила его за шею, и поцеловала его, и положила его с собою спати на одре своем. И взя царица руку его, и положи на перси своя, и рече ему: «Гость заморенин, что сие?». || И рече ей Соломон: «Аз сим воскормлен, то мое л. 257 об.
есть сахарное кушание». И царица подвинула руку его по белому своему чреву и рече: «Гость заморенин, что сие?». И рече Соломон: «То есть мои камение и златый терем, в том еси тереме аз опочивал». И царица подвинула Соломонову руку под свое срамо и рече: «Гость заморенин, что сие?». И рече Соломон: «То есть врата моего терема, отгуду аз изыде, и свет божий сей узрел, и по земли пошел». И царица изжидала времени похотной от него. «Како ты премудр еси и скуп, и не хочещи воли моя сотво||рити, л. 258 об.
каменя ради». И вскочи Соломон с одра ея, и паде на землю, аки мертв, лежа на земли на долг час. Царица же зря на него, ужасеся вельми. Соломон же воста от земли, вопия горко со слезами: «О госпоже мати моя, благородная царица Вирсавия! Возри на мя любезно, на чадо свое! Ты, мне родившая^{II, а}, мати истиннаго своего сына. Аз есмь не купец заморенин, но сын твой Соломон царевич, которой послан был тобою на погубление з боярином Ичькилою на теплое море. И меня господь бог соблюл от тоя напрасныя смерти, и жива || мя пред вами поставих, и тебя, мати л. 259
моя, избави от греха сего напраснаго. Воистинну ты мати моя, родимая моя! И как аз тебе глаголах во младых летех: у всякия жены волосы л. 259 об.

^а Доб. по Пб., в ркп. нет.

II, ^а Испр., в ркп. родившаяся.

долги, да ум короток». И услыша сие царица Вирсавия, мати его, глаголы царевича Соломона, и бысть аки мертва, и зря на него, и немогуще к нему провещевати что. И охаци Соломон матерь свою, и нача ея любезно целовати, и умилно отвещевати, и сяде с нею на царском одре беседовати. ||

л. 260 И слышали санныя боярыни и девицы радость велию в полате и глагол велик в нощи. И приидоша ко царице в полату, и узревши в полате царицу едину с купцем заморенином охацившихся на одре царском сидящих, и устрашишася вси, и побегоша вон из полаты. И бысть шум велик. И слыша тот шум царевы ближнии вельможи, что у царицы нощю в полате радость и шум велик, и возвестиша царю Давиду о сем. И царь Давид скоро от одра своего воста и иде ко царице узедати. И прииде и узре царицу за ||

л. 260 об. столом с купцем заморянином охацившимся седоша и умилно целующихся. И царь Давид устрашися вельми, и взя меч свой царский, и хотя царицу и царевича Соломона напрасной смерти предати. И вскочи Соломон царевич, паде на ногу отцу своему царю Давиду, вопия со слезами: «Государь мой батюшка царь Давид Исеевич, не предавай напрасной смерти! Аз не купец заморянин, но сын твой прелюбезный Соломон царевич. Ты мя роди сам. А се мати моя, родившая мя. И бысть от рождения своего || трех лет у тебя, государя, в дому и внезапно что в полунощи найде на мя безвестная смерть. И господь бог избави мя, и до сего часу жива мя сотвори, и постави мя пред лицом твоим».

И царь Давид от радости не моги сына своего Соломона охацити, и паде на стол, нача вопити к богу: «Господи боже Саваоф отец наших, Авраамов, Исааков и Яковль, создавый перваго человека Адама, такожде и потом соблюде сына моего Соломона до сего часа жива». И лежа на столе л. 261 об. на долг час, и творя достойныя || молитвы, и поя псалмы. И воста от^б стола, и ухвати сына своего Соломона за выю его, и нача его любезно целовати и миловати, и вопрошая: «Повеждь ми, сыну мой любезный, жезл и подпора старости моей и всему царствию моему, како господь бог соблюдетя от напрасныя смерти и нощю не^в изгибе и где пребыл еси доселе?».

И Соломон царевич сказа отцу своему вся случышася порядку. И царь Давид бысть в велицей радости. И посла по всему граду Иерусалиму праповедников, повеле вопити, чтобы стекалися князи, и боляре, и августилины, и вси евреи на двор ко царю Давиду на великую радость и поклон царевичю Соломону. И гражданае, князи, и бояре, и августилины, и вси евреи снисдошася ко царю Давиду на двор его царский и поклонишася царевичю Соломону.

И потом царь Давид посади царевича Соломона, сына своего, на свой царский престол, и даде ему в руку свой скипетр царский, царства Иерусалиму Соломонови. И вси князи, и боляре, и августилины, и вси евреи поклонишася царю Соломону и поздравивша его^в с радостию великою. И бысть радость велия во граде Иерусалиме о царе Соломоне, и проиде слава его и о премудрости его во вся окрестныя страны. И потом царь л. 262 об. Давид^д рече сыну || своему царю Соломону: «Чадое мое царю Соломоне, здрав буди на престоле своем царьством во веки». И не по многом времени рече царь Давид сыну своему царю Соломону: «Чадое мой, виждю ты вельми премудра и разумна. Аз стар. Во царствии моем во граде Иерусалиме изволь разсудить суд. Бысть у некоего евреина народися детище в дому его, и прилучися соседовой жене в том дому быти, и у ней чад не бысть. И бысть рождению младенцову. И уснувши матери

л. 263 и всем в дому том. И прибеже нощю соседой жене, и украде детища у тоя жены, и принесе в дом свой, и учини краденному детищу рождение.

^б Доб., в ркп. нет.
в ркп. Давиду.

^в Доб., в ркп. нет.

^в Испр., в ркп. ему.

^д Испр.,

И ляже на одре своем, и повеле мужю своему заклати овцу, и кровию помаза срам свой, и призва бабу ко младенцу и иерея^с с потребою быти. И так^ж изготовиша младенца крестити. И восташа на утрия вси в дому его жители, где прежде младенец родися, и в колыбели младенца не обретоша, и сыскати его не можно^с нигде. И в то же утро нача сосед краденного младенца крестити в церкви. И прииде в церковь евреин, отец младенца, и опозна сына своего, и прибеже ко мне, и бьет челом о детище, сыне своем. И повеле аз евреину тому украдшаго младенца || пред себя поставити и мать со младенцем». И повеле царь сыну своему Соломону царю их судити. И сяде царь Соломон на судищи, и вопросы их, мать родившую и украдшую младенца, и не возмогоша от них опознати, понеже глаголюще: едина жена глаголет: «Аз родих», другая глаголет: «Аз родих». И повеле царь Соломон пополам пресеци младенца: едину половину рождышей отдати, а другую — украдшей. И рождышая мати виде, изжалися зело и поклонися царю Соломону, чтобы младенца не рубити надвое. А украдшая мати бьет челом царю Соломону, чтобы младенца пресеци пополам. И виде царь Соломон мать рождышую, чтоб младенцу живу быти, и отда той матери, которая не повеле казнити. И разсуди царь || Соломон правду их.

л. 263 об.

И в некое время рече царь Давид сыну своему, царю Соломону, глаголя: «Пора тебе, чадо мое, женитися на премудрой царице, а поняти дщерь царьградского царя Вотоламана, дщерь его Соломониду». Соломон же поклонися отцу своему. И повеле царь Соломон отцу своему Давиду во Царьград послати ко царю Вотоламану по дщерь его Соломониду.

л. 264

И послы поехаша во Царьград, и привезоша к нему царевну Соломону, зело прекрасна и мудра. И царь Соломон венчася с нею, с царевною, во святей божьей церкви. И бысть брак честен. И наутрия прииде царь Соломон ко отцу своему и матери со царицею своею Соломонидою и поклонися има. И рече царь Давид сыну своему царю Соломону: «Чадо мое, царю Соломоне, царица твоя Соломонида велми мудра || и ты, чадо, мудр же еси». И прорек ему царь Давид: «Чадо мое Соломоне, по неколицем времени будеши у нея под гузном ея сидети. И потом от нея смерть свою узриши, токмо насилу премудростию своею тое смерть одолееси, а не вдолзе сие совершится». И потом поживе царь Давид недолгое время и преставися во блаженное усение и в вечный покой и с царицею своею Вирсавиею. Царь Соломон велми плачася по отце своем и по матери. И погребе их честно по царскому чину.

л. 264 об.

И потом после отца своего, царя Давида, царь Соломон покори под себя мудростию своею многия царства и вси окрестныя земли, и Римское царство сильное овладе. И потом царь Соломон посла послов своих || ко индейскому царю Пору, лист имуще писание сицево: «От великаго и премудраго царя Соломона израительскаго индийскому царю Пору богатому радоватися. По неколицем времени был я у тебя в дому и служил у царицы твоей в кравчих^а три лета. Имя мое было Разумник. И с царицею твоею пребыл по воли своей. И перстень твой царский любимый золотой у нея с правыя руки аз снял, и тот твой любимой перстень к тебе посла. И ты, царю Поре, скажи своей царице нечестие^аея, от меня любимый поклон, ниско поклонися, а чтоб впредь она меня к себе не ожидала: аз иную царицу себе обыскал у царьградскаго царя Вотоламана, дщерь его понял и женился на ней». И царь Пор индейский у послов тое гра|моту взял и перстень, и прочел, и вне ума своего ста, и опечалися велми, и изодрав

л. 265

л. 265 об.

^с Испр., в ркп. иерею. ^ж Испр., в ркп. как. ^з Испр. по Бр., в ркп. не обретоша. ^а Испр., в ркп. кравчих. ^к Испр., в ркп. на чести, в Бр. несчастье.

всю тое грамоту⁴ Соломонову; и перстень свой взя у послов златый, и узре на перстне подписание его царствия. И възъярися вельми царь Пор на царицу свою. И повеле ей без пощады главу отсеци.

И потом посла царь Пор приставников своих и повеле по всему своему царству кликати, кто бы выискался^м такой человек и шел бы во град Иерусалим во царство Соломоново и проведаль бы, женат ли царь Соломон или не женат. И выискался^н к нему княжәнецкой слуга и рече: «Государь царь Поре, аз тебе проповедаю о Соломоне царе, женат ли он или нег. Аще ли он женат, и аз тебе царя Соломона и царицу его приведу к тебе, и отсмеяся ему». || И царь Пор велми тому радостен бысть. И рече ему Пор царь: «Что тебе подмога дать? Возми у меня войско, сколько тебе угодно, и возми злата и сребра, елико хочещи». И рече ему княжәнецкий слуга: «Царю Поре, не надобно мне твое войско и ни злата, ни сребра — разве на потребу. Только вели мне устроить рукавички зело премудро, чтобы в царствии твоём таких рукавичек не обретахася. А нашить вели на рукавичьках самоцветное камене. И устрой мне корабль и наклади в него всякаго парчеваго товару». И царь Пор все ему по его слову устроил: рукавички и корабль. И слуга княжәнецкой взя рукавички, и злата, и сребра на потребу, и людей, и седе в корабль, и поеде во град Иерусалим к Соломону царю, яко гость корабельной. И как приеде || кораблем во град Иерусалим и нача яко гость во граде торговати товарами и каменем и драгими узорочьи.

И как слуга время изождав, и поиде слуга ко царскому двору, и встречу ему некий боярин на царском дворе. И показа ему княжәнецкий слуга оные рукавички и рече: «Не купиши ли, царский боярин, оные рукавички?». И боярин смотря на рукавички и рече ему: «Не нашския рукавицы сия, подобны сия рукавицы царю или царицы носити». И возвести оной боярин царице, что прииде некий гость из Индии богатой, и продает рукавички вельми изрядны, и таких рукавичков отнюдь нигде не обретается и во всей вселенней.

И царица посла || боярина онаго и повелела гостя заморянина привести с рукавичьками оными. И гость прииде ко царице с рукавичьками и поклонися царице. И рече царица гостю: «Сказывали мне, что есть-де у тебя рукавички продажныя». И гость показа рукавички царице и рече ей: «Государыни благородная царица, свойския сия рукавичьки; аз от неволи их продаю на прокорм: нечего ясти, путем едучи. Аз их едучи взял в Индии богатой, понеже, государыни, у нас им не жадни, а сия рукавичьки прямыя свойския, не сиротския, тебе они угодны носити». И рече царица: «Гость заморянин, есть ли у вашего Пора царя царица?». И рече ей слуга: «Царь наш || Пор холост. Была у него царица, да умерла, и ныне пытается царицы, где бы ожениться». И рече царица: «Гость заморянин, аз хочу за вашего царя Пора пойти». И слуга рече: «А меня, государыни, для того царь и послал, искати себе невесты». И рече царица ему: «Неможно мне уйти от царя своего Соломона. Царь Соломон премудр есть — везде меня сыщет». И рече ей слуга: «Аз, государыни, дам тебе забудущаго зелия и тебя мертву дослею. И как погребут тебя, и я могу тя из ямы вынить, и принесу тя на корабль свой, и оживлю тя по-прежнему здраву». И потом и инныя речи || многия были у них. И потом по совету его даст царице забудущаго зелия, и царица мертва бысть ляже. И пришли царицыны санныя боярыни и девицы, и видевше царицу мертву на одре лежащу, и ужасошася зело, и возвестisha царю Соломону: «Государь царь Соломон, царица твоя Соломонида мертва

⁴ В ркп. повторено дважды, второе слово в квадратных скобках. ^м Испр., в ркп. выискался. ^н Испр., в ркп. выискался.

бысть, лежаща на одре». И рече царь Соломон: «Отца моего царя Давида слово збылося мне». И поиде к мертвой царице в полату и узре свою царицу мертву на одре лежащу. И царь Соломон, покачав главою, и повеле ея во гроб положить, и обручи железными оковати гроб, и гвоздием железным заковати гроб накрепко, || и скрыти в землю zelo глубоко. Не поцарскому чину погребе ея. И постави у гроба ея стражи крепкия, и дабы кто нощю не украл царицы из гроба ея. л. 268 об.

И посланный слуга княженецкий нача думати, как бы царицу украсти из гроба и стражей примирить, и выдумав: и нача стражей от гроба к себе в корабль призывати, и честь им велию воздавати, и с ними дружитися вельми. И нача на корабле стражей дарити, и брататися, и сыновство творити: аще кто стар, того отцем называти, аще кто || млад, того братом называти. И были у того гроба царицыни три стражи. И в третью ночь позва слуга княженецкой тех стражей к себе на корабль, и быша радость велия на корабле. Пиша всю ночь стражи, и потом с корабля соидоша, и поидоша к царицыну гробу. Пьяни быша и уснуша крепким сном. И слуга княженецкой видя, что стражи уснуша, повеле людям своим царицу из земли украсти и привести на корабль. Корабленицы же царицу выкопаша из земли и принесоша на корабль. Потом слуга подняв парусы и побежа по морю || с царицею. И на пути морском разби царицын гроб и оживи царицу здраву и целу, и бысть царица жива. И привезе ея в Индию к Пору царю. Царь же Пор вельми радостен бысть и оженися на ней, а слугу княженецкаго велми пожаловал и одарил великими дары. л. 269

Утру же бывшу рано, восташа стражие у гроба царицына, и смотряше гроб, и не обретоша царицы во гробе, и быша во ужасе велицем и страсе. И поидоша и возвестиша царю Соломону о сем, что царицу гость индейский украде и уеха с кораблем. «И нас обманул || в ту ночь: позва нас к себе на корабль и напои нас вином, нам же бысть пьяным и поуснувшим. И мы, великий царю, виновны тебе, и главы наши пред тобою и казни достойны». И царь Соломон, покачав главою своею и востужися вельми и рече: «О злая жена ехидна. Воистинну государя моего батюшки, блаженныя памяти, царя Давида, слово збывается». л. 270

И потом услыша царь Соломон, что царица его в Бндии здрава, о оженися ею Пор царь, и нача думу свою думати, как бы мудростию своею до царства Индийскаго доехати, и царицу свою достигити, и смех ея отмстити. И надумався царь || Соломон, и нача войско свое вскоре собирати, и корабли на море готовити, и сотвори на море тридесять кораблей, а войска собра 30 тысяч. И повеле в корабли нагрузити всяких товаров, и постави бояр своих во всех кораблях гостями и купчинами, и повеле всякому кораблю разных градов языками глаголати и разными странами нарещися: всяких стран по языку и по нраву всякия земли. И повеле корабли одяети сукнами разными. И поеха царь Соломон по морю разным путем. л. 270 об.

И приеде царь Соломон во Индию богатую под град. Со всех четырех сторон корабли разно постави || и нарекошася гостями, будто что приехала с товарами торговати. И посла царь Соломон со всех кораблей ко царю Пору бояр своих з дарами аки купцев, чтобы их пожаловал царь Пор^о, велел во граде своем торговати. л. 271

И приидоша бояре ко царю Пору з дарами, и поклонишася ему, и принесоша дары ему, и били челом Пору царю, чтобы приказал им торговати во своей земли. И царь Пор у купцев дары принел, и честь им воздал велию, и торговати им повеле во своем царстве. И вопросы их царь всех, коего кто града и страны, и чьей державы. И вси купцы ска-

^о Далее в ркп. их.

- а. 271 об. зашася разныя державы и разных градов. И потом поидоша вси во свои ко||рабли. И потом царь Соломон нача ко царю Пору уряжатися и хотяше итти сам к нему. И призва к себе со всех кораблей бояр своих и нача им наказывати: «О любезныи мои князи, и бояря, и верныя мои августелины, и воеводы, и все сильное мое воинство, послушайте ныне мене. Аз иду ко царю Пору на смерть, и вы с кораблей отнюдь не исходите во град сами и никакова человека от себе с кораблей не пущайте, доколе мою смерть узрите. И как поведут меня на висилицу вешати, и вас царь Пор на смотрение всех позовет, и вы возьмите с собою всякий человек по мечю да по зарукавью мелкое оружие тайное. И как я вострублю в трубу, || и вы тогда на кораблях велите седлать кони. И как аз вострублю второе, и вы садитесь на кони своя и приетте ко царю Пору, и поклонитесь ему, и станте около висилицы кругом, а иныя и возле царя Пора. А все воинство смеситесь со индияны. И как вострублю в третье, и вы, князи и бояре мои, выскочите ко мне, к леснице, а иныя царя Пора и царицу мою ухватите. И все воинство сопротиво друг друга секите всех индиян, и оружием побивайте, и милости не кажите им, и никого не жалуйте без пощады».
- а. 272 об. И как царь Соломон приказал им творити, и со всеми простися, и поцелова их всех. Они же вельми плакахуся о царе Соломоне. И потом поиде царь Соломон ко царю Пору на двор. И прииде ко царицыну крыльцу и стал по себе человека изжидать от царицы. И вышла боярыня сенная от царицы на крилец. И царь Соломон поклонися боярыне и показа ей перстень златый обручальный, которой с нею, с царицею, на браке обручались, и глагола: «Госпожа боярыни, не купи ли сей перстень царица?». И боярыня поиде ко царице и возвести ей: «Купец с корабля прииде, продает перстень златый царский». И царица повеле тот перстень взяти у купца и принести к себе. И как тот перстень боярыня принесла ко царице, и виде царица перстень, и опозна его, и ужасеся, и рече: «О бе||да моя, не ушла есть от царя Соломона». И повеле его к себе взяти в полату. И прииде царь Соломон ко царице в полату и поклонися ей ниско. И рече царица Соломону: «Почто еси, царю Соломоне, прииде? Смерть твоя с тобою». И рече царь Соломон: «Любовь твоя приведе мя семо». И царица взя Соломона царя, и повеле людем своим посадити его в свой казенной сундук, и сяде на нем, и посла ко царю Пору. И прииде царь Пор ко царице и нача ея любезно целовати. И рече царица Пору царю: «Что еси царю меня любезно целуеши? "Аще сие Соломон увидит, то худо будет^р». И рече ей Пор царь: «Аще бы царь Соломон хотя бы ныне пришел, и аз бы с ним готов битися». И рече царица Соломону: «Выступай, Соломоне царю». И вскрыла сундук, а сама рече || Пору царю: «В кое число аз сундук вскрою, и ты копием и заколи его, не моги из сундука его жива пустити: и он мудростию своею обоих нас погубит, и смерти нас предаст, и царство восприимет». И вскрыла сундук, и царь Пор виде Соломона в сандуке сидяща и хоте его копием своим смерти предати. И рече царь Соломон в сандуке сидя: «Царю Поре, помираю, посто^сй мало, дай мне едино слово молвити». И царь Пор опусти копие. И рече Соломон царь Пору царю: «Помилуй мя, Поре царю, аз на то пришел еси к тебе: либо царицу мне отдай, или казни меня градскою казнию, вели || меня среди града своего повесити. А тебе, царю Поре, будет слава во веки со окрестных стран, что царь Пор индийский казнил мудрого царя Соломона израильтельскаго жены ради. Изволь подписать сим писанием на столпе. А ныне к тебе приехали со многих стран дальних корабли, и те скажут во своих странах царем своим и краем, и тебе, царю, наипаче слава будет великая. А то ты хочеши меня смерти предати един невольнаго, и никто не видит,
- а. 273 об.
- а. 274

^р Д об. по Пб., в ркп. нет. ^с Испр., в ркп. постом.

и веры никто твоему убивству не поимет: невольный, аки мертвый. Уже в "руку твою" аз, и драться аз с тобою не могу. || И покаместь страстную казнь на меня поставишь, и аз отсюда, из сундука твоего, не изыду». л. 274 об.

И царь Пор повеле царицы сундук с царем Соломоном замкнута и стражей крепких поставити до утра. И повеле привести спекулятора, и повеле царь Пор каспелатору на Соломона царя поставити виселицу среди града на торгу, на высоком месте. И столбы велел украсить дивно, и исписати искусным золотом; и повеле ему поцепити три петли: едину — золотую, вторую — сребреную, третью — шелковую. || И так уготовиша каспелатор все. И наутрия прииде и возвести царю Пору, что на Соломона царя страшную смерть изготових. И царь Пор послал проповедников по всему граду вопити и неволею иных загоняти, чтобы стекались всего града люди от мала и до велика смотрети смерть и казнь израительскаго царя Соломона. И потом посла на корабли Соломоновы и иных кораблей, пришедших з дальних стран; и повеле, чтобы стекались с кораблей видети израительскаго царя Соломона смерть и прославляти царя Пору индийскаго, како царь Пор казнил волею царя премудраго Соломона Израительскаго. И выйде^ф граждане и с кораблей людие к виселице Соломона царя съезжались видети чюдо сие. А Соломоновы бояря аки купцы изготовиша оружия своя втайне. И потом поведоша царя Соломона смертию казнити. И поиде сам царь Пор и с царицею своею видети царя Соломона смерть. А на уме держажу, чтобы царь Соломон мудростию своею от каспелатора не ушел бы, от казни и не учинил^г бы какия хитрости во царствии ево над ним, царем, и над царицею. И все во уме || своем держал. И как поведоша царя Соломона к виселице, и увиде царь Соломон своих боляр и князей, стояху у виселицы вооружены втайне. И Соломон царь озресе на царя Пору и на царицу свою, что по нем идоша, и возрадовася вельми умом, и нача зрети на виселицу, и усмехнулся. И рече ему окрест идущих его воины: «Чего, царю Соломоне, зря смерть свою страшную возвеселился?». И рече им царь Соломон: «Братия моя, того ради аз возвеселихся, много мудрости уразумех, а сему дивлюся и, как аз родихся, впервые вижду, предняя колеса менше, а задняя больше, большая малых || гонят, а не догонят. И больши того дивлюся, предних поневоле волокут, а потому что они привязаны, а задних сих, "кто ведет?"». л. 276 об.

И потом рече царь Соломон каспелатору: «Брате каспелаторе, возвести царю Пору, чтобы мне дал меду золотую стопу испити и в золотую свою трубу вострубити, не так бы аз смерти своея устрашился». И поиде каспелатор ко царю Пору и возвести ему, что просит царь Соломон золотыя стопы меду испити и в золотую твою трубу вострубити. И царь Пор повеле принести ему золотую стопу меду и свою золотую трубу и дати || царю Соломону. Он взя золотую стопу меду, и выпив, и нача в золотую трубу трубити. И потом каспелатор приведе царя Соломона к виселице и постави его у шелковаго осила, а сам Пор царь седоша со царицею своею на высоком месте. л. 277

И приидоша воины царя Соломона ко царю Пору и стаха возле царя Пору и царицы, а мечи и оружие имуще сокровенны тайно. И все воинство его пешия смесихася со индейны. И как царь Соломон первую испив золотую стопу меду и вострубил в золотую трубу, и на кораблях конное воинство начаша коней седлати и крепко вооружатися. || И приступи каспелатор и рече царю Соломону: «Избирай^м, царю Соломоне, любимую свою смерть время совершати». И рече царь Соломон каспелатору: «Пойди, брате каспелаторе, и возвести о мне царю Пору, чтобы мне дал вторую л. 277 об.

^{м-ч} Так в ркп. ^ф Испр. по Бр., в ркп. виде. ^г Испр. по Бр., в ркп. паучил. ^{ч-ч} Испр. по Пб., в ркп. к тем видет. ^м Испр. по Бр., в ркп. заиграй.

златую стопу меду выпить и в златую трубу затрубить». И ста царь Соломон у сребренаго осила. И каспелатор иде ко царю Пору и возвести ему, что-де просит царь Соломон вторую златую стопу меду выпить и во второе в златую трубу вострубить. И царь Пор посла ему вторую стопу меду выпить. И царь Соломон вторую ||златую стопу выпил и во второе в златую в трубу вострубил. И конное его воинство вси поехаша с кораблей и стаха в сокровенном месте, изготовившася к сечи.

И приступи каспелатор ко царю Соломону. И хоте его повесить и рече: «Царю Соломоне,^ч избирай себе вскоре свой осил, на котором хочешь смерть свою воспряти, понеже царь и царица повелеша мне тебя вскоре смерти предати». И рече царь Соломон: «Брате каспелатору, уже смерть моя предо мною есть, аз даром 'отсюд не отиду' осили сего, еже единою мне смерть прияти. Иди, брате, ко царю Пору и скажи ему, чтобы дал мне третью || стопу златую меду выпить и в третие в златую трубу вострубить, и потом смерть восприиму в руке богами». И куспелатор иде ко царю Пору и сказа ему, что-де просит царь Соломон третью стопу меду выпить и в третие в златую трубу затрубить. И Пор царь посла ему третью златую стопу выпить и в третие в златую трубу вострубить. Царь же Соломон взя третью златую стопу меду выпив и в третие в златую трубу вострубив. И потом приходит царь Соломон ко златому осилу.

И бояря Соломоновы выехаша из тайнаго места и воскричаша великим гласом. И воинство царя Соломона пешия, ко||тория стояша около царя Пора, начаша сеци индейн и топтати их немилостивно. И которых бояря подле царя Пора стояли кушцами, и те бояря царя Пора и царицу поимали, и под руки взяли, и привели к виселище их пред царя Соломона. И рече царь Соломон царю Пору: «Царю Поре, за то бы я тебя не казнил, для чего ты у меня царицу увел. За то аз тебя повешу: ты хотел меня повесить и смерти предати. А ныне ты сам тое чашу выпей, которую ты мне налил. И послушал ты женскаго разума, и хотел ты меня повесить за чюжую жену, и велел поцепити три осила: златый, сребренный, шелковый, на чем меня удавит; || оторвал бы ты у лаптя личную отбору, и сроку и времени не дожидался бы, и повесил бы меня. Мочно бы человеку и на лаптенной отборе удавиться, а то ты поставил виселищу, и украсил столбы златом, а на ней повесил три осила: златый, сребренный, шелковый не ради меня, ради себя и царицы». Царь же Пор отвеща ему: «Помилуй мя, царю Соломоне, винен бо есмь пред тобою, даруй мне живот». И взя царь Соломон петлю златую в руку и рече: «Поиди, царю Поре, в петлю златую, юже сам содела». И повесил Пору, царя индийскаго. И потом взя петлю сребреную в руку и рече: «Поиди, царица, в сребреную петлю, как ты надо мною, || страдница, посмеялась, и ушла от меня, и приобщилась индейскому царю Пору в жену, и хотела меня казнити, напрасно предати смерти». И потом и царицу свою повесил. И повеле послати сыскати слугу княженецкаго, которой увел царицу. И сыскан бысть оной слуга и приведен бысть пред царя Соломона, он же взял его и повесил в шелковую петлю. И тако царь Соломон всех трех повесил. И воинство Соломоново индейн всех и градских жителей мечю всех предаша и оружием побиша от мала даже и до велика.

И потом поиде царь Соломон во град и в царския полаты. И взя Пору царя имениа многое множество, что несть изчислити; такожде раздаде || и боярам своим и всему своему воинству. И потом поеха царь Соломон з бояры своими и с воинством своим во царство свое, во град Иерусалим и взыде на престол свой. И бысть радость велия во граде Иерусалиме.

^ч Испр., в ркп. Сомоне. ^{з-в} Испр. по Бр., в ркп. отнюдь не отитыду.

И по некоем времени царь Соломон восхоте оженитися, и взя во Иерусалиме граде у некоего господина царицу себе добродородну и премудру. И поживе царь Соломон во своем царствии во граде Иерусалиме добрыя годы. И вспомянув царь Соломон о крестьянских детей, у которых он прежде сего жил. И посла по них послов своих || в заморию, в ту весь. л. 281
И как оныя крестьянския дети и дщери приехаша и поклонишася царю Соломону, и повеле царь Соломон большему брату их во крестьянстве быти и наказав его, чтобы жил благочинно, а средняго брата поставил купцем во Иерусалиме граде, а меньшему даде боярство и взя его при себе жити. Такжеже и дщерей крестьянских: большую дщерь выда за попovichа — и бысть потом поподья, среднюю за посадскаго мужика — и бысть посацкая жена, меньшую отдаде за боярина своего — и бысть боярыня. л. 281 об.
И потом царь Соломон || поживе во граде Иерусалиме добре, и угоди богу, и созда во Иерусалиме святую церковь Святая святых. И делаша тое святую церковь четьре десять два лета. Ему же слава во веки. Аминь.

(ГПБ, собр. Погодина, № 1603, л. 219 об.—281 об.).

Н. С. ДЕМКОВА, Н. М. ГЕРАСИМОВА

Русская обработка сюжета о состязании мельника с царем

Бурный интерес русских читателей к новеллистике на рубеже XVII—XVIII вв. вызвал к жизни многочисленные переводы и переделки классических образцов средневековой повествовательной прозы, новые своеобразные редакции, которые на русской почве обрели самостоятельную художественную ценность. Параллельно шло обращение анонимных русских авторов к фольклорным источникам, сюжеты и тексты устной поэзии и прозы не только фиксировались в рукописях этой поры, но и служили основой для последующих литературных обработок, столь характерных для массовой демократической литературы первой половины XVIII в.¹ На стыке этих влияний и взаимодействий возникла оригинальная русская повесть, ранее не публиковавшаяся и известная нам в единственном списке 30-х гг. XVIII в. — «Повесть о царе и мельнике» (ГПБ, собр. А. А. Титова, № 2670, л. 39—39 об.).

Сюжет Повести — состязание в мудрости переодетого героя с царем — широко распространен в мировой литературе и фольклоре: ² он прослеживается от арабской версии Ибн-Абдулхакама IX в. до известного перевода С. Я. Маршака баллады о короле Джоне и кентерберийском аббате. В специальном исследовании В. Андерсона, посвященном разбору этого сюжета, приводятся сведения о 595 литературных и фольклорных вариантах, в том числе и о русских обработках сюжета.³ Публикуемая повесть —

¹ О распространении сказочных сюжетов в письменной традиции XVIII в. см.: С. В. Савченко. Русская народная сказка. История собирания и изучения. Киев, 1914, с. 64—113; В. В. Сиповский. Из истории романа и повести. Материалы по библиографии, истории и теории русского романа XVIII столетия, ч. I. СПб., 1903; В. И. Чернышев. Русские сказки в изданиях XVIII в. — В кн.: С. Ф. Ольденбургу к пятидесятилетию научно-общественной деятельности. Л., 1934, с. 585—609; Э. В. Померанцева. Судьбы русской сказки. М., 1965, с. 32—61; И. М. Колесницкая. Русские сказочные сборники последней четверти XVIII в. — Ученые записки ЛГУ, 1939, № 33, вып. II, с. 189—218; С. Ф. Елеонский. 1) Сказки в быту и литературной традиции XVIII в. — Ученые записки МГПИ, 1954, т. XXXIV, вып. 3, с. 85—113; 2) Сказочная традиция в старинной повествовательной литературе. — Там же, 1957, т. LXVII, вып. 6, с. 47—77; В. П. Андрианова-Перетц. Фольклорные сюжеты стихотворных жарт XVIII в. — В кн.: Из истории русских литературных отношений XVIII—XX веков. М.—Л., 1959, с. 44—51; М. Н. Сперанский. Рукописные сборники XVIII в. М., 1963.

² См.: Аарне—Томпсон—Андреев, № 922.

³ W. Anderson. Kaiser und Abt. Helsinki, 1923. Первая часть издана на русском языке: В. Андерсон. Император и аббат. История одного народного анекдота, т. I. Казань, 1916. Из ранних русских обработок В. Андерсон указывает довольно далекие в сюжетном отношении тексты: «Венецианскую» редакцию «Повести о Басарге» (XVII в.) и «Повесть бывшего посольства в португальской земле. История о португальском и бранденбургском мудрецах», датируемую им XVII—началом XVIII в. (с. 389—397 русского перевода).

одна из таких обработок, Андерсоном не учтенных. Она находится в большом сборнике-конволюте XVIII в., в 4°, в составе своеобразного тематического цикла новеллистических повествований о царях, переписанных одним писцом (л. 33—39 об.); цикл включает «Слово о Вавилоне», «Повесть о царе и безумной жене», «Повесть о царе и мельнике». Филигранные на листах, содержащих цикл, определить не удалось (на л. 39—39 об. по стигбу просматриваются литеры «ЕАК (?)), но на л. 32—33, входящих в ту же рукопись, хотя они и писались другим писцом, виден вензель, который весьма близок к водяному знаку № 504, воспроизведенному в альбоме филиграней Клепикова и датируемому 1732 г.⁴ Для датировки тетрадей, содержащих указанный цикл повестей «о царях», существенной является и такая особенность рукописи: в качестве бумаги писец использовал чистые обороты листов, содержащих ведомости с указанием дат — 1719, 1720, 1721 и 1723 гг. Таким образом, тетради с циклом этих повестей и список «Повести о царе и мельнике» (в составе цикла) датируются 1730-ми гг.⁵

Русскому читателю сюжет Повести мог быть знаком из текста рукописного жарта⁶ и многочисленных вариантов фольклорной сказки, обычно носящей название «Беспечальный монастырь».⁷

Публикуемая повесть отличается и от жарта и от народной сказки. Различия касаются прежде всего мотивировки испытания. В жарте действие развивается как конфликт между христианским монастырем и «нервным» правителем — султаном и завершается сентенцией-двустишием:

Господь всемогущий знает,
Чем верных своих защищает.

В Повести причина конфликта — царское самоуправство: царь от старости «быть в разуме неусовершен», и монастырь должен быть перенесен на новое место из-за его прихоти (изменение мотивировки сближает Повесть традициями плутовской новеллистики). В сказках, как правило, повод для испытания дается самим названием монастыря — «беспечальный» или «беззаботный», что и вызывает недоумение царя, так как «в монастыре должно заботиться».⁸ Объяснения такого названия монастыря в сказках разнообразны. Это или шутка одного из монахов, прибывшего гвоздями буквы на ворота,⁹ или решение монашеского собрания, поместившего

⁴ Единственным является и оформление этого цикла в рукописи: все три текста писец заключил в одинаковую рамку.

⁵ В состав этой рукописи 1730-х гг., писавшейся двумя писцами, кроме цикла повестей «о царях», входят два старообрядческих сочинения: статья о брадобритии и начало Жития Аввакума особой редакции — редакции Прянишниковского списка (см. о нем в кн.: Н. С. Демков. Житие протопопа Аввакума. Л., 1974, с. 128).

⁶ Переводные польские жарты получили распространение в русской письменности в конце XVII в.; рассказ о состязании царя и мельника составляет здесь отдельную главу (см., например, такие сборники в рукописях XVIII в.: сборник ГБЛ, ф. 299, № 562 «Польский забавный жарты, которые охотно читать, как играть в карты»); ГПБ, собр. Погодина, № 1777 (текст этого жарта, параллельный тексту «Повести о царе и мельнике», был указан одному из авторов В. П. Адриановой-Перетц); БАН, собр. Романчукова, № 63, и др.). В. Андерсон (с. 413—414) дает перевод жарта из сборника ГПБ на немецкий язык, считая, что немецкая *Sternenredaktion* возникла во второй половине XVII в. и через Польшу перешла в Россию (см.: A. B r ü k n e r. *Fascyse polskie z roku 1624*. Krakow, 1903; W. A n d e r s o n. *Kaiser und Abt*, S. 307—312).

⁷ См. указатель В. Я. Проппа в кн.: Народные русские сказки А. Н. Афанасьева. М., 1957, с. 484; Севернорусские сказки в записях А. И. Никифорова. М.—Л., 1961, № 15; Сказки Ленинградской области. Л., 1976, № 7. Иное название и другой вариант сюжета дают сказки, где действующее лицо — находчивый солдат, отгадывающий царские загадки.

⁸ Севернорусские сказки в записях А. И. Никифорова, с. 50.

⁹ Н. Е. О н ч у к о в. Северные сказки. СПб., 1908, с. 404.

объявление о наименовании монастыря «беззаботным» в «Русском слове».¹⁰ Часто с этим связана антиклерикальная окраска ряда народных сказок, которая отсутствует в повести.¹¹ Но при этом и повесть и жарт совпадают со сказкой в сюжетном отношении: оба текста содержат описание конфликта царя с монастырем, в обоих случаях монастырь спасает мудрый мельник, решивший царские загадки. Сходство сказок с публикуемым текстом не только в сюжете и социальном статусе героев (царь/султан—монах/архимандрит—мельник), но и в загадках, которые вполне традиционны: «Какова земная глубина?», «Близко ли небо от земли?», «О чем я думаю?».¹² В фольклорных сборниках встречаются также загадки «Сколько звезд на небе?» и «Сколько стоит царь?».¹³ Стиль повести ближе к сказке, чем стиль жарта, в нем видно сильное влияние устной речи — часто используются синонимические и тавтологические обороты: «быть некий монашеский монастырь», «место им нарек невдалеке, но вскоре», «и видев старцев сетующих и плачущих», «что у меня в мысли моей на уме теперь», «помышляеши и мысляши» и т. д. Введен в повесть диалог, драматизирующий действие, что также сближает стиль повести со сказочным. Усилено драматическое начало и при превращении мнимого старца в мельника, что напоминает превращение героя в волшебной сказке, и вводится специфической формулой («. . . и сверже с себя мантию и збросил клубок и камилавку, ударил о землю и стал в одном шюшпане»). Характерна для начальных формул сказочной прозы и неопределенность пространственно-временных ориентиров: «. . . в некоей дальней стране бысть некоторый славный царь». Однако наряду с введением подобных конструкций, присущих языку фольклора, лексика подбирается книжная, что свидетельствует о специальном характере обработки, помещенной в рукописную книгу. Интересно, что сочетание книжного и фольклорного пластов стиля характерно и для «Повести о безумной жене», находящейся в рукописи рядом с «Повестью о царе и мельнике»: «Не в котором царстве бысть некоторый царь благочестием сияющ. . . и по некоем времени. . .». Таким образом, мы можем считать публикуемую повесть литературной обработкой сюжета в его фольклорной версии.

Если рассматривать «Повесть о царе и мельнике» в ряду других письменных фиксаций-обработок народной сказки, то она оказывается одной из самых ранних. В известной книге Н. В. Новикова «Русские сказки в ранних записях и публикациях XVI—XVIII вв.» издана литературная переработка этой сказки в сборнике Евграфа Хомякова (1791 г.).¹⁴ Н. В. Новиков справедливо относит книгу Е. Хомякова «Забавный рассказчик» к литературным произведениям, в состав «которых народная сказка входила в несколько

¹⁰ Сказки и песни Вологодской области. Вологда, 1955, с. 71.

¹¹ См., например, сказку «Монастырь—пьяница» в кн.: Сказки Куприянихи. Воронеж, 1937, № 37, — или сказку «Беззаботный монастырь» в кн.: Сказки и песни Вологодской области, № 18.

¹² См.: Народные русские сказки А. Н. Афанасьева, № 326; Сборник великорусских сказок архива РГО, вып. I. Пг., 1917, № 20; Сказы и сказки Беломорья и Пинежья. Архангельск, 1941, № 61; Песни и сказки на Онежском заводе. Петрозаводск, 1937, № 276; Сказки Ф. П. Господарева. Петрозаводск, 1941, № 54; Севернорусские сказки в записях А. И. Никифорова, № 15, и т. д.

¹³ Русские сказки в ранних записях и публикациях XVI—XVIII вв. Л., 1971, № 41; Сказки и песни Вологодской области, № 18; Русская сказка. Избранные мастера. Л., 1932, № 39; Н. Е. О н ч у к о в. Северные сказки, № 164; Сказки Магая. Л., 1940, № 13; Сказки Куприянихи. Воронеж, 1937, № 37, и т. д.

¹⁴ Русские сказки в ранних записях и публикациях (XVI—XVIII вв.). Вступительная статья, подготовка текста и комментарий Н. В. Новикова. Л., 1971, с. 224—225 (в примеч. к сказке «Угадчик» на с. 297 Н. В. Новиков упоминает еще один текст XVIII в. из сборника «Спутник и собеседник веселых людей» (I, 9. М., 1773)).

переработанном виде».¹⁵ Действительно, обработка сказочного текста в сборнике в духе XVIII в. очевидна. В качестве действующих лиц здесь выступают король, испытывающий мудрость своих «придворных министров», и философ Гандан. Более пространна завязка повествования: не будучи в состоянии отгадать королевские загадки, министры советуют королю обратиться к философу Гандану, который едет в «загородный замок, дабы там с своими мыслями лучше мог посоветовать». Случайно приглашенный в гости мельником, Гандан открывает ему «из одного только любопытства» королевские загадки и далее вступает с ним в длительные прения о невозможности для мельника отгадать эти загадки, рационалистически это обосновывая. Только после этого происходит диалог перешедшего в одежду Гандана мельника с королем, из которого мельник выходит победителем, отгадав царские загадки. В «Повести о царе и мельнике» обработка фольклорного текста менее очевидна, текст заметно ближе к фольклорному источнику.

Таким образом, Повесть представляет собой любопытный факт жизни сюжета, интересный не только для изучения проблемы живого бытования фольклорной сказки до периода ее научного собирания, но и для понимания тех путей, которыми шло взаимодействие устных и письменных пластов культуры.

«Повесть о царе и мельнике» публикуется по рукописи ГПБ, собр. А. А. Титова, № 2670, л. 39—39 об., текст из сборника жарт — по лучшему списку ГБЛ, ф. 299, № 562, л. 126 об.—128.

I. [Повесть о царе и мельнике]

В некоей дальней стране бысть некоторый славный царь; прииде в старость, и бысть в разуме неусовершен. Имел свой царьской дом на горе над великою рекою — об ону страну, на другой же стране реки тоя бысть некий монашеский монастырь. Царь же по некоем времени преехав в той монастырь помолитися. И егда совершив молебная пения, и шед ко оной рече, и к дому своему мысляше преехати. Провождях его игумен з братиею. И рече им царь: «Трудно ми есть бывает чрез реку в сей монастырь прешествие, довлеет сему монастырю быти на оной же стране, моего дому близь на предивной высокой горе. Ныне же повелеваю вам той монастырь перенести и построить». Ту место им нарек невдале, но вскоре, и дав им в том сроку на малое время.

Старцы же со слезами молили царя, дабы им такое начинание отложил. Он же рече им: «Аще вы отгоните ми три загадки, то живите по-прежнему и изберите вы старца умнаго и пришлите ко мне загадки мои отгадать, и аз вас в том пожалую и велю быть по-прежнему, а теперь идите вспать».

И егда они возвратишася, велми о сем сетующе и плачущи, и в то время прииде в монастырь с мельницы их монастырской хухор, или по нашему дворник или мельник, весь в муке запылывся, во едином шушпане. И виде старцов, сетующих и плачущих, вопросы вины плача их. Они же ему поведаша все порядку. Он же рече им: «Престаните от плача и не тужите о сем много, || я иду за вас ко царю и те ево загадки отгадаю и устрою зде быти монастырю недвижиму. Только дайте ми надеть мантию и клябук, дабы аз был якобы монах монастырской».

И тако сотвори, и на срок пред царем ста, и рек ко царю: «Что твои, о царю, твои к нам, старцем, загадки? Аз их пришел отгадати». Тогда царь рек: «Скажи ми, старче, что имеетца земныя глубины?». Он же рек: «Велми глубока, царю, понеже отец мой и мати умроша, и в землю зарыты, и оттуду не бывали, и тому 40 лет.» Рече же царь: «Может быти велия глубина. Скажи ми, старче, блиско ли небо от земли?». Он же рече: «Велми

¹⁵ Там же, с. 35—36.

близко, понеже облачко мало только появитца на небе, тот час и дождь скоро пойдет». И рече царь: «Может быти близко». Рече царь: «Скажи ми, старче, что у меня в мысли моей, на уме теперь?». Хухор рече: «Ты, царю, помышляеши и мыслиши, что я якобы старец того монастыря, а я не старец, но хухор с мельницы их, монастырский мельник». И то рек, и сверже с себя мантию, и збросил клябук и камилавку, ударил об землю, и стал в одном шюшпане, что бес вертитца, весь бел, в муке запущен.

Сему же царь подивися и воздаде ему честь велию, а монастырю повеле быти на прежнем месте, и даде ему царьскую о том грамоту, и утвердил быть во веки неподвижну. Аминь. ||

II. [Текст о султани и мельнике из «польских жарт»] О мельнике. 150

л. 126 об.

Селимус, салтан турецкий, зело прогневался на един греческой монастырь, в которой послал свой указ, чтоб архимандрит того монастыря дал на три вопроса салтанские ответ^а: первое, чтоб он || узнал, сколько на небе звезд; второе, чтоб оценил салтана, чего он стоит; третье, чтоб знать, что султан думает. И дал ему сроку на три дни, а в четвертой день, чтоб архимандрит к салтану приехал с ответом, а ежели таких ответов не привезет, то монастырь тот повелел раззорить.

л. 127

Архимандрит получил тот указ, зело опечалился, повелел собрать всю братию в совет, и много о том рассуждали и не могли совету сыскать, как им салтану ответствовать. И пошел архимандрит и з братиею в церкков и стали со слезами просить у бога, чтоб сердце салтанское отвратил от такового их напрасного погубления.

И по молитве пошел архимандрит в дом свой и на пути стретил его того монастыря мельник, которой всегда обращался во пьянстве. И пришед ко архимандриту рек: «Святый отец, к чему так ваше священство || печалны?». Он ему отвечает: «О неистове и пьяне! Как ты не боишься бога, так всегда пьешь? Уже мы все пропадаем». Мельник речет: «Повеждь ми, я буду твою печаль рассуждать». Архимандрит взял ево к себе и показал ему вопросы салтанские и сказал: «Ты ли, пьяной, на то даш совет?». Мельник рек: «Прикажете меня убрать в сан архимандритской, и пошлите меня к салтану, я буду отвечать». Архимандрит, хотя и сумневался, но не нашол другога совету, послал ево в своем уборе.

л. 127 об.

И когда тот мельник пред солтаном встал, султан предложил ему вопросы. Мельник сказал: «Чтоб узнать звезд число, того будет до вечера ожидать». И как вечер пришел, мельник вышел, долго на небо смотрел, аки бы считал, и пришел, ^бсказал салтану: «Я звезды^б все цел: их сто миллионов». Салтан сказал, что есть неправда. Мельник рек: «То есть случая правда, изволь послать^в и освидетельствовать^в || за мною. Салтану тот ответ зело полюбился. Салтан рек: «Оцени меня, ^вчего стою^ж». Он ему отвечал: «Господь наш Иисус Христос за тридесять сребрениц продан, а тебя можно за двадцать за пять». Салтан рек: «Что у меня на уме?». Он отвечал: «У вашего величества то на уме есть, что^г вы думаете, что теперь говорите с архимандритом греческим, токмо то неправда, вы теперьво говорить изволите со мною, пьяным мельником, разговаривать». Салтан зело дивился ево уму и уволил тот манастырь вечно быть в христианском законе.

л. 128

Господь всемогущий знает,
Чем верных своих защищает.^д

^а Испр., в рукописи отовет. ^{б-в} Вставлено над строкой. ^{г-д} Вставлено над строкой. ^{е-ж} Вставлено над строкой. ^з В квадратных скобках. ^и Исправлено над строкой, в строке очищает.

Г. Н. МОИСЕЕВА

Из истории «Изборника» 1076 г.

Многие памятники древнерусской литературы имеют как бы две истории. Одна — это история возникновения произведения; вторая — история открытия памятника, история его «вхождения» в науку.

В России XVIII в., когда начала формироваться историческая наука, древнерусские памятники впервые становятся предметом изучения. В этот период были открыты многие произведения древнерусской литературы. История их обнаружения нередко была окружена тайной. Личность владельца рукописи или ее издателя нашла отражение и в том, как тот или иной памятник был интерпретирован, как определена его датировка, как понято его значение для последующего развития русской литературы.

«Изборник» 1076 г. впервые был упомянут М. М. Щербатовым в Предисловии к первому тому «Истории российской от древнейших времен». Высказывая свои соображения о древнерусском языке, в качестве доказательства его бытования в Древней Руси М. М. Щербатов назвал «Соборник». Он писал: «Мы не можем ясно доказать, что около сего времени в России, то есть у россиан, словенский язык был в совершенном употреблении, ибо Константин Багрянородный, который описание таковое сочинил, царствовал в начале X в., а уже в половине XI в. обретаем, что книги были писаны русским языком, как сие могу я доказать чрез обретающейся в моей библиотеке единой зборник (соборник), на котором и время его окончания подписано, то есть 6554—1046 году; а как не можно положить, чтоб сей был самый первый, который был писан, но уповательно, что со времени крещения письмены были введены, и все писалось таковым руским языком».¹

Датой составления «Соборника» («Изборника») М. М. Щербатов ошибочно считал 6554 г. (1046 г.), основываясь на приписке, находящейся на боковом поле 276-го, последнего листа пергаменной рукописи. В академическом издании «Изборника» эта совершенно невидимая в наше время приписка воспроизведена Д. П. Эрастовым. Она читается так: «. . . по 7205 (1697) год 651 год написана сия книга».² После вычитания 651 из 1697 получается 1046 г. На этом же 176-м листе имеется дата, указанная писцом самой древней рукописи: «Кончяхъ книжькы сия въ лѣто \tilde{S} \tilde{F} \tilde{I} \tilde{D} лѣто при Святославѣ князи роусьскы земля. Аминь». Но буквенная древняя дата 7584 (1076 г.) из-за настоя дубового орешка, которым пропитан лист пергамена, видимо, и 200 лет назад, в те годы, когда М. М. Щербатов

¹ Щербатов М. М. История российская от древнейших времен, т. I. СПб., 1770, с. IV—V.

² «Изборник» 1076 года. Изд. подгот. В. С. Голыщенко, В. Ф. Дубровина, В. Г. Демьянов, Г. Ф. Нефедов. М., 1965, с. 1090, рис. 32. Воспроизведение л. 276 с выявленной записью на внешнем поле.

писал «Историю российскую от древнейших времен», не могла быть разобрана. В настоящее время дата прочитана «вооруженным глазом»,³ т. е. с помощью современных технических средств, не доступных науке XVIII в. Кроме того, в обозначении даты есть переправленные поздней рукой буквы «П» на «Н», имеющие цифровое значение «80» и «50». Эта переправка впервые была замечена А. И. Ермолаевым в начале XIX в., когда М. М. Щербатова уже не было в живых (он умер в 1790 г.). Поэтому нет ничего удивительного в том, что М. М. Щербатов основывался на дате, указанной в приписке 1697 г., которая в конце 60-х гг. XVIII в., как можно полагать, была легко читаемой.

М. М. Щербатов, приступивший к занятиям русской историей без специальной подготовки и не умеющий хорошо читать древние рукописи (о чем он сам говорит в Предисловии к «Истории российской. . .»), очевидно, не мог заметить переправку в дате. Если бы он смог прочесть правильную дату — 1076 г., то, по-видимому, отметил бы в своей «Истории», что при князе Святославе, княжившем в Киеве с 1073 по 1076 г., был составлен «Сборник».

Это тем более очевидно, что к князю Святославу было приковано особое внимание М. М. Щербатова, поскольку он приходился предком князьям Щербатовым, и историк придавал этому обстоятельству достаточно большое значение, что можно видеть при изучении многочисленных составленных им «Родословцев» и его «Истории российской».

М. М. Щербатов написал «Краткое историческое повествование о начале родов князей российских, происходящих от великого князя Рюрика».⁴ Кроме того, в «Древней российской вивлиофике» он опубликовал «Родословие княжеских родов Мосальских, Одоевских, Горчаковых, Щербатовых, Репниных, Соляцевых, Засекиных, Чернышовых и проч».⁵

Говоря о происхождении Щербатовых, М. М. Щербатов особо выделил линию князя Святослава. Он писал: «У третьего сына великого равноапостольного князя Владимира, у вел. кн. Ярослава Владимировича, были следующие дети, сыновья: 1) Владимир, 2) Изяслав, 3) Святослав, родился в 1027 году; имел в супружестве одну графиню швецкую, сестру Бурхарда, епископа Трирского; был на престоле киевском во время приключившихся междуусобий при вел. кн. Изяславе Ярославиче, с 1073 года, по его кончину, приключившуюся в 1076 году. . . У третьего сына вел. кн. Ярослава Владимировича, у Святослава Ярославича, было семь сынов: 1) Олег, бывши на тмутараканском, а по том на черниговском княжестве, скончался в 1115 году. . .».⁶ От сына Олега Святославича произошло потомство: Игорь Олегович, Святослав Игоревич, Всеволод Святославич, «проименованный Чермный, который имел себе в уделе Чернигов; был в 1206 и 1209 годах на киевском престоле».⁷ Его сын — Михаил Всеволодович, черниговский князь, также небольшое время княживший в Киеве, в 1246 г. был казнен Батыем. Позднее канонизирован русской церковью (святой Михаил Черниговский).

Описывая герб Щербатовых, М. М. Щербатов специально подчеркнул, что его предки были на киевском великом княжении: «По вышеписанному видно, что предки князей Щербатовых были множе на киевском престоле; особливой же удел князей того колена, от которого сей род происходит, был Чернигов, ако и святой великий князь Михайло в удел себе имел сие княжение. . . Герб сего града — на златом поле черный одноглавый

³ Там же, с. 701, примеч. 1.

⁴ ГПБ, Эрмитажное собр., № 371.

⁵ Там же, № 510, л. 1—6.

⁶ Древняя российская вивлиофика, ч. IX. Изд. 2-е. М., 1789, с. 4—5.

⁷ Там же, с. 6.

орел с распростертыми крыльями, имея главу, обращенную в правую сторону, увенчанный золотым венцем, в когтях левые лапы держит наковню положения золотый скипетр с крестом, в память их предков, имеющих владения Киева».⁸

Соответственно особому отношению к Святославу в характеристике его княжения во втором томе «Истории российской с древнейших времен» М. М. Щербатов убрал все острые места в описании ожесточенной междоусобной войны, происходившей между сыновьями Ярослава Мудрого, которым он завещал более всего соблюдать братскую любовь и чтить «яко старейшего» Изяслава. Вторичное изгнание Изяслава из Киева под давлением Святослава Черниговского, сговорившегося с Всеволодом Переяславским, М. М. Щербатов представляет как непредвиденную случайность, вызванную враждебными действиями Всеслава Полоцкого.

Святослав скончался в Киеве 27 декабря 1076 г. «от вырезания железа». Тело его было перевезено в Чернигов. Он погребен в Спасском соборе. «Изборник», материалы для которого были почерпнуты из киевской княжеской библиотеки (как об этом сообщил нам писец рукописи Иоанн, — «избрано из многа книг княжих»), был, как это теперь видно, перевезен в Чернигов и остался в семейной библиотеке его потомков.

В докладе Д. С. Лихачева, прочитанном на научной конференции, посвященной 900-летию юбилею «Изборника» 1076 г.,⁹ были высказаны чрезвычайно интересные наблюдения о близости «Изборника» 1076 г. и «Поучения» Владимира Мономаха. Это сходство находит объяснение в том, что «Изборник» 1076 г. хранился у потомков Святослава, старшим сыном которого был Олег, впоследствии названный автором «Слова о полку Игореве» Олегом Гориславичем, ибо он первый из русских князей привел на Русь половцев для борьбы сначала со своим дядей Всеволодом Ярославичем, а позднее с его сыном — Владимиром Всеволодовичем Мономахом. Но в первые годы после смерти Святослава Олег Святославич жил у своего дяди Всеволода вместе с двоюродным братом Владимиром. По-видимому, и «Изборник», явившийся своего рода учебником для молодых князей (это тоже наблюдение Д. С. Лихачева), был в то время их общим достоянием. И только позднее, когда начались кровавые междоусобные сражения Олега Святославича, он оказался во владении исключительно черниговских князей, потомков Святослава Ярославича. Вероятно, этим объясняется и отсутствие списков с «Изборника» 1076 г. в отличие от «Изборника Святослава» 1073 г., хранившегося в монастырских библиотеках.¹⁰

Изучая «движение рода» Щербатовых — потомков Святослава Черниговского, мы нашли и автора двух приписок на 276-м листе «Изборника» 1076 г.

К концу XVII в. род Щербатовых был довольно значительным. Как сообщает М. М. Щербатов (и это подтверждается родословными известиями из других источников), одним из старейших в этом «генеалогическом древе» был князь Андрей Дмитриевич, сын Дмитрия Федоровича Щербатова. В 1676 г. Андрей Дмитриевич Щербатов «по указу государя царя Феодора Алексеевича написан из стольников в спалники и был на службах в 1688 году, когда государи цари Иоанн и Петр Алексеевичи ради московских беспокойств ходили в Троицкой монастырь. Тогда и он при них на-

⁸ Там же, с. 72—73.

⁹ Юбилейная конференция проходила в Государственной Публичной библиотеке им. М. Е. Салтыкова-Щедрина 14 июня 1976 г.

¹⁰ К. Ф. Калайдович нашел «Изборник Святослава» 1073 г. в 1817 г. в Воскресенском Ново-Иерусалимском монастыре, куда он был передан в 1661 г. патриархом Никоном.

ходился. В 1697 году был в Азовском походе. . . в полку боярина Алексея Семеновича Шеина».¹¹

Вторым сыном Андрея Дмитриевича Щербатова (первый сын умер в раннем детстве) был князь Иван Андреевич. М. М. Щербатов сообщает о нем следующие известия: «Родился в 1696 году. В 1712 году по смотру государя императора Петра Великого был назначен в солдаты в Преображенский полк и потом послан для наук в чужие края, в Англию, где был по сентябрь 1721 года на своем иждивении. И по возвращении в том же году был определен в Иностранную коллегию для познания дел. В 1722 году пожалован в советники в Коммерц-коллегию. В 1723 году отправлен по именному указу в Гишпанию в город Кадикс для учреждения там коммерции, где он находился по апрель месяц 1726 года, а оттуда в сем году переведен в Мадрит в полномочные министры при Гишпанском дворе. В 1731 году был отозван в Россию, откуда в том же году был послан в Константинополь чрезвычайным посланником, откуда возвратился в 1732 году».¹²

В 1739 г. И. А. Щербатов был полномочным министром в Великобритании. В 1742 г. вторично послан в Великобританию. Скончался он в Петербурге в 1761 г.

Двоюродный брат Андрея Дмитриевича Щербатова, Юрий Федорович Щербатов, женатый на Анне Михайловне Вольнской, был дедом М. М. Щербатова.¹³ Ю. Ф. Щербатов, окольный и бригадир (умерший в 1737 г., когда М. М. Щербатову было 4 года), владел ценными древними рукописями. Так, Ю. Ф. Щербатову принадлежали Разрядные книги середины XVII в. (ГПБ, Эрмитажное собр., № 515; ГПБ, Эрмитажное собр., № 396), Родословные книги (ГПБ, Эрмитажное собр., № 515), Казанская история в списке XVII в. (ГПБ, Эрмитажное собр., № 421), Житие Константина Муромского, список середины XVII в. (ГПБ, Эрмитажное собр., № 13), Повесть о Псковском-Печерском монастыре в списке XVII в. (ГПБ, Эрмитажное собр., № 484), Сборник исторический середины XVII в. (ГПБ, Эрмитажное собр., № 409).

Все эти рукописи имеют владельческие записи Юрия Федоровича Щербатова.

Сын Юрия Федоровича — Михаил Юрьевич Щербатов (1678—1738 гг.), генерал-майор русской армии. От третьей жены — Ирины Семеновны Соляцовой-Засекиной — имел сына М. М. Щербатова, родившегося в 1733 г.

К Ю. Ф. Щербатову перешли все древнерусские рукописи отца. Кроме того, он приобрел и другие: Житие Александра Свирского в списке середины XVII в. (ГПБ, Эрмитажное собр., № 6) и Житие Антония Сийского, также в списке середины XVII в. (ГПБ, Эрмитажное собр., № 7).

Все перечисленные выше древнерусские рукописи, принадлежавшие Андрею Дмитриевичу Щербатову, Юрию Федоровичу Щербатову и Михаилу Юрьевичу Щербатову, перешли во владение М. М. Щербатова. К нему же попали и рукописи из рода его матери, кн. И. М. Солнцева-Засекиной, — «Сборник царских грамот с 1603—1697 гг. воеводам из рода Солнцевых-Засекиных» (ГПБ, Эрмитажное собр., № 443).

М. М. Щербатов был женат на дочери своего двоюродного деда — кн. Ивана Андреевича Щербатова — Наталье Ивановне Щербатовой.¹⁴ В рукописном собрании М. М. Щербатова хранились многие рукописи

¹¹ Родословие Щербатовых, составленное М. М. Щербатовым. — ГПБ, Эрмитажное собр., № 510, л. 24.

¹² Там же, л. 27 об.—28.

¹³ Долгоруков П. Российская родословная книга, ч. I. СПб., 1854, с. 112.

¹⁴ Там же, с. 114.

его тестя — известного русского посла И. А. Щербатова: «Посольство и дела князя Ивана Андреевича Щербатова в Турции»,¹⁵ «О испанских делах князя Ивана Андреевича Щербатого, писанные его рукою»,¹⁶ собрание документов служебной деятельности И. А. Щербатова,¹⁷ его переписка с Б. И. Куракиным и А. И. Остерманом на французском и английском языках.¹⁸ Кроме того, в собрании И. А. Щербатова была рукопись Феофана Прокоповича «История о избрании и восшествии на престол Анны Иоанновны»¹⁹ и Хронограф 3-й редакции середины XVII в., принадлежавший отцу Ивана Андреевича — Андрею Дмитриевичу Щербатову.²⁰

Запись, сделанная рукою Андрея Ивановича Щербатова на обороте последнего листа Хронографа, позволила нам определить принадлежность ему двух приписок на 276-м листе «Изборника» 1076 г. Она читается так: «Сия книга, глаголемая Летописец сътолника князь Андрея Дмитриевича Щербатова. За молитвы съвятых отец наших, господи Иисусе Христе, боже наш, помилуй нас. . .» (см. рисунок).²¹

При анализе начертаний отдельных букв этой записи А. Д. Щербатова обращает на себя внимание развитая верхняя часть «е», «л» с надстрочной и подстрочной частями, равно как и «м». В букве «р» «хвостовая» часть опускается значительно ниже строки, буква «с» «обволакивает» последующую букву. В «х» нижняя часть опускается под строку. Особенно характерно написание «ц» с изгибающейся «хвостовой» частью.

При сопоставлении записи А. Д. Щербатова на Хронографе с записями на 276-м листе «Изборника» 1076 г. обращает внимание их близость. Необходимо при этом учесть, что Хронограф переписан на бумаге, а «Изборник» 1076 г. на пергамене грубой выделки, притом засохшем и почерневшем. Состояние материала, естественно, внесло известное упрощение в начертание букв. Но даже и при этих обстоятельствах индивидуальный характер начертаний букв сохранился. Это более явно видно при анализе второй записи на нижнем поле л. 276, которая читается так: «А писмена сотворил Кирил философ (буквы стерлись, — Г. Н.) в лѣто в 6363 при Михаиле царе (буквы стерлись, — Г. Н.)» (см. рисунок).²²

В собрании А. Д. Щербатова хранился «Азбуковник» начала XVII в. Он открывался «Предисловием» о происхождении славянской письменности. Здесь содержится следующий ответ на вопрос о русской письменности: «Аще ли вопросиши словенскихъ буквварей глаголя: кто вам писмена сотворил и книги преложи? То все ведают и отвечающе рекут: святыи Константин Философ, нарицаемый Кирил. Той писмена сотворил и книги преложи. . . А аще вопросят, в кое время, и отвещают: по 6363м . . . во время Михаила царя греческаго и матери его Феодосии нарици». ²³

Очевидно, что содержание приписки («А писмена сотворил Кирил философ. . .») восходит к «Предисловию» «Азбуковника». Можно быть уверенным, что именно к этой рукописи «Азбуковника» восходит приписка, так как на чистых листах, находящихся в конце сборника, рукою Ивана Андреевича Щербатова (сына Андрея Дмитриевича) переписан список 68 испанских пьес конца XVII—начала XVIII в.²⁴ Мы ведь пом-

¹⁵ ГПБ, Эрмитажное собр., № 588, л. 155.

¹⁶ Там же, № 146.

¹⁷ Там же, № 121.

¹⁸ Там же, № 123.

¹⁹ Там же, № 495.

²⁰ Там же, № 565.

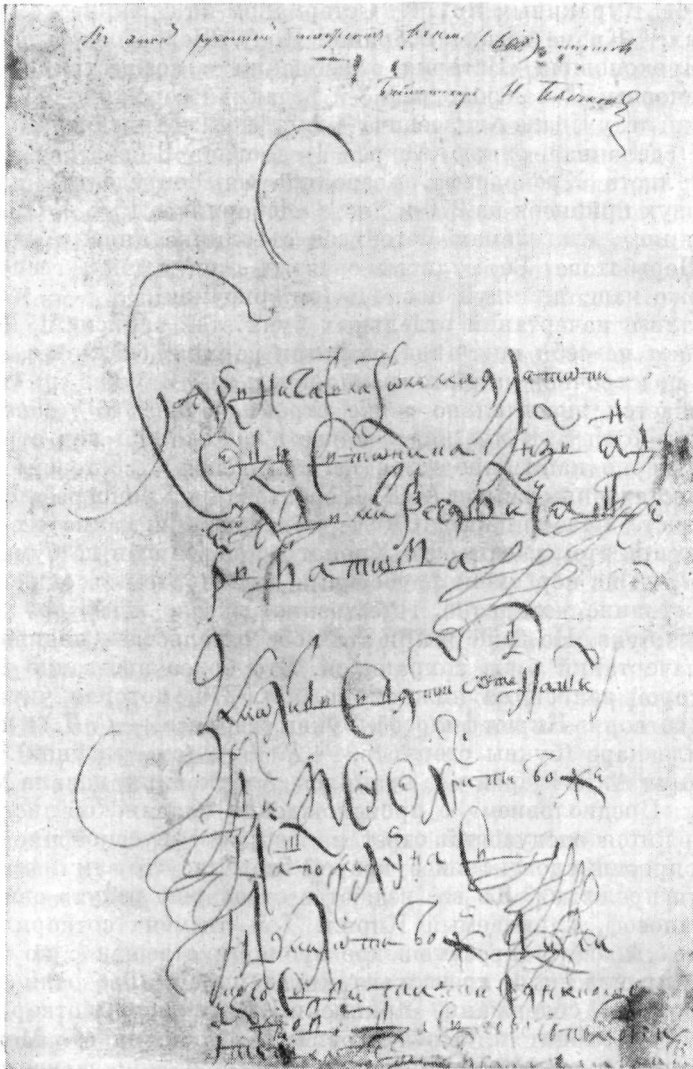
²¹ Там же, л. 608 об.

²² «Изборник» 1076 года, с. 1090, рис. 32.

²³ ГПБ, Эрмитажное собр., № 213, л. 5.

²⁴ Алъшиц Д. Н. Историческая коллекция Эрмитажного собрания рукописей. Памятники XI—XII вв. Описание. М., 1968, с. 117.

ним, что И. А. Щербатов с 1723 по 1730 г. был послом в Испании, сначала в Кадисе, а потом в Мадриде. Какое назначение имел этот список 68 испанских пьес — неясно.²⁵

Хронограф III редакции, принадлежащий А. Д. Щербатову.
Запись на последнем листе рукописи.

ГПБ, собр. Эрмитажа, № 565, л. 608 об.

С помощью «Азбуковника», находившегося в собрании Андрея Дмитриевича Щербатова и явившегося источником его приписки на последнем листе «Изборника» 1076 г., мы имеем возможность восстановить чтение

²⁵ Сам этот список показывает, что русский посол проявлял интерес к испанской драматургии. И уже одно это позволяет отвести упрек, брошенный М. П. Алексеевым в его адрес: «Первые русские посланники в Испании и русские консулы в Кадисе не оставили никаких литературных документов, которые свидетельствовали бы об их интересе к испанской жизни, хотя некоторые из них, например Щербатов, Евреинов,

исчезнувших частей его записи. Вероятно, она читалась так: «А писмена сотворил Кирил философ и книги преложил в лѣто 6363 при Михаиле царе греческом».²⁶

А. Д. Щербатов сделал приписку к «Изборнику» 1076 г. в 1697 г., в тот год, когда он участвовал в походе под Азов, а его сыну И. А. Щербатову был один год (родился в 1696 г.). По-видимому, А. Д. Щербатову было в это время около 20 лет (точный год его рождения неизвестен). Он подсчитал, сколько лет древней пергаменной рукописи, отсчитывая 651 год от ошибочной подправленной даты, указанной писцом Иоанном в конце «Изборника». А ниже, заинтересовавшись происхождением славянской письменности, поместил краткую выписку из «Азбуковника» середины XVIII в., хранившегося в семейной библиотеке Щербатовых. В середине XVIII в. все эти рукописи, как уже упоминалось выше, попали к М. М. Щербатову.

Все древнерусские рукописи, попавшие в собрание М. М. Щербатова от его предков и пополненные копиями памятников из Синодальной и Типографской библиотек, а также его собственными сочинениями, были перечислены в «Росписи российским рукописным книгам, находившимся в библиотеке Михаила Михайловича Щербатова, выбранным из генерального каталога всей библиотеки под теми же номерами 1791 года».²⁷

После смерти М. М. Щербатова (12 декабря 1790 г.) его библиотека, состоявшая из 25 000 единиц, была куплена у его наследников Екатериною II, и таким образом все вышеназванные рукописи перешли в библиотеку императрицы, занимавшейся составлением «русской истории».

Вместе со всеми перечисленными древнерусскими рукописями в Эрмитажную библиотеку попал и «Изборник» 1076 г., названный в описи 1791 г. «Соборникъ древній, писанъ на пергаминахъ 1046 года».

К счастью для нашей науки, «Изборник» 1076 г. оставался в Петербурге в Эрмитажном собрании. Он явился предметом занятий видных знатоков древнерусских древностей А. Н. Оленина, А. И. Ермолаева, К. Ф. Калайдовича, Х. А. Востокова и др. Он не попал в частные собрания «любителей российских древностей», не сгорел в пожаре 1812 г., и истинные ценители древнерусских рукописей, в числе которых в первую очередь следует назвать К. Ф. Калайдовича, уже в те годы смогли с совершенной очевидностью доказать бесспорность подлинности памятника древнерусской литературы — «Изборника» 1076 г.

Вешняков, жили в Испании подолгу» (см.: Алексеев М. П. Очерки истории испано-русских литературных отношений XVI—XIX вв. Л., 1964, с. 49). Приношу сердечную благодарность М. П. Алексееву, который ознакомился с этим списком испанских пьес и определил их датировку: конец XVII—начало XVIII в.

²⁶ Ошибочность и датировки (XI в.), и прочтения текста приписки В. Шимановским очевидна (см.: Ш и м а н о в с к и й В. К истории древнерусских говоров. Исследование с приложением полного текста сборника Святослава 1076 г. Варшава, 1887, с. 8). О чтении приписки на л. 276 В. Шимановским см.: «Изборник» 1076 года, с. 57.

²⁷ ГПБ, Эрмитажное собр., № 588.

Р. МАЙЕР

О древнейшем венгерском переводе отрывка из «Повести временных лет»

В 25-м номере второго полугодия 1821 г. венгерской газеты «*Hasznos Mulatságok*» («Полезные увеселения») в разделе «Исторические, топографические и статистические достопримечательности» появилась статья под заглавием «Олха, или Страшная месть», которая представляет собой краткое, сопровождаемое небольшим комментарием переложение рассказа Повести временных лет о смерти Игоря и мести Ольги древлянам. Насколько нам известно, это не только первый венгерский перевод части древнерусской летописи, но и первый венгерский перевод русского художественного произведения вообще, ибо, по данным венгерской библиотеки о литературе народов, живших на территории СССР до 1944 г., переводов с русского до 1828 г. не существовало.¹

Газета «*Hasznos Mulatságok*» и ее редактор Иштван Кулчар играли важную роль в венгерской журналистике 20-х гг. XIX в.

Первый период расцвета венгерской журналистики начался в 1780-е гг., длился до середины 90-х гг. и закончился с приходом к власти императора Франца I в 1792 г. Из-за строгих цензурных правил в 1805 г. существовало всего лишь пять политических газет: одна на венгерском языке, одна на латинском и три на немецком (тогда как в 1792 г. одних газет на венгерском языке было восемнадцать). В 1793—1803 гг. новые политические газеты не выпускались. В период с 1805 по 1832 г. издавалось всего две газеты. До 1830 г. политическая печать была представлена двумя газетами: «*Erdélyi Hirmondó*» («Трансильванские ведомости») и «*Hazai Tudósítások*» («Отечественные известия») — последняя под редакцией Кулчара. Газета «*Hazai Tudósítások*» начала выходить 2 июня 1806 г. Через два года, после снятия запрета с сообщений о зарубежных событиях, редактор заменил ее название новым — «*Hazai és Külföldi Tudósítások*» («Отечественные и зарубежные известия»). Выход этой газеты чрезвычайно важен тем, что до 1806 г. в городе Пеште газет на венгерском языке не издавалось. «*Hasznos Mulatságok*» печаталась с 1817 г. в качестве приложения к газете «*Hazai és Külföldi Tudósítások*», также под редакцией Кулчара. Целью редактора было разгрузить газету «*Hazai és Külföldi Tudósítások*», поэтому в приложении он публиковал художественные произведения, песни, элегии, эпитафии, статьи разного содержания (и разной ценности) по истории, археологии, нумизматике, географии, этнографии, сельскому хозяйству. Большое внимание Кулчар уделял вопросам национального языка и в этой связи во-

¹ См.: S. Kozocsa, G. Rado. A szovjet népek irodalmának magyar bibliográfiája 1944-ig. Szerk. Budapest, 1956.

просам театра; живо интересовался историей и древностями, причем древностями не только в области литературы, но и в области языкознания, изобразительного искусства и т. д.

Самым ценным в журналистской деятельности Кулчара, находившегося под влиянием Гердера, были его призывы к собиранию народных песен и публикация самих этих песен. Интерес к народной культуре сочетался у него с интересом к древности. И там и тут его привлекала оригинальность и национальная самобытность.

Опубликовав статью «Олха, или Страшная месть», редактор, однако, не указал, что это часть большого произведения, не назвал источника и имени переводчика. Возникает вопрос: знал ли редактор вообще, что он напечатал в своей газете? Комментарий, написанный им к этой статье, показывает, что не знал. Речь в нем идет только лишь о характере женщин, об отрицательном влиянии на них сильных страстей: «Az asszonyoknak is szabad erősen szeretniök; az ő gyengéded lelkeikben is támadhatnak hatalmas indulatok, de azoknak munkáikon's következőzéseiken mindenkör a'Nem Kharakterét, a'Szelidséget, kelletik viselni. Mert ha azok férfiúi lármává nevedeknek, 's az elejökbe szabott határt által lépik, semmisem rettenetes, semmisem borzasztó czéljok végre hajtásában; mint ezt Olha megbizonyította» («И женщинам дано крепко любить, и в их нежных душах возникают сильные страсти, но их поступки и последствия их страстей всегда должны отражать характер пола, кротость. Если их страсть достигает степени мужской ярости и переступает установленные границы, женщины ни перед чем не останавливаются для достижения своей цели, как доказала нам Олха»). Думается, если бы Кулчар с его интересом к древним народным культурам знал, с каким произведением он имеет дело, он написал бы в своем примечании еще что-нибудь, например о национальном характере русских, о высоком уровне древнерусской письменности и литературы и т. п.

Второй вопрос: чем же воспользовался редактор? Вряд ли ему был знаком оригинальный, написанный на древнерусском языке текст. Сам он нигде не упоминает о том, что владеет русским языком; не сообщают нам этого и его биографы.² В богатой библиотеке Кулчара, насчитывавшей более 4000 томов, не было ни одной книги на русском языке и лишь одна книга по русской тематике.³ По всей вероятности, Кулчар познакомился с отрывком русской летописи в переводе на иностранный язык. На какой?

С 1808 г., как мы говорили, газета Кулчара могла давать венгерским читателям информацию о зарубежных событиях. Для осуществления этой задачи редактор выписывал популярные французские и немецкие газеты и журналы, но в своей программной декларации конкретно их не назвал.⁴ Доказан факт, что статьи по русской теме редактор брал из английского журнала «Westminster Review», сотрудники же этого журнала черпали материал непосредственно из литературного альманаха Рылеева и Бестужева «Полярная звезда».⁵ «Полярная звезда» издавалась в 1823—1825 гг., так что служить источником в данном случае она не могла.

² См.: G. A l a p i. Kultsár István (1760—1828). Komárom, 1911; J. M a r k o s. Kultsár István. Pannonhalma, 1940.

³ См.: G. A l a p i. Kultsár István (1760—1828) és könyvtára. Komárom, 1928. В этой статье упомянуты кн.: J. R i c h t e r. Russische Miscellen, 1—3. Bd. Leipzig, 1803.

⁴ Hazai Tudósítások, 1808 (I) 368.

⁵ J. F e n y ő. Az orosz irodalom fogadtatása a reformkori magyar hirlapirodalomban.— In: Tanulmányok a magyar-orosz irodalmi kapcsolatok köréből, I. Budapest, 1961, с. 209.

Йожеф Перени в статье «Венгерские аспекты русских летописей» говорит о первостепенной роли в работе Кулчара западных источников: «Собрание материала и издание в первую очередь были ограничены немецкими, итальянскими и т. д., то есть западными источниками». ⁶ К. Бор подчеркивает значение немецкого языка в качестве связующего звена между русским и другими языками Центрально-Восточной Европы: «Из-за географических и политических отношений первыми и самыми устойчивыми посредниками между Россией и Западом в духовной области были немцы». ⁷ Наконец, приведем мнение А. Ходинки, первого переводчика полных текстов русских летописей на венгерский язык: «. . . большинство наших историков не умело пользоваться старыми русскими текстами, поэтому они должны были удовольствоваться либо чужими переводами, либо их сокращением. . . ». ⁸ А. Ходинка упоминает латинский и немецкий перевод Повести временных лет. По всей вероятности, некоторые отрывки Повести временных лет уже до полного перевода были переложены на иностранные языки и таким образом стали известными в Европе. Но все-таки мы не можем точно определить, с помощью какого языка дошел до Кулчара отрывок из русской летописи. Немецкий язык, по-видимому, наиболее вероятен. Решению вопроса мог бы послужить, вероятно, анализ транскрипции собственных имен существительных.

Третий вопрос: какова разница между оригинальным текстом и венгерским переводом?

Венгерский перевод, опубликованный в «*Hasznos Mulatságok*», гораздо короче древнерусского оригинала. Неясно, сам ли Кулчар сократил текст, или он уже в таком виде получил материал. Но цель сокращения очевидна: редакторы просто хотели опубликовать интересную историю. История сжата, ее композиция прямолинейна. О смерти Игоря и ее причине говорится очень кратко: «*Igor Herakleáig's Nikodémiáig vévén győzödelmes seregeit, végre megverettetett, 's futása közben Malditto, a' Drevulok Fejedelme megölte's eltemettette Koreste nevű helyben*» («Игорь довел свои победоносные войска до Гераклея и Никодемии, и наконец потерпел поражение, и во время бегства был убит древлянским князем Малдитто и похоронен на месте Кореште»). О сыне Игоря автор перевода-перевелки пишет: «*Suatolaus a' megölettetettnek Fia m'g gyenge Gyermek lévén. . .*» («Сын убитого Суатолаус еще был слабым ребенком. . .»). О кормилице, оставшейся в Киеве, не упоминает. Ни слова нет о географическом положении Киева, о собирании Игорем дани, о вторичном походе к древлянам. Эпизоды мести описаны менее подробно, чем в оригинале. Редактор хотел лишь показать превращение слабого женского характера в «яростный мужской характер» и трагические последствия этого, и ему было достаточно одних фактов, без детализации. Вот пример. В венгерском тексте написано: «*A' Drevulok 20. Küldötjök által nem annyira kérték, mint parantsolták neki, hogy Fejedelmöknek adja kezét, szívét. Ezen Küldötteken kezdé Olha Férjének, 'a szeretettnek szánt iszonyú áldozatokat. Ugyan is mind a' húszat elevenen eltemettette*» («А древляне через 20 посланцев не столько просили ее [Ольгу], сколько приказывали ей выйти замуж за их князя, отдать ему руку и сердце. С них начала Олха приносить страшную жертву мужу любимому: всех их 20 человек засыпала живыми»). В древнерусском оригинале Ольга ведет разговор с посланцами, дает

⁶ J. Perényi. Az orosz évkönyvek magyar vonatkozásai. — Ibid., p. 28.

⁷ K. Bor. Orosz tudományos és irodalmi vonatkozások a magyar nyelvű hirlapiródalomban (1780—1824). — Ibid., p. 88.

⁸ A. H o d i n k a. Az orosz évkönyvek magyar vonatkozásai. — In: Az orosz évkönyvek teljes gyűjteménye. Budapest, 1916, c. 2.

им «совет», издевательски спрашивает, как они чувствуют себя в тяжелом положении.

Однако же, сокращая, переводчик придерживается точных данных источника, особенно числовых. Отметим также, что прямую речь оригинального произведения он воспроизводит всегда как косвенную. Избегая подробных описаний, автор перевода-переделки старается произвести на читателя впечатление «усилительными» эпитетами и другими стилистическими средствами, которых или нет в древнерусском тексте, или они не так сильны. Святослав не «дѣтский», а «gyenge Gyermek» («слабый ребенок»). «Лучшие мужи» древлян оказываются здесь «fényesebb rangú kővetek» («блестящие посланцы высокого чина»). Ольга — «örömet színlelő szép özvegy» («симулирующая радость красивая вдова»), которая «Bosszú lehellő» («дышит мщением»). Члены дружины не просто убили врага, а «felkonczol» («перерезали»). Стилистическая разница лучше всего видна при сравнении последнего предложения венгерского перевода-переделки с соответствующим отрывком оригинального текста. Вот перевод: «Az emésztő tűzből futókat kedvére öldöstetf az engesztelhetetlen menyaszszony, és csak kevesen menekedhettek meg, kiket a'győződelmes rablánczpon Kiovba hurczoltata» («Бегущих из губительного огня на удовольствие непримиримой невесты убили, только немногие спасли свою жизнь, на которых победоносная надела кандалы, и их потащили в Киев»). Древнерусский же текст не расписывает события, но констатирует факты: «И побѣгоша людѣ изъ града, и повелѣ Ольга воемъ своимъ имати е, яко взя градъ и пожже и, старѣйшины же града изънима, и прочая люди овыхъ изби, а другия работѣ предасть мужемъ своимъ, а прокъ ихъ остави платити дань. . . и приде въ градъ свой Киевъ съ сыномъ своимъ Святославомъ и пребыши лѣто едино».⁹

Итак, характер публикации в венгерской газете 1821 г. рассказа о мести Ольги и те стилистические изменения, которые претерпел здесь этот отрывок русской летописи, показывают, что редактор Иштван Кулчар почерпнул его из иностранного материала и, ничего не зная о Повести временных лет, был пленен лишь оригинальностью этой старой истории, той оригинальностью, которую он сознательно искал и в венгерской литературе.

⁹ ПСРЛ, т. I, вып. 1. Изд. 2-е. Л., 1926, стб. 59—60.

О. Ф. КОНОВАЛОВА

**«Написание о царях московских»
И. М. Катырева-Ростовского в переложении
М. А. Волошина**

В творческой тетради Максимилиана Александровича Волошина, хранящейся под шифром ф. 562 в архиве Рукописного отдела Института русской литературы (Пушкинский Дом) АН СССР, среди различных стихотворений, написанных поэтом с 1919 по 1931 г. (л. 41—42), находится произведение, которому М. А. Волошин дает два названия: «Запись о смутняках» и «Написание о царях московских». Это сочинение входит в стихотворный цикл М. А. Волошина «Пути России» и представляет собой поэтическое переложение последней главы «Повести книги сея от прежних лет: о начале царствующего града Москвы» («Летописной книги»), автором которой считается приближенный царя Михаила Федоровича князь Иван Михайлович Катырев-Ростовский.

Внимание М. А. Волошина не случайно привлекла заключительная часть исторической повести XVII в., носящая название «Написание вкратце о царех московских, о образех их и о возрасте и о нравах» и содержащая портреты-характеристики русских царей и их детей. В своих произведениях М. А. Волошин неоднократно использовал прием исторических аналогий, его творчество насыщено образами русской истории, многие его стихотворения связаны с произведениями литературы Древней Руси или являются их поэтическими переложениями. Так, известно его переложение Жития протопопа Аввакума, Жития инок Епифания.¹ М. А. Волошин написал поэму о граде Китеже, «О Дметриусе — императоре», о Владимирской Богоматери и т. д.

«Написание о царях московских», помимо всего прочего, интересно тем, что оно было первым опытом М. А. Волошина в переложении оригиналов древнерусской литературы (датируется 1919 г.).

Произведение М. А. Волошина состоит из десяти частей, девять из них — литературно-исторические портреты русских царей и их детей, десятая — свободное переложение концовки, содержащей имя Катырева-Ростовского. В построении своего «Написания» М. А. Волошин идет за оригиналом, сохраняя хронологическую последовательность изложения. Однако в отличие от древнерусского автора, который рисует портреты семи русских государственных деятелей XVI—XVII вв., поэт к галерее Катырева-Ростовского добавляет еще два портрета: Марины Мнишек и Федора-Филарета, тем самым создавая своеобразную поэтическую стилизацию древнего источника.

¹ См.: А. И. М а з у н и н. Три стихотворных переложения «Жития» Аввакума. — ТОДРЛ, т. XIV. М.—Л., 1958, с. 410; А. Н. Р о б и н с о н. Неизданная поэма М. А. Волошина о Епифании. — ТОДРЛ, т. XVII. М.—Л., 1961, с. 512.

Сравним волошинский вариант «Написания» о царе Иване с текстом, приписываемым Катыреву-Ростовскому. Первую строку оригинала «Царь Иван образом нелепым» поэт передает так: «Царь Иван был ликом некрасив», — переводит, придавая строке стихотворный размер — хорей. Словосочетание «очи имея серы» сохраняется им без изменений, так как в данном случае старая форма составного сказуемого, выраженного нечленным причастием мужского рода, совпадающая с современным деепричастием, была, вероятно, понята Волошиным именно как деепричастие. Эмоциональный эффект описания царских «очей» усиливается за счет внесения эпитетов «пронзительны и беспокойны». Последующее описание портрета царя Ивана дается поэтом почти дословно, лишь с незначительными изменениями грамматических форм. Слова «нос протягновен и покляш» изменены так: «Нос протягновенен и покляп», т. е. вместо усеченной формы прилагательного Волошин применяет полную форму на «енен». Затем поэт вновь дает перевод на современный русский язык: «возрастом велик бяше, сухо тело имея» — «Ростом велик, а телом сух» (при этом грамматическая конструкция древнерусского подлинника не сохраняется). У Катырева-Ростовского — «груды широки, мышцы толсты»; у Волошина слово «грудь» — в единственном числе, а «толсты» заменяется «туги»; словосочетание «муж чюдного рассужения» поэт дает во множественном числе — «Муж чудных рассуждений». Дальнейший текст («. . в науке книжного поучения доволен и многоречив зело, ко ополчению дерзостен и за свое отечество стоятелен») подвергается более свободной интерпретации. Поэт графически организует строки древнерусского автора, придавая им ямбический размер:

Многоречив зело,
В науке книжной опытен и дерзок.

Из фрагмента «На рабы своя, от бога данныя ему, жестокосерд велми, и на пролитие крови и на убиение дерзостен и неумолим. . .» Волошин выбирает лишь такие строки:

А на рабы, от бога данные,
Жестокосерд,
В пролитыи крови —
Неумолим.

Заканчивая переложение, Волошин делает еще одну перестановку, добываясь при этом краткости изложения и большей поэтической выразительности, нежели в оригинале (что и соответствовало его авторской задаче). Концовка Катырева-Ростовского «Таков бо бе царь Иван» приведена с незначительными изменениями: «Таков был царь Иван».

Сопоставление произведения М. А. Волошина с древнерусским оригиналом дает представление о том, каким путем шел поэт в переложении уже известного произведения. Он прежде всего отбирает те грамматические и лексические конструкции из текста XVII в., которые дают возможность без искажения сюжета, без нарушения последовательности в изложении, без дополнений, при помощи лишь некоторых стилистических переработок, перевода слов на современный русский язык создать собственный стихотворный вариант произведения. При этом М. А. Волошин стремится сохранить ритмическую организацию, свойственную литературному языку Древней Руси, и сам создает особый, графически организованный, безрифменный стих, граничащий с ритмической прозой.

Поэтическое наследие талантливого русского поэта М. А. Волошина изучено недостаточно, поэтому трудно говорить о месте и роли «Написания» в системе всего творчества поэта. Вместе с тем следует отметить,

что приемы переложения, сопоставление с древнерусским источником, анализ художественных особенностей представляют интерес как для историков древнерусской литературы, так и для специалистов по литературе XX в.

Ниже публикуется «Написание о царях московских» М. А. Волошина в сопоставлении с соответствующими местами книги И. М. Катырева-Ростовского.²

«Написани» Катырева-
Ростовского

«Написани»
М. А. Волошина

1

Царь Иван образом нелепым, очи имея серы, нос протягновен и покляп; возрастом велик бяше, сухо тело имея, плещи имея высоки, груди широки, мышцы толсты; муж чюдного разсужения, в науке книжного поучения доволен и многоречив зело, ко ополчению дерзостен и за свое отечество стоятелен. На рабы своя, от бога данная ему, жестокосерд велми, и на пролитие крови и на убиение дерзостен и неумолим; множество народу от мала и до велика при царстве своем погуби, и многия грады своя поплени, и многия святительския чины заточи и смертию немилостивою погуби, и иная многая содея над рабы своими, жен и девиц блудом оскверни. Той же царь Иван многая благая сотвори, воинство велми любяще и требующая ими от сокровища своего неоскудно подаваше. Таков бо бе царь Иван.

Царь Иван был ликом некрасив,
Очи имея серы,
Пронзительны и беспокойны,
Нос протягновенен и покляп.
Ростом велик, а телом сух,
Грудь широка и туги мышцы.
Муж чюдных рассуждений,
Многоречив зело,
В науке книжной опытен и дерзок,
А на рабы, от бога данные,
Жестокосерд,
В пролитью крови —
Неумолим.
Жен и девиц сквернил он блудом много.
И множество народа немилостивою
смертью погубил.
Таков был царь Иван.

2

Царь же Федор возрастом мал бе, образ постничества нося, смирением обложен, о душевней вещи попечение имея, на молитве всегда предстоя и нищим требующая подая; о мирских ни о чем попечения имея, токмо о душевном спасении. От младенства даже и до конца живота своего тако пребысть, за сие же спасеное дело его бог царство его миром огради, и враги под нозе его покори, и время благоутешно подаде. Таков бе царь Федор.

Царь же Федор
Был ростом мал,
А образ имея постника,
Смирением обложен,
О мире попеченья не имея,
А только о спасении душевном.
Таков был Федор-царь.

3

Царь же Борис благолепием цветуще и образом своим множество людей превозшед, возрасту посредство имея; муж зело чюден, в разсужении ума доволен и сладкоречив велми, благоверен и нищелюбив и строителен зело, о державе своей много попечение имея и многое дивное о себе творяше. Едино же имея неисправление и от бога отлучение: ко врачем сердечное прилежание и ко властолюбию несытное желание; и на прежебывших ему царей ко убиению имея дерзновение, от сего же возмездие восприят.

Царь Борис — во схиме Боголеп —
Был образом цветущ,
Сладкоречив вельми,
Нищелюбив и благоверен,
Строителен зело и о державе попечителен.
Едино имея неисправление:
Ко властолюбию несытое желание
И ко врагам сердечно прилежанье.
Таков был царь Борис.

² Текст «Написания вкратце о царех московских, о образех их и о возрасте и о нравах» приводится по изд.: РИБ, т. XIII. (Памятники древней русской письменности, относящиеся к Смутному времени). Изд. 2-е. СПб., 1909, стб. 619—623, 625—710, так как именно это издание находилось в библиотеке М. А. Волошина.

4

Царевич Федор, сын царя Бориса, отроча зело чудно, благолешием цветуще, яко цвет дивный на селе, от бога преукрашен, яко крин в поли цветущи; очи имея велики черны, лице же ему бело, млечною белостию блистая, возрастом средю имея, телом изобилен. Научен же бе от отца своего книжному почитанию, и во ответех дивен и сладкоречив велми; пустошное же и гнило слово никогда же изо уст его исхождаше; о вере же и поучении книжном со усердием прилежа.

Царевич Федор — сын царя Бориса —
 Был отрок чуден,
 Благолешием цветущ,
 Как в поле крин, от бога преукрашен,
 Очи — велики, черны; бил лицом,
 А возраст среден.
 Книжному научен почитанью.
 Пустошное али гнилое слово
 Из уст его вовек не исходише.

5

Царевна же Ксения, дщерь царя Бориса, девица сущи, отроковица чуднаго домышления, зельною красотою лепя, бела велми, ягодами румяна, червлена губами, очи имея черны велики, светлостию блистая; когда же в жалобе слезы изо очию испущаше, тогда наипаче светлостию блистаху зельною; бровми союзна, телом изобилна, млечною белостию облиянна; возрастом ни высока, ни ниска; власы имея черны, велики, аки трубы, по плещам лежаху. Во всех женах благочинниша и писанию книжному навична, многим цветяше благоречием, воистинну во всех своих делах чредима; гласы воспеваемыя любляше и песни духовныя любезне желаше.

А дочь царя Бориса — отроковица
 Ксения —
 Власы имея черны, велики, аки трубы,
 лежаху по плечам,
 Бровми союзна,
 Телом изобилна,
 Вся светлостью облиянна,
 И млечной бильностью вседельно облиянна.
 Воистинну во всех делах чредима,
 Любила воспеваемые гласы
 И песни духовныя,
 Когда же плакала,
 Блистала еще светлее земною красотою.

6

Рострига же возрастом мал, груди имея широки, мышцы толсты; лице же свое имея не царсково достояния, препростое обличие имея, и все тело его велми помраченно. Остроумен же, паче и в научении книжном доволен, дерзостен и многоречив зело, конское рыстание любляше, на враги своя ополчитель смел, храбрость и силу имея, воинство же велми любляше.

Разстрига был ростом мал,
 Власы имея руды,
 Безбород,
 С бородавкой
 У переносицы.
 Пясти — тонки,
 А грудь имел широко,
 Мышцы толсты и тело помраченно.
 Обличьем прост,
 Но дерзостен и остроумен в речах
 И в наученье книжном.
 Конские ристалища любил,
 Был ополчитель смел,
 Ходил танцуя. . .

7

Марина Мнишек была прельстительна.
 Била лицом, а брови имея тонки.
 Глаза змеиные,
 Рот мал. Поджаты губы,
 Возрастом невелика, надменна
 обращением.
 Любила плясания и игрища,
 И палилася в платья
 Тугие с обручами,
 С камнями и жемчугом,
 Но паче честных камней
 Любляше негрятенка.

8

Царь Василей возрастом мал, образом же недепым, очи подслепы имея; книжному поучению доволен и в раз-

Царь Василий был ростом мал,
 А образом недеп,
 Очи подслеповаты,

сужении ума зело смыслен; скуп велми
и неподатлив; ко единым же к тем тще-
ние имея, которые во уши ему ложное
на люди шептаху, он же сих веселым
лицем воспринимаше и в сладость их
послушати желаше; и к волхованию
прилежаше, а о воех своих не радяше.

Скуп и неподатлив,
Но книжен и хитер.
Любил наушников,
Был к волхованьям склонен.

9

Боярин Федор,
Во иночестве Филарет, —
Роста и полноты был средних,
Был обходителен,
Опальчив правом,
Владетелен зело.
Божественное писание разумел отчасти.
Но в знании людей был опытен:
Царями и боярами играша,
аки на тавлее.
И роду своему престол Московский
Выиграл.

10

...Есть же книги сей слагатай
Сын предиреченнаго князя Михаила,
роду Ростовского сходатай. . .

Так видел их
И, видев, записал
Иван Михайлович
Князь Катырев-Ростовский.

23 августа, 1919, четверг.

(ИРЛИ, ф. 562, творческая тетрадь (1919—1931 гг.), л. 41—42).

А. М. ГРАЧЕВА

Повесть А. М. Ремизова «Савва Грудцын» и ее древнерусский прототип

В самом начале своей творческой деятельности А. И. Ремизов одновременно с романами, повестями, рассказами, действие которых происходило в России начала XX в., создает «переделки» произведений, читавшихся на Руси с XI по XVII в., — то, что стало называться «стилизациями».

С 1902 по 1920 г. Ремизовым было издано 37 книг, из них романы «Пруд», «Часы», «Крестовые сестры», «Пятая язва», повести, рассказы, драматические произведения «Бесогское действо», «Трагедия об Иуде, принце Искаримотском», «Действо о Егории Храбром», множество сборников сказок, из которых самые известные — «Посолонь» и «К морю-океану», переделки апокрифов, патериковых рассказов и других произведений древнерусской литературы.

Во второй период творчества Ремизов создал свои литературные «реконструкции» древнерусских повестей, переводных рыцарских романов, притч и легенд.

Легче всего было бы объяснить появление «стилизированных» повестей, уводящих читателя в глубь веков, в сказочно-абстрактный мир вечных истин, тем, что оторванный от реальной жизни родины писатель замыкается в тесном мирке стилизации. Отчасти это верно, однако следует отметить, что соотношение внутренних законов творчества с объективными внешними обстоятельствами у Ремизова гораздо сложнее, чем у многих других писателей. Ремизов писал, что «дать сравнение между двумя предметами, прямо противоположными или отдаленными, — в этом и есть достижение современности».¹ Обращение к предшествующим периодам развития истории — средство понять ту «самодумную Русь», тема которой стоит в центре всего творчества Ремизова.

К переделкам древнерусских произведений автор обращался в течение всего творчества, и они были не стилизаторскими упражнениями, а закономерным выражением философской и литературной концепции автора.

Ремизов говорил о себе: «Хлебников — планетчик, хотел обрусить земной шар. . . мое дело короче; оживить русским ладом затасканную русскую беллетристику».² После первых же произведений Ремизова если и не произошло «оживления» русской беллетристики, то разгорелась оживленнейшая полемика о «ладе» самого писателя.

¹ Цит. по: Н. К о д р я н с к а я. Алексей Ремизов. Париж, 1959, с. 99. Далее в настоящей статье по этому изданию цитируется А. М. Ремизов (источник сокращенно — Кодрянская, с указанием страниц).

² Там же, с. 302.

Споры о произведениях Ремизова часто сводились к обмену парадоксально-хлесткими определениями. Например, И. А. Бунин писал, что Ремизов «нестерпим и смехотворен при всех его усидчивых способностях. . . составляет по областным словарям (и вообще «из книг сликает». . .) никогда не существовавший и не могущий существовать мерзейший русский язык (да еще и сам выдумывает гадкие и глупые слова)»,³ а критик А. А. Измайлов называл произведения Ремизова «стилизованными виньетками, написанными. . . языком архаической «квинтэссенции».⁴ Но творчество Ремизова ценили А. Блок, А. Белый и многие другие писатели. А. Блок в статье «Литературные итоги 1907 года» пишет, что «упорно и по-иному мятежно ищет своего стиля и языка А. М. Ремизов»,⁵ а в статье, специально посвященной Ремизову, «Противоречия», — что он, А. Блок, все более предпочитает «трагическую и не „всемирную“ шутку Ремизова, сказанную на чудесном русском языке. . .».⁶ А. Белый уже в ранней рецензии о «Посолонь» выводит тягу Ремизова к фольклору из собственного некоторым художникам того же времени стремления преодолеть индивидуализм эпохи. В сказках Ремизова «легко, прозрачно, весело, они написаны кованым слогом», где «неологизмы тонко смешаны с хорошими, забытыми русскими словами».⁷

«Стилизации» (как мы условно будем их называть) в начале XX в. либо подвергались критике, как временный «грех» писателя, либо удостоивались похвалы за прекрасный язык и ту гармонию мира, которой не было в произведениях Ремизова о современности. Но никто не ставил проблемы соотношения переделок с их источниками и художественной специфики создаваемых им произведений. В советском литературоведении научный интерес к ремизовским переделкам возник именно у исследователей тех источников, которыми пользовался Ремизов.

В 1966 г. появилась статья Я. С. Лурье «А. М. Ремизов и древнерусский „Стефанит и Ихнилат“».⁸ Я. С. Лурье обратил внимание на ремизовские переделки, и в частности на особенности «Повести о двух зверях»; в 1970 г. Д. С. Лихачев кратко охарактеризовал переделку «Саввы Грудцына»;⁹ наконец, в 1971 г. была опубликована статья Р. П. Дмитриевой «„Повесть о Петре и Февронии“ в пересказе А. М. Ремизова».¹⁰

Р. П. Дмитриева определила общие принципы пересказов Ремизова. Она отметила то, что тему пересказа Ремизов выбирал, вчитываясь в документы и исследования по литературе и истории, что он включал в пересказ свои личные переживания и реалии XX в. и стремился в передаче того или иного сюжета обратить внимание читателя на главную поэтическую мысль, которая, по мнению Ремизова, оставалась до сих пор незамеченной в источнике. Р. П. Дмитриева установила, что темы пересказов Ремизова часто близки к фольклорным легендам и сказаниям. В частности, в пересказе «Петра и Февронии» Ремизов не отталкивался, как древний книжник, от фольклорного сюжета, а, наоборот, старался прибли-

³ И. Б у н и н. Письмо П. М. Бицилли, 16 мая 1936 г.— РЛ, 1961, № 4, с. 154, 155.

⁴ А. И з м а й л о в. Литературная пестрядь.— Образование, 1908, № 8, отд. II, с. 9.

⁵ А. Б л о к. Собр. соч., т. V. М.—Л., 1962, с. 226.

⁶ Там же, с. 408.

⁷ А. Б е л ы й [рец. на кн.: А. Р е м и з о в. Посолонь].— Критическое Обозрение, 1907, № 1, с. 36.

⁸ Я. С. Л у р ь е. А. М. Ремизов и древнерусский «Стефанит и Ихнилат».— РЛ, 1966, № 4, с. 176—179.

⁹ Истоки русской беллетристики. М.—Л., 1970, с. 536, примеч. 84.

¹⁰ Р. П. Д м и т р и е в а. «Повесть о Петре и Февронии» в пересказе А. М. Ремизова.— ТОДРЛ, т. XXVI. Л., 1971, с. 155—176.

зить к нему сюжет повести. По мнению Р. П. Дмитриевой, Ремизов не почувствовал художественного колорита повествовательной литературы XV в. Ссылаясь на мнение самого Ремизова,¹¹ Р. П. Дмитриева указывает на две задачи, которые ставил Ремизов при обращении к фольклорным мотивам: воссоздание «народного мифа» и написание художественного пересказа на основе конкретного сохранившегося текста. Р. П. Дмитриева считает, что при создании своего варианта «Повести о Петре и Февронии» Ремизов решал только вторую задачу.

Такое разделение задач представляется неправомерным. В том же письме в редакцию первой и главной задачей своего творчества Ремизов называл воссоздание «народного мифа». По Ремизову, миф у народов с течением времени или распадается на потерявшие смысл осколки (имена, обычаи), или сохраняет свою целостность, но искажается при долгой устной или даже письменной его фиксации. В первом случае миф воссоздается писателем при помощи очищения его от позднейших наслоений и приведения к «идеальному», т. е. первоначальному, по Ремизову, виду. При этом-то Ремизов и пользуется приемом художественного пересказа какого-нибудь «строго ограниченного текста», т. е. текста, по мнению Ремизова, наименее подвергнувшегося искажению. Поэтому вторая задача Ремизова представляется вспомогательной задачей, двуединой с первой.

Слово «миф» Ремизов трактует как первооснову, протограф очевидца истинного события, который скрыт под наслоениями времен фиксации. Именно до «истинного» рассказа о событии Ремизов докапывается, сличая списки, вчитываясь в исследования, и, как итог, пишет свою «реконструкцию».

Цель нашей работы — анализ воссоздания Ремизовым вида и смысла «истинного», по его мнению, события на материале повести «Савва Грудцын».

Если задача Ремизова состоит в реконструкции «народного мифа», то возникает вопрос о форме его воплощения. Как указывала Р. П. Дмитриева, основой своего стиля Ремизов считал сказ. Передача события идет как бы от первоисточника — очевидца, который с наивностью цельного сознания рассказывает о чуде. Ремизов писал о работе над книгой: «. . . приравливание чужих сказаний к своей национальности: перевод чужого понятия на современный язык. Выбор материала — встреча на словесной земле и спуск под землю, — попала легенда, я читаю и вдруг вспомнил: я принимал участие в сказочном событии. И начинаю по-своему рассказывать».¹² Отсутствие внутреннего «порога» восприятия легенды или древней повести у Ремизова проявляется прежде всего в том, что его «стилизация» древних текстов — это такая же реализация главной темы его творчества, как и произведения, написанные на современном материале. Главная тема определялась самим Ремизовым так: «Страда мира, беда человеческой жизни. . . А другая сторона смешная».¹³

До сих пор не существует точного толкования понятия «стилизация». Наиболее точное определение ему на языковом уровне дает М. М. Бахтин. Он объединяет в одну группу пародию, стилизацию, сказ и диалог, поскольку им «присуща одна общая черта: слово здесь имеет двойное направление — и на предмет речи (как обычное слово) и на другое слово, на которую речь».¹⁴ «Если авторское слово обрабатывается

¹¹ А. Ремизов. Письмо в редакцию 29 августа 1909 г. — Золотое руно, 1909, № 7—9, с. 145—148.

¹² Кодрянская, с. 132.

¹³ Там же, с. 107.

¹⁴ М. М. Бахтин. Проблемы поэтики Достоевского. М., 1963, с. 248.

так, чтобы ощущалась его характерность или типичность для определенного лица, для определенного социального положения, для определенной художественной манеры, — пишет далее ученый, — то перед нами уже стилизация: или обычная литературная стилизация или стилизованный сказ.¹⁵ «По мере понижения объектности чужого слова. . . в однонаправленных словах (в стилизации, в однонаправленном рассказе) происходит слияние авторского и чужого голоса. Д и с т а н ц и я у т р а ч и в а е т с я ; с т и л и з а ц и я с т а н о в и т с я с т и л е м (разрядка моя, — А. Г.).»¹⁶

Ремизов упорно подчеркивал, что его произведения не есть только стилизации или тем более подражания: «Восстанавливать речевой век не думал и подражать не подражал ни Епифанию Премудрому, ни протопопу Аввакуму, и никому этого не навязываю.»¹⁷ В древнерусских произведениях он искал основу для создания своего стиля, своего художественного языка, руководствуясь при этом чутьем художника. Стилизованный сказ переходит у Ремизова в стилизацию, но и стилизация может настолько сблизиться с непосредственно направленным словом, что получается «русский лад» — стиль самого Ремизова.

«Савва Грудцын» Ремизова имеет источником известную повесть XVII в. Россия XVII в. особенно интересовала писателя. События Смутного времени, раскол, эпоха Петра I, когда «как на кладбище со святыми упокой — Московская Русь!»,¹⁸ — все это было тем материалом, который в проблемном и фактическом планах был основой для раздумья Ремизова о современности.

Книга А. М. Ремизова «Бесноватые: Савва Грудцын и Соломония»¹⁹ состоит из двух повестей: «Савва Грудцын» (1949 г.) и «Соломония» (1929 г.), написанных в разное время, но не случайно объединенных Ремизовым.

Многие писатели обращались к древнерусским повестям и легендам, но никто до Ремизова, как это уже отмечалось Р. П. Дмитриевой, не обнажал столь открыто приемов своей работы. Ремизов обычно в начале или в конце книги давал точный список источников, ставившийся поводом для обвинения его в плагиате и литературной зауми. Но для писателя смысл разрыва с предшествующей традицией не указывать использованных источников заключался в определении объекта скрытой полемике — «искаженного» пересказа событий, в котором надо отыскать «истинный» смысл фактов.

В предисловии к «Бесноватым» Ремизов указал «новейшие исследования о Грудцыне» — работу о «Савве Грудцыне» М. О. Скрипиля.²⁰ Текстологический анализ дал возможность установить, что Ремизов пользовался как источником первым вариантом первой (по Скрипилю, старшей) редакции и третьим вариантом окончания, которые ближе всего к архетипу повести — архетипу первой степени, по Скрипилю, — т. е. точному тексту автора, и архетипу лишь второй степени, по Ремизову, так как понятие «архетип» для Ремизова — не авторский текст в канони-

¹⁵ Там же, с. 250.

¹⁶ Там же, с. 265.

¹⁷ Кодрянская, с. 42.

¹⁸ Там же, с. 143.

¹⁹ А. Р е м и з о в. Бесноватые: Савва Грудцын и Соломония. Париж, 1951. Книга была издана ограниченным числом экземпляров под грифом «Оплетник». Это было некоммерческое издание друзей Ремизова, которые старались, чтобы последние произведения писателя увидели свет (далее при цитировании и анализе используется это издание).

²⁰ М. О. С к р и п и л ь. Савва Грудцын. — ТОДРЛ, т. V. М.—Л., 1947, с. 225—308.

ческом виде, а событие в своей первооснове, которая скрыта в его письменной фиксации. Например, Ремизов воссоздавал своей архетип такого произведения, как «Мертвые души» Гоголя.

Соотношение древнерусского и ремизовского текстов можно проследить на многих уровнях: сюжетном, композиционном, стилистическом, языковом.

Полемика с источником начинается с изменения Ремизовым сюжета. Схема сюжета повести такова.

Сын богатых купцов Савва с детства воспитан без товарищей, на одних книгах. Родители укрепляют в нем веру в его исключительность. Савва отправляется торговать в Орел Соликамский, где влюбляется в жену старинного друга отца — Степаниду, вышедшую замуж за старика Божена, чтобы спасти от бедности свою семью. Возлюбленные счастливы, пока накануне праздника Вознесения не происходит размолвка. Степанида подносит Савве чашу приворотного зелья и делает так, что ее муж выгоняет Савву из дома. Савва тоскует по своей возлюбленной и в этот момент (в день Семена Летопроводца) встречает беса по имени Виктор Тайных. Савва подписывает богоотметное рукописание, чтобы вернуть любовь Степаниды. Божен, забыв обо всем, приглашает его вернуться, Степанида целует его. Но в этот же день Савва, побывав в царстве Сатаны, приходит ночью к Степаниде и убивает ее. Затем следует хмельное кружение с бесом по России, встреча с юродивым — Семеном Летопроводцем. Начавшаяся было военная карьера прервана боярином Шеиным, пытающимся вернуть Савву домой, — не из зависти к его военному таланту, как в источнике, а чтобы Савва стал снова примерным купеческим сыном. В Москве Савву охватывает черная немочь, тоска, и он на исповеди признается в убийстве Степаниды. Черти страшно мучают его, пока ночью не является Степанида и не обещает ему прощение в храме. Савву несут в храм, где после сакральных слов сверху падает чистый лист бумаги с исчезнувшей кровавой подписью. Савва уходит из храма с юродивым Семеном Летопроводцем, а бесы бегут от них.

В сюжет источника Ремизовым внесены следующие изменения.

Во-первых, введены новые эпизоды и совершенно изменены некоторые сюжетные узлы. Например, важную роль в сюжете играет двойное убийство: первое — убийство Саввой Степаниды и второе, как бы отраженное, — убийство, совершенное кем-то в Козьмодемьянске. Оба убийства совершены людьми, находящимися под властью беса Виктора Тайных.

Во-вторых, абстрагирующая манера повествования древнерусской повести везде последовательно заменена конкретизирующей (на это указывала Р. П. Дмитриева).²¹ Древнерусский книжник все время при характеристике действующих лиц пользуется этикетными характеристиками или просто эпическими сообщениями. Этикетны, например, изображения Божена и его жены: «Бажен Второй. . . знаем бяше во многих градах благонравного ради жития его». Характеристика его жены связана с традиционным средневековым понятием о женщине: ее «женское естество уловляти умы младых к любодаянию».²²

У Ремизова каждый персонаж индивидуализируется, получает собственное имя, окружается только ему присущими бытовыми реалиями, наделяется речевой характеристикой. Имена получают не только жена Божена — Степанида, нищий — Семен Летоходец, но и все второстепенные герои, например волхв, предсказывающий судьбу Саввы.

²¹ Р. П. Дмитриева. «Повесть о Петре и Февронии» в пересказе А. М. Ремизова. — ТОДРЛ, т. XXVI. Л., 1971, с. 158.

²² М. О. Скрипиль. Савва Грудцын, с. 236.

В источнике читаем: «В том же граде бысть волхв некий, чарованием своим сказуя, кому каковая скорбь приключится, и жить или умереть познавает».²³ У Ремизова эта фраза-характеристика звучит так: «А был в городе Орле волхв: чарованием узнавал о причине скорби и скажет о человеке, жить ему или смерть. Беззащитный, глаза насквозь».²⁴ Это типичный пример ремизовского перехода от эпического сообщения источника к повествованию, несущему в себе психологическую характеристику героя, когда Ремизов одной как бы случайно выхваченной деталью создает чувственно-конкретный образ.

Ремизов, как и древнерусский книжник, соотносит рассказ о судьбах главных героев с другим, более обобщенным планом, но план этот — не мировоззренчески-понятийный, а подчеркнуто литературный. Автор называет любимые книги героев или вспоминает о тех или иных книгах для создания сопоставления судеб персонажей этих книг с судьбами своих героев.

Характеристика Саввы начинается подробным перечислением прочитанных им книг. Самая любимая книга Саввы — «Стефанит и Ихнилат», а Ремизов понимал эту древнерусскую повесть как трагическую «Повесть о двух зверях»,²⁵ в которых слишком много человеческого. Когда Ремизов рассказывает о Божене и Степаниде, то он как бы намекает на дальнейшее развитие событий: «О ту пору сложена бойкая притча „О старом муже и молодой девице“, не книжный сказ, а из жизни. . . И как сказывала притча, так все и было».²⁶ В сцене поднесения Степанидой чаши приворотного зелья снова находим указание на последствия совершаемого действия: «Словами не скажешь, а только в песне про такое поется, с какой ревнивой любовью она смотрела, подавая чашу Савве».²⁷ Эта «песня» — историческая песня о смерти Михайлы Скопина-Шуйского. Его образ соотнесен с Саввой еще в предисловии к повести, где Ремизов цитирует отрывок из нее. Скопин-Шуйский, согласно легенде, был отравлен «зельем лютым», которое поднесла ему дочь Малюты Скуратова. Наконец, в описание внешне благополучной, но опустошенной, бесовской жизни Саввы врывается последнее неразвернутое сравнение: «О ту пору была сложена притча „о Горе-Злосчастии“, не о Савве ли этот горький сказ сказывает?».²⁸

Иными принципами характеристики Ремизов пользуется при создании образов Семы Юродивого — Семена Летопроводца и Виктора Тайных — сына Сатаны — беса. Эти два героя, по аналогии с повестью XVII в., выступают в двойной роли: посланцев неба и ада и обыкновенных земных людей — царевича и юродивого. Особенностью повести является то, что в ней двойственную природу имеет и Степанида, образ которой несет функции двух образов источника: возлюбленной Саввы — жены старого купца и Богородицы, прощающей Савву.

Индивидуализация беса связана с изображением аналогичного образа в повести Пушкина по записи Титова «Уединенный домик на Васильевском»,²⁹ на которую Ремизов указывал в предисловии к своей повести. Бес Ремизова носит обычное и в то же время значимое человеческое имя Виктор Тайных, бес у Пушкина — имя Варфоломей. Отличительный при-

²³ Там же, с. 270.

²⁴ А. Ремизов. Бесноватые. . . , с. 21.

²⁵ А. Ремизов. Повесть о двух зверях. Париж, 1950.

²⁶ Там же, с. 18.

²⁷ А. Ремизов. Бесноватые. . . , с. 14.

²⁸ Там же, с. 42.

²⁹ А. С. Пушкин. Полн. собр. соч. в 10 т., т. 9. Изд. 3-е. М., 1965, с. 507—

знак «поведения» Варфоломея, как и Виктора (эта черта идет от древних принципов изображения бесов), — постоянный хохот. В древнерусской повести, судя по спискам, опубликованным М. О. Скрипилем, почти каждый переписчик снова и снова пытался лексически выразить бесовский хохот: бес же «осклабился», «разсмеялся», «улыбаяся», «усмехнувся», «возсмеяся», «засмеяся». Ремизовский бес, как и в древнерусской повести, показывает Савве царский двор «отца» (Сатаны) и все время стремится воздействовать на честолюбие Саввы. Варфоломей у Пушкина соблазняет Павла большим светом, собрание бесов также происходит в форме самого высшего с точки зрения честолюбия общества: избранного круга графини И. . .³⁰ Виктор Тайных почти до конца повести (до болезни Саввы и его признания) сохраняет свое инкогнито и для Саввы и для читателя, в то время как в древнерусской повести автор и читатель знают, кто такой приятель Саввы, а Савва — нет.

Сема Юродивый — Семен Летоприводец в отличие от беса сразу сам сообщает Савве о своей двойной природе, но Савва его не понимает. «Я Семен Летоприводец, ты помнишь? нет-нет, ты все забыл. Я юродивый Христа ради Пречистыя Девы Матери». ³¹ (Напомним, что убийство Степаниды Савва совершил 3 июля, в день Семена Летоприводца). Юродивый «стоит у дверей, босой, без шапки, в руке посох, а на нищего не похож, и не старый, а как Савва, и не только не в одной, а во многих водах купан, белый — прозрачный». ³² «Прозрачность» становится словом-лейтмотивом Семы Юродивого, а существительные и глаголы с корнем «хот» — словами-лейтмотивами Виктора. «Прозрачность», по Ремизову, — это абсолютное видение и оценка человека и мира.

Таким образом, ремизовские характеристики героев-антагонистов по-земному конкретны, но слова-лейтмотивы сигнализируют о лишь временном соответствии этих героев земным людям.

Композиционно повесть по аналогии с источником членится на четыре части — замкнутые звенья, кончающиеся кульминацией, которая ставит в тупик прежнее сюжетное развитие.

Первая часть: предыстория Саввы — предыстория Степаниды — их встреча — чаша приворотного зелья — изгнание Саввы.

Вторая часть: встреча с бесом — подписание кровью богоотметного рукописания — приглашение Божена вернуться — посещение царства Сатаны — убийство Степаниды.

Третья часть: гульба в Козьмодемьянске — встреча с Семеном Летоприводем — I видение Саввы — воинская служба — круг метаний с бесом по России замыкается возгласом Саввы: «Воли хочу!».

Четвертая часть: болезнь Саввы — исповедь — мучения — II видение Саввы — исцеление в храме.

Основой ремизовской композиции является музыкальное начало: «Я начинаю с лирического запева и перехожу к повествованию (это музыкальное начало, песенное)». ³³ Повесть «Савва Грудцын» открывается лирическим запевом о мощи и богатстве русских купцов Грудцыных, точно былинным запевом о «высоте ли высоте поднебесной». Древнерусская повесть сразу же вводит действие в точные хронологические и географические рамки, при этом идет постепенное снижение значительности упомина-

³⁰ Соотношение пушкинской повести и «Саввы Грудцына» Ремизова заслуживает более подробного анализа, так как соотнесенность между ними — это соотнесенность двух близких по типу демонологических повестей.

³¹ А. Ремизов. Бесноватые. . ., с. 38.

³² Там же, с. 37.

³³ Кодрянская, с. 110.

емого от плана вневременного и исторического к конкретному и менее значимому. Ремизов вместо этого перехода рисует одновременно огромные географические пространства: Сибирь, Китай, Волга и Кама, «глаза на Персию», и власть людей над этими пространствами: «. . . у Строгановых Сибирь», «. . . у Грудцыных Кама и Волга».³⁴ Идет не снижение, а укрупнение плана: Кама и Волга — Великий Устюг — Собор Рождества Богородицы — палаты Грудцыных. «У Фомы сын Савва, о нем рассказ». ³⁵ Ремизов четко определяет объект повествования в противоязв заглавие источника «Повесть зело предивна и истинна, яже бысть во дни сия, како человеколюбивый бог являет человеколюбие свое над народом христианским».³⁶

Важнейшими элементами ремизовской композиции являются слова-лейтмотивы, которые, меняя иногда полярно свое значение, раскрывают каждое свою тему, а переплетаясь, и общую концепцию автора. Основные слова-лейтмотивы повести: «воля», «любовь», «кровь», «душа», «царевич», «бес», «самозванец», «дух», «прозрачность». Композиция повести так геометрически жестка, что при текстологическом анализе упорядоченное чередование лейтмотивов. Переплетающиеся лейтмотивы повести создают неоднозначные непрерывно растущие цепочки, которые пересекаются особенно четко в кульминациях каждой части:

I часть: любовь—воля—неволя.

II часть: неволя—воля—бес—царевич.

III часть: царевич—бес—неволя.

IV часть: неволя—прозрачность—любовь.

Повесть начинается с нарастающей темы воли. Савва еще в детстве, читая книги, «буквы не держался», а Степанида, «в золото окованная дочь»,³⁷ восклицает: «Воли хочу!». Герои повести хотят, чтобы их судьба не была predetermined социальной иерархией и церковными догмами. Тему воли Ремизов, следуя традиции классической русской литературы XIX в., раскрывает через историю любви Саввы и Степаниды, превращая ее, этот рядовой для средневекового книжника повод попасть в лапы дьявола, в сюжетный стержень произведения. У древнерусского книжника любовь — бесовство, виноват в ней «супостат дьявол». Ремизов, полемизируя с «неверно» понявшим событиям «очевидцем», восклицает: «Не проклятие, небесное благословение — запечатлевающий неразрывный поцелуй».³⁸ Но рядом появляется слово-лейтмотив «кровь», и тема, которую ведет этот мотив, все время переплетается с темой любви. Ремизов записывал в дневнике: «Для меня кровь неразлучна с „телом“, любить в самом глубоком смысле этого слова можно только телом — кровно».³⁹ Слово-лейтмотив «кровь» входит в повествование тогда, когда любовь каждого из возлюбленных омрачается неверием в любовь другого. Для писателя звуковой и цветовой образы были теснейшим образом взаимосвязаны. Метод работы Ремизова над книгой часто был следующим: прежде чем написать книгу, он ее прорисовывал. О «Савве Грудцыне» Ремизов объяснил в предисловии: «. . . раздумывая над судьбой Грудцына, я не нарисовал ни одной картинке, все началось со слова „кровь“ и словами выговаривалось до конца».⁴⁰ Для рисунков Ремизову надо, чтобы мир был «прозрачным», а повесть «Савва Грудцын», за исклю-

³⁴ А. Ремизов. Бесноватые. . . , с. 10.

³⁵ Там же, с. 10.

³⁶ М. О. Скрипиль. Савва Грудцын, с. 234.

³⁷ А. Ремизов. Бесноватые. . . , с. 15.

³⁸ Там же, с. 16.

³⁹ Кодрянская, с. 109.

⁴⁰ А. Ремизов. Бесноватые. . . , с. 8.

чением средневековых символических цветов (черного, багряного, лазурного, изумрудного), — полотно, залитое кровью.

Савва и Степанида любят свободно, но их любовь терпит крах, когда они совершают насилие над волей друг друга (Степанида пытается навек приворожить Савву приворотным зельем, а Савва продает душу дьяволу, чтобы Степанида вновь полюбила его). «Разлучная сила» судьбы проявляется в том, что герои борются с мнимыми препятствиями (они не переставали любить друг друга). Творчество Ремизова — явление целостное в каких-то основных своих чертах; отзвук проблемы любви и воли находим в размышлениях героя из ранней повести Ремизова «Часы»: «Если полюбишь, а тебя не полюбят, ты погибнешь. А полюбить, значит, захотеть другого сделать своим, а другой-то остается все же сам по себе, отдаленно от тебя и видит, и слышит, и думает. . . не можешь ты быть целиком моею, и я этого не могу принять. . . А овладеть так человеком и уничтожить его — одно и то же».⁴¹

Сливаются лейтмотивы, знаками которых являются слова «любовь», «кровь», «неволя», и только после уничтожения свободы в любви Саввы и Степаниды, после обращения к насилию является в повести стихия бесовского, воплощение которой — бес Виктор Тайных.

Ремизовская переработка источника — в прямом смысле соединение противоположностей: точного скрытого цитирования; тончайшей переработки текста источника либо с сохранением старого смысла, либо с введением смысла противоположного; введения новых эпизодов с собственно ремизовским текстом; точного открытого цитирования со стилистическими указателями; наконец, введения данных или опущенных цитат из других древнерусских произведений с указанием, откуда цитируется, рассчитанным на знание древней литературы.

Изображение встречи Саввы и Виктора Тайных — пример совмещения различных приемов. Савва отдает за покорение воли Степаниды свою волю: «Я отдам все и вся, буду до смерти раб, будь то человек или сам дьявол, только б раз еще побыть с ней!».⁴² Ремизов составляет текст призывания дьявола из слов источника: «Егда бы кто от человек или сам диавол сотвори ми сие, еже бы паки совокупися мне з женой оною, аз бы послужил хотя диаволу».⁴³ Бес диктует Савве рукописание, текст которого у Ремизова состоит из точной цитаты («Отречися Христа истиннаго бога»⁴⁴) и добавления («ради моей любви»⁴⁵). Ремизовское добавление переставляет акцент в этой сцене, обращая внимание не на отречение Саввы, а на силу его любви. Бес у Ремизова завоевывает доверие Саввы своей философией жизни, близкой взглядам Саввы. Виктор Тайных делит всех людей на «дураков просто», «дураков набитых» и «царевичей». Слово-лейтмотив «царевич» впервые появляется в повести в обратном значении — «самозванец». Характерным для эпохи Смуты Ремизов считал то, что «повсеместно обнаруживались „царевичи“ и всякий вор зарился быть царем на Москве».⁴⁶ То, что Виктор и Савву относит к «царевичам», сразу же находит отзвук в Савве; недаром у него в детстве не было товарищей, а отец ласково называл его «царевичем». Отречение от бога — вот первый «царский» поступок Саввы, а второй — убийство Степаниды. После продажи души Савва ощущает, что его воля отныне ничем не стеснена. Он

⁴¹ А. М. Ремизов. Собр. соч. в 8 т., т. 2. СПб., 1910—1912, с. 115.

⁴² А. Ремизов. Бесноватые. . . , с. 23.

⁴³ М. О. Скрипиль. Савва Грудцын, с. 239.

⁴⁴ Там же, с. 240.

⁴⁵ А. Ремизов. Бесноватые. . . , с. 25.

⁴⁶ Там же, с. 12.

свободен от чар приворотной любви, в его воле прийти к Степаниде или отвергнуть ее. Савва считает, что он победил судьбу и бес Виктор стал его другом. Далее Ремизов вводит своего героя в царство Сатаны. При этом следует цитата из источника — приглашение беса спуститься в адское государство. Источник: «Аз убо сын царев. Поидем протчее, да покажу ти славу и могутство отца моего». ⁴⁷ Ремизовский текст: «Я сын великого царя, я царевич. Идем, я покажу тебе славу и могущество моего отца». ⁴⁸ В 1915 г. один из критиков писал, словно пророчествуя о бесовском царстве «Саввы Грудцына», что «в его (Ремизова, — А. Г.) аду не страшно, его бесы — юмористы». ⁴⁹ И, действительно, именно в аду — самом страшном, по мнению древнерусского книжника, месте — веселее, чем на земле, так что даже жуткий хохот Виктора там становится беззлобным смехом каламбуриста. В повествование врывается стихия комического. Носителями комического начала в произведениях Ремизова часто выступают черти. Такая трактовка черта имеет фольклорные истоки; недаром среди имен-эвфемизмов, которые произносились при желании избежать употребления слова «черт», были слова «шут», «шутник». ⁵⁰

После адской буффонады Ремизов вводит натуралистическую сцену убийства Степаниды. Савва продал душу за любовь, но Савва-«царевич» убил эту обретенную любовь. Не по своей «абсолютной» воле Савва совершает убийство, он ведь «раб», а его «друг» (бес) — настоящий «царевич». Только после смерти Степаниды Ремизов раскрывает смысл этого слова.

«Царевич» — неверующий, без души, духовно умерший. «Царевич» над «дураками» — сверхчеловек, нечеловек, бес. Здесь прослеживается связь с интерпретацией слова «бесы» у Достоевского. Ремизов в предисловии пишет: «Достоевский последний, у кого выступают черт и имя „бесы“. После Достоевского все бесы. . . разошлись. . . посмеиваясь над кичливым. . . человеком, который в с е с в о и ч е л о в е ч е с к и е м е р з о с т и (разрядка моя, — А. Г.) валил с больной головы на здоровую». ⁵¹ Ремизов, таким образом, указывает на два произведения Достоевского: «Братья Карамазовы» и «Бесы», — и этим дает неразвернутые сравнения, развернуть которые должен сам читатель. Не касаясь политической трактовки Достоевским бесов, писатель взял нравственный аспект проблемы. Для Достоевского в этом смысле «бесы» — люди, свободные от моральных преград, способные на убийство и кровь по совести. Бесовское заключено и в теории Ивана Карамазова о том, что, если бога нет, все дозволено. В годы работы над «Саввой Грудцыным» Ремизов много занимался Достоевским, и поэтому не случайно, что очень четкие связи прослеживаются между романом «Бесы» и повестью Ремизова. Линия Клина-царевича—самозванца—Саввы Грудцына и беса Виктора Тайных имеет много точек соприкосновения с линией Князя—принца Гарри—Ивана-царевича—грядущего Самозванца—Николая Ставрогина и его «беса» Петра Верховного. Итог «бесовского» и в романах Достоевского, и в «Савве Грудцыне» — убийство. Проблема влияния Достоевского на Ремизова и, конкретно, романов «Бесы» и «Братья Карамазовы» на повесть «Савва Грудцын» заслуживает детального анализа; в этой работе можно только отметить эту связь.

⁴⁷ М. О. Скрипиль. Савва Грудцын, с. 242.

⁴⁸ А. Ремизов. Бесноватые. . . , с. 28—29.

⁴⁹ В. Г. Голиков. Мравий прах, моля пыль в мастерской златобрильянтщика («Весеннее порошье»).— Вестник знания, 1915, № 12, с. 796.

⁵⁰ Э. В. Померанцев а. Мифологические персонажи в русском фольклоре. М., 1975, с. 132.

⁵¹ А. Ремизов. Бесноватые. . . , с. 9.

«Фантастический реализм» Ремизова проявляется в том, что образ Виктора Тайных является воплощением безудержного цинизма, и в том, что Виктор — настоящий бес, а Савва — лишь «самозванец». Савва постоянно не удовлетворен своим бесовством, даже тогда, когда вместе с Виктором пронесется по городам России, всюду сея семена безудержной «воли». Апофеоз этой «воли» — фантазмагорическая картина нравственного падения целого города Козьмодемьянска — апокалипсическое видение общества, утратившего старые нормы и зараженного нравственным нигилизмом.

Савва, принявший имя «Клим-царевич», сохранил в глубине души, хотя и проданной, но еще не мертвой, и любовь, и, по Ремизову, самое главное человеческое — совесть. Художественное значение его встречи с Семей Юродивым — Семеном Летопроводцем — это произвигшая Саввино сердце память об убийстве. Бес отвращает Савву от юродивого, говоря, что тот разрушает «лепоту мира». Ремизов показывает столкновение нравственно-философских взглядов беса и юродивого. Бес считает, что, если не будет понятия «грех», то не будет и самого «греха». Другая точка зрения: в человеке должен внезапно забить «прозрачный источник» и напомнить о содеянном, чего бы это ни стоило. С этого момента бес и юродивый борются за Савву. В художественном плане это фантастическое отражение борьбы противоположных начал в душе Саввы.

Ремизов вводит в повествование два сна Саввы. Сны в произведениях писателя всегда значимы. В повести два сна — видения Саввы (в источнике имеется одно видение Саввы) — это сны-притчи, вставленные в повествование. Первый сон — надежда на избавление, второй сон — обещание избавления.

Военная карьера Саввы, подвиги под Смоленском — все это «физический» рост (слава, карьера) без роста духовного. И здесь впервые появляется взятая в кавычки цитата из источника, но использованная с особой целью. Описание страшного великана, побежденного Саввой, сопровождается указанием псевдоисточника: «... и летопись пишет»,⁵² а вторая аналогичная цитата — в описании батюшки Варнавы — также сопровождается ремаркой «говоря по-книжному».⁵³ Древнерусская повесть, как отмечал М. О. Скрипиль, была соединением различных стилиевых пластов. Ремизов стилистическими пометами указывал на использование им разных пластов источника.

Легкость военной карьеры, а потом, в Москве, тайные приготовления Виктора чуть ли не к совершению дворцового переворота в пользу Саввы — все убеждает, что на свете можно жить с мертвой душой и живым телом. Но «не только душой замыкается состав живого существа», «расстройство души, запроданной или свободной, открывает путь тому, что над душою, высшему души, духу человека».⁵⁴ В глубину своей совести Савва заглядывает на исповеди, текст которой Ремизов дает как прямой лирический поток слов без всяких знаков препинания. Савва судит сам себя, обращаясь к Степаниде, и приговор его совести таков: содеянное никогда не будет забыто, но он совершил убийство, потому что любил, и душу продал, потому что любил, и каяться ему не в чем, так как «любовь безгрешна».⁵⁵ Бес оценивает случившееся с иной точки зрения. Ремизов — парадоксалист, так как именно бес защищает старую церковную мораль. По Виктору, Степанида пожертвовала «грехом» (любовью)

⁵² Там же, с. 46.

⁵³ Там же, с. 50.

⁵⁴ Там же.

⁵⁵ Там же, с. 53.

ради спасения души. Снова сталкивается старая мораль, но уже с новой моралью, установленной человеком самим для самого себя. Истинность новой человеческой морали подчеркнута у Ремизова тем, что Степанида, а не Богородица, как в древнерусской повести, прощает Савву и этим помогает его спасению от бесов. В церкви на героя падает сверху чистый лист бумаги, и Савву зовет с собой Сема Юродивый — Семен Летоприводец. Савва вместе с юродивым уходит неизвестно куда. В конце ремизовской повести нет той определенности источника, где герой «немного дней помедливше. . . восприят монашеский чин, и благодарив пресвятую Богородицу. . . преставися, ко господу душу предаде. . . Аминь».⁵⁶ У Ремизова чистый лист бумаги — это прощение за прошлое, освещенное огнем великой любви, но одновременно это — ч и с т ы й лист, начало какой-то другой жизни, о которой другой сказ.

«Соломонией и Грудцыным открывается моя повесть о любви. . . Они не только меня занимали, — но и всю Московскую Русь. В повести „Савва Грудцын“ (кроме основной темы о любви) я также даю образ бесовского „приятеля“ и юродивого, победившего природу. . . Я сохраняю XVII век».⁵⁷ В этом определении Ремизова — основная черта повести: совмещение современности и XVII в.

Человеческая совесть, по представлениям людей средневековья, часто воплощалась в юродивых. А. М. Панченко пишет, что «в агиографии эти черты выражаются в формуле, определяющей активную сторону юродства: „. . . ругаться суетному и горделивому миру“. Поругание мира — это, в широком смысле, забота о нравственном здоровье людей».⁵⁸

Одним из значений образа беса в средневековой литературе, особенно актуальным для России XVII в., было то, что «бес» — это персонификация судьбы, но уже не судьбы рода, а личной трагической судьбы отдельного человека.

XVII век, Смута, по Ремизову, — «революционное время», когда старая жизнь и ее догмы уже не удовлетворяют людей. Человек выделяется из иерархии коллектива, но с большей свободой приходит и большая личная ответственность человека за свои поступки, так как желание «воли» может породить и «сверхчеловека», утверждающего свою эгоистическую волю путем подавления свободы других людей, «царевича», властвующего над толпой «дураков просто» и «дураков набитых», — это проблемы и XX в. «Полная свобода» — это то мрачное «бесовство», против которого в XIX в. страстно выступал Достоевский.

Человек у Ремизова — не бес и не ангел, он способен и на убийство, и на великую — до потери души — любовь. В мире много жестокого, страшного, но есть и добро, и любовь, а человек в этом мире — не игрушка злых сил, всесильной судьбой освобожденная от ответственности. Каждый герой Ремизова, «захлебываясь», идет «своей волей открыто на свою судьбу».⁵⁹

Анализ повести Ремизова показывает, что писатель в своем пересказе решает отнюдь не только чисто «декорационные задачи». Этот пересказ является одновременно воссозданием, по Ремизову, протооригинала рассказа об «истинном» событии. Ремизов воскрешал многие приемы творчества древнерусских писателей. Он ставил перед собой задачу воссозда-

⁵⁶ М. О. С к р и п и л ь. Савва Грудцын, с. 265.

⁵⁷ Кодрянская, с. 114.

⁵⁸ А. М. П а н ч е н к о. Юродство как зрелище.— ТОДРЛ, т. XXIX. Л., 1974, с. 146.

⁵⁹ А. Р е м и з о в. Мелюзина и Брунцвиг. Париж, 1952, с. 67.

ния «народного мифа», выполнить которую в состоянии лишь коллективное преемственное творчество не одного, а ряда поколений, и поэтому считал своим долгом не следовать традициям русской литературы нового времени, так как, по его мнению, только при этом условии «может открыться выход к плодотворной значительной работе из одинокого творчества, пробавляющегося без истории, как попало, своими средствами из себя, а попросту из ничего, и в результате — впустую».⁶⁰

Ремизовская повесть «Савва Грудцын» не только представляет самостоятельную художественную ценность, но и во многом помогает восприятию ее источника — повести XVII в. В то же время только в сравнении с древнерусской литературой возможно плодотворное изучение большинства произведений Ремизова, причем не только «стилизационных».

⁶⁰ А. Ремизов. Письмо в редакцию 29 августа 1909 г., с. 147.

В. П. БУДАРАГИН

Северодвинская рукописная традиция
и ее представители

(По материалам Древлехранилища Пушкинского Дома)

В. И. Малышев впервые показал на материале Печорского собрания, какие богатые возможности дают территориальные собрания рукописей для воссоздания и изучения историко-культурного прошлого того или иного района. Его книга «Усть-цилемские рукописные сборники XVI—XX вв.» остается уникальным образцом археографического исследования и является своего рода памятником крестьянской культуре Печорского края. Наша статья не претендует на полноту характеристик. Это всего лишь краткий обзор материалов, которыми располагает Древлехранилище Пушкинского Дома для изучения еще одного очага крестьянской культуры на русском Севере.

Рукописи с Северной Двины стали группироваться в Древлехранилище по территориальному принципу с 1957 г. Первые находки были сделаны в Красноборском районе и стали основой Красноборского территориального собрания. Сейчас это собрание насчитывает 165 рукописей XVI—XX вв. Сплошное археографическое обследование Северной Двины началось, однако, только десять лет спустя, в 1967 г., студентами филологического факультета Ленинградского университета под руководством Н. С. Демковой. Поиски рукописей велись по деревням на всем протяжении Северной Двины и поступали в Северодвинское территориальное собрание. С 1972 г. археографические экспедиции Пушкинского Дома продолжили эту работу преимущественно в Верхнетоемском и Виноградовском районах. В Северодвинском собрании хранится теперь 401 рукопись XV—XX вв. В 1971—1972 гг. в Древлехранилище из с. Борок на Северной Двине поступила библиотека В. М. Амосова—А. Ф. Богдановой. В состав этой библиотеки входит 201 рукопись XV—XX вв., и большая часть их, без сомнения, является продукцией местных переписчиков. Таким образом, для изучения северодвинской рукописной традиции мы можем привлечь в настоящее время 767 рукописей XV—XX вв.,¹ не считая единичных рукописей фонда отдельных поступлений.

¹ А. М. Панченко. Отчет об археологической экспедиции в Красноборский район Архангельской области и г. Тотму Вологодской области в 1960 г.—ТОДРЛ, т. XVIII. М.—Л., 1962, с. 426—431; Н. С. Демкова. Рукописи с Двины и Пинеги.—ТОДРЛ, т. XXV. М.—Л., 1970, с. 330—332; см. также отчеты об экспедициях филологического факультета ЛГУ совместно с Пушкинским Домом в 1970—1974 гг. на Северную Двину в последующих (XXVI—XXXI) томах ТОДРЛ и в работах: В. И. Малышев. Древнерусские рукописи Пушкинского Дома. М.—Л., 1965, с. 56—57; Новые поступления в собрание древнерусских рукописей Пушкинского Дома.—РЛ, 1968, № 2; 1969, № 2; 1970, № 1; 1971, № 1; 1972, № 2; 1973, № 2;

Рукописи, представленные в этих собраниях, не только дают богатый материал по истории старообрядчества на Северной Двине, они интересны прежде всего как памятники местной книжной культуры, образцы мастерства северодвинских писцов, художников, переплетчиков. Есть полное основание говорить о единой северодвинской рукописной традиции для сел и деревень значительной по протяженности территории, от Красноборска до Двинского Березника, об отдельных представителях северодвинской книжности, не возводя, однако, их творчества в ранг местных школ и направлений. Рукописи XVIII—XX вв., которые найдены в этом районе и которые мы относим к местной традиции, представляли собой как бы единый читательский фонд книжников этого района. Переписанные в Пучуге или Тойме, рукописи путешествовали по деревням вверх и вниз по Двине, а потом, к примеру, попадали в библиотеку В. М. Амосова. Отсюда их выдавали читателям в ближние и дальние села, они снова были в обращении.

Переписчики и художники, как правило, знали друг друга, иногда конкурировали, иногда учились один у другого. И в их продукции неизбежно запечатлевались какие-то общие черты (характер почерка, колорит заставок и миниатюр), свойственные только северодвинским рукописям. Авторитетные книжники полемизировали в своих сочинениях по вопросам веры, но материал их полемик был преимущественно местный, не выходил за пределы указанного района.

Собирание сведений о переписчиках рукописей на местах и сопоставление их с указаниями самих рукописей позволило выявить более двух десятков имен крестьян, занимавшихся книжным ремеслом на Двине с конца XVIII в. до 20-х гг. нашего столетия. К сожалению, какие-либо биографические данные о большинстве из них отсутствуют, а воспоминания местных жителей часто бывают противоречивы. Не всегда можно с точностью указать и место их жительства. Есть иногда устные указания на переписчиков, но установить, какие рукописи принадлежат их письму, не представляется возможным. Так, известно, что П. М. Амосова (1876—1967) не только занималась росписями прялок, граблей, туесов, но и переписывала певческие рукописи. Однако указать, какие рукописи она переписывала, можно пока только предположительно.

Ниже предлагаются краткие сведения об известных нам представителях северодвинской рукописной традиции в алфавитном порядке их имен. Одни имена уже встречались в отчетах об археографических экспедициях, другие выявлены совсем недавно. Но именно эта разрозненность источников и побудила нас к тем предварительным обобщениям, которые предлагаются ниже.

Вирулин Степан. Сохранилась только одна рукопись в колл. Амосова—Богдановой (далее: Ам.—Богд.), № 112, под названием «Странническа» («проба пера» 1877 г.). Имя переписчика указано в тетради учета и выдачи книг библиотеки В. М. Амосова (Ам.—Богд., № 182, л. 120).

Вежливцев Василий Степанович. Евангелие учительное его письма в Северодвинском собрании (далее: Сев.), № 295, датировано 1879—1880 гг. Жил в с. Афанасьевское (д. Власьевская), переписывал книги, писал иконы. В Красноборском собрании (далее: Красн.) сохранилось его письмо П. Ф. Шестакову (№ 136), где он сообщает об отправке икон

1974, № 1; 1975, № 4; Л. И. С а з о н о в а. Северодвинская крестьянская библиотека.— Памятники культуры. Новые открытия. Ежегодник. 1974. М., 1975, с. 162—167; Н. Н. К у д р я в ц е в а, Е. П. С е м е н о в а. Крестьянская библиотека на Северной Двине в конце XIX—начале XX века.— В кн.: Проблемы комплексного изучения Северо-Запада РСФСР. Л., 1972, с. 26.

в Москву с В. М. Амосовым и сетует на Е. И. Меньшикова за то, что тот перехватил заказ, адресованный ему из Перми.

Колодкин Иван Филиппович. Умер в 1834 г. Автор полемиического сочинения «Утверждение пустынного жительства», писец, художник, переплетчик, иконописец. Жил в с. Пучуга. Рукописи, им переписанные (Ам.—Богд., № 41; Сев., № 250—252, 259, 362, 365), орнаментированы и украшены миниатюрами его работы. Писал полууставом и скорописью. Запись конца XIX в. о нем сохранилась на вклейке его автографа (Ам.—Богд., № 41, л. 53) и принадлежит, очевидно, какому-то выходцу из Тарноги, так как почерк этот встретился нам дважды в рукописях, привезенных из этого района (Вологодское собр., № 61, л. 98—99 и колл. Каликина, № 62).

Копылов Тимофей. «Страдание старообрядца Копылова» и повесть о Еруслане Лазаревиче переписаны им в начале XIX в. (Красн., № 4—5).

Королев Федор Андреевич. Жил в с. Нижняя Тойма (д. Наволоцкая). Лицевой сборник, им переписанный и иллюстрированный в 1910 г. (Сев., № 231), и сведения о писце поступили в собрание от нижнетоемского краеведа С. Г. Третьякова.

Кузнецов Федор Петрович. Писец и рисовальщик, жил в с. Пучуга. Один из двух сборников его письма имеет пометы типа «проба пера» с датами 1838 и 1844 гг. (Сев., № 249, 253).

Кузнецов Филипп Федорович. Сын Ф. П. Кузнецова, жил тоже в Пучуге. Переписанный им Устав о христианском житии (Сев., № 339) датирован 1873 г. Кузнецовы известны своими росписями прялок.

Меньшиков Егор Игнатьевич (1866—1930). Проживал в с. Нижняя Тойма (д. Аввакумовская). Был широко известен на Двине как мастер по росписям прялок, иконописец, писец, реставратор и переплетчик рукописей. К сожалению, с уверенностью говорить о его рукописной продукции пока рано. Мы располагаем лишь небольшим текстом, переписанным небрежным полууставом (Ам.—Богд., № 155), и образцами его скорописи (Красн., № 136). Н. В. Тарановская видела когда-то в доме у П. Ф. Амосовой певическую рукопись, украшенную Меньшиковым (один из инициалов был подписной), но в коллекции Амосова—Богдановой этой рукописи не оказалось. Меньшиков был связан с П. Ф. Шестаковым и особенно тесно с В. М. Амосовым, выполняя московские заказы. Пользовался библиотекой Амосова (Ам.—Богд., № 157, л. 105). Советы и рецепты «Егора Игнатьевича» встречаются в записных книжках В. И. Третьякова. Сохранилась фотография Меньшикова в расписанной им самим рамке (Сев., № 178).

Останин Максим Матвеевич. В рукописях упоминается как «инок Козма». Автор полемических сочинений, писец, переплетчик последней четверти XIX—начала XX в. Жил в с. Борок, бывал в Москве. Имел постоянный доступ к библиотеке В. М. Амосова, очень многие рукописи и книги содержат его пометы и комментарии. Писал изящным полууставом, реже скорописью (Ам.—Богд., № 109). Рукописная продукция его значительна (Ам.—Богд., № 107, 130, 131, 145, 148, 156; Сев., № 174, 287). По книжным вопросам общался с Е. И. Меньшиковым.

Пластинин Федор Егорович. Рукопись, содержащая Устав о христианском житии, была переписана им в 40-х гг. XIX в. Привезена из с. Борок.

Сметанин Федор Матвеевич. Переписывал преимущественно «четыре» книги, некоторые иллюстрировал рисунками пером. Жил в д. Суковская. Сейчас выявлено пять рукописей его письма, одна из которых датирована 1872 г. (Красн., № 8, 16; Ам.—Богд., № 121, 124; ОП 24, № 13). Все они написаны полууставом.

Стуков Иван. Сборник, переписанный им в 1799 г., был найден в с. Вершина. В сборнике имеется несколько рисунков, не связанных с текстом. Почерк полууставной, небрежный.

Точилов Иван Семенович. Писец, переплетчик, художник. Жил в с. Топса. Прекрасный образец его мастерства представляют Святцы, переписанные четким полууставом, украшенные подписными заставками и переплетенные в 1879 г. (Сев., № 214). Значительно полнее (15 книг) сохранились его переплетные работы, не отличающиеся большим разнообразием рисунков тиснений, но выполненные профессионально. На форзаце одной из книг (Ам.—Богд., № 34) имеется запись о переплете 1869 г.

Третьяков Василий Иванович (1868—1930). Жил в с. Н. Тойма (д. Великий Двор). Известен своими росписями прялок. Переписывал, иллюстрировал и переплетал книги, писал иконы. Лучший пример его книжного мастерства — лицевые Страсти Христовы начала XX в. (Сев., № 353). Имел пристрастие к перу, вел дневники и записные книжки, часть которых сохранилась. В его архиве есть эскизы росписей прялок, рецепты, прориси икон, рисунки, списки духовных стихов и др. (Сев., № 222, 282, 292, 308, 309, 352, 388, 396, 397). Для тиснения рисунка на переплете иногда пользовался инструментом, изготовленным из оленьего рога (Сев., № 311). Часть прорисей и рисунков в его архиве принадлежала И. П. Бурмагину.

Третьяков Иван Никитич. Сначала жил в скитах выше по реке Н. Тойме, потом переехал в село. Родной дядя В. И. Третьякова, обучал его книжному ремеслу. Переписанный им в 70—80-х гг. XIX в. сборник (Сев., № 304) содержит, в частности, северную переработку Повести о царе Аггее и список Повести о царевне Персике.

Шарапов Степан Кузьмич. Писец и художник. Лицевые Страсти Христовы (Красн., № 51) его работы были привезены из с. Черевково, вторая рукопись сохранилась в колл. Амосова—Богдановой (№ 96) и датирована 1908 г.

Шестаков Кондратий Захарович. Известно, что родился в 1798 г., а в 1821—1825 гг. служил в Петербурге в комиссионерном батальоне. Жил в д. Изосимово Белослудского стана (теперь Красноборский р-н). Переписанные им в 1817 или 1818 г. (даты от сотворения мира и рождения Христова по сентябрьскому году не совпадают) Святцы приплетены к печатному Катехизису, купленному в Архангельске в 1817 г. Начало года по этим Святцам исчисляется с марта. Сохранились в колл. Амосова—Богдановой (№ 172).

Шестаков Николай (Стефан) Прокопьевич. Сын П. Ф. Шестакова, жил в д. Изосимово. Один из последних иконописцев и книжных умельцев на Северной Двине. Имя его известно исследователям с 1960 г. Сохранился целый ряд рукописей и рисунков пером и в красках, выполненных им в конце XIX—первой трети XX в. (Красн., № 20, 83, 84, 139). Особый интерес представляет архив Шестакова (Красн., № 136), содержащий большое количество ценнейших материалов по истории местной культуры на рубеже XIX—XX вв. Известны полууставной и скорописный его почерки. Письма его, как правило, украшены изящными буквицами. В одном из писем просит отца прислать инструменты для тиснения переплетов.

Шестаков Прокопий (Василий) Фомич. Чаще известен в источниках как «инок Варсонофий». Жил в д. Изосимово, в Москве и Кимрах. Через него осуществлялись связи большинства северодвинских мастеров с иногородними заказчиками. В архиве его сына (Красн., № 81, 136) сохранилась и часть его собственного архива. Для его переписки с сыном характерна частая смена имен. В письмах, адресованных П. Ф. Шестакову,

представлен широкий круг лиц и вопросов, волновавших старообрядцев Северной Двины на рубеже веков. Занимался ли он сам переписыванием рукописей, сказать пока трудно, но полууставной почерк встречается в его письмах.

Шестаков Феоктист Захарович. В 1827 г. переписал Житие Андрея Юродивого (Ам.—Богд., № 63). На рукописи сохранилась позднейшая карандашная запись Фомы Захаровича Шестакова о передаче книги сыну, Прокопию Фомичу. Возможно, что им был переписан сборник из Красноборского собрания (№ 7).

Как видно из приведенных выше материалов, северодвинские переписчики часто выполняли сами все виды работ, связанные с оформлением рукописей. Многие их рукописи украшены миниатюрами и орнаментом, причем очень уверенного рисунка и характерного местного колорита. Одни и те же лица могли заниматься книжным ремеслом, росписями, писать иконы. Среди представителей северодвинской рукописной традиции прослеживаются целые династии переписчиков, передававших свое мастерство из поколения в поколение. Некоторые рукописи являются автографами местных старообрядческих авторов.

Список можно будет продолжить: дальнейшие экспедиционные и архивные разыскания безусловно выявят новые имена северодвинских книжников. Однако и те сведения, которыми мы располагаем на сегодняшний день, позволяют сделать вывод о непрерывности и высоком уровне северодвинской рукописной традиции, о ее тесных связях с народным прикладным искусством. Можно предполагать, что какие-то имена, зафиксированные нами в рукописях XIX—XX вв., обнаружат себя и в более ранние исторические периоды.

О. А. БЕЛОБРОВА

К истории библиотеки патриарха Адриана

В 1976 г. в Древлехранилище (ИРЛИ) поступила рукопись последней четверти XVII в. под названием «Театрум света всего, на котором Азия, Европа, Африка и Америка, народов, стран, мест и государств правы, богатства и иные приметы выставлены, по-влоску Яном Бонесом описаны, а после со влоского на польской язык на утеху людем и для ведомости речей о всем въпрямь вобще, что на свете делается, чрез велебнаго (так!) отца Леонтия законников отцов Вернадынов верне вытолмачены и в печать поданы. || А ныне сызнова на свет в Кракове в печатном дворе дедичества Станислава Ленчевскаго Бертutowича вторицею 1659-го году выданы».¹ Рукопись в лист, писана полууставом, переходящим в скоропись, с киноарными заголовками, в четырех томах, в переплетах новейшего времени (т. I — 148 л., т. II — 145 л., т. III — 117 л., т. IV — 136 л.). В т. I имеется вставка (л. 3—5 об.), писанная другим почерком, с лицевыми изображениями двенадцати знаков Зодиака в красках, имеющая самостоятельное происхождение.² На л. 2 того же тома читается запись: «Книга сия преосвященнейшаго Адриана митрополита Казанскаго и Свияжскаго, келейная». Для датировки рукописи существенно указание после посвящения книги ротмистру Собескому: «...писан на Москве в лето 7189-го году» (т. I, л. 10).

А. И. Соболевский,³ располагавший копией именно этого списка (ГБЛ, собр. Румянцева, № 20, 1764 г.⁴), предположил, что 1681 г., указанный в рукописи, — это год перевода польского оригинала. Всего А. И. Соболевский различал три перевода данного сочинения, названного им Космографией Ботера: два — выполненных неизвестными лицами (один с краковского издания 1659 г. с датой списка или перевода 1681 г.; другой, сохранившийся в извлечениях, — ГБЛ, собр. А. Н. Попова, № 13/2423, XVII в.,⁵ имеющий «значительные отличия в тексте») и третий, сделанный кн. М. Кропоткиным в 1690—1691 гг. (ГБЛ, собр. Пискарева, № 608;⁶

¹ ИРЛИ. Древлехранилище имени В. И. Малышева, оп. 23, № 263, л. 1—1 об.

² Статья, по-видимому перевод с польского, озаглавлена: «Знаки царств и мест и украин, которые под которым знаменем небесным дванадцати зодии лежат». См.: А. И. С о б о л е в с к и й. Переводная литература Московской Руси XIV—XVII веков. СПб., 1903, с. 144—146.

³ Там же, с. 56—57.

⁴ А. Х. В о с т о к о в. Описание русских и словенских рукописей Румянцевского музеума. СПб., 1842, с. 22.

⁵ Отчет Московского Публичного и Румянцевского музеев за 1879—1882 гг. М., 1884, с. 6, № 13 (2423).

⁶ А. Е. В и к т о р о в. Каталог славяно-русских рукописей, приобретенных Московским Публичным и Румянцевским музеями в 1868 г. после Д. В. Пискарева. М., 1871, с. 44—45, № 173.

он дошел в единственном списке). К переводу 1681 г. А. И. Соболевский относил также списки ГИМ, собр. Уварова, № 1737, конец XVII в.⁷ и, очевидно, ГБЛ, собр. Ундольского, № 1112, XVIII в. М. Н. Сперанский отметил еще один список в собр. Забелина.⁸

И. А. Шляпкин считал 1659 г. годом древнерусского перевода Космографии Ботера на основании описания еще одного списка, к сожалению, ныне не существующего — из собрания проф. Баузе: «Театрон, или Всеобщая География Ботера Бенезиуса, с польского перевод 1659 года, принадлежавший думному дворянину Андрею Яковлевичу Дашкову, в четверку».⁹ Указание составителя каталога на 1659 г. относится скорее всего к дате польского издания, а не к переводу с него. Владелец списка А. Я. Дашков стал думным дворянином только с 1683 г.; в 1658—1663 гг. он, будучи воеводой и судьей, служил в Чернигове, Владимире, Астрахани.¹⁰ Известна еще одна рукопись, имевшая сходную подстрочную запись: «Книга думного дворянина Андрея Иаковлевича Дашкова» — Новый летописец.¹¹ Таким образом, мы располагаем сведениями о восьми древнерусских списках Космографии Ботера, из которых два датируются XVIII в. и только два известны по своей принадлежности — А. Я. Дашкову и митрополиту Адриану.

Среди иностранных изданий, находившихся в книжных собраниях Москвы второй половины XVII в., в числе книг, которыми в 1677 г. «поступился» некий «старец Ефимей в казну великаго государя безденежно», названа «Книга описание вселенныя Яна Ботера, на польском языке, в полдестъ, дана 2 рубли».¹² Хотя И. А. Шляпкин утверждал, что боярину А. С. Матвееву также принадлежала польская книга Ботера, это недоразумение: вслед за Д. В. Цветаевым¹³ он смешал книги, принадлежавшие А. С. Матвееву (по описи 1677 г.), и книги, вятые из Верхней типографии в Посольский приказ в 1684 г. Сопоставление документальных данных, опубликованных С. А. Белокуровым, показало, что в 1684 г. в Посольский приказ среди польских изданий была передана Книга Ботера, в полдестъ.¹⁴ В описях иноязычных книг 1773 и 1784 гг. это сочине-

⁷ Леонид, архим. Систематическое описание славяно-российских рукописей собрания А. С. Уварова, ч. III. М., 1894, с. 313, № 1737. Об этой же рукописи см.: П. М. Стрелев. Рукописи славянские и российские, принадлежащие И. Н. Царскому. М., 1848, с. 190, № 222; П. П. Пекарский. Наука и литература в России при Петре Великом, т. I. СПб., 1862, с. 337—338.

⁸ М. Н. Сперанский. Собрание рукописей И. Е. Забелина. — В кн.: Отчет ГИМ за 1916—1925 гг. М., 1926, Приложение II, с. 13.

⁹ См.: И. А. Шляпкин. Св. Димитрий Ростовский и его время (1651—1709 гг.). СПб., 1891, с. 83; В. Н. Каразин. Каталог славяно-российским рукописям, погибшим в 1812 г., профессора Баузе. — ЧОИДР, 1862, № 2. Смесь, с. 73.

¹⁰ В. В. Румель и В. В. Голубцов. Родословный сборник русских дворянских фамилий, т. I. СПб., 1886, с. 225—226, № 27.

¹¹ А. В. Селиванов. Краткое описание рукописей, принадлежащих Рязанской ученой архивной комиссии. — Труды Рязанской ученой архивной комиссии за 1892 год, т. VII. Рязань, 1893, с. 49 (установлено по картотеке акад. Н. К. Никольского). Известен еще сборник (ГПБ. Q.IV.374), содержащий Сказание о Казанском царстве и Сказание о Мамаевом побоище, XVII в., с выскобленной владельческой записью, из которой уцелело имя «столика Андрея... сына Дашкова» (см.: Отчет имп. Публичной библиотеки за 1891 г. СПб., 1894, с. 142—143).

¹² А. А. Покровский. Древнее Псковско-Новгородское письменное наследие. Обзорные пергаменных рукописей Типографской и Патриаршей библиотек в связи с вопросом о времени образования этих книгохранилищ. — Труды пятнадцатого археологического съезда в Новгороде, т. II. М., 1916, с. 297; Приложение, с. XXV.

¹³ Д. В. Цветаев. К истории культуры в России в XVI и XVII вв. — Филологические записки, Воронеж, 1890, вып. 1, с. 14; И. А. Шляпкин. Св. Димитрий Ростовский и его время... с. 74—76.

¹⁴ С. А. Белокуров. О библиотеке московских государей в XVI столетии. М., 1898, с. 79, № 229.

ние фигурирует то как «География», то как «Яна Ботера реляции повседневные» с датами издания — 1608 и 1659 гг.; отмечено и состояние одного экземпляра: «. . . книга весьма ветха».¹⁵ Французская переработка труда Ботера, исполненная д'Авити (*Les Etats, Empires, Royaumes et Principautez du monde. A Genève, 1665*), также названа в описях.¹⁶ Среди иноязычных книг, находившихся в библиотеках Москвы, мы не находим оригинала Космографии Ботера — ее итальянских изданий: *Delle Relazioni universali di Giovanni Botero Benese*. Это сочинение было создано Джовани Ботеро (около 1533—1617) в конце XVI в.; первые два издания его, римские, относятся к 1592 и 1595 гг.; третье издание, венецианское, датируется 1602 г. Труд Дж. Ботеро выгодно отличается от традиционных Космографий (Ортелиа, Меркатора и др.) четким построением книги и интересом автора к государственному устройству описываемых им стран. Перед нами оригинальное произведение политико-географического жанра, оказавшее значительное влияние на современников и неоднократно переведившееся на немецкий, латинский, французский, голландский, польский и другие языки.¹⁷

Таким образом, древнерусские переводы, сколько бы их ни было, очевидно, связаны с польскими, точнее краковскими изданиями. Пространное название списка ИРЛИ отсылает читателя к изданию 1659 г.¹⁸ Сочинение в целом переведено весьма тщательно; А. Х. Востоков, знавший этот текст по копии XVIII в., удивлялся, что переводчик не внес никаких изменений, например, в главу, посвященную Московии.¹⁹ Экземпляр ИРЛИ представляется беловым — по формату рукописи, по характеру переписки, наконец, по наличию элементов украшения (гравированные заставки и рисунки пером — знаки Зодиака — с раскраской, возможно, более поздней).

Хотя данный список имеет указание на место и время его исполнения (или перевода?), остается неизвестным, кто был заказчиком, переводчиком и писцом. Владельческая запись о принадлежности книги, как келейной, митрополиту казанскому и свияжскому Адриану могла быть сделана не раньше 1686-го и не позднее 1690 г.²⁰ Стало быть, либо переписанная в 1681 г. книга перешла в собственность Адриана в бытность его митро-

¹⁵ Там же, Приложения, с. СССХХI, № 24; с. CDXXXII, № 50; с. CDXXXIII, № 60, 61.

¹⁶ Там же, с. СССХVI, № 10.

¹⁷ А. И. Соболевский (Переводная литература. . . , с. 56—57) называет два польских издания, 1609 и 1659 г.; об итальянском оригинале сообщал еще в 1842 г. А. Х. Востоков (Описание русских и словенских рукописей. . . , с. 22—23). Э. Вреден (Государствоведение Сансовино и всемирные реляции Ботеро. СПб., 1866), упоминая множество переводов на европейские языки, не называет ни польского, ни древнерусского.

¹⁸ *Theatrum świata wszytkiego, na którem Europa, Asia, Afryka i Ameryka, także narodów, krajów, miast, nacji obyczaje, bogactwa i inne przymoty są wystawione, po włosku naprzód przez Jana Botera Benesiusa opisane. W Krakowie. . . , 1659.* Нами привлекался экземпляр из библиотеки Петра I (БАН, РО, инв. № 162. П. I. ин.) с подстрочной записью: «Сия книга куплена в Кракове, дана три талера 1709 году декабря в 28».

¹⁹ А. Х. Востоков. Описание русских и словенских рукописей. . . , с. 22.

²⁰ Адриан был митрополитом казанским и свияжским с 21 марта 1686 г. по 24 августа 1690 г. См.: П. М. Строев. Списки иерархов и настоятелей монастырей Российской церкви. СПб., 1877, стб. 166. В 1690-е гг. Адриан, тогда уже патриарх, получил пытые изделия (два омофора и скрижали на мангию) из мастерской жены стольника И. В. Дашкова Анны Алексеевны, причем представителем последней «в сношениях с патриаршим домом являлся сам стольник» (И. Е. Забелин. Домашний быт русских царей. Изд. 3-е. М., 1901, с. 557). Иван Васильевич Дашков приходился племянником упоминавшемуся выше Андрею Яковлевичу Дашкову (В. В. Румель и В. В. Голубцов. Родословный сборник русских дворянских фамилий, с. 228, № 42, 43 или 44). Трудно сказать без дополнительных розысков, существо-

политом, либо это сочинение с неизвестного нам списка 1681 г. для него между 1686—1690 гг. было заново набело переписано. Во всяком случае упоминание печатной польской книги Ботера под 1677 г. в описи 1679 г., связанной с Печатным двором, и факт передачи аналогичного экземпляра из Верхней типографии в 1684 г. указывают на проникновение этого труда в различные сферы литературного, переводческого и печатного дела Москвы последней трети XVII в.

Установление истории данной рукописной книги, очевидно, еще дело будущего. Этот вопрос неотделим, по-видимому, от исследования истории древнерусских переводов польских изданий труда Дж. Ботера или Яна Ботера. Немаловажно разобраться и в том, какова была келейная библиотека Адриана. Остановимся в настоящей заметке на этой более скромной задаче.

В описях начала XVIII в. сохранился известный перечень — «Книги, которые после святейшаго Адриана патриарха отданы в ризницу», — из тринадцати названий.²¹ Эти книги издавна повелось считать личной библиотекой последнего патриарха²² или хотя бы уцелевшей ее частью.²³ Судя по картотеке акад. Н. К. Никольского и по некоторым другим данным, Адриану при жизни принадлежало немало рукописных и печатных книг — сначала как архимандриту Чудова монастыря (1678—1686 гг.), затем как митрополиту казанскому и свияжскому (1686—1690 гг.) и, наконец, как патриарху (1690—1700 гг.).²⁴

Как показывают владельческие, вкладные и дарственные записи, среди всех этих книг были келейные, собственно и составлявшие библиотеку Адриана. Часть их оставалась у владельца до самой смерти; некоторые келейные книги Адриан дарил или отдавал еще при жизни. Кроме того, Адрианом в силу его положения отсылались печатные издания и списки богослужебных книг в различные монастыри и храмы Московской Руси и даже за ее пределы (ниже мы коснемся этого лишь отчасти).

Как читатель Адриан, видимо, пользовался не только своими книгами и обращался порой к другим библиотекам. В числе оставшихся после патриарха книг оказалась, например, подлинная грамота — «Книга греческая Поставление Иова патриарха, писменная, в десть, в коже красной»,²⁵ которая была взята, по-видимому, для справок, понадобившихся Адриану. Любопытно, что официальная дата поступления этого важного документа в Патриаршую библиотеку не была известна даже Савве.²⁶ Весьма возможно, что грамота-хрисовул 1593 г., впервые взятая из царской сокровищницы на церковный собр. 1666 г., вошла в состав патриаршего собрания только с 1700 г., после смерти Адриана.

вала ли связь между семьей Дашковых и Адрианом в его «допатриарший» период и касалась ли она библиофильских интересов. Во всяком случае приведенные факты более позднего времени не следует упускать из виду.

²¹ См.: Описание Патриаршей библиотеки 1718 г. — Русский архив, 1864, Приложение, стб. 47—48; Опись 1701 г. с отметками осмотра в 1721 г. — В кн.: А. Е. В и к т о р о в. Описание записных бумаг и старинных дворцовых приказов 1613—1725 гг., вып. 2. М., 1883, с. 636.

²² Г. А. Скворцов, например (Патриарх Адриан. — Православный собеседник, 1913, май, с. 764), видел здесь «перечень книг, бывших в кабинете патриарха».

²³ С. П. Л у п о в. Книга в России в XVII веке. М., 1970, с. 139—140.

²⁴ П. М. Стр о е в. Списки иерархов и настоятелей монастырей Российские церкви, стб. 8, 166, 288—289; РО БАН, картотека акад. Н. К. Никольского, ящик 100, карточки L683—L700.

²⁵ См.: В л а д и м и р, архим. Систематическое описание рукописей Московской Синодальной (Патриаршей) библиотеки, ч. I. Рукописи греческие. М., 1894, с. 498, № 339. «Книгой» грамоту называли по праву: это тетрадь из 16 л. в сафьяновом переплете.

²⁶ С а в в а, архим. Указатель для обозрения Московской Патриаршей (ныне Синодальной) библиотеки. М., 1858, с. 133.

Другое сочинение, побывавшее в келье патриарха, — «О подражании Христу» Фомы Кемпийского (перевод первых двух книг Андрея Белобочко, 1685 г.) — было взято, по-видимому, из Новодевичьего монастыря, властям которого оно было адресовано переводчиком. Книга «прислана с патриарша двора в 205 (1697)-м году в патриаршую книгохранительницу» (ГИМ, Синодальное собр., № 248),²⁷ очевидно, когда она была прочтена и сочтена достойной передачи в собрание патриарших книг.

Некоторые книги, названные в перечне оставшихся «после. . . Адриана патриарха», не поддаются определению по их принадлежности. Таковы, например, «Книга немецкая, в большую десть, в белой коже» и другая — «Зборица, писана уставом», с отметкой «нет», — очевидно, пропавшая. Две или три книги не имеют владельческих приписок Адриана, но, по косвенным данным, издавна связаны с его именем (к ним вернемся ниже).

Обратим внимание на то, что среди келейных книг патриарха по крайней мере две пробыли в его владении еще с того времени, когда он был митрополитом казанским и свияжским, вплоть до его смерти, т. е. более 10—12 лет. Обе эти книги не богослужебные, а светские: одна — «Великое Зерцало», XVII в. (ГИМ, Синодальное собр., № 679/100²⁸) и другая — «Книги описные всего света, в целой лист александрийской бумаги, писана мелким письмом, с печатными лицами». Как нам представляется, в описи начала XVIII в. упоминается именно наш экземпляр сочинения Дж. Ботеро, причем определение «Книги описные» передает многозначность труда, а может быть, и состояние переплета рукописи, оказавшейся в конце концов разделенной на четыре книжки. Указание «с печатными лицами» следует связать с рисунками пером знаков Зодиака (может быть, тогда еще не раскрашенными) и с гравированными заставками (на л. 4, 15, 20).²⁹ Находились у патриарха Адриана на протяжении нескольких лет также «Хрисмологон» Николая Спафария, переписанный для патриарха в 1693 г. (ГИМ, Синодальное собр., № 259),³⁰ особая авторская редакция Латухинской Степенной книги в списке 1696 г. (ГИМ, Синодальное собр., № 703/293)³¹ и др.

От чудовского периода Адриана, тогда архимандрита, известны три принадлежавшие ему книги: Хронограф (Летописец), XVII в. (ГПБ, собр. Погодина, № 1447) — келейная (К₁),³² лицевой Литургиарий (Служебник), написанный «повелением архимандрита Чудовского монастыря» в 1683 г.,³³ и печатный Устав (М., 1682) (К₂) с подписью о том, что эта келейная книга Адриана была отдана им в 1684 г. «в Тверской уезд Николая Чудотворца в Малицкую пустыню. . . по упрощению игумена Иоилля». ³⁴ Позднее, в 1695 г., Адриан, уже патриарх, присылает в ту же

²⁷ Г. А. Скворцов. Патриарх Адриан, с. 765; А. Горский, К. Невоструев. Описание славянских рукописей Московской Синодальной библиотеки, отд. II, ч. 3. М., 1862, с. 206—208.

²⁸ Т. Н. Протасьева. Описание рукописей Синодального собрания (не вошедших в описание А. В. Горского и К. И. Невоструева), ч. I. М., 1970, с. 76—77.
²⁹ Как мы убедимся в дальнейшем, составители описи начала XVIII в. не всегда верно различали рукописные и печатные книги.

³⁰ А. Горский, К. Невоструев. Описание. . . , отд. II, ч. 3, с. 238—246.
³¹ П. Г. Васенко. Синодальный список Латухинской Степенной книги. — ИОРЯС, 1904, т. IX, кн. 2, с. 294—302; Т. Н. Протасьева. Описание рукописей Синодального собрания. . . , ч. 1, с. 91—93.

³² А. Н. Попов. Обзор хронографов русской редакции, вып. 2. М., 1869, с. 150. Здесь воспроизведена владельческая запись. (Здесь и далее келейные книги Адриана отмечаются буквой «К» с порядковым номером).

³³ В 1901 г. был подарен из Валуйского монастыря в Музей Воронежского церковного историко-археологического комитета. См.: Воронежская старина, вып. 1. Воронеж, 1902, 2-я паг., с. 19, 21; 3-я паг., с. 17. Местонахождение этой рукописи в настоящее время неизвестно.

³⁴ Ф. Виноградский. Описание Николаевского Малицкого монастыря. Тверь, 1859, с. 28. Местонахождение Устава 1682 г. неизвестно.

пустынь двенадцать книг Минея месячных (по-видимому, отпечатанных в Москве в 1692—1693 гг.) с записью на каждой книге.³⁵

Н. К. Никольский склонен видеть в Адриане, дьяконе Чудова монастыря и владельце рукописной книги Симеон Новый Богослов, XVII в. (ГИМ, Синодальное собр., № 169),³⁶ также будущего патриарха. В таком случае эта книга — самая ранняя из принадлежавших Адриану.

От последующего периода, более короткого, чем чудовский, сохранилось шесть книг, причем все они подписаны как келейные. Здесь «Великое Зерцало» (К₃)³⁷ и труд Ботеро (К₄), а также Тропник папы Иннокентия с присоединенным к нему Сказанием о Вавилоне (в минеинной редакции) (ГПБ, собр. Михайловского, Q.95) (К₅), Поучения Исаака Сирина, XVII в. (ГИМ, Синодальное собр., № 139) (К₆) и Слова Симеона Нового Богослова и Петра Дамаскина, XVII в. (ГИМ, Синодальное собр., № 167) (К₇).³⁸ Еще к началу XVII в. относится Палей с добавлениями, в числе которых книга Ермолая-Еразма о св. Троице (ГИМ, Синодальное собр., № 548) (К_{7а}).³⁹ Итак, еще до 1690 г. Адриан имел по крайней мере восемь келейных книг.

Обратимся к последнему периоду. В числе книг патриарха упоминавшиеся выше «Хрисмологион» Николая Спафария, 1693 г. (К₈) и список Лагухинской Степенной книги, 1696 г., переписанный для Адриана архимандритом Тихоном (Макарьевским). Здесь же и другой список Степенной книги, которым патриарх завладел «по смерти домового своего казначея монаха Паисия Сийского», указав «отдать в книгохранительницу свою патриаршу» в 1695 г. (ГИМ, Синодальное собр., № 704/277).⁴⁰ Очевидно, Адриан просматривал книги, когда они оставались среди выморочного имущества. Например, рукописи крестового иеромонаха Никифора — лицевой Апокалипсис, XVII в. (ГИМ, Синодальное собр., № 106) и «Великое Зерцало», XVII в. (ГИМ, Синодальное собр., № 680/101)⁴¹ — были по указу Адриана сразу после кончины владельца переданы в Патриаршую ризницу (этот факт отмечен соответствующими записями на обеих книгах). До конца жизни Адриана в его келейном владении находилась Библия Пискатора («Библия большая в лицах») — второе голландское издание 1674 г. с вписанными в нее виршами Мардария Хоникова (ГБЛ, Троице-Сергиева лавра, доп. собр., № 370 (К₉)).⁴²

³⁵ Там же, с. 29—30. Местонахождение Минея также не установлено.

³⁶ А. Горский, К. Невоструев. Описание... , отд. II, ч. 2, с. 447—448. Заметим, что в Чудовском собрании книг Адриана нет. См.: М. Н. Тихомиров. Записи XIV—XVII веков на рукописях Чудова монастыря. — Археографический ежегодник за 1958 год. М., 1960, с. 11—36.

³⁷ См.: О. А. Державина. «Великое Зерцало» и его судьба на русской почве. М., 1965, с. 156.

³⁸ А. В. Горский, К. Невоструев. Описание... , отд. II, ч. 2, с. 184, 446.

³⁹ Запись о принадлежности книги как келейной митроп. Адриану, опубликована в кн.: Библиографические материалы, собранные Андреем Поповым. VIII. Книга Еразма о св. Троице.— ЧОИДР, 1880, кн. 4, с. 2. Отсюда нумерация келейных книг отстает на единицу.

⁴⁰ Т. Н. Протасьева. Описание рукописей Синодального собрания... , ч. I, с. 93—94.

⁴¹ А. Горский, К. Невоструев. Описание... , отд. II, ч. 1, с. 196—199; Т. Н. Протасьева. Описание рукописей Синодального собрания... , ч. I, с. 77.

⁴² Благодарю Л. В. Тиганову за сведения об этом экземпляре Библии Пискатора и за предоставление текстов владельческих надписей: «Ex libris Andreas Winius» и «книга Библия великаго господина Адриана, архиепископа и всех северных стран патриарха келейная. А отдати ея святейшаго патриарха в ризницу» (л. 1, 2—17). И. М. Кудрявцев (Артаксерксово действо. Первая пьеса русского театра XVII в. М.—Л., 1957, с. 36—38) упоминает владельческую запись Адриана в этой книге и отмечает в другом издании (Музейное собрание рукописей Гос. библиотеки СССР

Также оставался среди книг Адриана сборник XVII в. (ГИМ, Синодальное собр., № 983 684) с Проскинитарием Арсения Суханова и фрагментами книг старой печати — киевской и кутейнской типографий.⁴³ П. М. Стров считал этот сборник бесспорно «принадлежащим патриарху Адриану».⁴⁴ Пестрый, неоднородный состав сборника и состояние его переплета к 1700 г. отражены, по-видимому, в следующем описании начала XVIII в.: «Две книги в полдесть, одна сначала печатная — О седми тайнах и иные многие вещи приписаны, и Странник и о Иеросалиме, метным писмом».⁴⁵ Указание описей XVIII в. «две книги» привело к тому, что дюжину книг, оставшихся на самом деле после патриарха Адриана, уже издавна принимали за тринадцать.

Список сочинения «О седми тайнствах церковных и воумление священникам», XVII в. (ГИМ, Синодальное собр., № 296),⁴⁶ судя по подстрочной записи 1700 г., также принадлежал патриарху Адриану (без указания «келейная»).

До сих пор мы рассматривали книги патриарха Адриана, главным образом исходя из их перечня в описях начала XVIII в. Оказалось возможным «узнать» десять книг — за исключением двух — из двенадцати. В то же время стало ясно, что дошедший до нас перечень начала XVIII в. отнюдь не отразил состав библиотеки патриарха. Дело в том, что некоторые свои книги владелец дарил и отдавал.⁴⁷ Например, в Успенский собор Московского Кремля патриарх Адриан пожаловал вкладом Слова св. Григория Богослова (ГИМ, собр. Успенского собора, № 13).⁴⁸ Две келейные свои книги — Творения Дионисия Ареопагита, XVII в. (ГИМ, собр. Успенского собора, № 11 (K₁₀))⁴⁹ и Пандекты Никона Черногорца, XVII в. (ГИМ, собр. Успенского собора, № 22 (K₁₁))⁵⁰ — Адриан отдал в «книгохранительницу» Успенского собора.

Богато украшенную рукопись — Толкование на Псалтырь, перевод Максима Грека (ГИМ, Синодальное собр., № 76),⁵¹ переписанную Павлом, митрополитом нижегородским и алагорским, и подаренную патриарху в 1692 г., владелец счел возможным отдать «на Типографский двор в правительную и книгохранительную палату» в 1698 г. Дальнейшая судьба книги уточняется записью: «На Печатной двор прислал сию книгу иеромонах Карин марта во 2 день 1703-го году».

им. В. И. Ленина, т. I. М., 1961, с. 20—21, примеч. 5), что этот экземпляр Библии Пискаatora не привлекался при исследовании виршей Мардария Хоникова. Заметим, что в описях начала XVIII в. не указывается, что «Библия большая в лицах» — печатная.

⁴³ Т. Н. Протасьева. Описание рукописей Синодального собрания. . . , ч. II. М., 1973, с. 97—98.

⁴⁴ П. М. Стров. Библиологический словарь и черновые к нему материалы. СПб., 1882, с. 432—433. Мы не решаемся считать эту книгу келейной за отсутствием данных.

⁴⁵ Также «метным писмом» переписана, по определению Описей XVIII в., Латухинская Степенная книга 1696 г., упоминавшаяся выше. О значении «метного» письма как «четкого» см.: М. В. Кукушкина. Пути создания рукописных собраний в северных монастырях (Соловецком, Антониево-Сийском, Александро-Свирском) в XVI—XVII вв. — Вспомогательные исторические дисциплины, IV. Л., 1972, с. 105—120; рис. 2 на с. 118 — образцы «метного» и «книжного» письма из рукописей.

⁴⁶ А. Горский, К. Невоструев. Описание. . . , отд. II, ч. 3, с. 448—451.

⁴⁷ Об этом см. выше, на с. 409—411.

⁴⁸ Г. И. Истомин. Опись книг библиотеки Московского Успенского собора. М., 1895, с. 7. Составитель описи только пересказывает записи на книгах, не цитируя их.

⁴⁹ Там же, с. 7.

⁵⁰ Там же, с. 10—11.

⁵¹ А. Горский, К. Невоструев. Описание. . . , отд. II, ч. 1, с. 90—101. Мы не относим эту книгу к келейным, так как на рукописи нет соответствующей записи.

Еще одна книга XVII в. отмечена такой записью: «Книга Проблимата великаго господина святейшаго кир Адриана архиепископа Московскаго и всея России и всех северных стран патриарха келейная, а отдати ея Печатнаго двора справщику иеромонаху Истомину» (К₁₂).⁵² Нельзя не припомнить здесь, что в 1696 г. из Москвы в Киев справщик Карион Истомин был отправлен с книгами от патриарха Адриана. Тогда, в частности, было привезено к Дмитрию (в будущем Ростовскому) новое московское издание Катехизиса 1696 г.⁵³

Заметим, что многие келейные книги патриарха Адриана, а также и те, что побывали у него, прошли через руки Кариона Истомина, который нередко на правах секретаря делал на них необходимые записи.⁵⁴ Возможно также, что его руке принадлежали и надписи на книгах, которые патриарх Адриан дарил в различные храмы и монастыри, в том числе при передаче тринадцати печатных книг иеромонахам сербам Арсению и Михаилу «во святую обитель Раваницу».⁵⁵

Сведения о книгах, которыми патриарх Адриан владел или какими он располагал, отнюдь не исчерпаны. Многие рукописи и печатные издания упоминает сам Адриан в грамотах, направлявшихся им к властям Киево-Печерской лавры, Черниговского Елецкого монастыря, к Афанасию Холмогорскому, Варлааму Ясинскому, Феодосию Углицкому, Лазарю Барановичу, И. С. Мазепе, Митрофану Воронежскому и другим лицам. Копии многих грамот и ответов на них содержит известный сборник «Икона, или изображение великая соборная церкве всероссийскаго и всех северных стран патриарша престола приключшихся дел в разная времена и лета. Писана при святейших патриарсех кир Иоакиме и кир Адриане Московских и всех Северных стран до лета (далее пропуск, — О. Б.). Совершился же мироздания 7208-го, рожества же по плоти бога слова 1700 месяца марта».⁵⁶

Из опубликованных документальных материалов назовем также «Предуведомление» об издании книги Симеона Солунского в славянском переводе, составленное в 1693 г. от имени патриарха Адриана — «Известно творю хотящим ведати о богодухновенных книгах сих откуда, и како, и когда пристыжашася мерности нашей»,⁵⁷ — о том, откуда, когда и какие греческие печатные книги и рукописи были присланы к нему, а до того к патриарху Иоакиму иерусалимским патриархом Досифеем для перевода на славянский язык. Речь шла здесь о переведенных с греческого сочинениях Симеона Солунского, о книге Мелетия Сирига против ересей, о Ейхейридионе, или Сечиве Досифея, и о Катехизисе (Исповедании православные веры).⁵⁸ Эти и другие в основном догматико-церковные и отчасти полемические сочинения, по-видимому, составляли немалую долю в чтении и занятиях Адриана как главы Московской патриархии.

⁵² ГБЛ, собр. ОИДР, № 162. Запись опубликована в кн.: И. А. Шляпкина. Св. Дмитрий Ростовский и его время, с. 87, примеч. 3.

⁵³ Там же, с. 256. См.: А. С. Зернова. Книги кирилловской печати, изданные в Москве в XVI—XVII веках. Сводный каталог. М., 1958, с. 130, № 470. Киевский экземпляр Катехизиса 1696 г. не разыскан.

⁵⁴ Т. Н. Протасьева, например, отмечает руку Кариона Истомина на упоминавшемся выше списке «Великого Зеркала» (ГИМ, Синодальное собр., № 680/101) (Описание рукописей Синодального собрания. . . , ч. I, с. 76—77).

⁵⁵ Ё. Стоянов и Ђ. Стари српски записи и натписи. Књ. 1. Београд, 1902, с. 462—463, № 1984.

⁵⁶ ГПБ, собр. Погодина, № 1115, в лист, 545 л. Другой список этого сборника известен и в собрании Архива Синода (ЦГИА, ф. 834, оп. 2, № 1734, в лист, 525 л.).

⁵⁷ Публикацию этого «Предуведомления» см. в кн.: А. Горский, К. Невоструев. Описание. . . , отд. II, ч. 2, с. 486—489.

⁵⁸ О переводах названных сочинений см.: А. И. Соболевский. Переводная литература. . . , с. 315—319, 349—351, 352.

Наряду с этим келейные (и некоторые другие) книги показывают, что Адриан не ограничивался узкоцерковными интересами. Не случайно в его круге чтения оказались сочинения современных ему писателей — Симеона Полоцкого («Венец веры католическая», 1670 г.) и Мардария Хоникова (вирши к Библии Пискатора, 1678 г.) (К₉), Николая Слафария («Хрисмологион», 1673 г.) (К₈) и архимандрита Тихона (Латухинская Степенная книга, 1678 г., в редакции 1696 г.). Вообще в библиотеке патриарха все книги датируются XVII в.

К XVII в. относятся еще две книги — Хронограф третьей редакции, переписанный в Москве в 1697 г. для патриарха Адриана (Прага, Славянская библиотека, Т 9762),⁵⁹ и Повесть И. А. Хворостинина «Словеса дней и царей и святителей московских, еже есть в России» (ГПБ, Q.IV.172) (К₁₃).⁶⁰

Из четырнадцати бесспорно келейных книг Адриана переведены с западноевропейских языков пять, включая вирши Мардария Хоникова к Библии. К светскому кругу чтения отнесем «Великое Зерцало», книгу «Проблемата», «Тропник» и Космографию Ботера.

Перечисленные сочинения переведены на Руси с польских, и в частности краковских, изданий XVI и XVII вв. В самом деле, Тропник папы Иннокентия еще в 1609 г. перевел Ф. К. Гозвинский,⁶¹ сборник «Великое Зерцало» перевели с краковского издания 1633 г. в 1677 г.,⁶² книга «Проблемата» стала известна в XVII в. по краковской публикации 1567 г.,⁶³ а Космография Ботера — по краковской печати 1659 г., о чем достаточно сказано выше.

Заметим, что большинство келейных книг патриарха Адриана представлено лучшими (или переписанными набело с лучших) списками. Среди переписчиков были не только духовные, но и светские лица.⁶⁴

Из четырнадцати известных в настоящее время келейных книг неясно местонахождение только одной — печатного Устава 1682 г. Остальные хранятся в ведущих рукописных хранилищах: семь в ГИМ, две в ГБЛ, три в ГПБ и одна в ИРЛИ. Со времени приобретения Публичной библиотекой в 1908 г. Тропника (в составе собрания Н. М. Михайловского) список Космографии Ботера, поступивший в 1976 г. в Древлехранилище, — существенная находка в ряду книг, составлявших небольшую, но весьма содержательную частную библиотеку последних десятилетий XVII в.

⁵⁹ Ю. К. Бегунов. Малоизвестные рукописи славянской библиотеки в Праге. — ТОДРЛ, т. XXV. М.—Л., 1970, с. 328. Нам неизвестно, была ли эта книга келейной у патриарха Адриана.

⁶⁰ Владельческая надпись воспроизведена в кн.: Памятники древней русской письменности, относящиеся к Смутному времени. — РИБ, т. XIII. Изд. 2-е, доп. СПб., 1909, с. XVIII—XIX. За указание на этот список благодарю Н. С. Демкову.

⁶¹ А. И. Соболевский (Переводная литература. . . , с. 202—203) не знал списка патриарха Адриана и пользовался экземпляром, принадлежавшим, по нашим сведениям, Симону Азарьину (ГБЛ, собр. МДА, № 233). Польский печатный оригинал, дагу и место его издания А. И. Соболевский не знал.

⁶² О. А. Державина считает экземпляр Адриана образцом полного списка («Великое Зерцало» и его судьба на русской почве, с. 156).

⁶³ А. И. Соболевский (Переводная литература. . . , с. 156) относит список ГБЛ, собр. ОИДР, № 162 (не указывая его принадлежности Адриану) ко второму, лучшему переводу.

⁶⁴ Например, «Хрисмологион» был написан «чрез многогрешнаго Алексия Коробовского», переписавшего до того, в 1691 г., «Повести Римские» (ГИМ, собр. Уварова, № 1326). См.: Леонид, архим. Систематическое описание славяно-русских рукописей собрания А. С. Уварова, с. 24. А. Коробовский переписывал рукописи для именитых заказчиков, например для боярина Л. К. Нарышкина (см.: А. Е. В и к т о р о в. Описи рукописных собраний в книгохранилищах Северной России. СПб., 1890, с. 219).

Г. В. МАРКЕЛОВ

Древнерусские рукописи из Эстонского Причудья

Новая экспедиция в Эстонское Причудье была предпринята после пятнадцатилетнего перерыва. Предыдущие три поездки в 1958—1961 гг., в которых принимали участие Ю. К. Бегунов, А. М. Панченко и И. Н. Заволоко, оказались результативными: в Древлехранилище Пушкинского Дома было доставлено 124 рукописи XV—XX вв., которые составили основу Причудского собрания.¹ Настоятельно рекомендовал продолжить археографические изыскания в Эстонии В. И. Малышев, но осуществлять их приходится уже после его кончины.

В июле 1976 г. автор этих строк и сотрудник Фонограммархива Пушкинского Дома С. В. Фролов находились в Эстонии. Нами были обследованы населенные пункты Кохтла-Ярвеского, Йыгеваского, Тартуского и Пылваского районов республики, расположенные по западному берегу Чудского озера с севера на юг. В задачи экспедиции входило проверить уже известные из прошлых поездок адреса держателей книжной старины, по возможности установить новые, а также собирать данные, характеризующие местную рукописно-книжную традицию. Кроме того, надо было установить возможность собирания фольклора у местного населения.

В настоящее время в Древлехранилище Пушкинского Дома находится уже немало рукописного материала, собранного на территории Прибалтики. Это Латгальское собрание (109 ед. XVI—XX вв.), коллекция И. Н. Заволоко из Риги (256 ед. XVI—XX вв.) и Причудское собрание (168 ед. XV—XX вв.). Объединяет их не только близость географическая, но и исторические судьбы русских староверов в Прибалтике. Предварительное изучение собраний показывает общность книжной традиции в целом, сходство литературных вкусов и запросов, наличие определенного круга памятников и произведений, особенно популярных и часто переписываемых местными книжниками. Очевидно, на протяжении XVIII—XX вв. между здешними старообрядческими общинами шел интенсивный обмен книгами, идеями, людьми, обусловивший общность их литературной и рукописной культуры.

В отличие от нас, современных исследователей, для староверов древнерусская духовная культура была не объектом изучения, а в известной мере жизненным образцом, нравственным идеалом. В древних книгах черпали они не только церковно-служебные уставы и каноны, но и удовлет-

¹ Ю. К. Бегунов, А. М. Панченко. Археографическая экспедиция в Эстонское Причудье.— ТОДРЛ, т. XVI, М.—Л., 1960, с. 522—527; Ю. К. Бегунов: 1) Археографическая экспедиция 1960 г. в Прибалтику.— ТОДРЛ, т. XX. М.—Л., 1964, с. 386—391. 2) Auf der Suche nach altrussischen Handschriften bei den Altgläubigen am Estnischen Ufer des Peipusses.— Zeitschrift für Slawistik, 1969, Bd XIV, N. 4, S. 506—518.

ворение своим литературно-читательским потребностям. Можно без особой натяжки утверждать, что в демократических слоях позднего старообрядчества сохранился тип древнерусского читателя, поэтому важно изучить круг чтения и книжного бытования у староверов. Рукописные собрания из Прибалтики могут дать в этом смысле не менее интересный материал, чем, например, описанная В. И. Малышевым рукописно-книжная традиция Печоры,² Пинежское, Карельское или Северодвинское собрания Древлехранилища.

Жители Эстонского Причудья — рыбаки, ремесленники, крестьяне, потомки русских староверов, первых засельников края в XVII в., были на протяжении многих поколений хранителями, читателями и переписчиками древнерусских книг. Поэтому археографическое обследование этого района необходимо и нынешняя поездка туда явилась очередным звеном в изучении рукописно-книжного наследия Прибалтики.

Наша экспедиция началась в бывш. Муствеевском районе (ныне входящим в Йыгеваский район). Если предыдущие обследования в Муствее ничего не дали, то в этот раз нам удалось приобрести здесь шесть рукописей и установить, что в городке были и есть среди староверов любители старинной книжности. Например, плотник М. И. Каношин подарил нам несколько рукописных книг из своей библиотеки. Среди них отметим крюковой сборник XIX в. местного письма, использовавшийся как учебник знаменного пения (№ 138),³ крюковую азбуку с кратким курсом истории древнерусского пения и толкованиями исполнения знамен, принадлежавшую некогда И. Н. Заволоко (№ 162). Для исследователей позднего периода старообрядчества представляет интерес сборник конца XIX в., попавший к М. И. Каношину с подворья Валаамского монастыря Гельсингфорса (№ 152). В нем содержатся разделы: о покровстве мирским властям, о молитве за царя и властей, о паспортах и видах на жительство, о гражданских переписях и налогах, о скрытниках, о еретических иконах и т. д. Компилятивные статьи подкреплены выписками из сочинений древнерусских авторов: Иосифа Волоцкого, патриарха Филарета, чудского архимандрита Серафима, соловецкого старца Фирса и др. В Муствее мы также приобрели конволют XVIII—XX вв., дописанный и отреставрированный в 1936 г. И. М. Евдокимовым (№ 130), настенный лист на крюках местной работы (№ 157). В старообрядческом храме, с разрешения наставника И. Д. Каношина, мы записали на магнитофон в исполнении клирошан знаменное пение в навечерии Рождества Иоанна Предтечи. Вопреки сложившемуся в фольклористике мнению об отсутствии фольклора в старообрядческих регионах в г. Муствее нам удалось записать от местных исполнителей духовные стихи, а также народные лирические, обрядовые, хороводные и другие песни, обнаружившие наличие довольно древнего запаса устных текстов.

Нами были обследованы северные причудские поселения — Васкнарва, Лохусу, Алаые, русское население которых в основном считает себя староверами, однако рукописных находок здесь не было.

Следующим районом поисков был куст прибрежных деревень Рая-Кикита—Тихеда—Омеду. Подавляющую часть населения их составляют потомки староверов, основавших деревни в 1-й половине XVIII в. В настоящее время здесь действуют несколько общин, при храмах имеются общинные библиотеки, содержащие немало редких изданий XVII—

² В. И. М а л ы ш е в. Усть-Цилемские рукописные сборники XVI—XX вв. Сыктывкар, 1960.

³ Здесь и далее: номер в скобках — шифр рукописи Причудского собрания Древлехранилища Пушкинского Дома.

XVIII вв. Рукописный состав книгохранилищ ограничивается в основном певческими книгами, среди которых выделяются поморские рукописи.

Несомненным центром местного старообрядчества является Раюшская моленная, причт которой придерживается наиболее консервативных устоев старопоморского безбрачного толка. Наставник этой «рабской» общины А. Е. Малышев показал нам библиотеку общины, которая, кстати, *пополняется ныне старинными книгами по завещаниям умерших старообрядцев*. Некоторые рукописи, показанные Малышевым, принадлежат перу известного причудского иконописца, книжника и учителя Г. Е. Фролова. Здесь же находится объемистый Цветник XIX в., содержащий большое количество всевозможных повестей, сказаний, слов и т. п. Как и в прошлых экспедициях, в Раюшской общине мы получили несколько рукописей, в том числе крюковой, орнаментированный, выгвского письма Ирмологий начала XVIII в. (№ 129).

Кроме библиотеки общины, мы осмотрели ряд частных собраний раюшских жителей и приобрели семь рукописей. А. П. Доронина подарила Пушкинскому Дому литературные сборники, в состав которых входят Житие Марии Египетской (№ 141), Повесть о царе Агее, Повесть о Федоре купце, Житие Агапия (№ 148, писец — юрьевский мещанин Ф. Т. Кошонков). Рукописи принадлежат местной книжной традиции.

Обследование деревень Кикита, Тихеда, Омеду также дало положительные результаты: мы приобрели 5 рукописей. От А. Н. Гужвой получили Страсти Христовы и Житие Василия Нового и видение ученика его Григория (список 1891 г.) в одном томе (№ 149). В Киките найдены любопытные документы письма Г. Е. Фролова, касающиеся книжного почитания (№ 161), и список книг библиотеки наставника И. Абрамова, содержащий 57 наименований рукописей и печатных изданий четьего и служебного назначения (№ 167). У некоторых здешних жителей, а также в храмах еще остается немало рукописных книг, в основном певческих, поздних, работы местных переписчиков. Необходимо отметить, что старинная книга в Причудье еще имеет своего читателя, жители, как правило, берегут славянские книги; однако пение по крюковым книгам («по солям») находится в упадке, так как исполнители знамен не различают, поют на слух.

Редкого знатока «солевого» пения, старообрядческого наставника Ф. Я. Ноева мы встретили в г. Калласте — следующем пункте нашего маршрута. В его доме имеется довольно большое количество рукописей, в том числе сборников, цветников, полемических сочинений, лицевого Октоиха XVIII в. и других книг. Однако ни с чем расставаться Ноев не пожелал.

Больше повезло нам в деревнях Большие и Малые Кольки (Тартуский район), где и в прошлых экспедициях были сделаны интересные находки. Нам удалось привести отсюда четыре рукописи. Одна из них, от П. П. Белова (№ 134), сборная, содержит любопытное сочинение о прелюбодеях со ссылками на эллинских и римских историков, эсхатологические выписки, главу из Синописа о полуночных странах и др. У колецких жителей еще хранятся рукописные книги. За недостатком времени нам не удалось детально обследовать близлежащие деревни Муравьевка, София, Нина. Но есть основания предполагать и там находки, так как основу местного населения составляют старообрядцы.

Интересные рукописи были найдены в деревне Казепель. В Дрвлекхранилище отсюда поступило 13 рукописных книг XVI—XX вв. Особую благодарность следует выразить Л. И. Кузнецову, подарившему нам четыре рукописи. Среди них сборная рукопись 1-й половины XVI в. (№ 127), содержащая большое количество уставных и служебных разделов. В их

числе «Стихиры по вся дни покаяльны», правила инокам, каноны и службы избранные, устав Саввы Освященного и др. Из литературных произведений, полученных от Кузнецова, отметим сборник, переписанный Настасьей Тихониной в 1897 г. (№ 151), в состав которого входят увещательное послание Андрея Плещеева Аввакуму и ответ протопопа, сочинения Спиридона Потемкина, дьякона Федора, сказания о Павле Коломенском и о Куржженском соборе 1656 г.

В Казепели у П. И. Толстова мы приобрели Устав 1-й четверти XVII в. (№ 128) с многочисленными приписками на полях и добавлениями. Любопытно, что каждому месяцу в заглавиях Устава соответствует определенный знак Зодиака. В деревенском храме Казепели находится большое число старопечатных книг XVI—XX вв., а из рукописей мы получили в дар две поморского письма — Обиход и Ирмологий, крюковые (№№ 132, 135). Несколько рукописей подарены А. П. Омелькиным: Служба Знамени Богородицы XVIII в. (№ 133), стих духовный «монашеского подвига» (№ 142), служебная рукопись местного писца В. И. Смирнова 1896 г. (№ 150) и др. Еще одну книгу, переписанную местным книжником И. Синельниковым, мы получили от С. Н. Кивковой (№ 153). В Казепели еще остались интересные материалы (например, у потомков здешнего библиофила и начетчика М. П. Савосткина), содержащие ценные сведения по истории причудских староверов. Хранятся в деревне и другие древнерусские книги, получить которые в этот раз нам не удалось. Безрезультатной оказалась и поездка в д. Воронью; но и здесь, как и в Казепели, еще вполне возможны археографические изыскания.

Проездом через Тарту мы добрались до д. Березье (Пылваского района). Здесь в доме наставника В. А. Селезнева, по нашим сведениям, должны были находиться какие-то лицевые рукописи. Однако местонахождение их так и осталось для нас неизвестным. Тем не менее от Т. А. Селезневой мы получили несколько книг, в их числе рукописный сборник причудского письма (№ 158), содержащий несколько апокрифических статей в вопросо-ответной форме (имеются даже «вопросы без ответов») о крестном дереве, о яйце, о двух разбойниках, толковую Азбуку («А. Адам сотворен Богом от брения. . .»), видение Козьмы игумена, повести из «Великого Зерцала» и Пролога, мучение Марины, поучения о воздержании, против пьянства, к судиям, детям и женам и др. В другой сборник (№ 160), датированный 1927 г., входят свыше 60 повестей из «Великого Зерцала», жития Марфы, Екатерины, Таисии блудницы, Варвары со сказанием о пренесении мощей ее в Киев князем Михаилом Святополком, повести из патериков и Хронографа, слова о ленивых из Пчелы, повести об иконе Спаса града Вириты, о пастуховой дочери, о купце христороливым, слова и поучения против матерной брани, о почитании книжном, о злых, добрых и кротких женах, Повесть о Григории кровосмесителе, папе римском и мн. др. В том же доме мы приобрели сборник (№ 159), содержащий Житие, чудеса, службу и слова, похвальные и на преставление, Иоанна Богослова. В Березье от В. С. Симагина мы получили рукописный «Тропник» Иннокентия, папы римского, с добавлениями сказаний «Како хулится бог», о злых женах, слов Иоанна Златоуста и др. (№ 142).

Из-за недостатка времени нам не удалось посетить о-в Пиирисаар (на Чудском озере), население которого преимущественно русские староверы; по этой же причине не довелось познакомиться и с Тартуской общиной. Всего за 19 дней полевой работы в нанешней экспедиции удалось собрать 42 рукописи XVI—XX вв. На основании записей и помет, содержащихся в новонайденных рукописях, установлены новые имена местных книжников. Так, выявились причудские переписчики и составители рукопис-

ных сборников: Кононов Н. (№ 156), Кошонков Ф. Т., 1882 г. (№ 148), Синельников И. (№ 153), Смирнов В. П., 1896 г. (№ 150), Тихонина Н. С., 1897 г. (№ 151). Помимо дарителей, указанных в обзоре выше, из самих рукописей мы узнали имена владельцев и читателей старинных книг в Причудье XVII—XX вв.: Абрамов И. (№ 167, см. список целой библиотеки), Горяинов К. И. (№ 127), Григорьев В. (№ 128), Евдокимов И. М. (№ 149), Кондратьев И. И. (№ 151), Кошов Е. Ф. (№ 148), Павлов А. (№ 151), И. И. и И. Н. Рысковы (№ 134), Скородумов Ф. П. (№ 138), Софронов М. П. (№ 134, переплетчик, 1882 г.), Уренкин Т. (№ 128), Фромич П. С. (№ 137). Кроме того, в деревнях мы проводили устный опрос старожилов. В результате составилась целый список причудских любителей книжной старины XIX—XX вв. Перепиской книг занимались Глухов Н. (Тихотка), Кульков А. Е. (Рая), Писарев А. (Казепель), Прусаков К. Е. (Муствее?), Рысков В. И. (Малые Кольки), Савосткины М. П. и Ф. П. (Казепель), Огурцов Д. (Казепель). Владельцы книжных собраний: Бабушкина И. М. (Тихотка), Венчиков Г. М. (Тихотка), Глазов М. А. (Воронья), Гужов А. Е. (Омеду), семья Домашкиных (Рая?), Кривоногова И. И. (Тихотка), Лазарев С. Н. (Казепель), Павлов Ф. П. (Кохтла-Ярве).

Результаты прошлых экспедиций и нашей убедительно свидетельствуют о наличии развитой рукописно-книжной традиции в среде русских староверов Эстонского Причудья. Традиция эта требует всестороннего изучения и описания.

Н. В. ПОНЫРКО

Археографическая командировка в Гомель

В июле 1976 г. я находилась в археографической командировке в Гомеле. Поездка была предпринята по приглашению коллекционера рукописей Е. А. Бобкова, который состоял в многолетних дружеских отношениях с В. И. Малышевым и не раз передавал свои рукописи Древлехранилищу. Рукописи, переданные нынешним летом лично Е. А. Бобковым и полученные с его помощью, принесены в дар памяти Владимира Ивановича Малышева.

В Гомельской области, кроме того, проживает коллекционер Ф. Г. Шкляр. С ним Древлехранилище поддерживает связь уже в течение нескольких лет. В 1974 г. Ф. Г. Шкляр положил начало своему собранию в Пушкинском Доме, передав нам 12 своих рукописей. В этот раз от него поступили еще 3 рукописи: 1) номоканон конца XVIII в.; 2) отрывок из Постной триоды второй четверти XIX в.; 3) сборник третьей четверти XIX в., содержащий отдельные слова и главы из Маргарита и Златоуста, чин исповедания и скитское покаяние.

Самая старшая из привезенных рукописей — Паренесис Ефрема Сирина: она датируется первой третью XVI в. К XVII в. относятся Катехизис Лаврентия Зизания, писанный скорописью в последней трети XVII в., и отрывок из Жития Александра Свирского. XVIII веком датируется рукопись с Повестью о Выдропусской иконе Богородицы и службой ей. Из более поздних рукописей следует назвать Поморские ответы в списке начала XX в. и сборник, писанный, как явствует из приписки, в 1904 г. и содержащий статью о создании в 1737 г. и постройке заново в 1794 г. Ильинского храма в Спасовой слободе (ныне в Гомеле), стих о потопе, азбучный стих («Аз есмь всему миру свет»), повесть дьякона Феодора об Аввакуме, Лазаре и Елифании и его же сочинение о мучении старцев Петра и Евдокима.

подавляющее большинство гомельских рукописей музыкальные. Очень много среди них сборников. Представлено столповое и демественное знамя, используются варианты роспева — большой, малый, средний, а также путевой роспев. Певческие рукописи датируются XVIII—XX вв. XVIII веку принадлежит три рукописи: 1) сборник, содержащий праздничный стихирарь, трезвоны, азбучные разводы строк и отдельных знамен; 2) сборник, включающий ирмологий, подобник на 8 гласов, стихирарь общий, праздничный и избранным святым, припевы на господские праздники, задостойники путевые; 3) стихирарь праздничный.

Среди крюковых рукописей XIX—XX вв. несколько октоихов с евангельскими стихирами, ирмологиев, обиходников, стихирариев праздничных. В четырех рукописях представлены певческие азбуки. Они включают толкования отдельных знамен, кокизники и фитники. В одном сборнике находится азбука демественного пения.

Приписки сообщают о писцах музыкальных рукописей. Так, на л. 1 певческого сборника, содержащего октоих с евангельскими стихирами и постный обиходник, читаем: «Начая и совершися сия святая богодухновенная книга октай певчий тщанием и трудами многогрешного Семеона Дмитриева Ковалева и переплетен его же тщанием 1837 октября 25 дня». В стихираре праздничном имеется следующая приписка: «Сия празники принадлежат жителю слободы Огородни Гомельской Ефиму Ивановичу Кушкареву (?), написан в городе Новозыпкове мастером Иваном Исаичом [далее неразборчиво фамилия] в 1887 году». В сборнике, содержащем октоих с евангельскими стихирами, постный обиход и поглясницу на 8 гласов, помещена миниатюра с изображением Иоанна Дамаскина, а под ней читается запись: «1912 года месяца генваря 23 дня святыи Иоанн Дамяскин. Рисовал Архип И. Галкин». О том, что Архип Галкин был не только рисовальщиком, но и переписчиком, узнаем из другой приписки, сделанной к настенному листу с херувимской песней на крюках: «Труды непотребнаго раба божия Архипа И. Галкина в лето от рождства господа славы 1925 года февраля 9 дня. Труд всего лучше на свете».

Обращает на себя внимание художественное оформление музыкальных рукописей. Заставки и инициалы выполнены в особом пышном стиле, позволяющем говорить об особой школе орнамента.

Всего из Гомеля привезено 60 рукописей.

Д. М. БУЛАНИН

Археографическая экспедиция на Северную Двину

В июне—июле 1976 г. на берега Северной Двины состоялась очередная экспедиция Пушкинского Дома АН СССР, в которой принимали участие И. П. Смирнов, И. И. Гумницкий и Д. М. Буланин. Маршрут экспедиции включал районы, уже неоднократно посещавшиеся археографами. Однако многолетний опыт археографической работы Пушкинского Дома показал, что повторное посещение уже известных мест приносит иногда самые неожиданные результаты.

Работа экспедиции началась в с. Красноборск, откуда мы вскоре переехали в с. Пермогорье. В этих местах уже бывали экспедиции, и наша задача заключалась лишь в контрольной проверке близлежащих деревень. Оказалось, что в Пермогорье и его окрестностях старообрядцев уже нет и о славянских книгах жители имеют крайне смутное представление. Отсюда мы выехали в с. Верхняя Тойма, где посетили местного книголюбца Б. Ф. Щепина; у него удалось получить интересный сборник конца XIX в. Сборник включает целый ряд литературных произведений и документов, иллюстрирующих взаимоотношения федосеевцев и поморцев, выписки из Пчелы, сочинений Никона Черногорца, Скитского патерика, а также прение Арсения Суханова с греками в 1650 г., прение отца Авраамия с архиереями о староцерковном предании и историческое повествование, озаглавленное «История стрелецкая, како хотяху древняя в России паки возвратити». За недостатком времени мы не смогли тщательно обследовать д. Сойгу и ее окрестности на противоположном берегу Двины, однако, судя по словам местных жителей, находки здесь возможны. Задерживаться в Верхней Тойме, ранее неоднократно посещавшейся археографами, не имело смысла, поэтому мы отправились в с. Нижняя Тойма, где у нас имелось несколько адресов.

Из Нижней Тоймы, открытой для археографии в 1972 г., в Пушкинский Дом было уже доставлено экспедициями много рукописей, однако очередное посещение этих краев также оказалось небесполезным. У местного краеведа С. Г. Третьякова нам удалось получить Псалтырь конца XIX—начала XX в., украшенную миниатюрой, изображающей царя Давида. На верхней крышке имеется интересный рисунок пером символического характера.

В д. Жерлыгинская мы побывали у Анны Григорьевны Третьяковой, которая в предыдущие годы подарила Пушкинскому Дому большую часть архива замечательного северодвинского рисовальщика и писца В. И. Третьякова. На этот раз она передала нам старообрядческий сборник первой четверти XIX в., писанный рукой местного пучужского пелеместа и художника Ивана Филипповича Колодкина, и сборник-конволют конца XVIII—начала XIX в. с владельческой записью Кирилла Яковлевича

Кузнецова. Сборник содержит выписки из Пролога, Патерика, Маргарита, Измарагда, из сочинений Максима Грека, из Катехизиса, а также духовные стихи и молитвы. Интересен переплет позднего старообрядческого издания — доски в коже с тиснением, выполненным тем самым инструментом из оленьего рога, который попал в Пушкинский Дом от А. Г. Третьяковой в 1974 г.¹ В д. Жерлыгинская мы получили также Устав о христианском житии конца XIX в.

В соседней деревне Березник Е. С. Пакулина передала нам отрывки из записной книжки В. И. Третьякова и его рисунок, изображающий Иоанна Дамаскина, отрывок из Минеи общей XIX в. и Помяник начала XX в. Посетили мы и д. Прилук, где еще остались старообрядцы и откуда ранее в Пушкинский Дом было доставлено несколько ценных рукописей. Однако на этот раз поиски рукописей здесь были безрезультатными.

Из Нижней Тоймы мы выехали в с. Пучугу. Основной интерес для нас представлял здесь дом Василия Павловича Колодкина, у которого, как мы знали, хранились рукописи его покойной матери. Прошлогодней экспедиции он их показывал, но передать наотрез отказался. В этом году В. П. Колодкин подарил Пушкинскому Дому старообрядческий сборник конца XVIII в., писанный рукой И. Ф. Колодкина. Эта прекрасно орнаментированная рукопись оказалась совершенно сходной по содержанию с той, которую мы получили от А. Г. Третьяковой (содержит Повесть об отцах и страдальцах соловецких, Ответ поповщины к второпомазанцам, ряд сочинений Ивана Алексеева). В. П. Колодкин передал нам также лицевые святцы и сборник второй половины XIX в., включающий выписки из Библии, из Беседы трех святителей, молитву на сон грядущий. Еще одна рукопись, содержащая лицевые святцы, осталась в доме как память о матери. На массовое изготовление лицевых святцев в Пучуге имеются указания в литературе.² А. Я. Сэфронова-Худякова отдала нам две крюковые рукописи начала XX в. («Подобник» на 7 гласов и «Лица с разводом») и сборную рукопись XX в., которая содержит выписки из Пролога, Никона Черногорца, Патерика, молитвы и др.

В Пучуге экспедиция разделилась: И. И. Гумницкий отправился в с. Афанасьевское, а Д. М. Буланин и И. П. Смирнов выехали в с. Борок. В Афанасьевском удалось приобрести Житие Кирика и Улиты конца XIX в., отрывок из жития Нифонта Кипрского середины XIX в., кафизмы начала XX в., молитву Пантелеймону-целителю XX в. и письмо Е. Е. Барановой к матери 1909 г. В Борке мы обошли весь куст деревень, но получить удалось лишь три рукописи XIX в. в д. Зауита (Псалтырь, старообрядческий Синодик и Службу Иоанну Богослову).

Удача нас ждала в д. Городок. Здесь в дар Пушкинскому Дому передала книги своего отца Е. В. Парфенова. Среди них оказалось несколько интересных старопечатных изданий и десять рукописей XVI—XIX вв.: сборная рукопись богослужебного содержания XVI—XIX вв., отрывок из служебной Минеи первой трети XVII в., последование к Псалтыри второй трети XVII в., Апостол — конвюлет XVII—XIX вв., отрывок из Канона на Благовещение конца XVIII в., отрывок из Азбуковника конца XVIII в., отпусты седмичные первой трети XIX в., Псалтырь второй четверти XIX в., молитвы богородице на дни недели конца XIX в., отрывок из Сказания о крестном древе того же времени, наконец, лист бумаги

¹ В. П. Б уд а р а г и н. На Северной Двине и в верховьях Пинеги. — ТОДРЛ, т. XXXI. Л., 1976, с. 374.

² Н. С. Д е м к о в а, Л. И. С а з о н о в а. Отчет об археографической экспедиции 1971 г. на Пинегу, Северную Двину, Верхнюю Тойму. — ТОДРЛ, т. XXVIII. Л., 1974, с. 407. Ср.: В. П. Б уд а р а г и н, И. И. Г у м н и ц к и й. Поездка за рукописями на Северную Двину. — ТОДРЛ, т. XXX. Л., 1976, с. 349.

с прорисью (изображения Богоматери и архангелов). В той же деревне от И. С. Никитина мы получили две рукописи XIX и XX вв., содержащие духовные стихи.

В с. Двинской Березник, куда мы отправились из Борка, никаких находок сделать не удалось. Из Двинского Березника экспедиция выехала в г. Архангельск. Древних рукописей в Архангельске мы не нашли. Но К. П. и А. Г. Гемп передали в дар Пушкинскому Дому автографы поэта-импровизатора начала XX в. Б. Зубакина и рукописи стихов В. Пяста.

Последней базой экспедиции было с. Холмогоры и близлежащие деревни. Здесь уже бывали археографы из Ленинграда;³ нам предстояло провести контрольное обследование этих мест. Однако поиски в Холмогорах и их окрестностях не принесли результатов. Старообрядцы здесь, видимо, селились неохотно, опасаясь близости епархиального центра. Единственной холмогорской находкой стала печатная Псалтырь XVII в. из школьного краеведческого музея.

В результате экспедиции этого года Северодвинское собрание Древлехранилища Пушкинского Дома увеличилось на 45 рукописей XVI—XX вв., и, думается, дальнейшие поиски рукописной старины на Северной Двине будут оправданы.

³ Н. С. Демкова. Рукописи с Двины и Пинеги.— ТОДРЛ, т. XXV. М.—Л., 1970, с. 330—332.

Н. Ф. ДРОБЛЕНКОВА, Т. С. ТРОИЦКАЯ

10 лет археографической работы в Сибири

С 10 по 13 мая 1976 г. в Новосибирске состоялись «Древнерусские чтения», которые подвели итоги работы сибирской археографической группы за прошедшие 10 лет. Назвать точную дату, от которой можно было бы начать отсчет археографического обследования Сибири, трудно. Первые две разведывательные экспедиции были совершены по инициативе академика М. Н. Тихомирова еще в 1959 г. В. Б. Павловым-Сильванским и А. И. Роговым.¹ В задачу археографов-первопроходцев входило проверить наличие памятников книжной культуры у населения традиционных старообрядческих гнезд, прежде всего у семейских Забайкалья. Регулярное ежегодное археографическое обследование и соби́рание рукописных и старопечатных книг в районах Сибири началось с 1965 г.² Пройдя школу археографического поиска в экспедициях Института русской литературы, участники будущих сибирских экспедиций Е. И. Дергачева-Скоп и Е. К. Ромодановская руководствовались наставлениями В. И. Малышева о необходимости систематического археографического обследования Сибири, а также его пониманием археографического поиска в широком смысле этого слова, включая и выявление старообрядческих поселений, и наблюдения над жизнью памятников письменности в их среде, и описание местных собраний рукописных и старопечатных книг. В 1965 г. для ведения археографической работы в Институт истории, филологии и философии Новосибирска был направлен Н. Н. Покровский, который привез в Сибирское отделение АН СССР Тихомировское собрание рукописей, старопечатных книг и документов. По завещанию М. Н. Тихомирова, его собрание должно было стать базой для планомерного археографического освоения Сибири. В этом же году местными силами сотрудников Новосибирского государственного университета (НГУ), Института истории, филологии и философии (ИИФиФ) и сибиряков-студентов была организована экспедиция за древнерусскими книгами и тем положено начало регулярной археографической работе. Археографическая группа в составе Е. К. Ромодановской, Е. И. Дергачевой-Скоп, В. Н. Алексева, И. А. Гузнер, Т. Н. Аписит обследовала в 1965 г. районы Томской и Тюменской об-

¹ В. Б. Павлов-Сильванский, А. И. Рогов. Рукописи и старопечатные книги, собранные в Бурятской АССР в 1959 г.— В кн.: Археографический ежегодник за 1960 г. М., 1962, с. 216—221. Здесь же дано краткое описание рукописей и старопечатных книг XVI—XVIII вв., привезенных экспедицией 1959 г.

² См.: В. Н. Алексеев, Е. И. Дергачева-Скоп, Н. Н. Покровский, Е. К. Ромодановская. Об археографических экспедициях Сибирского отделения АН СССР в 1965—1967 гг.— В кн.: Археографический ежегодник за 1968 г. М., 1970, с. 262—274. Здесь же дано предварительное описание 64 рукописей XV—XX вв., привезенных археографическими экспедициями 1965—1967 гг.

ластей.³ В 1966 г. была сформирована 1-я студенческая археографическая группа. Получая подготовку во время первых поездок, студенты уже через 2—3 года сами становились руководителями самостоятельных отрядов.⁴ За прошедшие 10 лет состоялось 48 экспедиционных поездок. Все эти годы работой групп постоянно руководят Н. Н. Покровский, Е. И. Дергачева-Скоп, В. Н. Алексеев и Е. К. Ромодановская. Неизменно участвует в экспедициях Э. В. Бородина. С 1968 по 1974 г. активно участвуют в экспедициях сначала студентка НГУ, а затем аспирантка ИИФиФ Л. С. Соболева; с 1970 г. — старший библиотекарь Сектора истории книги Государственной публичной научно-технической библиотеки (ГПНТБ) СО АН СССР Л. А. Ситников. С 1967 до 1971 г. в сибирских экспедициях успешно работают Н. В. Поньрко, Г. П. Енин, с 1971 г. — Г. А. Лончакова, А. Т. Шашков, Т. С. Киркинская, Н. С. Гурьянова. Кроме студентов и сотрудников НГУ, ИИФиФ и ГПНТБ в экспедициях СО АН СССР принимают участие студенты и сотрудники ЛГУ (Е. К. Пиотровская — 1966 г., Л. И. Сазонова — 1967 г., Т. Ф. Волкова, Н. Н. Литвинова — 1969 г., Н. Н. Кудрявцева — 1972, 1974 гг., Е. П. Семенова — 1972, 1976 гг.), сотрудники ИРЛИ (Панченко А. М. — 1967 г., Дробленкова Н. Ф. — 1974 г.), ЛОИИ (Е. К. Пиотровская — 1975 г.), Новосибирской консерватории (А. Н. Кручина — 1967—1971, 1974 гг.). Продолжая работу в старых районах (Томская область, Тувинская АССР), сибирские археографы подключают к обследованию все новые области. В 1967—1968 гг. в поле деятельности археографов вошли Красноярский край, Новосибирская область, Бурятская АССР, Иркутская и Читинская области, Алтайский край, Эвенкийский национальный округ. Все эти районы признаны перспективными для новых археографических поисков; работа здесь продолжается до сегодняшнего дня. Постепенно зона действия археографов все расширяется, перспективные районы появляются внутри уже знакомых краев и областей и в новых районах Сибири: Восточно-Казахстанская область (1970 г.), Кемеровская область (1971 г.), Омская область (1971 г.), Курганская область (1974 г.). Географию освоенных археографических районов отражают территориальные собрания, созданные в Секторе истории книги ГПНТБ СО АН СССР: Томское, Алтайское, Тувинское, Красноярское и Северо-Казахстанское, Западно-Сибирское, Забайкальское собрания.

Томское собрание ведет начало с 1965 г. Эта коллекция отличается «литературным характером», что отражает, как пишет В. Н. Алексеев, «стойкие художественные вкусы старообрядческого населения тех мест».⁵ Самые ранние рукописи Томского собрания — Служебная минея на июль с паремийными чтениями Борису и Глебу (XV в.), Пролог полугодовой новгородской редакции с патериковыми статьями (XV в.), Евангелие (середина XVI в.) с глоссами нестяжательского толка. Сюда же входит Сборник первой четверти XVI в. с «Просветителем» Иосифа Волоцкого. Интересен сборник конца XVI—начала XVII в., в состав которого входят Сказание о Мамаевом побоище, Повесть о царице Динаре, По-

³ Об экспедиции 1965 г. см.: Е. И. Дергачева-Скоп, Н. Н. Покровский и др. Задачи археографического изучения Сибири. — В кн.: Пути изучения древнерусской литературы и письменности. Л., 1970, с. 171—172.

⁴ Об экспедициях 1965—1966 гг. см.: А. М. Панченко. «Археографическое открытие» Сибири. — В кн.: Памятники культуры. Новые открытия. М., 1975, с. 152—153.

⁵ В. Н. Алексеев. Археографические экспедиции Сибирского отделения АН СССР и комплектование фонда Сектора редких книг и рукописей ГПНТБ СО АН СССР. — В кн.: Научные библиотеки Сибири и Дальнего Востока. Сб. научных трудов, вып. 14. Новосибирск, 1973, с. 9—12. Здесь же см. более полную характеристику Томского, Забайкальского, Алтайского, Красноярского собраний.

слание новгородского архиепископа Василия владыке тверскому Федору и ряд других сочинений.⁶ В Томскую коллекцию входит также целое старообрядческое собрание рукописей, найденное в 1971 г., — «Вяткинская библиотека», которая насчитывает более 20 книг. Эта библиотека сохранила ряд сочинений древнерусской литературы в поздних копиях XIX—XX вв.; любопытно, что переписчики старались допустить как можно меньше отклонений от оригинала, даже от его палеографических особенностей, часто указывая первоисточник.

В Забайкальском собрании преобладают старопечатные книги, рукописи же представлены в основном певческими крюковыми книгами.

В составе Алтайского собрания хранятся Судные списки Максима Грека и Исаака Собака, полученные археографической экспедицией в Горном Алтае,⁷ Триодь цветная (в списке XV в.), Сборник старообрядческий XVII в. с цитатами из Максима Грека и Иосифа Волоцкого и другие памятники.

В составе Красноярского собрания — Пролог XVI в., Хронограф в списке XVIII в., сочинения Дионисия Ареопагита (XV в.), Псалтырь с исследованием (XX в.) и др.

Из собрания текущих поступлений постепенно, по мере накопления, будут выделяться новые самостоятельные фонды.⁸ Древнейшая часть фонда Сектора истории книги ГПНТБ СО АН СССР включает около 2500 единиц хранения, в числе которых более 1500 рукописей и старопечатных книг, приобретенных в результате экспедиционно-полевой работы⁹ (старейшие из них: 7 рукописей XV в., 14 — XVI в., 24 старопечатные книги XVI в.). Это позволило заведующему Сектором истории книги В. Н. Алексееву сказать, что в последние годы археографические экспедиции стали основным источником комплектования фондов рукописями и старопечатными книгами.¹⁰

Помимо полевой археографической работы, в СО АН СССР ведется работа по описанию местных сибирских собраний рукописей и старопечатных книг: сделаны (для местного пользования) охранные описи рукописей и книг кирилловской печати Тюменского, Бийского и Барнаульского краеведческих музеев, Енисейского и Красноярского музеев, Краснояр-

⁶ Об этом сборнике, а также о некоторых других сибирских находках см. статью: Д. С. Лихачев, С. О. Шмидт, Н. Н. Покровский. Уважение к древности. — Правда, 1973, 14 августа, с. 3.

⁷ См.: Судные списки Максима Грека и Исаака Собака. Изд. подгот. Н. Н. Покровский под ред. С. О. Шмидта. М., 1971.

⁸ Следует отметить, что в Секторе истории книги практически решена проблема включения старопечатных книг в состав территориальных собраний. В зависимости от формата всем рукописям присваивается первая часть шифра F(2⁰), 2F(1⁰), Q(4⁰), O(8⁰) и более мелких форматов). Старопечатные книги имеют еще индекс К (книга) — FK, 2FK. . . Вторая часть шифра характеризует территориальное собрание, которому принадлежит рукопись или старопечатная книга, и обозначается римской цифрой: I — Собрание текущих поступлений, II — Томское и т. д. Таким образом, требование раздельного библиотечного хранения рукописей и старопечатных книг не противоречит включению в состав территориальных собраний как рукописных, так и старопечатных книг.

⁹ Древнейшую часть фонда Сектора истории книги ГПНТБ составляют, кроме 1500 рукописей и старопечатных книг, приобретенных в археографических экспедициях, 800 единиц хранения собрания М. Н. Тихомирова и около 100 старопечатных дуплетных книг, полученных в дар от ГИМ. Всего фонд Сектора истории книги насчитывает около 10 000 книг и документов и располагает коллекциями изданий петровского времени, гражданской печати XVIII в., прижизненными изданиями классиков русской литературы и науки, собранием материалов по истории революционно-освободительного движения в России XVIII—XX вв. (о Пугачеве, о восстании декабристов), редчайшей коллекцией брошюр Великой Французской революции (бывшее собрание А. И. Шпагина), коллекцией западноевропейских книг XV—XVIII вв.

¹⁰ В. Н. Алексеев. Археографические экспедиции. . . , с. 14.

ской библиотеки, Ханты-Мансийского краеведческого музея, Бурятского филиала АН СССР, Государственного музея Бурятской АССР. В ближайшее время в Иркутске будет опубликовано описание старопечатных книг и рукописей библиотеки Иркутского университета, выполненное по предложению Сибирского отделения Археографической комиссии заведующей Отделом рукописей библиотеки Иркутского университета А. Г. Боннер.

1976 год принес сибирским археографам неожиданный, хотя и подготовленный заранее успех. Завязавшееся много лет назад знакомство увенчалось передачей в Сектор истории книги ГПНТБ СО АН СССР целой крестьянской библиотеки скита поморцев-«новоданиловцев», содержащей более 100 рукописных и старопечатных книг.¹¹

Сибирские археографы не только ведут работу по розыску и спасению памятников письменности, по описанию рукописей и старопечатных книг, хранящихся в сибирских собраниях, но и внимательно изучают свои находки, стремясь, с одной стороны, выявить в них чисто сибирскую традицию (так ведется, например, изучение полемической литературы сибирских старообрядческих согласий, памятников сибирского происхождения), с другой стороны — поставить найденные в Сибири новые списки литературных произведений общерусского характера в систему всех ранее известных списков этих сочинений. Ясно, что последняя задача требует кропотливого текстологического изучения материалов не только сибирских, но и центральных хранилищ.

Все эти три основные направления работы сибирских археографов отражены в сборниках «Археография и источниковедение Сибири», издаваемых Институтом истории, филологии и философии СО АН СССР (вышел один сборник и подготовлен к печати другой), и сборниках «Вопросы истории книжной культуры», издаваемых ГПНТБ СО АН СССР (вышли два сборника и готовится третий). Значение этих сборников в том и состоит, что они не только координируют работу сибирских археографов, учитывают новые поступления рукописей и старопечатных книг, но и раскрывают для широкого круга исследователей, историков и филологов в отечестве и за рубежом, фонды сибирских древлехранилищ, вводят в научный оборот новые источники, вписывают новые страницы в историю культуры Сибири. К сожалению, большинство этих изданий ротапринтные и тиражи их очень невелики, тем подробнее следует раскрыть их содержание.

Два сборника (вып. 14 и 19), которые изданы Сектором истории книги ГПНТБ СО АН СССР под редакцией директора библиотеки Н. С. Карташова, состоят из двух основных разделов: «Статьи, сообщения, публикации» и «По собраниям редких книг и рукописей». 14-й выпуск «Вопросов книжной культуры Сибири и Дальнего Востока»¹² открывается статьей В. Н. Алексеева о роли археографических экспедиций СО АН СССР в комплектовании фонда Сектора редких книг и рукописей ГПНТБ СО АН СССР. Анализу роли рукописных и старопечатных книг в складывании системы авторитетов старообрядчества посвящена статья Н. Н. Покровского. Опираясь на сибирские материалы, автор прослеживает этапы напряженной борьбы в среде русского старообрядчества двух противоположных тенденций — консервативной, заставляющей «за аз единый», всячески уклоняться от «новин», и тенденции творческой, вы-

¹¹ См. об этом: Н. Н. Покровский. Книжный клад. — Правда, 1976, 28 апреля; В. Н. Алексеев. Сибирские находки археографов. — Советская культура, 1976, 31 августа.

¹² Научные библиотеки Сибири и Дальнего Востока. Сб. научных работ ГПНТБ, вып. 14. Вопросы книжной культуры Сибири и Дальнего Востока. Новосибирск, 1973, с. 186 (ротапринт).

званной необходимостью бурной идеологической и организационной активности раскольников-богословов в целях создания своей системы догм и такой социальной структуры, которая поддерживала бы авторитетность этой системы. Подробному анализу рукописного плача, приобретенного экспедицией Уральского государственного университета в 1963 г., — «Сердца болезна сестры убодаощь остек. . .» — посвящена статья Е. И. Дергачевой-Скоп. Шаг за шагом восстанавливает исследователь биографию выговского писателя Гавриила Семенова-Украинцева и одновременно прослеживает «биографию» поморского сборника, в составе которого дошел «Плач». Изучение сохранившихся в сборнике записей, а также рассказов родственников владельцев помогает Е. И. Дергачевой-Скоп связать Уральский список «Плача» с книгописными традициями Выга и Лексы. В целом исследование отражает высказанное в предисловии к сборнику стремление «выявить потоки книг, их миграцию, центры распространения», «установить взаимосвязи „биографий“ рукописей и литературных произведений, которыми они живут».¹³ Статья Е. К. Ромодановской «„История о царях и великих князьях земли Русской“ Ф. А. Грибоедова в собрании М. Н. Тихомирова» посвящена выяснению места сибирского списка в текстологическом ряду всех известных списков «Истории». Автор обнаруживает близость Тихомировского списка списку БАН, А.1.16 (оба они остались неизвестными исследователю этого памятника С. Ф. Платонову). Список БАН, А.1.16, по наблюдениям Е. К. Ромодановской, является подлинным авторским подносным экземпляром царю. Сибирский же список очень близок к авторскому тексту и содержит ряд уточнений и дополнений. И. А. Гузнер анализирует владельческие записи XV—XVIII вв. на книгах и рукописях собрания ГПНТБ СО АН СССР (по материалам Тихомировского собрания и экспедиционных находок). Записи позволяют выявить социальный состав читателей, географическое распространение книг и отношение к книге в XV—XVII вв. Статья А. А. Милениной и С. А. Пайчадзе посвящена выявлению русско-французских книжных связей XIX в. по материалам Хабаровской краевой научной библиотеки. А. П. Мякин в статье «Книга—эклибрис—человек» прослеживает историю развития и этапы оформления русского эклибриса на материале эклибрисов рукописных и редких книг ГПНТБ СО АН СССР. Как отмечает автор, эклибрисы рассказывают не только о книжных собраниях и их владельцах, но и раскрывают отношение человека к книге. Во втором разделе — «По собраниям редких книг и рукописей» — содержатся следующие обзоры и описания: Н. В. Р е в я к и н а. Западно-европейские книги XV—XVII вв. по естественному в Секторе редких книг и рукописей ГПНТБ; С. А. Т и т о в. Книги XVII—XVIII вв. о России в коллекции Сектора редких книг и рукописей ГПНТБ СО АН СССР; Г. П. Е н и н. Описание старопечатных книг, приобретенных археологическими экспедициями СО АН СССР в 1970 г.; Р. И. Ц у п р и к. Фонд редких книг Читинской областной библиотеки им. А. С. Пушкина.

Особенностью второго сборника, выпущенного Сектором истории книги ГПНТБ СО АН СССР,¹⁴ является то, что в основном он составлен из работ участников археографических экспедиций и что материалом для исследования в большинстве случаев служат археографические находки самих сибиряков. И. А. Гузнер и Л. А. Ситников в статье «Библиотеки Кольвано-Воскресенских заводов в XVIII веке» предпринимают попытку

¹³ Там же, с. 4.

¹⁴ Вопросы истории книжной культуры. Сб. научных трудов ГПНТБ, вып. 19. Подгот. к печ. Е. И. Дергачевой-Скоп и В. Н. Алексеевым. Новосибирск, 1975, с. 237. Оба сборника, № 14 и 19, составлены и отредактированы заведующим Сектором истории книги В. Н. Алексеевым и консультантом Сектора Е. И. Дергачевой-Скоп.

реконструировать состав первой сибирской технической библиотеки. Для этого в различных хранилищах ими были выявлены отдельные экземпляры книг из крупнейшей сибирской библиотеки XVIII в. Колывано-Воскресенских горных заводов. На основе богатого материала сибирских и центральных архивов авторы прослеживают формирование этого книгохранилища и пути распространения книги в Сибири в XVIII в. К статье приложено предварительное описание рукописей библиотеки Колывано-Воскресенских заводов. Н. Н. Покровский в статье «Новые находки произведений крестьянской литературы Урала и Сибири XVIII века» вводит в научный оборот и характеризует новый комплекс произведений сибирской крестьянской письменности XVIII в., зафиксированных в сборниках сибирских старообрядцев. Е. Н. Клитина прослеживает по вкладным записям Троице-Сергиева монастыря имени сибиряков, которые встречаются на листах старопечатных книг и рукописей, полученных из Сибири. Статья Т. С. Киркинской «Сибирский список Повести о царице Динаре (XVI в.)» основана на изучении литературной истории Повести. В приложении к ее работе публикуется список Повести о Динаре из собрания редких книг и рукописей ГПНТБ СО АН СССР, так как в результате изучения 90 выявленных списков автору удалось установить близость сибирского списка первоначальному варианту текста Повести. Г. А. Лончакова посвящает свою работу текстологическому анализу «Послания новгородского епископа Василия Калики владыце Тверскому Федору Доброму», среди списков которого имеется сибирский список Послания (из того же сборника, что и Повесть о царице Динаре). Пособлужку, как показало исследование, сибирский список Послания полнее остальных и ближе архетипу, а также наиболее архаичен по своей жанровой структуре, он публикуется в приложении к статье. Теоретическая статья музыковеда Б. А. Шиндина «Нотация демественного пения как система фиксации древнерусского певческого искусства» также построена на сибирских материалах. Автор касается нового, еще неизученного пласта русской музыки и предлагает оригинальную классификацию знаков нотации демественного пения. В статье «Паремийные чтения Борису и Глебу» Л. С. Соболева впервые вводит в научный оборот четвертую, «особую», редакцию памятника и публикует ее текст по единственному известному списку.

Вторая часть сборника, содержащая обзоры и описания сибирских собраний, в основном раскрывает фонды Древлехранилища ГПНТБ СО АН СССР. В этом разделе представлены следующие работы: Р е в я к и н а Н. В., М а к а р о в а Л. М. Западноевропейская книга XV—XVIII вв. в библиотеках Сибири и Дальнего Востока; М а к а р о в а Л. М. Инкунабулы сектора книг и рукописей ГПНТБ СО АН СССР; Е н и н Г. П., С о б о л е в а Л. С. Описание старопечатных книг. (Коллекция 1970—1971 гг.); К р у ч и н и н а А. Н. Описание музыкальных рукописей, приобретенных археографическими экспедициями СО АН СССР в 1970—1971 гг.

Институтом истории, филологии и философии СО АН СССР и СО Археографической комиссии были изданы археографические сборники (ответственный редактор Н. Н. Покровский).¹⁵ Сборники эти издаются типографским способом; собранные в них работы также посвящены истории и культуре Сибири. Прежде всего это описания рукописей, раскрывающие фонды сибирских хранилищ. Е. И. Дергачева-Скоп и Е. К. Ромодановская описали около 300 рукописных книг XVI—XX вв. Госу-

¹⁵ Археография и источниковедение Сибири. Новосибирск, 1975; Источниковедение и археография Сибири. Новосибирск, 1977.

дарственного архива Тюменской области в Тобольске с подробной росписью состава сборников. Свое описание они сопроводили публикацией двух тобольских списков Повести о бражнике и старообрядческого сочинения о происхождении табака. Н. Н. Покровский публикует предварительное описание рукописей и старопечатных книг Тюменского областного музея, выявленных в фондах музея археографической экспедицией ИИФиФ СО АН СССР, а в археографическом отчете Т. Н. Чернышевой о работе в Бурятии в 1972 г. сотрудников ИИФиФ СО АН СССР содержится краткая информация о привезенных этой экспедицией книгах. Сборник включает также статьи-публикации, посвященные изучению материалов сибирских хранилищ, и заметки по сибирской тематике (например, Н. А. Д в о р е ц к а я. Послание митрополита Игнатия в Красноярск 1697 г.). Н. Я. Эйделману принадлежит исследование и публикация заключительной части «Дневника» гимназиста 1860-х годов (рукопись из собр. М. Н. Тихомирова, Новосибирск, ГПНТБ, № 53), будущего врача и автора научных трудов В. Н. Чемезова (1845—1911); в «Дневнике» отражены события 1860—1861 гг. и реакция на них в среде интеллигентов-разночинцев.

В Новосибирском государственном университете давно стало традицией проводить ежегодные апрельские всесоюзные студенческие конференции, посвященные памяти В. И. Ленина. Одна из постоянных секций этих конференций — секция «Древнерусская словесность и археография». Участие в работе этой секции дает возможность студентам-древникам познакомиться с проблематикой и результатами работ НГУ, ЛГУ, МГУ, Уральского государственного университета и др. Работой секции постоянно руководят и участвуют в обсуждении докладов Н. Н. Покровский, Е. И. Дергачева-Скоп, Е. К. Ромодановская, В. Н. Алексеев. Наряду со студентами в работе секции принимают участие также сотрудники и аспиранты НГУ и ИИФиФ. В 1976 г. сибирские археографы отмечали свой 10-летний юбилей. В связи с этим было решено силами НГУ и ИИФиФ провести юбилейные «Древнерусские чтения», которые подвели бы итоги собиранию и изучению памятников древнерусской письменности в Сибири за прошедшие 10 лет. С докладами на юбилейных сибирских чтениях 1976 г. выступали студенты, аспиранты и ученые, участники археографических поисков в Сибири (Н. Н. Покровский, Е. К. Ромодановская, В. А. Черных, Б. А. Шиндин, Н. С. Демкова, Н. Ф. Дробленкова). Многие работы молодых археографов отмечены печатью самостоятельности и в дальнейшем смогут вырасти в серьезные исследования: Е. А. Ф е т. Литературная история Пролога III редакции (XV—XVI вв.); Т. С. Т р о и ц к а я (К и р к и н с к а я). Афонский цикл сказаний в древнерусских сборниках (XVI—XVII вв.). К вопросу о литературном окружении Повести о царице Динаре; А. А. М и х а л и н а. О датировке рукописной «Истории о Франце Иммезолиусе, королевиче гишпанском»; М. Н. М и м о н о в а. Текстологический анализ жития Андрея Критского; Н. С. Г у р ь я н о в а. Бегуноские эсхатологические сборники о Петре I — антихристе; И. А. С м и р н о в а (Т о л п е к и н а). Текстологическое изучение Повести о Луке Колочском; Л. С. С о б о л е в а. К вопросу об исчезновении исторических паремий. (К литературной истории Жития Бориса и Глеба); Л. А. И т и г и н а. «Акт о Палестинских стран царице» как разновидность пьес досумароковского периода. Т. С. Киркинская (Барнаул) доложила итоги произведенного ею обследования личных фондов Государственного архива Алтайского края.

Таковы краткие данные состояния археографической работы в Сибири за последнее десятилетие.

ЗАМЕТКИ И БИБЛИОГРАФИЯ

Д. М. БУЛАНИН

Об одном из источников сочинений Максима Грека

Исследователи уже обращали внимание на то, что из русских писателей XVI в. Максим Грек проявлял наибольший интерес к сочинениям Августина Аврелия. Помимо многочисленных ссылок на Августина, Максим Грек оставил специальное сочинение, озаглавленное: «Словеса супротивна ко Иоанну Лодовику, толковнику книги св. Августина, епископа Иппонскаго». Иоанн Лодовик — это известный испанский гуманист XVI в. Ж. Л. Вивес, который написал комментарии к сочинению Августина «О граде божьем».¹ Нам удалось обнаружить еще два сочинения Максима Грека, которые восходят к комментариям Вивеса.

Сочинения эти представляют собой переводы из Сивиллиных книг и были опубликованы Х. Лопаревым.² В книге А. И. Иванова эти сочинения («Строки Сивилы пророчицы о втором преславном пришествии Спаса Христа и о страшном суде, их же краеграние сиецево есть: Иисус Христос божий сын Спас (Иисус Христос феоу о иос сотир)»; «А сии строки тоя же Сивилы о страстех Спасовых») совершенно неосновательно отнесены к числу переводов Максима Грека из Лексикона Свида.³ Попытаемся установить истинный источник переводов.

Первое из сочинений является переводом известного акростиха Сивиллы (*Oracula sibyllina*, lib. VIII, 217—250), весьма популярного у раннехристианских писателей. Для нас важно, что Сивиллин акростих имеется в трактате Августина «О граде божьем» (lib. XVIII, cap. XXIII). Дело в том, что в переводе Максима Грека, как и в сочинении Августина, отсутствуют стихи 244—250 акростиха (их начальные буквы составляют слово *στυρός*, т. е. крест). Далее, в переводе Максима Грека обнаруживаем еще одно отклонение от оригинала — отсутствие строки 225, которая, однако, имеется в переводе Августина. Объяснение этому находим в комментариях Ж. Л. Вивеса к сочинению «О граде божьем»: Вивес в своем примечании приводит греческий оригинал акростиха из Евсевия Памфила (у Августина акростих дан в латинском переводе), причем опускает 225-ю строку (p. 415), обосновывая далее пропуск тем, что этой строки нет в греческом оригинале (p. 416).⁴ Поскольку перевод Максима Грека

¹ De Aurelii Augustini opus absolutissimum de Civitate Dei, emendatum per J. L. Vivem et dignis commentariis illustratum. Bâle, 1522. Поскольку издания этого, которым, очевидно, пользовался Максим Грек, не оказалось в ленинградских библиотеках, мы пользовались изданием: De Aurelii Augustini. . . Parisiis, 1586 (ссылки на страницы — в тексте).

² Х. Л о п а р е в. Описание рукописей имп. Общества любителей древней письменности, ч. III. СПб., 1899, с. 188—190.

³ А. И. И в а н о в. Литературное наследие Максима Грека. Л., 1969, с. 75.

⁴ Следует, впрочем, отметить, что Евсевий Памфил сохраняет 225-ю строку (*Constantini oratio ad Sanctorum coetum*, cap. XVIII).

отражает индивидуальные особенности комментария Вивеса, можно считать доказанным, что перевод сделан именно отсюда.

Из комментария Вивеса Максим Грек перевел и другие стихи Сивиллы («страстех Спасовых»). Стихи эти выбраны из различных мест Сивиллинских книг. Если пронумеровать 17 стихов, переведенных Максимом Греком, и соотнести их с соответствующими стихами Сивиллинских книг, то получится следующая картина: ст. 1—4=Ogacula sibyllina, lib. VIII, 287—290; ст. 5—7=там же, 292—294; ст. 8—9=там же, 303—304; ст. 10—12=lib. VI, 22—24; ст. 13—14=lib. VIII, 305—306; ст. 15—17=там же, 312—314. Чем объяснить эту странную мозаику? Оказывается, все 17 стихов (т. е. сначала стихи 287—290, затем отдельно стихи 292—294 и т. д. VIII книги) процитировал Лактанций (Divinae institutiones, lib. IV, сар. XVIII, XIX), отсюда их выписал сплошным текстом (т. е. подряд и без разделения на стихи) Августин в трактате «О граде божьем» (lib. XVIII, сар. XXIII), причем перевел стихи на латинский язык. Вивес в своем комментарии вновь привел греческие стихи и сослался на соответствующие главы сочинения Лактанция (р. 416). Именно отсюда Максим Грек сделал свой перевод.

Видимо, одновременно с переводом двух разобранных сочинений Максим Грек написал третью статью, посвященную Сивиллам, — «Сказание о Сивиллах, колико их есть было».⁵ Статья эта частично переведена из Лексикона Свида, частично составлена самим Максимом. На мысль обратиться к статьям Свида о Сивиллах его могли навести все те же комментарии Вивеса, который неоднократно ссылается на Лексикон (р. 415).⁶

Таким образом, интерес Максима Грека к Августину, интерес, о котором писали многие исследователи,⁷ получает новое подтверждение. А. И. Иванов предположил, что разобранные нами сочинения Максима Грека должны были служить приложением к «Слову на агарянскую прелесть».⁸ Если это так, то все три статьи Максима Грека о Сивиллах написаны на рубеже 30—40-х гг. XVI в., так как, по данным Н. В. Симицыной, «Слово на агарянскую прелесть» появилось именно в это время.⁹ Можно предположить, что тогда же Максим Грек написал «Словеса супротивна ко Иоанну Лодовику, толковнику книги св. Августина, епископа Иппонскаго», сочинение, в котором он подробно разбирает комментарии Вивеса.

⁵ Сочинения преподобного Максима Грека, ч. III. Казань, 1862, с. 281—283.

⁶ Труднее объяснить, откуда Максим Грек заимствовал сведения о том, что Сивилла жила за 1000 лет до рождения Христа (Х. Лопарев. Описание рукописей. . . , с. 190). Может быть, он отсчитывал 1000 лет от Троянской войны, которая, как полагали, относится к 1194—1184 гг. до н. э. Ср.: Н. Глориа нов. Происхождение мира и человека и последующая их судьба по изображению древних римских поэтов: Сивиллины книги. — Христианское чтение, 1877, январь—февраль, с. 49, примеч. 3.

⁷ Новые данные см.: А. И. К л б а н о в. Повести А. М. Курбского об Августине Гиппонском. — Археографический ежегодник за 1962 год. М., 1963, с. 445—450.

⁸ А. И. И в а н о в. Литературное наследие Максима Грека, с. 75.

⁹ Н. В. С и м и ц ы н а. Максим Грек и Савонарола. — В кн.: Феодалная Россия во всемирно-историческом процессе. М., 1972, с. 149—156.

Г. Н. МОИСЕЕВА

«Казанская история» из библиотеки М. В. Ломоносова

В статье «„Казанская история“ в творчестве М. В. Ломоносова» было показано значение литературно-публицистического памятника 60-х гг. XVI в. в художественном сознании и исторических сочинениях Ломоносова.¹

Так как списков «Казанской истории» сохранилось большое количество (более 250), то возможности ознакомления Ломоносова с этим произведением были чрезвычайно широкими: во всех библиотеках, в которых он занимался, имелись списки этого сочинения. Однако все же удалось установить, что Ломоносов изучал сборник, переписанный в начале XVII в. троицким монахом Исайей Печерским,² который сохранился в фондах Московской духовной академии, куда влились книжные и рукописные собрания Славяно-греко-латинской академии. С 1730 по 1736 г. здесь обучался Ломоносов. На многих листах этой рукописи, где переписано «Сказание о взятии Казанском», имеются приписки и пометы Ломоносова.³

Списки «Казанской истории» были и в Библиотеке Петербургской Академии наук,⁴ к рукописному собранию которой Ломоносов постоянно обращался в 1741—1765 гг. Но какой именно текст «Казанской истории» был в его распоряжении, точно установить было невозможно.

В настоящее время из библиотеки Ломоносова, находившейся в Хельсинки, в Отдел рукописей Библиотеки АН СССР поступило 57 книг, в числе которых 4 рукописных. Первые сведения об этих книгах были приведены в статье М. Б. Виднес.⁵ Позднее была установлена история библиотеки Ломоносова⁶ и выявлен рукописный сборник, на титульном листе которого его рукою написано: «Хроник из разных рукописных и печатных книг собранной».⁷

Это большой рукописный сборник в лист, переписанный на голландской бумаге с водяным знаком: герб г. Амстердама с литерами «ia», датированный началом XVIII в.,⁸ содержит выписки из печатного Синописа, Хронограф редакции 1620 г. с продолжением (последнее известие о Чигиринском походе 1680 г.) и Казанской историей, переписанной на л. 603—687 об.

¹ Г. Н. Моисеева. «Казанская история» в творчестве М. В. Ломоносова.— ТОДРЛ, т. XXIV. Л., 1969, с. 357—364.

² ГБЛ, собр. МДА фонд., № 196, л. 1—277 об.

³ Там же, л. 99—99 об., 100 об., 101—103.

⁴ БАН, 34.6.64; БАН, 32.4.1.

⁵ M. W i d n ä s. La collection des manuscrits de la section slave de la Bibliothèque universitaire de Helsinki. Helsinki, 1971, p. 132 (Miscellanea Bibliographica).

⁶ См.: Судьба библиотеки и архива М. В. Ломоносова. Л., 1975, с. 35—70.

⁷ Там же, с. 138.

⁸ С. А. К л е п и к о в. Бумага с филигранью «Герб города Амстердама». — Зап. Отд. рукоп. ГБЛ, вып. 20. М., 1958, с. 336, № 107. Приношу благодарность М. В. Кукушкиной за помощь в уточнении датировки сборника по водяным знакам.

Безусловный научный интерес представляют все произведения, входящие в состав этого сборника, который послужил источником исторических и литературных трудов Ломоносова. Но в настоящем сообщении остановимся только на «Казанской истории».

Полное заглавие списка «Казанской истории», принадлежащего Ломоносову, несколько отличается от наиболее древнего списка из собрания акад. В. Н. Перетца,⁹ положенного в основу издания 1954 г.

Список Ломоносова

Сказание вкратце о начале царства Казанского и о брани, и о победах великих князей московских со царями казанскими, и о взятии того же царства Казанского от благочестваго царя и великого князя Иоанна Васильевича Московского и всея Руси.¹⁰

Список В. Н. Перетца

Сказание вкратце от начала царства Казанского и о бранех, и о победах великих князей московских со цари казанскими, и о взятии царства Казани, еже ново бысть.¹¹

Поскольку в начале произведения говорится о том, что в «красной» и «новой» повести будет рассказано о победе над Казанью, одержанной под водительством Ивана IV, можно полагать, что замысел автора был отражен и в заглавии: «Сказание... о начале царства Казанского и о взятии... от... царя и великого князя Иоанна Васильевича».

Так как в древнейших списках первой редакции были пропущены главы (со второй по четвертую), органически связанные с последующим изложением, в издании 1954 г. была предпринята реконструкция текста.

В списке «Казанской истории» из библиотеки Ломоносова все главы расположены в хронологическом порядке и полностью подтверждают конъектуры текста, выполненные в издании. Кроме того, ряд чтений, имеющих в этом списке, позволяет более точно понять текст памятника XVI в. и решить сложный вопрос о том, является ли дата основания Казани, названная в списке В. Н. Перетца (1177 г.) и в Соловецком списке (1172 г.), исконной принадлежностью древнейшего текста «Казанской истории».

В списке Ломоносова основание Казани связано с датой 1256 г. (л. 608). Правильность этой даты подтверждается текстом всех списков «Казанской истории», где от лица автора-повествователя, который спрашивал у казанцев о «начале» их «царства», сказано: «... рекоста ми сице: я ко двадесять лет по Батые царе, пленившем вашу Рускую землю» (разрядка моя, — Г. М.). Следовательно, дата 1256 г. согласуется с исторической концепцией автора.

Во второй главе «Казанской истории» в списке, принадлежавшем Ломоносову, имеется дополнительный текст, который связан с последующим изложением:

Список Ломоносова

Живяху же за Камою в части земли своея болгарские князи, варвары, владеюще поганым языком черемисским, не знающим. Обоям же бяху служаще и дани дающе Рускому царству до Батыя царя.

Бысть же и другая черемиса Заволжье, отяки. Тое же глаголют — Ростовския чернь, забежавших тамо от руского кре-

Список В. Н. Перетца

Живяху же за Камою рекою, в части земля своея, болгарския князи и варвары, владеюще поганым языком черемисским, не знающе бога и никоего же закона имуще, обоима же бяху служаще и дани дающе Рускому царству до Батыя царя.

О первом зачале царства Казанского, в кое время, како зачая, и не обретох

⁹ ИРЛИ, Дрвнлехранилище, кол. Перетца, № 98.

¹⁰ БАН, Текущ. пост., № 1342, л. 603 (далее листы указываются в тексте).

¹¹ Казанская история. Подгот. текста, вступ. ст. и примеч. Г. Н. Моисеевой. Под ред. чл.-корр. АН СССР В. П. Адриановой-Перетц. М.—Л., 1954, с. 43 (далее страницы указываются в тексте).

щения и вселившихся им в болгарских жилищах. Тамо бо бе прежде земля болгарец малых за рекою Камою, промеж великия реки Волги и Белья реки Волошке от великия орды Ногайския. Болшия же болгары на Дунае. Тут же на Каме и град старый Бряхов болгарский, ныне же градище пустое. Его же первое взя князь великий Андрей Юрьевич Владимирский, рекомый Боголюбский, и в конечное запустение предаде, и болгар тех под себя покори.

А о первом же зачале царства Казанского, в кое время или како зачася, не обретох в летописцах русских, но мало в казанских видех (л. 608 об.).

После главы второй, названной в списке Ломоносова «История о Казанском царстве», помещена глава третья — «О войне Батыше на Русь и о взятии от него великаго града столнаго Владимира и о порабощении великия князей русских». Следующая четвертая глава «О великом князе Ярославле, и о поновлении от него русских градов, и о поучении от него людям своим, и о наставшем паки мятежи на Рускую землю от Саина царя ордынского» логически переходит в главу «О первом зачале Казанского царствия, и о местном угодии, и о змеином жилище», в которой повествуется, как царь Саин «по местом преходя, поискав и обрете место на Каме реки, где и основал Казань».

Из этого последовательного изложения глав становится очевидным, что царь Саин это и есть Батый, получивший нарицательное имя, обозначающее «могучий», «смелый».¹² В списке В. Н. Перетца Саином ошибочно назван болгарский царь, якобы основавший город Казань в 1177 г.

Список «Казанской истории», принадлежавший Ломоносову, переписан в середине XVIII в. Но, очевидно, он восходит к древнему списку, сохранившему ряд первоначальных чтений памятника. Таким образом, еще раз подтверждается вывод Д. С. Лихачева о том, что древнейший текст памятника не всегда совпадает с древнейшим списком.¹³

Ломоносов, располагавший несколькими списками «Казанской истории» (в Библиотеке Петербургской Академии наук в собрании рукописей сестры Петра I — Натальи Алексеевны, как уже указывалось выше, хранились многие списки этого произведения), сумел подобрать для переписки древнейший текст памятника. Этот выбор свидетельствует о начале текстологического изучения списков, или, как это называлось в XVIII в., — «критике текста», в отсутствие которого незаслуженно упрекал русских ученых А. Л. Шлецер.¹⁴

В отчете о «трудах и упражнениях» с 1751 по 1756 г., в период активной работы над «Российской историей», Ломоносов писал: «Собранные мною в нынешнем году российские исторические манускрипты для моей библиотеки, пятнадцать книг, сличил между собою для наблюдения сходства в деяниях российских».¹⁵ В числе сличаемых Ломоносовым «российских исторических манускриптов», собранных в его библиотеке, как теперь очевидно, находился и список «Казанской истории», переписанный в сборнике, озаглавленном «Хроник из разных рукописных и печатных книг собранной».

¹² См.: Рычков П.. Опыт Казанской истории древних и средних времен. СПб., 1767, с. 27—28.

¹³ Д. С. Лихачев. Текстология на материале русской литературы X—XVII вв. М.—Л., 1962, с. 347.

¹⁴ A. L. Schlözer. Hecrop. Russische Annalen in ihrer slawonischen Grundsprache verglichen, übersetzt und erklärt von August Ludwig Schlözer. Th. 1. Göttingen, 1802, S. 15—20.

¹⁵ М. В. Ломоносов. Полн. собр. соч., т. X. М.—Л., 1957, с. 393.

Я. Г. СОЛОДКИН

По поводу «Истории о разорении Русском» Иова—Иосифа (Заметки о летописании)

«История о разорении Русском» является одним из не дошедших до нас источников труда В. Н. Татищева по русской истории. Ученый делает четырнадцать ссылок на это оригинальное сочинение, а его авторство в большинстве случаев приписывает Иосифу, келейнику патриарха Иова, иногда самому Иову, а дважды им обоим вместе. Во второй редакции «Предъизвещения» к «Истории Российской» читаем, что Иосиф (или Иов) описал «некоторые дела» Грозного «последних 24 года, но весьма кратко, а по нем, до избрания царя Михаила, — довольно пространно».¹ Внимание В. Н. Татищева привлекли известия этого летописца об опричнине, воцарении Бориса Годунова, обстоятельствах появления Лжедмитрия I и последствиях польско-шведской интервенции. Особый интерес Иосифа к перипетиям закрепостительного законодательства начала XVII в., к социальным проблемам этой эпохи явно выделял в глазах Татищева «Историю о разорении Русском» среди публицистических памятников Смуты. Но вопреки намерениям ему не удалось ни издать, ни прокомментировать летопись, а вскоре после смерти Татищева рукопись погибла в огне.²

Что же представляла собой летопись Иова—Иосифа?

М. Н. Тихомиров склонен сближать «Историю» с «Временником» Ивана Тимофеева.³ В. И. Корецкий же считает, что «ни по составу известий, ни по стилю отождествить столь самобытные произведения не удастся». И все же отмеченные им стилистические особенности «Истории»⁴ скорее всего роднят ее с «Временником», где так же в перечне «чинов» подчеркнут приоритет духовной знати и часто употребляется слово «паки».⁵ Могут

¹ В. Н. Татищев. История Российская, т. I. М.—Л., 1962, с. 84.

² См.: Материалы для истории Академии наук, т. VII. СПб., 1895, с. 492—493; А. И. Андреев. Переписка В. Н. Татищева за 1746—1750 гг.— ИА, т. VI. М.—Л., 1951, с. 286; В. И. Корецкий: 1) Мазуринский летописец конца XVII в. и летописание Смутного времени.— В кн.: Славяне и Русь. М., 1968, с. 284—290; 2) «История Иосифа о разорении Русском» — летописный источник В. Н. Татищева.— Вспомогательные исторические дисциплины, вып. V. Л., 1973, с. 251—285.

³ М. Н. Тихомиров. О русских источниках «Истории Российской». — В кн.: В. Н. Татищев. История Российская, т. I, с. 42.

⁴ В. И. Корецкий: 1) Мазуринский летописец. . . , с. 286; 2) Работа В. Н. Татищева над источниками по истории крестьянского закрепощения.— Вопросы истории, 1971, № 9, с. 38.

⁵ См.: Временник Ивана Тимофеева. Подгот. к печ., пер. и коммент. О. А. Державиной. Под ред. В. П. Адриановой-Перетц. М.—Л., 1951 (Литературные памятники), с. 12, 14, 27, 30, 31, 41, 44, 48, 49, 53—56 и др. Слово «паки», однако, встречается и у самого Татищева (Н. Попов. В. Н. Татищев и его время. М., 1861, Приложение XVII, с. 760).

быть сближены также, полагает В. И. Корецкий, и представления обоих авторов о последствиях воцарения Годунова, а сообщение «Истории», что Борис того, кого «погубить намерялся, наиболее ласкал и за великого приятеля почитал», находит подтверждение в рассказе дядка Тимофеева об отношениях Годунова с Богданом Бельским и Щелкаловыми.⁶

Однако отождествление «Истории» с «Временником» действительно ошибочно. Прежде всего нельзя говорить о хронологическом соответствии обоих произведений. Если, согласно Татищеву, «История» доведена до воцарения Романовых, то Тимофеев упоминает и более поздние события, кончая возвращением на родину Филарета в 1619 г. Поскольку летопись Иова—Иосифа в татищевском списке не имела конца,⁷ оставим открытым вопрос о ее верхнем хронологическом рубеже. Из «Предъизвещения» ясно, что летопись начинается с описания событий 1560 г.; в этом отношении «Временник» опережает «Историю». Кроме того, летопись излагает материал в хронологической последовательности, чего никак не скажешь о сочинении Тимофеева.

В. И. Корецкий поставил вопрос об использовании «Истории» в Новом летописце, Латухинской Степенной книге, Мазуринском и Московском летописцах XVII в. Вряд ли, однако, столь различные памятники можно возводить к одному источнику, о котором известно слишком мало. К тому же «История» не получила распространения. Еще составитель Повести «о первом Иове, патриархе Московском» в середине XVII в. утверждал, что «инде бо о нем нигде не писано».⁸ В частности, сомнителен вывод В. И. Корецкого о знакомстве с «Историей» автора Мазуринского летописца. Историк отмечает, что в данном произведении подчеркнута роль Иова при наречении царем Федора Борисовича. Однако то же мы видим и в других источниках: в Сказании о Гришке Отрепьеве, в Карамзинском хронографе, Бельской летописи и в разрядных книгах.⁹ Кроме того, неизвестно, было ли сообщение об этом в самой «Истории». Исследователь ссылается также и на совпадение в названии сочинения Иова—Иосифа и той «подлинной Книги о Московском разорении», которая используется в Мазуринском летописце.¹⁰ Однако заглавие «Истории» дано, вероятно, самим Татищевым: в письмах он именует ее «Гисторией. . . о разорении Российском» и «О втором разорении Российском», а в каталоге библиотеки ученого отмечена «Иосифа История о разорении Русском (?)».¹¹ (Возможно, Татищев поставил этот вопросительный знак на рукописи, выразив сомнение в правильности названия). Составитель Мазуринского летописца тоже скорее всего отразил в названии использованного источника лишь содержание «подлинной Книги».¹² С нашей точки

⁶ В. И. Корецкий. «История Иосифа о разорении Русском». . . , с. 271; ср.: В. Н. Татищев. История Российская, т. VII. Л., 1968, с. 385; Временник Ивана Тимофеева, с. 46, 47, 56, 72, 73, 152.

⁷ А. И. Андреев. Переписка В. Н. Татищева. . . , с. 286.

⁸ РИБ, т. XIII. Изд. 2-е. СПб., 1909, стб. 927.

⁹ См.: там же, стб. 727—728, а также: В. И. Корецкий. Новое о крестьянском закреплении и восстании И. И. Болотникова. — Вопросы истории, 1971, № 5, с. 144; С. А. Белокуров. Разрядные записи за Смутное время (7113—7121 гг.). М., 1907, с. 133, 199. С той же оценкой событий мы встретились в ркп.: ГПБ, Q.IV.103, л. 755—755 об.

¹⁰ ПСРЛ, т. XXXI. М., 1968, с. 149, 151. См. также: В. И. Корецкий. Мазуринский летописец. . . , с. 289—290. Ср.: А. Г. Кузьмин. [Рец. на кн.:] ПСРЛ, т. XXXI. — История СССР, 1971, № 1, с. 188.

¹¹ См.: Материалы. . . , т. VII, с. 492; А. И. Андреев. Переписка В. Н. Татищева. . . , с. 286; П. П. Пекарский. Новые известия о В. Н. Татищеве. — Записки имп. Академии наук, т. IV. СПб., 1864, с. 59.

¹² Следует напомнить, что книга Авраамия Палицына тоже называлась «Историей о разорении Московском» (ГПБ, собр. СПб. ДА, № 307, л. 197; ОЛДП, F.8 (6), л. 140—140 об.).

зрения, «подлинной Книгой», очевидно, следует признать не «Историю о разорении Русском», а Новый летописец начальной редакции, тем более что он и называется «книгой» («Книга, глаголемая Новый летописец»). (Кстати, поскольку одним из главных источников Нового летописца явилась «Летописная книга» Семена Шаховского, можно думать, что Летописец был назван «новым» по сравнению именно с ней, а не с хронологически далекой «Историей» Авраамия Палицына, как считает Л. В. Черепнин¹³). Сопоставляя Новый летописец с Мазуринским, легко увидеть сходство обоих произведений. Рассказ Мазуринского летописца о событиях конца XVI—начала XVII в. есть сокращенное изложение, а подчас и дословное повторение повествования официального Летописца 1630 г. Порой совпадают даже названия глав («О настоящей беде Московскому государству», «О посылке з Дону в Литву от казаков к Гришке Отрепьеву» и др.). Только изредка составитель исторической компиляции использует данные других сочинений о Смуте. Так, в Новом летописце инициаторами низложения Василия Шуйского выступают З. Ляпунов и Ф. Хомутов, а Мазуринский летописец вместо последнего называет П. Ляпунова.¹⁴ Ссылаясь на «подлинную Книгу о Московском разорении», Летописец сообщает об условиях крестоцеловальной записи Шуйского, и это сообщение лишь повторяет рассказ Нового летописца.¹⁵

Реконструируя неизвестное произведение, нужно учитывать, что, помимо Нового летописца, сочинений Палицына и Иова—Иосифа, Татищев располагал и другими материалами о Смуте.¹⁶ Не следует также исключать возможности искажения им свидетельств «Истории». Однажды, например, со ссылкой на Палицына и Иосифа Татищев утверждает, что первое «в Руси» избрание царя привело «к великому государства разорению». ¹⁷ Между тем троицкий келарь осуждает не собственно воцарение Годунова, а лишь его поведение при этом. Всероссийскую «бездну» начала XVII в. он считает результатом прежде всего социальных причин, в чем его «История вкратце» перекликается с летописью Иова—Иосифа.

В исследовательской литературе «История о разорении Русском» обычно атрибутируется одному Иосифу, так как патриарх Иов умер в 1607 г. Но являются ли татищевские указания на авторство Иова только ошибкой? Он мог работать над «Историей» до своей смерти (хотя в конце жизни Иов ослеп¹⁸) или, скорее, до низведения с патриаршего престола. На такую возможность указывал еще Д. П. Голохвастов;¹⁹ недаром «История» содержала «политические рассуждения» Иова.²⁰

¹³ Л. В. Черепнин. «Смута» и историография XVII века. (Из истории древнерусского летописания).— Изд., т. 14. М., 1945, с. 103.

¹⁴ Ср.: ПСРЛ, т. XIV. М., 1965, с. 100; т. XXXI, с. 153. Оба Ляпунова указываются в этой связи только в «Сказании о пресвятейшем Ермогене» конца XVII в. (С. И. К е д р о в. Жизнеописание святейшего Ермогена, патриарха Московского и всея России. М., 1912, Приложение, с. 110).

¹⁵ ПСРЛ, т. XIV, с. 69; т. XXXI, с. 151.

¹⁶ См.: П. А. П е к а р с к и й. Новые известия... с. 58, 60; Н. П о п о в. В. Н. Татищев и его время, с. 441.

¹⁷ В. И. К о р е ц к и й. «История Иосифа о разорении Русском»... с. 271.

¹⁸ См.: РИБ, т. XIII, стб. 927, 1296; ГПБ, Эрмитажное собр., № 515, л. 316; ГБЛ, собр. Тихонравова, № 557, л. 224 об. Это отмечено и в Сказании о поставлении Филарета на патриаршество (ДАИ, т. II. СПб., 1846, с. 193). Упомянутое в описях патриаршей и царской казны 1631 и 1642 гг. Сказание не могло появиться в середине XVII в., как утверждает Л. В. Черепнин («Смута»... с. 114). См.: Сборник П. П. Муханова. Изд. 2-е. СПб., 1866, с. 377—378; Е. И. З а б е л и н. Домашний быт русских царей в XVI и XVII ст., ч. II. М., 1915, с. 591 (Материалы).

¹⁹ Д. [Г о л о х в а с т о в]. Замечания об осаде Троицкой лавры, 1608—1610, и описании оной историками XVII, XVIII и XIX столетий.— Москвитянин. М., 1842, № 7, с. 130.

²⁰ Материалы... т. VII, с. 492.

В Повести о житии Федора Ивановича имеются ускользнувшие от внимания исследователей ссылки на какое-то другое произведение. Нарисовав идеальный образ Грозного, патриарх делает оговорку, что о прочих добродетелях царя «слово инде изъявит». Подобную же фразу находим и далее в рассказе о Федоре Ивановиче, с той лишь разницей, что в ней речь идет о пространным «слове».²¹ Эта деталь кажется нам примечательной, особенно если вспомнить, что «История о разорении Русском» «весьма кратко» описывает последние 24 года царствования Ивана IV и «довольно пространно» последующие события. Отметим также и проникнутое скорбью об угасшей династии указание Иова на непрерывность царского «корня» от Августа, «яко же история поведает».²² Это замечание можно сопоставить с мыслью Иосифа о пагубности «вольного выбора» царя. Правда, «История» враждебна Борису Годунову, тогда как Иов был его апологетом. Однако эти враждебные отзывы относятся (насколько можно судить по трудам Татищева) только к царствованию Бориса; кроме того, в примечании к указу 24 ноября 1597 г. ученый, основываясь на «Истории» (возможно, Иова—Иосифа), говорит о «благорассудном Годунове».²³ Любопытно, что Борис именуется «благорассудным» и в раннем, Егоровском списке Повести о житии Федора Ивановича.²⁴

Иов, по-видимому, начал «Историю» и смог довести ее до 1598 г., резюмировав в Повести описание царствования Федора Ивановича. Иосиф же продолжил патриаршую летопись, к созданию которой он, видимо, был причастен и ранее, дополнив ее описанием воцарения Годунова, событий Смуты и польско-шведской интервенции. Все это тем более вероятно, что по весьма убедительному предположению В. И. Корецкого Иосиф занимался летописанием и в окружении Гермогена.²⁵ До последнего времени о летописании при Гермогене было известно только со слов самого патриарха из его грамоты 1610 г. и из упоминания о Летописце Гермогена в одном сборнике XVII в.²⁶ Ныне обнаружено еще одно указание на Летописец Гермогена в «Родословии великих князей литовских»: «... списано из Летописца святейшего патриарха Гермогена Московского и всеа России».²⁷ Поскольку Летописец Гермогена охватывал и события XII—XV вв. (1128—1440 гг.), он, видимо, являлся обширным сводом, пополнявшимся в патриаршей среде записями о современных событиях.

Итак, в «Истории» Иова—Иосифа, думается, можно видеть Летопись первого патриарха, которую его келейник дополнил повествованием о «Разорении Русском». «История о разорении Русском» была, по-видимому, солидным летописным предприятием патриаршей канцелярии. Согласно «Предызвесчению» Татищева, она продолжала труд Макария, под которым следует подразумевать «Летописец начала царства».²⁸

²¹ ПСРЛ, т. XIV, с. 2, 7.

²² Там же, с. 2.

²³ В. Н. Татищев. История Российская, т. VII, с. 366; В. И. Корецкий. Формирование крепостного права и Первая крестьянская война в России. М., 1975, с. 40.

²⁴ Е. В. Колосова. Новый список Повести о Федоре Ивановиче.— ТОДРЛ, т. XIV. М.—Л., 1958, с. 273. Ср.: ПСРЛ, т. XIV, с. 6, 8. «Благорассудным» Годунов назван и в найденном нами списке «Истории» Авраамия Палицына, который дает новый, пространный вариант окончательной редакции начальных глав (СПб, собр. Соловецкого монастыря, № 43/1502, л. 144 об.).

²⁵ В. И. Корецкий. «История Иосифа о разорении Русском»... , с. 251—252.

²⁶ См.: ААЭ, т. II. СПб., 1836, с. 290—291; Протоколы.— ЛЗАК, вып. 5. СПб., 1871, с. 26; а также: С. И. Кедров. Жизнеописание... , с. 10—11.

²⁷ ЛОИИ, к. 11, № 40, л. 119 об.

²⁸ Е. Н. Кушева. К истории холопства в конце XVI—начале XVII века.— ИЗ, т. 15. М., 1945, с. 77.

Н. С. ДЕМКОВА

Неучтенный экземпляр первого издания «Слова о полку Игореве»

В библиотеках и частных собраниях Советского Союза зарегистрировано свыше 60 экземпляров первого издания «Слова о полку Игореве» (Москва, 1800); все они в настоящее время подробно описаны и изучены. В специальном исследовании Л. А. Дмитриева содержится полная характеристика сохранившихся книг, их переплетов, типов использованной при издании бумаги, а также описание имеющихся рукописных помет — читательского и исследовательского характера.¹

Интерес исследователей к различным экземплярам первого издания «Слова» поддерживается тем обстоятельством, что, как оказалось, в процессе печатания книги первые издатели продолжали работу над комментариями к памятнику и самим его текстом и в части тиража первого издания была произведена замена некоторых частей книги: были заново напечатаны и вклеены в книгу «восьмушки» со с. 1—2, 7—8, 15—16, 37—38.

Основанием для обнаружения этого важного факта в истории первого издания послужили два необычных экземпляра «Слова» — Ермолаевский, описанный еще Н. Н. Зарубиным, и экземпляр, вновь приобретенный в 1951 г. библиотекой Гарвардского университета.² В статье Р. О. Якобсона, посвященной истории находки и установлению архетипного вида книги, были упомянуты еще два других — «стандартных» — экземпляра первого издания в библиотеках США: один — из коллекции Б. Килгура (также в библиотеке Гарвардского университета), другой — из Библиотеки Конгресса.³

К сожалению, в настоящее время не существует сводного каталога (или просто перечня) первопечатных экземпляров «Слова», имеющих за рубежом, хотя это необходимо и для дальнейшего изучения «Слова», и для полной библиографии редкой русской книги.

¹ См.: Л. А. Д м и т р и е в. История первого издания «Слова о полку Игореве». М.—Л., 1960. Сведения о вновь найденных экземплярах первого издания см. в других статьях Л. А. Дмитриева: 1) 175-летие первого издания «Слова о полку Игореве». — ТОДРЛ, т. 31. Л., 1976, с. 12 (таганрогский экземпляр); 2) Стопятидесятилетие первого издания «Слова о полку Игореве». — Русская литература, 1975, № 4, с. 58—62; см. также: Т. А н а н ь е в а. Находка, ведущая в поиск. Необычный экземпляр «Слова о полку Игореве» в библиотеке ВГУ. — Воронежский университет, 1978, 11 января, № 2, с. 3.

² См.: The Archetype of the First Edition of the Igor Tale by Roman Jakobson. — Harvard Library Bulletin, 1952, vol. VI, N 1, p. 5—14. См. также: Л. А. Д м и т р и е в. История первого издания. . . , с. 6—7.

³ Ibid., p. 8. Экземпляр Библиотеки Конгресса (в Отделе редких книг значится в каталоге под номером PG 3300.S6 1800) отсутствовал на месте во время работы автора настоящей заметки в октябре 1975 г.

«Еще один экземпляр, неучтенный в библиографии первого издания «Слова», был обнаружен автором этой заметки среди неразобранных русских книг XVIII в., без шифра хранящихся в особой коллекции библиотеки Гуверовского института (Стенфорд) — «Russian miscellaneous».

Эта коллекция располагает весьма ценными русскими книгами XVIII в., сведения о которых не вошли в известный печатный каталог библиотеки института, но учтены во внутренней рукописной картотеке (ее специальный раздел — «Russian miscellaneous» — названия всех книг располагает в алфавитном порядке).⁴

Среди многочисленных книг коллекции — русский перевод сочинений Монтескье 1775 г. издания (перевод Василия Крамаренкова), описание путешествия в Америку Григория Шелехова (1791), ряд академических исторических изданий (Царственная книга, 1769; Судебник Ивана Грозного, 1768; Царственный летописец, 1772, и др.), сочинения Ипполита Богдановича (Русские пословицы, ч. I—III. СПб., 1785) и т. д.

Хранятся в коллекции и два важнейших издания А. И. Мусина-Пушкина: «Духовная великаго князя Владимира Всеволодовича Мономаха. . .» (1793) и «Слово о полку Игореве» (1800).⁵ Обе книги указаны в картотеке с одинаковой пометой: «Russ. misc. — 1913. Vault L. H. H. Bldg. Purch from mrs. Smith. Jan. 30, 1933» (коллекция хранится в небольшой комнате особого здания Lou Henry Hoover Building, где в основном находятся материалы «East Asia Collection»). Разнятся лишь сохранившиеся номера их предыдущего места хранения: на «Духовной» Владимира Мономаха значится «Slav. coll. 25858», на «Слове — «Slav. coll. 25856».

Знакомство с экземпляром первого издания «Слова о полку Игореве» de visu позволило составить его описание. Книга хорошей сохранности, лишь кое-где на бумаге имеются пятна (темные или белые) от сырости. Переплета нет, обложка — мягкая («сорочка») из голубой бумаги (точно такая же у «Духовной» Владимира Мономаха). Сразу же отметим, что голубая мягкая обложка крайне редка в дошедших экземплярах первого издания: из 60 книг, описанных Л. А. Дмитриевым, только в одном случае (№ 44, экземпляр И. И. Пулькина, хранится в ГИМ) отмечено: «Книга в синей обложке»;⁶ как правило, мягкая обложка первого издания «Слова» «сделана из бумаги под мрамор различных расцветок».⁷

Стенфордский экземпляр первого издания — полный, состоит из 7 тетрадей, к которым добавлены две вклейки — два дополнительных листа: «Поколенная роспись князей» (лист подклеен к чистой нумерованной странице 47, т. е. находится в конце последней восьмушки, на обычном для первого издания месте) и лист «Погрѣшностей» (подклеен к с. 1, сразу после вводной статьи; обычно если этот лист есть в книге, он находится вместе с «Поколенной росписью» в самом ее конце).⁸

Стенфордский экземпляр относится к числу книг с замененными восьмушками текста: с. 1—2, 7—8, 15—16, 37—38 заново вклеены в книгу, изменения в их тексте подробно рассмотрены в книге Л. А. Дмитриева. Однако следует отметить, что способ вклейки вновь перепечатанных

⁴ Пользуюсь случаем выразить искреннюю признательность мисс Хилье Кукк и миссис Агнес Петерсен за помощь в ознакомлении с рядом русских книг XVIII в., хранящихся в «Russian miscellaneous» и «Russian Art Collection».

⁵ Библиотека располагает и еще одной книгой, изданной А. И. Мусиным-Пушкиным, — «Евгения Булгара, архиепископа Славенскаго и Херсонскаго, историческое разыскание о времени крещения российской великой княгини Ольги» (СПб., 1792) (шифр ДК.73.Е 877).

⁶ Л. А. Дмитриев. История. . . , с. 44.

⁷ Там же, с. 19.

⁸ Там же, с. 20 и др.

восьмушек в стенфордском экземпляре несколько отличается от описанного Л. А. Дмитриевым: все они подклеиваются не к фальчикам (к остаткам вырезанных листов), которые в этом экземпляре отсутствуют, а непосредственно к последующей или предыдущей странице текста (лист с «Погрѣшностями» подклеен к с. 1; лист со с. 1—2 подклеен к с. 3; лист со с. 7—8 — к с. 6; лист со с. 15—16 — к с. 14; лист со с. 37—38 — к с. 39; лист с «Поколенной росписью» — к 47-й (ненумерованной) странице). Заново скреплены с книгой и листы со с. 9—10 и 35—36, оставшиеся без парной вырезанной и замененной восьмушки: лист со с. 9—10 подклеен к с. 11, лист со с. 35—36 — к с. 34 (в экземплярах, описанных Л. А. Дмитриевым, «восьмушки» со с. 9—10 и 35—36 не вынимались из книги).

Гравированная виньетка в конце книги представляет собой более редкую «концовку второго вида»: корзиночка, обвитая гирляндой роз («концовка первого вида» — лира, на которой лежит ветвь розы, — встречается гораздо чаще: в 39 экземплярах из 60, по подсчету Л. А. Дмитриева).⁹ В стенфордском экземпляре «Слова» использована бумага только «первого типа» (филигрань — геральдическая лилия и латинские буквы «D&C BLAW»), что также встречается в меньшей части тиража, отличающейся улучшенным оформлением. Никаких читательских помет в тексте «Слова» нет.

Таким образом, неучтенный стенфордский экземпляр первого издания «Слова о полку Игореве» относится к исправленной части тиража, но обладает рядом особенностей в оформлении текста по сравнению с известными книгами. Информация о книге может быть полезна для советских и зарубежных специалистов, поскольку сведения об этом экземпляре первого издания «Слова» отсутствуют даже в библиотеке Стенфордского университета, на территории которого расположен Гуверовский институт.¹⁰

Судьба затерянного экземпляра первого издания «Слова о полку Игореве» убеждает в том, что создание каталогов и библиографических указателей древнерусских рукописей и старинных русских книг, хранящихся в США, — необходимый этап будущей работы специалистов.

⁹ Там же, с. 75.

¹⁰ Так, например, после того, как мы сообщили проф. Д. Хейни (Университет штата Вашингтон, Сиэтл) о существовании этого неучтенного в библиографии экземпляра, он пытался в январе 1977 г. разыскать его через библиотеку Стенфордского университета. Однако попытка найти редкую книгу без шифра оказалась безуспешной: проф. Д. Хейни получил факсимильное издание 1920 г., подготовленное М. Н. Спераским.

В. Н. БАСКАКОВ

Памятники русской средневековой литературы в польских переводах и исследованиях

В польской литературной науке эпоха русского средневековья долгое время почти не привлекала к себе внимания. Научная мысль XIX в. и литературоведение междувоенного времени не отличались широтой и плодотворностью исследований в этой области русистики. Лишь в послевоенные годы польская наука, поставившая своей задачей всестороннее освоение русского литературного процесса, сделала заметные шаги в изучении древнерусской литературы и ее важнейших памятников, добилась серьезных успехов не только в переводе и популяризации литературного наследия этой эпохи, но и в его изучении. Древнерусская литература постепенно, но с каждым годом все более и более привлекает внимание польской русистики. Переводы памятников, их научные издания, исследования, посвященные русскому литературному процессу X—XVII вв. и русско-польским связям старшей поры, наконец, ряд обобщающих трудов, учебных курсов и пособий по литературе Древней Руси — все это говорит о живом интересе польских читателей и польской научной мысли к литературе русского средневековья, о перспективности дальнейших исследований в этой области. Сейчас польские ученые изучают художественную систему литературы Древней Руси, выясняют роль и значение средневекового искусства для русского литературного развития позднейших эпох, исследуют его связи с польской культурой. Чтобы создать наиболее полное представление о восприятии древнерусской литературы и ее изучении в послевоенной Польше, необходимо прежде всего рассмотреть польские переводы важнейших литературных памятников Древней Руси, осуществленные в последние десятилетия, и оценить работу польских литературоведов и историков по их изучению, комментированию и научному изданию. Это необходимо потому, что литературный текст составляет основу всякого филологического исследования, и перевод его на польский язык, степень изученности памятника в Польше, характер его комментирования предопределяют круг интересов польских медиевистов, а также научный уровень проводимых в этой области работ. Сегодня польская наука уже не ограничивает свою деятельность эпизодическим обращением к «Слову о полку Игореве» или «Повести временных лет», как это было раньше, а ведет исследования, охватывающие многие этапы и явления литературного процесса Древней Руси.

Восприятие и изучение древнерусской литературы в современной Польше может и должно быть предметом большого специального исследования. В настоящей статье дается лишь характеристика польских переводов важнейших памятников нашей старинной литературы, их научных изданий. Такое ограничение темы объясняется не только сложностью вос-

приятия русской средневековой литературы на польской почве, но и тем обстоятельством, что переводы древнерусских памятников и сопровождавшие их исследования, изданные в послевоенные годы, сами по себе представляют крупнейшие достижения в области русистики. Вокруг этих переводов в значительной степени концентрируется изучение русской средневековой литературы в Польше.

Переводы на польский язык осуществляют, как правило, виднейшие ученые, работающие в этой области. Среди них А. Обрембская-Яблоньская, В. Якубовский, М. Якубец, Ф. Селицкий. В числе переведенных и изданных в последние десятилетия памятников — «Слово о полку Игореве», «Повесть временных лет», «Хождение за три моря» Афанасия Никитина, сочинения протопопа Аввакума, «Записки путешествия. . . боярина Бориса Петровича Шереметьева».

Характер исследования этих памятников и форма их публикации во многом связаны с особенностями восприятия публикуемого произведения в Польше. Если «Слово о полку Игореве» и «Повесть временных лет» в этой стране известны давно, то другие памятники, в том числе сочинения протопопа Аввакума и Афанасия Никитина, ранее были недоступны польскому читателю и в польской литературе и науке отражения почти не находили. В первом случае исследование, сопровождающее публикацию перевода, ориентировано не только на изучение самого произведения — это в достаточной степени сделано советской наукой, — но и на восстановление его польской рецепции со всеми ее закономерностями и подробностями. И надо сказать, что для нашего литературоведения именно эта часть исследования представляет наибольший интерес, так как она демонстрирует широкое признание памятника в Польше, тем самым включая его в круг проблем, свидетельствующих о мировом значении русской литературы, в том числе и средневековой.

Издания памятников древнерусской литературы осуществляются либо Комитетом славяноведения Польской Академии наук, либо выпускаются в составе второй (иностранной) серии «Biblioteka Narodowa». По характеру научного аппарата названные издания, конечно, различаются и характером вступительных статей, и особенностями комментария, оставаясь, несмотря на эти отличия, лучшими образцами научных изданий, в настоящее время осуществляемых в Польше. Если попытаться провести параллель с существующими в советской науке типами изданий, то издания Польской Академии наук будут соответствовать тем публикациям — исследованиям памятников, которые ведет Сектор древнерусской литературы Пушкинского Дома, а издания «Biblioteki Narodowej» — серии «Литературные памятники».

Издание памятников древнерусской литературы в Польше в настоящее время можно рассматривать как основу для изучения литературы этой эпохи польской русистикой, и продолжение этой работы приведет к расширению проблематики исследований, их углублению и усилению древнерусского раздела польской русистики, находящегося в настоящее время, несмотря на сравнительную многочисленность исследований, еще в стадии формирования.

1

Знакомство польского читателя со «Словом о полку Игореве» состоялось в Польше в начале XIX в. Первое упоминание об этом памятнике, сделанное Киприаном Годобским, относится к 1804 г. С тех пор и до сегодняшнего дня «Слово о полку Игореве» постоянно привлекает к себе внимание польских писателей, критиков, ученых. На польском языке сейчас существует обширнейшая литература об этом памятнике, требую-

щая специального исследования, и несколько переводов, прозаических и поэтических, также нуждающихся в анализе как с точки зрения точности воспроизведения на польском языке образной системы памятника, так и художественного уровня этих переводческих работ.

В послевоенные годы «Слово о полку Игореве» было издано в Польше дважды и оба раза в переводе Юлиана Тувима, который, по общему признанию, создал лучшее поэтическое переложение этого памятника. Первое из этих изданий вышло (как несколько позднее и «Хождение за три моря» Афанасия Никитина) в составе второй (иностранной) серии «Biblioteka Narodowa» (№ 50) в 1950 г. под редакцией и с предисловием профессора Вроцлавского университета Мариана Якубца. Другое издание осуществлено четыре года спустя, в 1954 г., профессором Антониной Обрембской-Яблоньской (PIW). Несмотря на то что эти переводы предназначались для разных читательских кругов, их прежде всего следует рассматривать как научные издания, впервые давшие польскому читателю столь широкое и многостороннее представление о «Слове о полку Игореве».

В составе «Biblioteki Narodowej» впервые «Слово о полку Игореве» было издано в 1928 г. в первоначальном варианте перевода Ю. Тувима под редакцией и с предисловием А. Брюкнера. Однако это издание, почти лишенное комментария и предваренное кратким вступлением общего характера, не имело научного значения и не давало польскому читателю достаточных сведений, исторических и литературных, необходимых для понимания идейного и художественного смысла памятника. Впрочем, это следует отнести не только к публикации «Слова о полку Игореве», но и к целому ряду других литературоведческих публикаций и исследований, осуществленных в 20-е гг., которые не отличались высоким научным уровнем, соответствовавшим, впрочем, уровню междувоенной литературоведческой русистики в целом.

Первое послевоенное издание «Слова» является результатом серьезного изучения памятника, его истории и значения для последующего развития русской литературы, а также процесса восприятия и бытования «Слова о полку Игореве» на польской почве, отмеченного яркими и значительными явлениями как переводческой, так и научно-критической мысли XIX и XX вв.¹ Широта процесса восприятия во многом предопределила характер, содержание и композицию исследований, предваряющих публикуемые переводы Ю. Тувима. Предпринятая в рамках «Biblioteki Narodowej» публикация «Слова о полку Игореве» является первым обращением этого издания к русской литературе в послевоенные годы. И надо сказать, что опыт оказался удачным прежде всего потому, что предисловие и комментарии были написаны известным знатоком русской литературы М. Якубцем. Успех этого первого обращения к русской литературе во многом предопределил научный уровень и оформление последующих публикаций (к сегодняшнему дню в этой серии вышло около тридцати изданий произведений русской литературы XII—XIX вв.).

Статья М. Якубца интересна прежде всего обобщением материала, относящегося к области русско-польских взаимосвязей. В ней рассматривается восприятие «Слова о полку Игореве» в Польше начиная с первых обращений к нему К. Гodeбского до перевода Ю. Тувима, причем преимущественное внимание уделено отражению памятника в критической и научной литературе. Для начала 50-х гг. исследование М. Якубца было итогом длительной работы по освоению этого памятника древней русской литературы в польской культуре и науке.

¹ Słowo o wyprawie Igora. Przełożył J. Tuwim, wstępem i objaśnieniami opatrzył M. Jakóbiec. Wyd. II, zmienione. Wrocław, Ossolineum, 1950. (Biblioteka Narodowa. Ser. II, N 50).

Издание, подготовленное А. Обрембской-Яблоньской, интересно с точки зрения текстологии.² Памятник публикуется на древнерусском языке в прочтении академика А. С. Орлова, сопровождается вариантами по другим изданиям и пространными комментариями исторического, литературного и языковедческого характера. Затем следует филологический перевод, выполненный А. Обрембской-Яблоньской и З. Федецким, и поэтический перевод Ю. Тувима. Издание завершается фототипическим воспроизведением первого издания «Слова о полку Игореве», т. е. дается весь комплекс текстов, необходимых для исследователя. Если учесть, что текст «Слова» дан в сопровождении довольно пространных комментариев и библиографических справок, то надо признать, что по сравнению со всеми предшествующими польскими изданиями «Слова о полку Игореве» данное издание является лучшим по своей полноте и уровню научного воспроизведения текстов.

Исследование А. Обрембской-Яблоньской, предваряющее публикацию текстов, озаглавлено «Историческое и культурное значение произведения». Автор подробно рассматривает историю открытия «Слова», отражение похода Игоря в русских летописях, исторические обстоятельства, сопутствовавшие появлению памятника, развивает критику текста и выясняет литературное происхождение «Слова», его художественные достоинства и особенности, дает обзор и критику выступлений скептиков, относящих «Слово» к более поздним эпохам или считающих его подделкой. Завершается исследование обширной главой о польских переводах и переделках «Слова». Переводили его в Польше неоднократно. Уже в 1806 г. появился частичный перевод памятника, выполненный К. Гобебским. Позднее по частям или полностью «Слово» переводили Б. Раковецкий (1820), С. Линде (1823), К. Бродзинский (1823), Л. Семеньский (1833), А. Белевский (1838), А. Красиньский (1856), Б. Лепки (1905), Ю. Тувим (1928). Эти переводы и являются главным предметом внимания автора, тщательно анализирующего и рассматривающего их художественные особенности, приемы переводчиков, уровень и популярность переводов. И здесь необходимо отметить, что последний перевод, выполненный Ю. Тувимом в 1928 г. и позднее им неоднократно перерабатывавшийся, представляет, конечно, шедевр переводческого искусства не только польского, но и мирового, он является как бы заключительным и самым совершенным звеном более чем полуторазекового процесса восприятия «Слова» в польской литературе, культуре, науке.

В целом книга 1954 г. представляет собой одно из наиболее совершенных зарубежных изданий «Слова» и открывает широкие перспективы для дальнейшей популяризации и изучения этого памятника в Польше.

2

Наряду с работой А. Обрембской-Яблоньской по «Слову о полку Игореве» незаурядным явлением польской русистики является перевод и исследование «Повести временных лет» профессора Вроцлавского университета Франтишека Селицкого.³

Этому исследованию памятника присуща оригинальность восприятия, широта постановки проблем и тщательность их аргументации, построенной на обширнейшей источниковедческой основе. Оно содержит не только

² Słowo o wyprawie Igora. Oprac. A. Obrębska-Jabłońska. Przekł. poetycki J. Tuwim. Przekł. fil. A. Obrębska-Jabłońska i Z. Fedeci. Warszawa, 1954.

³ Powieść minionych lat. Charakterystyka historycznoliteracka, przekł. i kom. F. Sielicki. Red. nauk. M. Jakóbiec, W. Jakubowski. Wrocław—Warszawa—Kraków, 1968. 464 s.

всестороннее рассмотрение памятника, но прослеживает с исчерпывающей полнотой процесс его восприятия в Польше, характер воздействия его на польскую словесность, науку, культуру.

История бытования и восприятия в Польше «Повести временных лет» восходит к XIV в., когда в польских хрониках появились упоминания русского летописного свода или реминисценции из него. Работа Ф. Селицкого суммирует на современном уровне развития науки все то, что было в этой области сделано раньше.

Исследование Ф. Селицкого, посвященное «Повести временных лет», складывается из двух больших разделов, в первом из которых русская летопись рассматривается как исторический и литературный памятник эпохи, во втором — исследуется ее восприятие в Польше.

Ф. Селицкий стремится дать всестороннюю характеристику памятника с точки зрения его источников, исторического содержания, этнографии и культуры, религии и т. д. Таким образом, в статье Ф. Селицкого содержится характеристика русского летописания, оценка источников «Повести», роли и значения ее для литературы своей поры и подробнейший анализ содержания памятника с определением его основных тем и мотивов (описания битв, силуэты и некрологи князей, астрономические явления, хозяйство и т. д.). Столь подробный разбор памятника на широком историческом фоне рассчитан прежде всего на польского читателя, обращающегося к основательному изучению произведения другого народа. Для советского же читателя и исследователя наибольший интерес в первой части представит глава о польских мотивах в «Повести временных лет». Несмотря на то что польские элементы и мотивы в летописи встречаются не часто, они важны для изучения истории Польши и польско-русских отношений древней поры. Среди них Ф. Селицкий выделяет несколько групп, из которых к первой относятся географические данные о Польше, т. е. упоминания польских племен, местностей, городов, рек и т. д. Наибольшее внимание при этом исследователь отводит происхождению слова «лях», анализу записи 981 г. о взятии князем Владимиром Перемышля и «червенских» городов, упоминаниям в «Повести» Болеслава Храброго и Болеслава Смелого, польско-русским отношениям в эпоху Казимира I. С такой полнотой *rolonisa* «Повести» изучается впервые и впервые обобщается весь накопленный материал, относящийся к этим вопросам. Однако польская тематика в первой части исследования лишь намечена.

Вторая часть исследования — пространный очерк о судьбе «Повести временных лет» в Польше с древнейших времен до наших дней, от первых обращений к ней авторов польских хроник до последних отражений ее в литературе и научном процессе, очерк, свидетельствующий о широком распространении в Польше известий о русской летописи, популярности ее текста и переводов. Этот памятник сыграл важную роль в становлении польско-русских историко-культурных и научных контактов. Ф. Селицкий рассматривает «Повесть временных лет» как источник зарождения литературных связей русских и поляков. Благодаря обращению именно к этой теме польские труды Меховиты, Кромера, Кояловича «получили европейскую известность».⁴ Кроме того, «Повесть» позволила польским историкам средневековья (Длугош, Бельский, Стрыйковский, Нарушевич) «лучше, всестороннее и правдивее отразить начальную историю Польши, тем более что собственные источники в этой области были, как известно, очень бедны».⁵ Изучению «Повести временных лет» и русских летописей в послевоенной Польше, обзору и анализу трудов Г. Ловмян-

⁴ Ibid., p. 195.

⁵ Ibid.

ского, С. Кручиньского, А. Грабского, Т. Лер-Сплавиньского и др. Ф. Селицкий посвящает специальную главу.⁶

В заключении к своей работе автор приходит к интересному и неожиданному выводу: «Ни одно произведение русской художественной литературы. . . не может равняться, с точки зрения его известности в Польше, с «Повестью временных лет».⁷

Перевод «Повести временных лет», сделанный Ф. Селицким, основывается на советском издании этого памятника, подготовленном Д. С. Лихачевым и изданном в серии «Литературные памятники» в 1950 г. Таким образом, перевод сделан по Лаврентьевскому списку, но в примечаниях приведены или пересказаны некоторые варианты по Ипатьевскому и другим спискам. Перевод осуществлен не по оригиналу летописи, а по его русскому переводу (изданному в 1950 г. и переизданному в 1957 г.). Оригинал привлекался переводчиком только в качестве контрольного текста, однако в результате сопоставления текста летописи с русским переводом Ф. Селицкому удалось обнаружить в русском переводе некоторые неточности и предложить к нему ряд лексических поправок.⁸

3

Записки о путешествии в Индию в 1466—1472 гг. тверского купца Афанасия Никитина, переведенные на основные европейские языки⁹ и известные в переводах и переложениях в Индии, в славянских странах привлекли внимание лишь в послевоенные годы: в 1951 г. перевод их появился в Чехословакии,¹⁰ в 1952 г. к этому памятнику обратились польские ученые и переводчики.

Польский перевод, сделанный профессором Ягеллонского университета в Кракове Е. Вильман-Грабовской, вышел в свет во второй (иностранной) серии «Biblioteka Narodowa» (вып. 72). Большая вступительная статья, предвещающая перевод, написана Е. Вильман-Грабовской совместно с известным исследователем русской литературы профессором В. Якубовским; последнему принадлежат и многочисленные, порою весьма пространные комментарии к тексту памятника.¹¹

Выбор для перевода и публикации в серии «Biblioteka Narodowa» «Хождения» Афанасия Никитина был сделан чрезвычайно удачно: для польского читателя оно представляет большой исторический интерес, знакомит с бытовым укладом, хозяйством, культурой и обычаями Индии XV в., тема которой в польской литературе того времени не нашла отражения.

Вступительная статья представляет серьезное, оригинальное исследование, построенное на широком круге источников и в то же время рассчитанное на читателя, впервые встречающегося с этим произведением. Авторы рассматривают записки Афанасия Никитина на широком историческом и литературном фоне, сопровождая свой анализ обширными экскурсами в историю стран, описываемых русским путешественником. Исторический фон включает не только общую характеристику эпохи, но и со-

⁶ Ibid., p. 179—195.

⁷ Ibid., p. 195.

⁸ Ibid., p. 199—207.

⁹ Перечень переводов на европейские языки см. в кн.: Хождение за три моря Афанасия Никитина. Изд. 2-е, доп. и перераб. М.—Л., 1958, с. 255.

¹⁰ Putování ruského kupce Afanasije Nikitina přes tři moře. V. Lesný. Praha, 1951.

¹¹ 111 s. Atanazy Nikitina. Wędrowka za trzy morza. Przeł. H. Willman-Grabowska. Wstęp. i objaśn. zaopatr. W. Jakubowski, H. Willman-Grabowska. Wrocław, 1952. 56 s. (Biblioteka Narodowa, N 72).

держит обстоятельный анализ тогдашнего положения Тверского княжества и литературы Твери, среди памятников которой «Хожение» Афанасия Никитина занимает особое место.¹² «Хожение за три моря» рассматривается на фоне общего процесса развития русской литературы XV в. Это обязывает польских исследователей обратиться к жанру древнерусских путешествий в целом, чтобы точнее определить роль, место и значение записок Афанасия Никитина в формировании названного жанра и в развитии русской общественной мысли эпохи средневековья. Правда, очерк, посвященный жанру путешествий, представляет собою беглое обозрение, но необходимо учесть, что это было первое обращение польской науки к жанровому анализу путешествий, продолженному и углубленному Ф. Селицким при публикации дневников путешествия боярина Шереметьева.

В статье достаточно подробно освещаются представления об Индии, существовавшие в древности, отношения средневековой Руси с Востоком, излагаются необходимые сведения о Персии XV в. и об Индии времен пребывания там Афанасия Никитина. Ряд глав посвящен анализу публикуемого произведения, характеристике его автора как писателя, исследователя и человека.

Сравнение оригинала и польского перевода показывает, что последний сделан по Троицкому списку без обращения к спискам XVI в. (Эттеров список) и XVII в. (список Ундольского), хотя о них и сообщается во вступительной статье. Перевод полный и очень точный, выполнен непосредственно с древнерусского текста, а не с его переводов, сделаны многочисленные пояснения в примечаниях, касающиеся языка оригинала.

Конечно, на построение вступительной статьи и комментирование памятника оказало влияние советское научное издание «Хожения» 1948 г., осуществленное Б. Д. Грековым и В. П. Адриановой-Перетц (второе дополненное и переработанное издание вышло в 1958 г.). К сожалению, в отличие от польских изданий «Слова о полку Игореве» или «Повести временных лет» появление в Польше перевода «Хожения за три моря» пока не вызвало дальнейшего изучения этого памятника.

4

Опубликованные в польском переводе в 1975 г. дневники путешествия боярина Бориса Шереметьева 1697—1698 гг. ближе польскому читателю, чем «Хожение» Афанасия Никитина и другие памятники древнерусской литературы, так как одна из глав посвящена непосредственно Польше, которую автор посетил, направляясь в Австрию и Италию.¹³ Польская тема наиболее интересна и значительна именно в этом произведении, чем и обусловлен выбор книги для перевода.

Исследование, публикация и перевод памятника осуществлены профессором Вроцлавского университета Франтишеком Селицким, который в предисловии подчеркнул важность этой работы для изучения польско-русских связей: «Мы считаем, что она заинтересует широкий круг читателей, особенно исследователей русско-польских и русско-европейских контактов, политических, дипломатических, научных, языковых и общекультурных, интересными реалиями и новым, до тех пор не встречавшимся на Московской Руси отношением к „еретической“ Польше и Европе».¹⁴

¹² Ibid., p. XII.

¹³ F. Sieliński. Podróż bojarzyna Borysa Szeremietiewa przez Polskę i Austrię do Rzymu oraz na Maltę. 1697—1698. Z dziejów kontaktów kulturalnych Rusi Moskiewskiej z Polską i Zachodem. Wrocław—Warszawa—Kraków—Gdańsk, 1975. 343 s. (Polska Akademia Nauk. Zakład Narodowy im. Ossolińskich. Biblioteka).

¹⁴ Ibid., p. 7.

Фельдмаршал Б. П. Шереметьев (1652—1719), один из выдающихся сподвижников Петра I, принимал участие в формировании внешней политики России, в установлении дипломатических отношений с Польшей. Видную роль он играл в переговорах с австрийским и польским посольствами в 1685—1686 гг., прибывшими в Москву для заключения союза против турок, а также для ратификации договора в 1686 г. при дворе польского короля Яна Собеского.

В феврале 1697 г., почти сразу же после подписания антитурецкого пакта между Россией, Австрией и Венецией, за границу отправилось так называемое Великое посольство во главе с Францем Лефортом, в составе которого находился Петр I, а три месяца спустя с аналогичной миссией из Москвы выехал Б. П. Шереметьев. Задачей миссии, возглавлявшейся Б. П. Шереметьевым, как пишет Ф. Селицкий, было «знакомство с организацией морских вооруженных сил в европейских государствах, а также проведение переговоров с польским королем, австрийским императором, венецианским дожем, папой Римским и Великим магистром Мальтийского ордена о подготовке многостороннего союза против Турции».¹⁵

Неизвестный нам спутник Шереметьева, составлявший по его поручению дневники путешествия, начал вести их сразу же, едва миссия выехала из Москвы. Эти дневники представляют собой яркий факт общественно-политической и культурной жизни и сохраняют до настоящего времени значительное историческое значение, проливающее свет на многие обстоятельства дипломатической миссии Б. П. Шереметьева.

Исследование, сопровождающее публикацию перевода «Записок путешествия боярина Бориса Шереметьева», состоит из трех частей. Первая из них посвящена генеалогии рода бояр Шереметьевых, связанных родственными узами с родом Романовых. Изложив существующие генеалогические версии, Ф. Селицкий подробно останавливается на исследовании роли Шереметьевых в исторических событиях XVI в., а также восстанавливает — и довольно подробно — биографии крупнейших представителей этого рода: Федора Ивановича Шереметьева, члена Семибоярщины, участвовавшего в переговорах об избрании на русский престол польского королевича Владислава, и Василия Борисовича Шереметьева, также близко связанного с польскими делами по военной и дипломатической линиям.

Наибольший интерес представляет, конечно, центральная, вторая, глава исследования, посвященная фельдмаршалу Борису Петровичу Шереметьеву, его биографии, государственной, военной, дипломатической деятельности и его путешествию по Европе в 1696—1698 гг. Привлекая широкий круг источников, Ф. Селицкий с особым вниманием рассматривает те эпизоды деятельности Шереметьева, которые связаны с Польшей. В дневниках путешествия, публикуемых в польском переводе, для нас интересны прежде всего те страницы, которые заполнялись при переезде через Польшу по пути в Австрию, Италию и обратно. Записи эти в большинстве своем содержат очень лаконичные сведения о населенных пунктах, о расстоянии между ними, о дорогах, о бытовых условиях путешествия и, что самое главное, о многочисленных встречах, приемах и речах. Дневник путешествия Шереметьева сообщает читателю много географических, экономических и этнографических данных, связанных с Польшей и польским народом, а также с максимальной полнотой фиксирует все события, связанные с миссией Шереметьева. Особенно любопытны описания встреч с королем Августом в Кракове и тексты произнесенных при этом речей.

¹⁵ Ibid., p. 54.

В своем исследовании Ф. Селицкий последовательно рассматривает отраженные в дневнике факты, комментирует их и определяет роль и значение дневника как исторического документа. Самостоятельные главы второго раздела посвящены Австрии, Италии и Мальте и описанию обратного пути в Россию, также лежавшего через Польшу. Анализ дневника, данный Ф. Селицким, связывает многочисленные описанные в нем события в единую цепь, подчеркивая тем самым политическое значение миссии Шереметьева.

Исследование завершается обзором литературы русских путешествий, который, как отмечает исследователь, имеет свои особенности: внимание в нем обращено прежде всего «на отношение русских путешественников к осматриваемым ими христианским святыням, к католицизму, к этикету западных дворов», то есть акцентируются те мотивы, которые доминируют в «Записках путешествия Бориса Петровича Шереметьева». ¹⁶ Таким образом, главное внимание в этом разделе исследования Ф. Селицкого уделяется литературным памятникам, отражающим путешествия «ко святым местам» в Константинополь и Иерусалим, начиная с записок игумена Даниила (1106—1108) и кончая описанием путешествия полоцкого монаха Варсонофия в Иерусалим в 50—60-х гг. XV в. К этому же времени относятся и первые русские описания Западной Европы, важнейшее место среди которых занимает цикл записок о путешествии московского митрополита Исидора на Флорентийский собор в 1437—1440 гг.

Описания путешествий XVI в. представлены в исследовании Ф. Селицкого преимущественно «статейными списками», т. е. письменными отчетами послов, вернувшихся из-за рубежа. Такой принцип отбора материала привел к тому, что в обзор попали некоторые второстепенные записки, и в то же время в нем отсутствует ряд крупнейших памятников этого жанра (в том числе «Хождение» Афанасия Никитина), которые не относятся к области польско-русских отношений и не трактуют проблем католицизма. В XVII в. литература путешествий довольно многочисленна, но по-прежнему, как правило, она ограничивается дневниками посольств и экспедиций, направлявшихся за рубеж с дипломатическими или познавательными целями. Среди произведений этого жанра, современных дневнику Б. П. Шереметьева, Ф. Селицкий рассматривает описание путешествия стольника Петра Толстого, выехавшего из Москвы почти одновременно с Шереметьевым и подробно описавшего в записках свое пребывание в Польше.

Русская литература путешествий была очень обширна и отличалась высокими познавательными качествами, но в обзоре Ф. Селицкого она рассмотрена главным образом с точки зрения восприятия русскими авторами Запада и отношения их к католицизму, который долгое время «был препятствием в установлении дружеских контактов России и Польши», ¹⁷ хотя с середины XVII в. он стал играть в какой-то степени и положительную роль. По мнению Ф. Селицкого, он «привлекал к себе русских своими святынями, а также благотворительными и просветительскими функциями, дружески настраивая их к западной культуре», но русские путешественники конца XVII в. «не сумели в набожности и положительной деятельности западного костела увидеть его „темных пятен“». ¹⁸

Обзор литературы русских путешествий завершается характеристикой литературных особенностей дневника Шереметьева и определением его места в процессе развития данного жанра. Ф. Селицкий отмечает, что

¹⁶ Ibid., p. 121.

¹⁷ Ibid., p. 184.

¹⁸ Ibid., p. 185.

дневник Шереметьева «... принадлежит к обоим родам литературы путешествий: к дневникам посольств и к собственно литературе путешествий».¹⁹ Рассматривая состав и композицию дневника, исследователь высказывает предположение относительно личности спутника Шереметьева, которому было поручено ведение дневника, анализирует стиль, язык и отличительные особенности трех русских публикаций текста произведения. Перевод дневника осуществлен Ф. Селицким по первому изданию 1773 г., наиболее полному, содержащему многочисленные документы и речи, в последующих публикациях опущенные.

Перевод этого памятника на польский язык, конечно, представляет немалые трудности ввиду лаконичности записей и насыщенности текста географическими названиями, собственными именами и специфическими русскими выражениями. Однако переводчику, имеющему большой опыт в работе над памятниками древней русской литературы, удалось создать текст, передающий польскому читателю не только фактическое содержание дневника, но и колорит языка, которому временами присущ некоторый дух канцеляризма. Текст памятника передается полностью, включая и многочисленные содержащиеся в нем документы, что позволяет оценить работу Ф. Селицкого, кроме всего прочего, как несомненный вклад в изучение польско-русских отношений XVII в.

3

Вслед за «Словом о полку Игореве» самым известным и популярным памятником за рубежом, пожалуй, является «Житие» протопopa Аввакума: к нему всего чаще обращаются переводчики. Сочинения Аввакума — особенно его «Житие» — переведены на английский (1924, 1950), французский (1938, 1960), итальянский (1926), немецкий (1930, 1965), турецкий (1926), венгерский (1971) языки, в отрывках — на болгарский, шведский, японский. Однако в Польше ни «Житие», ни другие сочинения Аввакума до последнего времени не переводились и в научной литературе отражения почти не находили.

В послевоенные годы к изучению наследия Аввакума, его роли в развитии русской культуры и общественно-религиозного движения обратился профессор Ягеллонского университета в Кракове Виктор Якубовский. Еще в 1948 г. он выступил с краткой, но обобщающей характеристикой творчества Аввакума, представив его на фоне идейно-религиозных противоречий в России XVII в.²⁰ Затем последовали его работы: «Польские друзья протопopa Аввакума»²¹ и «Из истории русских старообрядческих колоний на Мазурах».²² Эти труды положили основу для более широкого изучения жизни, деятельности и литературно-публицистического наследия писателя, результаты которого напечатаны в 1972 г. при публикации первого польского перевода сочинений Аввакума, выполненного В. Якубовским,²³ и в специальной главе, посвященной старообрядческой

¹⁹ Ibid., p. 171.

²⁰ W. J a k u b o w s k i. Protopop Awwakum na tle walk udeoworeligijnych w Rosji XVII stulecia. — Sprawozdania z Czynności i Posiedzeń Polskiej Akademii Umiejętności, 1948, N 1, s. 7—11.

²¹ W. J a k u b o w s k i. Polskie przyjaciele protopopa Awwakuma. — Ruch Literacki, 1963, N 4, s. 183—192.

²² W. J a k u b o w s k i. Z historii kolonij staroobrzędowców rosyjskich na Mazurach. — Slavia orientalis, 1961, N 1, s. 81—103.

²³ Żywot protopopa Awwakuma przez niego samego nakreślony i wybór innych pism. Przełożył oraz wstęp. i kom. oratrz. W. Jakubowski. Wrocław—Warszawa—Kraków—Gdańsk, 1972. 358 s. (Komitet słowianoznawstwa PAN).

литературе и дважды (1970, 1976) напечатанной в двухтомном курсе по истории русской литературы.

Конечно, основным среди названных трудов В. Якубовского является перевод сочинений Аввакума с исследованием, его предваряющим. Это исследование, в своей центральной части посвященное жизненному пути Аввакума и анализу его наследия, ведется на фоне русского раскола, современного Аввакуму, и судеб раскола в позднейшие эпохи. Это позволяет польскому читателю более глубоко проникнуть в смысл анализируемых произведений писателя, «трагическая судьба которого отражает общественные противоречия России в переломный период ее истории, накануне перехода от средневековья к новым формам быта». ²⁴ По словам В. Якубовского, Аввакум был не только «вызывающим уважение героическим бойцом за совершенно чуждые нам сегодня идеи, но также пламенным защитником принципов справедливости, великим писателем, талантливым в самой высшей степени, великолепным стилистом». ²⁵

Опираясь на широкий круг источников, преимущественно русских, В. Якубовский раскрывает причины происхождения раскола, излагает принципиальные расхождения, вызвавшие это явление в русской жизни XVII в., воспроизводит ту историческую обстановку, в которой раскол зародился и в которой проходили первые этапы его развития, связанные с именем и деятельностью протопопа Аввакума. И надо сказать, что сущность раскола и состояние русской церкви в XVI—XVII вв. освещены В. Якубовским с глубоким знанием дела, как, впрочем, и биография Аввакума, в которой собраны и проанализированы мельчайшие детали, известные на сегодняшний день нашей науке.

Обращаясь к литературному наследию Аввакума, В. Якубовский обсуждает вопрос об автобиографичности его «Жития» и полемизирует с теми литературоведами, которые видят в произведениях Аввакума влияние барокко.

Для польского читателя особый интерес представляет глава о судьбах старообрядчества после сожжения Аввакума, поскольку в польской науке этот вопрос так подробно затрагивается В. Якубовским впервые.

К исследованию приложена библиография сочинений Аввакума, вышедших на русском языке, и работ о нем на русском и иностранных языках. К сожалению, в ней не учтены рецензии и отклики польских ученых, а также публицистические литературные произведения, связанные с именем Аввакума. Между тем рецензии наследия Аввакума в Польше следовало бы уделить внимание и в самом исследовании, так как этот вопрос еще никогда не рассматривался и изучение его было бы весьма плодотворно.

Выполненный В. Якубовским перевод «Жития» Аввакума — полный, сохраняющий особенности аввакумовского стиля. Однако конструкция текста у В. Якубовского несколько отличается от общепринятой в советских изданиях. Так, например, «Житие» начинается абзацем из редакции В, а так называемое «Предисловие» («По благословению отца моего старца Епифания бог простит и благословит. Аминь») отнесено в раздел вариантов, что вряд ли можно считать правильным, так как тем самым в окончательную редакцию вводится текст Епифания, а текст Аввакума рассматривается как вариантный. Разделение «Жития» на главы также произведено В. Якубовским без учета опыта советских изданий. Его разделение отличается большей дробностью, в связи с чем в текст вводится

²⁴ Ibid., p. 5.

²⁵ Ibid.

целый ряд новых редакторских заглавий (в советском издании 1960 г. «Житие» разделено на 8 глав, В. Якубовский выделил в этом произведении 19 главок).

Кроме «Жития», В. Якубовским были переведены отрывки из «Книги бесед», из «Книги толкований», «Книги обличений, или Евангелия вечного», а также ряд писем и челобитных — образцы литературно-публицистических работ Аввакума, раскрывающих разносторонний характер деятельности писателя.

Появление сочинений протопопа Аввакума в польском переводе открывает читателям Польши еще одну замечательную страницу русской истории и литературы и будет способствовать созданию у них более полного представления о культуре и литературном процессе русского средневековья.

В. К. ПЕТУХОВ

П. А. Ровинский как исследователь южнославянских литератур средневековья

П. А. Ровинский (1831—1916) обратился к славяноведению с первых шагов своей научной деятельности, в ту пору, когда оно еще было малоизвестной и малопопулярной областью филологии. Этот выбор он сделал еще будучи студентом Казанского университета под влиянием увлекательных лекций В. И. Григоровича. «Трудно было ожидать, чтобы при тогдашней скудности библиотечных средств было много охотников изучать „славянские наречия“, но охотники все-таки были: например, мое любопытство и любознательность в этом направлении встретились с такой же любознательностью моего старшего приятеля П. А. Ровинского», — вспоминает А. Н. Пыпин.¹ Однако жизненный и творческий путь Ровинского не был гладким, напротив, он изобилует неожиданными и драматическими поворотами. Закончив в 1852 г. курс обучения и получив место преподавателя Казанского университета, молодой и многообещающий ученый вдруг отказывается от занимаемой должности и осенью 1855 г. уезжает из Казани. Причина такого поступка крылась в революционной деятельности Ровинского, ставшего позднее одним из активных руководителей организации «Земля и воля».²

В последующие годы как корреспондент «Санкт-Петербургских ведомостей» Ровинский посещает Чехию, Австрию и Сербию. В 1870 г. ученый едет в Западную Сибирь и Монголию, куда его влечет, очевидно, не только чисто этнографический интерес, но и некоторые политические соображения. Именно в это время друзьями Ровинского готовится побег с каторги Чернышевского, близким знакомым и духовным единомышленником которого он был с начала 50-х гг.³ Так или иначе эта поездка дала ученому богатый материал для написания ярких этнографических работ.⁴ В 1874—1878 гг. Ровинский работает в совершенно неожиданной для него должности — директора колонии малолетних преступников под Петербургом.

Дальнейшая деятельность Ровинского теснейшим образом связана с Черногорией, куда он приезжает в 1879 г. и где с незначительными пере-

¹ А. Н. Пыпин. Мои заметки. М., 1910, с. 38.

² Л. Ф. Пантелеев. Воспоминания. М., 1958, с. 322, 324, 327—328, 557—559; Е. В. Михайлов. Письмо А. А. Слепцова П. А. Ровинскому от 3 (16) апреля 1950 г. — В кн.: Революционная ситуация в России в 1859—1861 гг. М., 1965, с. 426—431.

³ См.: В. К. Петухов. К биографии П. А. Ровинского. — В кн.: От «Слова о полку Игореве» до «Тихого Дона». Сборник статей к 90-летию Н. К. Пиксанова. Л., 1969, с. 358.

⁴ Изв. Сибирского отд. РГО, 1871, т. 2, вып. 4—5; 1872, т. 2, вып. 4—5; 1872, т. 3, вып. 3, и т. д.

рывами живет в течение почти тридцати лет. В это время исследователь работает над фундаментальным трудом под названием «Черногория в прошлом и настоящем» (т. I—III, 1888—1915), который ему, к сожалению, не удалось окончить и полностью опубликовать. Ряд фрагментов работы дошел до нас лишь в рукописном виде. Приблизительно в это же время, в конце XIX—начале XX в., появляются многочисленные статьи и заметки Ровинского о Черногории и южных славянах вообще.

Среди славяноведческих работ Ровинского несомненный интерес, безусловно, представляют его статьи о славянских литературах древнего периода. К сожалению, многие из его работ, например статьи по древнесербской литературе, опубликованы в труднодоступных изданиях и поэтому почти не встречаются в научном обороте.

Живой интерес к медиевистике пробудился у Ровинского уже в самом начале его научной деятельности. В одном из своих писем к А. Н. Пыпину (15 XII 1868) в период первого посещения Сербии Ровинский писал: «Кой-какой материал я оставил у себя — это разные сказания вроде житий святых и грешных, в которых я вижу зародыш светской повести. Если познакомлюсь побольше с этой литературой, то составлю, может быть, о ней этюд вроде характеристики сербской образованности в старое время, что, я думаю, будет небезынтересно, особенно если провести параллель между этой культурой и характером византийским и культурой других славян, развивавшихся под влиянием римско-германской культуры».⁵

Ровинский занимался также и разысканием рукописных памятников средневековья. В Черногории, веками отстаивавшей свою независимость от турок, венецианцев и других иноязычных захватчиков, мало что сохранилось из рукописного богатства, так как в ней, по образному выражению П. А. Ровинского, «шрифты из типографии были перелиты в пули, а много бумаг и пергаментов употреблено на приготовление патронов»; в одной из своих специальных статей ученый дает краткую характеристику сохранившихся материалов.⁶

В другой своей работе Ровинский обращается к теме богомилства и поднимает важную для своего времени проблему всестороннего изучения сектанства. «Как сектанты они (богомилы, — В. П.) теряют почти всякий интерес, потому что сливаются со всеми сектантами того времени. Но боснийские сектанты действовали на почве социальной и политической. Эта сторона, и по-моему самая главная в истории народа, совершенно упускается из виду исследователями». Далее Ровинский приводит два народных предания о богомилах и, опираясь на реальные факты исследования, дает описание ряда древнейших каменных памятников (не являвшихся римскими и не отмеченных знаками христианства), во множестве сохранившихся на сербских землях Балканского полуострова. Завершает он свое исследование словами: «Может быть. . . мне удастся собрать несколько преданий и фактов, которые дадут возможность составить себе понятие о бытовой стороне этой секты, о ее общественных отношениях и культурной роли более верное, чем какое дают о ней враждебные ей писатели-полемисты и целая литература отреченных книг».⁷

Определенную научную ценность представляют и мысли П. А. Ровинского по поводу первой в истории южнославянской письменности типографии. Деятельности этой типографии посвящена работа Ровинского,

⁵ РО ГПБ, ф. 621, № 722, л. 8.

⁶ П. А. Ровинский. О современном состоянии письменных памятников в Черногории. — ЖМНП, 1883, № 10, с. 56—65.

⁷ П. А. Ровинский. Материалы для истории богомилов в сербских землях. — ЖМНП, 1882, № 3, с. 32—51.

вышедшая отдельной брошюрой на сербском языке; ⁸ она посвящена изданной кириллицей книге «Октоих», четырехсотлетие которой отмечалось в 1893 г. большими торжествами в Черногории. На первой печатной книге стоит лишь год издания (1493) без указания места, и поскольку на изданной двумя годами позже Псалтыри было указано Цетинье, предполагалось, что обе книги печатались в Цетинье или Венеции. Однако Ровинский высказывал мнение, что местопребывание типографии в Цетинье не подтверждается «ни историей, ни народными преданиями». Легенды связывают типографию с Ободом, расположенным неподалеку от Цетинье; так даже были обнаружены следы здания, которое, по преданию, считается развалинами типографии. В конце XIX в. на этом месте располагалась школа, существовавшая уже около половины столетия; ее ученики и учителя М. Джурича и Ст. Чутурича не раз находили на территории школы старинные типографские шрифты. Сам Ровинский, занимавшийся раскопками на месте предполагаемого нахождения типографии, натолкнулся на следы старинной кладки. Принимая во внимание все эти находки и народные поверья о месте пребывания типографии, а также отсутствие таковых доказательств в пользу Цетинье или какого-либо иного города, Ровинский высказал предположение, что типография находилась именно здесь, в Ободе. Цетинье же было указано в качестве места, где издавались книги только потому, что это была столица и там находился царствующий дом. (Такой обычай перенесения места печатания был принят и в других изданиях). Подвергнув сомнению то, что Цетинье было местом появления первой печатной книги, и выдвинув достаточно аргументированный довод в пользу Обода (ныне Река-Черноевича), Ровинский сделал также предположение о возможности более раннего появления кирилловских печатных книг в Ободе или Венеции.

Продолжая активно заниматься поиском и изучением рукописных материалов, русский ученый ввел в научный оборот южнославянскую версию «Повести о Скандербеге». В библиотеке при Цетинской митрополии Ровинский была обнаружена рукопись объемом в 81 полулист, отнесенная им к середине XVIII в. Исследователь дал палеографическую характеристику найденного сборника, в котором в числе прочих материалов имела «Повесть о Скандербегу Черноевичу во святом крещении нареченном Георгию». Спустя несколько лет Ровинский снова обращается к «Повести», привлекая к изучению новый ее список второй половины XVII столетия, находящийся в Публичной библиотеке и приобретенный на Афоне, и высказывает соображение, что основой для этого произведения послужили извлечения из книги Барлетия. Новый список «Повести» отличается от предыдущего «сербским языком, вполне народным, богатым оригинальными формами и конструкциями, а также и в лексическом отношении, но в нем недостает множества листов (около половины). Цетинский же экземпляр в этом отношении имеет преимущества, потому что полный». ⁹ Чуткий текстолог, Ровинский считает, что при публикации в основу следует положить список Публичной библиотеки, а цетинским пополнить недостающие места и поместить имеющиеся варианты. При этом он указывает на возможность участия в сербской версии материалов, основанных на народных преданиях: «. . . песни о Скандербеге можно и теперь услышать в Черногории». ¹⁰

⁸ П. А. Ровинский. Ободска штампарија на Риједи Црнојевића у Црној Гори. Цетинье, 1893.

⁹ П. А. Ровинский. Предисловие к публикации «Записки Венецианскому сенату о заслугах черногорцев». СПб., 1882, с. I—VIII (ПДП).

¹⁰ П. А. Ровинский. Черногория в ее прошлом и настоящем, т. I. СПб., 1888, с. 410—415, 704—708.

П. А. Ровинский занимался также изучением сербских хронографов и хроник, и здесь наиболее интересна его работа, относящаяся к хронографу М. Милорадовича, найденному им в монастыре св. Луки в Черногории. Ученый дает подробное описание сборника и приводит записи, которые доказывают, что Хронограф был переписан в 1715 г. в Москве в доме Михаила Милорадовича, а в Черногорию доставлен в 1735 г. На основании подробного анализа рукописи и существовавшей в это время литературы вопроса исследователь возводит список к редакции Хронографа 1512 г., дополненной рядом статей, в частности — о Полтавской битве.¹¹

П. А. Ровинскому принадлежит, по нашему мнению, основополагающее для его времени и не потерявшее значения до сего дня исследование «Летописи попа Дуклянина», или «Барской летописи», бывшей «систематическим изложением истории сербо-хорватского народа со времени поселения его на Балканском полуострове и до середины XII века».¹² Это сочинение анонимного автора, безусловно славянина, дошло до нашего времени в латинском переводе XIV в. С начала XVI в. оно привлекает внимание различных исследователей и ученых. И до сего времени первые страницы истории Сербии пишутся на основе сведений, почерпнутых из «Барской летописи». Однако из-за ряда ошибок и путаницы в изложении уже известных фактов и событий памятник считается малоинтересным. Касаясь этого вопроса, Ровинский справедливо отмечает, что «все исследователи и критики рассматривают его (этот памятник, — В. П.), не принимая во внимание того, что у них в руках перевод, а не оригинал, и не задаваясь вопросом, вполне ли этот перевод отвечает оригиналу». Ученый стремится провести исследование текста таким образом, чтобы выделить все привнесенное переводчиком и переписчиком, и лишь после этого переходит к рассмотрению самого содержания памятника, который он относит к значительным явлениям литературы XII в.

Это исследование было последним трудом Ровинского, опубликованным спустя несколько недель после его кончины. Над ним он работал последние дни своей жизни, о чем свидетельствуют следующие мужественные и деловитые, несмотря на трагическую минуту, строки письма к А. А. Шахматову (20 XI 1915): «Сделанный мною перевод (сербской хроники) из гранок на сверстанные листы устраняет необходимость в чтении рукописи, поэтому считаю возможным произвести дальнейшую корректуру кому-либо другому. Могут, однако, встретиться недоумения, с которыми прошу обратиться ко мне, и я их исполню, так как для мелких исправлений не потерял еще способность».¹³ Приведенные слова приобретают особое звучание, если знать, что в том же письме П. А. Ровинский просит А. А. Шахматова подписать его завещание в качестве свидетеля.

Упоминанием этой последней работы П. А. Ровинского, явившейся как бы итогом изучения им славянского средневековья, мы заканчиваем краткий и далеко не полный обзор деятельности выдающегося русского ученого-славяноведа.

¹¹ П. Р о в и н с к и. Рукописни сборник Михаила Милорадовића.— Летопис Матице српске, 1895, књ. 181, с. 40—67; књ. 182, с. 75—87; књ. 3, с. 110—118.

¹² П. А. Р о в и н с к и й. Сербская хроника в латинском переводе второй половины XII столетия.— Изв. ОРЯС, 1916, кн. IV, с. 1—68.

¹³ Архив АН СССР, ЛО, ф. 134, оп. 3, № 1286, л. 90.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- ААЭ — Акты, собранные. . . Археографической экспедицией.
 АИ — Акты исторические.
 АН СССР — Академия наук СССР.
 АСЭИ — Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси конца XIV—начала XVI в.
 АФЗиХ — Акты феодального землевладения и хозяйства.
 БАН — Библиотека Академии наук СССР (Ленинград).
 Брике — С. М. Briquet. Les filigranes. Paris, 1907.
 ВЛ — Вопросы литературы.
 ВМЧ — Великие Минеи Четии, изд. Археографической комиссии.
 ВОИДР — Временник Общества истории и древностей российских при Московском университете.
 ГБЛ — Государственная библиотека СССР им. В. И. Ленина (Москва).
 ГВЛ — Галицко-Волынская летопись.
 ГИМ — Государственный Исторический музей (Москва).
 ГЛИМ — Государственный Литературный музей (Москва).
 ГПБ — Государственная Публичная библиотека им. М. Е. Салтыкова-Щедрина (Ленинград).
 ГПБУ — Государственная Публичная библиотека Украинской ССР.
 ГРМ — Государственный Русский музей (Ленинград).
 ДАИ — Дополнения к актам историческим.
 ЖМНО — Журнал Министерства народного образования.
 ЖМНП — Журнал Министерства народного просвещения.
 ИА — Исторический архив.
 ИЗ — Исторические записки.
 ИМЛИ — Институт мировой литературы им. А. М. Горького Академии наук СССР (Москва).
 ИОЛЯ — Известия Отделения литературы и языка Академии наук СССР.
 ИОРЯС — Известия Отделения русского языка и словесности Академии наук СССР.
 ИпоРЯС — Известия по русскому языку и словесности Академии наук СССР.
 ИРЛИ — Институт русской литературы (Пушкинский Дом) Академии наук СССР (Ленинград).
 Клепиков, Филигр. и штемп. — С. А. Клепиков. Филиграни и штемпели на бумаге русского и иностранного производства XVII—XX вв. М., 1959.
 КСИИМК — Краткие сообщения и доклады Института истории материальной культуры Академии наук СССР.
 ГУ — Ленинградский государственный университет им. А. А. Жданова.
 ЛЗАК — Летопись занятий Археографической комиссии.
 Лихачев, Бум. мельн. — Н. П. Лихачев. Бумага и древнейшие бумажные мельницы в Московском государстве. СПб., 1891.
 Лихачев, Вод. зн. — Н. П. Лихачев. Палеографическое значение бумажных водяных знаков. СПб., 1899.
 ЛОИИ — Ленинградское отделение Института истории Академии наук СССР.
 МДА — Московская духовная академия.
 Н1Л, Н2Л, Н3Л, Н4Л, Н5Л — Новгородские первая, вторая, третья, четвертая и пятая летописи.
 ОИДР — Общество истории и древностей российских.
 ОЛДП — Общество любителей древней письменности.
 ОЛЯ — Отделение литературы и языка Академии наук СССР.
 ПВЛ — Повесть временных лет.

ПДП	— Памятники древней письменности.
ПДПИ	— Памятники древней письменности и искусства.
ППС	— Православный Палестинский сборник.
П1Л, П2Л, П3Л	— Псковская первая, вторая и третья летописи.
ПСРЛ	— Полное собрание русских летописей.
РИБ	— Русская историческая библиотека.
РЛ	— Русская литература.
СГГД	— Собрание государственных грамот и договоров.
СОРЯС	— Сборник Отделения русского языка и словесности Академии наук.
СПб. ДА	— Санктпетербургская духовная академия.
С1Л, С2Л	— Софийская первая и вторая летописи.
Срезневский, Материалы	— И. И. Срезневский. Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам. СПб., 1893—1912.
ТОДРЛ	— Труды Отдела древнерусской литературы Института русской литературы (Пушкинский Дом) Академии наук СССР.
Тромонин	— К. Тромонин. Изъяснение знаков, видимых на писчей бумаге. . . М., 1844.
ЦГАДА	— Центральный государственный архив древних актов СССР (Москва).
ЦГАЛИ	— Центральный государственный архив литературы и искусства (Москва).
ЦГИА	— Центральный государственный исторический архив (Ленинград).
ЧОИДР	— Чтения в Обществе истории и древностей российских при Московском университете.
ЧОЛДП	— Чтения в Московском обществе любителей духовного просвещения.
PG	— J.-P. Migne. Patrologia Graeca.

ПОПРАВКА

По вине типографии в мою книгу «Слово о полку Игореве» и культура его времени» (Ленинградское отделение издательства «Художественная литература». Л., 1978) на стр. 287 допущена крайне досадная опечатка — вместо строки 22 вставлена строка 16 (повторно), в результате чего изменен смысл фразы. Строку 22 следует читать так:

«текст списка С и текст списка Кб»

Д. С. Лихачев

СО Д Е Р Ж А Н И Е

ИССЛЕДОВАНИЯ

<i>О. В. Теорогов</i> (Ленинград). Античные мифы в древнерусской литературе XI—XVI вв.	3
<i>Г. М. Прохоров</i> (Ленинград). Сочинения Давида Дисипата в древнерусской литературе	32
<i>Н. А. Казакова</i> (Ленинград). «Исхождение» Авраамия Суздальского. (Списки и редакции)	55
<i>Д. М. Буланин</i> (Ленинград). Источники античных реминисценций в сочинениях Максима Грека	67
<i>А. Т. Пашков</i> (Свердловск). Максим Грек и идеологическая борьба в России во второй половине XVII—начале XVIII в. (Подделка и ее разоблачение)	80
<i>Д. К. Уо</i> (Сиэтл, США). «Одоление на Турское царство» — памятник антитурецкой публицистики XVII в.	88
<i>О. А. Белоброва</i> (Ленинград). География в виде колоды карт. (Из переводческой деятельности в Москве Николая Спафария)	108
<i>Д. Н. Брецинский</i> (Вест-Лафайет, США). Житие Корнелия Выговского как литературный памятник и его литературные связи на Выгу	127
<i>Л. М. Мордухович</i> (Москва). Юрий Крижанич о «рабстве»	142
<i>Н. В. Понырко</i> (Ленинград). Сочинение старца Леонтия и школа протопопа Аввакума	156
<i>Е. К. Ромодановская</i> (Новосибирск). Западные сборники и оригинальная русская повесть. (К вопросу о русификации заимствованных сюжетов в литературе XVII—начала XVIII в.).	164
<i>И. П. Смирнов</i> (Ленинград). Эпическая метонимия	175

ПОЛЕМИКА

<i>Я. С. Лурье</i> (Ленинград). О возникновении и складывании в сборники переписки Ивана Грозного с Курбским	204
<i>Р. Г. Скрынников</i> (Ленинград). О заголовке Первого послания Ивана IV Курбскому и характере их переписки	219

МАТЕРИАЛЫ И СООБЩЕНИЯ

<i>Т. Ф. Волкова</i> (Сыктывкар). Художественная структура и функции образа беса в Киево-Печерском патерике	228
<i>Б. И. Кузнецов</i> (Ленинград). Повесть о Варлааме и Иоасафе. (К вопросу о происхождении)	238
<i>И. Н. Лебедева</i> (Ленинград). О древнерусском переводе Повести о Варлааме и Иоасафе	246
<i>Г. М. Прохоров</i> (Ленинград). Филофей Коккин о пленении и освобождении гераклеотов	253
<i>В. И. Охотникова</i> (Йошкар-Ола). Повесть о псковском князе Довмонте. (К вопросу об источниках и авторе Распространенной редакции)	261
<i>М. А. Салмина</i> (Ленинград). Хроника Константина Манассии [как источник Русского хронографа]	279
<i>Е. И. Ванеева</i> (Ленинград). Киевский список Александрии XVI в.	288
<i>В. Ф. Покровская</i> (Ленинград). Описание монастырской трапезы (по рукописи конца XVI в.)	293
<i>К. С. Осипова</i> (Харьков). «История о великом князе Московском» Андрея Курбского в Голлицынском сборнике	296
<i>А. М. Панченко</i> (Ленинград). «Златое иго супружества» и его источник	308
<i>А. И. Мазунин</i> (Ленинабад). Возможный автор Повести о боярыне Морозовой	338

<i>Л. В. Титова</i> (Новосибирск). Неизданная редакция «Повести о рождении и похождениях царя Соломона»	343
<i>Н. С. Демкова, Н. М. Герасимова</i> (Ленинград). Русская обработка сюжета о состязании мельника с царем	364
<i>Г. Н. Моисеева</i> (Ленинград). Из истории «Изборника» 1076 г.	369
<i>Р. Майер</i> (Будапешт, ВНР). О древнейшем венгерском переводе отрывка из «Повести временных лет»	376
<i>О. Ф. Коновалова</i> (Ленинград). «Написание о царях московских» И. М. Катырева-Ростовского в переложении М. А. Волошина	380
<i>С. В. Полякова</i> (Ленинград). «Комедия на Рождество Христово» Димитрия Ростовского — источник «Пастухов» Н. А. Заболоцкого	385
<i>А. М. Грачева</i> (Ленинград). Повесть А. М. Ремизова «Савва Грудцын» и ее древнерусский прототип	388

ПО РУКОПИСНЫМ СОБРАНИЯМ

<i>В. П. Бударазин</i> (Ленинград). Северодвинская рукописная традиция и ее предшественники. (По материалам Древлехранилища Пушкинского Дома)	401
<i>О. А. Белоброва</i> (Ленинград). К истории библиотеки патриарха Адриана	406
<i>Г. В. Маркелов</i> (Ленинград). Древнерусские рукописи из Эстонского Причудья	415
<i>Н. В. Поньрко</i> (Ленинград). Археографическая командировка в Гомель	420
<i>Д. М. Буланин</i> (Ленинград). Археографическая экспедиция на Северную Двину	422
<i>Н. Ф. Дробленкова</i> (Ленинград), <i>Т. С. Троицкая</i> (Новосибирск). 10 лет археографической работы в Сибири	425

ЗАМЕТКИ И БИБЛИОГРАФИЯ

<i>Д. М. Буланин</i> (Ленинград). Об одном из источников сочинений Максима Грека	432
<i>Г. Н. Моисеева</i> (Ленинград). «Казанская история» из библиотеки М. В. Ломоносова	434
<i>Я. Г. Солодкин</i> (Курск). По поводу «Истории о разорении Русском» Иова — Иосифа. (Заметки о летописании)	437
<i>Н. С. Демкова</i> (Ленинград). Неучтенный экземпляр первого издания «Слова о полку Игореве»	441
<i>В. Н. Баскаков</i> (Ленинград). Памятники русской средневековой литературы в польских переводах и исследованиях	444
<i>В. К. Петухов</i> (Ленинград). П. А. Ровинский как исследователь южнославянских литератур средневековья	456
Список сокращений	460